

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Columbia University
in the City of New York

THE LIBRARIES

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

1863

А П Р Ъ Л Ъ

(ГОДЪ ТРЕТІЙ)

СОДЕРЖАНІЕ

I. Захолустье. Повесть К. Бабикова.	5
II. Въ льсной глуши. Народныя сцены. Н. Полетаева.	82
III. Отъ Петербурга до Екатеринослава. III. Столкновеіе съ откупомъ. — Заготовленіе хлѣба. — Берега Днѣпра. — Каневъ. — Пугало сепаратизма. — Деревни и села. — Черкасы. — Кременчугъ. — Камни. — Екатеринославъ. — Общественная жизнь, общественные интересы, общественное мнѣніе. — Ярманка, театръ, скачки. — Литературный вечеръ. — Окрестности Екатеринослава. — Степь. — Саранча. — Колоніи. — Инспекторскіе смотры въ нашей арміи. — Опросъ претензій. — Готовящіяся преобразованія по этой части. — Днѣпровскіе пороги. — Лоцмана. — Старый казачій ходъ. — Новый ходъ каналами. — Камни. — Ненасытець. П. А. Бибикова.	98
IV. Руфъ. Романъ мистриссъ Гескель, автора романа «Мери Бартонъ» (съ англійскаго). Часть первая.	142
V. Хуанъ (изъ драматическихъ сценъ Барри Корнволя); Мих. Илецкаго.	249
VI. Цыганкѣ. Стих. В. В. Крестовскаго.	262
VII. Бѣдныя жильцы (физиологическій очеркъ). — Высокая любовь. Повесть Петра Горскаго.	263
VIII. Слезы. Стих. В. В. Крестовскаго.	295
IX. Сквозь назаръ съча урюмо блещетъ... Стих. Людора Пальмина.	296

СМ. НА ОБОРОТѢ

ПЕТЕРБУРГЪ

1863 .

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

I. ЕЩЕ СТАТЬЯ О НОВОЙ КНИГѢ. (Сѣверно-русскія народоправства во времена удѣльно-вѣчеваго уклада; соч. Николая Костомарова. Спб. 1863. Два тома). Статья — Мъ —	1
II. ТЕРИТОРІАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ СИСТЕМА (статья вторая). П. А. Бибикова.	46
III. НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ ИЗЪ ИСТОРИИ ПОСЛѢПЕТРОВСКАГО ВРЕМЕНИ, по поводу книги г. Пекарскаго -Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи. Спб. 1862. Статья М. Родевича.	63
IV. НАШИ БУДУЩІЕ ПРИСЯЖНЫЕ. Статья П. Ткачева.	103
V. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Преступленія и наказанія (эскизы изъ исторіи уголовного права). — Les crimes et les peines dans l'antiquité et dans les temps modernes, étude historique par M. Jules Loiseleur. Paris 1863. — English convicts. The Westminster Review 1863. January. — Causes célèbres. — Système Pénitentiaire par Gustave de Beaumont et A. de Tocqueville. — Dei delitti et delle pene, per Beccaria. (статья вторая). В. Попова.	121.
VI. РОКОВОЙ ВОПРОСЪ. (Замѣтка по поводу польскаго вопроса) Русскаго.	152
VII. НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА. (Современныя замѣтки). Высочайшій манифестъ о прощеніи возмущившихся поляковъ. — Проектъ положенія о народныхъ училищахъ. — Заграничныя рабочіе, привозимыя въ Россію. — Способы пользованія помѣщичьими землями. — Обращеніе г. Каткова на путь покровительственной системы народнаго хозяйства. — Акцизный откупъ на добываніе и продажу соли. — Значеніе налоговъ. — Измѣненія въ системѣ наказаній. — Всеподданнѣйшіе адреса различныхъ губерній и сословій. — Уясненіе отношеній между крестьянами и помѣщиками въ западныхъ губерніяхъ. — Приступъ г. Костомарова къ дѣлу народнаго образованія въ южной Руси. — Южно-русская желѣзная дорога. — Мелочи нашихъ домашнихъ дѣлъ.	164
VIII. ПОЛИТИКА. Общее положеніе. Мелкія дѣла, стоящія внѣ вопроса о польскомъ возстаніи. — Сущность европейскаго участія въ дѣлахъ повстанцевъ. — Чего домогается каждая изъ принимающихъ участіе державъ. — Дешети къ князю Горчакову. — Ответы князя Горчакова. — Надежды.	210
IX. НАШИ ГЛАВНЫЕ СПОРНЫЕ ПУНКТЫ (статья первая). П. П. Сокальскаго.	221

ВРЕМЯ

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

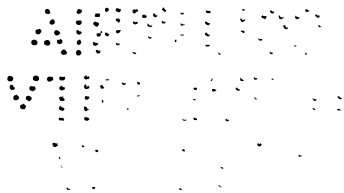
ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ М. ДОСТОЕВСКАГО

№ 4. АПРѢЛЬ

ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАНА
1863

057
V957
1863
A1?

Дозволено ценсурю. С. Петербургъ, 10 апрѣля 1863 года.

ЗАХОЛУСТЬЕ

НОВѢСТЬ

I

Я былъ въ лѣсу.

Лѣтній вечеръ былъ тихъ и прохладенъ; солнце медленно скрывалось за далекимъ лѣсомъ; надъ похолодѣвшею рѣкою нависли безъ движенія сѣтчатые своды деревь заповѣднаго лѣса. Только середина ея сверкала переливчатыми золотыми струями, а въ тихихъ заводяхъ стояла непроглядная темь. Но вотъ круто повернула рѣка вправо — и все ея широкое русло залилось ослѣпительнымъ блескомъ, а налѣво чернѣлъ лѣсъ. Съ невольнымъ страхомъ вступилъ я въ его чащу. Тихо было въ ней; лишь порою рыба всплескивала уснувшую воду или лягушка прыгала съ берега въ рѣку, и этотъ плескъ отрывисто и рѣзко раздавался среди пугливо-чуткаго лѣса. Какіе-то таинственные, непонятные звуки долетали ко мнѣ издали, и наконецъ я ясно могъ слышать, что кто-то пѣлъ въ лѣсу.

Я шолъ.

И вотъ будто чья-то волшебная рука раздвинула сосны и проложила широкую дорогу. Размахнулась эта богатырская рука и стала поляна, которую отъ недобраго глаза, отъ лихого человѣка сторожили великаны-сосны, крѣпко сцѣпившись вѣтвями. На этой глади, облитая теплымъ розовымъ свѣтомъ, лежала на травѣ молодая жепщина въ бѣлой одеждѣ. Лица ея я не могъ рассмотреть, но видѣлъ какъ ея бѣлокурые волосы рассыпались по травѣ и какъ серебристыми блестками сияли на нихъ еще невысохшія капли воды. Медленно припод-

нялась она съ травы и осмотрѣлась кругомъ . будто желая убѣдиться не скрывался ли кто за деревьями, но деревья были такъ часты, что она не могла меня видѣть.

— Милая барышня! домой пора. — сыро становится; баринъ и не вѣсть что подумаетъ, да и мнѣ достанется: скажетъ купаться ушли, а до поздней ночи домой не приходите. Знаете какъ онъ! проговорила другая дѣвушка, которой я было и не замѣтилъ сначала.

— Погоди немного... немного побудемъ еще... Очень ужъ хорошо здѣсь! медленно отвѣтила дѣвушка съ бѣлокурыми волосами, необыкновенно пѣвучимъ голосомъ.

— Ужъ пожалуста пойдете, Ольга Марковна. Страшно! Ишь темъ-то какал! отвѣтила дрожащимъ голосомъ другая дѣвушка.

Та, которую звали Ольгой Марковной, тихо размѣялась.

— Ахъ, какая же ты, Дуняша, трусиха! протянула она. — Ты взгляни какія славныя деревья кругомъ. Высокія, вѣтвистыя!.. А воиъ и звѣзды ужъ загорѣлись...

Въ это время я сдѣлалъ неосторожный шагъ, и у меня подъ ногой хруснула сухая вѣтка. Одна изъ дѣвухекъ пугливо оглянулась.

— Слышали барышня? ужъ иѣтъ ли кого здѣсь! Мало ли что про лѣсъ-отъ говорятъ!..

— Какже, есть... послушался лукавый и вмѣстѣ съ тѣмъ робкій отвѣтъ. — А что, Дуняша, хотѣла бы ты его видѣть?

— Кого это?

— Лѣшаго.

— Что вы, Ольга Марковна, какія вы страсти говорите! Господи ты боже-мой! Ну какъ онъ да взаправду придетъ!..

— Хорошо бы это было! мнѣ очень хочется увидеть хоть разъ. Правда, Дуняша, что онъ выше самыхъ высокихъ деревьевъ, и когда идетъ, то всѣ деревья къ земли преклоняются? правда это?

— Ольга Марковна, я убѣгу! слышался полный суевѣрнаго страха отвѣтъ.

— Говорятъ, этотъ лѣсъ заколдованъ... Помнишь какія страшныя исторіи нѣя о немъ рассказывала? Чтѣ если да волшебникъ!.. по эта мысль осталась педоконченною: словно говорившая сама испугалась своихъ словъ, будто сама она вѣрила

въ возможность появленіи злого волшебника, или того, предѣтъ клонятся къ земѣ деревья. Вслѣдъ за этими словами послышались торопливые шаги. — Постой, постой Дуняша! куда ты? Еще мнунточку!..

— Я, барышня, съ вами никогда больше не пойду! со страху умрешь!

Но шаги остановились.

— А на мельницѣ не страшно?

И смѣхъ, рѣзвый и серебристый, гулко несся по лѣсу.

— Вотъ вы, Ольга Марковна, какія! Насмѣшницы вы! Ничего теперь говорить вамъ не стану.

— Нѣтъ, Дуняша, я право не насмѣшница!.. это я такъ... ты прости!..

— Ахъ, полноте, Ольга Марковна! Что вы! стыдливо отвѣтила Дуняша.

Онѣ замолчали.

— Давно ты на мельницѣ была? спрашивала Ольга Марковна.

— Вчерась была.

— И онъ былъ?

— Былъ.

— Дуняша, ты очень его любишь? послѣ небольшого молчанія снова спросила Ольга Марковна.

— Ахъ, ужь какъ я люблю его, барышня, — и сказать невозможно! И сама не понимаю что это такое со мной дѣлается.

— А женится онъ на тебѣ?

— Не знаю. Да нѣтъ, гдѣ ему на мнѣ жениться! печально отвѣтила Дуняша, и замолчала, будто голосъ ея самъ собою оборвался.

— Какъ же это? Если онъ разлюбитъ тебя?

— Я ужь и не знаю что тогда со мной будетъ. Какъ мимо рѣки-то хожу, то не доброе въ умъ приходитъ.

— Зачѣмъ же ты полюбила его?

— Не знаю, милая барышня. Ровно околдовалъ онъ меня. Я какъ въ первый разъ его увидала, то задрожала вся, и въ глазахъ туманъ какой-то сдѣлался... закружилось, закружилось все.. а какъ подошелъ ко мнѣ, такъ огнемъ меня и охватил. Онъ меня спрашиваетъ, а я слова не могу сказать.

— А потомъ?

Опять все вокруг замолкло на нѣсколько мгновеній. Лѣсъ становился все темнѣе и темнѣе, и на темномъ фонѣ его частыхъ кустовъ и деревьевъ все туманинѣе рисовались двѣ фигуры.

— Ты потомъ гдѣ его видѣла?

— На мельницѣ. Онъ говоритъ: приходи! я и пошла. И какъ шла я не помню: словно велъ кто меня, а не сама я шла. Ахъ, барышня! что это такое со мной тогда дѣлалось, я и сказать не умѣю. Какъ увидала его, такъ и окаменѣла. Таковото крѣпко онъ меня обнялъ, — люблю, говоритъ; а самъ цѣлуетъ, всю меня цѣлуетъ... Стыдно мнѣ, а сама вся дрожу — такъ вотъ и дрожу... Гляжу на него, а у него глаза-то ровно звѣзды свѣтятся; такой-то хорошій онъ! Ну и не могла я съ сердцемъ своимъ совладать. Обняла его да такъ и замерла, ровно боялась, что уйдетъ онъ отъ меня. А ужъ какія рѣчи говорилъ онъ мнѣ, я такихъ рѣчей отродясь не слыхивала!.. рассказывала дѣвушка, забывъ свой недавній ужасъ, вся полная воспоминанія о той минутѣ, когда не могла она съ сердцемъ своимъ совладать...

— Дуняша, какъ же онъ обнималъ тебя? стыдливо прозвучалъ вопросъ.

— Крѣпко! вотъ какъ крѣпко!.. Духъ у меня захватило! — И до меня донеслись звуки быстрыхъ поцѣлуевъ.

— Оставь, оставь! испуганно-суровымъ голосомъ произнесла дѣвушка въ бѣломъ платьѣ. — Нѣтъ, не говори... не надо... продолжала она. Ты, Дуняша, никогда не говори, никогда! Ахъ, что это со мной... Сердце-то какъ бьется.

Не отдавая себѣ отчета въ томъ что я дѣлаю, подъ вліяніемъ какого-то томительно-жгучаго, лихорадочнаго чувства я бросился впередъ; обвили мои руки чей-то гибкій станъ, и на устахъ моихъ зажегся чей-то быстрый поцѣлуй. Слабый крикъ, полный испуга, прошея по лѣсу — и булто сонъ скрылись дѣвушки во мракѣ таинственнаго лѣса.

Возвратясь домой я долго не могъ заснуть; меня тревожило раскаяніе, и краска стыда заливала мои щоки.

II

Было тихо и дождевымъ запахомъ полноъ былъ воздухъ. Я сидѣлъ на терасѣ, выходящей въ садъ. Сизая, низко-висѣвшая

надъ землею туча показалась изъ-за деревь, которыя, будто предчувствуя сбиравшуюся грозу, стояли съ недвижными листьями. Быстро неслась туча; крупныя капли дождя забарабанили по кровлѣ, и вдругъ пролилъ такой ливень, что я поневолѣ долженъ былъ уйти съ терасы.

— Дома баринъ? загремѣлъ густой и сиплый голосъ, и вслѣдъ за этими словами въ комнату ввалился господинъ, сразу поразившій меня необычайными размѣрами. — Дьявольская погода! пробасилъ онъ, отряхиваясь какъ только-что вышедшій изъ воды пудель и тяжело дыша своею богатырскою широкою грудью. Рекомендуюсь, продолжалъ онъ басить: — здѣшній помѣщикъ, Петръ Николаевъ Раскатаевъ! Съ Денисомъ въ гусарахъ служилъ! Да! Слыхали о немъ?

— Вы вѣроятно говорите о Давыдовѣ?

— Да! Молодецъ былъ, — собачій сынъ! Голосина здоровенный! А главное насчетъ амурныхъ походовъ былъ дока! басилъ Раскатаевъ, и такъ стиснулъ мою руку, что я едва не вскрикнулъ отъ боли; потомъ онъ окинулъ меня съ головы до ногъ какимъ-то презрительнымъ взглядомъ.

— А вы не тово! замѣтилъ онъ послѣ осмотра, больше для самого себя и какъ-будто въ скобкахъ, придавая слову «тово» какое-то символическое значеніе, и въ тоже время намекала на внутренній смыслъ этого слова величавымъ движеніемъ своей руки.

На самомъ дѣлѣ передъ этимъ великаномъ, который пожалуй не хуже Ильи Муромца вытянулъ бы чару зелена-вина въ полтора ведра, я казался карликомъ. По росту и дородству онъ могъ бы поспорить съ любымъ богатыремъ, да и сила-то его, какъ сказала она рукопожатьемъ, была не изъ дюжинныхъ. Волосы у него на головѣ были густыя, торчавшіе какъ щетина, не сѣдого, а сѣраго цвѣта, и начинавшіе расти чуть не съ бровей. Въ его лицѣ прежде всего поражали усы, длины непомерной, да сизый и тоже весьма почтенной величины носъ. Больше же ничего поразительнаго не было въ его лицѣ: оно все ожирѣло и обрюзгло, какъ весь онъ ожирѣлъ и обрюзгъ и обратился въ какую-то громаду костей и мяса. Но было въ немъ что-то намекавшее на прежде бывшаго гусара.

— Дрянь сталъ народъ! мелочь! проговорилъ онъ и остановился, какъ-будто ожидая, что я отычю, и если осмѣлюсь воз-

разить, то намѣреваясь осадить меня на первыхъ же порахъ. — Вотъ я вамъ про вашего батюшку скажу: какой былъ человекъ! Во мнѣ двѣнадцать, ну а онъ вершка на полтора былъ повыше! И сила была! Ну! Разъ онъ неосторожно деньщика по мордасамъ свистнулъ, — такъ салазки на сторону и своротилъ. «Давай, говоритъ, поправлю...» Бацъ — только, знаете, эдакъ, кракъ — и опять на мѣсто стали! Какъ вы находите? Я пробовалъ, — не могъ. Челюсти повредишь, а нѣтъ: не то!

— Вы знали моего отца?

— Вы за кого меня принимаете?

— Я такъ; извините. Отецъ мой тоже въ гусарахъ служилъ, несмыло замѣтилъ я.

— Чтоже вы мнѣ рассказываете! Мы съ вашимъ отцомъ вмѣстѣ жиловъ собаками травлили! И бестіи же, я вамъ скажу, эти жиды! Вы въ Польшѣ бывали?

— Нѣтъ.

— Эге! Да вы стало-быть нигдѣ не бывали!

— Въ Петербургѣ былъ.

— Гм! какъ-то жалко и презрительно промычалъ Раскатаевъ. — А вы поѣзжайте-ка, продолжалъ онъ.

— Незачѣмъ.

— Вы сначала побывайте-ка, а потомъ и говорите, что незачѣмъ. Тамъ, батюшка, мамзели — въ Европѣ нѣтъ! Мы тамъ съ вашимъ батюшкой четыре года выстояли, и теперь меня ни одинъ жидъ не надуесть... Вотъ я вамъ расскажу какая исторія со мной произошла: стояли мы въ Вильнѣ. Дрянъ городъ! дѣвчонки — хороши, и то все дрянъ! И жидовъ тамъ столько, сколько блохъ на у одной собаки нѣтъ. Прожженный народъ! Скажи: Ицко, достань птичьяго молока, — карбованецъ дамъ; достанесть, хоть и не птичьяго, а все-таки принесетъ и увѣритъ, что птичье. Говорю я: Ицко...

Но этотъ рассказъ былъ прерванъ приходомъ Фомы, который объявилъ, что завтракать подано.

— Сюперфлю! замѣтилъ Раскатаевъ.

— Вы, я думаю, промокли?

— А вы взгляните на меня. Видите?

— Вижу.

— Что вы видите?

— Васъ вижу.

— И хорошо видите?

— Отлично.

— Ну такъ я вамъ говорю, что вы видите человѣка, который не можетъ промокнуть.

Это необыкновенно краткое объясненіе показалось мнѣ страннымъ, но Раскатаевъ не счелъ за нужное пояснить его и устремился къ столу.

— Водка? спросилъ онъ, указывая на графинъ.

— Водка.

— Выпью! И онъ съ какимъ-то азартомъ хватилъ двѣ рюмки и крикнулъ.

— А вы вино пьете? презрительно сказалъ онъ.

— Вино, отвѣтилъ я.

— Не пейте. Ядъ!

— Ну, ужь будто и ядъ, замѣтилъ я, невольно улыбуясь.

— О подагрѣ слышали?

— Слыхалъ.

— Скверная штука?

— Нехороша.

— А отчего она бываетъ?

— Мало ли отчего...

Но Раскатаевъ не далъ мнѣ докончить.

— Отъ галости, которую вы называете виномъ. Да! кратко, но сильно отвѣтилъ онъ за меня.

— И отъ вина бываетъ, если много пить...

— Что вы называете много пить? перебилъ меня Раскатаевъ.

— Не вмѣру.

— Хм! Слышали пословицу: душа — мѣра?

— Не слыхалъ и даже сомнѣваюсь, чтобъ подобная существовала, а если и существуетъ, то она очень глупая пословица.

— Атанде! я на себѣ испыталъ: больше того что душа требуетъ, выпить нельзя. Знаете ли вы какъ мы пивали? принимая величавую позу, сказалъ Раскатаевъ. — Я вамъ скажу: три дня и три ночи пили — и ничего! Сначала въ рукахъ зудъ являлся — въ это время требовалось кому-нибудь, а чаще жиду, мордасы

разбить; потомъ... и кончалось обыкновенно тѣмъ, что тошнило. Вотъ какъ мы пивали! И выходитъ, что душа — мѣра.

Рассказывалъ онъ и налилъ себѣ рюмку водки, но пить годилъ.

— Такъ не пьете? отнесся онъ ко мнѣ.

— Не пью.

— Дрянъ вы! брякнулъ онъ и стремительно началъ уничтожать закуску.

— Да вы одни здѣсь живете? спросилъ меня Раскатаевъ послѣ небольшого молчанія, въ продолженіе котораго куски съedomого уничтожались имъ съ неимоверной быстротой.

— Одинъ.

— И мамзельки, эдакой, знаете, нѣтъ?

— И мамзельки нѣтъ.

— Плохо.

— Чѣмъ же плохо?

— А чтоже хорошаго? Ну нѣтъ, у меня такой порядокъ заведенъ былъ: бей сороку и ворону, попадешь и на яснаго сокола! Вотъ что! И хороши же эти бестіи, деревенскія бабенки! и дѣвки тоже ничего, ну а бабы все лучше.

— Чѣмъ же бабы-то лучше?

— У дѣвки страхъ есть и дресировки мало. А какъ бабенка-то, эдакая, свѣженькая попадется, такъ тутъ всѣ суставы заговорають: посторонись душа — оболью! Хо... хо... хо... словно барабанией дробью покрылъ онъ свою сальную и циничскую рѣчь, отъ которой меня покорило; но новость и оригинальность воззрѣній и животная сила этого подержаннаго, по еще бодрому представителю прошлаго поколѣнія, — сила, сказывавшаяся и въ принципиваніи языкомъ, и въ смакованіи не слишкомъ деликатныхъ выраженій, и въ какомъ-то спокойномъ, простоушно-гомерическомъ тонѣ, заинтересовали меня, и желая возможности разъяснить его характеръ, я замѣтилъ:

— А вы, какъ мнѣ кажется, и знатокъ и охотникъ?

Раскатаевъ мелахолично, но самодовольно поглаживалъ усы.

— Да-да! Ну теперь не то! стара стала, слаба стала. Вотъ батюшка вашъ тоже куда лихъ былъ! Бывало, увидить смазливенькую, — сейчасъ на буксиръ и мое почтеніе! да! И какая же

исторія разъ съ нимъ произошла: стояли мы въ Польшѣ. Вы отца-то своего помните?

— Помню, но смутно: мнѣ не больше четырехъ лѣтъ было, когда онъ умеръ.

— Красавецъ былъ, собачій сынъ! да! И клубничкой пользоваться тоже любилъ. Это бабѣ въ драку бывало за него лѣзеть: очень ужъ по вкусу пришлося онъ имъ... онъ остановился на минуту, и вдругъ рывкнулъ: Вы о жидовкахъ что думаете? — У меня въ ушахъ зазвенѣло.

— Я ничего не думаю, боязливо отвѣтилъ я; онъ замѣтилъ это и захохоталъ.

— Экъ, васъ покорило! Что, каковъ голосъ? самолично спросилъ Раскатаевъ.

— Ничего.

— Корпусному извѣстенъ былъ. Ну-съ, сударь мой, такъ о жидовкахъ вотъ что я вамъ долженъ сказать: огонь! паятъ бестии!.. Я напримѣръ, какъ вы видите, — а пасовалъ! Стояли мы въ Вильнѣ... Городишко — дрянъ!.. Ну народъ молодой все, видный... Отъ бабья бывало никакого прекословія нѣтъ: бери что взглагомъ окинешь... да! Скрытный человекъ былъ-вашъ отецъ! Былъ тамъ жидъ, Абрашкой звали; прибѣжалъ: — «гдѣ поручикъ?» Здѣсь. Баць въ ноги; завопилъ: «Господинъ поручикъ, нельзя, по закону нельзя!» Шельма народъ! — Что, говоримъ, нельзя? за пейсики оттаскать нельзя? это ты врешь! — «Дочь говорить, нельзя; грѣшно.» — И это ты врешь. Ты кто? жидъ? лижи полъ! — Поручикъ всталъ. — Стойте, господа! Слышишь жидъ: вотъ тебѣ двадцать черволицевъ и убирайся! — Жидъ реветъ: «Дочь погубилъ! Одна была... отдай мнѣ дочь! она была честная!» — Уймись, говоримъ, хуже будетъ! А отецъ твой, не говоря ни слова, — жиды въ морду. — Прощка, кричитъ, оборви жиду пейсики! Ну, и оборвалъ. Морду всю свиной вымазали и пейсики оборвали!

Я глядѣлъ на Раскатаева, во всѣ глаза; все еще думая подмѣтить хоть малѣйшее сожалѣніе или грусть въ его обрюзгомъ лицѣ, но оно попрежнему было багрово и тускло, безстрастно, словно совершенно утративъ способность выражать внутреннія ощущенія. Самъ Лафатеръ не подмѣтилъ бы ничего, кромѣ тупого равнодушія въ этомъ заплывшемъ жиромъ лицѣ. Во мнѣ закипѣла злоба.

— И какъ бы вы думали, что она, шельма, сдѣлала? уставивъ на меня свои оловянные глаза, спросилъ Раскатаевъ.

— Что она сдѣлала?

— Утопилась. А? Вотъ какова, бестія!

— Скверная исторія!

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи: зачѣмъ она утопилась? совершенно впадая въ фамиллярный тонъ, спросилъ меня Раскатаевъ.

Я ничего не отвѣтилъ: сердце мое было полно злости и негодованія. Раскатаевъ совершенно спокойно объѣдался гусемъ.

— Какже это, мамзельки-то нѣтъ? началъ онъ послѣ краткаго молчанія. — Хочешь удружу?

Я отказался. Петръ Николаичъ глядѣлъ на меня какъ на дикаго звѣря, и вдругъ разразился хохотомъ.

— Такъ не хочешь? спросилъ онъ меня, когда немного успокоился.

— Не хочу.

— Спасаться пойдешь?

— И спасаться не пойду.

— Байбакъ ты, добавилъ онъ.

Дождь между тѣмъ пересталъ; туча уплыла, и только оторвавшіеся клочья ея изрѣдка проносились по небу. Раскатаевъ всталъ и подошелъ къ окну.

— Приѣдешь? обратился онъ ко мнѣ.

— Постараюсь.

— Нѣтъ, ты такъ не говори. Самъ не приѣдешь, на арканѣ притащу.

Раскатаевъ ушелъ. Черезъ нѣсколько минутъ небольшая, особеннаго устройства бричка, съ лихою тройкой мастерски подобранныхъ коней, гремя бубенчиками, вылетѣла со двора и понеслась по проселку.

И долго послѣ его отъѣзда я сидѣлъ задумчивый и печальный. То злобой полонъ былъ мой умъ, то строго вопрошалъ я самого себя, имѣю ли я право презирать и ненавидѣть этого чело-
вѣка, который быть-можетъ и не виноватъ въ томъ, что огрубѣло и отупѣло его чувство, что никогда не цвѣло оно пышнымъ цвѣтомъ, потомучто въ самомъ началѣ заглохло оно? И думалъ я, что онъ можетъ-быть и добрый и честный посвоему чело-

вѣкъ, и что больше въ немъ энергій, упругости и силы, чѣмъ во мнѣ, который бѣжитъ и страшится каждаго препятствія... И сталъ я завидовать ему, стало завидно мнѣ, что прямо и смѣло смотритъ онъ въ лицо каждому факту, что смѣло и широко жилъ онъ, не тративъ своей молодости на бесплодныя сомнѣнія, на постоянный анализъ; а просто, безъ всякой задней мысли, отдавался онъ чувству и пилъ до дна кубокъ, — всю сладость выпивалъ изъ него, оставляя на днѣ горькій осадокъ. И вслѣдъ за этими мыслями приходили другія: образъ граціозной дѣвушки сіялъ передо мною святой и чистой красотой; лѣтній вечеръ манилъ въ лѣсъ, но на этотъ разъ никто не явился мнѣ въ немъ; только послѣдніе замирающіе звуки птичьихъ пѣсень будили его молчаніе, да чьи-то таинственные шаги раздавались въ немъ.

III

Разговоръ, слышанный мною въ лѣсу, глубоко запалъ въ мой умъ, и желаніе раскрыть тайну было такъ сильно, что я никакъ не могъ отдѣлаться отъ грезъ. Этому способствовало мое одиночество, тишина деревенской жизни и то лирическое настроеніе, которое всегда посѣщало меня среди нашихъ луговъ, полей и рощъ. Я былъ мечтатель, — бессильный и смѣшной мечтатель! Бессильный, потому что, какъ бы ни работала моя фантазія, я не могъ дать образа моимъ яркосіявшимъ грезамъ, не могъ воплотить ихъ. Ни воспитаніе, ни вся послѣдующая жизнь не могли образовать изъ меня человѣка съ твердымъ характеромъ, съ сильной волею, который бы не дрожалъ, не смущался ни предъ какимъ препятствіемъ... Въ дѣтствѣ подъ тяжелымъ гнетомъ действительскихъ тенденцій корпораціи родственниковъ, въ юношескіе годы забившись въ тѣсный кружокъ, я почти не видалъ жизни и не былъ приготовленъ къ ней. И вотъ, когда я былъ принужденъ стать лицомъ къ лицу съ повседневными явленіями, съ практической жизнью, совершенно похожей на ту, которая сложилась въ моемъ умѣ, — она меня смяла.

Я былъ слабъ, такъ и остался навсегда бессильнымъ человѣкомъ. Но я былъ всегда честенъ — это я смѣло могу сказать. И не смогъ бороться со зломъ и мракомъ: они были сильнѣе меня, во я съ отвращеніемъ бѣжалъ всего что было живо и мрачно,

и все-таки я многихъ заставлялъ страдать... Ну, видно такъ было суждено! *suum cuique*, говорятъ.

Уже совершенно свечерѣло, но какъ то большею частью бываетъ весною, почъ была свѣтлая, полупрозрачная ночь; за то въ лѣсу было темно и сыро, такъ темно, что въ нѣсколькихъ шагахъ самый привычный глазъ не могъ бы ничего разглядѣть; по сторонамъ, и впереди, и позади, повсюду казалось окружала меня сплошная стѣна.

Вотъ ужъ и мельница стала видна.

Стояла она на томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка, образовавъ уголъ, широко разливается по пологой мѣстности, и словно жалѣя разстаться, посылаетъ слѣдомъ за ней лѣсъ свои молодые побѣги. Почти около самой мельничной плотины былъ омутъ, о которомъ въ народѣ ходило повѣрье, увѣрявшее, что мѣсто это нечистое, и не проходило года безъ того, чтобъ кто-нибудь не утонулъ на этомъ мѣстѣ. Шибко шумѣла рѣка, плескаясь о плотину, а старое и ветхое зданіе мельницы все дрожало отъ этого плеска и гула, далеко разносившагося по окрестностямъ.

Не могу я сказать что за чувство наполняло въ то время мою душу: неясный ужасъ, трепеть и боязнь, что ожиданіе мое будетъ напрасно, что никто не придетъ на это пустынное мѣсто, и таинственное приключеніе мое попрежнему останется покрытымъ тайною. Я медленно приближался къ мельницѣ; шаговъ моихъ не выдавала влажная трава: я самъ слышалъ только какой-то тихій шорохъ. На меня пахнуло холодомъ и сыростью: рѣка была всего въ двадцати шагахъ. На самомъ берегу рѣки стояла высокая фигура мужчины; онъ былъ совершенно неподвиженъ, и какъ казалось мнѣ, пристально глядѣлъ въ даль, какъ-будто ожидая кого-то. Меня онъ не могъ видѣть: я былъ скрытъ отъ него кустарникомъ.

Невдалекѣ отъ меня въ кустахъ послышались шаги.

— Дуня, ты? тихо но звучно въ безмолвіи ночи раздался вопросъ.

— Я! стыдливо и робко отвѣтилъ женскій голосъ, тотъ самый, который я слышалъ въ лѣсу. И съ сдержаннымъ крикомъ радости и счастья бросилась она на встрѣчу мужины, обвила его шею своими руками и цѣловала его.

— Ахъ какъ страшно было идти мнѣ, Сеня! я земли подъ

собой не слыхала! тяжело дыша отъ усталости говорила Ду-
няша.

— Чего же тебѣ страшно было?

— Миѣ все чудилось, что идетъ кто-то за мной. Я и бѣжать
принималась, и онъ за мной бѣжитъ... такъ вотъ и жду, что
схватитъ онъ меня, а оглянуться страшно. Да вотъ какъ тебя
увидала, то и полегчало немного.

— А теперь не страшно?

— Теперь нѣтъ, теперь не страшно... Только, Сеня, о чемъ
я тебя попрошу...

— О чемъ же попросишь меня, моя милая?

— Лучше, Сеня, гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

— Ахъ ты трусиха, право трусиха! съ ласковымъ смѣхомъ
говорилъ мужской голосъ: — и всего-то версту какую-нибудь
пройти... А то гдѣ же видать миѣ тебя? Вездѣ народъ, людно,
а здѣсь ни души не встрѣтишь; кто сюда пойдетъ?..

— Сеня, а омутъ-то...

— Не вѣрь ты этимъ сказкамъ!

— Ахъ, Сеня, а Мавруша-то позапрошрое лѣто утопилась.

— Да вѣдь ты знаешь что про омутъ-то рассказываютъ... а
я тебя... никогда... Милая ты моя!..

На нѣсколько мгновеній они замолчали, будто не было у
нихъ силъ оторваться другъ отъ друга.

— Отчего же ты вчера не была?

— Нельзя было, никакъ нельзя! барышниѣ нездоровилось
шибко.

Противъ воли въ умѣ моемъ возникъ вопросъ: отчего нездо-
ровилось ея барышниѣ? и еще внимательнѣе сталъ я прислуши-
ваться, и еще тревожнѣе билось мое сердце.

— Что же съ ней?

— Знаешь, какая она?.. Чудная она какая-то, право! Я и
теперь-то какъ вспомню, такъ мурашки по тѣлу у меня и забѣ-
гаютъ. Были мы третьяго днясь въ лѣсу, купаться ходили. Она
и говорить, чтобъ въ лѣсу побывать.

— Ну...

— Пошли мы купаться-то ужъ къ вечеру такъ, да съ рѣки-
то черезъ лѣсъ и идемъ. Она и говорить: «побудемъ въ лѣсу!»
Милая, говорю, барышня, страшно! А въ лѣсу-то темь... Такая-

то темь въ кустахъ-то, зги не видно!.. Я такъ и дрожу отъ страха...

Въ кустахъ неподалеку отъ меня что-то зашумѣло, голосъ молодой дѣвушки вдругъ оборвался и я видѣлъ, какъ робко прижалась она къ своему другу. Вокругъ снова стало тихо.

— Не дрожи такъ, не бойся! сказалъ мужской голосъ.

— Ты слышалъ? тихимъ, тихимъ голосомъ спросила она.

— Слышалъ. Да вѣдь я съ тобой, чего же бояться? Вѣрно заяцъ пробѣжалъ.

— Ахъ, какъ испугалась-то я! Вотъ ужъ и позабыла о чемъ я сказывала-то!..

— Пришли вы въ лѣсъ...

— Пришли мы въ лѣсъ-отъ. Запѣла она, таково-то хорошо запѣла. Сама на травѣ лежитъ, косы распустились... платье на ней бѣлое, ровно кипень бѣлое! Такая-то хорошая она, что и сказать невозможно! Я ее все зову, а она неидетъ, да еще такія страсти говорить стала. Ахъ, ты Господи, думаю я, чтожъ это такое! А она говорить: «давай его выкликать!»

— Кого это?

— А который въ лѣсу живетъ...

— Лѣшаго?

— Ахъ, Сеня, не поминай ты его!

Другъ ея тихо разсмѣялся.

— Не стану, не стану, не бойся!

— Вотъ и она такая же безстрашная. Знаешь, что про лѣсъ-отъ рассказываютъ, и она тоже. И было убѣжать хотѣла, только не пустила она меня и про тебя спрашивать стала.

— Она знаетъ?

— Знаетъ. Я ей все рассказала.

— Все?

— Я со стыда умерла бы, еслибъ она все-то узнала. Ангель она небесный!..

— Милая моя, чего же тебѣ стыдиться?

— Ахъ, Сеня!.. и не договорила.

Онъ быстрымъ движеніемъ руки сбросилъ съ головы фуражку, будто для того, чтобъ освѣжить свою пылающую голову и что-то такъ тихо сказалъ Думашѣ, что я никакъ не могъ слышать.

— Ахъ, вѣтъ, Сеня, вѣтъ! Я не къ тому сказала. Голуб-

чикъ ты мой, не разлюби ты меня! въ порывѣ жгучей страсти говорила она.

— Молчи, молчи ты! и начатая рѣчь была прервана поцѣлуемъ.

— Милый ты мой, хорошій ты мой! лепегала она и гнулся ея стройный станъ подъ сильной рукой мужчины, когда онъ обнялъ свою подругу, отдавшись обаянію жаркаго чувства, навѣяннаго и тихою дремотою воздуха, и влажнымъ, раздражавшимъ нервы запахомъ ночи, и ревниво-нижними словами своей подруги.

— Пойдемъ! тако прошептала онъ...

IV

Однажды поутру староста Пантелей объявилъ мнѣ, что раскатаевскіе мужики произвели въ моемъ лѣсу порубку.

Это извѣстіе нямало не взволновало меня: я былъ слишкомъ равнодушенъ къ своимъ интересамъ, чтобы ѣхать жаловаться къ помѣщику, какъ совѣтывали мнѣ и староста и Фома, увѣряя, что не слѣдуетъ давать повадки, и что это такіе разбойники, которыхъ непремѣнно слѣдовало бы наказать плетью.

— Да вѣдь десять деревъ какихъ-нибудь не раззорятъ меня! отвѣчалъ я на ихъ доводы.

Фома озлобился; староста равнодушно чесалъ затылокъ, хотя по выраженію его лица я легко могъ замѣтить, что и онъ не одобряетъ моего рѣшенія.

Но вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ Пантелей объявилъ мнѣ, что Петръ Балабай, бывшій полѣсовщикомъ, избить ими чуть не до полусмерти. Это меня крайне взволновало: я никогда не могъ равнодушно слышать о насиліи. Въ какой бы формѣ ни проявлялось оно, оно всегда меня возмущало.

— За что же они избили его?

— Знамо за што: изловить хотѣлъ; они его и всклучили! одно: разбойникъ народъ! закончилъ Пантелей, и вѣроятно далъ бы раскатаевскимъ мужикамъ и другое, поклеиче прозвище, еслибъ не сдерживало его мое присутствіе.

Я велѣлъ заложить лошадь и самъ поѣхалъ къ Раскатаеву. Усадьба, въ которой жилъ онъ, называвшаяся Большими

ямами, стояла въ такой глуши, въ такомъ захоластьи, что человѣкъ, мало знакомый съ мѣстностью, могъ бы цѣлый день проплутать около нея и все-таки не подозрѣвалъ бы ея существованія, еслибъ какъ-нибудь случайно не набрелъ на это мѣсто. Только тогда, какъ замелькали мимо меня крестьянскія избы, я увидѣлъ, что мы въѣхали въ сельцо. Называлось оно Большими ямами, потомучто было расположено между двухъ глубокихъ овраговъ, поросшихъ мелкимъ, но частымъ кустарникомъ, переходившимъ въ тотъ дремучій сосновый боръ, который тянулся на нѣсколько сотъ верстъ.

Удивительно странно и прихотливо разметалось это сельцо во всѣ стороны, чуть не на версту! Словно бросила чья-нибудь гигантская рука откуда-то сверху эти избы, и рассыпались онѣ на просторѣ. И какъ попала на землю, такъ и стояла изба. Полетѣла иная вверхъ тормашками, да вся и рассыпалась, и не было возможности различить гдѣ верхъ, а гдѣ низъ; иная какъ-то бокомъ, вся скривившись, словно свела ее судорога, стояла на отлетѣ, а то избы три слѣпились вмѣстѣ и плотно сидѣли на своемъ основаніи и ужъ рѣшительно никакой симетріи не было соблюдено въ этомъ паденіи. Вообще все сельцо было неряшливо и бѣдно: избенки были все какія-то полуразвалившіяся, грязныя, ветхія... и словно говорили: «а насъ еще тогда строили, когда грибы съ опенками воевали!» Но не смотря на эту неряшливость и ветхость избъ, а можетъ-быть именно по причинѣ этой ветхости, сельцо было очень живописно; была какая-то особенная красота и привлекательность въ немъ, и глазъ съ сожалѣніемъ терялъ его изъ вида.

Барскій домъ стоялъ отдѣльно, особнякомъ, и съ величавымъ презрѣніемъ глядѣлъ на бѣдныя избенки. Эготъ домъ, выстроенный лѣтъ сто назадъ, въ то время, когда наши дѣды любили щегольнуть и пожить широкою жизнью, отъ которой тошно пришло бы нашему брату преждевременному старцу, а потому не любили ничего мизернаго, — носилъ на себѣ отпечатокъ той шумной и блестящей, хотя безплодной и крайне безобразной жизни и отпечатокъ колоссальныхъ затѣй нашихъ предковъ. То было огромное деревянное зданіе въ два этажа, съ портиками, колонадами и разнообразными архитектурными украшениями, въ видѣ арабесковъ и каріатидъ. Но время оставило на немъ свой слѣдъ: наружный фасадъ, выкрашенный когда-то

красноватою краской, отъ дождей, непогодъ и вѣтровъ получилъ какой-то мрачный пвѣтъ; затѣйливо узорные карнизы обвалились; широкій подѣздъ и чугунный балконъ покосились на бокъ. Мрачно и угрюмо смотрѣлъ этотъ домъ и совершенно не гармонировалъ съ окружавшей его спокойной и бѣдной картиной. Онъ былъ не на мѣстѣ: ему было неловко и какъ-будто неприятно видѣть эти туманно-синіе лѣса, уходившіе въ глубь желтоватыхъ полей, эти бѣдныя лачужки съ соломенными взбу-дараженными крышами, съ какими-то дырами вмѣсто оконъ и съ грязными вонючими дворами... какъ было бы странно и неприятно какому-нибудь франту времянь Елизаветы, папудренному и разлушонному, правда что сильно поизносившемуся, но зато свято берегущему свои боярскія традиціи, пропитанному этой боярщиной до мозга костей, — вдругъ попасть въ общество му-жиковъ.

Широкій дворъ, обстроенный каменными службами, обнесенной фигурной чугунной рѣшеткой, поросъ крапивой и лопушникомъ въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ, а посредию былъ взрытъ лошадиными копытами. Садъ, тянувшійся позади дома, совершенно одичалъ, и его колоссальныя липы съ гнѣздами галокъ и воронъ разрослись такъ густо и такъ часто переплелись вѣтвями, что въ самые сильные лѣтніе жары было въ немъ прохладно, и мѣстами снѣгъ лежалъ до половины лѣта. Были въ немъ и бесѣдки, и фавны, и позеленѣлыя сатиры безрогіе и безносые; были пруды и мостики, перекинутые черезъ глубокіе овраги, но и бесѣдки и мосты съ незапамятныхъ временъ не чинились и были гнилы; пруды никогда не чистились и поросли водорослями, — повсюду была глушь и дичь... Широкая барская жизнь сказывалась и въ этомъ садѣ, но миновала эта жизнь, и стало глушью и гнилью все что когда-то было блестяще и роскошно!..

Ворота барскаго дома были отворены, и при вѣздѣ во дворъ никто не встрѣтилъ меня; даже ни одна собака не тявкнула, — спали ли онѣ, или и вовсе ихъ не было...

Какой-то мальчикъ бѣжалъ по двору.

— Пстой, пожалуйста! крикнулъ я ему.

Онъ остановился.

— Петръ Николаичъ дома?

— Дома-съ. Пожалуйте прямо, проговорилъ онъ, указывая на крыльцо, и снова побѣжалъ куда-то въ припрыжку, захватски нагибая на бокъ голову чуть не до земли.

Когда я вступилъ на широкій подъѣздъ, на меня пахнуло чѣмъ-то затхлымъ, какою-то давно забытой стариной, годами блестящихъ, но безобразныхъ пировъ. Я поднялся вверхъ по широкой лѣстницѣ съ чугунными перилами удивительно изящной архитектуры, но грязной и сумрачной, едва освѣщаемой двумя громадными окнами съ мелкими стеклами, которыя съ незапамятныхъ временъ не были мыты, и пыль густыми слоями лежала на нихъ. Въ передней меня встрѣтилъ лакей оборваный и съ лицомъ сильно потасканнымъ, словно преднамѣренно расписаннымъ снѣжками, какъ у индѣйцевъ, но съ ухорскими хватками и забористымъ голосомъ.

— Доложи барину, что такой-то приѣхалъ, сказалъ я.

Онъ ухмыльнулся и отвѣтилъ, что этого у нихъ никогда не водится, но чтобы я, какъ пройду черезъ залу, то повернулъ бы направо въ столовую:

— Петръ Николаичъ кушать изволятъ.

Зала была высокая комната въ два свѣта и съ хорами, выкрашенная какою-то желтовато-грязною краской; потолокъ былъ расписанъ по трафарету цвѣтами и фруктами, а посрединѣ были изображены два летящіе амура, и тутъ же былъ вбитъ крюкъ, на которомъ висѣла бронзовая закоптѣлая люстра съ гранеными стеклышками; по угламъ стояли огромные бронзовые канделябры, также закоптѣлые, какъ и люстра; вдоль стѣпъ тянулся рядъ старинныхъ неуклюжихъ стульевъ съ львиными лапами; портреты висѣли по стѣнамъ въ потускнѣвшихъ рамахъ, запыленные, темные портреты, съ которыхъ глядѣли суровыя лица.

Помню я, что потомъ два изъ нихъ особенно поразили мое вниманіе: на одномъ была нарисована женщина удивительной красоты, съ темносиними глазами, иѣжно сіявшими изъ-подъ стѣп длинныхъ рѣсницъ какимъ-то бархатнымъ блескомъ, съ задумчивой и печальной улыбкой, полураскрывшей розовыя губы. Пышно взбитые бѣлокурые волосы безъ пудры точно сіяніемъ окружали ея удивительно-граціозную головку. Портретъ этотъ былъ писанъ съ бабушки Ольги Марковны. Я слышалъ впоследствии времени исторію этой женщины, грустную исто-

риво, полную слезъ и страдашій! и если успѣю, когда-нибудь расскажу ее.

Другой портретъ представлялъ мужчину. Черноволосый, съ узкимъ и низкимъ лбомъ, по которому шли двѣ морщины, съ густыми, нависшими и почти срѣсшимися бровями, изъ-подъ которыхъ мрачно и пронзительно глядѣли яркіе глаза, съ полными, но крѣпко стиснутыми, красными губами, — онъ былъ страшенъ! Упрямство, дикое своеволие, безграничныя страсти — живьемъ отпечатывались на этомъ лицѣ. Такъ и чудилось, что вотъ-вотъ раздастся барскій голосъ, и все заходитъ ходенемъ. Портреты висѣли рядомъ, и контрастъ былъ поразителенъ.

Въ огромныя окна съ мелкими стеклами врывались цѣлые потоки свѣта, но эти лучи только сильнѣе отгнѣняли суровую физиономію зала. И невольнo пришло мнѣ на умъ, что въ этой самой комнатѣ лѣтъ около ста назадъ, а можетъ и много меньше, были шумныя пированья: пили и ѣли до отвала неслишкомъ разборчивыя гости у богатаго владѣльца; на убой кормилъ онъ ихъ за то, чтобъ потѣшали они его ясныя очи своимъ безобразіемъ... и не разъ можетъ-быть попадалъ кто-нибудь подъ барскій гнѣвъ, и тутъ же чинился и судъ и расправа. Страшное было время! Насиліе и всякое мрачное зло находило тогда пріютъ себѣ въ блистательныхъ палатахъ русскихъ вельможъ... Но все-таки жизнью были полны тогда эти палаты, а теперь мрачны и нѣмы стоятъ онѣ, и ни одной тайны не выдаютъ изъ тѣхъ страшныхъ тайнъ, которыхъ были онѣ свидѣтелями.

Переносила эта зала въ давно минувшее время мой мечтательный умъ; но вѣяло отъ нея чѣмъ-то отживающимъ, даже отжившимъ: барствомъ и безгранично-широкимъ развратомъ, робронами и шитыми кафтанами... И радостно становилось мнѣ, что на вѣки ушло это время!

Только иногда съ какимъ-то злорадствомъ глядѣлъ я на эти портреты, думая: ну, что взяли? Перемерли же всѣ вы, и все вамъ гадкое и безобразное вымерло вмѣстѣ съ вами! Темныя лица предковъ насмѣшливо улыбались, и будто мѣрный стукъ маятника раздавался у меня въ ухахъ: «нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, цѣтъ!..»

Слѣдующія комнаты во всемъ походили на залу: на всѣхъ ихъ лежала печать распущенности того вѣка, который создать

эти палаты: тоже отсутствіе изящества и комфорта, тѣже громадныя размѣры, и также неряшливость, и тотъ же мракъ.

V

Еще за двѣ компаты долетѣлъ ко мнѣ взрывъ громopodobнаго хохота, въ которомъ нельзя было не узнать раскатаевского элемента.

— Опоздалъ! хо... хо... хо... заголосилъ Раскатаевъ, какъ только-что вошелъ я въ комнату: — Все безъ тебя поѣли!

Залился онъ хохотомъ.

Столовая скорѣе походила на арсеналъ: столько было въ ней всевозможныхъ орудій, предназначенныхъ для истребленія всевозможныхъ звѣрей. И ружья, и ножи, и ягдташи висѣли по стѣнамъ вмѣстѣ съ буйволовыми рогами, хвостами лисицъ и цѣлыми шкурами волковъ и медвѣдей.

— Испугался? снова загремѣлъ Раскатаевъ. — Сестра, дай-ка намъ еще чего-нибудь закусить! отнесся онъ къ моложавой старушкѣ въ темномъ платьѣ и бѣломъ чепцѣ.

Ея лицо имѣло большое сходство съ лицомъ Раскатаева, но совершенно отличалось выраженіемъ: на немъ сіяла безконечная доброта и какая-то запуганность, и хранило это доброе лицо слѣды удивительной красоты. Старушка тихо, неслышно, но торопливо вышла изъ комнаты.

— А вотъ это, рекомендую, европейская знаменитость! Сергѣй Ивановичъ, расскажи-ка барину, отчего ты профессоромъ не сдѣланъ?

— Оттого, что не сдѣланъ! необыкновенно зло и ядовито улыбаясь, отвѣтилъ Сергѣй Ивановичъ, не обращая повидимому на меня ни малѣйшаго вниманія.

То былъ небольшого роста, сутуловатый и немного лысый господинъ, одѣтый въ довольно поношенный сюртукъ. Лицо его было дрябло и желто; остатки бѣлокурыхъ волосъ были зачесаны назадъ, и никогда непомаженные, торчали вихрами; рѣдкая клинообразная бородка росла тоже клочками; вообще вся физиономія имѣла что-то унизительное, но вмѣстѣ съ тѣмъ ядовитое и саркастическое. Онъ былъ грязенъ, но эта грязь шла къ нему: въ изящномъ фракѣ и желтыхъ перчаткахъ онъ былъ бы

смѣшонъ. Маленькіе каріе глаза глядѣли устойчиво и насмѣшливо; сильно развитый лобъ выказывалъ блестящія умственныя способности — и все-таки печать какого-то отупѣнія лежала на его лицѣ. Мнѣ показалось, что онъ былъ немного пьянъ.

— Знаю, что не сдѣланъ, а ты скажи: почему? подмигивая мнѣ глазомъ, будто желая сказать: посмотри какую штуку сейчасъ онъ отколетъ! перебилъ его Раскатаевъ.

— Молчи; ибо глупъ еси.

Но Раскатаевъ не унимался.

— Нѣтъ, ты скажи почему? настойчиво допытывался онъ.

— А почему ты изображаешь идола; ихъ же на Руси называютъ болванами.

Раскатаевъ брызнулъ смѣхомъ.

— Нѣтъ, ты скажи: дураки они?

И онъ снова подмигнулъ мнѣ.

— Они? они тоже дураки! утѣшься!

— Ну, и Францъ Иванычъ дуракъ?

— Stultissimus.

— Что это значитъ? спросилъ Раскатаевъ, опять подмаргивая мнѣ глазомъ. — Вогъ, стой: сейчасъ диковинную штуку услышишь!

— А это значитъ, мой благородный другъ, что онъ дуракъ въ превосходной степени.

— Значить: подымай выше?

— Совершенно справедливо. Даже ты сравниться съ нимъ не можешь.

— Хо... хо... хо... гремѣлъ Раскатаевъ. — Ну, а Шульцъ?

— Великій человекъ, но подлець, — подлець потому, что великій человекъ, и великій человекъ потому, что — подлець.

— Ну ужъ это ты врешь.

— И кому же великій мастеръ бабъ лечить! ядовито замѣтилъ Сергѣй Иванычъ и взглянулъ на меня.

Я улыбнулся; Раскатаевъ брызнулъ такимъ смѣхомъ, къ какому только одинъ онъ былъ способенъ.

— Утроба, утроба, чему ты радуешься! говорилъ Сергѣй Иванычъ.

Наконецъ Раскатаевъ успокоился.

— Я къ вамъ по дѣлу... началъ было я.

— А это не дѣло? оборвалъ мою рѣчь Раскатаевъ и показавъ на закуску. — Чтожь это такое?

— Да; чтожь это такое? повторилъ Сергѣй Ивановичъ и устался на меня, язвительно искрививъ ротъ.

— Сергѣй Ивановичъ, спой!

— Могу.

Его улыбка стала еще ядовитѣе. Онъ взялъ гитару и завѣлъ какимъ-то сильнымъ и визгливымъ голосомъ, какимъ обыкновенно поютъ шарманщики: «ты куда, мой другъ, стремишься!» а самъ все продолжалъ глядѣть на меня и улыбаться.

— Важно, другую! гаркнулъ Раскатаевъ.

— И другую могу! «Взвейся выше, выше повесися!»

Но Раскатаевъ выхватилъ у него гитару и неестественнымъ басомъ началъ; «Ахъ, такой, сякой комаринскій мужикъ!»

— Валяй! катаяй! съ тою же ядовитой улыбкой сказалъ Сергѣй Ивановичъ и пристально поглядѣлъ на меня, будто желая прочесть мои сокровенныя мысли.

Я всталъ. Миѣ становилось невыносимо тяжело глядѣть на эту пьяную потѣху.

— Куда! стой! рявкнулъ Раскатаевъ и схватилъ меня за руку.

— Деликатное чувство оскорбилось! язвительно замѣтилъ Сергѣй Ивановичъ. — Нервы слабы.

— Я приѣхалъ къ вамъ, Петръ Николаичъ, началъ я, пропустивъ мимо ушей ядовитое замѣчаніе: — по крайне важному дѣлу. У меня есть другія обязанности, и я не желалъ бы попусту терять времени.

— Какое дѣло? говори!

Онъ снова сѣлъ на диванъ.

— Нынѣшнею ночью ваши крестьяне произвели въ моемъ лѣсу порубку...

— Фю... ю... ю... засвисталъ Раскатаевъ: — экъ, съ чѣмъ приѣхалъ! Это, сударь ты мой, не мое дѣло!

— Какъ не ваше дѣло?

— Народъ такой — ничего ты съ нимъ не сдѣлаешь! Плутъ у меня мужикъ!

Раскатаевъ захохоталъ; Сергѣй Ивановичъ ему вторилъ.

— Ну, и много порубили?

Меня взорвало.

— Я не понимаю; Петръ Николаичъ, рѣзко проговорилъ я: — вашего смѣха, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ моихъ крестьянъ избить ими до полусмерти...

— Экой народъ — разбойникъ! хо... хо... хо... услаждался Раскатаевъ. — Молодцы! Сергѣй Ивановичъ, молодцы вѣдь?

— Молодцы! Сергѣй Ивановичъ снова взглянулъ на меня и ядовито усмѣхнулся. «Погоди, не то еще увидишь!» говорили его глаза, «тебя теперь кошки скребутъ; погоди: не такъ еще скрести стануть!» А вы какъ находите? обратился онъ ко мнѣ.

Но Раскатаевъ перебилъ.

— И ловко взбуктетенѣли? весь дрожа отъ сдержаннаго хота, спросилъ онъ меня.

— Не знаю насколько ловко, но не нахожу тутъ ничего смѣшного. Я приѣхалъ къ вамъ, чтобъ просить васъ о наказаніи виновныхъ, и совѣтъ не для шутокъ! ужь совершенно озлобившись, отвѣтилъ я. Меня на самомъ дѣлѣ скребли кошки.

Раскатаевъ снова разразился хохотомъ.

— Эхъ, братъ, оставь, по душѣ тебѣ говорю! Выпьемъ-ка лучше. Эка важность — избил! ну и чортъ съ нимъ, по крайней-мѣрѣ будетъ помнить.

— Будетъ помнить: юноша, поучайтесь! виѣшался Сергѣй Ивановичъ и снова ядовито улыбнулся.

— Вѣдь не умеръ? перебилъ Раскатаевъ: — а коли не умеръ, то и не умереть. Другого бывало такъ вспоришь, что мѣста живого не останется, а черезъ недѣлю онъ ужь опять выластуетъ.

Этотъ совершенное спокойствіе, этотъ цинизмъ возмутили меня в крайне озлобили. Какое-то мучительное чувство сдавило мнѣ грудь.

— Юноша, вы должны помнить, что если мужика вспоришь, то черезъ недѣлю онъ непременно начнетъ пьянствовать! о, утроба, утроба, какія гениальныя мысли приходятъ иногда тебѣ въ голову! глумился Сергѣй Ивановичъ: — важно!

— А, если такъ, то я представлю мою жалобу въ станъ.

— Ишь, горячій какой, въ станъ! А чѣмъ ты докажешь?

— Юноша, вы должны утихнуть. У васъ нѣтъ доказательствъ, а потому вы должны утихнуть и смириться! Такъ, гуча?

— Одинъ изъ вашихъ крестьянъ пойманъ. — Я уходилю.

— Какъ пойманъ? рывкнулъ Раскатаевъ.

— Моими крестьянами пойманъ.

— Гдѣ онъ? весь побагровѣвъ ревѣлъ Раскатаевъ.

— У васт на дворѣ.

— Прощка, Фелька! черти, дьяволы! голосилъ онъ такъ, что за версту можно было слышать.

«Вотъ онъ когда развертываться—то начинаетъ!» говорили глаза Сергѣя Ивановича, и онъ все улыбался, ядовито улыбался, глядя на Раскатаева и что-то шепталъ.

Вбѣжалъ тотъ же лакей, который встрѣтилъ меня въ передней.

— Ты гдѣ былъ, а? грянулъ Раскатаевъ, ударя своимъ страшнымъ кулачищемъ по столу: — въ порошокъ изотру!

Лакей стоялъ неподвижно. Сергѣй Ивановичъ настойчиво глядѣлъ на меня, но улыбки на лицѣ его не было: ово было какъ-то сумрачно и какъ-то искривилось. Я начиналъ думать, что лучше бы было ничего не говорить Раскатаеву.

— Мужика ко мнѣ! чтобъ сейчасъ шолъ! и мерскимъ словомъ закончилъ онъ свою рѣчь.

Лакей поспѣшно выбѣжалъ. Раскатаевъ тяжело дышалъ, засучивалъ рукава и продолжалъ ругаться.

— Я могу уснуть, а ты упражняйся! Вы юноша можете наслаждаться зрѣлищемъ его гимнастическихъ упражненій. Весьма поучительно! снова ядовито улыбнувшись сказалъ Сергѣй Ивановичъ и легъ на диванъ.

— А, это ты? какъ-будто собираясь съ силами для рѣшительнаго напора, спокойно повидимому произнесъ Раскатаевъ, когда пойманный мужикъ вошелъ въ комнату: — ты, распротоканалья, какъ смѣлъ понасться! подходя къ мужику съ стиснутыми кулаками гремѣлъ Пегръ Николаичъ.

Мужикъ стоялъ неподвижно: ни одинъ мускулъ не шевелился на его лицѣ, только выраженіе глазъ было какъ-то тоскливо.

— Я до тебя... давно добирался! Я что вамъ приказывалъ? Говори, с... с..., что я приказывалъ?

Мужикъ все стоялъ неподвижно и молчалъ. У меня сердце сжалось отъ страха за него. Я было хотѣлъ уговорить Раскатаева оставить это дѣло.

— Прочь! рывкнулъ онъ и тутъ началась такая страшная,

такая дикая и безчеловѣчная сцена, при воспоминаніи о которой и теперь кровь стынетъ у меня въ жилахъ.

— Дядя! совершенно неожиданно раздался столь памятный для меня голосъ.

Раскатаевъ мгновенно остановился, будто этотъ голосъ совершенно парализировалъ его силу и буйство: смутился онъ и какъ-то съежился.

— Ахъ, дядя, ты вѣдь общалъ мнѣ!..

И она ласково наклонилась къ избитому мужику; тотъ медленно и съ трудомъ приподнялся.

Раскатаевъ молчалъ.

— Дядя, зачѣмъ ты это сдѣлалъ? Зачѣмъ?

— Онъ подлецъ! медленно и тихо, несмѣло какъ-то проговорилъ Раскатаевъ и еще больше смутился.

— Чтоже, взгляни, дядя! повторила молодая дѣвушка.

Петръ Николаичъ изъ подлѣбья поглядѣлъ на мужика и тотчасъ же отвернулся.

— Вотъ онъ! сказалъ Раскатаевъ, указывая на меня.

— Молодая дѣвушка взглянула на меня и вспыхнула.

— Чортъ его жаловаться принеси! пробормоталъ Петръ Николаичъ. Ему было совѣстно и на комъ-нибудь хотѣлось сорвать зло.

— Ну васъ всѣхъ къ чортовой матери! брякнулъ Раскатаевъ и стремительно вышелъ изъ комнаты.

VI

Я хотѣлъ говорить и не могъ; слова не шли у меня съ языка. При дневномъ свѣтѣ она была еще прекраснѣе. Свѣтлорусые, гладко зачесанные волосы были собраны въ одну густую косу, подъ тяжестью которой стройная шея ея гнулась; почти совершенно черныя, пушистыя брови рѣзко отдѣлялись отъ бѣлаго и гладкаго, какъ слоповая кость, лба; въ синихъ глазахъ было выраженіе какой-то задумчивости и сіяла въ нихъ младенческая ясность души. Не было въ ней силы и страсти; она была нѣжна и слаба, какъ только что распустившійся цвѣтокъ. Нѣтъ, никогда я не видалъ женщины, столь изящной и граціозной. Я знаю, что она не поразила бы никого

своей задумчивой, тихой и даже холодной красотой; многие прошли бы мимо, не обративъ на нее никакого вниманія, какъ многие проходятъ равнодушно мимо мадонны Рафаэля и восторгаются грубо размазаннымъ холстомъ. Этѣмъ людямъ нужны яркія краски, цвѣта, которые рѣзали бы глаза; имъ нужны пышныя, соблазнительно полуоткрытыя плечи, алыя губы, упитанное тѣло... а внутренней красоты, красоты выраженія и мысли они не понимаютъ..

Я стоялъ безмолвно. Въ умѣ моемъ толпились мысли: воспоминаніе о первой нашей встрѣчѣ камнемъ лежало у меня на душѣ; только что разыгравшаяся драма, которой я былъ невольной причиной, заставляла меня холодѣть и страшиться ея приговора. Я взглянулъ на нее: тоже смущенная и нѣжная стояла она... лицо ея было залито румянцемъ.

Тайна лѣса разрѣшилась просто и мнѣ какъ-будто жалко чего-то было. Почему я жалѣлъ, и чего было жалѣть мнѣ? Въ жизни все просто комбинируется, волшебниковъ нѣтъ ужъ давно; въ русалокъ перестаютъ вѣрить; какая-нибудь царица Мабъ могла родиться только въ головѣ поэта... Да и Богъ съ вами, съ этими таинственными приключеніями! А все-таки я жалѣлъ чего-то.

Прошло нѣсколько минутъ.

Я было началъ говорить, но на половинѣ фразы спутался, забормоталъ что-то и окончательно смутился. Молодая дѣвушка тоже молчала; эту тишину нарушалъ носовой свистъ Сергѣя Ивановича, неподвижно лежавшаго на диванѣ. Не знаю, чѣмъ бы кончилось наше обоюдное замѣшательство, еслибъ снова не явился Раскатаевъ съ повинной головой.

— Оля, я — подлець! характеръ проклятый — не вытерпѣлъ.

— Ахъ, дядя! стыдливо отвѣтила она: — перестань!

— Правую руку на отсѣченіе даю! забасилъ Петръ Николаичъ и обратился ко мнѣ: — миръ чтоли? Характеръ такой: обругать обругаю, зато подлости никакой не стерплю. И самъ знаю, что привычка проклятая, а удержаться не могу: по мордасамъ разъ сѣвжу — и пошло!

Я собирался уходить.

— Куда! возразилъ Раскатаевъ: — выпить надо!

— Нѣтъ, ужъ не надо! отвѣтилъ я, улыбаясь.

— Надо. Выпить всегда надо. Сергѣй Ивановичъ, вставай!

— Ну что? спросилъ тотъ.

— Выпьемъ.

— Резонъ! Выпьемъ, утроба, выпьемъ: послѣ трудовъ освѣжиться необходимо. Удовлетворился? Ольга Марковна, изволили вы видѣть, какъ вашъ почтеннѣйшій дядюшка послѣ долгаго поста удовлетворялъ себя? И неуждно ли вамъ будетъ удостовѣриться, что мускулы его приобрѣли значительную упругость, чѣмъ ясно доказывается полезность подобныхъ упражненій.

Она взглянула на Сергѣя Ивановича и ничего не отвѣтила.

— Ничего, ничего... я выпью! почему-то сконфузюсь пробормоталъ тотъ.

— Свинья ты! брякнулъ Раскатаевъ.

— Кто? я-то? Свинья, утроба, свинья! ядовито отвѣтилъ Сергѣй Ивановичъ.

— Подлецъ! еще громче брякнулъ Петръ Николаичъ.

— Вонъ оно — крешендо пошло! Валяй, утроба, валяй!..

Но Раскатаевъ успокоился и замолчалъ; Ольга Марковна тихо вышла изъ комнаты; Сергѣй Ивановичъ обратился ко мнѣ.

— Вы, милостивый государь, ядовито началъ онъ: — изволили слышать, какъ сія громада обзывала меня, и вѣроятно въ умѣ вашемъ явилась мысль, что я на самомъ дѣлѣ и подлецъ, и свинья? Отвѣчай, утроба, вслѣдствіе какихъ сокровенныхъ причинъ ты позволяешь себѣ на меня лаять? — Раскатаевъ глядѣлъ бессмысленно и что-то мычалъ. — Вы не понимаете этого звука, но я считаю себя обязаннымъ объяснить вамъ его. Онъ говоритъ, что онъ есть сила, то-есть такая сила, которая имѣетъ возможность во всякое время меня изуродовать, вслѣдствіе одного только внезапнаго побужденія. Онъ есть, изволите ли видѣть, известная величина, а я, по его мнѣнію, — мыльный пузырь, который отъ самого малѣйшаго давленія лопается. Какъ вы думаете: почему онъ меня считаетъ мыльнымъ пузыремъ?

— Не знаю, отвѣтилъ я, и съ удивленіемъ, весьма понятнымъ, глядѣлъ на эту странную, загадочную личность, своеобразную и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-будто знакомую мнѣ. Но тогда я напрасно старался разяснить себѣ тѣ противорѣчія, которые прежде всего поражали въ немъ. Потомъ, когда я ближе узналъ его, когда мы сошлись съ нимъ, я понялъ, что губительная шко-

ла мрачной жизни озлобила его, и умышленно унижая себя, стараясь казаться не тѣмъ, чѣмъ былъ онъ на самомъ дѣлѣ, Сергѣй Ивановичъ самъ старался забыться и былъ доволенъ тѣмъ, что дурачилъ другихъ. •

— Я, говорилъ онъ мнѣ потомъ, дошелъ до того убѣжденія, что если и на самомъ дѣлѣ кому-нибудь вздумалось бы дать мнѣ плюху, — я нисколько не оскорбился бы. А за что же я на стѣну полѣзу, если дуракомъ, или свиньей меня обзовутъ, или если я полцеа проглочу? Вы скажете, что это цинизмъ, а я вамъ говорю, что цинизмъ — пустое слово.

Но въ то время на мой отвѣтъ Сергѣй Ивановичъ не обратилъ никакого вниманія, и только замѣтилъ, что изъ этого могла бы выйти пренеприятная исторія, и сейчасъ же отнесся къ Раскатаеву.

— Выпьемъ! *veritas in vino!*..

— Хо-хо-хо... загремѣлъ Петръ Николаичъ.

— Чему ты, величина, радуешься: тому ли что имѣешь возможность каждый день напиваться и отращивать брюхо, или тому, что мозгъ твой сдавленъ? Предсказываю я тебѣ, тѣло, что въ самомъ непродолжительномъ времени хватить тебя кодрашка!

Раскатаевъ обратился ко мнѣ.

— Вѣдь вретъ? сказалъ онъ.

— Не знаю.

— Позвольте спросить: влѣдствіе какого побужденія на устахъ вашихъ появилась улыбка? язвительно спросилъ Сергѣй Ивановичъ.

— Да вы — инквизиторъ.

— Хм! замѣтно, что исторія вамъ не безызвѣстна.

Раскатаевъ сидѣлъ молча, и какъ-то бессмысленно поводилъ глазами: онъ видимо пьянѣлъ.

— Выпьемъ? нетвердо сказалъ онъ.

— *Satis*, сороковая бочка, *satis!* отвѣтилъ Сергѣй Ивановичъ. — Не угодно ли вамъ, милостивый государь, осмотрѣть владѣнія сего великаго мужа, который въ настоящее время въ положеніи скотской безчувственности передъ вами находится? Я замѣтилъ какъ по лицу его пробѣжала злобно-грустная усмѣшка.

Онъ вдругъ обернулся ко мнѣ.

— Подозрѣваю я, что вы обладаете душой нѣжной и чувствительной. Сергѣй Ивановичъ сказалъ именно: «чувствительной», и это слово вышло необыкновенно ядовито; меня передернуло, но я смолчалъ, — а потому обращаюсь къ вамъ съ вопросомъ: что вы въ настоящую минуту ощущаете? Какой процессъ совершается въ вашей нервной системѣ, которой главной точкой, какъ вамъ не безызвѣстно, есть мозгъ?

— Какой процессъ?

— Да-съ. Ваше эстетическое чувство не было ли поражено, и такъ-сказать, шокировано тѣмъ безобразіемъ, которое вы видѣли?

Я взглянулъ на него: онъ усмѣхался.

— Деликатность чувствъ!

— Согласитесь однако, что я могу удивляться.

— Картина занимательная и весьма живописная: бой гладіаторовъ.

— Отвратительная картина!

— Вы больше любите идилліи?

— Кто вамъ это сказалъ? я ненавижу насилие!

Сергѣй Ивановичъ какъ-то странно посмотрѣлъ на меня и ничего не отвѣтилъ. Я не привыкъ къ подобнымъ безцеремоннымъ рѣчамъ, и мнѣ было неловко ихъ слышать. Я совершенно не зналъ какъ и что отвѣчать, а за мной слѣдилъ его внимательный глазъ, и Сергѣй Ивановичъ видимо былъ доволенъ моимъ смущеніемъ, тѣмъ, что успѣлъ озадачить меня.

— Спи, мой милый другъ! обратился онъ къ Раскатаеву. — Во время сна пищевареніе совершается лучше. *Buvons, chantons, aimons!* запѣлъ было Чернявинъ, по вдругъ оборвалъ. — Замѣчаете ли вы всѣ нелѣпость этой пѣсни?

— Не замѣчаю.

— Вникайте, сначала въ ней говорится: *buvons*. Это весьма умное слово, ибо вино веселитъ сердце человѣческое. Далѣе слѣдуетъ совѣтъ упражняться во время выпивки пѣніемъ, — и это весьма понятно: въ недавнее время вы были свидѣтелями того мечтательнаго расположенія духа, которое безъ всякаго преколовія требуетъ на сцену комаринскаго мужика. Но я не понимаю къ чему тутъ приплетена любовь? Вопервыхъ она портитъ весь эффектъ, внося въ пѣсню элементъ чувствительности; а вовторыхъ почему необьяснено что слѣдуетъ любить?

Я было хотѣлъ говорить, но Сергій Ивановичъ прервалъ меня.

— Не хотите ли вы сказать, что вино необыкновенно умягчаетъ душу, и потому тотчасъ же является желаніе обрѣчь кого-нибудь и объясниться въ любви? Это вы хотите сказать? Но во первыхъ желаніе это скоропроходящее, а потомъ тотчасъ же является вождельніе разбить, какъ выражается сіе тѣло, тому человѣку мордасы. Это желаніе — оптическій обманъ, галлюцинація и неестественный зудъ сердца! Если вы видите человѣка, который дѣлаетъ къ вамъ съ явнымъ намѣреніемъ чмокнуть васъ въ губы, — удалитесь отъ него, ибо онъ васъ оплюетъ, а при несчастіи раскраситъ вамъ носъ... и если онъ станетъ упрашивать васъ, чтобъ вы его поцѣловали, — не цѣлуйтесь съ нимъ, ибо онъ васъ опоганитъ.

Я разсмѣялся.

VII

Въ саду было тихо и прохладно; только по вершинамъ деревь плыль вѣтеръ, а внизу ни одинъ листъ не шелохнулся. Длинная прямая аллея, вся изъ липъ, была темна; какими-то пятнами ложились на дорожку теплые лучи солнца. Мы молчали, и поднявшись въ гору, вышли на довольно широкую луговину, всю залитую яркими лучами.

— Не имѣете ли вы желанія наслаждаться красотами природы? насмѣшливо спросилъ меня Сергій Ивановичъ.

— Отчего же не наслаждаться, если красоты существуютъ!..

— Наслаждайтесь, о, мечтательный путникъ! но прежде закурите сигару.

— Развѣ это необходимое условіе?

— *Conditio sine qua non!* Не знаю какъ васъ, а меня сигара всегда повергаетъ въ меланхолію, и если я курю, то даже грязное болото обращается въ преиспещренный лугъ, на которомъ цвѣтутъ розы и маргаритки.

— Почему же непременно розы и маргаритки?

— Роза — красота, а маргаритка обозначаетъ невинность.

— Это вѣрно? — спросилъ я улыбаясь.

— Какже-съ, въ книжкахъ написано. Ну-съ, а невинность

вѣтъ на меня снотворное вліаніе, и потому я чувствую къ ней пристрастіе.

— Вотъ какъ! непонятно что-то.

— О, неопытный юноша, какъ вы еще зелены! Я начинаю подозрѣвать, что вы придете въ умиленіе и восторгъ, когда съ румянцемъ на ланитахъ юная дѣва обратится къ вамъ съ вопросомъ: «Dites-moi que es que c'est — нѣтъхъ?» Вотъ отъ этой-то кислотны добродѣтели и чистоты нравовъ я и повергаюсь въ усыпленіе!.. Это, такъ-сказать, верхушка невинности.

— Хороша невинность!

— Гимнцдой сильно понахвизаетъ, а впрочемъ — мило!

— Кто виновать?

— Не мы съ вами.

— Нелѣбое воспитаніе, которое не даетъ возможности понять, что безнравственнымъ приличія какой-то бессмысленной скромности...

— Да-съ, чистоплотность. А впрочемъ все это — ерунда! Есть сила, натура здоровая и цѣльная, — никакая мерзость не пристаеетъ; възъ какой хотите грязи выйдешь свѣтелъ и чистъ, а то и воспитаніе не поможетъ. Такъ только на него, да на среду сваливаютъ: благо — безответны.

— Да вѣдь жизнь-то несется: ее не остановишь; а если все вокругъ-то васъ мертвечиной пахнетъ, такъ и вы нововолѣ признаете.

— А кто велитъ вамъ нюхать это зловоніе и восхищаться имъ?

— Привыкнете. Ко всему можно привыкнуть. Вѣдь вы съ малолѣтства будете слышать этотъ запахъ.

— А какъ свѣжимъ воздухомъ нечаянно пахнетъ? Человѣка-то нельзя закупорить.

— Ну и пахнетъ! да чтоже вы сдѣлаете? Не поймете. Чувство острѣеетъ, притупится... да и тяжело разставаться съ привычкой!

— Со срадомъ-то тяжело?

— И со срадомъ, если привыкли.

— Мерзко.

— И мерзко, да чтоже дѣлать? задавать.

— Самъ дави!

— Невозможно: никакой силы не хватитъ.

— Ну бѣги скорѣй! уходи отъ этой вони; пьюй на нее и глумись.

— Не пускать; — цѣпи не пускать.

— Какія тутъ цѣпи! Для человѣка вѣтъ цѣпей! Вотъ тебѣ вѣрный мѣръ: дѣлай какъ хочешь и какъ знаешь.

— А откуда вы знаніе это возьмете? Вамъ съ дѣтства будутъ твердить: воруй, лги, старайся сдѣлать карьеру, а потому — подличай. Ну и стануть эти слова вашимъ нравственнымъ кодексомъ.

— Мило!..

Сергій Иванычъ словно нарочно хотѣлъ раздражить меня, а у меня на сердце была такая тяжолая грусть, какой давно уже не бывало. Богъ-знаетъ почему—то припомнились мнѣ прошлые годы, — то время когда еще ни одной надежды не было мною утрачено, и вѣрилось мнѣ, что я совершу что-нибудь. Теперь мнѣ кажутся непонятными мои слова, но тогда они были вызваны отчаяніемъ: то было минутное отчаяніе, и какъ и почему пришло оно ко мнѣ — я не могъ сказать.

— Вы говорите: среда — пустыни, а мало ли задохлось въ ней честныхъ и полныхъ свѣтлыхъ стремленій людей?

— Какіе же это люди? Я что-то не помню.

— Я вамъ, пожалуй, назову ихъ.

— Зачѣмъ. Задохлись — и баста! Это вы изъ книгъ вычитали, — изъ трактатовъ, да романчиковъ слезливыхъ! Герои-то ихъ — приличные браванчики, наскочные какіе-то, а не люди. Врутъ они, что гибнуть эти гамлетики оттого, что понять ихъ не могутъ, или развернуться на просторѣ имъ не даютъ. «Книжки читаютъ, да по свѣту рыщутъ: дѣла себѣ исподвискаго ищутъ!» Эка штука! Разберите-ка вы ихъ получше, этихъ героев-то мысленно, — все и разлетится прахомъ, потому что желаньишки-то ихъ въ сущности мерзостны! Порисоваться имъ хочется — вотъ они и пускаютъ пыль въ глаза почтеннѣйшей публикѣ: «Посмотрите, дескать, какой я прекрасный молодой человѣкъ, да среда меня заѣла!..» гнусно!

— Вы озлоблены.

— Ну да, я озлобленъ. Но я говорю правду. Я самъ когда-то кричалъ, что среда меня заѣла, — самъ ее всячески обзывалъ... Горячка прошла, я и увидалъ, что самъ-то я — дрань! А подите-ка тоже какъ кричалъ!.. страдалъ тоже... ломался на

разныя манеры, скоморошествовалъ... А почему? Миръ, изволите ли видѣть, думалъ передѣлать, новыя идеи развить, да оказалось, что никуда не гожусь — и стала среда виновата.

— А поддержалъ ли васъ кто-нибудь въ вашемъ стремленіи?..

— Хорошъ передовой дѣятель, котораго подъ ручки вести надо. Нѣтъ, зубами вцѣпись, да и тащъ за собой массу!

— Изломаются зубы-то!

— Ну и пусть ихъ ломаются! Не даромъ-таки пожилъ, — землю не напрасно бременилъ!.. А эти гамлетики наши — коптели неба!

— Неправда!

— Какъ неправда?

— Да, именно неправда! Вы преднамѣренно не хотите понять, что они были намъ необходимы, что жили они совсѣмъ не напрасно!..

Сергій Ивановичъ перебилъ меня.

— Чтоже сдѣлали они? спросилъ онъ.

— Они? страдали.

— Ну еще не велика штука.

— Вѣдь вы сами ее испытали. Легко?

— Нѣтъ, вы мнѣ скажите, почему же они задохлись-то?

— Судьба. Фатумъ какой-то.

— Вранье. Нѣтъ судьбы! Или только смѣлѣй — не споткнешься.

— А много ли такихъ кто ни разу не спотыкался?

— Да вѣдь есть же? Значить я правъ, что только сила нужна. Нѣтъ силенки — согнуть тебя въ дугу и станешь кривляться.

— Больно вѣдь.

— Эка штука! Я самъ знаю, что больно, а жаловаться не имѣю права, — самъ во всемъ виноватъ. Прокисъ и опиваюсь... Я созналъ, что ни для чего не гожусь и упитываю свое чрево. Поживите-ка здѣсь — тоже прокиснете.

— А вѣдь вы въ сущности согласны со мной, что среда губить?

— Какъ это?

— Да сейчасъ же вы сказали, что, поживя въ этой средѣ, — прокиснешь.

— Гм!.. Вы діалектикъ.

— А вы — пессимистъ.

— Я-то? Нѣтъ, молодой другъ, во мнѣ вѣры много, вѣры въ лучшее! Конечно это ерунда, я и самъ знаю, а отстать все еще жалко. Ну, да это до слѣдующаго раза, а теперь природой давайте наслаждаться.

— Маргаритками?

— И маргаритками можно...

— Невинностью?

— Важно! Вы начинаете входить во вкусъ. Нѣтъ, хороша должна быть нравственность у женщины, которая боится взглянуть на Аполлона! «Какъ его корпусъ хорошъ!..» Экая гнусность!.. А вѣдь чтоже? и въ этомъ есть смыслъ.

— Въ корпусъ-то?

— И въ корпусъ... Своего рода сила... Французское издѣліе...

— Непонятно.

— Запретный плодъ. Замужъ-то выдадутъ за старпа, а тѣлеса упитаютъ, — разнесетъ ихъ такъ, — хоть сейчасъ на всемирную выставку... расплывутся, раздобрѣютъ, раскиснутъ отъ жира-то, ну а соблазнъ великъ! Стрѣстишки подленькія подымутся, желаньишки гаденькія — вотъ и аполлоны въ ходъ пойдутъ!.. Хороши и аполлоны-то! сваружи еще кой-какъ позатерто, позализано... а внутри гниль, мерзость всякая!.. Каждого червякъ любостыжанія и чщовности гложетъ, а все лѣзутъ-лѣзутъ куда-то! Попадетъ чей-нибудь плевокъ въ ихъ благодобразную, прилизанную хартю, — оботрутся и опять ползти... Картина зватная!

— Вотъ она, среда-то.

— Нѣтъ, отчего же мы природой не наслаждаемся? Видите вы этотъ дубъ?

— Вижу.

— А сходство замѣчаете?

— Съ кѣмъ?

— Нѣтъ, вы взгляните-ка: коренастый какой! Какъ въ почвѣ-то крѣпко сидитъ! А вы съ другой стороны зайдите — дупло.

VIII

На поворотѣ ален мы встрѣтились съ Ольгой Марковной; она шла медленно и задумчиво, тихими, неслышными шагами.

— Наслаждалась природой? спросилъ ее Сергѣй Ивановичъ. Она поднигла на него свои ясные и свѣтлые глаза и тихо покачала головой. — Ну мечтали?..

Она улыбнулась.

— Луны нѣтъ, отвѣтила она: — а вѣдь вы говорили, что безъ луны нельзя мечтать.

— Совершенно справедливо: аксессуаръ необходимѣйшій.

— Такъ какъ же я могла мечтать?

— А вѣдь случилось?

— Случалось.

— Съ луной или безъ луны?

— Безъ луны чаще, улыбнувшись отвѣтила молодая дѣвушка.

— Помилуйте какъ же это можно! не по теоріи.

— А развѣ есть и теорія? спросилъ я.

— А вы и этого не знали? Впрочемъ можетъ-быть въ обществѣ душистыхъ дѣвицъ вамъ бывать не случилось?

— Это еще что за терминъ?

— Я беру на себя смѣлость объяснить вамъ его: Когда-то я былъ знакомъ съ одной изъ породы душистыхъ дѣвственницъ, и она научила меня мечтать по всѣмъ правиламъ искусства. Днемъ она бывало ничего; а какъ время къ вечеру, начинала постепенно загонять свои очи въ безвоздушныя пространства, губы сжеживала сердечкомъ, испускала томительные вздохи и вообще подвергалась меланхоліи. Сначала это казалось мнѣ страшнымъ, но потомъ я понялъ, что безъ этого и мечтать невозможно: нѣтъ выхода. Къ тому времени, когда совершенно темнѣло, глаза бывали достаточно загнаны и уста въ совершенствѣ изображали сердечко. Она садилась къ окну и говорила мнѣ: «Monsieur Чернывинъ, будемъ дѣлать мечты!» Голосъ ея дѣлался необыкновенно рыхлымъ и она начинала читать свои вѣщательскія грѣзы, истинно возбуждавшія сочувствіе душъ, луну, звѣзды и все столь же возвышенное, что тогда меня при-

водило въ бѣшеный восторгъ и что потомъ злило меня до безобразія. Я увѣрялъ ее, что она удивительная женщина; она брала меня за руку и говорила, что мы понимаемъ другъ друга, — и вслѣдствіе этихъ взаимныхъ похвалъ мы раскисали... Я, изволите ли видѣть, въ нее врѣзался до сотрясенія. «Serge, — сказала она, — ты меня любишь — я это вижу!» Увѣрю васъ, что никто не могъ бы сказать въ это время какого цвѣта ея глаза, ибо были видны одни только бѣлки; но я, какъ вы вѣроятно догадываетесь, палъ на колѣни, воскликнувъ: «о!..» Я былъ награжденъ пожатіемъ руки и восхитительно-воздушнымъ доцѣлуемъ, и имѣлъ счастье прослушать въ этотъ приснопамятный вечеръ девяносто девять стихотвореній, никогда и нигдѣ не могшихъ быть напечатанными, вслѣдствіе совершеннаго отсутствія въ нихъ здраваго смысла. Меня даже и тогда въ потъ бросило; но съ этого времени мы еще чаще мечтали. Впрочемъ все это кончилось необыкновенно пошло, но мило и удачно; мѣсяца съ три мы восхищались съ ней луной и испускали вздохи; потомъ она жевала на себѣ какого-то губительно-тупоумнаго болвана, начиненнаго презрѣннымъ златомъ. Разставанье было трогательно!

— Сергѣй Ивановичъ, зачѣмъ вы смѣтаетесь надъ любовью? перѣшительно, но необыкновенно ласково сказала Ольга Марковна.

— Професія-съ! Въ жизни у меня было три професіи: въ дѣта юности, какъ я имѣлъ уже честь докладывать, я любовался на луну, считалъ звѣзды и мечталъ; кромѣ того писалъ элегіи и влюблялся. Это была самая пошленькая професія: кислота какая-то! Она мнѣ опротивѣла, потомучто звѣзды показались мнѣ глухими, а дѣвы, какъ тоже извѣстно вамъ, высовывали мнѣ языки. Я понялъ наконецъ, что ошибался въ своемъ призваніи. Потомъ я оцетинился.

— Какія слова говорите вы! замѣтила молодая дѣвушка.

— Слово русское-съ! Вы можетъ-быть предпочитаете иностранные діалекты?

— Нельзя?

Она улыбнулась.

— Чего-съ?

— Немного хотъ нельзя не кольнуть? повторила Ольга Марковна.

Самодовольная улыбка пробѣжала по лицу Сергѣя Ивановича.

— Продолжаю, сказалъ онъ, мгновенно придавъ своему лицу полнѣйшее равнодушіе. — Ощетинившись, я началъ исправлять нравы и ругаться. Нравовъ я не исправилъ, а за ругательства неоднократно самъ былъ руганъ и получалъ щелчки. Щелчки мнѣ надобли, и я бросилъ эту профессію. Въ настоящее время я нахожу, что известное количество алкоголя, разведенное водой, и глумленіе — мое истинное призваніе. Надо какъ-нибудь добывать. Вѣдь жизнь есть не что иное, какъ рядъ превращеній: панорама и веселенькій водевиль съ переодѣваньемъ, съ танцами, волшебными провалами и бенгальскимъ огнемъ. Главное: умѣю ею пользоваться; — я и пользуюсь: живу и упитываю свое тѣло. Солнцная жизнь!

— И нѣтъ другой? спросила Ольга Маркова. — Вы прежде не такъ говорили!

— Помилуйте, какъ не быть! отвѣтилъ Сергѣй Ивановичъ, пропустивъ мимо ушей послѣднее замѣчаніе молодой дѣвушки. — Но я давно ужъ пережилъ... Время высокихъ помысловъ и любви ко всему человѣчеству (это такъ только, для красоты слога: реторика Кошанскаго еще не совсѣмъ выдохлась... и вѣрнѣе сказать время безсмысленнаго болтанья ногами и прищелкиванья языкомъ) — это время прошло!, чадъ и дурь выдохлись.

— Неужели вы не жалѣете этого времени?

— Болтанья-то ногами? да я и теперь могу заболтать, если пожелаю! Но онъ вдругъ измѣнилъ тонъ своихъ словъ. — Чего жалѣть? тоскливо сказалъ онъ: — самообольщеній, дѣтскихъ надеждъ и смѣшныхъ мечтаній, слезъ и боли сердца? Ich danke Ihnen!

— Да вѣдь вамъ хорошо тогда было?

— Должно полагать, что хорошо, если принять во вниманіе сколько времени я ногами болталъ и съ лувою бесѣдовалъ. Впрочемъ, если сказать по правдѣ, — жалко иногда бываетъ, да знаешь, что вернуть нельзя, ну и успокойся!..

— Какъ успокойся?

— Успишь опять, раскиснешь, какая-то нравственная инерція наступитъ, и только о томъ и думаешь какъ бы жванъ добыть, достигнуть-то какъ бы ее до вождѣннаго конца, гдѣ нѣтъ ни печалей, ни воздыханій.

— Да вѣдь это нравственное самоубійство! горячо возразилъ я.

— Какъ вамъ будетъ угодно. Пожоему это — реальное направление, существованіе... а впрочемъ все равно, какъ вамъ будетъ угодно!

Сергій Ивановичъ улыбался своей насмѣшливой и ловителъ улыбочкой.

— Полнѣйшее безвѣріе... началъ было я, но Сергій Ивановичъ меня перебилъ.

— А почему вы думаете, что я ни во что не вѣрю? быстро проговорилъ онъ. — Я напримѣръ вѣрю въ силу Петра Николаича, и эта вѣра спасала меня не разъ. Я только по возможности смиряюсь передъ фактомъ, вотъ и все! Когда я вижу трясину, — я обойду ее; а если она мнѣ будетъ казаться поляной, то влѣтъ въ нее по уши будетъ для меня весьма возможно.

— Вы слѣдовательно видите въ жизни одну только отрицательную сторону? Свѣтлыхъ явленій вы не видите?

— Да укажите мнѣ эти свѣтлыя явленія? гдѣ они? Въ трясинѣ-то свѣтлыя явленія? Помилуйте, да тамъ однѣ лягушки! И снова усмѣхнулся Сергій Ивановичъ; но было замѣтно, что онъ задѣтъ за живое, что улыбка его насильственна: какъ-то жидокъ и сухъ былъ его смѣхъ.

— Нѣтъ ужъ лучше обманываться, чѣмъ всегда и все отрицать, порывы убивать въ себѣ, вѣрю въ добро... это безразсвѣтная ночь!

— Ну а щелчки-то получать тоже неприятно! А впрочемъ вы можете-быть идеалистъ?

— Идеалистъ...

— Такъ бы и сказали. Съ вами говорить — все равно что воду толочь. Для васъ жизнь выходитъ — terra incognita, ясное небо и барашки, — чрезвычайно мило!

Ольга Марковна внимательно вслушивалась въ нашъ разговоръ; и совершенно неожиданно обратилась къ Сергію Ивановичу съ вопросомъ:

— Что значить идеалистъ?

— Идеалистъ, извольте ли видѣть, человѣкъ такого свойства, который въ безвоздушномъ пространствѣ вѣчно находится и романы къ «ней» сочиняетъ; вообще о мірскомъ не заботится, но ѣсть можетъ разъ по десяти въ день, и къ идиотамъ...

нѣтъ я не скажу чѣмъ онъ становится къ концу жизни, а то молодой другъ оскорбится.

Онъ взглянулъ на меня и улыбнулся, словно хотѣлъ сказать: «а ловко я тебя отдѣлалъ!» Но и я улыбнулся.

— Не вѣрьте ему, — богъ-знаетъ почему-то стараясь не произносить ея имени, началъ я говорить: — идеалистъ совсѣмъ не то.

— Весьма назидательно! какъ-будто въ скобкахъ замѣтилъ Чернывинъ. Я продолжалъ:

— Идеалистъ вѣрить въ добро, легко увлекается, и потому часто обманывается въ жизни; но онъ любитъ жизнь и тоскуетъ, видя ея несовершенство. Онъ много страдаетъ, но какъ бы ни страдалъ онъ, онъ никогда не дойдетъ до озлобленія... каждое свѣтлое явленіе приводитъ его въ восторгъ, и всему прекрасному онъ горячо сочувствуетъ. Я мало-помалу начиналъ увлекаться, и рѣчь моя лилась свободно; свѣтлые глаза молодой дѣвушки глядѣли въ мои, и легкая складка между бровей выказывала работу мысли.

Сергѣй Ивановичъ перебилъ меня.

— Это какъ повашему называется? сказалъ онъ: — самоуслаждение что ли? А впрочемъ ничего: хорошо выходить. Ну и насчетъ луны вы добавьте — это первое дѣло! и о цвѣточкахъ не забудьте упомянуть; а главное, какъ пѣнемъ соловья надъ распрекрасной розой восхищаться должно, объясните.

Я былъ задѣтъ за самую чувствительную струну насмѣшливымъ и ядовитымъ тономъ этихъ словъ.

— А вы ничѣмъ не восхищаетесь?

— Гдѣ ужъ намъ!

— Грустно! Жалкая и сухая жизнь!

— Доморощенная-съ.

— Скажите, Сергѣй Ивановичъ, повашему не надо ничѣмъ восхищаться? перебила Ольга Марковна.

Молодая дѣвушка медленно произнесла вопросъ. Голосъ ея былъ необыкновенно мягокъ; она всегда говорила тихо, и какъ будто изумляясь и спрашивая. Какъ всегда бываетъ у женщинъ, паходящихся въ первомъ періодѣ развитія, голосъ Ольги Марковны былъ неполонъ и нѣсколько жидокъ; но уже слышались въ немъ тревожныя ноты, предвѣщавшія скорый развитіе.

— Ну, нѣтъ, этого я не говорилъ, отвѣтилъ Сергѣй Ива-

пычь: — я папримѣръ наливкой Петра Николаича неоправданно восхищаюсь!

— Наливкой? съ изумленіемъ повторила Ольга Марковна.

— Всякому свое! и на все есть время! спокойно повидимому произнесъ Чернывинъ, но въ голосѣ противъ его воли слышались грусть и уныніе. — Въ васъ, продолжалъ онъ: — этотъ восторгъ былъ бы неестествененъ, и во мнѣ онъ есть необходимый выводъ всей моей жизни. Всякому свое! повторилъ онъ съ тѣмъ же оттѣнкомъ грусти.

— Вы на себя наговариваете. Зачѣмъ? Вѣдь это чувствительность! какъ-то стыдливо произнесла молодая дѣвушка.

— Вотъ-съ какъ! Вы ужъ и о чувствительности знаете? Чтожъ, и это не мѣшаетъ. Эхъ, Ольга Марковна, бросьте вы эти разсужденія! Живите такъ какъ сложилась жизнь, и не требуйте отъ нея невозможнаго.

— Невозможнаго? чего же?

— Героевъ не требуйте, потомучто въ жизни нѣтъ героев, а все простые люди, чаще пошленькіе и ничтожные, съ желаньями, со страстишками, съ внутреннимъ червякомъ, который ихъ гложетъ.

— Я и не требую.

— И прекрасно! и даже очень прекрасно! И на луну не любуйтесь, потомучто луна есть ярко-вычищенный мѣдный тазъ, и звѣздъ не считайте, потомучто звѣзды — прыщи! Оставьте и луну, и звѣзды барышнямъ — это ихъ достояніе. А вѣдь вы не барышня?

— Какъ не барышня?

— Да вотъ у васъ ни маслянистыхъ очей нѣтъ, ни интересной блѣдности ланить вслѣдствіе потребленія уксуса... и альбома, я думаю, тоже нѣтъ?

— Альбома нѣтъ. Она улыбулась.

— Дневника не ведете?

— Нѣтъ.

— И о гусарикахъ не мечтаете?

— Не мечтаю.

— Слѣдовательно вы не барышня.

— Кто же барышня?

— Барышня-то кто? Это изволите ли видѣть воздушное существо, до тошноты и обморока стагивающееся корсетомъ, су-

щество съ томными очами, золотушное, а потому пропитанное меланхолическимъ запахомъ. Барышня говоритъ о Жоржъ-Зандѣ не иначе, какъ со стыдливимъ румянцемъ, и втихомолку Польде-Коконъ наслаждается. Барышня, если при ней упомянуть о пѣтухѣ, непременно покраснѣетъ и т. д. А вѣдь вы и Жоржъ-Занда читаете, и о пѣтухахъ при васъ говорить можно?

— Ну если такъ, то я не барышня.

— И слава-богу! Онѣ вообще переводятся. Ихъ изъ Парижа вывезла, да почва наша для нихъ не годилась, онѣ и вымираютъ. Скажите, Ольга Марковна, послѣ небольшого молчанія началъ говорить Чернывинъ, и въ голосѣ его слышалась тонкая, но ядовитая иронія: — вы довольны вашею настоящею жизнью?

— Довольна! вежливо отвѣтила она, будто сама не понимая своего отвѣта.

— И другой не желаете?

— Развѣ можно желать того, чего не знаешь? Я другой жизни не знаю.

— Какъ не знаете! а въ романахъ-то?

— Въ романахъ? А развѣ есть такая жизнь?

— Почему же вамъ кажется, что не можетъ быть?

— Да тамъ все такъ необыкновенно! И люди не такіе, и говорить не такъ... Тамъ все любовь!..

— И въ жизни есть любовь, и люди такіе же есть, и страданья, и слезы, и надежды несбывшіяся.... Вотъ эти-то надежды хуже всего! У васъ этихъ вещей быть не можетъ...

— Не можетъ?.. Почему же?

— Потому что вы довольны тѣмъ что васъ окружаетъ. Неслыханыхъ желаній, тоски, стремленій, идеаловъ нѣтъ у васъ... Для васъ все просто; надъ рѣшеніемъ жизненной задачи вы мучиться не станете, ву и страданій не будетъ!

— Не будетъ?.. какъ-то тоскливо промвнесла Ольга Марковна. — Не будетъ? повторила она. — Отчего же не будетъ?..

— Не будетъ, и все тутъ, — голосомъ, проникнутымъ сарказмомъ, сказалъ Чернывинъ. — Да оно и лучше, добавилъ онъ. — Не желайте, Ольга Марковна, иной жизни, право! К чему? Если ваша теперешняя жизнь и воюча нѣсколько — ничего! Молодой другъ говоритъ, что можно привыкнуть ко всякой вош!.. И не требуйте, чтобъ я переродился!

— Развѣ я требую?

— Старъ я сталъ! усталъ и физически и нравственно! Видите какая лшесня! и отчего? Оттого, что примириться не хотѣлъ, а вотъ теперь примирился же! Обрюзгъ и ожирѣлъ и восторгаюсь только наливкой... Гнусно это, но... honny soit qui mal y pense! Поздно ужъ ворочаться назадъ!

— О, нѣтъ! никогда не поздно!

— Для меня, поздно! Все растратено! «Не расцвѣлъ и отцвѣлъ, въ утрѣ пасмурныхъ дней!» Вы меня не поймете, и мой юный другъ меня не пойметъ: вы еще молоды; у васъ все впереди: заря сіяетъ, розовый блескъ... а я все это позади оставилъ, ну и поздно! Въ васъ сила есть; кровь кипитъ; жаны ласкаетъ... желанья есть...

— Вы говорите, что желать не надо: нужно спать.

— Мало ли что говорю я. Не слушайте меня, не вѣрьте мнѣ, лгу я!

— Такъ желать?

— Да. Всѣмъ сердцемъ желайте!

— Страдавій желать?

— Страдавій, слезъ, боли — всего, всего что въскрсе, чисто и прекрасно!

— Зачѣмъ? пытливо спросила молодая дѣвушка.

— Затѣмъ, чтобъ не заснуть, чтобъ не задохнуться въ этомъ вонючемъ болотѣ! Не миритесь вы съ нимъ; бѣгите отъ него, — дальше, дальше бѣгите!..

Сергѣя Ивановича нельзя было узнать; онъ какъ будто переродился. Сонное выраженіе лица исчезло; не было уже на губахъ язвительной усмѣшки; глаза васіяли; румянцемъ покрылись щоки. Онъ судорожно махалъ руками, и восторженная рѣчь быстро лилась. Этотъ порывъ внезапно вырвавшася на волю чувства заразилъ и Ольгу Марковну: она уже не задумывалась; она глядѣла вдаль, какъ будто въ той дали раскрывался передъ ней что-то невѣдомое ей, какъ будто тамъ на самомъ дѣлѣ сіяла заря... внутреннее волненіе огнемъ залило ея щоки, и губы полуоткрылись, какъ будто она хотѣла говорить и не могла. Такъ прошло нѣсколько минутъ.

— Куда же бѣжать? спросила молодая дѣвушка.

Но лицо Сергѣя Ивановича снова пожелтѣло и опустилось; опять ядовитая усмѣшка искривила губы, и глаза снова стади

тусклыми и безразличными. Онъ засмѣялся сухимъ и рѣзкимъ смѣхомъ.

— Въ пустыню!.. Хе, хе, хе... А вѣдь чувствительно вышло? обратился онъ ко мнѣ, но я ничего не отвѣтилъ.

— Всегда такъ! будто сама съ собою проговорила Ольга Марковна.

— Обратите ваше вниманіе на приближающагося Тирсида! произнесъ Сергѣй Ивановичъ. — Боже, какъ стремительно онъ несется!

IX

— Я-съ по всему саду бѣгалъ! суетливо и съ сладкой улыбкой проговорилъ только-что пришедшій господинъ, и съ изумленіемъ глядѣлъ на меня. — Все васъ отыскивать и даже усталъ, продолжалъ онъ, все-таки сладко улыбаясь и отирая платкомъ крупныя капли пота, выступившія у него на лбу.

— А вы ужь давно у насъ не были, ласково произнесла Ольга Марковна.

— Да-съ! печально отвѣтилъ онъ. — Другая дѣвля цошла.

— Хозяйствомъ занимались? спросилъ Черныявичъ.

— Ахъ, Сергѣй Ивановичъ, какое хозяйство! Нашествіе галлоу и съ ними двадцать языковъ произошло,

— Шкуркины?

— Вотъ Богъ наславъ! Саранчу хоть дымомъ выкуришь, а ихъ — ничѣмъ.

— Ну и опустошеніе сильное произведи?

— Татарскій погромъ.

— А вы бы ихъ въ шею!

— Какія вы сильныя мѣры любите! замѣтилъ я.

— Россійскаго производства.

— Не могу-съ.

— Стыдливость!

— Опять общади быть; да я къ тому времени изъ дому убѣгу.

Черныявичъ разразился хохотомъ.

Только-что появившійся господинъ былъ невысокаго роста,

съ темнорусыми волосами ; глаза у него были большіе и черныя, но глядѣвшіе маслянисто и вѣчно вращавшіеся, отчего брови были приподняты и образовывали двѣ дуги. Онъ почти постоянно улыбался, и отъ этой улыбки ротъ его перекашивался и ноздри раздувались. Круглое лицо съ гладко выбритыми, досныщимися щеками и полнымъ, тоже гладко выбритымъ подбородкомъ, ничего почти не выражало, кромѣ какого-то рыхлаго добродушія и порою плаксивости. Такія лица часто встрѣчаются и забываются легко : при встрѣчѣ съ подобнымъ господиномъ невольно придетъ на умъ : « а я гдѣ-то его видѣлъ ? » но гдѣ видѣлъ и при какихъ обстоятельствахъ — этого никакъ не припомнишь. На видъ ему казалось лѣтъ около тридцати, больше или меньше — сказать было бы трудно : могло быть и двадцать-семь, но могло быть и тридцать-три. Сложенъ онъ былъ плотно, и если не хватить кондрашка, то прожить можетъ долго. У него уже имѣлось небольшое брюшко, намекавшее на спокойную жизнь и умственную бездѣятельность. Ходилъ онъ такъ, какъ-будто танцевалъ, немного покачиваясь, склонивъ голову на бокъ и семеня ногами, или мялъ въ рукахъ фуражку, или закладывалъ правую руку за жилетъ, а лѣвую назадъ — понаполеоновски. Говорилъ онъ звонко, налегая на слова, и въ патетическихкихъ мѣстахъ еще быстрѣе вращая глазами и пощипывая свои черныя небольшіе усики ; впрочемъ щипанье усомъ принадлежало тоже къ числу его особенностей, и совершалъ онъ этотъ процессъ, вполнѣ сознавая его важность, съ искусствомъ необычайнымъ. Въ плечахъ онъ былъ широкъ, но это не могло быть признакомъ силы : плеча у него были какъ-то круглы, будто у растолстѣвшей женщины. Одѣвался онъ нето чтобы франтовато, но прилично и солидно : на немъ былъ черный скюртукъ, широкіе сѣрые панталоны и такого же цвѣта галстукъ и жилетъ ; но бѣлье было сомнительной бѣлизны.

Склонивъ голову на бокъ, онъ проговорилъ почему-то слезливо и невѣроятно вывернувъ глаза :

— Я вамъ, Ольга Марковна, Обломова привезъ.

— Очень-очень вамъ благодарна ! Я давно хотѣла прочесть.

— Груздевъ хвалить ; говорить — современная идея затронута.

— Вотъ-съ какъ ! замѣтилъ Чернявинъ. — А въ современныхъ-то идеяхъ онъ какъ свинья въ апельсинахъ смыслить !

Новоявившійся господи́нь, какъ говорится, сеѣлъ, но Ольга Марковна успѣшила ободрить его.

— Вы у него взяли? съ улыбкой сказала она.

— Я у него взялъ, отвѣтилъ тотъ. Насилу далъ, добавилъ онъ.

— Вотъ вы какой добрый!

— Нѣтъ-съ, мнѣ даже очень пріятно было! Я, Ольга Марковна, всегда готова... Я Горева видѣлъ; онъ вамъ кланяется! Совершенно неожиданно смутившись, снова оборвалъ онъ свою рѣчь.

— Вы гдѣ его видѣли? спросилъ Чернявинъ.

— На кафедрѣ — у Петра Александрыча, сострилъ господи́нь со сладимой улыбкой.

— Ну и кривлялся-таки на порядкахъ?

— Что-то о либералахъ говорилъ; я и не разслушалъ. Ноги выше головы положилъ и въ зубахъ ковырялъ. Меня даже зло висло! удивительная наглость! Его ни въ одинъ порядочный домъ пускать нельзя! горячился новопришедшій господи́нь, но эта горячность была въ немъ совершенно неестественна.

— Ну, къ Петру-то Александрычу можно. Онъ тамъ у мѣста: барынь отъ чесотки избавляетъ. Вотъ, обратился ко мнѣ Чернявинъ: — рекомендую вамъ этого Горева: замѣчательный господи́нь! и глупъ необыкновенно, и нахаленъ до дерзости, и плохо не кладите — стащить!

— Экъ вы его расчестили, замѣтилъ я.

— Вамъ Софья Александровна приказала поклонъ передать, проговорилъ господи́нь, обладавшій врачавшимися глазами, обращаясь къ Ольгѣ Марковнѣ.

— Она здорова? спросила та.

— Ничего-съ. Прыщакъ какой-то на глазу сѣлъ, и то прыгаетъ... явилъ онъ, но глумленіе его было водянисто и отъ всего несло прѣснотою. — А о васъ Платонъ Николаичъ спрашивалъ, объяснилъ этотъ сладимый баринъ Чернявину.

— Я-то зачѣмъ ему понадобился?

— Да такъ. Разговорились, — онъ и спросилъ о васъ.

— Экое счастье, подумавъ! насмѣшливо проговорилъ Сергѣй Ивановичъ. — Однако, мои молодые друзья, тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ продолжалъ онъ: — я беру на себя обязанность познакомить васъ, чего, какъ я замѣчаю, вы оба жаждете,

и обратился ко мнѣ, сказала: Владимиръ Сергѣичъ Архаровъ человекъ безпокойнаго характера и крайній либераль.

По принятому обычаю мы подали другъ другу руку и выразили обоюдную радость, тоже по принятому обычаю. Знакомство было скрѣплено.

— А вы, Ольга Марковна, слышали, съ неожиданной рѣшимостью началъ Архаровъ голосомъ звонкимъ, но все-таки съ отфѣнкомъ какого-то унынія: — Софья Александровна Обломова на французскій языкъ переводить.

— Не слыхала, отвѣтила молодая дѣвушка.

— Гм! промывчалъ Чернявинъ: — не уналась еще старая дура?

— Зачѣмъ! вся вспыхнувъ отчего-то, укоризненно произнесла Ольга Марковна. — Зачѣмъ, повторила она: — вы такъ оскорбляете ее? Вы знаете, что это неправда? Она умная, добрая... А вы вѣдь всѣхъ... вы всегда стараетесь осмѣять и оскорбить каждаго... Вы злой! говорила Ольга Марковна, но голосъ ее попрежнему былъ мягокъ и мѣженъ.

— Я вамъ весьма благодаренъ! насмѣшливо отвѣтилъ Сергѣй Ивановичъ, но безъ его вѣдома въ голосъ его мѣшалась горечь, — Я вамъ очень благодаренъ! повторилъ онъ, — Но согласитесь, что Софья Александровна, которой давно уже за сорокъ перевалило, у которой дѣтей куча, — смѣшно романчиками заниматься.

— Почему же смѣшно?

— Да-съ, смѣшно! Смѣшно потому, что сорокалѣтней бабѣ пора бы и за умъ взяться; адегив и тому подобную драмъ бросить пора бы!

— Такъ это дрянъ? И зачѣмъ вы такія слова говорите?

— На французскомъ діалектѣ изъясняться не привыкъ! равнодушно отвѣтилъ Сергѣй Ивановичъ, хотя можно было замѣтить, что въ немъ закипаетъ злоба. — Воображаю я себя, какъ эта новая Сафо глаза подъ лобъ закатываетъ и говоритъ: «*Monsieur* Чернявинъ, я Обломова перевожу. *C'est un bon livre, n'est ce pas? Voulez-vous que je vous lise quelque chose?* — и кашетъ. Да вѣдь она на смерть зачитаетъ, вѣдь отъ нея ни крестомъ, ни пестомъ не отдѣлаешься.

— Не слушайте: васъ никто не заставитъ! возразила Ольга Марковна.

— Да ея ли это дѣло? Знала бы ребятъ нянчить, а то Жоржъ-Зандъ на умѣ! Какже! нельзя, отъ вѣка отстать нельзя! Свобода женщинъ! Ха! Съ ея ли рыломъ въ калашный-то рядъ! Талантъ тоже!.. У Софи Александровны талантъ! Да вѣдь это человѣческаго смысла не имѣеть! Послѣднія слова Чернявинъ проговорилъ такъ ядовито, съ такою злостью, что даже Архаровъ, до тѣхъ поръ со сладимой улыбочкой щипавшій свои усики, ни съ того ни съ сего засуетился и вспыхнулъ.

Ольга Марковна отвернулась и пошла въ другую, противоположную сторону, не сказавъ ни слова, не взглянувъ даже ни на кого. Сергѣй Ивановичъ вдругъ замолчалъ и сдѣлался сумраченъ.

Архарова должно быть сдерживало только присутствіе молодой дѣвушки. По уходѣ Ольги Марковны онъ не вытерпѣлъ и захотѣлъ развернуться, но его остроуміе, которымъ онъ думалъ щегольнуть, — остроуміе нѣсколько гостинодворское, сразу замерзло отъ ядовитаго замѣчанія Сергѣя Ивановича, что дескать Владимиръ Сергѣичъ — талейранъ. Архаровъ понялъ насмѣшку, обидѣлся и замолчалъ. А я все думалъ о быстромъ уходѣ Ольги Марковны, въ которомъ такъ ясно выразилась дѣйственная стыдливость и какая-то дѣтская обидчивость.

Возвратясь домой, я долго-долго продумалъ о судьбѣ молодой дѣвушки, которая какимъ-то чудомъ родилась и развивалась среди этой глуши, среди этого непроходимаго болота, производящаго то такихъ гигантовъ какъ Раскатаевъ, то такую мелюзгу, какъ Владимиръ Сергѣичъ, корчащій изъ себя либерала, хотя онъ вовсе не либералъ, а только простой и добрый человѣкъ.

— «Что станетъ съ нею? думалъ я. Разовьется ли она пышнымъ цвѣтомъ, или заглохнетъ въ этомъ болотѣ, зажирѣетъ, расплывется и станетъ варить варенья, откармливать гусей и народить кучу ребятъ? Кто знаетъ и можетъ сказать?»

Х

Меньше чѣмъ черезъ недѣлю я былъ снова у Раскатаева. Тотъ же оборванный лакей, на этотъ разъ бывшій въ сумрачномъ расположеніи духа, объявилъ мнѣ, что Петръ Николаичъ

изволятъ почивать и Катерина Николаевна тоже, а Ольга Марковна въ саду должно-быть, книжки читають.

Я пошолъ въ садъ.

Не знаю почему и зачѣмъ я остался, какъ не могъ я сказать почему и зачѣмъ я пришалъ. Иногда на человѣка (покрайней-мѣрѣ на меня, и я принадлежу кажется къ этой породѣ) находятъ такія минуты, когда все что дѣлаешь, — дѣлаешь бессознательно; даже хочешь сдѣлать совершенно противоположное, и все-таки дѣлаешь то чего не хотѣлось дѣлать. Не знаю какъ назвать эту зависимость воли отъ чего-то другого: фатализмомъ ли, или распущенностью, но вѣрно только то, что это подчиненіе разума внезапному порыву чувства было болѣзнию, общою всѣмъ людямъ нашего поколѣнія. Точно также и тогда, я хотѣлъ уѣхать — и все-таки остался.

День былъ влажный, поутру шолъ дождь и трава еще не вездѣ высохла; жидкія облака быстро пробѣгали по небу, словно догоняя другъ друга, и воздухъ былъ удивительно душистъ! Я пошолъ по прямой и широкой липовой алеѣ, которая вела къ пруду; на поверхности воды плавали широкіе ярко-зеленыя листья водорослей, и среди нихъ пестрѣли бѣлые и желтые цвѣты кувшинки. Прудъ былъ длиненъ, но узокъ, и обступившія его со всѣхъ сторонъ плакучія березы дѣлали его мрачнымъ, а тихій постоянный шумъ ихъ мелкой листвы, перебираемой вѣтромъ, чѣмъ-то таинственнымъ наполнялъ это мѣсто.

На поворотѣ узкой тропинки я встрѣтился съ Ольгой Марковной, и снова дрожь пробѣжала по мнѣ, когда между кустовъ мелькнуло бѣлое платье и граціозная головка съ свѣтлорусыми волосами. Я остановился. Молодая дѣвушка шла съ книгой, но не читала: вся ея фигура имѣла выраженіе тихой задумчивости. Она только тогда замѣтила меня, когда тихимъ но взволнованнымъ голосомъ я проговорилъ какое-то привѣтствіе, на которое она ничего не отвѣтила. Лицо ея выразило изумленіе и него испугъ, нето радость; потомъ нѣжный румянецъ залилъ ея щеки. Я былъ смущонъ не менѣе ея.

— Вы читали? Я вамъ помѣшалъ? какъ-то глупо пробормоталъ я, но она не замѣчала ни моего смущенія, ни краски, выступившей на щекахъ.

— Обломова... я кончила... отрывисто отвѣтила она. Нѣтъ, ничего!

Мы замолчали.

— Петръ Николаичъ спитъ?

— Да... дядя не совсѣмъ здоровъ.

— А я къ нему...

— Вамъ его нужно?..

— Да... нѣтъ... я послѣ...

Опять ни слова, ни звука кромѣ шума листовъ, и мы идемъ дальше по дорожкѣ.

— А Сергѣя Иваныча нѣтъ у васъ? — говорю я, хотя же-лаю сказать совсѣмъ не то.

— Онъ ужь два дня не былъ, медленно отвѣчаетъ Ольга Марковна.

«Чтожъ это такое? Я слова не могу сказать!» и стараясь выйти изъ замѣшательства, стараясь преодолѣть смущеніе, я еще больше смущаюсь, и снова говорю и противъ воли, и противъ желанія.

— Обломовъ вамъ нравится? — Какое мнѣ дѣло до Обломова и зачѣмъ мнѣ знать, особенно въ эту минуту, нравится ли онъ ей или не нравится, — а между тѣмъ ничего иного сказать не могу я.

— Да, онъ мнѣ нравится... онъ — добрый...

— А Штольцъ?

— Нѣтъ. Штольцъ не нравится... онъ очень уменъ...

«Не нравится потомучто очень уменъ! Что она хочетъ этимъ выразить?»

— Я Тургенева люблю! — быстро говорить молодая дѣвушка и ждетъ; но я ничего не отвѣчаю: эти слова пролетаютъ мимо моихъ ушей, не возбудивъ во мнѣ никакого вниманія.

«Господи, какъ бы выйти изъ этого положенія!» думаю я.

— Ольга Марковна, — съ внезапной рѣшимостью заговорилъ я, а сердце шибко билось и слова съ трудомъ выходили изъ горла, — я глубоко виноватъ передъ вами!

Поняла ли она, догадалась ли, что я хочу говорить о нашей первой встрѣчѣ, только еще ниже опустила голову.

— Помните... въ лѣсу... — прошептала я, не смѣя глядѣть на нее и въ тоже время не имѣя силы свести съ нее глазъ.

Я видѣлъ какъ краска зажгла все ея лицо... стыдъ ли, другое ли какое чувство вызвало эту краску; взволновали мои слова ея чистую душу и негодованіемъ наполнилась она, или и она

была встревожена воспоминаніемъ, — я не могъ тогда знать. Она тихо говорила :

— Зачѣмъ... не надо... пожалуйста не надо !

— Простите ! — вырвалось у меня. Я виновата, но это было выше моихъ силъ ! Я не умѣю вамъ сказать, что тогда со мной случилось ! О, я глубоко раскаиваюсь !.. Еслибъ вы знали сколько бессонныхъ ночей... какія слезы ! Когда я васъ встрѣтила потомъ, я тогда же хотѣла, но не могъ ! Почему я не могъ сказать вамъ этого — я не знаю. Вотъ и теперь... у меня сердце болитъ... я плакать готовъ .. — И на самомъ дѣлѣ я готовъ былъ плакать.

— Я никогда !.. начала она и вся вспыхнула снова. — Зачѣмъ вы говорите ? я знаю...

Въ этихъ быстрыхъ, несвязныхъ фразахъ слышалась святая невинность ясной души и ребяческая довѣрчивость. Съ этихъ поръ мы стали какъ-будто ближе другъ къ другу; она перестала меня дичиться, — стѣна раздѣлявшая насъ рушилась.

Въ ухахъ моихъ снова раздается свѣжій, почти дѣтскій голосъ Ольги Марковны.

— Я здѣсь подолгу бываю... и люблю... вечеромъ, когда солнце заходитъ, здѣсь хорошо... — тихо говоритъ она.

Мѣстность, лежавшая передъ нами не поражала, а уснономывала взоръ. Не было въ ней ничего мрачнаго и грандіознаго. Съ той точки, гдѣ мы остановились, открывался видъ вереть на десять вдале. Почва была холмистая, кое-гдѣ поросшая молодыми кустарникомъ, но большею частью засѣянная хлѣбами; сколосившаяся рожь уже желтѣла, но овсы все еще были ярко зелены; двѣ или три деревушки чернѣли вдали; налѣво трухменевскій лѣсъ, извиваясь, уходилъ въ глубь широкихъ полей. Тишина была невозмутимая, только порою изъ высокой ржи доносился до насъ рѣзкій крикъ журавлей.

— Здѣсь хорошо, — повторю я ея послѣднія слова.

— Я люблю здѣсь бывать, — задумчиво говоритъ молодая дѣвушка.

— Потомучто свѣтло, и глазъ не пугается ни мракомъ, ни безпредѣльностью, и душа не смущается страхомъ ?

— Я не знаю. Нравится, — такъ, просто нравится. Я люблю, что небо такое розовое дѣлается, когда солнце заходитъ, — и трава тихо нагибается отъ вѣтра, стелется... Солнце всегда за той рощей закатывается. И особенно я люблю пристально вдаль глядѣть... что тамъ за ней? Вотъ ужъ сколько времени я добираюсь разгадать, а не могу.

— Тоже поля... такія же плоскія... тоже хлѣбомъ засѣяны... а те дѣла...

— А за ними?

— Имъ вь конца нѣтъ.

— И вездѣ такъ?..

— У насъ — вездѣ. — А вотъ я городовъ не видала... Какъ хотѣлось бы мнѣ побывать.

— Кчему? Здѣсь, право, лучше: здѣсь вашего тихаго счастья ничто не нарушить. Любятъ васъ здѣсь...

Она молчала и все продолжала пристально глядѣть вдаль.

— Я богъ-знаетъ что готовъ бы былъ дать, еслибъ могъ такъ тихо и спокойно жить какъ вы.

— А развѣ нельзя?

— Нельзя. Меня не можетъ удовлетворить теперь эта жизнь... Я еще не дожилъ до той поры, когда отдыхъ только нуженъ.

— Чего же вы желаете?

— Я хочу счастья, а въ той жизни, которой жилъ я, счастья немного.

— Какъ это странно... тихо и задумчиво проговорила она.

— Что вамъ кажется страннымъ?

— Какая это жизнь? быстро обернувшись ко мнѣ, спросила Ольга Марковна. — Отчего я не знаю ее?

— Пора еще не пришла. Придетъ время — узнаете.

— Скоро?

Я не могъ не улыбнуться этому нетерпѣливо-дѣтскому вопросу.

— Этого никто не можетъ сказать вамъ.

— Никто не можетъ сказать?.. прошептала молодая дѣвушка:

Я ничего не отвѣтилъ.

— Слышите вы: какой запахъ! Вечеромъ дождикъ непременно будетъ... говорила Ольга Марковна.

— А вы любите грозы? спрашиваю я.

— О, да!

Мнѣ почему-то припомнились стихи нашего великаго поэта :

«Любилъ и я въ былые годы,
Въ невѣнности души моей
И бури шумныя природы,
И бури тайныя страстей!»

и я вслухъ прочиталъ эти четыре строчки Ольга Марковна быстро обернулась ко мнѣ и сказала :

— «И бури тайныя страстей...» какія это бури?.. Зачѣмъ онѣ?.. Нѣтъ, я не люблю Лермонтова.

— Онѣ непонятны вамъ теперь; потомъ — полюбите.

— Зачѣмъ? нѣтъ.

— Полюбите: въ немъ жизни много, — правды...

— Мнѣ плакать хочется... Онѣ были недобрый человѣкъ...

— Онѣ много страдалъ. Его оскорбляли, — онѣ сталъ ненавидѣть.

— Отчего же не простилъ онѣ? лучше — прощать...

— Есть такія оскорбленія, которыхъ простить невозможно.

— Я не знаю...

— Да в гдѣ же вамъ было узнать ихъ? Васъ здѣсь любятъ... Вы окружены нѣжнымъ вниманіемъ и ласками... И было бы страшно, еслибъ въ ваши года вы могли ненавидѣть. Мнѣ даже кажется, что вы никогда не испытаете этого чувства.

— О, никогда! Я всѣхъ люблю... просто и безъ всякой стыдливости отвѣтила Ольга Марковна, — и она имѣла право сказать это.

Мягкій и нѣжный голосъ снова ласкаетъ мой слухъ :

— Вы видѣла бѣлую бесѣдку?

— Гдѣ? Нѣтъ, не видалъ.

— Я рѣдко хожу туда, — тамъ страшно...

— Почему же страшно?

— Тамъ убили... Ахъ, это страшная исторія! Мнѣ давно еще рассказывала няня...

— Ольга Марковна!.. барышня, гдѣ вы?.. долетаетъ до насъ голосъ Дуняши.

Молодая дѣвушка, улыбаясь шаловливо, говоритъ :

— Молчите! «А-у!» слыбает тихо, кричитъ она въ отвѣтъ и убѣгаетъ. Я остаюсь одинъ, полный грезъ и тихаго счастья.

Ахъ! И передо мной, какъ вкопанная осталовилась удивительная, вполнѣ русская красавица, съ пышными плечами, полною грудью и стройнымъ станомъ, никогда не знавшимъ корсета. Сѣрые лукавые глаза съ длинными рѣсницами и темнорусыми пушистыми бровями, яркій румянецъ блага продолговатаго лица, темные волосы, собранные въ густую косу — красота! Какая дикая, но граціозная застѣнчивость, и какая гибкость и сила движеній! «На тебя заглядѣться не диво; полюбить тебя каждый не прочь!..» шепталъ я, невольно залюбовавшись на красавицу...

XI

Дня черезъ два приѣхалъ ко мнѣ Чернявинъ.

— Знатный у васъ домъ.

— Великъ очень.

— Да, разгуляться есть гдѣ. Молодцы наши дѣдушки были! Вы какъ думаете?..

— Я этого не думаю.

— Э! да я-то что спрашиваю. Вонъ у васъ тутъ и Шлегели братцы, и Шеллингъ, и Тикъ — вся нѣмецкая земля! Душеспасительное чтеніе! Кухня и филистерство! Какой смыслъ во всей этой ерундѣ?

— Вы ихъ не долюбиваете?..

— А за что я стану любить всю эту нѣмецкую сволочь? Не зато ли, что они мысль нашу растлили?.. за это? Нѣтъ, у меня жолчъ подымается, какъ только увижу какого-нибудь Негг Профессора. Я, батюшка вы мой, самъ былъ въ этой священной странѣ; — съ тѣхъ самыхъ поръ я почувствовалъ отвращеніе. У насъ это напускное, а вѣдь тамъ каждый и родится за тѣмъ, чтобъ міровыя задачи рѣшать, какъ же-съ! Запахъ пива в кнастера, красные носы и бѣлые волосы, — мѣщанство во всемъ: и въ жизни общественной, и въ наукѣ, и въ частной жизни... Гниль и вонь нестерпимая!

— И это все что вывели вы оттуда? А памятники, а художественныя созданія и великія дѣла, совершенныя гениями Германіи — все это не оставило въ васъ ни малѣйшаго слѣда?..

— Какое мнѣ дѣло до всего этого? Впрочемъ это я только теперь такъ говорю, а тогда конечно поразили... Къ покойнику Гегелю на могилу ходилъ, на могилѣ Гёте жестоко рыдалъ... Сумбуръ въ то время въ головѣ былъ ужаснѣйшій! А теперь духа нѣмецкаго слышать равнодушно не могу.

— Въ васъ до крайности развита нетерпимость!

— Какая тутъ нетерпимость! Уяснилось мнѣ безобразное филистерство этихъ господъ, ихъ кабинетная мудрость, чуждая жизни, отвратительна показалась мнѣ — вотъ что! Вы одно возьмите: въ то время какъ жизнь несется, надо бороться, — они рѣшеніемъ вопроса о субстанціи занимаются, и насъ этимъ индеферентизмомъ заразили, и мы кричали: «подите прочь!» и т. д. Издали точно эффектно выходило, а вблизи ни на что не похоже! И знаете ли вслѣдствіе какой причины я все это уяснилъ себѣ?

— Какъ же могу я знать?

— Причина была самая пустая... Но у васъ вѣроятно существуетъ водка? Я привыкъ въ это время выпивать...

— Я сейчасъ велю подать.

— Теперь я могу объяснить вамъ причину. Я былъ необыкновенно чувствительный (Сергій Ивановичъ очень часто, почти всегда произносилъ это слово подобнымъ образомъ) юноша; сердце имѣлъ нѣжное и къ любви очень способное, вслѣдствіе чего воспылалъ страстью къ нѣкоторой Лотхенъ. Ну-съ, сталъ однажды на колѣни и объясняю свое положеніе, что любви моей тайтъ силъ не имѣю. Она благосклонно красивѣла и объявила мнѣ весьма невинно и добродушно: *Sagen Sie mein Paracheu!* А папашенъ ея былъ булочникъ пудовъ десяти въсомъ съ румяно-мѣднымъ лкомъ и вылупившимися очами... Такъ меня и ошарила!

— Такъ съ этихъ поръ?

— Съ тѣхъ поръ! Но вотъ что странно: даже и теперь иногда къ старому тянетъ; все не могу отстать. Вы что объ этомъ думаете?

— Думаю, что тогда вамъ лучше было, и вы жалѣете то время.

— «Что прошло — невозвратно! Небо къ намъ неумолимо!» продекламировалъ Чернявинъ. — Въ томъ-то вся и штука, что небо неумолимо...

Мы замолчали. Черныгинъ каталъ изъ хлѣба шарики и насмѣивалъ какую-то арію.

— Скажите, что за личность Архаровъ? спросилъ я съ единственною цѣлью сказать что-нибудь.

— Вѣдь вы его видѣли, не переставая заниматься катаніемъ шариковъ, лѣниво отвѣтилъ Черныгинъ.

— Нѣсколько часовъ. Не могъ же я вполне узнать его.

— Ничего, чистенекъ... Парень добрый и въ карманъ не залѣзетъ, можете быть покойны. Нельзя сказать что глупъ, но и пороха не выдумаетъ; — вообще приличенъ, но разсыропленъ не вѣтру... Того, что называется характеромъ — на двѣ копейки въ немъ нѣтъ. Расплылся и съ чужого голоса пѣтъ любить; а начево: мужъ будетъ почтительный, и потомство имѣть можетъ большое.

— Не поздоровитѣя отъ эдакихъ похвалъ! зашѣтилъ я улыбаясь.

— Покрайности произведеніе нашей почвы — самородокъ; также какъ мусье Раскатаевъ...

— Похвалы-то?

— Нѣтъ Архаровъ. Такъ-сказать — дитя степей, только пообщипанное, измелъчавшееся... Раскатаевъ, милый вы человекъ, — гигантъ, а Архаровъ — козявка, но матерьялъ, изъ котораго сдѣланы они оба, одинъ и тотъ же — барство!

— Я не согласенъ съ вами. Между ними, помоему нѣтъ ни малѣйшаго сходства. Архаровъ все-таки человекъ, — человекъ ничтожный, слабый, ни на что негодный даже, но человекъ способный любить, страдать... способный плакать... А Раскатаевъ — это звѣрь какой-то!

— Изъ какихъ источниковъ вы это почерпнули? перебилъ меня Черныгинъ: — кто вамъ сказалъ, продолжалъ онъ: — что Раскатаевъ неспособенъ любить? Кто вамъ сказалъ, что онъ неспособенъ страдать? Плакать онъ дѣйствительно не станетъ, да это было бы и смѣшно! Вы вѣдь его по одному поступку судите, вы не имѣете права.

— Да вѣдь въ этомъ поступкѣ онъ вылился весь, со всѣми степенями вѣрованіями...

Но Сергій Ивановичъ снова перебилъ меня.

— Да знаете ли вы его настолько, чтобъ безошибочно могли сказать: этотъ человекъ гадокъ? Забудьте, что я не думаю за-

щипать его, я самъ не менѣе вашего былъ озлобленъ; но я знаю, что Раскатаевъ вовсе не такъ дурень, какъ можетъ показаться съ перваго раза. Попробуйте-ка оскорбить Ольгу Марковну или Катерину Николавну, — вы и увидите, способенъ ли онъ любить! Да! Вы не хотите понять, что нельзя отъ него требовать той сопливой гуманности, которая теперь въ ходу; онъ иначе развивался, при иныхъ условіяхъ, въ иной жизни... Что же вы, помните, средѣ-то громили, такъ, ради словопренія? Нашъ съ вами среда заѣла, а Раскатаевъ самъ виноватъ!

— Я вамъ не говорилъ, что онъ одинъ во всемъ виноватъ. Безъ всякаго сомнѣнія то общество, въ которомъ жилъ онъ, много способствовало его уродливому развитію.

— Да-съ, способствовало. Но вотъ какая разница между имъ и Архаровымъ: Владиміръ Сергѣичъ, живи онъ тогда, былъ бы мелкій ворюшка, дрянъ, гадина! И во всякомъ случаѣ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, изъ него ничего не вышло бы путнаго: слезящійся, сопливый филантропичка вышелъ бы... а у Раскатаева есть то, чего и у насъ съ вами нѣтъ, — у него сила есть, крѣпость, да направлены-то онъ на зло — вотъ бѣда!

— Чтожъ вы сами-то себѣ противорѣчите! замѣтилъ я, припомнивъ, что еще недавно онъ возставалъ противъ моихъ словъ, что среда губить. Но Сергѣй Ивановичъ былъ весь созданъ изъ противорѣчій, крѣпкаго и цѣльнаго міросозерцанія у него не было. Онъ ничего не отвѣтилъ на мое замѣчаніе и неожиданно проговорилъ:

— Вотъ ужъ сколько времени смотрю я на этотъ портретъ. Кого онъ изображаетъ?

— Моего отца.

— Экой взглядъ-то! Человѣкъ былъ, надо полагать, не изъ маленькихъ; шутить не любилъ...

— Я его почти не помню, но говорятъ — онъ былъ деспотъ! отвѣтилъ я, внезапно вспомнивъ все что было слышано мною объ отцѣ.

Чернявинъ насмѣшливо улыбнулся.

— Вотъ-съ какъ! замѣтилъ онъ: — деспотъ! Что вы подразумеваете подъ этимъ словомъ? Если онъ гнулъ всѣхъ, то иначе и быть не могло...

— Да вы фаталистъ!

— Откуда вы словъ такихъ громкихъ набираете! И почему вы думаете, что я фаталистъ?

— Какже не фаталистъ: повашему каждое явленіе законно. Человѣкъ уничтожалъ во всемъ самостоятельность, а вы говорите: такъ должно было быть! Теперь я васъ спрашиваю: кто давалъ ему это право?

— Тѣ, кого онъ гнулъ. Но это дичь, это праздное словоизверженіе! О чемъ мы съ вами споримъ? лѣниво проговорилъ Чернывинъ и запѣлъ: do, re, mi, sol... но вдругъ оборвалъ и обратился ко мнѣ: — вы влюблены.

Я разсмѣялся и почему-то покраснѣлъ.

— Нѣтъ, не влюбленъ.

Маленькіе глазки Сергѣя Ивановича глядѣли насмѣшливо.

— Почему же цвѣтъ лица у васъ такой необыкновенный, и въ глазахъ масло?

— Не знаю... А вы странный человѣкъ!

— Можетъ быть. Я ужъ привыкъ.

Мы замолчали.

— Хотите ѣхать къ Раскатаеву, я туда! сказалъ Чернывинъ.

— Поѣдемте, только ловко ли: я всего два дня какъ былъ у него.

Чернывинъ разсмѣялся.

— А въ васъ еще уроки приличія не выдохлись! замѣтилъ онъ.

Мы поѣхали.

— Семень! говоритъ Чернывинъ кучеру: — отчего пристаячая хромаетъ?

— А кто ее знаетъ! равнодушно отвѣчаетъ тотъ.

— Опондъ?

— Да разрази меня на семь мѣстъ...

— Ладно, ладно! перебилъ Сергѣй Ивановичъ и обратился ко мнѣ: — какъ вы ихъ находите? спросилъ онъ.

— Я ихъ почти не знаю. Вы меня опять ошварите! отвѣтилъ я.

— Ну, Петра Николаича всторону, а другіе?

— Сестру его я только разъ и видѣлъ.

— Зачѣмъ вы хвостомъ виляете?

Я понималъ, что онъ намекаетъ на Ольгу Марковну, но говорить о ней почему-то не рѣшался.

— Вы давно знаете Петра Николаича? спросилъ я.

— Лѣтъ восемь! отвѣтилъ Чернявинъ и началъ насвистывать какую-то пѣсню. — Экой лѣсъ! замѣтилъ онъ: — а что, Семень, ночью одинъ пройдешь?

— Не могу-съ.

— Почему же? спросилъ я.

— Не нашицкая сила власть большую въ этомъ лѣсѣ имѣеть. Ононся Кузька три дня шуталъ. Жисти лишиться возможно! отвѣтилъ Семень.

— Эхъ, братъ, а еще въ столицѣ жилъ! замѣтилъ Чернявинъ. — Вы развѣ не знаете, что про лѣсъ рассказываютъ? спросилъ онъ меня.

— Я вѣдь недавно здѣсь...

— Любого мужика спросите.

Вотъ ужъ в Больнiя ямы близко; насъ догналъ Архаровъ, лошади его были въ мылѣ.

— Ахъ-съ, Сергѣй Иванычъ...

— Здравствуйте! Что это вы лошадей-то такъ упарили? На пожаръ чтоли спѣшите? Семень, пошолъ домой! обратился онъ къ кучеру, когда Владимiръ Сергѣичъ скрылся изъ вида. Я взглянулъ на него съ изумленiемъ. — Семень, а ночью дождь будетъ, а?

— Не могу знать. Надо полагать — будетъ.

— Ну, пошолъ. Хотите ко мнѣ? спросилъ онъ меня: — а то я подвезу.

— Поѣдете къ вамъ! отвѣтилъ я и думалъ: «что это съ нимъ? какая муха его укусила?»

XII

Я довольно близко сошелся съ Сергѣемъ Иванычемъ; въ насъ было много общаго, мы были вскормлены одинаковой пищей. Несмотря на циническiя выходки и озлобленiе, Чернявинъ хранилъ въ себѣ много того что самъ же онъ клеймилъ названiемъ идеализма. Жизнь сломила его, какъ сломила она и меня, какъ сломила многихъ, но я былъ моложе, а потому во

мнѣ было больше примиренія; онъ же вынесетъ изъ этой ломки только злобу и мрачное недовѣріе. Въ немъ какъ-то странно соединялось нѣсколько характеровъ: то онъ бывалъ нѣженъ и веселъ, то вдругъ совершенно безъ всякаго повода дѣлался грубымъ и сумрачнымъ, и такъ быстро, что не вѣрилось, будто это тотъ же самый человѣкъ, который за нѣсколько минутъ стоялъ передъ вами.

— Я совсѣмъ ужь старъ; силы во мнѣ на два гроша нѣтъ! Время ли думать о перерожденіи! отвѣчалъ Чернывинъ, когда я говорилъ ему, что не все еще потеряно для него, что возратъ еще возможенъ.

— Не можетъ быть! возражалъ я: — это вы такъ на себя напустили. Не можетъ быть, чтобъ вы такъ устарѣли! Вы спите теперь; вамъ нуженъ толчокъ.

— Въ спину или въ другое мѣсто?

— Зачѣмъ вы вѣчно смѣетесь?

— Я уже объяснилъ вамъ.

— Вы подлюбите и сбросите съ себя эту несчастливую адатю! говорилъ я.

— Полноте! съ какой-то ядовито-грустной усмѣшкой отвѣчалъ Сергѣй Ивановичъ: — съ этой ли лысиной думать о любви! Положимъ, я еще могу быть любимымъ, если, какъ вы говорите, сброшу съ себя всю грязь, которая обдѣлила меня; но скажите, что могу я дать женщинѣ, которая отдастся мнѣ? Потрепаншееся, поистасканное и ужь замаранное цинизмомъ и грязью жизни чувство? За рубль полущку! Ничего! Есть и такіе франты, только я имѣю смѣлость думать, что я не принадлежу къ нимъ! Ну, а дряни-то я самъ не хочу, у меня когда-то вкусъ былъ. Есть конечно общественная дѣятельность, да мы съ вами для этой ломки не годимся. Наше время прошло. Такъ ли я говорю, молодой другъ? Вы взгляните-ка на молодое поколѣніе, сѣда-то какая? Они можетъ-быть и хуже васъ, но они нужнѣе. Ихъ не сломишь, да и согнуть трудно, а привоините-ка какъ насъ гнули!..

— Гнули?..

— Вѣдь мы съ вами, милый вы человѣкъ, апахронизмъ! Куда ужь намъ съ посконнымъ-то рыломъ въ калашный ялъ соваться!..

— Отчего же это? съ тоскою говорилъ я: — отчего же я и

хочу и не могу! Что держит меня? Помните, я говорилъ вамъ, что цѣпи-то!..

Но Сергѣй Ивановичъ ничего не отвѣчалъ и оба мы надолго замолчали.

А то вдругъ нахлынетъ на меня какая-то кипучая сила: чувствую я какъ быстро кровь потечетъ по жиламъ; образъ чей-то засяетъ передо мною, и я бываю готовъ на все... по этотъ порывъ проходилъ быстро, и опять грусть тяжелымъ гнетомъ сдвигивала сердце; опять являлось сознание своего бессилія и ничтожности, и я готовъ былъ рыдать. И сознавалъ я, что ничтожный я, слабый человѣкъ. И снова образъ молодой дѣвушки зоветъ куда-то и сулитъ новую жизнь.

Мы нерѣдко говорили объ Ольгѣ Марковнѣ. Противъ воли и совершенно безсознательно у Сергѣя Ивановича вырывались слова, въ которыхъ слышалась глубокая любовь къ ней. И сталъ для меня понятенъ и преднамѣренный цинизмъ, и то озлобленіе, которымъ рисовался онъ; онъ страшился, что она его полюбитъ, хотя горячо желалъ этой любви, страшился потому, что, какъ говорилъ онъ, онъ ничего не могъ дать ей за ея любовь.

— Ну и полюбитъ меня женщина (помните я говорю о молодой и полной силы женщинѣ, а не о такой, которая вся пострадалась); я-то на кого буду похожъ? Теперь меня зло беретъ, когда я вижу старца, женившася на молодой дѣвушкѣ, въ надеждѣ, что ветхое тѣло его окрѣпнетъ насчетъ молодого и свѣжаго организма, а тогда я самъ этому старцу уподоблюсь.

Да, онъ былъ честенъ и настолько силенъ, чтобы не поддаваться искушенію, но не могъ онъ втайнѣ не восхищаться расцвѣтавшей красотой. Онъ мнѣ самъ говорилъ:

— Вѣдь во мнѣ есть еще настолько пониманья, вѣдь не со всѣмъ же я отупѣлъ и жиромъ заплылъ, чтобы не видать красоты, въ чемъ бы она ни проявлялась, и не могу не желать и обладанія этою красотой; но было бы мерзко, еслибъ я завладѣлъ ею, когда глубоко убѣжденъ, что и она воскресить меня не можетъ.

Сергѣй Ивановичъ говорилъ эти безотрадные слова нисколько не рисуясь, безъ фанфаронства и гарольдизма, глубоко сознавая, что на самомъ дѣлѣ онъ устарѣлъ и опустился.

У него неподалеку отъ имѣнія Раскатаева была небольшая

деревушка, въ которой онъ жилъ лѣтъ восемь. Онъ почему-то долженъ былъ оставить городъ; я догадывался, что какал-нибудь ошибка молодости принудила его поселиться въ этомъ захолустьѣ, но онъ самъ никогда объ этомъ обстоятельстве своей жизни не рассказывалъ. Ольгу Марковну онъ зналъ еще съ дѣтскихъ лѣтъ, и вотъ что рассказывалъ о ея развитіи, и воспитаніи и о ея родныхъ.

Дѣдъ Ольги Марковны, Николай Раскатаевъ, былъ яркимъ выраженіемъ прошлаго вѣка, буйнаго и развратнаго: бариинъ съ головы до ногъ. Сына своего, Петра Николаича, онъ любилъ потому, что гордясь древностью своего рода, видѣлъ въ немъ какъ бы продолженіе самаго себя, и хотя мало заботился объ его образованіи, но весьма радовался, когда восьмилѣтній Петька таскалъ за волосы дворовыхъ людей. «Важно, Петька! — говорилъ онъ — валяй ихъ подлецовъ!» и хохоталъ. А Петька съ самаго раннего возраста былъ свидѣтелемъ отвратительно-грязныхъ сценъ и дикаго произвола и начиналъ мало-помалу входить во вкусъ, начиналъ находить наслажденіе въ такихъ удовольствіяхъ, которыя грязью и смрадомъ ложатся на душу ребенка, въ которыхъ попусту и безобразно тратится чувство и расстрѣвается молодая душа. И выросталъ, «Петька», въ обществѣ борзятниковъ да псарей, урываевъ да залетаевъ, порсканья да атуканья. Выросталъ онъ, видя постоянное насиліе и грубую силу, пеумѣрлемую ничѣмъ, и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе грубѣло его чувство.

Мать его была женщина слабая, робкая, забитая, совершенно уничтоженная грубою силою мужа, да и умерла слишкомъ рано: годъ рожденія Катерины Николаивны былъ годомъ ея смерти. И едвали ея вліяніе могло бороться съ вліяніемъ отца; въ натурѣ Петра Николаича лежали тѣже задатки, изъ которыхъ развился характеръ старика Раскатаева.

Дѣтство Катерины Николаивны было самое грустное. Одинокое росла она въ обществѣ нянекъ да мамокъ: подругъ и ровесницъ у ней не было ни одной; дѣтскаго веселаго и беззаботнаго смѣха не знала она; даже игрушекъ и тѣхъ у ней не было. Встанеть она бывало рано поутру, Богу помолится и сядеть гдѣ-нибудь въ углу такъ тихо, что ее и не слышно. Лѣтомъ все еще ничего: въ садъ выйдетъ; воздухомъ свѣжимъ душу ребенка обдастъ, запахомъ чуднымъ, и что-го встрепенется въ

этой душѣ, зазвучить въ ней какая-то струна... но этотъ порывъ исчезаетъ мгновенно: некому ей объяснить его, а сама понять она не можетъ. Да и гулянье-то было какое-то вялое, скучное: дѣвочка не бѣгала, а тихо шла около своей няньки и слушала ея рассказы о страшныхъ волшебникахъ, о грозномъ «букѣ», который таскаетъ дѣтей.

— Вы бы, барышня, побѣгали, скажетъ старушка, которой ужь не въ охоту рассказывать въ сотый разъ одну и ту же исторію, да и полежать хочется, старыя кости понѣжить.

— Не хочется, няня, — говорить дѣвочка, а то и побѣжить, да сейчасъ же и остановится: скучно одной-то бѣгать. Свѣжести дѣтской и игривости не было въ ней, и нето чтобы мечтательность развивалась въ ребенкѣ, а какая-то запуганность и мертвенность желаній. Ей даже и скучно не бывало: такъ сдвинула ее эта однообразная тяжолая жизнь.

Зимой бывало еще скучнѣе и хуже, еще однообразиѣе тянулись дни: выйти изъ комнаты некуда; нянька молчаливо сидитъ на лежанкѣ, чулокъ вяжетъ, и Катя тутъ же приснастится и тоже молчитъ, да смотритъ печально дѣтскими глазами на низкую, невзрачную комнату; а въ комнатѣ тихо, словно мертвый сонъ нашолъ на нее и жизни не слышно. Лампада тускло горитъ передъ кивотомъ и темные лики святыхъ сумрачно смотрятъ со старинныхъ образовъ въ золотыхъ окладахъ.

— Няня, робко говоритъ дѣвочка: — расскажи мнѣ какъ душа человѣческая по свѣту ходитъ?

И мѣрно рассказываетъ няня разныя народныя повѣрья, и въ душу дѣвочки западаетъ суевѣрный страхъ. Съ годами этотъ страхъ принимаетъ иную форму, переходитъ въ какое-то обрядовое суевѣріе. Каждый случай изъ повседневной жизни претворяется во что-то обусловленное; на каждый имѣется свое толкованіе: свѣчки три въ комнатѣ — умереть кто-нибудь; соль просыпалась — ссора будетъ.

Такъ выросла кроткая, тихая дѣвочка. Дѣтъ четырнадцати выучилась она читать и писать (училъ ее сельскій священникъ), но это малое знаніе ничего не прибавило къ ея жизни. И медленно, невыносимо, однообразно проходили годы! Братъ ухалъ изъ дома на службу; отецъ устарѣлъ и сталъ еще суровѣе и строптивѣе, сумрачнѣе... но дочь для него стала необходима: онъ какъ-будто только тогда и вспомнилъ о ней. На нее

дегла обязанность заниматься хозяйствомъ: выдавать провизію, принимать гостей, заботиться чтобъ всё было хорошо, чтобъ всё были сыты.

И многіе изъ этихъ гостей заглядывались на красавицу-дѣвushку, но никто не рѣшался посягаться, зная крутой нравъ старика Раскатаева и его барскую спѣсь; онъ чего добраго просто-напросто приказалъ бы по шеямъ проводить сибѣльчака. Да и молодая дѣвushка не чувствовала ни къ кому особеннаго влеченія: ей были всё равны.

Когда Катеринѣ Николаевнѣ наступилъ двадцатый годъ, по сосѣдству, верстахъ въ тридцати, поселился только-что прибывшій изъ Петербурга извѣстный даже въ то время своимъ разгуломъ и удалью богачъ Р—скій. Ему было уже за-тридцать, но онъ былъ удивительно красивъ и свѣжъ. Онъ замѣтилъ красоту дѣвushки, посягнулся, и Катерина Николаевна по приказу отцовскому, по пословицѣ: «твоя да божья!» вышла за него замужъ.

Исторія ея супружеской жизни была повтореніемъ исторіи ея матери, съ тою только разницею, что Катерина Николаевна отдалась новой жизни спокойно, безъ борьбы и безъ слезъ; она уже была приготовлена къ ней. При томъ религіозномъ настроеніи, которое получила она съ дѣтства, Катерина Николаевна не могла не примириться съ грубымъ своевоіемъ своего мужа: она и примирилась. Если иногда приходилось ужъ слишкомъ горько и тяжело, она молилась и снова покорно и безропотно несла крестъ. Да едвали эта жизнь была для нея крестомъ: иной жизни, свободной и кипучей она не знала.

У ней было шестеро дѣтей, но всё они умирали очень рано. Оленька была послѣднимъ ребенкомъ, родившимся послѣ двадцатилѣтняго супружества, когда она уже не надѣялась имѣть болѣе дѣтей.

XIII

О первыхъ годахъ дѣтства Ольги Марковны Черявинъ знаемъ немного. Но можно было безошибочно предположить какъ проходило оно, если принять во вниманіе характеръ Катерины Николаевны: съ одной стороны религіозно-мистическое направленіе и волшебный сказочный міръ, съ другой — пластическія

красоты природы — вотъ подъ чьимъ вліяніемъ образовывался характеръ и развивался умъ ребенка въ первые годы дѣтства.

Жаръ-птица, царевна съ мѣсяцемъ во лбу, подвиги богатырей, синее море окіянтъ и самоцвѣтные камни, сколько тутъ нищи для дѣтскаго впечатлительнаго ума! Мирныя картины нашей бѣдной и однообразной природы, росистыя утра весны, благоуханныя лѣтнія ночи и серебристыя звѣздныя ночи зимы пробуждали въ душѣ ребенка первыя поэтическія грезы.

Оленька вначалѣ развивалась туго: четырехъ лѣтъ она едва лепетала невнятные слова и была мала ростомъ. Но даже въ самомъ раннемъ возрастѣ она была необыкновенно кротка и послушна. Вся жизнь матери, бывшая дотолѣ тупымъ смрпріемъ передъ волею деспота-мужа, получила новое значеніе; эта горькая жизнь озарилась яркимъ свѣтомъ любви къ дочери; любящая и нѣжная, но запуганная натура Катерины Николаовны нашла наконецъ исходъ: дочь стала для нея предметомъ какого-то кумъта, раболѣпнаго поклоненія, но не вынужденнаго, а добровольнаго. Всю нѣжность, къ какой только была способна она, она отдала Оленькѣ.

Дѣвочкѣ было восемь лѣтъ, когда мужъ Катерины Николаовны умеръ, оставивъ огромные долги, на уплату которыхъ едва достало всего имѣнія. Времена пришли тяжолыя. Мало того, что потеря человѣка, съ которымъ прожила она всю свою жизнь, была для Катерины Николаовны большою потерей, но и матеріальное благосостояніе было разрушено: почти ничѣмъ было существовать. Въ это время Петръ Николаичъ приѣхалъ въ Большія Ямы отдохнуть отъ своей широкой и безалаберной жизни: шестидесятилѣтнія кости просили покоя.

— Сестра, переѣзжай ко мнѣ.

— Я переѣду, братецъ.

Вотъ и все что было сказано между ними по этому поводу. Съ тѣхъ поръ Катерина Николаовна жила у брата.

Раскатаевъ полюбилъ Оленьку совершенно посвоему: ему было удивительно странно видѣть, какъ такая маленькая дѣвочка безъ всякой боязни садилась къ нему на колѣна, щипала его страшные усищи и звала страшнымъ дядею.

— Плутъ будетъ дѣвка! весело смѣясь говорилъ онъ и незамѣтно подчинился молодому и нѣжному вліянію племянницы.

— Сестра, я мамзель возьму.

— Чтожъ, братецъ, возьмите.

И гувернантка была взята, — молодая, некрасивая, но необыкновенно умная и образованная дѣвушка. Оленька родилась въ сорочкѣ.

А между тѣмъ вліяніе обширнаго заглохнувшаго сада и стариннаго огромнаго дома не осталось для дѣвочки безъ послѣдствій. Оленька съ любопытствомъ всматриваясь въ окружавшіе ее предметы, незнакомыя и суровыя лица, глядѣвшія съ фамилійныхъ портретовъ, допытывалась отъ няньки кто это, и слушая былины прошлаго времени, въ которыхъ на первомъ планѣ являлась грубая сила и мрачное буйство, начинала чувствовать неясный гнѣвъ на этихъ людей.

Обращалась она съ вопросами и къ матери и къ нянькѣ: «почему это такъ было?» но ни та, ни другая не могли удовлетворить ея любопытства, ибо для нихъ тотъ міръ былъ дорогъ. Они говорили: «такъ должно было быть и иначе быть не могло.» Потомъ, когда вліяніе наставницы стало сильнымъ, эта неприязнь къ старому, отжившему приняла опредѣленную форму, выразилась въ протестъ со стороны дѣвочки противъ всего что было мрачно и дико. Мало того, что прежніе люди съ ихъ мрачными дѣлами: буйствомъ и произволомъ, стали ненавистны ребенку, но даже и въ окружавшей его природѣ ребенокъ не любилъ ничего мрачнаго. Въ дѣтскомъ сердцѣ поселился страхъ, — не тотъ болѣзненный, суевѣрный страхъ, который есть признакъ ложно-развившейся натуры, а невольное отчужденіе ото всего что было выраженіемъ тьмы.

Первыя впечатлѣнія младенческихъ годовъ, навѣяныя на ребенка сказками и повѣрьями, не могли совершенно изгладиться, несмотря на послѣдующее воспитаніе подъ руководствомъ гувернантки, и послужили первыми задатками поэтическаго чувства, которое потомъ развилось такъ сильно и прекрасно. Но то что прежде было неясно, что только смутно чувствовала ребенокъ, озарилось свѣтомъ, потому что извѣстныя формы: растительное царство и міръ наѣкомыхъ перестали быть заколочаннымъ кругомъ; стало для нея понятно превращеніе куколки въ бабочку съ радужными крыльями, явленіе почки и цвѣтка тамъ, гдѣ прежде былъ только пестикъ, но невольно вѣрилось дѣтскому уму, что есть на свѣтѣ и русалки, и лѣсовки,

добрыя и злыя волшебницы, вѣрилось потому, что ребенка всегда занимаетъ то, на чемъ лежитъ печать таинственности.

Способности Оленьки, спавшія дотолѣ, вдругъ стали быстро развиваться: явилось неудержимое желаніе знанія, явились пытливые вопросы, она входила въ новый, неизпаемый еще міръ, и этотъ міръ самымъ противорѣчіемъ своимъ волшебному, сказочному міру еще болѣе привлекалъ ребенка, искавшаго разрѣшенія тѣхъ противорѣчій. И вѣстѣ съ тѣмъ какая-то грусть и сомнѣнія закрадывались въ душу, — грусть о томъ, что нѣтъ на свѣтѣ жаръ-птицы, ни царевны съ мѣсяцомъ во лбу.

Окруженная пѣжной любовью и ласками, Оленька избѣгла тяжелохъ слезъ, которыя способствуютъ развитію въ ребенкѣ озлобленія, но въ натурѣ у ней было такъ много добраго, что эта любовь и эти ласки не могли развить въ ней ни своеволія, ни себлюбія, ни той беззащитности, которая принимается часто за умъ или наивность: она была всегда кротка и стыдлива, но не дика.

Первое горе, которое пришлось испытать ей, было отъѣздъ гувернантки, вынужденной къ этому какими-то семейными обстоятельствами. Въ два года Оленька успѣла такъ привязаться къ своей доброй Надеждѣ Петровнѣ, что разставаться съ ней было очень тяжело, и дѣвочка долго не могла утѣшиться. Около этого времени Чернывинъ поселился въ своей деревушкѣ.

Онъ былъ въ то время моложе; силы, подавленные вѣшними обстоятельствами, искали выхода; но онъ былъ глубоко оскорбленъ и озлобленъ жизнью, а потому трудно сходилъ съ людьми, какъ-будто боясь встрѣтить новое оскорбленіе. Онъ недоверчиво встрѣчалъ выраженіе сочувствія и не любилъ сентиментальныхъ сентенцій. На возвратъ къ прошлой дѣятельной жизни онъ не могъ надѣяться. . . . Онъ понималъ, что борьба напрасна, и имъ овладѣла апатія; онъ началъ нравственно расплываться, особенно когда пришлось пожить голъ въ деревнѣ одному, безъ общества (отъ него почти все отшатнулись, а у него не было желанія занскивать); никого не видя, кромѣ мужиковъ, да порою нашихъ помѣщиковъ, — обитателей нашихъ «медвѣжьихъ угловъ», онъ съ какой-то лихорадочной поспѣшностью началъ преднамѣренно убивать въ себѣ все порывы и отдался теченію мутной и вонючей жизни. Съ какимъ-то сладострастіемъ началъ онъ упитывать свое чрево, но чрева упи-

тать не могъ и не могъ заглушить въ себѣ жажды пожить такъ какъ жилось прежде. Это недовольство своею новою жизнью выражалось у него озлобленіемъ и ядовитымъ смѣхомъ надо всѣмъ что первое попадалось на глаза. Но такое настроеніе духа было мимолетно, и вслѣдъ за нимъ онъ снова опускался весь и засыпалъ. Бывали иногда въ немъ проблески горькаго сознанія, что молодая сила его потрачена даромъ и желалъ онъ остатокъ этой силы употребить на что-нибудь хорошее, но и такія минуты рѣдко приходили къ нему.

Съ Раскатаевымъ онъ познакомился спустя годъ послѣ приѣзда въ деревню. Сначала Чернявинъ отплюнулся нѣсколько разъ, когда Петръ Николаичъ началъ развивать свою теорію (если можно назвать теоріей его грязныя убѣжденія); потомъ, вслѣдствіе совершенной апатіи, завладѣвшей имъ, Сергѣй Ивановичъ примирился съ личностью Раскатаева и даже привязался къ нему: Раскатаевъ занималъ его какъ фактъ, какъ олицетвореніе извѣстнаго вѣка.

— Право, мнѣ было интересно, говорилъ Чернявинъ: — слушать какъ этотъ людоедъ рассказывалъ совершенно простоудушно о самыхъ отвратительныхъ поступкахъ, и долгое время я никакъ не могъ понять какимъ образомъ въ одномъ человѣкѣ уживаются такія противоположныя чувства, какъ любовь къ сестрѣ и племянницѣ и совершенно дикое звѣрство; но потомъ я понялъ, что натура у него не такъ скверна, какъ это кажется съ перваго раза, и тогда я чуть ли не полюбилъ его.

Весьма понятно, что онъ не могъ не замѣтить въ Оленькѣ тѣхъ прекрасныхъ задатковъ, которые совершенно отличали ее отъ всѣхъ, къмъ была окружена она, и даже отъ всѣхъ, кого онъ видалъ прежде. Сначала онъ изъ любопытства и отъ нечего дѣлать началъ давать ей уроки; потомъ ясный умъ ребенка, схватывавшій на лету его толкованія, пытливость этого ума завлекли его, и онъ понялъ, что онъ можетъ на что-нибудь годиться, что-нибудь сдѣлать. Но всего страннѣе, что Сергѣй Ивановичъ, самъ неумѣвшій приложить своихъ знаній къ практической жизни, незнакомый съ жизнью матерьяльной, бессознательно указывалъ молодой дѣвушкѣ именно эту жизнь, говорилъ ей, что знаніе потому и необходимо, что можетъ быть приложимо къ жизни. Это реальное направленіе, данное ея уму, избавило ее отъ извѣстной мечтательности, но не убило поэтическаго чувства:

она попрежнему, также какъ и въ дѣтствѣ, любила и утреннія зори, и мѣръ сказочныхъ чудесъ, и однообразныя, но не лишеныя прелести картины природы. Подолгу бывало глядѣть она въ безотвѣтную даль и тихо шепчетъ: «что звучитъ тамъ вдаль?.. и т. д.

Вліяніе Сергѣя Ивановича не могло не отразиться на ней, но живая струя свѣжаго и яснаго пониманія подсказывала ей что было ложнаго въ словахъ ея воспитателя и она часто задумывалась надъ рѣшеніемъ какого-нибудь спорнаго вопроса и часто рѣшала его сама, совершенно не такъ, какъ рѣшалъ этотъ вопросъ Чернывинъ. Откуда добывала она это рѣшеніе, какъ приходило оно къ ней — этого никто не могъ сказать, но, невдаваясь ни въ какія туманныя толкованія, она смѣло и удивительно-вѣрно разрѣшала многое, надъ чѣмъ залумывался и Сергѣй Ивановичъ.

Чернывинъ былъ странный и увлекающійся человѣкъ! Онъ говорилъ всегда подъ вліяніемъ минуты, и потому иногда проповѣдывалъ смиреніе, самопожертвованіе, какъ высокое достоинство женщины, какъ положительную добродѣтель, а черезъ нѣсколько времени являлъ эту добродѣтель, безпощадно глумился надъ ней и начиналъ проповѣдывать противоположное разъединеніе; говорилъ, что только тотъ стоитъ уваженія, кто не дастъ себя забить и смѣло, одинъ, пойдетъ по дорогѣ. Напрасно Ольга Марковна допытывалась отъ него что должно дѣлать; онъ ядовито отвѣчалъ, что слѣдуетъ почитать старшихъ и самому ни о чемъ не думать.

Но и этотъ вопросъ мало-помалу начиналъ для нея разясняться; молодая дѣвушка поняла, что ни добровольное и часто напрасное самоотрѣченіе отъ счастья, во имя какой-то отрицательной добродѣтели, ни совершенное разъединеніе и ненависть къ средѣ, къ людямъ, которые съ дѣтства окружали ее, не могутъ быть принято безусловно, что какъ одно, такъ и другое есть болѣзнь... Она не примирялась со зломъ, но не могла не простить людямъ, воспитавшимся во злѣ, ихъ ошибокъ и заблужденій; она возмущалась деспотизмомъ дяди, но не ненавидѣла, не презирала его, и по возможности старалась смирить эту буйную натуру, и сильный человѣкъ склонился передъ нѣжною и кроткою дѣвушкой.

Сергѣй Ивановичъ не только не старался скрыть отъ нея тем-

ныя стороны жизни, напротивъ рисовалъ ихъ ей самыми яркими красками, выворачивалъ наружу ту грязь и гадость, которая подъ видомъ благочестія приобрѣли себѣ право гражданства въ обществѣ. Но тѣмъ пугала ее, заставляла задумываться и часто даже плакать и все-таки не могла поселить въ ней ни недовѣрія къ жизни, ни ненависти. Она только говорила :

— Зачѣмъ есть злые? зачѣмъ не одни только добрые?..

— Такъ нужно! отвѣчалъ Чернывинъ.

— Зачѣмъ?

— Послѣ узнаете.

Но она не удовлетворялась этимъ отвѣтомъ и старалась сама разрѣшить свое недоумѣніе. Какъ разрѣшала она его — никто не зналъ.

Жизнь ея проходила однообразно, но она не скучала, не тяготилась ею, потому что иной жизни не знала она, хотя порою чувствовала какое-то пеленное стремленіе — въ ту даль, гдѣ что-то «и звучитъ, и зоветъ». То были признаки расцвѣта чувства, но оно еще не расцвѣтало. У ней не было идеала, но тѣ, кѣмъ была окружена она, не заропили въ ея сердцѣ любви; хотя она любила всѣхъ, но любовь ея была скорѣе привычной: она походила на спокойшую рѣку, тихо текущую въ отлогихъ берегахъ. Сергѣй Ивановичъ былъ старъ для нея, Архаровъ — пошлъ и добро-душно-сладокъ.

А между тѣмъ молодая сила искала исхода... чего-то недоставало ей, чтобъ быть вполне счастливой...

— Я не понимаю что съ ней дѣлается! говорилъ мнѣ Чернывинъ. — Прежде съ ней этого никогда не бывало: прежде она гораздо рѣже задумывалась и была вообще яспѣе и спокойнѣе... Съ ней что-то дѣлается! спросишь — молчать, или вдругъ съ удивленіемъ взглянетъ, словно только-что проснулась. Въ глазахъ блескъ какой-то новый явился, румянецъ на щекахъ... и вся она сосредоточеннѣе стала. О прежней рѣзвости нѣтъ и помна... Что съ ней?.. Дурить дѣвка!

— Переходная пора, замѣчалъ я.

— Какая тамъ переходная пора! Ерунду вы, батюшка, героните! Ужь не влюбилась ли въ кого?.. да не въ кого: не во Владимира же Сергѣича и не въ меня...

— Отчего же? можетъ-быть и въ васъ...

— Знаете что: я человѣкъ смирный и до скандаловъ вообще

не охотникъ, но и на посмѣшнице отдавать себя тоже не намѣренъ; а потому совѣтую вамъ остроуміе ваше оставить втунѣ, весь покраснѣвъ, отвѣчалъ онъ.

— Я говорю серьезно.

— А если серьезно, то вы, батюшка, извините, мозгошь маленечко не вышли!.. и онъ замолчалъ. Я не старался допытываться отъ него почему онъ такъ думаетъ, хотя и меня крайне занимала перемѣна въ Ольгѣ Марковнѣ.

XIV

Съ какимъ восторгомъ вспоминаю я теперь о томъ времени, когда я съ какимъ-то забвеніемъ отдавался новому строю мыслей и чувства, а строй былъ на самомъ дѣлѣ новъ для меня: никогда еще не испытывалъ я такого тихаго, спокойнаго счастья, о которомъ я не могъ сказать ни какъ пришло оно ко мнѣ, ни въ чемъ оно заключалось. Миѣ такъ свѣтло улыбалось будущее и такъ легко жилось въ то время, какъ никогда уже не жилось потомъ.

Рѣдкій день я не бывалъ въ Большихъ ямахъ и почти всегда встрѣчалъ тамъ или Архарова, или Сергѣя Иваныча. Чернявинъ почему-то съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣми моими поступками и за Ольгой Марковной: чаще чѣмъ прежде находило на него ядовитое расположеніе духа и онъ со злорадствомъ извѣилъ каждое слово и пронизывалъ каждую мысль необыкновенно мѣткимъ и ядовитымъ сарказмомъ...

Ольга Марковна была попрежнему просто ласкова со мною, но какъ-будто съ намѣреніемъ избѣгала оставаться наединѣ. Въ ней миѣ особенно нравилось то, что она всегда беззавѣтно отдавалась настроенію минуты и нисколько не старалась скрывать своихъ ощущеній: было ли ей почему-либо весело — она смѣялась, и глаза ея сверкали радостно, и щоки заливались румянцемъ; западала ли грусть въ ея молодое сердце — она не насилывала себя, не старалась казаться веселою, а уходила куда-нибудь одна и оставалась тамъ до тѣхъ поръ, пока грусть ея утихала; она не понимала никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью и по ея лицу, какъ по раскрытой книгѣ можно было прочесть что занимало ее въ извѣстную минуту.

Молодая дѣвушка стала еще самобытнѣе, и Сергѣй Ивановичъ много утратилъ надъ ней своего вліянія; зато вопросы ея стали еще пытливѣе, еще нѣжнѣе сталъ ея голосъ... Въ ней на самомъ дѣлѣ совершалось что-то непонятное, чего ни я, ни Сергѣй Ивановичъ не могли понять; только иногда пробѣгала въ умѣ моемъ мысль, но я боялся остановиться на ней и ждалъ, чтобъ мое недоумѣніе разрѣшилось само собою.

Сергѣй Ивановичъ, подмѣтивъ въ молодой дѣвушкѣ что-то новое, чего онъ и не подозревалъ въ ней прежде, захотѣлъ разяснить это новое и таинственное, но не могъ. Его покорило отъ этого, но онъ снесъ молча и задумалъ отплатить посвоему: глумленіемъ надъ тѣмъ что было ей особенно дорого, что прежде онъ самъ старался развить въ ней.

Чернявинъ самъ сознавалъ, что онъ не вправѣ, что онъ не смѣетъ, не можетъ и не долженъ требовать отъ молодой дѣвушки отчета въ ея сокровенныхъ мысляхъ, что этимъ онъ посягаетъ на чужую свободу, и все-таки онъ злился, и вслѣдствіе этого явилъ всѣхъ, кто попадался ему на глаза. Особенно сильно почему-то нападалъ онъ на Архарова.

— Не могу я равнодушно видѣть, — говорилъ онъ, — какъ эта кислятина состроитъ жалкую рожу; глаза возведетъ кверху, въ минуту обратится въ какую-то склизкую массу и начнетъ расплываться въ чувствительныхъ словоизверженіяхъ... тошнить меня отъ этого!

— Что онъ вамъ сдѣлалъ? спрашивалъ я Чернявина. — Чѣмъ виноватъ онъ?

— Онъ виноватъ тѣмъ, отвѣчалъ Чернявинъ: — что пусть и безвреденъ! Что онъ такое? Зачѣмъ онъ живетъ? Зачѣмъ бременитъ землю? Кто далъ ему право такъ кисло улыбаться и шлѣть и таить въ восторгѣ?..

— А вамъ кто далъ право оскорблять его? Оставьте его въ покоѣ: онъ вамъ не мѣшаетъ. Ваши интересы различны... Онъ не понимаетъ васъ, вы не можете понять его довольства и самидѣлать собою и окружающимъ его міромъ — и оба вы правы...

— Позвольте мнѣ спросить: вы мнѣ проповѣдь читаете? Читаете: я не обижусь. Вы можете прибавить, что я клевету на него и т. д., съ сдержанной злобой говорилъ Сергѣй Ивановичъ.

И обыкновенно отмалчивался, но иногда выходилъ изъ терпѣнія и также рѣзко отвѣчалъ ему; онъ стихалъ и не то чтобы

унижался, а какъ-то съживался и начиналъ говорить жалкія слова.

Ольгу Марковну видимо тяготили тѣ натянутыя отношенія, которыя съ недавняго времени установились между ею и Сергѣемъ Иванычемъ. Ей хотѣлось вернуть прежнюю тихую, спокойную дружбу, прежнее тихое, спокойное время, но она какъ будто сознавала, что вернуть этого невозможно, что ея старый другъ недоволенъ ею, недоволенъ самимъ собою, недоволенъ всѣмъ что окружаетъ его. Она видѣла, что между ними поселилось недовѣріе и со стороны Сергѣя Иваныча непріязнь не къ ней самой, а къ чему-то, заключающемуся въ ней. Она хотѣла примириться, но какъ — не знала, ибо не знала что подало поводъ къ этому разъединенію.

Однажды совершенно случайно я подслушалъ ея разговоръ съ Черныавишымъ. Я только-что приѣхалъ и прошолъ прямо въ садъ; недалеко отъ меня, скрытые кустами, сидѣли они, и нѣсколько словъ, долетѣвшихъ до меня, привлекли мое любопытство; я остановился и сталъ прислушиваться. Говорила Ольга Марковна.

— Добрый вы мой, зачѣмъ вы не такой какъ прежде?

— Нѣтъ-съ, кажется я все тотъ же. Вотъ развѣ лысина больше стала, да морщинъ прибавилось, такъ безъ этого нельзя: время такое приходитъ... отвѣчалъ Черныавинъ, напрасно стараясь казаться равнодушнымъ и насмѣшливымъ.

— Вы были добрѣе, вы рѣже смѣялись такъ нехорошо, какъ теперь смѣтесъ... говорила Ольга Марковна: — зачѣмъ вы постоянно смѣтесъ надъ Владиміромъ Сергѣичемъ...

Черныавинъ перебилъ.

— Помилуйте-съ, вы сами его обижаете. Чѣмъ парень нехорошъ на самомъ дѣлѣ? парень ражій, изъ себя дородный, а если немного пришибенъ, умомъ не вышелъ, такъ это дѣло правильное. Вотъ тоже и мусье Сладкопѣвцевъ (онъ намекалъ на меня), хорошій и премилый человѣкъ. У этого и умъ есть, и душа иѣжная, и о цвѣточкахъ говорить онъ не прѣчь. Нечего: оба парни знатные, любого въ мужья выбирайте.

— Зачѣмъ вы стараетесь меня печалить? тихо сказала Ольга Марковна. — Развѣ я не та же.

— Нѣтъ, ничего-съ: оба мужьями почтительными будутъ: одинъ во всѣ таинства приготовленія наливкокъ васъ введетъ, а

съ другимъ вы всю планетную систему, какъ свои пять пальцевъ узнаете. Онъ вѣдь оттуда. — извилъ Сергѣй Иваичъ, не обративъ никакого вниманія на вѣжливый и деликатный упрекъ молодой дѣвушки.

— Богъ съ вами! прошептала она.

— И охота вамъ, Ольга Марковна, заниматься мною! Что я такое? дрянь! человѣкъ, который и самому—то себѣ въ тягость, гнилушка... Чѣмъ я могу интересовать васъ? ничѣмъ. Вы ужь выросли, вы стали выше меня; понять меня вы не можете: я старъ. Чего же вамъ отъ меня хочется? Чтобъ я какъ мальчишка скакалъ на одной ногѣ и щелкалъ языкомъ? Я немогу этого: я такъ довольно долгое время скоморошествовалъ!.. Въ его голосъ слышалась затаенная горечь и раздраженіе.

— Богъ съ вами! снова тихо отвѣтила Ольга Марковна. — Я всегда васъ любила...

— Очень вамъ благодаренъ! необыкновенно злобно отвѣтилъ Чернявинъ. — Увольте меня. Нехочу я этой любви, что какъ собакѣ обглоданную кость кидаете вы. Я не нищій — мнѣ грошъ не нуженъ.

Онъ остановился; Ольга Марковна молчала; Чернявинъ снова началъ какъ-то глухо:

— Мнѣ такой любви не нужно! Мнѣ противна она! Вы сами хотѣли, ну я и говорю, что я не нищій... Вы видѣли, что я злился, вы еще не все видѣли: у меня въ сердцѣ такое зло было, когда я видѣлъ, что какаля-то склизъ смѣетъ надѣяться... Я Архарова убить былъ готовъ!..

— За что? /

— А такъ: здорово живешь, да старшихъ не считаешь.

Она молчала.

Чернявинъ опять остановился будто для того, чтобъ перевести духъ.

— Знаете ли вы, вдругъ началъ онъ дрожащимъ и задыхавшимся голосомъ: — что я... тоже... люблю васъ? Вы этого не знали? Конечно къ этой лысинѣ любовь нейдетъ... но я васъ люблю!.. Я немогу долше молчать... онъ остановился и проговорилъ голосомъ надтреснутымъ и беззвучнымъ: — вѣдь вы меня не любите? — и ждалъ.

— Нѣтъ! тихо и медленно отвѣтила Ольга Марковна.

— Я это зналъ! ну, finita la comedia, отвѣтилъ Чернывинъ и засмѣялся сухимъ, болѣзненнымъ и горькихъ смѣхомъ.

— Зачѣмъ вы мнѣ сказали это? зачѣмъ? Еслибъ вы знали какъ мнѣ больно! говорила молодая дѣвушка.

— Чтоже-съ? ничего! рано ли, поздно ли! Эхъ-съ, мнѣ не первой! Оно, знаете ли, такъ-то даже лучше!

— Но можетъ-быть послѣ...

— Я, Ольга Марковна, не мальчикъ! Утѣшеній не требую... да-съ! au revoir!

Она не стала удерживать его: онъ ушелъ. Я долго ходилъ по саду, волнуемый какими-то неясными думами. Когда я встрѣтилъ Ольгу Марковну, лицо ея хранило слѣды слезъ, но было совершенно спокойно.

XV

Больше мѣсяца прошло со дня моего знакомства съ сосѣдями: наступилъ июль мѣсяць. Я почти каждый день бывалъ въ Большихъ ямахъ: видѣть Ольгу Марковну стало для меня необходимою. При ней я чувствовалъ какую-то тихую радость, спокойствіе и вмѣстѣ съ тѣмъ трепеть.

Когда бывало я читалъ ей что-нибудь порывистое и страстное, она смущалась и вспыхивала: ей были новы эти ощущенія; до тѣхъ поръ тихое теченіе ея жизни не было ни чѣмъ возмущаемо, а теперь это спокойствіе было чѣмъ-то нарушено.

Иногда, слѣдя свѣтлыми глазами за бѣгомъ прозрачныхъ облаковъ, она говорила:

— Куда и зачѣмъ бѣгутъ они? Словно ей хотѣлось проникнуть въ эту тайну, словно въ этой тайнѣ было что-то, имѣвшее связь съ ея настроеніемъ. Въ молодой душѣ ея совершалась тайная работа; какія-то сомнѣнія и тревога закипали въ ней. Поцѣлѣе стали для нея тѣ строки, въ которыхъ анализировалась страсть, доступныѣ тонкія неироническія черты характеровъ; но и въ то время ей больше нравилось свѣтлое міросозерцаніе Пушкина, пропикнутыя чуднымъ лиризмомъ и сердечной теплотой страницы тургеневскихъ романовъ. И все ей казалось страннымъ зачѣмъ жизнь возмущается, когда она можетъ устроиться просто.

— Почему, спрашивала она у меня: — люди не довольствуются тѣмъ счастьемъ, которое есть у нихъ, а все желаютъ большаго и теряютъ послѣднее?

— Потомучто неизвѣстное всегда плѣнительнѣе извѣстнаго. Это вы сами испытали. Человѣкъ такъ ужь созданъ, что не можетъ не желать.

— Нѣтъ, лучше брать то что есть.

— А если оно или не удовлетворяетъ, или недается.

— Надо ждать.

— Ждать! А жизнь уходитъ, а силы замираютъ...

— Какія силы?

— Чувство... любовь...

— Развѣ любовь можетъ умереть?

— Конечно можетъ, если ей не будетъ выхода.

— Но живутъ же люди и безъ любви?

— Живутъ. Но та жизнь утомительно однообразна. Та жизнь хуже смерти... Вы никогда не любили?..

— Нѣтъ... она вспыхнула, подняла рѣсницы и взглянула на меня прямо, почти совершенно спокойно; по вдругъ ей стало какъ-будто стыдно чего-то; нервная дрожь пробѣжала по ней, рука дрогнула; краски быстро смѣнялись въ лицѣ, кровь то прилиwała, то отливала... я видѣлъ эту игру жизни въ ея лицѣ и ждалъ чего-то.

— Ждите, она придетъ; неслышно, незванная, негаданная, а придетъ...

— Я знаю...

— Дай только Богъ, чтобы она не разбилась о препятствія!

— Препятствій нѣтъ: любовь всемогуща. Какъ-будто сама съ собою говорила она.

Откуда она узнала это?

— Вы правы, отвѣчалъ я: — любовь всемогуща, но въ жизни встрѣчаются такія обстоятельства, о которыхъ разбивается самая сильная воля, которая ломаютъ все...

— Ломаютъ?

— Да. Цѣль уже почти достигнута; остается сдѣлать одинъ только шагъ, а тутъ вдругъ вырастаетъ гора или раскрывается пропасть. Что тогда остается дѣлать?

— Я не знаю.

— И дай-богъ, чтобы вы никогда не узнали этого.

— А вы испытали?

— Нѣтъ, но я видѣлъ какъ самые сильные характеры теряли всю свою энергію; и потому говорю, что не дай-богъ испытать вамъ ничего подобнаго.

— Отчего же?

— Тяжело, такъ тяжело, что вы не вынесете!

— А развѣ теперь не тяжело мнѣ? вспыхнувъ вся, почти вскрикнула она.

Этотъ внезапный порывъ долго-таившейся горечи и недовольства жизнью, въ которой впродолженіи многихъ годовъ въ тишинѣ развивалась она, такъ сильно поразили меня, что я не могъ сказать ни слова. Я не думалъ, чтобъ въ душѣ молодой дѣвушки созрѣлъ уже протестъ противъ этой жизни; я не могъ подозрѣвать, что та постоянная задумчивость и сосредоточенность, которыми она отдавалась въ послѣднее время, были вызваны до ясности дошедшимъ сознаниемъ, что эта жизнь и мутна, и слишкомъ мертва ужь. Слова Черныгина, его ядовитое глумленіе надъ тѣмъ что окружало ее, не пропали даромъ: въ ней совершился переломъ, предуготовленный всѣмъ ея развитіемъ; спокойствіе было разрушено, то-есть то отрицательное спокойствіе, вслѣдствіе котораго она еще такъ недавно говорила, что не желаетъ иной жизни, потому что не знаетъ иной. Куда поведетъ ее это новое настроеніе — кто могъ сказать? Но во всякомъ случаѣ жить такъ, какъ жила она дотолѣ, она не могла уже. Но и не могло быть, чтобъ только слова Черныгина возмутили тихое теченіе ея жизни: она слыхала ихъ и прежде, и эти слова, конечно хотя и объясняли ей многое, но не вызывали съ ея стороны рѣшительнаго протеста. Была какая-нибудь иная струна, которую затронули, и задрожали отъ этой струны всѣ ея чувства.

— А развѣ не тяжело мнѣ теперь? повторила молодая дѣвушка и ждала, что я ей отвѣчу, но я молчалъ. — Я хочу жить! Я не хочу такъ жить, какъ теперь! говорила она.

— Какже? бессознательно проговорилъ я.

— Какъ всѣ, какъ другіе...

— Другіе страдаютъ и плачутъ...

— Такъ чтоже? И я буду страдать и плакать. Я долго, я давно думала... Это грѣшно, я знаю, но я не могу: меня зоветъ

что-то. Сергѣй Ивановичъ говорилъ, чтобъ я бѣжала, чтобъ я одна шла... Куда же идти мнѣ? я не знаю, и страшно.

— Пойдемте же вмѣстѣ... отвѣтилъ я, замирая.

Она словно знала, что я скажу это самое и не смутилась, не покраснѣла, а прямо и смѣло глядѣла мнѣ въ глаза и говорила:

— Пойдемте...

— Куда бы ни повелъ васъ — всюду?

— Всюду... отвѣтила она.

— Это любовь?..

— Да, тихо прошептала она.

— Ты знала, ты вѣришь, что я тебя люблю? говорилъ я, съ восторгомъ глядя ей въ глаза.

— Да. Я люблю... Я давно полюбила тебя — давно! Помнишь, въ лѣсу... мнѣ было стыдно, когда ты поцѣловалъ меня, но мнѣ хорошо было... а когда ты, добрый такой и хорошій, пришолъ къ намъ, мнѣ почему-то казалось, что и ты полюбишь меня...

И долго говорили мы съ ней, а надъ нами шумѣли столѣтними макушками высокія лицы... Все вокругъ насъ становилось темнѣе, а въ дали сіяла заря новой жизни и новаго счастья...

И ужъ въ небѣ звѣзды потухали,
И заплѣли снова соловьи,
И разстаться съ нею мы желали,
И разстаться съ нею не могли...

К. ВАВИКОВЪ

ВЪ ЛѢСНОЙ ГЛУШИ

НАРОДНЫЯ СЦЕНЫ

(посвящено Алексѣю Николаевичу Плещееву)

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Открытая долина въ лѣсу. Ночь. Полный мѣсяцъ серебрить рѣчку и пятнами свѣта ложится по лѣсу. По темнымъ берегамъ рѣки бродить табунъ лошадей. Два косматыхъ пса зорко слѣдятъ за ними. Въ лѣсу то слышно, то далеко перекликаются соловьи. У опушки лѣса, на пригоркѣ, подъ звѣзднымъ сводомъ неба, лежатъ, закинувъ руки подъ головы, два молодые парня; оба съ смуглыми, загорѣлыми лицами. Первому двадцать лѣтъ, второму шестнадцать. Оба въ пастуховъ. — Ведутъ бесѣду.

Миколка. Эка, братецъ ты мой, эта птица соловей! Все бы я его слушалъ, — и спать не хочется. Сейчасъ умереть.

Степка. Птица, братъ, занятая.

Миколка. Вотъ у насъ, малый, въ Курскѣ еще знатнѣе этого поютъ. Слышь ты, какъ бывало выйдешь это въ лѣсъ — въ обходъ — видимо-невидимо сколько ихъ. И всѣ-то, братецъ ты мой, они свищутъ... такъ словно, парень, гулъ какой идетъ по лѣсу-то. Сейчасъ издохнуть!

Степка. Это точно: наши супротивъ вашихъ не возьмутъ...

Миколка. Гдѣ-же взять!.. Воляжности той нѣту, братецъ. Въдъ у насъ, малый, имъ тамъ воля...

Степка. Это точно: страна чудесная. Я слыхивалъ. А далеко это будетъ Курскъ-то?

Миколка. Далеко. Верстъ теперича почитай отселева съ сем-
сотъ будетъ, колъ не болѣ.

Степка. Ево гдѣ!.. (Молчаніе. Миколка закуриваетъ трубку.
Въ свѣжель воздухѣ сильно пахнетъ махоркой).

Степка. Важно повесело!

Миколка. Ничего — здорово.

Степка. Чай глотку-то дереть?

Миколка. Ничего : маненько подираеть. А что? хошь что-ли?

Степка. Давай. (Береть у него трубку, плюетъ и курить съ
ожесточеніемъ). Важно! Такъ по грудкѣ и разошлось, Миколка. Чу-
десно.

Миколка. Ты мотри, малый, что ночь-то дѣлаетъ... (Тянетъ
что есть силы по луку). Чудеса!

Степка. Ночь, братецъ, первый сортъ.

Миколка. Мѣсяць-то словно изъ рѣпки вырѣзанъ — круглый.
А звѣздъ-то сколько, мотри — тьма-тмущая... И не сочтешь. (Смо-
тритъ оба на небо).

Степка. Гдѣ-же счесть, чай миллѣны.

Миколка. А тишь-то, братецъ мой, какая! Слово все по-
верю...

Степка. На что ужъ знатнѣе этого. (Поводитъ рукой по воз-
духу). Нишалунится. Тихо.

Миколка. Да, тихо... Важно! (Потягивается).

Степка. А что, Миколка, все я хочу тебя спросить : не знаешь
ли ты отчего это мѣсяць свѣтитъ? Чудно!

Миколка. Мѣсяць-то? Знамо отчего свѣтитъ : время такое
ему приходитъ — оттого онъ и свѣтитъ.

Степка. Что ты! Да вонъ намѣднись не свѣтилъ, братецъ.
Отчего бы это?

Миколка. Отчего? (улыляется). Знамо отчего... я, малый,
всѣ эти дѣла произошолъ... На что хошь тебѣ отвѣчу. Вотъ слухай
что я тебѣ буду говорить, а ты опосая умомъ-то все чи порасканиь.
Занятная будетъ исторія.

Степка. Ой-ли?

Миколка. Сейчасъ умереть! (плюетъ). Знаешь ты Прохары-
ча, что въ Жгутовѣ?

Степка. Это дьячка-то? Знаю.

Миколка. Ну это онъ меня научилъ.

Степка. А онъ почему знаетъ?

Миколка. У него, малый, книга такая есть : «Лендарь» прозывается. Она-то все ему и говорить.

Степка. Книга-то эфта?

Миколка. Да, книга.

Степка. Вишь ты!.. Да она можетъ вретъ, Миколка?

Миколка. Чего вретъ?

Степка. А про мѣсяць-то.

Миколка. А съ чего ей врать-то? Все единственно...

Степка. Оно точно... можетъ и не вретъ... а все, значить, сумнительно.

Миколка. Я тебѣ говорю, что настоящее дѣло говорить... Ну!

Степка. Неушто все такъ доподлино и выходитъ?

Миколка. Такъ и выходитъ.

Степка. Занятная, значить, книга эта.

Миколка. Знамо занятная, а то бы чортъ ля въ ней!.. Вонъ, у нашего барина ихъ, парень, цѣлый ворохъ, да весь, братецъ ты мой, такъ... безъ потребы свалены въ кучу.

Степка. Чтожъ это онъ?..

Миколка. Да ему, малый, времени нѣтути: онъ у насъ болѣе все по псарни, да съ дѣвками...

Степка. Негодящій, значить?

Миколка. Негодящій!..

Степка. А дѣвокъ то у васъ много?

Миколка. Много.

Степка. Дворовыхъ болѣе, аль деревенскихъ?

Миколка. Всякихъ много.

Степка. Значить — воля?..

Миколка. Съ чего воли-то быть?

Степка. Ишь, вражьевъ сынъ! — своихъ-то ему мало...

Миколка. А ему что? Все единственно....

Степка. -Врешь?!

Миколка. Сейчасъ издохнуть! (*плюетъ*).

(Молчаніе. Степка докуриваетъ трубку. Миколка въ раздумьи глядитъ на звѣздное небо. Луна медленно уходитъ за лѣсъ).

Миколка. А то вотъ, Степка, жилъ это одно лѣтось на селѣ у насъ дохтуръ одинъ, изъ приказныхъ чтоли? Ужъ песъ его знаетъ,

кто онъ такоечи. Такъ тотъ, малый, чудеса намъ рассказывалъ да и только!

Степка. Чтожъ онъ вамъ рассказывалъ—то, Миколка?

Миколка. А вотъ слухай. Идемъ это мы одначе по деревни съ дѣвками, а дохтуръ—то къ намъ на встрѣчу — прогуляться значить вышелъ на ночь. А ночь, братецъ ты мой, въ ту пору была важнѣющая, вточь—точь такая же какъ теперича — лунная. Мы знамо ему поклонилися и онъ намъ. Душа былъ человекъ одно слово. Прилюбезный... Ну, мы значить сейчасъ же къ нему и въ разсужденіе, и онъ тоже. Ужь очинно онъ намъ, малый, хорошо рассказывалъ—то, ей—богу! Заслушаешься бывало, и дѣвокъ забудешь, потому самому, что въ головѣ, братецъ, не то.

Степка. Это точно... до дѣвокъ ли тутъ!

Миколка. Ну вотъ, слышь ты, и закидываетъ эфто онъ рѣчь про мѣсяць...

Степка. А я, Миколка, думалъ, что онъ вамъ про чертей... Ужь больно я, парень, люблю про чертей—то слухать!

Миколка. Про чертей опосля... Ты слухай. — «Ребята, говорить, знаете ли вы, что такое мѣсяць?» спрашиваетъ. Мы знамо молчимъ да слушаемъ. — «Такъ я вамъ, братцы мои, говорить, доложу про эфто особую матерію.» Мы слушаемъ. — «Вотъ, говорить, мѣсяць — видите?» указываетъ. Видимъ, говоримъ. — «Ну, такъ эфто, говорить, не мѣсяць, а «планида». Планидъ у насъ, грворить, три: сперва—наперво, говорить, земля, значить, будетъ планида, далѣ теперича солнце и напоследокъ мѣсяць». Каковъ, Степка, дохтуръ—то, а?

Степка. Ахъ, жидъ его сломай! Кудесникъ какой! Да я, Миколка, отродясь эфтого не слыхавалъ. Сейчасъ провалиться!

Миколка. Гдѣже слыхать! Ты пожди, малый, что далѣ—то пойдетъ — чудеса! Я, братецъ ты мой, нарочно всѣ его рѣчи крѣпко запомнилъ, потому самому, что занятно ужь больно... И ты теперича про что хошь меня спроси, — я тебѣ какъ на ладони все такъ выложу. Вотъ слухай. «Мѣсяць, говорить, свѣтитъ по числамъ и мѣсяцамъ, а солнце, говорить, съ вѣка—вѣченскаго и до скончанія міра сего будетъ свѣтитъ, потому, говорить, что оно солнце, а не мѣсяць. Ну повали ли, братцы мои?» спрашиваетъ. Мы знамо молчимъ да слушаемъ, потому самому, что перечить намъ ему не слѣдъ. Такъ ли я говорю, Степка, а?

Степка. Гдѣ же тутъ перечить... чай у васъ, Миколка, умъ за разумъ зашолъ?

Миколка. Просто, малый, голова затуманилась!.. Стоимъ это мы вокругъ его словно какъ шальные, да другъ на дружку и поглядываемъ — ужь мы ли это? Сейчасъ умереть! Искони такихъ, братецъ мой, рѣчей не слыхивали. Вотъ что я тебѣ скажу.

Степка. Знамо не слыхивали. Гдѣ же слышать!..

Миколка. Ну, «а солнце, говоритъ, когда теперича не свѣтитъ, то знайте, братцы, ему облака мѣшаютъ, а облака, говорятъ, это гнилая матерія, вниманія нестоющая».

Степка. Ну про это онъ вретъ, Миколка. Какая же это матерія?

Миколка. Да ты слухай, а опосля говори. А то вретъ! Ему чай лучше знать.

Степка. А ему почему знать? Лазилъ чтоли онъ на небо-то? Городить знамо.

Миколка. Лазилъ, а тебѣ што? зарно чтоли?

Степка. Да мнѣ все единственно.

Миколка. Ну ты такъ и говори, а то городить! съ чего ему городить-то? Вотъ слухай. — «Облака, говоритъ, бываютъ разныя: и сѣрыя, и бѣлыя, такъ ли, братцы мои?» спрашиваетъ. Это точно, говоримъ, что облака бываютъ разныя: и бѣлыя и сѣрыя; теперича примѣрно къ грозѣ — это, говоримъ, точно бываетъ. — «Ну, такъ, говоритъ, вы и знайте ребята, что облака, говоритъ, это матерія: значить къ примѣру навозъ ли, али тамъ падалъ какая на полѣ валяется — все единственно по той самой причинѣ, что онѣ изъ пару навознаго состоятъ». Ну понялъ ли?

Степка. Это точно, Миколка; я теперича дѣло-то смекаю. Это значить, когда навозъ сваливаешь съ воза въ кучу, отъ него паръ валить. Это чтоли?

Миколка. Оно самое и есть паръ-то этотъ. Онъ значить и подымается къ небушку, да тамъ къ примѣру теперича и сгущается, отъ этого самого и туча дѣлается. Вотъ оно что, чудесный ты человекъ!

Степка. Чудно, братецъ ты мой, одно слово!

Миколка. Да еще какъ чудно-то, Степка! Просто я тебѣ скажу умъ за разумъ заходить. Вотъ оно что! — «А дожде, говоритъ, потому самому и бываетъ, что туча, говоритъ, отъ навознаго пару отягощается: ее, малый, и разорветъ во все стороны, дождь-

то къ примѣру и польется. А громъ, говорить, молнья — это, говорить, ничто какъ «летричество».

Степка. Летричество?

Миколка. Да, летричество. Значить теперича къ примѣру огни всякіе въ землѣ есть, ихъ-то, малый, солнышкомъ поразогрѣеть, — они и полззуть въ небушко туманомъ; туманъ-то эготъ съ тучей встрѣтится, другъ объ дружку потрутся — и пойдеть грозища. Ну понавля ли?

Степка. Какіе же это, братецъ мой, огни-то въ землѣ бываютъ? Не вреть ли онъ?

Миколка. Какіе огни? Знамо какіе огни бываютъ — всяческіе. Вотъ хошь теперича къ примѣру камень кремень. Отклева онъ? Отвѣчай мнѣ.

Степка. Камень кремень изъ земли, братецъ.

Миколка. Ну вотъ вишь, значить врать ему не куюму.

Степка. Это точно.

Миколка. «И ихъ, говорить, братцы мои, цѣлый адъ кровшный».

Степка. Это огней-то, Миколка?

Миколка. Да, огней.

Степка. Ну?

Миколка. Ну... «А есть, говорить, такая страна на свѣтъ... забылъ я только, какъ она прожывается-то, — «Талия» чтоли? ужъ песь ее знаетъ, «гдѣ, говорить, съ вѣка-вѣченскаго цвѣты цвѣтуть и зимушки не бываетъ. Въ этой-то самой странѣ есть, говорить, гора «Узей»...»

Степка. Узей! это чтожь такоечи, Миколка, за Узей?

Миколка. Названіе такое.

Степка. Вишь ты какое мудреное!

Миколка. Да ты не перебивай, а слухай. — «Въ этой-то самой горѣ дыра есть, говорить; въ это-ту дыру огонь земной выходитъ, по той самой причинѣ, что ему теперича переть большіе нуды, какъ только въ эту самую дыру».

Степка. Чтѣ ты! Да зачѣмъ же это онъ преть-то, Миколка?

Миколка. Экой же ты чудной человекъ! Я-жь тебѣ говорилъ, что огни въ землѣ всякіе бываютъ, надѣтъ же имъ куда нвестъ выходить. Тая ли я говорю, али нѣтъ?

Степка. Тая-то оно тая, Миколка... а все мнѣ значить сумнительно: отчего бы такоечи это дѣтса?

Миколка. А дѣется, малый, просто-напросто отъ огня кро-мѣшнаго .. Не будь теперича у насъ этой дыры, узеевской, огонь бы мать-землю нашу кормилицу распласталъ бы на кусочки во всѣ стороны. И куда бы ты теперича ни пошолъ, вездѣ бы однѣ только трещины увидѣлъ. Вотъ оно чтó, любезный ты человекъ!

Степка. Оно точно .. можетъ и правда... а все значитъ во всемъ божіе произволеніе... ты что ни говори.

Миколка. Знамо божіе произволеніе... а то чтожъ еще?

(Молчаніе. Степка, повѣся голову, чешетъ себя за ухомъ. Миколка, что-то раздумывая, смотритъ на небо. Луна совсѣмъ уходитъ за лѣсъ. Туманная, снѣжащая ночь ложится на долину сумрачнымъ покровомъ. Съ сѣвера вѣетъ сыростью и предразсвѣтнымъ холодомъ. Миколка вздуваетъ лучину и кладетъ ее подъ хворостъ; красноватое пламя вмигъ освѣщаетъ часть долины и лѣса. Чьи-то торопливые шаги приближаются къ огню. Морда косматого пса озаряется красноватымъ пламенемъ. Миколка гладитъ собаку и ложится на тулупъ возлѣ костра. Степка дѣлаетъ то же.)

Миколка. Важно! Огонькомъ-то славно подогрѣваетъ, Степка, а?

Степка. Да, чудесно... Ну а еще ничего онъ вамъ не рассказывалъ, Миколка?

Миколка. Мало ли чтó еще намъ онъ говорилъ... Вотъ хошь теперича про землю — чудеса да и только!..

Степка. Чтожъ онъ вамъ говорилъ-то?

Миколка. А вотъ слухай. «Земля, братцы мои, говоритъ, это шаръ круглый. Теперича къ примѣру: нула ты ее ни поверни — вездѣ, говоритъ, будетъ кругло.» И взялъ это, Степка, онъ тыкву, прокололъ ее лучиной и завертѣлъ рукою. — «Глядите, братцы мои, говоритъ, вотъ она самая земля есть, на ось болтается...»

Степка. Какая же это ось-то, Миколка?

Миколка. А про ось-то, малый, онъ намъ что-то темно говорилъ: мы всего не поняли. Говорилъ значитъ ось есть, а какая она теперича ось? — песь ее знаетъ!..

Степка. Ну?

Миколка. Ну... заболталъ это рукою да и говоритъ: «вотъ, братцы мои, слушайте да помните, — на этомъ самомъ мѣстѣ «Россея», говоритъ, стоитъ (указываетъ на тыкву-то), а на этомъ къ примѣру будетъ «Анлія», а далѣ теперича пойдетъ «Франція...» и

чортъ его знаетъ чего онъ не нагородилъ намъ въ тѣ поры! А мы-то слушаемъ. — «Такъ вотъ вы и знайте, говорить, ребята, что земля теперича ходитъ на осѣ, а солнышко съ вѣка-вѣченскаго и до скончанія міра сего будетъ стоять не тронувшись. А почему оно, говорить, стоитъ не тронувшись, то я вамъ, братцы мои, сейчасъ это поясню какъ должно...»

Степка. Ну это онъ городить, Миколка! Я теперича никогда въ свѣтъ не повѣрю, чтобы земля ходила, а солнце стояло. Это онъ вреть.

Миколка. Я и самъ, братецъ мой, былъ въ сумленіи насчетъ этого, да ужь больно онъ гораздъ на причуды-то!.. Вотъ слухай. «Вы, братцы мои, говорить, мнѣ не вѣрите, что солнце теперича стоитъ, а земля ходитъ?» спрашиваетъ. — Не вѣримъ, говоримъ. — «Ну такъ я, говорить, вамъ сейчасъ самое средство представлю. Слушайте. — «Если, говорить, взять это къ примѣру блоху и положить ее вотъ на это самое полѣ (а поле, братецъ ты мой, у насъ большущее: съ одного конца въ конецъ не видно), положить это, говорить, блоху и закачать теперича къ примѣру полемъ что есть силы-мочи. Отвѣчайте мнѣ, ребята, — почуветъ блоха что ее качаютъ, али нѣтъ?» Мы такъ, малый, всѣ и прыснули со смѣху, вѣдо всѣ животики надорвали... сейчасъ вдохнуть!

Степка. Ахъ, дуи его горой! вотъ чудесникъ-то, Миколка! ха-ха-ха!

Миколка. Просто, парень, насмѣшилъ онъ насъ въ тѣ поры моволь. Ну вотъ и говорить: «такъ теперича и человекъ не можетъ, братцы мои, чуютъ какъ подъ нимъ земля значитъ ходитъ, потому, говорить, что онъ есть на землѣ блоха, а не человекъ.»

Степка. Это точно, что теперича противъ всей земли человекъ — кроха. Это справедливо. Нѣтъ, ты мнѣ, Миколка, расскажи отчего земля-то ходитъ?

Миколка. А земля, малый, ходитъ потому, что ей нельзя иначе какъ не ходить. Теперича къ примѣру день... что такое день? отвѣчай мнѣ.

Степка. День-то что? Знамо день какъ есть... а то какъ же еще онъ прозывается?

Миколка. А день, братецъ ты мой, прозывается... постой! какъ-бишь это онъ говорилъ-то?... *(Хватаетъ себя за голову и призадумывается)*. Ну, да все едино! Вотъ тебѣ кулакъ, видишь?

Степка. Вижу.

Миколка. Ну это къ примѣру будетъ солнце на небѣ. (*Поднимаетъ кулакъ вверхъ*). Слышишь?

Степка. Ну, слышу.

Миколка. А вотъ этотъ кулакъ къ примѣру будетъ земля.

Степка (*съ недоумѣнiемъ*). Ну, земля.

Миколка. Ну вотъ ты теперича и смотри что я буду дѣлать.

Степка. Ну, смотрю.

Миколка. Постой! чтобы доподлиннѣ тебя было, я вотъ плюну на руку, а ты гляди. (*Плуетъ*). Видишь?

Степка. Вижу.

Миколка. Ну, это къ примѣру будетъ «Россея», а это...

Степка. Постой-ка, Миколка! Какая же это Россея-то?

Миколка. Эхъ ты... недоносокъ! право. Своей земли не знаешь! Наша извѣстно «Россея»...

Степка. Ну?

Миколка. Ну, вотъ и гляди теперича сюды, куда у меня плевокъ-то пойдетъ, а я рукой-то буду исподволь поворачивать книгу... а ты гляди да замѣчай что я буду дѣлать-то.

Степка. Да ну, ладно, говори. Мимо ушей не пропустимъ. Небось!

Миколка. Ну, вотъ она наша матушка «Россея» и пошла теперича книгу... А ты не забудь, что вотъ этотъ кулакъ — солнце. Слышь? (*Взмахиваетъ лъвымъ кулакомъ по воздуху. Степка утвердительно качаетъ ежу головой*). Ну вотъ и поѣхала матушка «Россея» все книгу да книгу (*поворачиваетъ правую руку кулакомъ книгу*). И поѣхала... А съ той стороны... Гляди на мизинецъ-то!

Степка. Ну, гляжу.

Миколка. Видишь, какъ его теперича помаленечку претъ вверху?

Степка. Ну, вижу.

Миколка. Ну это значитъ «Австралиа» восходитъ теперича къ солнцу, а наша матушка «Россея» зашла книзу. Чтожъ изъза всего этого выходитъ, Степка? А вотъ слухай. Выходить, братецъ ты мой, то: что когда теперича у насъ день, то въ «Австралиа» значитъ ночь; а когда у насъ ночь, то въ «Австралиа» значитъ день. Ну понялъ ли теперича?

Степка (*модулавши*). Привнаться тебѣ, Миколка, по совету: ни лѣшаго не понялъ я. Ты хошь зарѣжь, ейбогу! Китро ужъ боль-

но — какже тутъ понять... Ты мнѣ лучше безъ жулаконъ-то раскажи, авось я какъ и пойму. А то, вотъ-тѣ-Христось, не въ моготу мнѣ да-и только!..

Миколка. Не въ моготу!.. Дурень ты эдакой! право-слово дурень. Гдѣ-жъ у тебя башка-то была, когда я говорилъ? Ну!

Степка. Башка, братецъ мой, была со мною.

Миколка. Со мною!.. Эхъ ты, жидкомозглый! право-слово жидкомозглый! Ничего у тебя разуму-то нѣтути. Ну что ты опосля этого за человекъ? Недоносошь одно слово!

Степка. Ты не ругайся... что ты ругаешься-то, гордока-тина!

Миколка. Поди ты отъ грѣха, ейбогу! Я спать хочу. *(Ложится на бокъ и притворяется спящимъ. Степка въ раздумьи чешетъ себя ешику. Нѣсколько минутъ длитая молчаніе.)*

Степка. Ну полно Миколка... ужъ и изобидѣлся. Полно! *(Будитъ его.)*

Миколка. Проваливай! *(Закутываетъ голову въ полушубокъ.)*

Степка. Ну полно Миколка... право. Слышь ты, братецъ мой, а? *(Теребитъ его.)*

Миколка. Да что ты ко мнѣ присталъ!

Степка. Да я насчетъ чертей-то... ты хотѣлъ рассказать.

Миколка. Завтра расскажу.

Степка. Нѣтъ ужъ сдѣлай божескую милость, Расскажи теперича. Смерть я люблю про чертей-то слухать!

Миколка. Да что про чертей-то говорить? «Одно значить, говорить, «броженіе» это... а болѣ ничего.»

Степка. Броженіе! это чтожъ такоечи, Миколка, за «броженіе?»

Миколка. А вотъ это что... *(Садится.)* Слухай. — «Теперича, говорить, къ примѣру въ мысляхъ одно только есть... опричь того ничего нѣтути. Если, говорить, стануть тебѣ съ маляства бабье наше говорить: что всякія въ лѣсу русалки да лѣшіе бывають... Не вѣрьте имъ, братцы мои, говорить, ничего этого ма свѣтѣ нѣтути, а одно, говорить, только «броженіе» это — а болѣ ничего.»

Степка. Ну нѣтъ Миколка, ты ему этого не вѣрь. Это онъ городить. Я самъ, братецъ ты мой, неравъ въ лѣсу ссыживалъ какъ лѣшіе прогуливались... такъ, сдѣлать тебѣ по совѣти, омааче чуть душевнѣку Богу не отдашь со-страду. Вотъ оно что! А ты говоришь

броженіе. Какое жь чорту тутъ броженіе! — настоящее самое дѣло выходить.

Миколка. А ты вотъ слухай, а опосля говори. Со мной такая же самая исторія была... Хошь, чтоли, расскажу?

Степка. Расскажи, Миколка, сдѣлай божескую милость.

Миколка. Ну вотъ слухай. — Шолъ это я одначе по барскому саду ночью. Иду это, да гляжу по сторонамъ нѣтъ ли гдѣ причиннаго человѣка — въ обходъ, значить, обходилъ дозоромъ. Вдругъ это, малый, вижу я сидитъ на тополѣ русалка — бѣлая-разбѣлая какъ снѣгурка какая, глаза какъ жуковки горять, собою такая приземистая да полногрудая, что ужаси! да на вѣткѣ и покачивается...

Степка. На вѣткѣ?

Миколка. Да, на вѣткѣ.

Степка. Ахъ, прострѣли ее со всѣмъ! вишь ты, куда ее занесло!

Миколка. Я какъ взвидѣлъ это ее, братецъ мой, такъ и обезумѣлъ весь, словно кто меня обухомъ по башкѣ шаракнулъ. Сейчасъ издохнуть! Гляжу это, а у самого серденько-то отъ страху чтоли, аль отъ чего другого — юкаетъ что есть силы-мочи. А русалка-то, слышь ты, на меня гляючи, знай себѣ да покачивается. Я думалъ, думалъ, малый, да и тронулся къ ней, перекрестившись; думаю себѣ: если она меня теперича чѣмъ только тронитъ — я ее дубиной и окрещу сколько моей душенькѣ захочется, а то закричу во всю глотку — сейчасъ ребята прибѣгутъ, мы ее тогда уиюкоимъ. Задумалъ это я, Степка, да и обошолъ стороной тополь-то; какъ обошолъ это я его — гляжу и глазамъ своимъ не вѣрю, просто въ изумленіе пришолъ да и только!.. Никакой, братецъ ты мой, и не было русалки, а просто-напросто мѣсяцъ это серебрилъ, значить, тополь, — отъ него мнѣ и показалось, что русалка сидитъ. Вотъ и все.

Степка. Да она можетъ убѣжала?

Миколка. Экой же ты чудной человѣкъ! Куда-жь ей было убѣжать-то? Въ саду-то неукроешься, а воды близко не было.

Степка. Чтожь это такоечи было-то?

Миколка. А было, малый, просто-напросто одно броженіе: значить теперича держалъ я ее въ мысляхъ — она мнѣ и представилась какъ на есть русалкой.

Степка. А я, Миколка, въ сумлѣвнн насчетъ этого... ты что ни говори. Оно точно можетъ и представилось тебѣ, потому-самому,

что тополь теперича серебристь на мѣсяцѣ. Это я и самъ замѣтилъ, — бѣлымъ-то и показалось... Ну, а глаза-то какъ?

Миколка. А глаза-то, парень, знать роса на мѣсяцѣ блестя-ла. Вотъ и все.

Степка. Что ты!

Миколка. Дѣ право-слово.

Степка. Оно точно... можетъ и роса, а все значить сумнительно... ты что ни говори.

Миколка. А ты вотъ слухай. Я тебѣ еще раскажу. — Послалъ это меня одначе отецъ за виномъ въ Марфутку, а ийти надѣть было погостомъ. Пошолъ это я съ вечери, да запоздалъ маненько : съ ребятами тамошними, значить, въ бабки проигралъ -- время-то и ушло. Какъ пошолъ это я обратно-то, ужъ ночь была на дворѣ : тучи черныя все небо обволокли и дождь накрапывалъ. Ну, дѣлать было нечего : самъ, значить, виноватъ — пошолъ. Иду это и не гляжу по сторонамъ чего бы, думаю, опять мнѣ не померещилось... А у насъ бабы сказывали на погостъ то и дѣло ночью мертвецы изъ могилъ своихъ выходятъ, да по родныхъ своихъ и воють. Просто, малый, страхъ меня обуялъ на смерть...

Степка. И меня что-то дрожь пронимаетъ, Миколка!

Миколка. Пройметъ, братецъ, всякаго человѣка... Ты слухай что далѣ-то пойдетъ. — Ну, иду это я, да думаю : «ну-ка какъ и взаправду что мнѣ приключится...» Только-что, братецъ ты мой, я это задумалъ, какъ слышу вдругъ кто-то отъ меня недалечко глубоко такъ вздохнулъ, да и завылъ на всѣ голоса плачучи... я, какъ это шолъ, Степка, такъ и прыснулъ съ размаху въ сторону, и ну кричать благимъ матомъ — во всю глотку. И слышу я, закричали это чьи-то голоса по погосту во всѣхъ концахъ въ растяжку... просто, парень, такой меня страхъ обуялъ, что голосъ перервался и въ глазахъ помутилось, хошь зарѣжь! Ну, пересталъ это я кричать — и все кругомъ меня смолкло. Что за чую, думаю? Перевелъ это я, братецъ мой, духъ, да какъ крикну еще разъ, другой, третій — и почало опять кричать кругомъ меня сызнова. А самому отъ страху-то и невдомекъ, что теперича на каждый крикъ въ лѣсу откликается.

Степка. Это точно. Теперича ты какъ ни крихни, завсегда тебѣ въ лѣсу отвѣтъ будетъ. Это справедливо. Ну, а выль-то вложь, Миколка?

Миколка. А выль-то, малый, знаешь ли кто? Просто сбить сказать. Опосля-то я ужь разобралъ. — Свиныя выла.

Степка. Сви-нья?!

Миколка. Да, свинья. И какъ это она затесалась на погостъ-то? и не придумаю.

Степка. Вишь ты — свинья!.. Да можетъ не она?

Миколка. Она самая. Я ужь опосля-то ее замѣтилъ, какъ въ чувствіе-то пришолъ. Она значить и дыхала-то.

Степка. Ахъ, прострѣли ее совсѣмъ! какъ испужать можетъ.

Миколка. Да, малый, индо вся рубаха мокра была со страху. Вотъ оно что!

Степка. Спаси Богъ всякаго человѣка, что говорить. (*Вздыхаетъ*). Вотъ и со мной такая же самая исторія была... только насъ не свинья испужала, а лошадь.

Миколка. Лошадь?

Степка. Да, лошадь. Вотъ слухай. — Пошолъ это я одначе съ отцомъ на охоту. Почитай три дня бродили по лѣсу. Ну все ничего шло покелево: и дичи всякой настрѣляли, и сами продовольствіе хорошее имѣли... только какимъ-то эфто, братецъ, манеромъ и заплутали мы...

Миколка. Заплутали?

Степка. Да, заплутали, — хошь ты зарѣжь, никакъ значить не выйдемъ на дорогу.

Миколка. А дорогу-то знали?

Степка. Знали какъ нельзя лучше. То-то и зарно!

Миколка. Ну?

Степка. Ну, плутали это мы, плутали по лѣсу-то, индо всѣ ножки надломил ходючи. «Что молъ, думаемъ, за притча такая приключилась?» Подижъ ты! Вижу отецъ молчить, да по сторонамъ пугливо таково поглядываетъ — я и ударился, братецъ мой, въ слезы, и завылъ по матушкѣ родимой да по дому... таково это нѣтъ вдругъ сгрустнулось, Миколка, ейботу. Какъ завылъ это я, отецъ-то и ну меня ругать; ругалъ это онъ меня, ругалъ да и говорить: «Степка, говорить, ты молъ ляжь здѣсь, разведи огонь да сосни, а я молъ, говорить, схожу недалечко, погляжу нѣтъ ли гдѣ выходу». Сказалъ это, братецъ мой, да и зашагалъ отъ меня съ Трезоркой. Я ударился за нинь, причу это благимъ матомъ: «тятяна! тятяка! не ходи! боюсь, боюсь, родимый!» А онъ знай себѣ да улепетываетъ, меня не слухая. И потерялъ я его вскорости изъ виду...

Миколка. Чтожь отецъ—то не любилъ тебя чтоли?

Степка. Нѣтъ любилъ... Да онъ у насъ былъ какой—то чудной: слезъ да бабьяго крику больно ужъ недолюбливалъ. Не по нутру ему это чтоли приходилось? — Ужь Богъ его знаетъ.

Миколка. Ну?

Степка. Ну, дѣлать было нечего, развелъ я, братецъ мой, огонь, надѣлъ полушубокъ и легъ пласть—пластомъ. Ужь очинно я себя ревомъ—то изнеможилъ, Миколка, ейбогу!.. Лежу это, а самого ляхманка что есть силы—мочи трепить. Хошь ты плачь!

Миколка. Испужался значить очень.

Степка. И не приведи—господи какъ испужался... Смерть да и только!

Миколка. Это бываетъ. Ну?

Степка. Ну, а ночь на ту пору была такая, что хошь ты глазъ выколи — темь—теменью. Лежалъ это я лежалъ, да вдругъ и слышу гдѣ—то далеко—таково отъ меня что—то хрустнуло... Я, значить, наострилъ это уши и сталъ слушать. Слышу все ближе и ближе чьи—то шаги раздаются по лѣсу и прямо—то на меня идутъ, такъ—тики прямо на меня и пруть. Просто смерть!.. Вскочилъ я, братецъ мой, на ноги, взялъ ружье и влѣзъ на дерево...

Миколка. На дерево?

Степка. Да, на дерево. Держусь руками—то, а руки—то у меня отягощаютъ, Миколка, такъ и отягощаютъ... хошь ты плачь! Никакой значить способности нѣту въ нихъ.

Миколка. Это отъ страху.

Степка (вздыхая). Да, отъ страху. А на тотъ грѣхъ, слышь ты, ружье—то у меня изъ рукъ и выпали да и выпали; какъ выпалило это оно, господи ты Боже мой милостивый! почелся это вдругъ вокругъ меня такой гулъ и крикъ, что я, какъ висѣлъ на деревѣ—то, такъ и повалился на земь словно какъ подстрѣленный. Ужь далъ—то я и не помню. Прочувствовался я только на утро. Протеръ глаза, гдѣжу... а отецъ стоитъ окодо меня и лошафъ держитъ, значить ту самую, что испужала—то меня. Такъ вотъ, братецъ ты мой, какія теперича на свѣтъ дѣла бывають! а ты говоришь броженіе... Нѣтъ, Миколка, не броженіемъ тутъ пахнетъ, а настоящимъ самымъ дѣломъ выходить. Вотъ оно что!

Миколка. Ну и пушай будетъ потвоему!.. а ты меня теперича не трожь — я спать хочу. (Ложится на бокъ и вскорѣ засыпаетъ.)

Степка. Да дрыхни! право-слово. Наладилъ одно: «спать хочу, да спать хочу» — ну и дрыхни!.. (*Стоитъ нѣсколько минутъ съ раздумьи.*) Оно точно хоша меня къ примѣру и лошадь испужала, а все значить это «его» штуки были... ты что ни говори. (*Миколка молчитъ.*) Теперича отчего мы заплутали? Отвѣчай мнѣ. (*Тоже молчаніе.*) Оттого и заплутали, что это «онъ» надъ нами потѣшался... а ты говоришь броженіе... Нѣтъ, Миколка, спаси Богъ всякаго человѣка отъ такой лихой напасти. Вотъ что я тебѣ скажу! (*Крестится и ложится возлѣ храпящаго Миколки. Костерь гаснетъ, озаряя долину блѣдно-розовымъ свѣтомъ.*)

КАРТИНА ВТОРАЯ

Утро. Сквозь сивые туманы пробиваются золотистыя струйки восходящаго солнца. Въ лѣсу и по долинѣ бродятъ розовыя тѣни. Съ каждой минутой картина принимаетъ все болѣе оживленный и сіяющій видъ. Гдѣ-то вдалекѣ, съ появленіемъ солнца, слышна по вѣтру пѣсня:

• Ты рябинушка, сиротинушка,
Ты когда взошла, когда выросла?
Ты рябинушка, сиротинушка,
Ты когда цвѣла, когда вырѣла?
Я весной взошла, лѣтомъ выросла,
Я весной цвѣла, лѣтомъ вырѣла...

(По долинѣ раздается оглушительный лай собакъ и далекииъ эхомъ надрывается онъ по лѣсу).

Степка (*вскакивая на ноги*). Миколка! никакъ дѣвье хлынуло, а? (*Прислушивается. Миколка молчитъ*). Да вставай лѣвшій, тебѣ говорить! А? (*будитъ его.*)

Миколка. Да что тебѣ — чортъ!

Степка. Вставай братецъ, ужь утро бѣлое... Пойдемъ домой... смерть ѣсть хочется.

Миколка (*встаетъ и потягивается*). Эхъ, Степка! кабы кажется волюшка была-бъ — всю бы я жизнь, братецъ, дрыхъ безъ просыпу!.. Эхъ ты, доля моя горькая!.. Провались она совѣтъ

жизнь анафемская! (*Вздыхая, беретъ кнутъ, тулупъ и шапку.*
Степка дѣлаетъ тоже. Въ лѣсу снова раздаётся пѣсня:)

• Ты рябинушка, сиротинушка,
 Ты когда взошла, когда выросла?
 Ты рябинушка, сиротинушка,
 Ты когда цвѣла, когда вырѣла?

(Голоса замираютъ въ лѣсу. Степка и Миколка,
 повѣсивъ головы, гонять табунъ по долинѣ Рѣка ка-
 тить свои волны золотымъ отливомъ. Солнце стоитъ
 надъ лѣсомъ.)

Н. ПОЛЕТАЕВЪ

ОТЪ ПЕТЕРБУРГА ДО ЕКАТЕРИНОСЛАВА

III

Столкновеніе съ откупомъ. — Заготовленіе хлѣба. — Берега Днѣпра. — Каневъ. — Пугало сепаратизма. — Деревни и села. — Черкасы. — Кременчугъ. — Камни. — Екатеринославъ. — Общественная жизнь, общественные интересы, общественное мнѣніе. — Ярмака, театръ, скачки. — Литературный вечеръ. — Окрестности Екатеринослава. — Степь. — Саранча. — Колонія. — Инспекторскіе смотры въ нашей арміи. — Опросъ претензій. — Готовящіяся преобразованія по этой части. — Днѣпровскіе пороги. — Лоцмана. — Старый казачій ходъ. — Новый ходъ каналами. — Камни. — Ненасытець.

Въ Кіевѣ произошло престранное столкновеніе между нашимъ маленькимъ отрядомъ и виннымъ откупомъ. Не успѣлъ пароходъ нашъ съ прицѣпленными къ нему берлинами описать дугу внизъ по Днѣпру, чтобы вытануться противъ теченія и пристать къ берегу, какъ на пристани показалось нѣсколько лицъ въ какихъ-то полуофіціальнхъ костюмахъ, напоминавшихъ таможенную стражу. Эти лица требовали, чтобы ихъ допустили на пароходъ и берлины для освидѣтельствованія, не имѣется ли на нихъ водки. Должно знать, что во время пути мы покупали водку для людей тамъ, гдѣ она была дешевле, о чемъ легко было узнать отъ прислуги на пароходѣ и берлинахъ. Мы знали, что въ Кіевѣ водка была дороже и потому вовсе не намѣревались покупать ее въ этомъ городѣ, такъ какъ въ городахъ выше и ниже Кіева водка была дешевле.

Мнѣ было извѣстно, что на берлинахъ имѣлась денная порція водки для всего батальона, которую слѣдовало раздать людямъ въ Кіевѣ, а на слѣдующій день мы имѣли въ виду запасть въ винномъ ниже города, гдѣ придется ночевать. Какой-то господинъ, повидимому начальствующее лицо надъ откупной стражей, съ нахальнымъ видомъ требовалъ, чтобы его пропустили на пароходъ. По правдѣ сказать я не зналъ какъ велики были права надъ нами откупа и по-

нивалъ только неприязненное намѣреніе заставить насъ купить водку въ Кіевѣ, гдѣ она дороже, и дать выгоду откупу. Тѣмъ менѣе я рѣшился, насколько это будетъ отъ меня зависѣть, поддержать интересы солдата, въ надеждѣ, что въ этомъ случаѣ, вопреки неустановившемуся еще въ политикѣ закону, флагъ прикрываетъ грузъ, а грузъ былъ казенный, т. е. маршевой батальонъ, слѣдующій на Кавказъ. Я вступилъ въ преніе съ господиномъ, объявившемъ претензію побывать у насъ въ гостяхъ.

— Для чего вамъ нужно на пароходъ? сиромъ я.

— Я долженъ осмотрѣть, не имѣется ли у васъ водки. Помимо откупа въ городъ не можетъ быть привезено ни одного ведра вина.

— Да вѣдь мы пришли съ батальономъ солдатъ. Кажется до откупа это вовсе не относится?

— Никакого исключенія не полагается.

— Да мы не будемъ высаживаться. Заберемъ только хлѣба и немедленно отправимся далѣе.

— Тѣмъ не менѣе мы должны сдѣлать обыскъ.

Нѣтъ, думаю, флагъ не прикрываетъ груза. Откупъ-то звать свѣдѣ. Ужасно не хотѣлось мнѣ пустить осмотрщикавъ, да и за солдатскую водку боялся. Еще, думаю, переписка начнется, отписывайся тогда. А кто его зналъ, что солдатъ не имѣетъ права на купленное на свои деньги вино.

— А что сдѣлаете вы съ виномъ, если его найдете?

— Запечатаетъ откупною и вашею печатью.

— Для чего это?

— Чтобы люди не пили водку, купленную не въ Кіевѣ. А когда вы миаете мостъ, то можете распечатать.

— Какъ? Сами? Безъ свидѣтеля отъ откупа?

— Сами.

— А кто вамъ поручится, что мы не распечатаетъ ее тотчасъ по уходѣ вашемъ?

— Мы надѣемся на васъ.

— Такъ это пустая формальность.

— Нѣтъ, мы должны осмотрѣть берлины и пароходъ.

Я ничего не понималъ, и должно сказать, мало вѣрилъ словамъ откупного агента. Не можетъ быть, думаю, чтобы пустая формальность, которую мы могли исполнить, еслибъ намъ заблагоразсудилось, вызвала такое настойчивое требованіе. Если же это пустая формальность, такъ другою формальностью можно устранить ее.

— Нѣтъ, сказалъ я откупному господину: — вы извините меня, но я не пушу васъ на пароходъ. Если вы такъ ревностно желаете исполнить формальность, которую отъ васъ зависитъ нарушить,

такъ позвольте и намъ въ свою очередь требовать соблюденія формальности. Я не допущу васъ на пароходъ безъ военнаго депутата. Мало ли что можетъ случиться? Вы найдете что-нибудь противное нашимъ интересамъ: можете встрѣтить грубость, неисполненіе вашихъ требованій; посему я считаю необходимымъ, чтобы васъ сопровождалъ военный депутатъ, который могъ бы быть свидѣтелемъ въ случаѣ какого-либо недоразумѣнія или неспрiятности.

Я зналъ, что я былъ въ своемъ правѣ, а также, что требуется не малое количество времени, чтобы вытребовать депутата изъ комендантскаго управленія. Въ это время мы навѣрное успѣемъ уйти. Но вѣсть о томъ, что чиновникъ отъ откупа требуетъ, чтобы его допустили къ осмотру судовъ, быстро разнеслась на берлинахъ. Солдатамъ вѣрно хорошо было извѣстно что такое откупъ, ибо они стали просить офицеровъ дозволить имъ распить имѣвшуюся на берлинахъ денную порцію водки немедленно, до наступленія времени обѣда. Офицеры, тоже опасаясь придирки откупа, разрѣшили. Солдаты выстроились на берлинахъ, фельдфебель сталъ съ чаркой въ рукахъ у боченка съ виномъ, и солдаты поочередно стали подходить и выпивать свою порцію. Операцию эту немедленно замѣтила откупная стража и ея начальникъ. Надобно было видѣть ихъ негодование. На насъ посыпались угрозы, клялись, что дѣло это не останется безнаказаннымъ, что оно дойдетъ до высшаго начальства. Хорошо, думаю я, жалуйтесь. Не въ свою же пользу поступали мы такъ, а въ казенную. Съ тѣмъ и ушли наши откупные; переписки, запроса никакаго не послѣдовало: флагъ прикрытъ грузъ.

Кіевъ лежалъ у насъ на половинѣ пути. Въ немъ мы запасались печенымъ хлѣбомъ, который заготовлялся въ тамошнемъ гарнизонномъ батальонѣ. По этому случаю мы должны сдѣлать слѣдующую небезполезную замѣтку. Батальоны отправлялись изъ Рогачева или Лоева. Командиру кіевскаго гарнизоннаго батальона сообщено было заранѣе какъ о числительности каждаго имѣющаго пройти батальона, такъ и о времени его прибытія въ Кіевъ. И то и другое свѣдѣніе могло быть только приблизительно, а ему между тѣмъ весьма важно было знать какъ числительность батальоновъ, такъ и время ихъ прихода болѣе точно. Въ противномъ случаѣ чтоже выходило? Батальонъ отплываетъ изъ Рогачева, и принимая въ соображеніе могущія встрѣтиться на пути препятствія, непогоду, задержку и проч., бралъ съ собою печенаго хлѣба на шесть дней. Между тѣмъ плаваніе совершалось при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, и транспортъ приходилъ въ Кіевъ на третій день, имѣя въ запасъ хлѣба на два или на три дня. Въ Кіевѣ, по расчету плаванія до Кре-

менчуга, ему приготовили хлѣба еще на шесть дней. Роты его не принимаютъ, ибо имъ нужно хлѣба всего на четыре дня. Что дѣлать съ хлѣбомъ командиру гарнизоннаго батальона? Заготовленіе хлѣба сопряжено со многими формальностями. Часть расходовъ по его заготовленію падаетъ на земство (печи, дрова). Обратитъ излишній хлѣбъ въ сухари и сдать въ провіантское вѣдомство требуетъ разрѣшеній, переписки и разныхъ формальностей и проч., а хлѣбъ между тѣмъ сгніетъ. Или встрѣчались и такіе случаи: батальонъ запоздаетъ, хлѣбъ заготовленный для него совсѣмъ черствѣлъ, покрылся плесенью; роты его не принимаютъ что весьма понятно. Ктому же сообщенная въ началѣ операціи числительность батальоновъ часто измѣнялась до того, что порождала новыя затрудненія и замѣшательства. Разумѣется, что при помощи сухарной дачи вмѣсто свѣжаго хлѣба, эти неудобства были бы отстранены, но мы не видимъ необходимости прибѣгать къ замѣнѣ хлѣба сухарями, которые скорѣе надоедаютъ чѣмъ свѣжій хлѣбъ, и потому не охотно принимаются людьми. Всѣ эти неудобства по нашему мнѣнію могли бы быть отстранены сообщеніемъ по телеграфу какъ о числительности отплывающаго батальона, такъ и о времени его отправленія, которое въ силу контракта могло быть отсрочено на пять дней. А то вслѣдствіе несоблюденія подобной мѣры встрѣтился такого рода случай. Батальонъ запоздалъ и нашолъ приготовленный ему хлѣбъ черствымъ, заплесѣвшимъ и негоднымъ. Роты рѣшительно отказались принимать его; находившійся при батальонѣ медикъ, по свидѣтельству хлѣба, нашолъ его негоднымъ. Произошло непріятное столкновеніе. Приѣхали власти, настаиваютъ на приѣмѣ, — батальонъ продолжаетъ отказываться. Наряжена коммиссія, которая наша хлѣбъ черствымъ, но годнымъ къ употребленію. Ничего не подѣлаешь: медикъ подтверждаетъ его негодность. Такой аргументъ можно опровергнуть только равносильнымъ; въ коммиссію назначается медикъ отъ города. Тотъ морщится, не знаетъ чью сторону принять, но находитъ хлѣбъ бесспорно слишкомъ зачерствѣлымъ. Батальонный медикъ соглашается взять назадъ свое мнѣніе только въ такомъ случаѣ, когда городской дастъ свидѣтельство, что предлагаемый хлѣбъ не можетъ оказать вреднаго вліянія на здоровье людей. Тотъ отказывается подъ тѣмъ предлогомъ, что для опредѣленія здоровъ ли хлѣбъ или вреденъ, его необходимо подвергнуть химическому разложенію. Батальонъ одержалъ верхъ, ибо рѣшился не отчаливать отъ берега и телеграфировать начальству какъ поступить. Помирились на томъ, что ротамъ на три дня выдали сухарей, а на два свѣжаго хлѣба, скупленнаго у всѣхъ частныхъ торговцевъ въ городѣ.

Послѣ обѣда пароходъ тронулся, снова описалъ дугу и направился къ мосту, который тотчасъ по нашемъ приближеніи стали разводить. Для прохожденія черезъ мостъ въ Кіевѣ не имѣется тѣхъ приспособленій, какъ здѣсь на Невѣ у Николаевского моста. Въ фарватерѣ между двумя быками, ближайшими къ берегу какъ и въ Петербургѣ, сквозь которые проходятъ суда, не имѣется тѣхъ массивныхъ, чугунныхъ, пустыхъ плавающихъ цилиндровъ, которые такъ полезны при спускѣ по рѣкѣ и при поднятіи и которые столько же способствуютъ охраненію быковъ отъ ударовъ объ нихъ судна, сколько и самое судно. Но обѣимъ сторонамъ моста устроены машины для вынутія изъ берлины мачты и для поднятія ея по прохожденіи, за что берется опредѣленная таксою плата. Изъ нашихъ четырехъ берлинъ только на одной не была снята мачта, и она одна подвергалась этой операціи. Прохожденіе чрезъ мостъ задержало насъ значительное время. Мы рѣшились ночевать подъ стѣнами Лавры, забрать дровъ, закупить вина и мяса и приготовиться къ дальнѣйшему плаванію такимъ образомъ, чтобы уже безостановочно слѣдовать внизъ по рѣкѣ. Офицеры пошли въ Лавру. Я оставался на пароходѣ до ихъ прихода, а потомъ самъ отправился по берегу Днѣпра, по шоссе, ведущему изъ Подола къ мосту, польщать и полюбоваться украинскою луною ночью. Днѣпръ въ окрестностяхъ Кіева особенно живописенъ. Безспорно это самая поэтическая рѣка въ южной Россіи. Характеристическая мѣстная природа, своеобразно сложившійся бытъ населяющаго берега ея народа, прелесть его пѣсни и думы, его бурное, безпокойное прошлое, его настоящее, силащеся забѣгать въ будущее, можетъ далекое, можетъ близкое, странными причудливыми образами и мечтаніями пронеслись по душѣ моеи. Всю ночь я прошлялся или просидѣлъ на берегу красной рѣки: горизонтъ на востокъ уже освѣтлѣлъ, свѣтъ мѣсяца ослабѣлъ; вверхъ по рѣкѣ, къ сторонѣ Кіева, стали раздаваться различные звуки, предвѣщавшіе скорое пробужденіе утра. Я направился къ пароходу, который скоро долженъ былъ тронуться въ путь; въ Лаврѣ раздался звонъ колокола, призывавшій къ заутренни...

Подъѣзжая къ Каневу всѣ заговорили о Шевченкѣ; всякій считалъ долгомъ взглянуть на курганъ, насыпанный надъ его свѣжей еще могилой. Въ Украинѣ какъ и во всей Малороссіи имя поэта очень популярно: трудно встрѣтить человѣка, которому неизвѣстно было бы имя старика-Тараса. Даже нѣмецъ-шкиперъ нашего парохода знаетъ его, но на вопросъ мой, ктоже такой былъ этотъ Шевченко, отвѣчалъ: этого я не могу вамъ сказать, но его всѣ знаютъ, и всякій разъ какъ мы проѣзжаемъ мимо Канева, о немъ поды-

мается разговоръ на пароходѣ; das muss ein politischer Mann sein! прибавилъ онъ, основывая свое заключеніе вѣроятно на инстинктѣ.

Въ развитыхъ кружкахъ, которые, должно сказать, случилось мнѣ встрѣчать во время моей поѣздки не очень часто, разговоры, споры, пренія по поводу Шевченки, безконечны. Это одно уже доказываетъ значеніе этого поэта для его родины. Въ будущемъ безспорно значеніе это должно возрасти еще болѣе. Къ сожалѣнію великорусскіе преднамѣренные и ненамѣренные враги украинскаго вопроса силятся раздуть его и поставить какъ вопросъ политическій, какъ вопросъ сепаратизма, о чемъ ни въ Украинѣ, ни въ Малороссіи нѣтъ и помину. Вопросъ вовсе не политическій: дѣло идетъ въ настоящее время исключительно о преподаваніи въ школахъ на родномъ языкѣ, стало-быть вопросъ совершенно частный и спеціальнѣйшій. При намѣреніи современнаго правительства допустить въ народѣ большее развитіе самоуправленія многими либеральными преобразованіями въ сельской администраціи и въ судѣ, вопросъ о правахъ малороссійскаго языка естественно должно расширится, ибо самоуправленіе немислимо при иныхъ стѣснительныхъ для языка условіяхъ. Мы и тогда не можемъ смотрѣть иначе на этотъ вопросъ, какъ на вопросъ частный, спеціальнѣйшій. Ну вотъ подите, а защитники отжившей государственной теоріи кричатъ все о какомъ-то сепаратизмѣ, отдѣленіи отъ одного общаго русла, въ которомъ суждено течь исторіи слившимся уже славянскимъ народамъ; поднимаютъ шумъ, пугаютъ мерлушковой шапкой, принимая ее за фригійскую, и мѣшаютъ съ одной стороны дѣло дѣлать, съ другой дозволяютъ этому дѣлу дѣлаться. Вѣдь это ихъ должны благодарить малороссы за то, что они не имѣли до сихъ поръ переведенныхъ на свой языкъ книгъ священнаго писанія, даже евангелія, которымъ давно пользуются финскія племена, населяющія сѣверъ и востокъ Россіи. Чего кажется проще и естественнѣе факта, что человѣкъ обучается на томъ языкѣ, на которомъ говорятъ его отецъ, мать, всѣ живущіе въ ближнихъ и дальнихъ хатахъ? Такъ нѣтъ, сепаратистскія идеи значить имѣешь, отдѣлиться хочешь, куда? спросите у защитниковъ отжившей государственной теоріи. Странно то, что нѣмцы, живущіе въ остзейскомъ краѣ, учащіе дѣтей своихъ грамотѣ не на великороссійскомъ языкѣ, а на родномъ, нѣмецкомъ, на которомъ имѣютъ превосходные переводы священныхъ книгъ, судящіеся въ судахъ своихъ тоже не на великороссійскомъ варѣчьи, а на своемъ, нѣмецкомъ, не возбуждаютъ американскихъ опасеній сепарациі ни чегъ боже-уаши еще болѣе, враждебности, неприязни къ великороссійскому племени. Сторонники отжившей государственной тео-

рпн указываютъ часто на Австрію. Мы не знаемъ, скрывалось ли подъ защитою родного языка стремленіе къ освобожденію изъ-подъ австрійскаго елиштва у народовъ, просившихъ или требовавшихъ введенія родного языка въ школѣ и въ судѣ, но намъ-то какое дѣло до Австріи, и какая тутъ аналогія между единствомъ австрійскимъ и русскимъ?

Между тѣмъ предъ бѣгущимъ пароходомъ быстро мелькали деревни и села, раскинутіяся по берегамъ Дуѣпра. Физиономія селъ и деревень Малороссіи вовсе не походятъ на физиономію селъ и деревень Великороссіи, помимо различія въ постройкѣ избы и хаты. Русская деревня почти всегда тянется въ одну широкую улицу; если деревня большая, то выводится другая улица, соединяющаяся съ первой узкими переулками. Огороды и конопляники необширны и тянутся по заднему фасу деревни; сады встрѣчаются рѣдко. Все здѣсь скучивается, жмется внутрь, въ себя самого, въ міръ, отъ всякой внѣшней непріязни или напасти. Все говоритъ, что и деревня, и село искали въ собственномъ единеніи, въ замкнутой общинѣ, спасенія и противодѣйствія тѣмъ элементамъ, которые относились враждебно или вредно къ болѣе широкому, всестороннему развитію. Въ Малороссіи вы не встрѣтите ничего подобнаго. Крѣпостное состояніе, около вѣка гнувшее народъ, не успѣло еще наложить на него той тяжелой печати, которая такъ легко обнаруживается на великорусской деревнѣ, хотя въ послѣднее время участь мужика вездѣ была одинаково тяжелой. Деревни здѣсь рѣдко скучены; чаще всего это деревни недавнихъ крѣпостныхъ, которыя, сказать по правдѣ, начинали уже походить на русскія и принимать одинъ общій типъ, выше приведенный. Только по берегамъ Дуѣпра да большихъ судоходныхъ рѣкъ встрѣчаются скучившіяся деревни. Ясно, что сама выгода прибрежнаго расположенія показала удобства болѣе тѣсной постройки. Но и тутъ вы не встрѣтите прямой, длинной, широкой улицы; малороссы не пристрастны къ такой симетріи и правильности. Обыкновенно же малороссійская деревня располагается во всѣ стороны, лѣзетъ въ ширь столько же, сколько въ длину, если ей не мѣшаетъ какое-либо неудобство, какъ на примѣръ недостатокъ воды. Собственно въ Малороссіи деревни нѣтъ, а есть безконечная цѣпь хуторовъ, которой присвоено названіе деревни администраціей. Весьма часто вы не можете указать, гдѣ кончается одна деревня и начинается другая. Огороды и конопляники несравненно обширнѣе, сады встрѣчаются всюду и ничему не указано опредѣленнаго мѣста. Вслѣдствіе этого поэтическаго беспорядка, малороссійскія села и деревни чрезвычайно живописны и всегда купаются въ зелени. Мѣсто сходки —

предъ церковью или кабакомъ, отстоящимъ иногда отъ конца деревни версты на четыре, на пять и больше. Деревни тянутся обыкновенно по отлогимъ оврагамъ, называемымъ балками, которыя составляютъ характеристическую, географическую особенность Малороссіи и Новороссіи. Среди балки вырываютъ прудъ (ставокъ), въ который весной собирается вода съ верхнихъ частей балки; въ нижней его части плотина или гать; ниже или выше, смотря потому, куда пойдуть лѣзть хутора, вырывается другой, третій и т. д. Всѣ они соединяются протокомъ, быстро бѣгущимъ изъ верхняго ставца и оканчивающимся гдѣ-нибудь при впаденіи балки въ рѣку. Такая же характеристика и деревень, раставившихся вдоль рѣчекъ. Въ срединѣ села или гдѣ-нибудь съ краю на бугрѣ подымается церковь; близъ нея обыкновенно сельская расправа или волостное правленіе, въ двухъ или трехъ верстахъ вдоль по деревнѣ — кабакъ. Дорога идетъ обыкновенно по одну сторону оврага, на которой находятся эти правительственныя или народно-хозяйственныя заведенія. Вдоль дороги поминутно мелькаютъ вѣтряныя мельницы. При большихъ рѣкахъ, какъ уже упомянуто, деревни болѣе скучены, не расползаются, а жмутся къ пристани. Окружающіе деревню или село хутора суть уже высѣлки, какъ въ Россіи, только тамъ они положить основаніе для деревень, а здѣсь расположатся безъ всякаго порядка и видимой связи. Тѣмъ менѣе какъ русская, такъ и малороссійская деревня сохранили и пронесли съ собою чрезъ рядъ историческихъ испытаній свое самоуправленіе въ видѣ міра, мірской сходки и громады. Въ этомъ истинноживномъ и безсознательномъ, какъ говорятъ недоброты міра и громады, пристрастіи къ древней формѣ своего общественнаго быта, лежитъ кровное родство, близкое единство происхожденія того и другого племени, болѣе крѣпкое и прочное, чѣмъ желасное единство нарѣчій, возбудившее сепаратистскіе страхи. Мы можетъ-быть вернемся, если позволятъ обстоятельства, къ малороссійской деревнѣ аже, а теперь возвращаемся къ нашему плаванію.

Слѣдующій значительный городъ послѣ Канева, возбудившаго наше отклоненіе отъ Днѣпра нѣсколько восторону, лежитъ на томъ же правомъ берегу рѣки городъ Черкасы, тѣ самые Черкасы, откуда доставляется въ столицы такое огромное количество быковъ. Петербургъ весьма справедливо славится своимъ мясомъ и его дорогою цѣною. Петербургскіе ростбифы и величиною и особенно вкусомъ могутъ соперничать съ англійскими, также какъ и цѣною ихъ. Я говорю исключительно о такъ-называемыхъ ростбифахъ, а не о мясѣ вообще, которое мнѣ и въ голову не пришло бы сравнивать съ англійскимъ; но эти лакомые куски лгутъ на столъ весьма

ограниченному числу счастливыхъ, имѣющихъ средства платить за нихъ чудовищныя цѣны.

Жестоко бы ошибся тотъ, кто понадѣялся бы отвѣдать такого мяса въ странѣ, откуда оно отправляется въ столицу. Это общая участь всѣхъ диковинокъ. На Рейнѣ трудно добыть бутылку хорошаго юганисберга; на Везувіѣ — лакрима кристи похоже на смѣсь московскаго люнеля съ московской же мадерой и проч. Говорятъ, что драгоцѣнныя качества свои мясо получаетъ уже во время слѣдованія въ Петербургѣ или зимовки въ Бѣлоруссіи; не знаю, насколько это справедливо.

На половинѣ пуги отъ Кіева до Екатеринослава внизъ по рѣкѣ живописно раскинулся Кременчугъ, городъ самый замѣчательный въ торговомъ отношеніи въ среднихъ частяхъ Днѣпра, несмотря на сосѣдство Екатеринослава. Естественныя причины способствуютъ значенію этого города. Безопасное и свободное плаваніе внизъ по Днѣпру идетъ собственно до Кременчуга. Ниже его начинаютъ встрѣчаться камни и заборы, столько же опасныя въ полою, весеннюю воду, какъ и въ низкую, лѣтнюю. Для читателя, незнакомаго съ мѣстными выраженіями, я долженъ объяснить, что заборой называется подводная града камней, представляющая сплошную стѣну поперегъ всей рѣки или только части ея при маломъ склоненіи уровня воды, такъ что не образуется особенно сильной быстрины. Если же паденіе воды значительно, то образуется сплошной каскадъ, который называется порогомъ. Впрочемъ на Днѣпрѣ встрѣчаются заборы и съ замѣчательно быстрымъ теченіемъ вслѣдствіе того, что града камней удерживаетъ значительную массу воды, какъ напримѣръ быки моста; въ нижнихъ частяхъ Днѣпра есть заборы, которыхъ лоцмана опасаются болѣе пороговъ.

Давно обращено вниманіе на улучшеніе фарватера рѣки и на доставленіе удобствъ для плаванія внизъ отъ Кременчуга; но только въ последнее время замѣнъ кабинетныхъ теоретическихъ соображеній, которыми руководствовались въ проектахъ работъ, рѣшено было обратиться къ опытности и совѣтамъ мѣстныхъ лоцмановъ, искусство и знаніе свойствъ мѣстности которыхъ по истинѣ изумительно. Мы скажемъ объ этомъ ниже, а теперь замѣтимъ слово о камняхъ, встрѣчающихся ниже Кременчуга, въ которомъ намъ посадили лоцмана, уже не довѣряя искусству шкипера нашего парохода. Плаваніе продолжалось уже не такъ безостановочно: часто мы должны были подвигаться на шестахъ. Я вступилъ въ разговоръ съ нашимъ лоцманомъ и отъ него перваго услышалъ неудовольствіе, встрѣченное мною неразъ ниже Екатеринослава за то, что начальство рветъ опасныя камни. Общее мнѣ-

нѣ заключалось въ томъ, что камней рвать не слѣдуетъ, покрайней-мѣрѣ въ тѣхъ частяхъ рѣки, въ которыхъ судоходство производится и по сваденіи воды, во все лѣто.

Дѣло въ томъ, что многіе камни, верхушки которыхъ торчали изъ воды въ лѣтнее время, во время полноводія бывають покрыты водою и тогда опасны. Если ихъ сорвать, то опасность весною уничтожается, а увеличивается лѣтомъ, ибо они уже не торчатъ изъ воды, ихъ не видно, на нихъ легко наткнуться и разбить судно. Другіе сорваны были бесполезно въ томъ отношеніи, что служили маяками, указателями, примѣтами, которыми всѣ пользовались. Почти каждый камень здѣсь имѣеть свое имя. Вообще же должно сказать, что для безопаснаго плаванія какъ выше, такъ и ниже Кременчуга, сдѣлано было весьма немного. Тамъ кочерги, колоды, завязшія въ илѣ, заносимыя пескомъ, образовавшіеся перекаты, затрудняющіе плаваніе; тутъ — предательскіе камни, спрятанные теперь подъ водою и не всегда безопасные даже весною въ половодье. Неразъ приходила мнѣ въ голову мысль, почему надъ этими камнями не выставить особыхъ значковъ, поплавокъ съ шарами и цилиндрами, какіе встрѣчаются по пути изъ Петербурга въ Крошталтъ или на томъ же Днѣпрѣ при его устьѣ?

Тогда легко было бы рѣшить какіе камни рвать: сидитъ камень въ самомъ фарватерѣ — рвать сколько можно, сидитъ въ сторонѣ — достаточно обозначить его. Должно сказать, что между лоцманами сильно распространено мнѣніе, что разорванный и разбросанный по дву рѣки камень затрудняетъ теченіе и составляетъ одну изъ причинъ обмеленія Днѣпра; но специалисты, съ которыми случилось говорить объ этомъ на порогахъ, рѣшительно не допускаютъ подобной мысли.

Вотъ вдали за бугромъ на горѣ показалась церковь — это екатеринославскій соборъ, часа черезъ два показался и самый городъ, въ которомъ я долженъ былъ прожить лѣто. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза — скудное количество зелени въ городѣ и отсутствіе ея въ его окрестностяхъ. Кругомъ на далекое разстояніе — голая степь, впрочемъ еще не сожженная жаркимъ южнымъ солнцемъ: — было всего начало мая. Люди были веселы и довольны: имъ надобно было бѣжать, и они радовались предстоящей возможности пройти на собственныхъ ногахъ, тѣмъ болѣе, что дни не были еще жаркіе. Высадились мы въ 4-хъ перстахъ выше Екатеринослава, въ верхней Камонкѣ. Распоряженія къ расквартированію людей были сдѣланы: я попрощался съ людьми и со своими спутниками, пожелалъ имъ счастливаго пути и отправился въ городъ.

Лѣтняя жизнь въ Екатеринославѣ повидимому чрезвычайно скуч-

на и однообразна. Нѣтъ никакихъ общественныхъ удовольствій, нигдѣ не видно слѣдовъ жизни. Все погружено въ глубокой невозмутимый покой, въ удушливую для посторонняго организма апатію. А вѣдь не можетъ же быть, чтобы у здѣшняго населенія не было человѣческихъ желаній, чтобы оно не было волнуемо чувствами, чтобы ему не были знакомы страсти, однимъ словомъ всѣ проявленія человѣческой жизни. Но напрасно станете вы искать ихъ. Провинціальная жизнь наша, какъ могила, не даетъ отвѣтовъ на предлагаемые ей живымъ человѣкомъ вопросы. Словно одурающій кошмаръ распростеръ надъ ней свои крылья: нѣтъ силъ пошевелиться, ни одинъ органъ не повинуется, словно какое оцѣпенѣвіе легло на благороднѣйшія отправленія человѣческой природы. Не всегда при суще и сознание, что этотъ кошмаръ что-то неестественное, ненормальное, и привыкшіи къ одурающимъ его свойствамъ организмъ, болѣзненный, начинаетъ мертвый сонъ принимать за жизнь живую.

Говорятъ, что въ послѣднее время жизнь изъ городовъ ушла въ уѣзды: крестьянская реформа оттянула соки отъ административныхъ центровъ къ деревнямъ и селамъ; мировыя учрежденія привлекли къ себѣ лучшихъ и умнѣйшихъ дѣателей нашей провинціи, и города совсѣмъ уже опустѣли и оскудѣли живыми людьми. Это справедливо, но только отчасти. Дѣйствительно свѣжіе и здоровые люди встрѣчались мнѣ по большей части въ уѣздахъ или по прибытіи изъ уѣзда въ городъ; тамъ шло введеніе уставныхъ грамотъ, разбирательство всякихъ недоразумѣній между помѣщиками и крестьянами, съѣзды, назначеніе и призывъ экзекуцій или отставаніе интересовъ мужика и проч. Но повторяю: только отчасти можно объяснить себѣ отсутствіе жизни въ городѣ этимъ удаленіемъ лучшихъ людей къ земству.

Между многими причинами, держащими провинціальную жизнь нашу въ такомъ безотрадномъ покоѣ и косности, безспорно первое мѣсто занимаетъ отсутствіе общественныхъ, мѣстныхъ, политическихъ и гражданскихъ интересовъ. Оно налагаетъ печать свою на характеръ всего общества. Это разумѣется не можетъ не отразиться пагубнымъ образомъ на его будничной и праздничной жизни, на его гостинныхъ и мѣстахъ публичныхъ собраній и увеселеній. Феодалное средисвѣковое раздѣленіе на замкнутыя сословія и касты въ полномъ ходу. Аристократія (?) административная, поземельная и финансовая (представители нашего тьерса), держатъ себя въ отдаленіи отъ прочаго человѣчества, какъ древніе боги Олимпа, и не хотятъ знать, что между этими и ими есть одна существенная разница и одно существенное сходство: разница заключается въ томъ, что боги Олимпа были идеалами то физическими, то нрав-

ственныхъ свойствъ человѣческихъ, съ которыми тягаться не приходится смертнымъ; сходство состоитъ въ томъ, что въ XIX столѣтіи и тѣ и другіе съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе отходятъ въ область вымысла, фантазій, становятся мифами.

А между тѣмъ нашимъ провинціальнымъ аристократамъ по ихъ вліянію, по ихъ положенію, по ихъ матеріальнымъ средствамъ казалось бы легче, чѣмъ инымъ смертнымъ, быть центрами, узлами вновь пробивающейся жизни. Должно впрочемъ по справедливости замѣтить, что провинціальная *аристократія* во многихъ мѣстностяхъ выказала инициативу въ дѣлѣ распространенія грамотности, школъ и прочихъ жизненныхъ вопросовъ, которые въ столицѣ совершаются усиліями людей большею частью простого сословія; но миѣ не вѣрится, и не столько въ искренность этого вниманія, сколько въ успѣхъ самаго дѣла, составляющаго въ провинціи потребность болѣе временную, модную, чѣмъ нѣчто строго-сознанное и необходимое. Немноло вспоминаешь всевозможныя наши благотворительныя предпріятія, классическія лотереи-алегри и проч., еще такъ недавно очерченныя смѣхотворнымъ словомъ Гоголя.

Съ большимъ трудомъ и успіями удастся иногда въ нашей провинціальной жизни устроить что-нибудь вродѣ общественныхъ собраний и увеселеній. Но это не надолго: какое-нибудь проявленіе самодурства и камчадалства, подъ названіемъ скандала, не замедлитъ побить всходы общественности своими тупоумными ударами, и снова смолкаетъ провинціальная жизнь, снова погружается въ обычную дремоту, пока не отыщется какой-нибудь новый, безкорыстный благодѣтель и не постарается спящую ползущія врозь части какой-либо новою, искусственной амальгамою.

Знакомство мое съ Екатеринославомъ было самое печальное. Проходя въ день приѣзда по главной улицѣ города, я прочиталъ объявленіе, что въ городскомъ саду за маленькую плату собирается злѣшнее общество три раза въ недѣлю послушать музыку, погулять въ тѣнистыхъ аллеяхъ чуть не столѣтняго сада, и если будетъ охота, то и потанцовать. Въ первое же воскресенье отправился я на гулянье. Ничего, гулянье такъ-себѣ какъ всѣ гулянья подобнаго рода. Танцовать начали поздно, и повидимому танцы устраивались съ большимъ трудомъ. Какой-то молодой офицеръ мѣстнаго гарнизоннаго батальона искренно и отъ души хлопоталъ столько же для своего, какъ и для общаго удовольствія. Кавалеровъ вообще оказывалось немного; на виду были больше военные: офицеры и юнкера квартирующаго здѣсь 5-го резервнаго стрѣлковаго батальона, да и дамы какъ-то съ трудомъ оставляли свои мѣста для тура вальса или польки. Вдругъ я пораженъ былъ шумомъ въ противополож-

номъ отъ меня концѣ ротовды, въ которой танцовали, и громкими возгласами: «это глупо и дерзко...» Я поспѣшилъ въ ту сторону въ полной увѣренности, что какимъ-нибудь невѣжественнымъ господиномъ устроено что-нибудь скандальное, и публика (мѣстное общественное мнѣніе) громко выражаетъ чувство своего негодованія.

Въ вашей головѣ, читатель, вѣроятно мелькнула та же мысль. Ошиблись, жестоко ошиблись, какъ ошибся и я.

Подойдя къ довольно густой толпѣ, я увидѣлъ, что этими словами (глупо и дерзко) громко провожали молодую дѣвушку, оставлявшую негостепріимную какъ видно для нея ротовду. Я не вѣрилъ ушамъ своимъ, не вѣрилъ глазамъ, что въ какомъ-либо, хотя отдаленномъ уголкѣ моего отечества рѣшились подвергнуть женщину такому перекрестному огню. Я подумалъ: что бы такое могло сдѣлать это слабое, беззащитное созданіе (кавалера по несчастію подлѣ нея не оказалось), чтобы вызвать противъ себя такую бурю негодованія и оскорбленій, и обратился съ вопросомъ къ ближайшему подлѣ меня господину. Я узналъ отъ него, что дѣвушка, о ужасъ, отказалась танцовать съ однимъ изъ кавалеровъ, ей незнакомымъ, и спустя нѣкоторое время пошла съ другимъ, который (это главное, читатель, обвиненіе противъ нея) тоже былъ незнакомъ ей. Отвѣтъ высказанъ былъ мнѣ такимъ тономъ, какъ-будто ожидали съ моей стороны сочувствія оскорбленію. Я счелъ долгомъ заявить противное. Происшедшая предъ глазами моими сцена возмутила меня своимъ безобразіемъ. Я высказалъ это, и прибавилъ, что по моему крайнему разумѣнію, если обычай прелоставилъ мужчине право избирать для танцевъ женщину, то справедливость требовала бы возвратить ей хоть слабую тѣнь этого права, именно предоставить на ея волю идти танцовать съ тѣмъ, съ кѣмъ она за благоразсудитъ. Высказанное мною мнѣніе, сколько я могъ замѣтить, сильно не понравилось, и надо мною начала собираться гроза. До моихъ ушей долеталъ хохотъ и шиканье; грозная компанія бретеровъ съ угрожающимъ видомъ прошла мимо меня въ залу по алеѣ сада, замышляя враждебную демонстрацію.

Я вышелъ изъ залу и сѣлъ за общимъ столомъ. Мнѣ казалось, что дѣло несовсѣмъ еще проиграно, что его можно хоть сколько-нибудь исправить принесеніемъ извиненія предъ оскорбленной дѣвушкой отъ кружка оскорбителей, принимавшихъ участіе въ этомъ безобразномъ поступкѣ, но предположеніе мое къ сожалѣнію не сбылось. Кружокъ остался при убѣжденіи, что ему нанесена обида въ лицѣ товарища, которому отказали въ турѣ польки, и что обида эта требовала примѣрнаго отмщенія. Всѣ мои доводы, все мое стараніе не повели ни къ чему. Напрасно я доказывалъ, что человѣче-

скія достоинства не измѣряются ловкостью въ танцевальномъ искусствѣ; что нельзя принимать за оскорбленіе со стороны дѣвушки или дамы, если она отказывается намъ въ турѣ вальса, хотя бы отказъ этотъ проистекать изъ ея каприза; что все что можно сдѣлать при такомъ случаѣ во имя оскорбленнаго самолюбія — это оставить даму въ покоѣ; что ничего нельзя и придумать грубѣ формы, въ которой нанесено ей оскорбленіе; что поступать такимъ образомъ значитъ разгонять все общество; что поступокъ этотъ неблагоприятенъ ужъ потому, что дѣвушка была одна, безъ кавалера, въ сопровожденіи сестры и матери; наконецъ, что общественное мнѣніе никакъ не оправдываетъ ихъ. Ничто не помогло.

Мнѣ отвѣчали неопровержимыми аргументами: что подобное оскорбленіе должно быть примѣрно наказано, несмотря на то, что дѣвушка не отказала же другому и не выказала предпочтенія старшимъ по званію; что снести обиду не дозволяетъ чувство собственного достоинства; что наказаніе, состоящее въ томъ, чтобы не танцевать съ капризной дамой, слишкомъ слабо, она можетъ даже не замѣтить его (я думаю напротивъ, замѣтитъ и будетъ рада); что они не теряютъ ничего, если она перестанетъ посѣщать гулянье; что хоть бы и всѣ перестали бывать, то имъ это все равно и жаль только будетъ заплаченныхъ за абонементъ денегъ; наконецъ, что они увѣрены, что общественное мнѣніе будетъ на ихъ сторонѣ.

Вотъ моя встрѣча съ общественною жизнью Екатеринослава. Я рассказывался впоследствии въ томъ, что невольно принялъ участіе въ этой печальной исторіи. Подъломъ мнѣ: зачѣмъ я не послѣдовалъ совѣту моихъ петербургскихъ пріятелей не затѣвать и не принимать участія ни въ какой демонстраціи, если не увѣренъ въ ея успѣхѣ. Къ концу лѣта произошолъ въ ротондѣ не столь громкій, но не менѣе печальный скандалъ: также дѣвушка вышла изъ кадрили и разстроила танцы по той причинѣ, что не хотѣла имѣть визита дамы-еврейку. Подите, разберите вы внутреннія пружины провинціальнаго, общественнаго замѣшательства. Съ здоровымъ и живымъ пониманіемъ подходить къ нимъ невозможно; тутъ нужны особая логика, проникновеніе особыми интересами. Какъ понятны стали мнѣ щедринскія слова, которыми заключаетъ онъ одинъ изъ губернскихъ очерковъ: «гдѣ я, гдѣ я, Господи!»

Значительная часть екатеринославскаго общества имѣетъ особенное нерасположеніе къ русской литературѣ вообще и къ дѣятелямъ, принимающимъ въ ней участіе въ особенности. Причина этого, какъ я слышалъ, заключается въ томъ, что оно почему-то пришло на свой счетъ нѣсколько рассказовъ и повѣстей, помѣщенныхъ въ «Современникѣ», «Времени», «Отечественныхъ Запи-

скахъ», «Искрѣ». Насколько основательны эти догадки, я судить не берусь, — не мое дѣло, но должно сказать по правдѣ, я испыталъ это нерасположеніе и гоненіе на себѣ по случаю устройства литературнаго вечера, въ которомъ я принималъ участіе. Дверь для всякаго бумагомарателя и клеветника (оба эти слова синонимы съ литераторомъ) заперта безусловно: этимъ съ одной стороны домощенные или залетные обличители лишаются матеріаловъ для своихъ беззавѣстныхъ и возмутительныхъ произведеній, съ другой стороны — это имъ возмездіе за неумѣніе пользоваться съ благодарностью широкимъ провинціальнымъ гостепріимствомъ.

Горько, должно знать, въ совершенномъ спокойствіи и не представляетъ никакихъ элементовъ для какихъ либо волненій.

Тѣмъ не менѣе нигилистовъ здѣсь не терпятъ и нигилизмъ во всѣхъ видахъ преслѣдуется въ салонахъ самымъ усерднымъ образомъ. Отвращеніе къ нему до того сильно, что въ ротонду, на гуляніе, въ садъ, гдѣ можно подозрѣвать ихъ присутствіе, не показывается ни одна личность, претендующая съ какой бы то ни было стороны на аристократизмъ.

«Современникъ» и «Искра» въ особенномъ пренебреженіи, но сколько я замѣтилъ, журналы эти встрѣчаются чаще другихъ и разумѣется читаются весьма прилежно; такъ всегда бываетъ. Къ «Времени» еще бояться относиться также открыто, еще не знаютъ, сомнѣваются; а что, думаютъ, какъ и тутъ нигилизмъ, — вѣдь была же въ немъ помѣщена противъ насъ повѣсть такая-то. Прекращеніе отдѣла въ «Искрѣ» «Намъ пишутъ» принято было съ большимъ одушевленіемъ; прекращенію «Современника» были меньше рады. Больше всего пользовались почетомъ и уваженіемъ лѣтніе фельетоны «Отечественныхъ записокъ»; они читались на расхватъ; полученіе одного лѣтняго номера «Русскаго Вѣстника» было просто праздникомъ. Всѣ ѣздили другъ къ другу съ поздравленіемъ и читали статью релакціи; всѣ были довольны почти столько, если не больше, какъ исчезновенію отдѣла «Намъ пишутъ». Я сталъ подозрѣвать, что дѣйствительно отрицательное направленіе хорошо извѣстно и обсуждено и потому заслужило такое единодушное отвращеніе, но ошибся: подъ нигилизмомъ здѣсь разумѣется статья, извѣстіе, которое можно основательно или неосновательно приписать къ Екатеринославу, а до остального все-равно. Что касается до слоевъ, болѣе или менѣе приближающихся къ плебею или къ мужичкамъ, то тамъ иное дѣло. Въ публикѣ, посѣщающей ротонду, мнѣ случилось замѣтить нѣчто иное: тамъ напримѣръ фельетоны «Отечественныхъ Записокъ» и статья «Русскаго Вѣстника» была встрѣчена нѣсколько иначе, ну да объ этомъ говорить не слѣдъ.

Главный интерес общества сосредоточенъ, какъ и слѣдовало ожидать, на крѣпостномъ вопросѣ. Всѣ заняты болѣе или менѣе разрѣшеніемъ этого гордіева узла нашей будущей жизни, составленіемъ грамотъ, и проч. Статистическія цифры мнѣ неизвѣстны по этому вопросу, но чаще всего слышалъ я, что большинство случаевъ рѣшается выкупомъ и подаркомъ отъ помѣщика; что этотъ способъ дотою обыкновененъ, что становился какъ бы обязательнымъ для всѣхъ, чрезъ что къ сожалѣнію происходило немало столкновеній, требовавшихъ вмѣшательства вооруженной силы и экзекуцій. Крестьянское дѣло, судя по слухамъ и по разговорамъ, которые мнѣ удавалось имѣть съ нѣкоторыми мировыми посредниками, велось успѣшно во всей губерніи, кромѣ одного уѣзда.

Кромѣ нападковъ на нигилистовъ, въ Екатеринославѣ случалось мнѣ нерѣдко слышать нападки и на *красныхъ*. Что разумѣлось подъ этимъ словомъ я объяснить не сумѣю, но замѣтилъ, что подъ этимъ яркимъ цвѣтомъ всегда подразумѣвались сторонники правительства по крѣпостному преобразованію. Такъ впрочемъ и слѣдовало ожидать, ибо я не могу себѣ представить существованія красныхъ гдѣ бы то ни было въ обширномъ моемъ отечествѣ, такъ какъ вѣкакихъ данныхъ для ихъ существованія наша исторія не представляетъ.

Другой интересъ, на которомъ сосредоточено мѣстное общественное вниманіе, есть долгій, пятилѣтній процессъ по поводу одного духовнаго завѣщанія, подлинность котораго одною изъ заинтересованныхъ сторонъ признана сомнительною. Объ этомъ дѣлѣ еще въ 1858 году помѣщены были двѣ статейки въ «Русскомъ Диспанкѣ», издававшемся при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Такъ какъ уголовное дѣло это не кончено и производится въ московскихъ департаментахъ сената, то говорить объ этомъ вопросѣ я не могу, хотя твердо увѣрсилъ, что если оно не будетъ окончено до введенія общаго правительствомъ гласнаго судопроизводства, то будетъ подлежать общественному суду и представить собою одно изъ самыхъ интересныхъ дѣлъ на первое время дѣйствія новыхъ судовъ. Замѣчательно, что мѣстное общественное мнѣніе давно уже выразилось по этому дѣлу: о немъ всѣ знаютъ, всѣ толкуютъ и всѣ въ одномъ и томъ же смыслѣ, кромѣ небольшой кучки людей да служителей отживающаго свою эпоху суда. Будемъ надѣяться, что правда всплыветъ и что реформа, задуманная правительствомъ, слѣдуетъ невозможными прежніе случаи, сросшіеся съ нашей жизнью, когда

Кому не зажимали рты
Обѣды, ужины и танцы?

Въ Екатеринославѣ не имѣется никакихъ особенныхъ достопримѣчательностей.

Городъ, какъ всѣ губернскіе города средней руки. Есть кафедральный соборъ, есть семинарія, гимназія, уѣздное училище. Я засталъ еще и воскресную школу, въ которой ученіе шло, какъ говорили, усильно, но вскорѣ по моемъ приѣздѣ она была закрыта. Есть кромѣ того великолѣпная алея, пересекающая городъ, лучшее его украшеніе, есть два сада: городской и дворянскій или потемкинскій. Последний лежитъ почти за городомъ внизъ отъ бывшаго дворца Потемкина на крутомъ берегу рѣки; дворецъ уступленъ для собраній дворянства. Противъ сада, среди рѣки, довольно обширный островъ, на которомъ, какъ гласитъ преданіе, слѣдовало быть новороссійскому университету, проектированному въ колоссальныхъ размѣрахъ. Островъ долженъ былъ соединиться съ городомъ великолѣпнымъ каменнымъ мостомъ. Городъ предполагалось разбить на горъ, на которой теперь бываетъ ярманка и устроено ристалище для бѣговъ и скачекъ, а онъ потянулся все ближе и ближе къ Дафну по весьма естественной причинѣ, что на горѣ неимѣется воды и пришлось бы рыть глубокіе колодцы. Замыслы той эпохи дѣйствительно были колоссальны отъ политическихъ предпріятій до проектовъ сооруженій, отъ Восточной имперіи съ столицею, Константинополемъ, отъ размѣровъ подаренныхъ земель въ Малоросіи до размѣровъ новороссійскаго университета съ великолѣпнымъ мостомъ, съ большимъ трудомъ осуществившимся въ настоящее время въ Кіевѣ, до размѣровъ собора (не менѣе римскаго Петра), на крестообразномъ фундаментѣ котораго построена нынче одна ограда, незначительную, среднюю часть которой занимаетъ соборъ настоящей эпохи. На площади противъ собора въ зелени стоитъ памятникъ Екатерины II, замѣчательный крайне неудачнымъ выполненіемъ фигуры императрицы.

Въ концѣ іюня въ городѣ бываетъ петровская ярманка, замѣчательная отпускомъ шерсти. На этотъ разъ торговля сдѣлки на ярманкѣ, вслѣдствіе общаго по всему государству застоя и финансоваго замѣшательства, шла вяло, помѣщики были недовольны. А тутъ грозила еще засуха, неурожай, саранча. Никакихъ особенныхъ удовольствій по этому случаю не было, т. е. ни частныхъ, ни общественныхъ баловъ. Провинціальная жизнь въ послѣднее время въ этомъ отношеніи сильно понизилась. И дай-то Богъ, чтобы матерьяльныя и нравственныя сбереженія и силы шли на что-нибудь болѣе путное и полезное.

Главная статья петропавловской ярманки, какъ я сказалъ, шерсть. Огромные тюки ея сложены въ алеѣ или оставлены на возахъ — на

этой-то части площади собственно и сосредоточенъ интересъ ярманки; тутъ помѣщики, евреи, небольшое число иностранцевъ осматриваютъ шерсть, кончаютъ дѣла, оцѣниваютъ товаръ, подводятъ другъ друга и проч. Екатеринославская ярманка по преимуществу помѣщичья и этимъ совершенно отличается отъ нашихъ купеческихъ ярманокъ. Впрочемъ кромѣ шерстяныхъ рядовъ есть такъ-называемые пацкіе ряды, наполненные всею роскошью и великолѣпіемъ цивилизованныхъ товаровъ, служащихъ такою нехитрою приманкою для нашихъ дамъ какъ и для европейскихъ. Многие одесскіе и иностранные купцы навезли различныхъ прелестей. Въ этихъ рядахъ преимущественно толкаются высшіе слои екатеринославскаго общества. Представительницы ихъ, разодѣтыя въ пухъ и прахъ, какъ на балъ, щеголяютъ другъ передъ другомъ своими туалетами. Ну и слава-богу, благо есть занятіе. Книжный отдѣлъ весьма бѣденъ — этотъ товаръ негуляемый, идетъ плохо. Всюду впрочемъ встрѣчалъ я въ провинціальныхъ книжныхъ лавкахъ и выставкахъ физиологію Льююза; любопытно, случайное ли это явленіе или книга дѣйствительно нравится и требуется. Въ городѣ есть впрочемъ книжный магазинъ г. Ульяна, въ которомъ если вельзя всего получить, то чрезъ него все можно выписывать отъ столичныхъ книгопродавцевъ. Къ магазину мало-помалу присоединялись кромѣ книгъ другіе товары, сбытъ которыхъ идетъ неравномерно успѣшнѣе, и я нимало не сомнѣваюсь, что въ непродолжительномъ времени туалетныя принадлежности какъ полезные колѣса заглушатъ плевелы, доставляемыя русской литературой и журналистикой.

Во время ярманки бываютъ представленія въ театрѣ и скачки. Екатеринославскій театръ ниже всякой критики. Я былъ разъ или два и вынесъ очень непріятное впечатлѣніе. Лучше другихъ отличался, говорятъ, jeune premier, здѣшній же помѣщикъ, вынужденный обстоятельствами поступить на сцену и снискавшій расположеніе бывшихъ своихъ сослословцевъ. Говорятъ, что онъ съ необыкновеннымъ и хорошимъ увлеченіемъ читалъ патріотическое стихотвореніе Пушкина «Клеветникамъ Россіи» и въ патетическихъ мѣстахъ былъ неподражаемъ. Одинъ изъ помѣщиковъ, посѣщавшій Петербургъ, сказывалъ мнѣ, что драматизмъ этого актера еще проще и безыскусственнѣе, чѣмъ былъ драматизмъ Каратыгина или тотъ, которымъ обладаетъ г. Леонидовъ. Не слѣшалъ, и потому судить не берусь. Замѣчу только, что участь провинціальнаго актера есть самая печальная участь. Выбрать эту дорогу или ремесло я полагаю возможнымъ либо вслѣдствіе страстной, непобѣдимой любви къ сценѣ и искусству, либо вслѣдствіе положительной ве-

возможности достать себѣ инымъ путемъ кусокъ хлѣба. Театръ для нашей провинціальной жизни есть совершенно лишняя роскошь, вовсе невызываемая ея требованіями, доказательствомъ чего служитъ то, что театръ посѣщается лѣнливо, а антрепренеры эксплуатируютъ актеровъ и особенно несчастныхъ актрисъ, какъ можно эксплуатировать съ спокойной совѣстью только лимонъ.

Екатеринославскія скачки играютъ такую же роль, имѣютъ такое же значеніе и также соотвѣтствуютъ своему назначенію, какъ и театръ. Это не скачки, а народіи на скачки. Я полагаю, что и онѣ также лишни какъ театръ, и правительство могло бы сдѣлать значительныя сбереженія, упразднивъ эти бесполезныя учрежденія и употребивъ растрчиваемыя на этотъ предметъ суммы по ихъ прямому назначенію, не вызывая этого бесполезнаго конкурса. Бѣги также бѣдны, также мало интересны какъ и скачки. Любопытнѣе всего была скачка съ препятствіями. Никогда не случалось мнѣ встрѣчать такого дружнаго, такого единодушнаго хохота огромной толпы народа. Состязателемъ явился всего одинъ господинъ на какой-то поджарой клячѣ, напоминавшей боевого коня рыцаря печальнаго образа. Препятствія составляли барьеры изъ нетолстой жерди, обвитые соломой, едва поднимавшіеся отъ земли; ихъ было всего кажется четыре на полуверстѣ одно отъ другого. Условія скачки заключались въ двухъ задачахъ: нужно было первымъ, независимо отъ времени, которое употребится на эту заботу, прибыть къ флагу и не миновать ни одного препятствія, а перескочить черезъ него. Вотъ и поѣхалъ нашъ рыцарь мелкой рысцей, совершенно вродѣ того аюра, который употребляется нѣтербургскими почтальонами; я замѣтилъ, что даже посадка походила на посадку послѣднихъ: припомните неудачное, но тѣмъ не менѣе весьма занимательное подскакиваніе въ сѣдлѣ на рыси, заимствованное нашими почтальонами у англичанъ. Ну, такъ поплелся нашъ рыцарь; подѣзжаетъ къ барьеру, лошадь ни съ мѣста. Вонзилъ онъ ей въ бока шпоры, лошадь стала лягаться. Отъ этого замѣшательства барьеръ упалъ. Люди снова положили жердь на колья. Рыцарь продолжалъ ихъ грудью, т. е. насильственнымъ путемъ. Россіянтъ его не только зацѣпилъ и передними и задними ногами за перекладину, а просто повалилъ ее на землю, и ловкій всадникъ той же меланхолической рысцей поплелся дальше. У слѣдующаго барьера повторилось тоже самое, со всѣми подробностями и т. д. Можете себѣ представить, что ни черезъ одинъ барьеръ не перепрыгнула лошадь, но ни одного она и не обошла, а всѣ повалила, а какъ у нея не было соперницы, то она первую пришла къ флагу, исполнивъ обѣ задачи.

За это владѣлецъ такой необыкновенно-доброкачественной лошади и ловкій наѣздникъ получилъ призъ. Интереснѣе всего былъ единодушный, общій хохотъ, которымъ толпа, покрывавшая ристалище, провожала эту скачку съ препятствіями и тотъ нафосъ, съ которымъ встрѣченъ былъ несчастный наѣздникъ, когда онъ приблизился къ флагу. Толпѣ ни до приза, ни до справедливости дѣла нѣтъ, какъ нѣтъ дѣла и до той благой цѣли, которая была прикрыта этимъ комическимъ происшествіемъ.

Куда какъ интереснѣе симферопольскія скачки. Число конкурентовъ тамъ огромно, лошади прекрасны, знатоковъ и любителей ихъ между татарами множество. Тамъ скачка возбуждаетъ дѣйствительно интересъ въ народѣ. На ристалище выѣзжаютъ до двухъ тысячъ зрителей верхомъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ въ виду щегольнуть своимъ конемъ, особенно его походкой, если не красотой, и англійскими, безобразными по моему, статями. Нужно взглянуть на толпу, покрывающую площадь, на ея тревогу, на ея волненіе, чтобы убѣдиться въ участіи, которое она принимаетъ въ этомъ дѣлѣ.

Ярмачное время ознаменовано было въ Екатеринославѣ событіемъ весьма нервѣдкимъ въ послѣднее время и въ провинціи, но въ этомъ городѣ случившимся всего во второй разъ. Я говорю о литературно-музыкальномъ вечерѣ, затѣянномъ сперва въ пользу воскресныхъ школъ; но по тому обстоятельству, что онѣ были закрыты, рѣшено было предоставить денежный сборъ въ пользу пострадавшихъ отъ пожаровъ, которыхъ за лѣто было нѣсколько въ городѣ. Я обязанъ замѣтить, что причину ихъ мѣстное общественное мнѣніе не взваливало такъ легковѣрно на нигилистовъ и вообще на молодое поколѣніе, какъ это случилось съ петербургской литературой и журналистикой. Литературный вечеръ собственно не представлялъ ничего особенно замѣчательнаго: вечеръ, какихъ десятковъ можно встрѣтить какъ въ столичной, такъ и въ провинціальной жизни. Но приведеніе его въ исполненіе, слухи, которые сопровождали его, впечатлѣніе, имъ произведенное, стоятъ, чтобы сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Инициатива его принадлежала одной, недавно еще приѣхавшей въ городъ, барынѣ. Первый слухъ о немъ не былъ встрѣченъ благопріятно: ни охотниковъ, ни охотницъ принять въ немъ участіе не отыскивалось. Предпріятіе само по себѣ оказывалось слишкомъ либеральнымъ, почти краснымъ, и потому несбыточнымъ. Можно было въ нѣкоторомъ смыслѣ компрометировать свою репутацію. Нашлись люди какъ и вездѣ, имѣвшіе замыслъ убитъ либерализмъ

самого предприятия содержаниемъ того что будетъ прочитано. Либеральная дама горячо отстаивала свою мысль. Собрались люди, которые съ трудомъ были отысканы, чтобы принять участіе въ проектированномъ вечерѣ; на первый разъ ничего рѣшили, кромѣ того, что въ самомъ дѣлѣ не худо было бы устроить литературный вечеръ, и что можно въ немъ принять участіе. Къ слѣдующему заступанію положено было принести выбранныя пьесы и прочитать их *en petit comité*. На этотъ разъ предложена была «Истина» г. Алмазова, и я отъ души порадовался за своего собрата по литературѣ, который произвелъ такое сильное впечатлѣніе, что его «Истину» возымѣли желаніе представить на судъ общественный, какъ лучшее современное литературное произведеніе. Тѣмъ не менѣе ни Вавиловъ, ни Валтасаръ, ни «мави, факель, фаресь», начертанные таинственною рукою на стѣнѣ въ чертогахъ, построенныхъ Семирамидой, не притягивали на свою сторону симпатіи, обращенной въ настоящее время, какъ извѣстно, къ вопросамъ современнымъ, животрепещущимъ. Стихотвореніе дѣйствительно грѣшило противъ современности, ибо событіе, вызвавшее его, случилось слишкомъ за двѣ съ половиною тысячи лѣтъ до имѣющаго быть литературнаго вечера. На этотъ разъ ничего болѣе не рѣшили, какъ то, что «Истина» г. Алмазова несовременна. Черезъ недѣлю собрались снова. Лицо поклонника г. Алмазова сіяло свѣтлою радостью. Ясно было, что вопросъ о выборѣ пьесы былъ рѣшонъ, и рѣшонъ вполне удовлетворительно. Предложенъ былъ одинъ изъ дѣтнихъ фельетоновъ «Отечественныхъ записокъ»: «все и ничего.» О скромный фельетонистъ «Отечественныхъ записокъ!» Мечталъ ли ты когда о такомъ счастіи? Могъ ли ты вообразить, что твои дѣтніе, великолѣпныя, преисполненные гражданскихъ мотивовъ фельетоны, доживутъ до такой счастливой участи: быть публично прочтенными предъ лицомъ многочисленной публики? Снилось ли тебѣ, о скромный фельетонистъ, что изъ всей современной литературы, заключающейся уже не въ десяткахъ, а сотняхъ книгъ, твои скромные фельетоны получаютъ такое категорическое предпочтеніе?

Стали читать. Любопытно было еще узнать, какой отрывокъ выбранъ, какая интересная частность прельстила собою твоего поклонника. Отрывокъ избранъ былъ недурной: рѣчь шла объ университетѣ и мальчишкахъ, о пожарахъ и выгнустахъ и проч. Мнѣ этотъ отрывокъ особенно понравился: въ немъ было столько искренности, столько высокаго гражданского мужества, такое отсутствіе заносчивости, грязнаго цинизма, въ которомъ упрекаютъ современную литературу, что я невольно удивлялся высоконравственному чувству, тому художественному, эстетическому чутью, которымъ

долженъ непремѣнно обладать человѣкъ, сумѣвшій отыскать такіе перлы изъ всей русской литературы.

Чтеніе впрочемъ продолжалось недолго. Оно было прервано однимъ изъ *красныхъ*. Я уже упомянулъ, что въ провинціи такимъ цвѣтомъ окрашиваютъ сторонниковъ всѣхъ правительственныхъ преобразованій и распоряженій, особенно по крѣпостному вопросу. Такъ красный прервалъ чтеніе и просилъ уволить его отъ участія въ литературномъ вечерѣ, на которомъ будетъ читаться такая, по его мнѣнію, неприличная и безобразная вещь; будто не имѣется во всей литературѣ ничего интереснѣе и художественнѣе фельетона «Отечественныхъ Записокъ.» Красный господинъ не безъ жолчи прибавилъ, что въ крайнемъ случаѣ онъ уже предпочитаетъ «Истину» г. Алмазова. Я рѣшительно не понималъ, отчего могла существовать такая неприязнь краснаго противъ благороднаго фельетониста; не можетъ же быть, чтобы онъ не раздѣлялъ мнѣній, изображенныхъ такъ характеристически въ «Отечественныхъ Запискахъ»; вѣрно, думаю, какія-нибудь личности, контры съ поклонникомъ остроумнаго фельетониста.

Какъ бы то ни было, но фельетонъ былъ забракованъ. Предлагалось избрать что-нибудь болѣе серьезное, фундаментальное въ русской литературѣ. Выборъ остановился на «Запискахъ изъ Мертваго дома» и на главѣ изъ нихъ «Госпиталь». Сталъ читать тотъ же господинъ, что избралъ фельетонъ. По прочтеніи онъ объявилъ, что такую грязную, циническую вещь прочесть онъ не будетъ имѣть духу. Предложили исключить эпизодъ о халатѣ и ушатѣ. Не помогло. Поклонникъ «истины» не рѣшался напустить арестантскаго духу въ залу, наполненную самыми пахучими слоями общества, и отказался вовсе. Его просили спѣть что-нибудь, потому что онъ также хорошо пѣлъ, какъ читалъ, въ чемъ я нисколько не сомнѣвался, зарученный его эстетическимъ вкусомъ; — отказалъ. Такъ и въ этотъ вечеръ не могли порѣшить ничего опредѣлительнаго, только по городу разнеслась молва, что красные одолѣли, взяли верхъ, и потому интрига и сплетня — эти вѣрныя сестры-союзницы провинціальной жизни, — расправили свои кринолины и поѣхали въ гости.

Наконецъ на четвертое засѣданіе, черезъ три недѣли послѣ перваго, избраны были пьесы литературныя и музыкальныя, назначенъ былъ день и мѣсто для чтенія въ залѣ клуба. Прочтено было: Некрасова — «Уличныя впечатлѣнія» и «Дешовая покупка», Тургенева — «Степь и лѣсъ», Майкова — «Поля», малороссійскій рассказъ «Усы», нѣсколько стихотвореній Шевченки и что-то о современномъ героѣ. Вечеръ прошолъ благополучно. Сборъ былъ значитель-

ный, зала полна народа. Въ высшихъ слояхъ общества остались впрочемъ недовольны. Что это все Некрасовъ, да его симпатіи къ Бѣлинскому, потомъ эти «Поля» — вовсе не кстатя, безтактно, и тамъ что-то еще о брачной жизни не по Домострою. Хуже всего были «Усы». Должно сказать, что весь этотъ расказъ проникнутъ народнымъ малороссійскимъ юморомъ и направленъ на недавнопрошедшую эпоху административныхъ и служебныхъ преслѣваній противъ формы, прически, усовъ и проч. Содержаніе расказа вертится на томъ, что одинъ отставной изъ военной службы малороссы, носившій всегда усы, избравъ былъ на службу по выборамъ и не сбрилъ усовъ. Его распекаетъ за это начальство и приказываетъ обриться, ибо усовъ ему носить по закону не полагается; нечего дѣлать, онъ исполняетъ приказаніе, его не узнаетъ никто дома, даже собака; всѣ въ горести, ибо усы очень уважаются въ Запорожьѣ, какъ вдругъ отъ своего пріятеля несчастный узнаетъ, что такъ какъ онъ въ отставкѣ съ мундиромъ, то ему по закону полагается носить усы.

Расказывали, что одинъ весьма почтенный и умный господинъ рѣшительно принялъ расказъ этотъ за личность, формально обратился съ жалобой къ начальству на такую распущенность и громко ропталъ противъ разрѣшенія подобной неприличной выходки, компрометировавшей его въ глазахъ подчиненныхъ.

Вечеръ улетѣлъ въ Лету, ярманка тоже, скачки съ препятствіями и безъ оныхъ были сдѣланы, театральная труппа уѣхала, балаганъ тоже, помѣщики, довольные и недовольные продажей шерсти, распозлились по деревнямъ и усальбамъ — Екатеринбургъ опустѣлъ совершенно. Оставался одинъ садъ, въ которомъ попрежнему собиралась публика на гулянья, но послѣднія какъ-то уже не разнообразились никакими интересными выходками мѣстнаго безобразія.

Окрестности Екатеринослава глухи и печальны. Верстахъ въ трехъ отъ города есть небольшая роща и больше ничево. Со всѣхъ сторонъ степь, нерѣдко покрытая зыбучимъ пескомъ. Уже давно сожжена она палачимъ лѣтнимъ зноемъ, и только въ рѣдкихъ отлогихъ оврагахъ видна кое-какая растительность и то болѣе кирпичнаго, чѣмъ зеленаго цвѣта. Куда ни взглянешь, хоть шаромъ покати, хоть бы какая невысоко поднявшаяся отъ земли былинка перехватила взоръ вашъ. Хоть бы одна птица, хоть бы одно насекомое звукомъ или трескомъ нарушила эту невозмутимую тишину пустыни. Сами шаги ваши какъ-то глухо и тупо раздаются въ замершемъ воздухѣ. Надъ вами тяжелый, густой зной, о которомъ не можетъ составить понятія незнакомый со степью. Если встрѣтишься

невзначай съ спрятавшимся гдѣ-нибудь въ балкѣ овечьимъ стадомъ, то и стадо будто бы замерло. Овцы столпились въ кучу, спрятавши головы другъ другу подъ брюхо, спасаясь отъ зной; даже злыя степныя собаки, охраняющія стадо и весьма опасныя для всякаго подходящаго, лѣнятся приподняться, и только въ ихъ заблестѣвшихъ глазахъ выражается непріязнь противъ васъ. Дождя нѣтъ, какъ нѣтъ, и бѣдный крестьянинъ тоскливо взглядываетъ на небо, на солнце во время его заката. Только передъ вечеромъ отдаетъ немного зной, и густая сѣрая пыль поднимается отовсюду, гдѣ произошло движеніе; медленно падаетъ она снова на землю; безчисленное множество комаровъ и мошекъ наполняютъ воздухъ. Жизнь пробуждается по селамъ и хуторамъ; голодная скотина, напрасно прошивавшаяся въ степи, вернулась домой и ищетъ, нельзя ли ей чего щипнуть и утолить голодъ. Раздался крикъ и звуки человѣческаго голоса, и предъ вами обаятельный, поэтический вечеръ Украины, обаятельный по описаніямъ поэта, еще болѣе обаятельный, еще болѣе поэтический на яву, въ дѣйствительности; вечеръ, о которомъ невидавшій Малороссіи, составилъ себѣ только весьма смутное понятіе изъ украинскихъ повѣстей Гоголя или рассказовъ Марка Вовчка.

Отсутствіе дождей грозило неурожаемъ, голодомъ. А тутъ еще прилетѣла саранча. Знаете ли вы, читатель, что такое саранча? Это страшное бѣдствіе для края, на который налетитъ она. Въ полѣ ничего не остается послѣ ея посѣщенія: ни травинки, ни былинки. Помню мою первую встрѣчу съ нею. Это было въ Крыму. Я ѣхалъ на перекладной. На горизонтѣ показалась густая, черная туча. Я принялъ было ее за дождевую, и думалъ, что насъ должна скоро встрѣтить гроза.

— А что, обратился я къ ямщику, насъ вѣдъ смочить?

— Не бойсь, баринъ, это-то не смочить! и онъ указалъ кнутомъ въ ту сторону, въ которой собиралась гроза.

— Ты думаешь, это гроза?

— А чтоже?

— Сарана, прахъ ее возьми.

Такъ вотъ она саранча-то, подумалъ я, довольный случаемъ взглянуть поближе на эту страшную гостью съ востока въ наши родныя степи. Я сталъ внимательно вглядываться въ направляющуюся на насъ тучу. Скоро въ ней можно было различать черныя точки, представлявшія отдѣльныхъ индивидовъ саранчи. Черезъ четверть часа онѣ были уже явственно видимы и уже начали показываться, мелькать то тамъ, то сямъ все потому же направленію отдѣльныя вѣтвями. Это были передовыя, указывавшія путь остальнымъ.

руководствуясь тѣмъ же непостижимымъ инстинктомъ, который намъ извѣстенъ въ перелетныхъ птицахъ, огромными стаями тгнувшихся то съ сѣвера на югъ, то съ юга на сѣверъ. Туча зацѣпила насъ далеко не своею толщею: средина ея, густая и черная, летѣла въ сторонѣ; но и та часть, въ которую мы неволью врѣзались, была такъ густа, полетъ насѣкомыхъ такъ быстро, что удары ихъ въ лицо, въ глаза переносить было больно. Нужно было защитить чѣмъ-нибудь лицо и глаза. Прошло еще минутъ пять. Лошадямъ, какъ видно, было тоже непріятно: они пошли шагомъ, а скоро и совсѣмъ остановились. Необходимо было переждать въ некоторое время, обратившись спиной къ сторонѣ летѣвшей на насъ еще болѣе густой массы. Простояли мы покрайней-мѣрѣ съ четверть часа, пока можно было снова продолжать намъ путь. Ямщикъ увѣрялъ меня, что встрѣченная нами туча еще не особенно велика, что ему случалось проѣзжать сквозь тучу саранчи въ полтора и два часа ѣзды.

Безчисленное множество насѣкомыхъ пролетало надъ нашими головами, огромное количество садилось или падало на землю.

Я говорю: садилось или падало, потому что было замѣтно, что одни опускались добровольно, и эти тотчасъ же принимались пожирать все что встрѣчали на пути; другіе отъ голода или отъ изнеможенія и усталости падали плашмя, или на бокъ и оставались неподвижными, выпучивъ свои огромные, коричневые, въ половину головы глаза и странно шевеля щупальцами, которыми вооруженъ ротъ насѣкомаго. Когда мы повернули, чтобы продолжать путь, то дорога была сплошь покрыта зеленовато-сѣрымъ слоемъ саранчи. Одни поднимались и отлетали, но безчисленное количество раздавлено было копытами лошадей и колесами телѣги; послѣднія покрылись желтовато-коричневой жидкою массой какъ грязью, и я долго не могъ отдѣлаться отъ непріятнаго ощущенія, произведеннаго всей этой встрѣчей. Ямщикъ махалъ кнутомъ направо и налево, и отъ каждаго его движенія падало нѣсколько ушибленныхъ или убитыхъ насѣкомыхъ.

Животное это замѣчательно прожорливо. Я не знаю, насколько справедлива молва, что оно поѣдаетъ платье, бѣлье, но разъ мнѣ случилось быть свидѣтелемъ прожорливости саранчи. Это было на охотѣ. Туча налетѣла на насъ, впрочемъ не такая густая, въ то время какъ мы закусывали. Мы скоро должны были оставить наше занятіе и спасать подъ платкомъ лицо и глаза отъ ударовъ зря летящей саранчи. Тогда я увидѣлъ, какъ бросалась она на объѣдки огурцовъ, колбасы, сыра, мяса, даже бывшаго въ рукахъ нашихъ, и мгновенно все пожирала, обгладывая даже кости.

Зеленое поле, на которое спускается саранча, черезъ четверть часа уже черно и все съѣдено. Она не любитъ шуму и треску. Этими пользуются, чтобы не допустить ее садиться и не всегда безуспѣшно. Разумѣется, что тогда она летитъ, если вмѣстѣ силы дальше и все-таки сядетъ гдѣ-нибудь по сосѣдству. Поднимается она тяжело, съ трудомъ; но поднявшаяся разъ, саранча можетъ перелетать огромныя пространства. Мнѣ всегда казалось, что садится она зря, не разбирая, вмѣстѣ ли на томъ мѣстѣ пригодная для нея пища, потомучто мнѣ случалось встрѣчать пощажонныя ею мѣста, представлявшія обильную пищу, между-тѣмъ какъ она садилась тамъ, гдѣ уже ничего не было, хлѣбъ убранъ, а трава скошена. Иногда вѣтромъ заноситъ ее въ море или она сама падаетъ въ него, не имѣя болѣе силы летѣть и гибнетъ въ страшномъ количествѣ, распространяя вокругъ себя страшное зловоніе. Саранчу охотно клюютъ куры и домашняя птица. Въ Крыму за ней летаютъ въ большихъ массахъ скворцы, для которыхъ она служитъ лакомою пищей. Туда же прилетѣла за ней особая порода скворцовъ, пѣгихъ, немножко меньше сороки и съ тою разницею отъ послѣдней, что на скворцѣ бѣлыя полосы имѣютъ розовый оттѣнокъ. Эти скворцы слѣдуютъ за саранчей и на лету стригутъ ее. Птица эта въ уваженіи у народа и убить ее считается за грѣхъ. Во всѣхъ мѣстностяхъ, которыя подвержены опустошеніямъ этого ужаснаго наскомаго, существуетъ повѣрье, что на крыльяхъ его арабскими буквами написано: «наказаніе господне».

Саранча отвлекла меня отъ окрестностей Екатеринослава. Первая деревня, которую мнѣ случилось увидѣть, была нѣмецкая колонія, Рыбальское, близъ устья Самары, впадающей въ Днѣпръ нѣсколько верстъ ниже Екатеринослава. Въ двухъ или трехъ верстахъ отъ нея, при самомъ уже устьѣ, лежитъ малороссійское село Игрень. Обѣ деревни предназначались для размѣщенія проходящихъ войскъ. Нѣмецкія колоніи въ новороссійскомъ краѣ отличаются большимъ размѣромъ довольства, естественнымъ послѣдствіемъ необыкновеннаго трудолюбія, бережливости и трезвости. Объ этихъ свойствахъ нѣмецкихъ колонистовъ часто случается слышать на югѣ безконечные разговоры. Въ параллель имъ ставятъ обыкновенно лѣность и пьянство *хотла*, искоренить которыя, говорятъ, нѣтъ возможности никакими преобразованіями и улучшеніемъ его быта административнымъ порядкомъ. Господа эти забываютъ всю разницу между судьбой прусскихъ нѣмцевъ-колонистовъ и туземныхъ крестьянъ. Помимо льготъ и преимуществъ, предоставленныхъ колонистамъ, которыя уже цѣнны сами по себѣ, забываютъ лежавшій до сихъ поръ на нашемъ крестьяннѣ двойной

гнетъ крѣпостного и полицейскаго безправія. Двѣ эти язвы, отъ которыхъ приходится настоящей эпохѣ лечить народъ нашъ, пустили такіе глубокіе корни, что слѣды болѣзни останутся еще надолго.

Мгновеннаго излеченія ожидать невозможно и безразсудно. Добродѣтели и пороки народы получаютъ историческимъ нарастаемъ. Въ крови своей пришлые къ намъ нѣмцы принесли вѣковую цивилизацію своего народа; слава-богу, что она была на столько упруга, что давала до сихъ поръ отпоръ тѣмъ неблагопріятнымъ условіямъ, которыми встрѣтила ее новая среда. Много потребуется времени, чтобы исправить тѣ поврежденія въ нашей жизни и въ нашемъ народѣ, которыми онъ обязанъ неблагопріятнымъ условіямъ, сопровождавшимъ до сихъ поръ его развитіе. Что впрочемъ касается лично до меня, то на меня производятъ тягостное впечатлѣніе эта патріархальная, выкроенная по нѣркѣ жизнь нѣмецкой колоніи. Нѣтъ шуму, говору, веселыхъ голосовъ жизни. Все рассчитано, все по правиламъ, отъ которыхъ отступитъ на волосъ — преступленіе. Даже воскресеніе проводится также однообразно какъ будній день; даже дѣти ведутъ себя не по лѣтамъ скромно; не раздается ихъ веселаго, беззаботнаго смѣха, не то, чтобы подраться или побуянить. Я предпочитаю грубую жизнь нашего народа, въ которой люди и плачутъ, и смѣются, и буянятъ, и напиваются пьяны. Должно впрочемъ отдать справедливость малороссамъ: пьянство распространено между ними несравненно менѣе чѣмъ въ Великобританіи. Не потому ли что народъ здѣсь позажиточнѣе, водка подешевле и почти откупа никогда такъ глубоко не вонзались въ народъ, какъ на сѣверѣ и въ срединѣ Россіи? А можетъ-быть и потому еще, что крѣпостное право здѣсь дѣйствовало значительнѣе меньшій періодъ времени и не успѣло еще подвести страну подъ одинъ общій уровень.

Возвращаюсь къ спеціальной цѣли моей поѣздки, о которой я не говорилъ еще ни слова въ этомъ письмѣ, исполняя обѣщаніе, данное въ предыдущемъ, не утомлять читателя одними военно-административными вопросами. Въ кругъ моихъ обязанностей по наблюденію за сплавомъ войскъ входилъ между прочимъ осмотръ и опросъ людей, высаживавшихся въ Екатеринославль и продолжавшихъ походъ сухимъ путемъ до Бердянска, гдѣ они сдѣлались на пароходы южнаго общества и отправлялись уже прямо на Кавказъ, въ Темрюкъ или Поти.

По случаю этого осмотра и опроса я намѣренъ сказать нѣсколько словъ и снова отклониться отъ моихъ путевыхъ замѣтокъ къ теоретическимъ военно-административнымъ соображеніямъ. Надѣюсь, что

читатель не посядетъ на меня за это: вопросъ, о которомъ я хочу говорить, чрезвычайной важности. Извѣстно, какія громадныя суммы поглощаетъ военный бюджетъ. Слишкомъ 110 мильоновъ идетъ на военно-сухопутныя силы государства. Одна эта цифра уже указываетъ на важность той отрасли государственной дѣятельности, задача которой контролировать такіе громадныя расходы, произволящіеся ежегодно.

Весь механизмъ бюджета, расхода и контроля приводится къ слѣдующимъ нѣсколькимъ задачамъ, выработаннымъ западною государственно-экономическою дѣятельностью: 1) опредѣлить законодательнымъ порядкомъ точно тѣ предметы расходовъ, которые вызваны дѣйствительною необходимостью сообразно съ цѣлями и средствами государства; 2) слѣдить за тѣмъ, чтобы каждый отпускъ на ту или другую потребность дѣйствительно и въ полности достигалъ своего назначенія. Первая задача до меня не касается; я намѣренъ поговорить только о второй.

Путемъ долгаго и дорогого стоющаго опыта наука государственнаго хозяйства пришла къ слѣдующей простой и нехитрой истинѣ: «учрежденія и лица, которымъ порученъ контроль, не должны быть соединены никакими интересами съ учрежденіями и лицами, дѣятельность которыхъ ими ревизуется, и должны быть поставлены въ всякой отвѣтственности за исправное или неисправное состояніе контролируемыхъ частей.» Я вовсе не намѣренъ въ бѣглыхъ моихъ замѣткахъ распространяться о всемъ механизмѣ государственнаго контроля. Я намѣренъ коснуться этого вопроса только по отношенію къ нему, какъ части нашихъ инспекторскихъ и всѣхъ смотровъ, такъ какъ предметъ этотъ коснулся и личной моей дѣятельности. Посмотримъ впервыхъ, въ какомъ положеніи вопросъ этотъ находился до введенія преобразованій, обѣщанныхъ военнымъ министерствомъ, а ввторыхъ, на сколько онъ согласенъ съ вышеприведеннымъ правиломъ и на сколько противорѣчитъ ему.

Замѣчу прежде всего, что злоупотребленія и неисправности, открываемыя такимъ путемъ, находятся въ прямомъ отношеніи съ совершенствами или недостатками всей системы управленія и указываютъ на ея относительное достоинство. Существованіе ранъ, открывающихся такимъ путемъ, служитъ только указаніемъ на болѣзнь всего организма; леченіе ихъ посредствомъ инспекторскихъ смотровъ есть мѣра паліативная. Улучшеніе способовъ доискиваться симптомовъ болѣзни къ сожалѣнію отвлекаетъ нашихъ администраторовъ отъ прямого и единственно вѣрнаго пути посредствомъ мѣръ положительныхъ, а не отрицательныхъ. Цѣль управленія,

какъ цѣль гигиены — поддерживать здоровье организма; появленіе болѣзни прямо указываетъ на то, что организмъ сохраняется дурно, и если насъ занимаетъ задача какъ излечить пораженную болѣзнью вѣтвь государственнаго управленія, то не забудемъ главной цѣли, которая состоитъ въ томъ какъ устроить дѣла такимъ образомъ, чтобы не было болѣзни. Только съ такой точки зрѣнія намѣренъ я посмотрѣть на наши инспекторскіе смотры.

По закону каждый начальникъ есть вмѣстѣ и инспекторъ войскъ, ему ввѣренныхъ. Я ничего не скажу противъ смысла этого постановленія: каждый человекъ въ дѣйствіяхъ своихъ подчиняетъ себя собственному контролю, но этотъ контроль ровно ничего не стоитъ, и о дѣятельности человека будутъ судить еще другіе, на сколько она ихъ касается. На сколько могутъ похвалиться полнотою и безпристрастіемъ донесенія высшимъ властямъ начальниковъ объ исправномъ состояніи ввѣренныхъ имъ частей, мы отдаемъ на судъ всякаго безпристрастнаго человека. Допустить подобный пріемъ контроля значитъ удовлетвориться одною пустою и ничего не стоющею формальностью. Злоупотребленіямъ, открываемымъ такимъ путемъ нѣтъ и причинъ доходить до высшаго начальства. Полковой командиръ наполю унученіе въ ротномъ хозяйствѣ и управленіи, и вмѣнилъ въ обязанность ихъ исправленіе ротному командиру; начальникъ дивизіи открылъ упущеніе въ полку — поставилъ его на видъ полковому командиру и вся исторія кончена; дѣло свое домашнее доносить выше, значитъ ни болѣе, ни менѣе какъ компрометировать себя. Главная цѣль не отступать отъ старыхъ, заведенныхъ порядковъ, съ которыми и тепло, и удобно, а главное, чтобы не послѣдовало какихъ замѣчаній и неудовольствій свыше.

А между-тѣмъ лица, стоящіе на верхнихъ ступеняхъ военной іерархіи, самымъ искреннимъ образомъ желаютъ знать въ какомъ положеніи находится войско и соответствуетъ ли его состояніе тѣмъ средствамъ, какія казна употребляетъ на его содержаніе. Если эта главная, существенная при настоящемъ порядкѣ дѣлъ отрасль контроля менѣе всего удовлетворяетъ требованіямъ государственной экономіи, то что же удивительнаго, что и послѣдствія ея вовсе не соответствуютъ видамъ и желаніямъ правительства. Современное военное министерство убѣдилось въ несостоятельности этого способа ревизіи и приступило къ мѣрамъ, долженствующимъ отстранять эти неудобства. О нихъ я скажу нѣсколько словъ ниже, а теперь постараюсь указать на характеристическія черты существующей системы.

Вопервыхъ лица, намѣревающіяся инспектировать часть, не

только заранѣе даютъ ей знать о предстоящемъ смотрѣ, назначая день, но обозначаютъ тѣ отрасли инспектированія, на которыя обратятъ исключительное вниманіе. Самые смотры производятся въ извѣстные сроки. Внезапныхъ смотровъ не полагается. Вовторыхъ смотры представляются чѣмъ-то параднымъ, торжественнымъ; требуютъ, чтобы все было причесано и приглажено. Это влечетъ за собою съ одной стороны то, что ревизуемая часть, имѣя достаточно времени приготовиться къ смотру, зашиваютъ на время всѣ прорѣхи, прячутъ на задній планъ сущность, то что бываетъ ежедневно, стараясь товаръ лицомъ показать по праздничному; съ другой стороны смотръ, имѣющій цѣлью ознакомиться съ обиходнымъ, повседневнымъ бытомъ арміи, обращается въ одну формальность.

Достаточно припомнить на примѣръ обычай, недавно отмѣненный министерствомъ, по которому у солдата непремѣнно должно было находиться два комплекта всѣхъ вещей въ раницѣ: одинъ, смотровый, предназначавшійся исключительно для смотра, другія — для солдатскаго употребленія. Не забудемъ, что вещи эти солдатъ долженъ приобрести на собственные свои деньги изъ жалованья. Воображаю какъ долженъ быть доволенъ солдатъ отмѣнѣ этихъ вещей, которыя были ему рѣшительно бесполезны, а приобретение ихъ — разорительно.

Изъ словъ моихъ о томъ, что время и цѣль смотровъ всегда бываютъ извѣстны, не слѣдуетъ заключать, чтобы внезапные смотры достигали цѣли. Внезапность въ этомъ случаѣ, если бы даже была она спасительна, станетъ такою же формальностью, потому что всегда можно будетъ имѣть въ штабѣ писаря, который за извѣстное вознагражденіе заблаговременно дастъ знать о всемъ что нужно.

По закону инспекторскій смотръ имѣеть цѣлью повѣрить внѣшнее и внутреннее состояніе войскъ до малѣйшей подробности. Достигнуть этого рѣшительно невозможно въ тотъ короткій промежутокъ времени, какой употребляется для смотра (два или три дня). Между прочими обязанностями инспектора одну изъ главныхъ составляетъ опросъ людей, не имѣютъ ли они какихъ претензій. Опросъ производится отлѣльно рядовымъ, унтеръ-офицерамъ и офицерамъ. Объ этомъ интересномъ предметѣ я скажу нѣсколько словъ. Опросъ высшихъ чиновъ дѣлается по-ротно такимъ образомъ. Удаляются офицеры и унтеръ-офицеры и рота собирается въ кружокъ (справа, слева заход). Потомъ предлагаются вопросы, на которые отвѣты выслушиваются заранѣе. Сами солдаты юмористически относятся ко всей этой сценѣ. Мнѣ неоднократно случалось слышать какъ они наро-

двуютъ дѣлаемые имъ вопросы: все ли вы получали, что вамъ давали?

Если принять въ соображенія всѣ злоупотребленія, бывшія до настоящаго времени въ арміи, то количество объявленныхъ претензій, несмотря на значительную переписку, которую онѣ порождали, не можетъ похвастаться многочисленнымъ. Изъ моей службы я вывелъ такое заключеніе, что въ большей части случаевъ солдатскія претензіи впервыхъ справедливы; вовторыхъ онѣ исключительно личнаго свойства, втретьихъ объ имѣющихся быть объявленными претензіяхъ ближайшему, непосредственному начальству заранѣе извѣстно.

Инспекторскіе смотры бывають періодически разъ или два раза въ годъ. Еслибы солдату и пришлось объявить какую-нибудь претензію за дурное или жестокое обращеніе; за то, что его дурно кормили; за то, что его подвергли несправедливому наказанію или взысканію, — то свою претензію пришлось бы ему проносить въ душѣ отъ шести мѣсяцевъ до года. Ни крестьянинъ нашъ, ни солдатъ, выходящій изъ того же крестьянства, не отличаются злопамятствомъ. Съ самою тяжкою обидою, съ самою возмущающею несправедливостью жизнь примиряетъ, и надобно предположить особенную силу душевную, чтобы долго проносить обиду и потомъ отвести къ ней также горячо, какъ въ минуту ея полученія. Ктому же, сколько я замѣтилъ во время служенія въ арміи, съ приближеніемъ смотра значительно измѣняется къ лучшему и обращеніе начальства, и солдатская пища. Точь-въ-точь какъ въ школахъ при приближеніи значительнаго или начальствующаго лица. Простые люди много имѣютъ въ этомъ смыслѣ общаго съ дѣтьми и одинаково легко за добриваются. Не забудемъ, что одинокая жалоба въ этомъ случаѣ мало имѣетъ цѣны, а подавать скопомъ опасно и нерасчетливо; подобныя общія заявленія никогда не были терпимы для поддержанія дисциплины и разумной законности. Изъявляя претензію, солдатъ развѣ можетъ забыть, что въ той же части, у того же начальника придется ему продолжать свою долгую службу? Вотъ и не ропщеть.

По этому если солдатомъ подается претензія, то она почти всегда основательна и касается только его лично. Это по большей части невыдача ему амуниціи или заработныхъ денегъ или, какъ мнѣ часто случалось слышать въ настоящее время, неполученіе имъ мѣдали за Севастополь или послѣднюю войну. И ротный командиръ, и полковой впередъ знаютъ эту претензію, ибо ими зачастую уже начата переписка по этому дѣлу. Амуниціи деньги вѣтребываются отъ мѣста прежняго служенія солдата, который попалъ въ

новую часть изъ госпиталя ; вопросъ о заработныхъ деньгахъ тоже извѣстенъ и рѣшонъ по распоряженію высшаго начальства ; о слѣдуемой солдату медали забираются справки. Послѣднія длятся иногда весьма продолжительное время къ несчастію для солдата, который такъ и уйдетъ въ продолжительный отпускъ или выйдетъ въ отставку, потерявъ надежду, лестную и часто имъ лелѣянную, похвалиться въ деревнѣ предъ своими земляками царскою милостію за безопрочную службу. А между тѣмъ всѣ эти долги справки, запрашивающія и такъ безграничную нашу переписку, совершенно излѣщив. Пойдетъ повѣрка формулара, его исправленіе, сношеніе съ разными лицами и вѣдомствами и проч. Мнѣ кажется, что претензія въ такомъ случаѣ гораздо легче и скорѣе разрѣшилась бы опросомъ товарищей, свидѣтельства которыхъ достаточно ; не такой народъ, чтобы солгали въ такомъ разѣ. Потомъ эти вѣчныя недоразумѣнія по поводу заработныхъ денегъ. Министерство хорошо сдѣлало, что рѣшило наконецъ этотъ вопросъ въ возможной справедливости, предоставивъ въ полное распоряженіе солдатъ заработанныя имъ деньги. Я позволю себѣ сдѣлать одно только замѣчаніе въ видѣхъ отстраненія претензій и прекращенія недоразумѣній. Заработныя деньги получаютъ обыкновенно старшими въ командахъ ; эти передаютъ деньги фельдфебелю, а этотъ относитъ ихъ къ ротному командиру, который уже удерживаетъ сколько слѣдуетъ для извѣстныхъ надобностей, а остальные раздаетъ на руки людямъ. Но и старшій, и фельдфебель могутъ представить ротному командиру не всѣ деньги, показавши меньшее или неправильное количество людей, уволенныхъ на работу ; сами солдаты могутъ объявить, что они заработали большую сумму денегъ и сдѣлать свои показанія тогда, когда уже затруднительно ихъ повѣрить. По моему мнѣнію все это отстраняется русской артелью. Люди, идущіе на работу, избираютъ артельщика, матку, и конецъ всѣмъ раздѣламъ съ условіемъ, разумѣется, чтобы извѣстная, закономъ опредѣленная часть на нѣкоторыя нужды роты, представлялась ротному командиру въ опредѣленный срокъ разомъ или по частямъ, въ продолженіе всего періода работъ, какъ будетъ удобнѣе.

Въ рѣдкихъ случаяхъ солдатъ рѣшается принести жалобу, не касаящуюся его лично. Это уже считается клеузой, и въ интересахъ дисциплины строго преслѣдуется. Вотъ онъ и избираетъ для достиженія цѣли форму безыменнаго доноса, подметнаго письма при содѣйствіи какого нибудь писари. Такіе случаи порождали цѣлыя исторіи, самая печальная сторона которыхъ заключалась не столько въ наказаніи виновнаго, сколько въ его отысканіи ; тоже какъ въ школахъ !

Все высказанное мною объ'ясненіяхъ людей, см'ело можетъ бытъ отнесено ко всему инспекторству. Все повторенныя д'яствія производятся бол'е ч'мъ поверхностно. Да и вообще известно, что ревизія достигаетъ ц'ли только тогда, когда лица, ее производящія, знакомы съ ревизуемымъ д'ломъ по крайней м'р' столько же основательно, сколько лица, ведущія д'ло. Въ такомъ ли в'бложеніи находятся у насъ вообще ревизоры, инспекторы? Осмотръ войсковаго хозяйства, часто весьма сложнаго и многосторонняго, производится въ н'сколько часовъ; инспектирование внутреннихъ, счетныхъ частей управленія ограничивается подписью штурмовыхъ книгъ; потомъ производится ни къ чему не ведущій экзаменъ в'д'хосебей, капральныхъ и артельщиковъ, сколько въ какой рот' артельныхъ денегъ, продовольственной суммы, и какая часть приходится на капральство или отд'леніе.

Лучшимъ доказательствомъ полн'шей несостоятельности настоящей системы контроля и инспекторскихъ смотровъ служатъ между прочимъ и т' разнор'чія, часто непримиримыя, какія встр'чаются въ жизни между донесеніями объ успешности и убыточности результатовъ инспекторскихъ смотровъ и сл'дую частей, батальонныхъ во вс'хъ отношеніяхъ удовлетворительности военныя командирамъ. Подобнаго рода факты, случавшіеся на каждомъ шаг'у, подтверждаютъ и то мое мн'ніе, что существующія военныя постановленія и ихъ исполненіе на практик' р'зко противор'чатъ другъ другу.

Изъ сказаннаго ясно, что правительство не достигаетъ предложенныхъ ц'лей вследствие несовершенства всей системы контроля и ревизій, а посл'днія произошли отъ того что несоблюдено главное правило контроля, выше мною приведенное, чтобы лица, обязанныя контролироваться, не были соединены никакими интересами съ лицами и учрежденіями, подлежащими ихъ ревизіи и были поставлены вн' всякой отв'тственности за исправное или неисправное состояніе ревизуемыхъ частей.

Военное министерство сознало неудовлетворительность существующей системы контроля и предлагаетъ удалить несовершенства инспекторскихъ смотровъ учрежденіемъ особыхъ, независимыхъ и въ полной м'р' самостоятельныхъ инспекторовъ войскъ. М'ра вполне пригодная при существующемъ порядк', лучшая и в'р'яйшая для достиженія предполагаемыхъ ц'лей, какая выработана новейшей военно-административной теоріей и практикой. Зам'тимъ, что эта система уже существовала у насъ, однако не удержалась по различнымъ причинамъ, входить въ разбирательство которыхъ мы не можемъ, да это и отвлекло бы насъ далеко. Сд'лаемъ только

слѣдующее замѣчаніе. Какъ бы ни было либерально и современно преобразование, на него никогда не слѣдуетъ смотрѣть безотносительно. Самая лучшая мѣра, самое благое вчинаніе, не исполняютъ въ жизни часто и десятой доли надеждъ, ими возбуждаемыхъ, и вотъ поднимаются со всѣхъ сторонъ крики поклонниковъ рутинны и старинны съ требованіями возвращенія къ доброму старому порядку. Несбывшіяся надежды проистекаютъ во первыхъ изъ того, что часто, вновь введенное преобразование требуетъ въ некотораго времени, чтобы добиться извѣстныхъ послѣдствій, послѣ которыхъ дѣлу уже легко идти; во вторыхъ всѣ стороны жизни, какъ и всѣ отрасли государственнаго управленія находятся въ зависимости другъ отъ друга, связаны круговой порукой, и въ этомъ случаѣ бесполезны отдѣльныя мѣры, когда весь организмъ разстроены и весь требуетъ радикальнаго леченія. Чтоже удивительнаго, что леченіе отдѣльной части парализуется испорченными соками, привходящими отовсюду. Ничего не подѣлаешь съ системою отдѣльныхъ, частныхъ мѣръ и тутъ ужъ труды администратора задоромъ погибнуть.

Тѣмъ не менѣе я повторю уже сказанное, что новые инспекторы не должны быть ни въ какомъ случаѣ связаны съ отдѣльными частями и лицами никакими личными интересами и не должны нести никакой отвѣтственности, какую несутъ въ настоящее время прямыя и непосредственныя начальники, и тогда можно смѣло ожидать благодѣтельныхъ послѣдствій отъ мѣры, всѣми признанной за рациональную.

Но не забудемъ и того что сказано мною о главной характеристикѣ ревизій. Леченіе путемъ контроля — паліативное леченіе. Оно только доказываетъ присутствіе болѣзни. Главною задачею военно-административной системы все-таки должна быть невозможность злоупотребленія, несправедливости и вызываемыхъ ими претензій: это достигается только правильнымъ и своевременнымъ отпускомъ войскамъ того что имъ слѣдуетъ и гласнымъ употребленіемъ суммъ, предназначаемыхъ на тѣ или другіе предметы хозяйства. Относительно нижнихъ чиновъ это достигается независимостью и самостоятельностью артели, какъ уже сказано въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ.

Опрость проходившихъ командъ далеко отвлекъ меня отъ окрестностей Екатеринослава. Между ними безспорно на первомъ планѣ — днѣпровскіе пороги. Ничего подобнаго не представляетъ ни одна рѣка въ Европѣ. Знаменитыя дунайскія ворота близъ Оршоны, несмотря на значительную покатость русла Дуная, несмотря на всю грандіозность окружающей ихъ природы, не даютъ и тѣни

понятія что такое наши днѣпровскіе пороги. Уже одцо то, что по Дунаю вверхъ по теченію въ порогахъ, дно которыхъ, замѣтимъ, изъ щебня, ходятъ сильныя пароходы, показываетъ различіе между обѣими рѣками: никогда никому и въ голову не приходило до сихъ поръ прокатиться вверхъ по порогамъ Днѣпра на какомъ бы то ни было сильномъ пароходѣ. Несмотря на интересъ, представляемый этимъ необыкновеннымъ явленіемъ природы, наши путешественники-туристы рѣдко заглядываютъ въ эту сторону. Доказательствомъ этого служитъ между прочимъ то, что не только на Ненасытцѣ, но и на Кодацкомъ порогѣ, который посѣщается все же чаще по близости своей къ Екатеринославу, не имѣется для рѣдкихъ посѣтителей ни гостиницы, ни какого либо скромнаго пристанища. Любопытство и силы наши устремлены какъ-то не въ мѣру на западъ, въ Европу, откуда мысль, откуда, думаемъ мы, всѣ результаты человѣческаго преуспѣванія.

Слава-богу, что въ послѣднее время явилось у насъ хоть добросовѣстное, обстоятельное описаніе низовьевъ рѣки; я говорю о книгѣ г. Афанасьева-Чужбинскаго «Очерки Днѣпра», которою рекомендую запастись всякому, отправляющемуся на пороги, какъ лучшимъ и полнѣйшимъ указателемъ всѣхъ достопримѣчательностей этихъ мѣстъ. Книжка она была полезна во всѣхъ отношеніяхъ.

Я приѣхалъ въ Екатеринославъ въ началѣ мая. Вода въ Днѣпрѣ стояла еще высоко и меня подмывало скорѣе отправиться на пороги, но различныя служебныя обязанности задерживали меня. Наконецъ собрался я. Приѣзжаю на извозчикѣ въ Каменку, отстоящую отъ города всего на семь верстъ. Нѣтъ ни одного лоцмана, отправлявшагося внизъ: всѣ знаменитости были на Ненасытцѣ или въ Кичносѣ, въ-мецкой менонистской колоніи, у которой кончаются пороги и всѣ опасности сплава внизъ по рѣкѣ. Нечего дѣлать, проѣздилис я на-напрасно, и недовольный я возвратился въ городъ. Поѣхалъ недѣли черезъ двѣ снова: встрѣтилъ грозу и бурю въ Каменкѣ, лоцмана не берутся спускаться, опасно; а это народъ бравый, и если говорятъ что опасно, то значитъ такъ и есть опасно. На этотъ разъ я проѣздилис по крайней-мѣрѣ не даромъ: познакомилс съ молодымъ инженернымъ офицеромъ, Я. Я. Горбуновымъ, которому и обязанъ тѣмъ, что могъ увидѣть пороги во всѣхъ ихъ любопытныхъ подробностяхъ, какъ не удавалось вѣроятно ни одному записному туристу.

Когда я говорилъ о камняхъ, встрѣчающихся по Днѣпру между Кременчугомъ и Екатеринославомъ, то упомянулъ, что со стороны главнаго управленія путей сообщенія постоянно дѣлались распоря-

женія для водворенія большихъ удобствъ плаванія по Днѣпру и между прочими мѣрами рвались камни порохомъ. Выборъ этихъ камней, я сказалъ, былъ не всегда удаченъ. Разрывались бесполезно такіе камни, которые не представляли особой опасности, но были полезны, какъ естественные маяки и пріятныя пути; наоборотъ случалось, что оставались камни посреди русла или въ сторонѣ, дѣйствительно опасныя, или по положенію своему среди фарватера или потому, что наносило на нихъ теченіемъ. Болѣе просвѣщенный взглядъ настоящаго управленія при этихъ работахъ рѣшился воспользоваться опытностью лоцмановъ и руководствоваться ихъ указаніемъ, какіе камни рвать, какіе не трогать. Лоцмана остались очень довольны этимъ распоряженіемъ: они должны были избрать восемь человѣкъ, старшинъ, атамановъ, которые вмѣстѣ съ офицеромъ путей сообщенія и должны были указать работы на текущее лѣто. Я. Я. Горбуновъ предложилъ мнѣ отправиться съ нимъ. О болѣе счастливомъ случаѣ и мечтать было нельзя. Нечего и говорить, что я съ радостью и благодарностью принялъ обязательное приглашеніе. Назначенъ былъ день поѣздки.

Но прежде чѣмъ я буду говорить о нашемъ путешествіи, для читателя незнакомаго съ мѣстностью, я долженъ представить нѣсколько историческихъ и статистическихъ свѣдѣній. Мнѣ было бы крайне-прискорбно, если бы послѣдними моими словами я поселилъ ужасъ въ сердца читателей вслѣдствіе опасенія, что я стану говорить о названіяхъ днѣпровскихъ пороговъ, о Константиѣ багрянородномъ, о норманахъ и варяго-руссахъ. Эти вопросы извѣстны читателю изъ знаменитаго спора, бывшаго недавно еще между гг. Костомаровымъ и Погодинымъ. Нѣтъ, я намѣренъ сказать нѣсколько словъ о лоцманахъ.

Со временъ Екатерины лоцмана составляли отдѣльную общину изъ селъ Каменки, Стараго Кодака и хуторовъ Сурскихъ и Широчанскихъ, освобожденную отъ рекрутства и всѣхъ повинностей и управлявшуюся своимъ выборнымъ атаманомъ и его помощникомъ. Потомъ лоцмана были въ вѣдѣніи черноморскаго адмиралтейства, а въ настоящее время ими непосредственно завѣдуетъ начальникъ 3-го отдѣленія IX округа путей сообщенія, имѣющій пребываніе въ Каменкѣ. Всѣхъ лоцмановъ считается 2650 чел. мужчинъ и женщинъ; они владѣютъ 11 т. десятинъ земли. Лоцмана управляются конторой, въ которой предсѣдательствуетъ старшій атаманъ съ членами. Ни одно распоряженіе не минуетъ начальника отдѣленія, воля котораго играетъ не маловажную роль и при избраніи атамановъ громадою (міромъ). Лоцмана раздѣляются на три статьи, смотря по

опытности и искусству: первымъ поручается проводить барки, вторымъ — плоты, третьи присоединяются къ первымъ въ видѣ помощниковъ. Суда и плоты останавливаются въ Каменкѣ и требуютъ лоцмана, который за 4 руб. 30 коп. долженъ доставить судно въ цѣлости за послѣдній порогъ. Половина суммы выручаемой лоцманами, шла въ приказъ, часть отчислялась на общественные расходы и только незначительные остатки раздаются на руки заработавшимъ. Такъ какъ время полевыхъ работъ совпадаетъ съ временемъ навигаціи, а лоцманъ не смѣетъ отказать отъ прямой своей обязанности въ очередь проводить суда и плоты, то хозяйство его является дѣломъ второстепеннымъ, подспорьемъ для семьи, а главный заработокъ долженъ бы былъ состоять въ проведеніи судовъ, но скудная выручка достаемая ему на руки, породила обычай, по которому всякій судовладелецъ благодаритъ за проводъ барки или плота, что весьма естественно, и эта благодарность составляетъ главный доходъ лоцмановъ-казаконъ.

Вслучаѣ гибели судна лоцманъ отвѣчаетъ за него всѣмъ своимъ имуществомъ, кромѣ того, что подвергается тѣлесному наказанію. Близъ дома управленія лоцмана указываютъ на *Музычину скалю*, о которую лоцманъ Мызыка двадцать лѣтъ тому назадъ разбилъ барку и на которой былъ за это засѣченъ. Рассказываютъ, что бывали случаи, что лоцмана съ намѣреніемъ разбивали судно или плотъ, чтобы воспользоваться разбитымъ лѣсомъ, входя для этого въ стачки съ промысловниками, но я не могу подтвердить этого. Если такіе факты и существуютъ, то они показываютъ только крайнее ненормальное положеніе лоцманской общины. Въ послѣднее время преобразование намѣрено коснуться и этой части, и какъ слышно, въ либеральномъ духѣ. Говорили, что правительство намѣрено сравнять лоцмановъ съ крестьянами, подчинить ихъ рекрутству и повинностямъ, а проводъ судовъ предоставить всѣмъ на свободномъ коммерческомъ основаніи. Если слухи эти справедливы, то намѣренія правительства совершенно рациональны и должны привести къ благотельнымъ результатамъ. При такомъ положеніи дѣла естественно чрезъ каждый порогъ станутъ проводить тотъ лоцманъ, который лучше знакомъ съ нимъ, за вольную плату. Миѣ случилось слышать недовольные голоса этой мѣрой какъ со стороны судовладельцевъ такъ и со стороны лоцмановъ. Первые выражали опасенія, что проводъ судна будетъ дороже, если у каждаго порога мѣнять лоцмана; послѣдніе находятъ болѣе выгоднымъ для себя вести суда чрезъ всѣ пороги, чѣмъ чрезъ одинъ. Но миѣ кажется, что эти опасенія отстранены будутъ самою жизнью, которая и покажетъ что выгоднѣе и удобнѣе для

тѣхъ и другихъ, и съ какой стати предположить, что съ преобразованиемъ не будетъ болѣе такихъ опытныхъ и искусныхъ лоцмановъ какъ теперь, которые проводили бы суда чрезъ всѣ пороги. Всякое нововведеніе возбуждаетъ страхъ, что будетъ хуже, а жиды вараѣшастъ ихъ легко и цезамѣтно, если ей предоставлена свобода.

Въ назначенный день я былъ въ Каменкѣ. Все было готово къ отплытію. Лоцманы выбрали восемь атамановъ, кромѣ главнаго, самыхъ лучшихъ и искусныхъ своихъ товарищей. Что это были за люди, что за типическія малороссійскія лица? Опять посѣтовалъ я на слабое развитіе націй общественной и всякой жизни. Фотографическая группа нашихъ лоцмановъ была бы весьма полезна и не безынтересна для людей, живущихъ въ далекихъ отсюда мѣстностяхъ.

Это были люди далеко не молодые, высокіе, стройные, широкоплечіе, закаленные среди опасностей, представляемыхъ порогами, въ которыхъ человекъ ежеминутно находится лицомъ къ лицу со смертью. Лица только были съ виду помоложе и напоминали типъ дворяна, но тоже молодецъ и уладоу; онъ и фамилію носилъ уладоу: Дяткоуій; большая часть была съ бородами. Малороссы, какъ извѣстно, брѣютъ бороду, но въ послѣднюю мою поѣзду на югъ мнѣ особенно часто случалось встрѣчать старыхъ, или еще только пожилыхъ людей съ отпущенными бородами, но молодые парубки всегда выбриты. Судно, намъ приготовленное, было весьма не хитрой конструкціи. Это былъ не большой дубъ, въ которомъ больше одиннадцати человекъ, сколько насъ и было, помѣститься невозможно. Уложили нашу провизію, неизмѣнный погребецъ, мы ушли, атаманъ сѣлъ на весла, атаманъ надъ атаманами на руль, всѣ сяди свои бараньи шапки, перекрестились (здѣшній народъ очень набожевъ) и тронулись. День былъ ясный и нѣсколько вѣтреный.

Черезъ пороги иѣется два пути: одинъ весенній, въ полоую воду, чрезъ самую средину пороговъ — это старый казачій путь; другой, лѣтній, когда вода спадетъ, идетъ чрезъ каналы. Послѣдній казаки не любятъ по простой причинѣ, что въ каваль труднѣе попасть, чѣмъ пройти сквозь пороги, такъ какъ входъ къ нему загроможденъ камнями, которые менѣе извѣстны, чѣмъ тѣ, мимо которыхъ приходится пролетать по старому казачьему ходу. Съ конца лѣта превращается плаваніе. Я былъ въ порогахъ въ малую воду, когда стали показываться взъ-подъ воды камни, которые нужно было рвать. Плаваніе въ эту пору весьма опасно. По этой же причинѣ мы поневолѣ должны были идти средною пороговъ, чтобы отнѣсти камни, а какъ нужно было обозначить нѣкоторые работы,

предстоявшія въ каналахъ, то мы проходили и каналами. Дѣлали мы это такимъ образомъ: спускались чрезъ порогъ старымъ казачьимъ ходомъ, потомъ подходили къ стѣнѣ канала, высаживались на нее и на канатѣ тащили свой дубъ до верха канала, а потомъ спускались имъ внизъ и снова, уже въ плесѣ выгребали на средину рѣки, чтобы поступить такимъ же образомъ въ слѣдующемъ порогѣ.

Первый порогъ, версты три отъ Каменки — Коцацкій. Еще не вступая въ порогъ назначено было съ общаго согласія всей команды нѣсколько камней, чтобы рвать ихъ порохомъ. Подѣхавъ къ порогу, прежде чѣмъ попадешь въ бурунь, въ которомъ прыгаютъ, ревуть и пѣнятся волны, встрѣчается гладкая, прозрачная, чуть замѣтно покатаая струя черезъ всю ширину рѣки, закругляющаяся у первыхъ камней. Атаманъ скомандовалъ «шабашъ», гребцы сложили весла, быстро сняли шапки и перекрестились. Лодку понесло по порогу съ ужасающею быстротою. Атаманъ глазами прорѣзывалъ весь ходъ порога, и крѣпкая, мускулистая рука его на рулѣ (по злѣшнему—стерно) съ быстротою молніи повиновалась опытному глазу. Увѣренность въ ловкость и искусство команды подрывало всякое чувство опасности; напротивъ ощущеніе при такомъ немовѣрно быстромъ полетѣ, — иначе я не могу назвать наше движеніе, — безъ пріятности: и страшно и весело. Движеніе, несмотря на свою быстроту, весьма плавное, только уже при выходѣ изъ порога, по минованіи послѣдней лавы, лодку заколебало, закачало и начало вертѣть, но атаманъ мгновенно поставилъ ее вдоль волвъ и мы были внѣ порога, въ какую-нибудь минуту, пролетѣвъ болѣе 150 сажень. Я долженъ сказать что такое лава. Лавою называется уступъ въ порогѣ чрезъ всю его ширину. Каждый порогъ имѣетъ нѣсколько такихъ лавъ; Коцацкій — четыре; гребень лавы покрытъ бѣлой пѣной, какъ морская волна. Хотя уступы и невысоки, однако цѣлая масса Двѣпра съ шумомъ бросается внизъ и пѣнистыми, скачущими волнами несется между камней до слѣдующаго уступа, гдѣ съ новою прибрѣтенною силою и быстротою опять низвергается съ уступа и продолжаетъ бушевать съ оглушительнымъ шумомъ. Когда приходилось говорить среди порога, особенно Невасытца, то нужно было сильно кричать, чтобы услышалъ товарищъ, сидящій рядомъ. Впрочемъ среди такой опасности вниманіе всѣхъ сосредоточено и торжественное молчаніе обыкновенно никакъ не нарушается. Паденіе перваго порога слишкомъ восемь футовъ.

Мы очутились въ плесѣ, въ затишѣ, между двумя порогами. Я обернулся назадъ и увидѣлъ порогъ, представившійся въ видѣ

широкаго каскада съ четырьмя бѣлыми рядами волнъ по числу лавъ. Мы повернули и погребли къ каналу, который прилегаетъ къ лѣвому берегу рѣки. Каналы устроены здѣсь такимъ образомъ: у самаго берега или въ недалежномъ разстояніи отъ него возвышается насыпь, плотина, сложенная изъ огромныхъ каменьевъ, по большей части гранитныхъ; вдоль рѣки, въ разстояніи отъ плотины на пятнадцать саженъ, построена стѣна во всю длину порога въ саженъ толщины вверху, болѣе двухъ въ основаніи и саженъ въ вышину. Каналовъ, какъ я сказалъ, казаки не любятъ вонервыхъ потому что въ нихъ трудно попасть; вовторыхъ потому что они стоятъ угломъ къ теченію отчасти вслѣдствіе того, что были небрежно поставлены, а отчасти вслѣдствіе того, что теченіе, направленіе быстрины, мѣняется, а никакихъ плотинъ для возвращенія теченія въ каналъ, сооружено не было. А между-тѣмъ ширина пути въ каналѣ весьма значительна и простирается до пятнадцати саженъ, а ширина стараго хода по естественному фарватеру всего десять саженъ.

Мы пристали къ нижней оконечности стѣны, у подножія которой между камнями наплаи нѣсколько огромной величины сомовъ, привязанныхъ на толстыхъ веревкахъ, вѣроятно добыча какого-нибудь казака. Взобрались на стѣну и потащили за собою легкій дубъ нашъ. Указаны были мѣста для починки канала и работъ. Окончивъ эти распоряженія, часть гребцовъ и я съ ними сѣли въ лодку; другая часть съ офицеромъ вернулась по стѣнѣ канала. Мы провеслись по каналу, кажется еще быстрѣе, но лодку качало сильнѣе чѣмъ въ пороги и не разъ крутящіяся вокругъ насъ волны обдавали насъ съ ногъ до головы холодными брызгами.

За Казацкимъ-порогомъ слѣдуетъ восемь пороговъ въ такомъ порядкѣ въ перемежку съ заборами, на протяженіи 65 верстъ до Кичкаса: Яцева забора, порогъ Сурской, Лоханскій (200 саж. и 1 саж. 2 ф. паденія, съ тремя лавами), Стрѣльня забора, порогъ Звонецкій (125 саж. и 5 ф. паденія съ четырьмя лавами), Тягинская забора, порогъ Ненасытець (640 саж., 2 саж. паденія съ 12 лавами), Воронова забора, Кривая забора, Волнинскій порогъ (150 саж. 5½ ф. паденія, четыре лавы), Булиловскій (110 саж. 5 ф. паденія, двѣ лавы), Лишній и наконецъ Вильный (450 саж., 1 саж. 1 ф. паденія и шесть лавъ). Говорить о нихъ я не стану и любопытныхъ отсылаю къ книгѣ г. Чужбинскаго. Ограничусь однимъ Ненасытцемъ.

Подѣхавъ къ «дѣду», какъ его называютъ казаки, атаманы рѣшили, что въ этотъ день не успѣемъ спуститься и обозначить камни, которые надлежало рвать. Тѣмъ не менѣе мы осмотрѣли весь

каналъ и прошлись вдоль всей стѣны, откуда любовались грознымъ видомъ низвергающейся рѣки. Все что я видѣлъ доселѣ, цоблѣвилъ предъ исполинскимъ порогомъ; мнѣ не вѣрилось, что есть возможность пройти чрезъ эту массу, чрезъ этотъ хаосъ бурноста, пѣны, скачущихъ волнъ, отовсюду торжашихъ камней, обливаемыхъ чѣнящейся водою. Мнѣ пришла въ голову мысль: кто первый рѣшился на этотъ подвигъ, какъ могло созрѣть рѣшеніе въ груди человѣческой на подобное предпріятіе? И что было побудительною къ тому причиною: корысть, страхъ преслѣдованія, жажда отваги и удали молодецкой?..

Пристали мы къ лѣвому берегу Днѣпра, рѣшились переночевать у солдата путей сообщения изъ евреевъ. Поставилъ самоваръ и расположились до ночлега на крутомъ берегу рѣки, покрытомъ зеленью противъ самого Невасынца, между-тѣмъ какъ на сквородаѣ въ хатѣ трещала для насъ неизбѣжная личинка и жарилась свѣжая рыба изъ порога. Бесѣда естественно вертѣлась на порогахъ, на лодманахъ, на екатеринославскомъ житьѣ-бытьѣ. Вечеръ былъ тихій, теплый, лунный. Оружающая мѣткость мрачная, наводящая на серьезные думы можетъ-быть вслѣдствіе близкаго присутствія «дѣда». Ревъ и говоръ его среди ночной тишины дѣйствительно имѣетъ что-то торжественное. Его я сравнилъ бы съ шумомъ разбивающихся объ утесы морскихъ волнъ въ непогоду, только безъ промежутковъ, какіе бываютъ между волнами.

Утромъ въ пять часовъ всѣ уже были на ногахъ; атаманъ послѣ краткой молитвы уѣхалъ за несла, и мы отправились, захвативъ на дубъ огромный, пудовъ въ пять камень, овлзанный толстой веревкой. Дѣло въ томъ, что для обозначенія камней недостаточно было промчаться по порогу, на что употребляется меньше трехъ минутъ, и мы рѣшились спускаться на канатѣ, бросивъ вверхъ порога камень вмѣсто якоря. Такъ какъ при поднятіи вверхъ невозможно вытащить якоря, ибо на это слѣдовало бы употребить нѣкоторое время, въ продолженіи котораго насъ унесло бы въ порогъ, то мы и взяли камень, а привязанный къ нему канатъ по минованіи надобности можно быстро отрѣзать. Мы выплыли на средину Днѣпра въ фарватеръ стараго казачьяго хода. Саженой въ 50 до начала порога выбросили камень. Лодманы снова сняли шапки и помоглись. Я забылъ сказать, что отчаливая отъ берега всѣ сняли лишнее верхнее платье и потребовали, чтобы и я слѣлалъ тоже. Это дѣлалось изъ предосторожности, ибо въ случаѣ опасности удобнѣе, если человѣка не стѣсняетъ лишнее платье. Требованіе это удивило меня и я сталъ вѣрить опасности, о которой по волежнѣ подо-

женія и по молодцоватости и искусству лоцмановъ. ишѣлъ отчести превратное понятіе.

Несмотря на то, что мы спускались по канату, насъ быстро внесло въ пороги, и я положительно не успѣлъ опомниться отъ перваго впечатлѣнія и дать себѣ отчетъ въ испытываемомъ ощущеніи, какъ мы пролетѣли чрезъ первую лаву. «Шабашъ!» закричалъ, что есть мочи, атаманъ и лоцманы перестали травить канатъ. Направо и налево отъ насъ торчали камни второй лавы; нашъ дубъ такъ и рвало на нихъ, но сильно натянувшійся канатъ не пускалъ, и дубъ какъ перышко прыгалъ по направленію то къ тому, то къ другому камню, а вокругъ него царилъ какой-то водяной хаосъ: волны прыгали, проваливались, образовывали бѣлые хребты, которые разрушались, обдавая насъ брызгами и пѣной. «Вотъ, думай, канатъ порвется.» Одного прикосновенія къ камню достаточно, чтобы въ дребезги разбить нашу углую ладью. Ненаасытець ломаетъ какъ спичку бревна, изъ которыхъ дѣлается стерно или руль. На серьезномъ болѣе чѣмъ обыкновенно лицѣ атамана я читалъ впрочемъ, что онъ на сторожѣ и еслибы только ловилъ канатъ или подался камень, то мощная руна его, лежащая на рулѣ, мгновенно дала бы нужное направленіе дубу и мы помчались бы съ быстротою птицы внизъ по казачьему ходу. Голось человѣческой съ трудомъ различался среди окружавшаго насъ рева порога. Ненаасытець шумитъ какъ-то особенно; порою случается слышать въ его гулъ какіе-то дикіе переливы. А говорить между-тѣмъ надобно было, чтобы рѣшать какіе камни рвать. Нѣкоторые камни пользуются особымъ уваженіемъ лоцмановъ; другихъ, особенно покрытыхъ водою, они не любятъ, ибо присутствіе ихъ и опасность, съ нимъ соединенную, нельзя замѣтить. Это было видно и теперь. Лоцманы кричали во всю глотку. Нѣкоторые камни рѣшено было рвать единодушно, какъ наприимѣръ Рваный, Остренькій, Оливцовъ; о другихъ толкъ горячій споръ, причиною котораго естественно были частые несчастные случаи нѣкоторыхъ лоцмановъ, которые и требовали рвать ихъ, другіе защищали ихъ и называли добрыми, пріятельми; были и такіе, которыхъ единодушно же положено не трогать, чтобы не разсердить, не испортить ихъ гладкую поверхность, ибо если по нимъ и загремитъ днище барки, то вреда все-таки не бываетъ; таковы Зеленый, Барыня и проч. Особенную не-пріязнь всѣ высказали къ Крутько: много побилъ онъ барокъ и плотовъ. Наконецъ споры были окончены и рѣшенія записаны моимъ товарищемъ, который, должно отдать ему справедливость, не вѣшался въ пренія и не присоединялъ своего авторитетнаго, на-

чальпическаго голоса къ спору о предметахъ , и болѣе близкихъ и ближе знакомыхъ лодманамъ. Окончивъ разсужденія , выражавшіяся ужаснымъ крикомъ на первой лавѣ , мы опустились въ слѣдующую и т. д. до четвертой, и эта минута моего путешествія была самая патетическая : мы были въ самой срединѣ порога. Лица у лодмановъ стали еще суровѣе , и сколько я замѣтилъ , они не безъ удовольствія брались за канатъ , чтобы выбраться изъ этого некла (ада). Далѣе спускаться было и опасно , да и канату уже было недостаточно. На Ненасытцѣ , какъ сказано , 12 лавъ ; протяженіе его 640 саж. ; паденіе двѣ сажени слишкомъ.

Во время навигаціи вверху и внизу порога стоятъ на-готовѣ спасительные дубы съ очередными лодманами , чтобы подавать послѣднюю помощь погибающимъ. И лодманы исполняютъ , говорятъ , свою обязанность съ изумительнымъ самоотверженіемъ. Случается , что плотъ или барка зацѣпляется въ самомъ порогѣ о камни и ихъ бьетъ на какой-нибудь лавѣ : связка разрываетъ , толстыя бревна ломаются какъ щепки и людямъ грозитъ двойная гибель , отъ воды и отъ разбивающагося лѣса. Спасители спускаются внизъ и схватываютъ погибающихъ , вырывая ихъ изъ волнъ или снимая съ камней. Иногда случается , что судно или плотъ сбило вѣтромъ на ходу , что они плывутъ прямо на камни : верхній дубъ плыветъ и сымаетъ людей и ихъ одежду.

Правый берегъ Ненасытца весь устѣянъ огромными камнями и скалами , разбросанными въ живописномъ безпорядкѣ. Со скалистаго мыса Монастырька , или съ горы подлѣ него , лучшій видъ на порогъ , который отсюда представляется весь покрытый бѣлой , жемчужной пѣной. Вблизи его существуетъ до сихъ поръ Фалѣевскій каналъ екатерининскихъ временъ съ шлюзами ; тутъ же построена большая мельница.

Рассказываютъ , что на этомъ мысѣ императрица Екатерина II пила чай и любовалась порогомъ во время путешествія своего въ Новороссію. Она выразила сомнѣніе , чтобы была какая возможность проплыть черезъ Ненасытецъ (это придетъ всякому въ голову при первой встрѣчѣ съ порогомъ). Было позднее лѣто , воды въ рѣкѣ было мало , сплавное судоходство окончилось и спускаться было очень опасно. Потемкинъ вызвалъ охотника изъ лодмановъ , чтобы убѣдить императрицу въ возможности плаванія черезъ порогъ. Отозвался лодманъ Полторацкій. Сколотили кое-какой плотъ. Полторацкій сваялъ шапку , перекрестился и повелъ плотъ. Екатерина чутко и пристально слѣдила за охотникомъ. Вотъ онъ спустился въ первую лаву и исчезъ въ волнахъ и пѣнѣ порога. Импе-

ратрица въ ужасѣ закрыла глаза и вскрикнула: «погибъ, погибъ несчастный!» Но не успѣла она произнести этихъ словъ, какъ Потемкинъ указалъ ей на низъ порога и изъ послѣдней, двѣнадцатой лавы показался невредимый на плотъ своемъ Полторацкій. Этому-то случаю, какъ гласитъ преданіе, казаки-лоцманы обязаны тѣми льготами и освобожденіемъ отъ рекрутства и повинностей, которыми пользуются доселѣ. Рассказъ этотъ я привожу со словъ одного лоцмана.

II. ВЫВІКОВЪ

РУФЪ

РОМАНЪ МИСТРИССЪ ГЕСКЕЛЬ

автора романа -Мери Бартопъ-

(съ англійскаго)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Drop, Drop slow tears!
And bathe those beauteous feet,
Which brought from heaven
The news and Prince of peace
Cease not, wet eyes,
For mercy to entreat:
To cry for vengeance
Sin doth never cease
In your deep floods
Drown all my faults and fears,
Nor let His eye
See sin, but through my tears. (1)

PHINEAS FLETCHER.

ГЛАВА I

Въ одномъ изъ восточныхъ графствъ находится провинціальный городокъ, пользовавшійся большимъ расположеніемъ государей изъ дома Тюдоровъ, и благодаря ихъ милостямъ и покровительству, достигшій до степени значенія, удивляющей современнаго путешественника.

Сто лѣтъ тому назадъ этотъ городокъ имѣлъ живописно-велича-

(1) Лейтесь, лейтесь тихія слезы, омывайте святыя ноги, принесшія къ намъ съ неба царя мира и слово любви. Не просыхайте влажныя очи въ молитвѣ о милосердіи, въ оплакиваньи грѣха, заслужившаго кару вѣчную. Пусть въ волнахъ вашихъ слезъ потонутъ все мои проступки и тревоги; пусть глазъ Его видитъ мой грѣхъ, но видитъ его сквозь мои слезы.

вый видъ. Старинные дома, временныя резиденціи тѣхъ фамилій графства, которыя довольствовались развлеченіями провинціального города, загромаживали улицы, придавая имъ тотъ неправильный, но благородный видъ, который мы еще донинѣ видимъ въ бельгійскихъ городахъ. Дома по обѣимъ сторонамъ улицы имѣли затѣйливый видъ отъ узорчатыхъ навѣсовъ и отъ рядовъ трубъ, выдѣлявшихся на голубомъ фонѣ неба; пониже также бросались въ глаза разнообразныя выступы въ видѣ балконовъ и навѣсовъ. Весело было глядѣть на безконечное разнообразіе оконъ задолго до налета Питовыхъ вѣтръ. Всѣ эти выступы и балконы вредили нижней части улицъ, которыя были темны и плохо вымощены широкимъ, круглымъ и неровнымъ камнемъ, безъ тротуаровъ; онѣ не освѣщались фонарями во время долгихъ зимнихъ ночей и не представляли никакихъ удобствъ для людей средняго сословія, у которыхъ не было ни экипажей, ни слугъ, чтобы приносить ихъ въ носилкахъ къ самому крыльцу ихъ знакомыхъ. Ремесленники и торговцы со своими жонами и весь подобный людъ долженъ былъ ходить по городу пѣшкомъ, подвергаясь значительной опасности какъ ночью, такъ и днемъ. Широкіе, тяжелые экипажи прижимали ихъ къ самымъ стѣнамъ домовъ въ узкихъ улицахъ. Непривѣтливые дома выдвигали свои подъѣзды почти до середины улицы, подвергая пѣшеходовъ на каждахъ тридцати шагахъ новой опасности. Единственный свѣтъ давали по ночамъ масляные фонари, мерцавшіе надъ подъѣздами самыхъ аристократическихъ домовъ, давая ровно настолько свѣта, чтобы показать прохожихъ, прежде чѣмъ они снова исчезнутъ въ темнотѣ, гдѣ нерѣдко случалось, ихъ караулили воры.

Преданія объ этихъ прошлыхъ временахъ, даже до малѣйшихъ общественныхъ особенностей, даютъ намъ возможность яснѣе уразумѣть обстоятельства, подъ которыми сложился національный характеръ. Всѣдневная жизнь, среди которой народъ родился, которую онъ былъ поглощенъ прежде нежели сталъ въ нее пристальнѣе всматриваться, образуетъ цѣпи, которыя развѣ одинъ изъ тысячи имѣетъ довольно нравственной силы разорвать, когда наступаетъ пора, когда возникаетъ внутренняя потребность независимой, личной дѣятельности, осиливающая всѣ внѣшнія условія. Теперь всѣмъ намъ хорошо извѣстно какого рода цѣпи домашнихъ обычаевъ служили естественными помочами нашимъ предкамъ, прежде нежели они выучились ходить сами.

Нынѣ живописность этихъ старинныхъ улицъ совсѣмъ исчезла. Знаменитѣйшія фамиліи того округа : Астлей, Донстены, Уавергемы, стали какъ водится ѣздить на зиму въ Лондонъ и продали свои дома въ провинціальномъ городѣ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ или болѣе. А если городъ этотъ утратилъ прелесть для Астлеевъ, для Донстеновъ и для Уавергемовъ, то какже стали бы ѣздить туда Домвиди, Бекстоны и Уильдсы, въ свои второстепенные дома, при возраставшей ктому же дороговизнѣ? Такимъ образомъ старинные дома простояли нѣкоторое время пустыя, потомъ спекуляторы рискнули купить ихъ и обратить пустынные покои въ нѣсколько мелкихъ квартиръ для ремесленниковъ и даже (наклоните ухо, чтобы насъ не услышала тѣнь Мармадюка, перваго барона Уавергема) даже въ лавки!

Но все было еще сносно въ сравненіи съ другимъ нововведеніемъ, унижившимъ эти гордые хоромы. Лавочники нашли, что когда-то аристократическая улица слишкомъ темна и не выказываетъ въ выгодномъ свѣтѣ ихъ товаровъ; зубному врачу не видно было вырывать зубы, юристъ былъ вынужденъ требовать свѣчей цѣлымъ часомъ ранѣе, нежели онъ привыкъ дѣлать это живя въ плебейской улицѣ. Однимъ словомъ съ общаго согласія весь фасадъ по одну сторону улицы былъ сломанъ и перестроенъ въ плоскомъ, вульгарномъ и фидельномъ стилѣ Георга III. Корпусъ домовъ былъ слишкомъ проченъ, чтобы подвергнуться передѣлкамъ и потому посѣтителя неожиданно поражало, когда пройдя сквозь пошлаго вида лавку, онъ видѣлъ себя вдругъ у подножія большой дубовой лѣстницы съ рѣзбою, освѣщенной окномъ съ цвѣтными стеклами, испещренными геральдическими узорами.

Надъ одною изъ такихъ лѣстницъ, за однимъ изъ такихъ оконъ, по которому лунный свѣтъ расписывалъ блестящіе узоры, Руфъ Гильтонъ проводила безсонную ночь въ январѣ мѣсяцѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Я говорю ночь, но вѣрнѣе то было уже утро. На старинныхъ часахъ сен-Севиура уже пробило два часа утра, а между тѣмъ болѣе дюжины дѣвушекъ сидѣли еще въ комнатѣ, куда входила въ эту минуту Руфъ, и торопливо шили будто на цѣлую жизнь, не смѣя ни зѣвнуть, ни выказать иного какого либо признака усталости. Онѣ только слегка вздохнули, когда Руфъ, посланная узнать который часъ, исполнила свое порученіе; онѣ очень хорошо знали, что какъ бы ни было поздно, а на слѣдующій день ра-

бота должна начаться въ восемь часовъ утра, хотя молодые члены ихъ были очень утомлены.

Мистриссъ Мезонъ трудилась не менѣ всякой изъ нихъ, но она была старше и сильнѣе ихъ, а главное — барышъ былъ весь въ пользу ея. Но наконецъ и она замѣтила, что пора дать отдыхъ.

— Дѣвицы! сказала она: — теперь вы можете отдохнуть съ полчаса. Миссъ Соттонъ, позвоните, Марта принесетъ вамъ хлѣба, сыра и пива. Вы потрудитесь ѣсть стоя, подалѣе отъ работы и къ моему возвращенію чтобы были уже вымыты руки и готовы къ работѣ. Полчаса! повторила она выразительно и вышла изъ комнаты.

Любопытно было наблюдать какъ молодыя дѣвушки немедленно воспользовались уходомъ мистриссъ Мезонъ. Одна изъ нихъ, полная, тяжеловатая дѣвица положила голову на сложенные руки и въ минуту заснула. Она отказалась отъ своей доли въ скромномъ ужинѣ, но съ испугомъ вскочила, едва послышались шаги мистриссъ Мезонъ, хотя они раздавались еще далеко по лѣстницѣ. Двѣ или три другихъ тѣснились къ узкому камину, вдѣланному съ величайшею экономіею мѣста и безъ всякихъ претензій на изящество, въ тонкую, простую перегородку, которою настоящій владѣлецъ дома отдѣлялъ эту часть большой, старинной залы. Нѣкоторые ужинали хлѣбомъ и сыромъ, жуя точно также медленно и ровно и почти съ тѣмъ же тупымъ выраженіемъ лица, какое вы видите у коровъ на первомъ попавшемся лугу.

Иныя приподнимали любясь нарядное бальное платьѣ, тогда какъ другія изучали эффектъ его артистическимъ порядкомъ, отступивъ на нѣсколько шаговъ. Кто потягивался, расправляя усталые члены, кто зѣвалъ, кашлялъ, сморкался, удовлетворяя потребностямъ, столь долго сдерживаемымъ присутствіемъ мистриссъ Мезонъ. Одна Руфъ Гильтонъ, влѣзши на широкое, старинное окно, жала къ стеклу, какъ птица жметъ къ рѣшеткѣ своей кѣтки. Она отодвинула ставень и всматривалась въ тихую, лунную ночь. Ночь была вдвойнѣ свѣтла, почти какъ день, потомучто на всемъ лежалъ густой слой снѣга, падашаго съ самаго вечера. Окно выходило на пустынный дворъ; мелкія стекла, стариннаго, страннаго вида, были замѣнены другими, дававшими болѣе свѣта. Разросшаяся неподалеку листовница тихо покачивала пушистыми вѣтвями подъ едва замѣтнымъ ночнымъ вѣтеркомъ. Бѣдное, старое дерево! Было время, что оно стояло среди красиваго луга, среди мягкой травы, нѣжно обвивавшей его стволъ, но теперь лугъ былъ раздѣ-

ленъ на грязные, задніе дворы, а лиственница окружена и сжата каменными плитами. Снѣгъ густо ложился на ея вѣтви и по временамъ беззвучно падалъ на землю. Старыя конюшни также были измѣнены и образовали грязную улицу некрасивыхъ домовъ, рядомъ со старинными дворцами. И надъ всѣмъ этимъ поруганнымъ величіемъ склонялся въ неизмѣнной красотѣ пурпуровый горизонтъ неба!

Руфь прижала горячее лицо къ холодному стеклу и всматривалась утомленными глазами въ ночное, зимнее небо. Ей сильно хотѣлось набросить на голову платокъ и выбѣжать на дворъ полюбоваться луннымъ свѣтомъ. Было время, когда за желаніемъ тотчасъ же послѣдовало бы исполненіе, но теперь глаза Руфи наполнились слезами и она неподвижно стояла, мечтая о минувшихъ дняхъ. Кто-то дотронулся до ея плеча въ то время, какъ мысли ея унеслись далеко, и она припоминала ночи прошлаго января, которыя хотя и походили на эти, но были далеко не тѣ.

— Руфь, милая! шепнула ей дѣвушка, невольно отличавшаяся передъ этимъ сильнѣйшимъ припадкомъ кашля: — приди, нужная. Ты еще не знаешь какъ это подкрѣпляетъ на ночь.

— Меня подкрѣпило бы гораздо болѣе, еслибы я могла побѣгать, подышать свѣжимъ воздухомъ! отвѣтила Руфь.

— Только не въ такую погоду! возразила та, содрогаясь при одной мысли.

— А почему же не въ такую, Дженни? спросила Руфь: — о, я часто пробѣгала дома въ эту пору всю дорогу до мельницы для того, чтобы взглянуть на льдинки вокругъ большого мельничнаго колеса, а выбѣжишь изъ дома, и уже совсѣмъ не хочется возвращаться, даже къ матери, даже къ ней... прибавила она тихимъ, задумчивымъ голосомъ, звучавшимъ невыразимою грустью: — почему не въ такую, Дженни? повторила она, оживляясь, но со слезами на глазахъ: — сознайся, что ты никогда не видала эти мрачныя, противныя, развалившіеся дома вполонину такими, какъ бы это сказать! такими красивыми какъ вотъ теперь, подъ этимъ чистымъ, нѣжнымъ покровомъ. А если даже они такъ скрасились, подумай, каковы же должны быть деревья, трава, плюсъ, въ такую ночь какъ вотъ эта!

Трудно было убѣдить Дженни любоваться зимнею ночью, въ которой она видѣла только холодное, печальное время; кашель началъ сильнѣе беспокоить ее и боль въ боку становилась невыноси-

мѣ. Но она обвила рукою шею Руфи и стояла подлѣ нея, радуясь, что сиротка—ученица, еще не привыкшая къ трудной жизни швейной мастерской, находитъ себѣ удовольствіе хоть въ такомъ обыкновенномъ обстоятельстве, какъ морозная ночь.

Онѣ оставались такимъ образомъ, каждая погруженная въ свои собственные мысли, пока не послышались шаги мистриссъ Мезонъ. Тогда онѣ вернулись на свое мѣсто, хотя не ѣвши, но осыпанныя.

Мѣсто Руфи было самымъ холоднымъ и темнымъ въ комнатѣ, хотя она считала его лучшимъ; она инстинктивно выбрала его, потому что на противоположной стѣнѣ были остатки украшеній старинной залы, которая, судя по этимъ увядшимъ слѣдамъ, должна была быть великолѣпна. Стѣна была раздѣлена на свѣтло-зеленые панели, съ бѣлыми и золотыми узорами, и по этимъ панелямъ были нарисованы, т. е. небрежно набросаны гениальною рукою мастера восхитительнѣйшія гирлянды цвѣтовъ, неописанно роскошныя и дотогу натуральныя, что вы какъ-будто чувствовали запахъ и слышали дуновение южнаго вѣтерка, колеблющаго эти алыя розы, эти вѣтви пурпуровой и бѣлой сирени, эти золотистыя, пушистыя гирлянды. Кромѣ всего этого тутъ были стройныя, бѣлыя лиліи, посвященныя богоматери, садовая мальва, акониты, анютины глазки, бѣлая букваца; каждый цвѣтокъ, что пышно украшаетъ старинныя загородныя сады, былъ нарисованъ тутъ среди своей граціозной зелени, но не въ томъ безпорядкѣ, въ какомъ я ихъ переименовываю. Выше въ видѣ карниза тянулась гирлянда остролистника, а по его жесткимъ листьямъ были набросаны легкою драпировкою англійскій плющъ, омела и зимній аконитъ. По обѣимъ сторонамъ спускались гирлянды весеннихъ и осеннихъ цвѣтовъ и все это увѣнчивалось великолѣпными лѣтними розами и яркими іюльскими и іюльскими цвѣтами.

Конечно Моннуайе или кто бы то ни былъ умершій творецъ всего этого, счелъ бы себя вполне награжденнымъ, узнавъ какое удовольствіе доставляетъ его произведеніе, даже въ его настоящемъ упадкѣ, грустному сердцу молодой дѣвушки, вызывая въ немъ образы другихъ такихъ же цвѣтовъ, когда-то расцвѣтавшихъ и увядавшихъ у нея дома.

Мистриссъ Мезонъ особенно желала, чтобы мастерицы ея поработали эту ночь, потому что на слѣдующій вечеръ былъ назначенъ ежегодный, охотничій балъ. Это было единственнымъ удоволь-

ствіемъ города съ тѣхъ поръ, какъ прекратились провинціальные съѣзды. Многіе наряды она общала «непремѣнно» доставить по домамъ на слѣдующее утро. Она не выпустила изъ рукъ ни одного заказа, боясь, чтобы онъ не достался ея соперницѣ, недавно поселившейся въ той же самой улицѣ.

Она рѣшилась подстрекнуть падающій духъ своихъ мастерицъ и слегка кашлянувъ, чтобы привлечь вниманіе, начала такимъ образомъ.

— Объявляю вамъ, дѣвицы, что меня просили, чтобы нѣкоторыя изъ моихъ мастерицъ находились нынче въ прихожей залы собранія съ запасомъ башмачныхъ лентъ, булавокъ и другихъ мелочей на случай какого-нибудь поврежденія въ дамскихъ нарядахъ. Я пошлю четверыхъ, самыхъ прилежныхъ.

Последнія слова были произнесены съ особеннымъ удареніемъ, но не произвели большого эффекта; дѣвушки были слишкомъ утомлены, чтобы помышлять о суетѣ и тщеславіи или о какихъ бы то ни было удовольствіяхъ въ мірѣ, кромѣ своихъ постелей.

Мистриссъ Мезонъ была весьма достойная женщина, но подобно другимъ достойнымъ женщинамъ имѣла свои слабости. Одною изъ нихъ (весьма естественною при ея ремеслѣ) было слишкомъ большое пристрастіе къ внѣшности. Въслѣдствіе этого она уже давно избрала мысленно четырехъ дѣвушекъ, наиболѣе способныхъ поддержать честь ея «заведенія» и втайнѣ приняла свое рѣшеніе, но обѣщать награду самой прилежной было все же очень ловко. Впрочемъ мистриссъ Мезонъ вовсе не подозрѣвала несправедливости такого поступка: она, съ свойственнымъ людямъ софизмомъ, умѣла увѣрить себя, что все то справедливо, чего ей хочется.

Наконецъ признаки утомленія стали слишкомъ явны. Мастерицамъ было разрѣшено лечь спать, но даже это желанное позволеніе было вяло приведено въ дѣло. Онѣ медленно сложили работу, лѣниво двигались по комнатѣ, пока наконецъ все было прибрано и онѣ столпились на широкой, темной лѣстницѣ.

— О, какъ я протяну здѣсь пять лѣтъ! Эти страшныя ночи въ запертой комнатѣ, въ этой душной тишинѣ, гдѣ только и слышно какъ нитка взадъ да впередъ продергивается! проговорила Руфъ вздыхая, и не раздѣваясь бросилась на постель.

— Но вѣдь не всегда, Руфъ, такъ бываетъ какъ сегодня. Иногда мы ложимся спать въ десять часовъ, а къ духотѣ ты понемножку совсѣмъ привыкнешь. Это ты сегодня такъ истомилась, что

слышала какъ иголка шуршить. Я такъ вотъ никогда этого не слышу. Дай я тебя раздѣну! прибавила Дженни.

— Стоитъ ли раздѣваться? Черезъ три часа мы должны быть уже и за работою.

— А въ эти три часа ты можешь отлично соснуть, если раздѣнешься и хорошенько ляжешь въ постель. Дай я раздѣну, милая.

Совѣтъ Дженни былъ исполненъ, но прежде нежели лечь, Руфь сказала :

— О, какъ бы я желала быть кроткою и терпѣливою; я думаю, я никогда этому не выучусь.

— Выучишься, я увѣрена. Многія изъ новыхъ дѣвушекъ бывають вначалѣ нетерпѣливы, но потомъ это проходитъ и спустя немного онѣ становятся ко всему равнодушны. Бѣдное дитя! она уже заснула! прибавила про себя Дженни.

Сама она не могла ни заснуть, ни успокоиться. Боль въ боку была сильнѣе обыкновеннаго. Она уже подумывала написать объ этомъ домой, но вспомнивъ какой налогъ отецъ ея силится выплачивать и какая семья, моложе ея, была еще у него на рукахъ, она рѣшилась терпѣть, утѣшая себя, что всѣ ея боли и кашель пройдутъ, какъ только наступитъ потеплѣе погода. Она положила беречь свое здоровье.

Но чтоже дѣлалось съ Руфью? Та стонала во снѣ, точно будто у нея сердце надрывалось. Такой тревожный сонъ не могъ быть успокоеніемъ; Дженни рѣшилась разбудить ее.

— Руфь, Руфь!

— О, Дженни! сказала Руфь, поднимаясь съ постели и откидывая массы волосъ отъ горѣвшаго лба: — мнѣ казалось, будто у постели стоитъ маменька, что она по обыкновенію пришла посмотреть заснула ли я и хорошо ли мнѣ, а когда я хотѣла ухватиться за нее, она пропала и оставила меня одну. И не знаю куда она скрылась, такъ странно!

— Вѣдь это былъ сонъ; ты говорила о ней со мною, а отъ позднего сидѣнья у тебя сдѣлался жаръ. Сосни опять. Я спать не буду и разбужу тебя когда на тебя найдетъ тревожный сонъ.

— Но какъ ты-то утомлена! милая моя, милая! — Вздыхая при этомъ, Руфь уже снова засыпала.

Настало утро. Какъ ни коротокъ былъ покой, но дѣвушки встали освѣжонныя.

— Миссъ Соттонъ, миссъ Дженнингсъ, миссъ Бусъ и миссъ Гильтонъ, будьте готовы сопровождать меня въ восемь часовъ въ собраніе.

Двѣ-три дѣвушки съ удивленіемъ переглянулись, но большиство предчувствовало выборъ, и зная по опыту непреложную власть, которою онъ былъ сдѣланъ, выслушало его съ тупымъ равнодушіемъ, которое стало свойственно этимъ существамъ съ заглохшимъ сознаниемъ жизни, вслѣдствіе ихъ неестественнаго, сидячаго образа жизни и часто на половину бессонныхъ ночей.

Но для Руфи этотъ выборъ показался необъяснимымъ: она зѣвала, лѣнилась, разсматривала красивую стѣну и переносилась мысленно домой, вполне готовая принять выговоръ, который непременно и послѣдовалъ бы въ иное время; но теперь, къ удивленію ея, ее отличали какъ одну изъ самыхъ прилежныхъ!

Какъ ей ни хотѣлось посмотрѣть на пышную залу собранія — гордость графства — послушать музыки и подивиться на ловкость танцоровъ, какъ ни ощущалась у нея потребность нѣкотораго разнообразія въ ея вялой и монотонной жизни, но она не могла радоваться преимуществу, которое, какъ она полагала, выпадало на ея долю единственно по недоразумѣнію. Она перепугала подругъ, неожиданно вскочивъ съ мѣста и подойдя къ мистрисъ Мезонъ, оканчивавшей въ это время платье, которое уже два часа тому должно было быть отослано на домъ.

— Позвольте мистрисъ Мезонъ, вѣдь я вовсе не могу считаться одною изъ самыхъ прилежныхъ; боюсь даже: мнѣ кажется что я вовсе не прилежна. Я была такая усталая; я задумывалась; а когда я думаю, то не могу быть внимательна къ работѣ.

Она остановилась, полагая, что довольно ясно высказала свое мнѣніе. Но мистрисъ Мезонъ не поняла и не желала дальнѣйшихъ объясненій.

— Хорошо, моя милая; постарайтесь выучиться думать и работать въ одно и тоже время, а если этого нельзя, то перестаньте думать. Вы знаете, что опекунъ вашъ ждетъ отъ васъ большихъ успѣховъ въ вашемъ занятіи; надѣюсь, что вы оправдаете его ожиданія.

Но дѣло было не въ этомъ. Руфъ подождала еще съ минуту, хотя мистрисъ Мезонъ взялась за свою работу съ тѣмъ видомъ, который иной дѣвушкѣ, не «новенькой» ясно сказалъ бы, что она не желаетъ продолжать на этотъ разъ разговора.

— Но если я не была прилежна, то не слѣдуетъ и брать меня. Миссъ Вудъ гораздо болѣе моего трудилась, да и многія другія также.

— Несносная дѣвчонка! проворчала мистриссъ Мезонъ: — я почти готова оставить ее дома за то, что она мнѣ такъ надоѣдаетъ.

Но взглянувъ на Руфь, она была какъ впервые поражена ея замѣчательною красотою. Какъ было не похвастать этими правильными линиями выразительнаго лица, этими черными бровями и глазами, каштановыми волосами и прекраснымъ станомъ? Нѣтъ, прилежна ли, лѣнива ли миссъ Гильтонъ, а она должна показаться на балѣ нынѣче вечеромъ.

— Миссъ Гильтонъ, сказала мистриссъ Мезонъ съ холоднымъ достоинствомъ: — я не привыкла (какъ эти дѣвицы могутъ ваявить вамъ) давать отчета въ моихъ рѣшеніяхъ. Что я сказала, то дѣло рѣшеное и я имѣю на то свои причины. Сядьте же на ваше мѣсто и постарайтесь быть готовы къ восьми часамъ. Ни слова болѣе! добавила она, полагая, что Руфь намѣрена возражать.

— Дженни, тебѣ слѣдовало бы идти, а не мнѣ, сказала Руфь довольно громко, садясь подлѣ миссъ Вудъ.

— Тсъ, Руфь. Я не пошла бы, еслибы и могла; я кашляю. Я охотнѣе уступила бы тебѣ чѣмъ другой, еслибы идти была моя очередь. Предположи, что это такъ и прими удовольствіе будто отъ меня въ подарокъ. Ты расскажешь мнѣ все что увидишь.

— Ну хорошо, я такъ и принимаю это, а не то что какъ-будто я сама заслужила. Благодарю тебя. Ты не можешь представить какое удовольствіе это мнѣ теперь доставить. Минуть пять я даже очень прилежно работала прошлую ночь, послѣ того какъ намъ было обѣщано. Вотъ какъ мнѣ хотѣлось на балъ попасть! Но долго-то я не выдержала бы. О милая! и такъ я увижу танцы, увижу внутренность этой пышной залы!

ГЛАВА II

Вечеромъ, въ условный часъ, мистриссъ Мезонъ собрала своихъ «дѣвицъ» къ себѣ на смотръ, передъ тѣмъ чтобъ показать ихъ благородному собранію; она сзывала ихъ такъ торопливо, громко, сердито, что походила на курицу, кудахтающую по своимъ цыплятамъ. Судя по строгому осмотру, можно было предположить, что роль

этихъ дѣвицъ на предстоящемъ вечерѣ должна быть гораздо важнѣе роли временныхъ горничныхъ.

— Это ваше лучшее платье, миссъ Гильтонъ? спросила не совсемъ довольнымъ тономъ мистриссъ Мезонъ, осматривая Руфъ, на которой было ея единственное, праздничное платье, черное шелковое, уже довольно поношеное.

— Лучшее, мистриссъ Мезонъ, отвѣтила Руфъ спокойно.

— Будто? ну нечего дѣлать (Все несовсѣмъ-довольнымъ тономъ). — Вамъ извѣстно, дѣвицы, что нарядъ есть вещь второстепенная. Главное, — поведеніе. А все же, миссъ Гильтонъ, вы конечно напишете вашему опекуну, чтобы онъ выслалъ вамъ денегъ на другое платье. Досадно, что я ранѣе объ этомъ не подумала.

— Не думаю, чтобы онъ выслалъ, хотя бы я и написала, тихо отвѣтила Руфъ. — Онъ сердился за то, что я шаль просила, когда наступили холода.

Мистриссъ Мезонъ слегка толкнула ее, отпуская отъ себя, и Руфъ присоединясь къ другимъ дѣвицамъ, встала подлѣ друга своего, миссъ Вудъ.

— Ничего, Руфочка, ты все же лучше всѣхъ ихъ, сказала веселая, добродушная дѣвушка, слишкомъ простодушная, чтобы быть способною къ зависти.

— Что въ томъ, что я хороша, грустно отвѣтила Руфъ: — когда у меня нѣтъ платья понаряднѣе; это уже такое истасканое. Мнѣ самой стыдно, а мистриссъ Мезонъ, я вижу, вдвое стыднѣе. Ужъ лучше бы мнѣ не ходить. Я не знала, что намъ придется думать о нашихъ собственныхъ нарядахъ, а то и желать не стала бы идти.

— Ничего, Руфъ, сказала Дженни. — Теперь тебя осмотрѣли, а потомъ мистриссъ Мезонъ будетъ слишкомъ занята, чтобы думать о тебѣ и о твоёмъ платьѣ.

— Слышали? Руфъ Гильтонъ говорить сама про себя, что она хороша! шепнула одна дѣвушка другой такъ громко, что Руфъ услышала.

— Что же, когда я это знаю, отвѣтила та просто: — когда мнѣ многіе говорили.

Наконецъ приготовленія были кончены и общество весело отправилось морознымъ вечеромъ. Движеніе дѣйствовало такъ воодушевительно, что Руфъ почти плясала дорогою и совершенно позабыла о поношенныхъ платьяхъ и о ворчливыхъ опекунахъ. Домъ собранія поразилъ ее болѣе чѣмъ она ожидала. По стѣнамъ лѣстницы

были нарисованы человѣческія фигуры, казавшіяся привидѣніями въ полутемнотѣ, гдѣ съ почернѣвшей канвы глядѣли однѣ ихъ странно-неподвижныя лица.

Молодые портнихи должны были разложить по столамъ прихожей свои матеріалы и все приготовить прежде нежели осмѣлиться заглянуть въ танцевальный залъ, гдѣ музыканты уже настраивали инструменты и двѣ-три поденщицы (странный контрастъ! въ грязныхъ, разстегнутыхъ платьяхъ) съ неумолкаемою болтовнею, раздававшуюся подъ сводами зала, доканчивали сметать пыль со стульевъ и скамеекъ.

Онѣ ушли при появленіи Руфи съ ея подругами. Послѣднія весело и свободно болтали въ передней, пока голоса ихъ не стихли въ почтительномъ шопотѣ при видѣ пышнаго величія старинной залы. Она была такъ велика, что на противоположномъ концѣ ея предметы различались какъ сквозь туманъ. Вокругъ по стѣнамъ висѣли портреты важнѣйшихъ лицъ графства, въ разнообразнѣйшихъ костюмахъ, отъ временъ Гольбейна и до настоящаго времени. Высокаго потолка не было видно, потому что не всѣ еще лампы были зажжены, а между тѣмъ въ богато-расписанныя, готическія окна падалъ съ одной стороны лунный свѣтъ и яркими красками разсыпался по полу, будто насмѣхаясь надъ усиліями искусственнаго свѣта освѣтить хотя небольшое разстояніе.

Высоко на верху побряничивали музыканты, несмѣло пробуя наигрывать несовсѣмъ хорошо извѣстные имъ мотивы. Цереставая играть, они разговаривали и голоса ихъ замогильно звучали изъ темнаго угла, гдѣ мерцали то и дѣло переносимыя съ мѣста на мѣсто свѣчи, напоминая Руфи прихотливые зигзаги блудящихъ огней.

Но вдругъ въ комнатѣ вспыхнулъ яркій свѣтъ. На Руфь это не произвело большого впечатлѣнія, и она гораздо охотнѣе повиновалась теперь строгому приказанію мистриссъ Мезонъ всѣмъ имъ собраться въ переднюю, чѣмъ еслибы оно было дано когда въ комнатѣ былъ таинственный полумракъ. Теперь мастерицамъ было довольно дѣла, прислуживая толпою нахлынувшимъ дамамъ; голоса ихъ совершенно заглушили слабые звуки оркестра, котораго Руфи такъ хотѣлось послушать. Но если одно удовольствіе было меньше чѣмъ она ожидала, за то другое превзошло ея ожиданія.

«Съ уговоромъ», въ который вошло такое множество мелкихъ замѣчаній, что Руфь думала имъ и конца не будетъ, мистриссъ Мезонъ позволила имъ стоять у боковой двери и смотрѣть. Что это

было за прекрасное зрѣлище! Скользя подъ живую, игривую музыку, то удаляясь и походя на волшебныя гирлянды цвѣтовъ, то приближаясь и становясь прелестными женщинами, убранными всею роскошью моды, танцовало избранное общество графства, мало заботясь о томъ чьи глаза слѣдили за нимъ и были имъ ослѣплены. На дворѣ было холодно, безцвѣтно, однообразно и все покрыто снѣгомъ; а тутъ въ залахъ такъ тепло, свѣтло; цвѣты напоили воздухъ ароматомъ, увѣнчивали головы, покоились на груди, какъ-будто среди лѣта. Яркія краски мелькали передъ глазами, красиво сочетаясь въ быстромъ движеніи танца. Улыбка сіяла на всѣхъ лицахъ и веселый говоръ наполнялъ гуломъ залъ, въ промежуткахъ музыки.

Руфь не старалась всматриваться въ личности, составлявшія это веселое и блестящее цѣлое; съ нея было довольно глядѣть и мечтать о сладостяхъ жизни, въ которой эта музыка, это обиліе цвѣтовъ, брилльянтовъ, роскоши превыше всякаго описанія, красоты всѣхъ формъ и красокъ, было обыденною вещью. Она не нуждалась узнавать кто были эти люди, хотя многимъ изъ нея подругъ каталогъ именъ доставлялъ большое удовольствіе.

Это исчисленіе только непріятно развлекало Руфь и чтобы избѣжать слишкомъ быстрого толчка въ дѣйствительную жизнь съ миссами Смитъ и съ мистриссами Томсонъ, она вернулась на свое мѣсто въ переднюю. Тутъ она стояла, погружаясь въ думы и въ мечты. Ее рѣзко вернулъ къ дѣйствительности раздавшійся подлѣ нея голосъ. Съ одною изъ танцующихъ дамъ случилось несчастье. Легкое платье ея было подколото букетами цвѣтовъ; одинъ изъ нихъ упалъ во время танцевъ и распутившіяся складки влачили по полу. Чтобы помочь бѣдѣ, она попросила своего кавалера отвести ее въ комнату, гдѣ должны были находиться прислужницы. Тамъ никого не было, кромѣ Руфи.

— Я вамъ мѣшаю? спросилъ джентльменъ: — уйти мнѣ?

— О нѣтъ, отвѣтила леди: — нѣсколько стѣжковъ все исправятъ. Ктому же я и не рѣшусь идти одна въ эту комнату.

До сихъ поръ она говорила мягко и нѣжно; но тутъ она обратилась къ Руфи:

— Скорѣе. Не держите меня цѣлый часъ, сказала она холоднымъ и повелительнымъ тономъ.

Она была очень хороша, съ длинными, темными локонами и съ блестящими, черными глазами. Все это поразило Руфь при бѣгомъ

взглядъ, который она на нее бросила прежде чѣмъ нагнуться для своего дѣла. Она замѣтила также, что джентльменъ молодъ и изященъ.

— О какой восхитительный галопъ! какъ мнѣ хочется танцовать! Да скоро ли конецъ? какъ вы медленно шьете! я до-смерти хочу еще прогалопировать.

Говоря это она начала съ прелестнымъ, дѣтскимъ нетерпѣніемъ постукивать ножкою въ тактъ веселой музыки, разыгрываемой оркестромъ. Руфь не могла зашивать платья при этомъ постоянномъ движеніи, и подняла глаза, чтобы замѣтить ей это. Откинувъ голову, она встрѣтила взглядъ джентльмена, стоявшаго подлѣ нея. Взглядъ этотъ сіялъ такимъ удовольствіемъ, любясь прелестями и выраженіемъ лица хорошенькой леди, что Руфь невольно заразилась тѣмъ же чувствомъ и должна была наклонить лицо, чтобы скрыть выступившую на немъ улыбку. Но джентльменъ уже успѣлъ замѣтить ее и вниманіе его устремилось на стоящую на козлѣнкахъ дѣвушку, одѣтую въ черное подъ горло платье, съ изящною, склоненною головкой. Эта фигура составляла поразительный контрастъ съ блестящею, болтаввою, искусственною леди, сидѣвшею какъ царица на тронѣ, и высококомѣрно принимающею услуги.

— О, мистеръ Беллингемъ, какъ мнѣ совѣстно, что я васъ такъ долго задержала! Я никакъ не думала чтобы можно было такъ долго исправлять маленькое поврежденіе. Не мудрено, что мистрисъ Мезонъ жалуется всегда, что у нея много работы, когда у нея такія кропотливыя мастерицы.

Это было сказано въ видѣ остроты, но мистеръ Беллингемъ остался серьозенъ. Онъ видѣлъ краску смущенія, покрывшую прелестную щеку, часть которой была ему видна. Онъ взялъ со стола свѣчу и сталъ свѣтить Руфи. Она не рѣшилась поднять глазъ, чтобы поблагодарить его, стыдась, что онъ замѣтилъ передъ тѣмъ ея невольную улыбку.

— Очень жалѣю, что такъ долго задержала васъ, леди, кротко сказала она, кончивъ свое дѣло. — Я боялась, что снова разорвется, если я не довольно старательно исправлю.

Она встала.

— Я лучше согласилась бы имѣть платье изодраннымъ, чѣмъ пропустить этотъ чудный галопъ! сказала молодая дѣвушка, встряхивая свой нарядъ, какъ птица встряхиваетъ перьями. — Идемте, мистеръ Беллингемъ, добавила она, взглянувъ на своего кавалера.

Онъ удивился, что она ни однимъ словомъ не поблагодарила прислужницу. Онъ взялъ оставленную къмъ-то на столѣ камелію.

— Позвольте мнѣ, миссъ Донкомбъ, предложить этотъ цвѣтокъ отъ вашего имени молодой особѣ, въ благодарность за ея ловкую услугу вамъ.

— О, конечно! сказала та.

Руфъ приняла цвѣтокъ молча, со скромнымъ и серьезнымъ поклономъ. Они ушли, оставивъ ее одну. Тутъ къ ней присоединились ея подруги.

— Что случилось съ миссъ Донкомбъ? Она была здѣсь? спросили онѣ.

— У нея платье разорвалось и я его зашивала! спокойно отвѣтила Руфъ.

— И мистеръ Беллингемъ былъ съ нею! Говорятъ, онъ на ней женится. Былъ онъ здѣсь, Руфъ?

— Былъ, сказала Руфъ и замолчала.

Мистеръ Беллингемъ весело танцевалъ цѣлый вечеръ и являю любезничалъ съ миссъ Донкомбъ. Но при этомъ онъ часто посматривалъ на боковую дверь, гдѣ стояли швеи. Однажды онъ отличилъ между ними высокую, стройную фигуру и роскошные каштановые волосы дѣвушки въ черномъ платьѣ; глаза его устремились на камелію. Она бѣжала на груди и мистеръ Беллингемъ сталъ танцевать веселѣе прежняго.

Холодное, сѣрое утро брезжило на дворѣ, когда мистриссъ Мезонъ со своею свитою возвращалась домой. Фонари уже догорали, но ставни и лавки были еще заперты. Неслышное днемъ эхо вторило каждому звуку.

Два-три бездомныхъ нищихъ сидѣли у крылецъ домовъ и вздрагивая отъ холода, дремали, наклонивъ голову на колѣна, или приклоняясь спиною къ холодной стѣнѣ.

Руфи казалось какъ-будто она просыпалась отъ сна и снова возвращалась къ дѣйствительности. Сколько пройдетъ времени, прежде нежели ей снова удастся (если еще удастся) увидѣть собраніе, услышать оркестръ, или хотя взглянуть на это блестящее, счастливое общество, до такой степени огражденное отъ всякаго горя и заботы, что казалось оно состояло изъ особенной породы существъ. Случалось ли имъ отказывать себѣ хотя въ одной прихоти, нетолько въ потребности? Жизнь ихъ, и въ точномъ, и въ переносномъ смыслѣ, проходила по цвѣтамъ. Вотъ тутъ холодъ, суровая зима для

нея и для подобныхъ ей, — почти смертельное время года для этихъ бѣдныхъ нищихъ; а для миссъ Донкомбъ и для подобныхъ ей, веселое, счастливое время года, съ вѣчными цвѣтами, съ трескомъ непотухающаго камина, со всею роскошью и комфортомъ, скопленными вокругъ нихъ, какъ дары какой-нибудь феи. Какое имъ дѣло до значенія этого слова: «зима», столь грознаго для бѣднаго? Какое имъ дѣло до зимы? Но Руфи казалось, что мистеръ Беллингемъ какъ-будто понимаетъ чувства тѣхъ, которые такъ рѣзко отдѣлены отъ него положеніемъ и обстоятельствами. Правда впрочемъ, что онъ успѣшилъ поднять окна своей кареты, ввдраживая отъ холода.

Руфь глядѣла на него въ то время.

Она никакъ не могла понять, почему ей была дорога ея камелія. Ей казалось, что она бережетъ ее только потому, что она очень красива. Она подробно рассказала Дженни какимъ образомъ она ее получила, и во время рассказа прямо и открыто глядѣла ей въ глаза, не скрывая легкой краски.

— Не мило ли это съ его стороны? Ты не можешь себя представить какъ онъ деликатно это сдѣлалъ, и именно въ ту минуту, когда я чувствовала себя нѣсколько уколотою ея обращеніемъ.

— Это очень деликатно, сказала Дженни. — Какой чудный цвѣтокъ. Жаль что не пахнетъ.

— Мнѣ онъ нравится именно такой; это совершенство. Что за бѣлизна! сказала Руфь, почти цѣлуя свое сокровище, поставленное ею въ воду. — Кто этотъ мистеръ Беллингемъ?

— Онъ сынъ той мистриссъ Беллингемъ изъ пріорства, которой мы шили сѣрую атласную шубу, сонно отвѣтила Дженни.

— Это было до меня, сказала Руфь, но отвѣта уже не было: Дженни спала.

Много времени прошло еще прежде чѣмъ Руфь послѣдовала ея примѣру. Былъ уже день, зимній день, а она все еще спала, съ улыбкою на лицѣ. Дженни, которой не хотѣлось будить ее, любовалась ея личикомъ, восхитительнымъ съ этою улыбкою счастья.

— Ей снится прошлый вечеръ, подумала Дженни.

Оно и вправду было такъ, но въ особенности одно лицо мелькало въ видѣніяхъ Руфи. Оно давало ей цвѣтокъ за цвѣткомъ въ этомъ смутномъ, утреннемъ снѣ, который слишкомъ скоро прервался. Прощую ночь ей грезилась ея покойная мать, и Руфь проснулась въ слезахъ. Теперь ей снился мистеръ Беллингемъ и она улыбалась.

А между тѣмъ чѣмъ же тотъ сонъ былъ хуже этого? Горькая дѣйствительность жизни сильнѣе обыкновеннаго уязвляла въ это утро сердце Руфи. Конецъ прошлаго дня, а можетъ и раздраженіе предшествовавшаго ему вечера, лишили ее способности терпѣливо переносить щелчки и толчки, достававшіеся иногда всѣмъ мастерицамъ мистриссъ Мезонъ.

Но мистриссъ Мезонъ, хотя и первая портниха въ граствѣ, была все же простая смертная и страдала отъ тѣхъ же причинъ, отъ которыхъ и каждая изъ ея ученицъ. Въ это утро она была расположена придраться ко всякому и ко всему. Она казалось встала, въ это утро съ намѣреніемъ вышкочить весь свѣтъ (то—естъ свой свѣтъ); злоупотребленія и небрежности, на которыя долгое время смотрѣлось сквозь пальцы, въ этотъ день были выведены на чистую воду и крѣпко за нихъ всѣмъ досталось. Въ такія минуты одно совершенство могло бы удовлетворить мистриссъ Мезонъ.

У нея были также свои понятія о справедливости, но нельзя сказать чтобы онѣ были слишкомъ возвышенны и вѣрны; онѣ походили нѣсколько на понятія лавочника о равенствѣ правъ. Маленькая снисходительность, оказанная наканунѣ, должна была уравновѣситься на слѣдующій день избыткомъ строгости. Такой способъ предотвращенія злоупотребленій вполне согласовался съ понятіями мистриссъ Мезонъ.

Руфь не была ни расположена, ни способна къ слишкомъ усиленному труду, а чтобы угодить начальницѣ, ей пришлось бы вадсидить всѣ свои силы. Въ мастерской то и дѣло раздавались грозные крики.

— Миссъ Гильтонъ, куда вы дѣвали голубую, персидскую матерію? Ужь если все растеряно, то я узнаю, что убирать наканунѣ была очередь миссъ Гильтонъ.

— Миссъ Гильтонъ выходила со двора вчера вечеромъ и комнату убирала за нее я. Я сейчасъ отыщу матерію! отозвалась одна изъ дѣвушекъ.

— О я знаю, что миссъ Гильтонъ всегда рада избавиться отъ своихъ обязанностей, если есть возможность свалить ихъ на кого другого! замѣтила мистриссъ Мезонъ.

Руфь покраснѣла и на глазахъ ея выступили слезы; но она такъ твердо сознавала лживость обвиненія, что упрекнула себя въ томъ, что оно ее смутило, и гордо поднявъ голову, обвела вокругъ взоромъ, будто зывая къ справедливости своихъ подругъ.

— Гдѣ юбка отъ платья леди Фарнгеймъ? И оборки не нашиты! удивительно! Кому это было вчера поручено? спросила мистриссъ Мезонъ, вперивъ глаза на Руфь.

— Мнѣ; но я ошиблась и должна была все перепарывать. Очень сожалѣю.

— Нечего было и спрашивать. Ужъ если работа испорчена, или заваялась, нечего и спрашивать въ чьи руки она попала.

Такія-то рѣчи пришлось Руфи выслушивать съ этого дня, пока наконецъ она не сдѣлалась къ нимъ совершенно равнодушна.

Послѣ обѣда мистриссъ Мезонъ понадобилось отправиться за вѣскольکو миль за городъ. Уѣзжая, она надавала внушеній, приказаній и распоряженій безъ конца; но наконецъ уѣхала. Облегченная ея уходомъ, Руфь положила руки на столъ и спрятавъ въ нихъ голову, принялась плакать, не сдерживая болѣе своихъ рыданій.

— Полноте плакать, миссъ Гильтонъ.

— Полно, Руфочка; ну ее, этого стараго дракона!

— Какъ же вы хотите вынести пять лѣтъ такой жизни, если у васъ нѣтъ настолько хладнокровія, чтобы не обращать вниманія на ея слова?

Такимъ образомъ старались ободрить и утѣшить Руфь нѣкоторые изъ молодыхъ мастерицъ.

Но Дженни лучше понимала зло и нашла отъ него лекарство.

— Фанни Бартонъ, сказала она: — пусти Руфь пойти за тебя по комиссіямъ; ты вѣдь боишься холоднаго вѣтра, а Руфь любитъ и морозъ, и снѣгъ, и всякую непогоду. Свѣжій воздухъ дѣлаетъ ей пользу.

Фанни Бартонъ была высокая, сонная дѣвушка, вѣчно жавшаяся къ огню. Никому менѣе ея не хотѣлось выходить въ этотъ холодный вечеръ, когда восточный вѣтеръ рѣзко свисталъ по улицѣ, сметая снѣгъ. Въ такую пору ни для кого не могло быть заманчиво оставлять теплой комнаты, если этого не требовала крайняя необходимость; ктому же наступавшіе сумерки показывали, что уже была пора вечерняго чая для скромныхъ жителей того квартала, черезъ который Руфи предстояло проходить для исполненія своихъ комиссій. Дойдя до высокаго холма надъ берегомъ, гдѣ улица круто спускалась къ мосту, Руфь увидѣла вокругъ себя плоскую поляну, покрытую снѣгомъ, отъ котораго темное, облачное небо казалось еще чернѣе, какъ-будто зимняя ночь вовсе не сходила съ него, а только пережидала на круаю небосклона когда потускнеть короткій

пасмурный день. Внизу у моста (гдѣ находилась небольшая пристань для лодокъ, плававшихъ по этой мелкой рѣкѣ) играло, не взирая на холодъ, нѣсколько ребятишекъ. Одинъ изъ нихъ влѣзъ въ широкой ушатъ, и съ помощью сломаннаго весла, направляя его то туда, то сюда въ маленькомъ заливѣ, на великую потѣху товарищей, пристально слѣдившихъ глазами за подвигами этого героя, хотя лица ихъ были посинѣвшія отъ холода и руки глубоко засунуты въ карманы, со слабою надеждою найти тамъ сколько-нибудь тепла. Они можетъ быть боялись, что если они измѣнятъ свою съезженную позу и начнутъ двигаться, то злой вѣтеръ проникнетъ во всѣ швы жины ихъ худенькой одежды. Ребятишки смиренно стояли въ кучкѣ, устремивъ глаза на будущаго моряка. Наконецъ одинъ изъ мальчишекъ, завидуя товарищу, дивившему всѣхъ своею смѣлостью, крикнулъ ему :

— А небось вонъ туда, Томъ, ты не поѣдешь ; вонъ за ту черную полосу, въ настоящую-то рѣку.

Отъ такого рода вызова разумѣется нельзя было отказаться и Томъ принялся грести къ темной полосѣ, за которою рѣка бѣжала мягкою, ровною волною. Руфь (сама почти ребенокъ по лѣтамъ) стояла на вершинѣ берега, также слѣдя глазами за храбрецомъ и такъ же мало сознавая опасность, которой онъ подвергался, какъ и толпа ребятишекъ внизу. Тѣ, видя успѣхъ товарища, прервали свое молчаливое вниманіе шумными одобреніями. Они хлопали въ ладоши и стучали ногами, крича ему : — Bravo, Томъ ! молодецъ !

Томъ остановился на минуту и глядѣлъ на нихъ съ чувствомъ дѣтской гордости, какъ вдругъ лаханъ круто повернудо : мальчикъ потерялъ равновѣсіе и упалъ въ воду. И его, и лодку его, медленно, но неудержимо повлекло къ быстрой, глубокой рѣкѣ, вѣчно катящей свои волны къ морю.

Дѣти громко закричали отъ ужаса. Руфь сбѣжавъ къ маленькому заливу, вскочила въ мелкую воду, неуспѣвъ размыслить, что это ни къ чему не ведетъ и что благоразумнѣе было бѣжать звать болѣе дѣйствительную помощь. Едва успѣла мелькнуть въ ней эта мысль, какъ въ водѣ, гдѣ она стояла, раздался громкій всплескъ лошадиныхъ копытъ, покрывшій сердитое журчанье вѣчно-бѣгущихъ волнъ. Стрѣлою мелькнулъ мимо Руфи наклонившійся всадникъ, спустился въ рѣку, поплылъ съ теченіемъ, — и вотъ надъ водою простерлась рука, и маленькое существо спасено для тѣхъ, кто его любить ! Пока все это происходило, Руфь стояла ошеломленная

страхомъ и волненіемъ ; но наконецъ всадникъ повернулъ лошадь, и разбѣгая волны, медленно поплылъ къ пристани. Руфь узнала тутъ въ немъ мистера Беллингема. Онъ везъ безчувственного ребенка ; перекинутое черезъ лошадь тѣло повисло безъ всякихъ признаковъ жизни. Руфь заключила, что ребенокъ мертвъ и глаза ея наполнились слезами. Она вернулась на берегъ, на то мѣсто, куда мистеръ Беллингемъ направлялъ свою лошадь.

— Онъ умеръ? спросила она, протягивая руки чтобы снять ребенка съ лошади, потомучто положеніе, въ которомъ онъ лежалъ, не могло способствовать возвращенію чувства, если только оно могло еще возвратиться.

— Кажется живъ! отвѣтилъ мистеръ Беллингемъ, отдавая ей на руки мальчика, прежде чѣмъ сойти съ лошади.

— Это вашъ братъ? вы знаете чей онъ?

— Глядите! сказала Руфь, садясь на землю, гдѣ было удобнѣе положить ребенка: — глядите, онъ вытягиваетъ руки! онъ живъ! О сэръ, онъ живъ! Чей онъ? спросила она, обращаясь къ народу, только сбѣжавшемуся на берегъ, услышавъ о приключеніи.

— Это внукъ старой Нелли Броунсонъ, отвѣчали ей.

— Надо отнести его домой. Далеко это отсюда? спросила Руфь.

— Нѣтъ; это вотъ тутъ, близехонько.

— Чтобы сейчасъ же кто-нибудь бѣжалъ за докторомъ! повелительно сказалъ мистеръ Беллингемъ: — и немедленно привелъ его къ этой женщинѣ. Не держите его долѣе, прибавилъ онъ, обращаясь къ Руфи и впервые припоминая тутъ ея лицо: — ваше платье уже насквозь промокло. Эй, малый! подними его осторожно.

Но ребенокъ судорожно уцѣпился руками за платье Руфи и она не позволила его тревожить. Она осторожно понесла свою тяжелую ношу къ бѣдному домишку, указанному ей сосѣдами. Изъ двери его выскочила убогая старуха и въ волненіи ковыляла, расталкивая народъ.

— Сердце мое! вскричала она: — одинъ мнѣ оставался, да и того я пережила!

— Успокойтесь! сказалъ мистеръ Беллингемъ: — ребенокъ живъ и вѣроятно останется въ живыхъ.

Но старуха была неутѣшна и твердила, что внукъ ея умеръ. Онъ и точно умеръ бы, еслибы не Руфь и не двое или трое изъ наибо-

лге добрыхъ сосѣдей, которые подь руководствомъ мистера Беллингема суетились вокругъ него, употребляя всѣ средства къ приведенію его въ чувство.

— До сихъ поръ этотъ народъ не могъ привести доктора! замѣтилъ мистеръ Беллингемъ, обращаясь къ Руфи, съ которою у него установился родъ безмолвнаго пониманія другъ друга съ тѣхъ поръ какъ они вдвоемъ были единственными свидѣтелями (кромя дѣтей) страшнаго происшествія. Этому способствовала также и извѣстная степень образованія, дававшая имъ возможность понимать мысли и языкъ другъ друга.

— До какой степени трудно вбить какую-нибудь мысль въ эти безтолковыя головы! Они стоятъ и толкуютъ какого бы привести доктора, какъ будто тутъ непремѣнно надо Броуна или Смита, а ребенокъ между тѣмъ уже усилялъ придти въ чувство. Мнѣ нѣтъ времени дожидаться; я торопился ѣхать, когда увидалъ утопающаго мальчика. Теперь онъ совсѣмъ отошелъ и открылъ глаза, значитъ мнѣ незачѣмъ долѣе оставаться въ этой душнотѣ. Могу я просить васъ объ одной вещи? Потрудитесь наблюдать, чтобы ребенокъ имѣлъ все что ему понадобится. Я оставляю вамъ мой кошелекъ, если вы позволите, прибавилъ онъ, подавая его Руфи, очень обрадованной этою возможностью доставить бѣдному мальчику нѣсколько необходимыхъ вещей, въ которыхъ, какъ она замѣтила, онъ нуждается. Но сквозь петли кошелька мелькнуло золото и Руфь не рѣшилась принять на себя распоряженіе такимъ богатствомъ.

— Это слишкомъ много, сэръ! сказала она. — Одного соверена за глаза довольно. Я возьму его и возвращу вамъ, при свиданіи, то что останется. Или я могу переслать вамъ?

— Я полагаю, что лучше взять вамъ теперь все это. О, какая здѣсь грязь! я не могу оставаться двухъ минутъ долѣе. Да и вамъ нельзя; вы заразитесь этимъ ужаснымъ воздухомъ. Пойдемте пожалуста къ двери. Итакъ если вы полагаете, что одного соверена достаточно, то я возьму назадъ мой кошелекъ, но не забудьте, что вы должны обратиться ко мнѣ, если понадобится болѣе.

Они стояли у двери, передъ которою кто-то держалъ лошадь мистера Беллингема. Руфь серьезно глядѣла на него (мистриссъ Мезонъ и ея порученія почти совсѣмъ стерлись въ ея памяти приключеніями этого вечера) напрягая всѣ свои мысли къ тому, чтобы лучше понять его распоряженія насчетъ бѣднаго мальчика. До сихъ поръ это болѣе всего занимало и его собственный умъ. Но въ эту

минуту его снова поразила рѣдкая красота Руфи. Онъ почти забылъ о чемъ говорилъ, съ восхищеніемъ всматриваясь въ нее. Наканунѣ онъ не видалъ ея глазъ, а теперь они прямо и смѣло глядѣли на него глубокимъ и серьезнымъ взглядомъ. Руфь инстинктомъ прочла перемѣну въ выраженіи его лица и опустила свои широкія, бѣлыя вѣки, опущенныя длинными рѣсницами. Онъ нашолъ, что такъ она еще лучше.

Непреодолимое чувство подстрекнуло его устроить дѣла такимъ образомъ, чтобы поскорѣе снова увидѣться съ нею.

— Нѣтъ! сказалъ онъ: — лучше если вы оставите у себя кошелекъ. Мальчигу можетъ многое понадобится, чего мы не можемъ предвидѣть въ настоящую минуту. Въ кошелекъ, сколько я помню, три соверена и нѣсколько мелкой монеты; я можетъ увижу васъ на дняхъ и тогда, если у васъ что-нибудь останется, вы вручите мнѣ это обратно.

— О да, сэръ! сказала Руфь, оживленная надеждою оказать щедрю помощь, но все же тревожимая отвѣтственностью за такую значительную сумму.

— Могу ли я надѣяться снова встрѣтить васъ въ этомъ домѣ? спросилъ онъ.

— Надѣюсь, что мнѣ можно будетъ иногда заходить, сэръ, но я хожу по комиссіямъ и потому не знаю когда наступитъ моя очередь.

— Но, — онъ несомнѣнно понялъ этотъ отвѣтъ; — но я желалъ бы узнавать черезъ васъ какъ идетъ выздоровленіе мальчика, если только это не доставитъ вамъ много труда. Гуляете вы когда-нибудь?

— Мнѣ некогда гулять, сэръ.

— Ну такъ вѣрно вы ходите въ церковь. Конечно мистриссъ Мезонъ не заставляетъ васъ работать по воскресеньямъ.

— О нѣтъ! я каждое воскресенье хожу въ церковь.

— Въ такомъ случаѣ вы будете такъ добры, скажете мнѣ въ какую вы ходите церковь и я встрѣчусь тамъ съ вами въ слѣдующее воскресенье, послѣ вечерни.

— Я хожу въ церковь св. Николая, сэръ. Я постараюсь доставить вамъ въ воскресенье свѣдѣнія о мальчикѣ и скажу вамъ какъ долго они взяли доктора, а тутъ же и отдамъ отчетъ въ деньгахъ.

— Хорошо, благодарю васъ. Помните же, я на васъ рассчитываю.

Его какъ-то оживила эта надежда снова встрѣтиться съ Руфью, но та отнесла все это къ желанію сдѣлать что-нибудь для бѣднаго мальчика. Беллингемъ ушелъ; но вдругъ новая мысль мелькнула въ его умѣ. Онъ вернулся въ избушку и обратился къ Руфи, слегка улыбаясь.

— Очень странно однако... но насъ некому представить другъ другу. Мое имя Беллингемъ; а ваше?

— Руфь Гильтонъ, сэръ, тихо произнесла она.

Какъ только разговоръ пересталъ касаться до мальчика, Руфь почувствовала смущеніе и неловкость.

Онъ протянулъ руку и въ ту минуту какъ она подала ему свою, къ нимъ подошла, ковыляя, старая бабушка съ какинъ-то вопросомъ. Онъ поморщился при этой помѣхѣ и еще рѣзче почувствовалъ окружающую его духоту и грязь.

— Нельзя ли почтеннѣйшая, обратился онъ къ Нелли Броунсонъ: — держать немного поопрятнѣе у васъ въ домѣ? Можно подумать, что тутъ живутъ свиньи, а не люди. Здѣсь воздухъ совершенная зараза, и грязно до неприличія.

Сказавъ это, онъ вышелъ, поклонясь Руфи. Старуха разразилась по его уходѣ.

— Видишь каковы они! умѣютъ только придти обругать бѣдную женщину. Свиньи живутъ!.. Кто онъ самъ-то, этотъ молодецъ?

— Это мистеръ Беллингемъ! сказала Руфь, неприятно пораженная неблагодарностью старухи. Онъ бросился въ воду спасать вашего внука; тотъ утонулъ бы, еслибы не мистеръ Беллингемъ. Я думала даже, что ихъ обоихъ унесетъ теченіемъ, такъ оно было сильно

— Рѣка-то вовсе не глубока! замѣтила старуха, стараясь по возможности уменьшить одолженіе, которое оказалъ ей обидчившій ее человекъ. Кто-нибудь да спасъ бы, хоть бы этого модника и вовсе тутъ не было. Мой мальчикъ сирота, а ужъ извѣстно, что Богъ сиротъ бережетъ. Пусть бы лучше кто-нибудь другой его вытащилъ, а то приходитъ потомъ ругаться къ бѣдному человекъ.

— Онъ не ругаться приходилъ сюда! кротко замѣтила Руфь: — онъ принесъ вамъ маленькаго Тома и замѣтилъ только, что здѣсь не такъ опрятно какъ бы слѣдовало.

— Что? или не слышали какъ онъ крикнулъ? а? не слышали? Погодите, состарѣетесь какъ я, да пришибутъ васъ ревматизмы, да

придется смотрѣть за мальчуганомъ, какъ мой Томъ, что вѣчно въ грязи барахтается, если ужъ не въ водѣ. А при этомъ еще смотри, чтобы было чего поевъ и тебѣ и ему (одному Богу вѣдомо какова иногда нужда—то, какъ тутъ ни бейся), да и воду выметай, что съ крыши каплетъ!

Она раскашлялась, а Руфь благоразумно переѣхнула разговоръ, начавъ совѣщаться съ нею насчетъ положенія ея внука, въ чемъ вскорѣ помочь имъ докторъ.

Сдѣлавъ необходимыя распоряженія, съ помощью одного изъ сосѣдей, котораго Руфь просила доставить вещи первой потребности, и выслушавъ отъ доктора, что дня черезъ два здоровье мальчика будетъ восстановлено, Руфь съ испугомъ вспомнила сколько времени она потеряла у Нелли Броуисонъ и какъ строго смотритъ мистриссъ Мезонъ, чтобы ученицы ея не выходили на долго со двора, въ рабочіе дни. Она побѣжала въ лавки, сляясь собрать свои растеряныя мысли къ одной цѣли, къ отысканію красновато-голубого цвѣта, впадающаго въ лиловый, увидала, что потеряла обрашки и вернулась домой съ дурно-выбраннымъ товаромъ и въ отчаяніи на свою глупость.

Но по правдѣ сказать послѣобѣденное приключеніе наполняло весь ея умъ; только лицо маленькаго Тома (который былъ теперь въ всякой опасности) отодвинулось на задній планъ, а лицо мистера Беллингема выступало ярче прежняго. Его смѣлое и естественное движеніе броситься въ воду спасать ребенка было возведено Руфью до высочайшаго героизма; участіе, принятое имъ въ мальчикѣ, казалось ей добротою сердца, а нерасчетливая щедрость—тонкимъ великодушіемъ. Она забывала, что великодушіе требуетъ некотораго самопожертвованія. Сама она была съ избыткомъ награждена возможностью сдѣлать добро, которою была ему обязана и мучилась только заботою благоразумнаго употребленія денегъ, когда наконецъ, необходимость отворить дверь жилища мистриссъ Мезонъ заставила ее сознать дѣйствительность и почувствовать страхъ передъ близкимъ выговоромъ.

Однако на этотъ разъ ее помиловали, но помиловали по такой причинѣ, что она съ благодарностью предпочла бы выговоръ. Во время ея отсутствія, съ Дженни сдѣлалось удушье и дѣвушки рѣшились уложить ее въ постель. Онѣ стояли перепуганныя вокругъ нея, когда вернулась мистриссъ Мезонъ (за нѣсколько минутъ до прихода Руфи), и прогнала ихъ всѣхъ опять въ мастерскую.

Между-тѣмъ все пришло въ тревогу и смятеніе, пришлось посылать за докторомъ; пришлось обходиться въ работѣ безъ советовъ главной мастерицы, которой было уже не до того. Браня щедро сыпалась на перепуганныхъ дѣвушекъ, не минуя и бѣдной больной, такъ не кстати захворавшей. Среди всей этой суматохи, Руфь, глубоко огорченная болѣзью доброй швеи, незамѣтно добралась до своего мѣста. Ей очень хотѣлось бы ходить за Дженни, но этому ей не было дозволено, хотя руки, неспособныя къ тонкой и изящной работѣ, очень хорошо могли бы быть употреблены на уходъ за больною, до приѣзда ея матери. Между-тѣмъ работа кипѣла въ мастерской съ удвоеннымъ рвеніемъ и Руфь не находила случая навѣстить маленькаго Тома и привести въ исполненіе свои планы доставленіемъ ему и его бабушкѣ кое-какихъ необходимыхъ удобствъ. Она сожалѣла, что приняла на себя эту обязанность. Все что ей нужно было сдѣлать, сдѣлалось черезъ служавку мистриссъ Мезонъ, чрезъ которую Руфь получала извѣстія о Томѣ и доставляла ему необходимые предметы.

Въ домѣ всѣ были заняты болѣзью Дженни. Конечно Руфь не преминула рассказать о своемъ приключеніи, но въ ту самую минуту какъ она дошла въ своемъ рассказѣ до паденія мальчика въ рѣчку, кто-то пришло въ комнату прямо отъ Дженни и Руфь замолчала, браня себя за то, что можетъ подумать о чемъ-нибудь кромѣ вопроса о жизни и смерти, который рѣшался въ то время въ домѣ.

Около больной появилась женщина съ блѣднымъ, пріятнымъ лицомъ, и дѣвушки шепнули другъ другу, что это мать ея, пріѣхавшая ходить за нею во время болѣзни. Вскорѣ всѣ полюбили ее; она такъ кротко глядѣла, такъ тихо проходила, боясь помѣшать кому-нибудь, она казалась такою покорною и благодарною за участіе къ ея дочери, болѣзнь которой, какъ говорили, хотя и облегчилась, но грозила быть долгою и упорною. Пока общее вниманіе было занято болѣзью Дженни, наступило воскресенье. Мистриссъ Мезонъ, по обыкновенію, отправилась къ отцу, извиняясь передъ мистриссъ Вудъ, что должна оставить ее и ея дочь; мастерицы разошлись по друзьямъ своимъ, у которыхъ имѣли обычай проводить этотъ день; а Руфь отправилась въ церковь св. Николая. Ее сильно заботила болѣзнь Дженни и еще то, что она опрометчиво приняла на себя обязанность, которой не была въ состояніи выполнить.

При выходѣ изъ церкви, она встрѣтила мистера Беллингема.

Она надѣялась, что онъ позабылъ объ условіи и теперь думала какъ бы избавиться отъ отвѣтственности. Она узнала его шаги позади себя и сдержанное чувство заставляло въ ней сильно забиться сердце; ей хотѣлось убѣжать.

— Миссъ Гилтонъ, если не ошибаюсь! сказалъ онъ, догнавъ ее и наклоняясь впередъ, чтобы заглянуть въ ея покраснѣвшее личико. — Какъ поживаетъ нашъ маленькій морякъ? Хорошо, я думаю, судя по тому какъ я его тогда оставилъ?

— Я думаю, онъ уже почти здоровъ, сэръ. Мнѣ очень жаль, но я не могла навѣстить его. Очень жаль, но никакъ нельзя было. Впрочемъ я доставила ему двѣ-три вещи черезъ другую особу. Я записала ихъ вотъ на этой бумажкѣ, а вотъ и кошелекъ вашъ, сэръ; боюсь, что мнѣ уже ничего не удастся болѣе сдѣлать для мальчика. У насъ въ домѣ больная и отъ этого очень много хлопотъ.

Руфь такъ привыкла въ послѣднее время къ выговорамъ, что почти ожидала и теперь услышать ихъ за то, что не сумѣла лучше выполнить свое обѣщаніе. Она и не подозрѣвала, что въ минуту молчанія, наступившую за ея рѣчью, мистера Беллингема гораздо болѣе заботило какъ бы придумать предлогъ, чтобы снова встрѣтиться съ нею, чѣмъ неудовольствіе за недостатокъ доставленныхъ ему свѣдѣній о мальчикѣ, который вовсе уже не занималъ его.

— Мнѣ очень жаль, что я такъ мало сдѣлала, сэръ, повторила она послѣ минутнаго молчанія.

— Я убѣжденъ, что вы сдѣлали все что могли. Съ моей стороны было очень безразсудно прибавлять вамъ хлопотъ.

— Онъ недоволенъ мною, подумала Руфь: — онъ сердится, что я не позаботилась о мальчикѣ, для котораго онъ рисковалъ жизнью. Еслибы я ему все сказала, то онъ понялъ бы, что я ничего не могла болѣе сдѣлать, но какъ я ему стану рассказывать о всѣхъ неприяностяхъ и хлопотахъ, въ которыхъ у насъ все это время прошло?

— А мнѣ хотѣлось бы дать вамъ еще одно порученіе, если только оно не отниметъ у васъ много времени, и если это не значитъ употребить во зло вашу доброту, сказалъ онъ, ухватясь за блестящую ему мысль. — Мистриссъ Мезонъ живетъ въ Гянджъ-Плестъ, не такъ ли? Тамъ жили предки моей матери и когда домъ былъ проданъ, она водила меня однажды посмотреть эти шѣста. Тамъ былъ старинный охотничій залъ, съ портретами; это портреты моихъ предковъ. Я часто подумывалъ снова приобрести ихъ, если

они еще цѣлы. Не можете ли вы разузнать объ этомъ и доставить мнѣ отвѣтъ въ слѣдующее воскресенье?

— О, конечно, сэръ! сказала Руфь, радуясь, что легко можетъ исполнить это порученіе и желая какъ-нибудь загладить свою предполагаемую небрежность. — Я посмотрю какъ только вернусь домой, и попрошу мистриссъ Мезонъ написать и увѣдомить васъ.

— Благодарю васъ! сказалъ онъ, не вполне удовлетворенный: — но мнѣ кажется совсѣмъ лишнимъ беспокоить этимъ мистриссъ Мезонъ. Видите ли, это поставитъ меня въ затрудненіе, такъ какъ я еще не совсѣмъ рѣшился купить эти портреты. Еслибы вы потрудились узнать прежде тамъ ли они и увѣдомить меня, я успѣлъ бы пока подумать и самъ уже обратился бы потомъ къ мистриссъ Мезонъ.

— Хорошо, сэръ, я узнаю.

Они разошлись.

На этой недѣлѣ мистриссъ Вудъ увезла свою дочь домой, чтобы дать ей поправиться на покой. Руфь долго провожала ихъ глазами изъ окна, и глубоко вздохнувъ, вернулась въ мастерскую. Тамъ уже не было ея кроткой подруги и руководительницы.

ГЛАВА III

Въ слѣдующее воскресенье мистеръ Беллингемъ ожидалъ окончанія вечерни у церкви св. Николая. Руфь гораздо сильнѣе занимала его мысли, нежели онъ ея, хотя его появленіе въ ея жизни скорѣе могло считаться событіемъ, нежели ея въ его. Его затрудняло то впечатлѣніе, которое она произвела на него, хотя вообще онъ не подвергалъ анализу свойства своихъ чувствъ и попросту наслаждался ими, какъ наслаждается молодость всякимъ новымъ и сильнымъ впечатлѣніемъ.

Онъ былъ старъ сравнительно съ Руфью, но молодъ для мужчины: ему едва минуло двадцать-три года. Будучи единственнымъ ребенкомъ, онъ, какъ и многіе въ подобномъ случаѣ, имѣлъ нѣкоторыя неровности въ тѣхъ сторонахъ характера, которыя обыкновенно складываются съ годами.

Чрезмѣрно стѣснительный надзоръ, какому обыкновенно подвергается единственный ребенокъ, противорѣчія, пронстекающія изъ чрезмѣрной заботливости, баловство, неизбѣжное отдаленіе

любви, сосредоточенной на одномъ предметѣ, все это доходило до преувеличенія въ его воспитаніи, можетъ-быть потому, что мать его (кромя нея у него не было родныхъ) была также единственнымъ ребенкомъ.

Онъ вступилъ уже въ обладаніе сравнительно небольшимъ состояніемъ, оставшимся ему послѣ отца. Мать его имѣла свое собственное и богатство ея давало ей власть уже надъ совершеннолѣтнимъ сыномъ. Властолюбивой и упрямой женщиной такая власть была совершенно по сердцу.

Однако, ловкость ли со стороны сына, или искренняя уступчивость ея характеру, только наконецъ страстная любовь ея къ нему заставила ее отказаться въ пользу сына отъ всего своего состоянія. Онъ хотя и умѣлъ чувствовать эту горячую привязанность, но пренебреженіе къ чувствамъ другого, которому она сама его выучала (скорѣе примѣромъ, чѣмъ наставленіемъ) безпрестанно внушало ему такіе поступки, которые она въ настоящее время принимала за смертельныя обиды. То онъ передразнивалъ одно духовное лицо, которое она особенно уважала, передразнивалъ даже въ глаза; то онъ отказывался навѣщать ежемѣсячно ея школы и вынужденный наконецъ къ этому, мстилъ за скуку, задавая дѣтямъ (очень серьезнымъ тономъ) самые странные вопросы, какіе только могъ выдумать.

Эти ребяческія шалости огорчали и сердили ее гораздо болѣе нежели длинныя счеты долговъ, намекавшіе ей на болѣе серьезные проступки, совершаемые ея сыномъ во время пребыванія его въ городѣ, въ университетѣ. Объ этихъ проступкахъ она не заикалась, тогда какъ на мелкія шалости непрестанно ворчала.

Но все же по временамъ она имѣла на него большое вліяніе и ничто не могло быть для нея пріятнѣе, какъ пользоваться имъ. Поворяясь ея волѣ, онъ могъ быть увѣренъ, что его ждетъ щедрая награда; ее очень счастливила уступки съ его стороны, которыми она была обязана его равнодушію въ дѣлѣ или привязанности къ ней; она никогда не требовала ихъ во имя разсудка или нравственности. Часто онъ не уступалъ единственно изъ того, чтобы доказать ей свою независимость.

Ей очень захотѣлось женить сына на миссъ Донкомбъ, но онъ непомышлялъ объ этомъ, зная, что время для женитьбы не уйдетъ и черезъ десять лѣтъ, а пока онъ проводилъ досужное время, то ухаживая за пустынею миссъ Донкомбъ, то злая или восхищая свою

мать, но главное стараясь, чтобы оно проходило для него приятно. Наконецъ онъ встрѣтилъ Руфь Гилтонъ, и новое, искреннее и страстное чувство проникло все его существо. Онъ самъ не понималъ что его такъ сильно влекло къ ней. Правда, она была очень хороша, но онъ видалъ женщинъ не хуже ея, и при этомъ умѣвшихъ расчитаннымъ кокетствомъ удваивать силу своей красоты.

Плѣняло ли Боллинггема сочетаніе женственной прелести и граціи съ простодушіемъ и невинностью умнаго ребенка, или та прелестная робость, которая заставляла Руфь избѣгать и пугаться всякаго намёка на ея красоту. А можетъ ему нравилось покорять себя и осваивать съ собою эту дикую натуру, какъ нравилось дѣлать ручными робкихъ ланей въ паркѣ его матери.

Онъ не хотѣлъ пугать ее несдержаннымъ восторгомъ или слишкомъ страстными, смѣлыми словами, а постепенно доводилъ до того, чтобы она видѣла въ немъ друга, или даже нѣчто ближе и дороже.

Слѣдуя этому плану, онъ устоялъ передъ сильнымъ искушеніемъ проводить ее отъ церкви до самаго дома. Онъ только поблагодарилъ ее за доставленныя ею свѣдѣнія о портретахъ, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о погодѣ, поклонился и отошелъ. Руфи пришло на мысль, что она его никогда болѣе не увидитъ, и какъ она ни упрекала себя за это, но не могла не почувствовать, что жизнь ея на много дней подернулась темною мглою.

Мистриссъ Мезонъ была вдова и должна была заботиться о воспитаніи шестерыхъ или семерыхъ дѣтей, оставшихся у нея на рукахъ. Это могло извинять нѣкоторымъ образомъ строгую расчётливость въ ея хозяйствѣ.

Она рѣшила, что по воскресеньямъ ученицы ея могутъ обѣдать у своихъ друзей, которые вѣроятно съ удовольствіемъ удержатъ ихъ у себя на весь этотъ день, а она съ дѣтьми, приходившими изъ школы, отправлялась къ своему отцу, за нѣсколько миль отъ города. Въслѣдствіе этого по воскресеньямъ въ домѣ вовсе не готовилось обѣда для мастерицъ и комнаты не отапливались. По утрамъ дѣвушки завтракали въ комнатѣ мистриссъ Мезонъ, но потомъ и эта комната затворялась за ними на цѣлый день съ повятымъ, хотя и не высказываемымъ запрещеніемъ возвращаться туда.

Что было дѣлать тѣмъ у кого, какъ Руфи, не было ни дома, ни друзей въ этомъ пустынномъ для нихъ, несмотря на всю его населенность, городѣ? До сихъ поръ она обыкновенно поручала слу-

жанкѣ, ходившей по субботамъ на рынокъ за провизіею, покупать для нея булку или пирогъ, которые и составляли весь ея скудный обѣдъ въ опустѣвшей мастерской. Она сидѣла тамъ, куталась отъ холода, одолевшаго ее несмотря на шаль и чепецъ. Цѣлый день глядѣла она на скучную улицу, пока наконецъ глаза ея заплывали слезами.

Частію, чтобы отогнать грусть и мечты, къ которымъ она чувствовала, что не къ добру была такъ расположена, частію чтобы записаться на недѣлю какими-нибудь идеями, кромѣ той что ей впускалъ видъ постоянно одной и той же комнаты, она приносила библію и садилась съ нею на подоконникъ, противъ открытаго горизонта передъ домомъ, по ту сторону улицы. Оттуда она могла видѣть все неправильное величіе этой части города. Передъ нею возставала въ полумракѣ бѣловатая массаю сѣрая башня церкви; на освѣщенной сторонѣ улицы видѣлись нарядныя фигуры, бродившія въ правдивномъ бездѣльи. Руфь придумывала кто бы они могли быть и старалась представить себѣ ихъ образъ жизни и занятія.

Потомъ съ колокольни раздавался протяжный звонъ колокола, музыкально разнося первый призывъ къ вечернѣ.

Послѣ вечерни Руфь обыкновенно возвращалась на то же мѣсто у окна и оставалась тамъ до конца зимнихъ сумерекъ, пока звѣзды не зажгутся надъ черными массами домовъ. Тогда она сходила съ окна и спрашивала свѣчу, ея единственнаго товарища въ пустынной мастерской. Случалось, что служанка приносила ей немного чаю, но впоследствии Руфь стала отъ него отказываться, узнавъ, что она лишаетъ добрую женщину той малой доли, которую оставляла ей мистриссъ Мезонъ. Такимъ образомъ Руфь сидѣла голодная и озябшая, силась читать библію или припоминая набожныя мысли занимавшія когда-то дѣтскій умъ ея на колѣнахъ у матери. Между тѣмъ ученицы возвращались одна за другою, усталыя отъ удовольствій дня и отъ труда прошлой недѣли; слишкомъ усталыя чтобы дѣлать Руфь участницею своихъ удовольствій, передавая ей подробности истекшаго дня.

Наконецъ возвращалась и сама мистриссъ Мезонъ и снова собравъ «свою молодежь» къ себѣ въ комнату, читала молитву прежде нежели распутять дѣвушекъ спать. Возвращаясь, она уже всѣхъ ихъ находила дома, но никогда не спрашивала какъ онѣ провели день; можетъ она боялась узнать, что имымъ некуда было ходить и потому

не мѣшало бы иногда по воскресеньямъ готовить обѣдъ и отапливать комнаты.

Таковъ былъ заведенный порядокъ по воскресеньямъ въ продолженіи пяти мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ какъ Руфъ находилась въ учены у мистриссъ Мезонъ. Правда, что пока жила у нея старшая мастерица, она всегда была готова потѣшить Руфъ рассказами объ удовольствіяхъ, въ которыхъ та не участвовала; какъ бы ни уставала Джени къ вечерку, Руфъ всегда находила въ ней соболѣзнованіе къ скукѣ, перенесенной ею въ продолженіи дня. Послѣ отъѣзда Джени однообразная скука по воскресеньямъ стала казаться Руфи тяжелѣе непрестаннаго будничнаго труда, до той поры пока въ умъ ея не закралась надежда встрѣчать послѣ вечерни, містера Беллингема и слышать отъ него нѣсколько дружескихъ словъ, выразившихъ участіе къ тому что она думала и дѣлала въ продолженіи недѣли.

Мать Руфи была дочерью бѣднаго викарія въ Норфолькѣ и рано оставшись сиротою, съ радостію вышла за одного почтеннаго фермера, гораздо старѣе ея лѣтами. Однако послѣ ихъ брака всѣ дѣла его пошли замѣтно хуже. Здоровье мистриссъ Гильтонъ разстроилось и она не была въ состояніи вести хозяйства съ тѣмъ вниманіемъ, какое необходимо для жены фермера. Мужа ея постигъ цѣлый рядъ несчастій, поважнѣе смерти цѣлаго племени индѣекъ, высиженныхъ въ крапивѣ, или дурного года на сырѣ, испорченнаго нерадивою молочницею; все это вслѣдствіе того (говорили сосѣди) что мистеръ Гильтонъ сдѣлалъ большую ошибку женясь на избѣженной леди. У него пропала жатва, пали лошади, сгорѣла рига; однимъ словомъ, еслибы это была какая-нибудь замѣчательная личность, можно бы подумать, что его преслѣдуетъ рокъ, — такъ непрерывно обрушивались на него несчастія. Но онъ былъ не болѣе какъ простой фермеръ, и потому я полагаю, что его бѣдствія слѣдуетъ скорѣе приписать недостатку нѣкотораго качества въ его характерѣ, служащаго ключемъ ко всѣмъ удачамъ. Пока была жива его жена, всѣ земныя бѣдствія казались ему ничтожными: твердый умъ ея и живучая способность надѣяться удерживали его отъ отчаянія; въ ней все находило сочувствіе и всякій кто входилъ въ комнату больной, чувствовалъ себя среди какой-то атмосферы мира и надежды. Когда Руфи было уже около двѣнадцати лѣтъ, въ одно утро мистриссъ Гильтонъ была оставлена одна на нѣсколько часовъ по случаю занявшаго всѣхъ сѣнокоса. Это и прежде нерѣдко случалось и она вовсе не казалась слабѣе обыкновеннаго, когда всѣ отправа-

лись въ поле. Но по возвращеніи оттуда, когда веселые голоса требовали объѣда, приготовленнаго для косцовъ, имъ отвѣчало въ домѣ непривычное молчаніе: не слышно было тихаго, привѣтливаго голоса, не спрашивалъ онъ у работниковъ хорошо ли шло ихъ дѣло. Войдя въ маленькую пріемную, принадлежавшую мистриссъ Гилтонъ, домашніи нашли ее мертвою на ея обычномъ мѣстѣ, на софѣ. Она лежала совершенно спокойная и ясная, безъ всякихъ признаковъ страданія. Страдали тѣ кто пережилъ ее; они изнемогали подъ тяжестью горя. Вначалѣ мужъ ея не очень горевалъ, или можетъ-быть не выказывалъ своего горя, подавляя всякое внѣшнее проявленіе его; но со времени смерти жены умственные способности его стали видимо слабѣть. Онъ все еще казался сильнымъ, пожилымъ мужчиною и здоровье его было попрежнему хорошо; но онъ цѣлыми часами неподвижно просиживалъ въ своемъ креслѣ, смотря въ огонь и не говоря ни слова, если не было необходимости отвѣчать на повторяемые вопросы. Если Руфь ласками и просьбами вынуждала его пойти съ нею погулять, онъ медленными шагами обходилъ свои поля, опустивъ голову на грудь, съ тѣмъ же разсѣяннымъ, ничего не видящимъ взглядомъ. Онъ никогда болѣе не улыбался, никогда не измѣнялъ выраженія лица; ни даже въ тѣхъ случаяхъ когда что-нибудь, живѣе напоминая ему о покойной женѣ, должно было раздражать его горе. При такомъ равнодушіи къ окружающему, дѣла его естественно должны были идти все хуже и хуже. Онъ выдавалъ и принималъ деньги какъ-будто это была вода; золотые пріиски Потози не могли бы расшевелить этой убитой горемъ души. Но Богъ умилосердился надъ нимъ и послалъ своего архангела за этою усталою душою.

Послѣ его смерти кредиторы забрали въ руки всѣ его дѣла. Странно казалось Руфи, что люди, которыхъ она едва знала, брали и разсматривали всѣ вещи, которыя она привыкла считать дорогими и священными. При ея рожденіи, отецъ ея составилъ завѣщаніе. Съ гордостью человѣка, поздно и впервые узнавашаго чувство родительской любви, онъ полагалъ, что званіе опекуна его сокровища должно было быть почетно для самого лорда — намѣстника графства. Но не имѣя удовольствія быть лично знакомымъ съ благороднымъ лордомъ, онъ выбралъ самое почетное лицо изъ тѣхъ, кого онъ зналъ, и такой выборъ нельзя было назвать черезъ мѣру дерзкимъ въ тѣ времена его относительнаго благосостоянія. Но надо полагать, что богатый скельтонскій фабрикантъ солода былъ нѣсколько уди-

всень, узнавъ пять пятнадцать спустя, что онъ назначенъ исполнителемъ завѣщанія въ нѣскольکو жалкихъ сотенъ фунтовъ и опекуномъ дѣвочки, которую онъ едва ли когда въ глаза видывалъ.

Это былъ человекъ съ умомъ и съ твердымъ характеромъ; онъ имѣлъ своего рода совѣсть, имѣлъ ея даже болѣе нежели многіе, потому что сознавалъ на себѣ нѣкоторыя обязанности внѣ круга своей семьи. Онъ не отказывался отъ дѣла, какъ сдѣлалъ бы другой, а поспѣшно вытребовалъ кредиторовъ, повѣрилъ счетъ, внесъ деньги за аренду и уплатилъ всѣ долги. Потомъ внесъ за недѣлю впередъ около восьмидесяти процентовъ въ скельтанскій банкъ, сталъ прискивать куда бы помѣститъ въ ученье бѣдную, убитую горемъ Руфь. Услыхавъ о мистриссъ Мезонъ, онъ переговорилъ съ нею и устроилъ дѣло. Потомъ онъ приѣхалъ въ кабриолетѣ за Руфью и нетерпѣливо дожидаясь, пока она со старою служанкою улаживала свои платья и со слезами обходила садъ, срывая любимыя китайскія и дамскія розы, только-что разцвѣтшія подъ окнами комнаты, гдѣ жила ея мать. Сѣвъ въ кабриолетъ, она была вовсе неспособна, даже если бы была расположена, выслушивать наставленія въ расчетливости и въ покорности судьбѣ, читаемыя ей опекуномъ. Она была смирна и молчалива, поджидая ночи, когда лежа въ постелѣ, ей можно будетъ отдаться всему своему горю, возбужденному въ ней разлукою съ роднымъ кровомъ, гдѣ она жила съ родителями, жила тою вѣчно однообразною жизнію, которая составляетъ благословеніе или несчастіе дѣтства. Но на ночь въ ея комнатѣ оказалось четверо другихъ дѣвушекъ и она не могла при нихъ плакать. Она выждала пока всѣ онѣ заснули и тогда, уткнувъ лицо въ подушку, судорожно разрыдалась. Она останавливалась только затѣмъ, чтобы живѣе вызывать воображеніемъ каждое воспоминаніе изъ своихъ счастливыхъ дней, столь мало цѣнимыхъ пока они длятся въ своей невозмутимой тишинѣ, столь горько оплакиваемыхъ когда они минуютъ навсегда. Руфь припоминала каждый взглядъ, каждое слово своей матери и съ новымъ отчаяніемъ оплакивала перемѣну, произведенную ея смертію — этимъ первымъ облакомъ, затмившимъ жизнь Руфи. Участіе Дженни, пробужденной неудержимыми рыданіями бѣдной дѣвочки, скрѣпило между ними, въ эту ночь, нѣжное сочувствіе. Любящія способности Руфи, безпрестанно искавшія пищи, не находили вокругъ иного достойнаго предмета, который могъ бы замѣнить имъ утрату родственныхъ узъ.

Но мало-помалу, мѣсто Дженни въ сердце Руфи было замѣнено

другимъ лицомъ. Нашлоя нѣкто, слушавшій съ нѣжнымъ участіемъ ея маленькія откровенности, спрашивавшій о ея раннихъ, счастливыхъ дняхъ, и въ свою очередь, говорившій ей о своемъ дѣтствѣ, въ дѣйствительности не столь счастливымъ какъ дѣтство Руфи, но болѣе блестящемъ. Слушая рассказы о молочнo-бѣломъ, арабскомъ пони, о старинной картинной галерей дома, объ алеяхъ, терасахъ и фонтанахъ сада, Руфь живо представляла себѣ все это какъ оныя картины, на которой все ярче и ярче выдавался въ ея мысляхъ одинъ извѣстный образъ.

Не слѣдуетъ полагать однако, что все это случилось разомъ, хотя промежуточныя ступени были пройдены незамѣтно. Въ первое воскресенье мистеръ Беллингемъ говорилъ съ нею только о своемъ желаніи имѣть свѣдѣнія насчетъ портретовъ. Въ слѣдовавшія за тѣмъ два воскресенья онъ не приходилъ въ церковь св. Николая. На третью, онъ явился и шолъ нѣкоторое время рядомъ съ Руфью, но замѣтивъ ея смущеніе, оставилъ ее. Тутъ ей захотѣлось вдругъ чтобы онъ вернулся; день этотъ показался ей очень скучнымъ и она удивлялась почему это ей могло показаться, что не хорошо идти рядомъ съ такимъ добрымъ и ласковымъ джентльменомъ, какъ мистеръ Беллингемъ. Какъ глупо съ ея стороны быть еще такую застенчивою. Если онъ опять заговоритъ съ нею, то она уже не станетъ размышлять что скажутъ объ этомъ люди, а будетъ только наслаждаться удовольствіемъ, которое доставляютъ ей его ласковыя рѣчи и видимое участіе къ ней. Но тутъ ей назаось, что онъ уже никогда о ней болѣе не вспомнитъ; вѣрно ея лаконическіе отвѣты показались ему очень рѣзкими. Какъ это она могла такъ грубо съ нимъ обращаться? Въ будущемъ мѣсяцѣ ей уже минетъ шестнадцать лѣтъ, а какой она еще глупый ребенокъ! Такія-то нравоученія читала она сама себѣ, разставшись съ мистеромъ Беллингеомъ; результатомъ ихъ было то, что на слѣдующее воскресенье она въ десять разъ болѣе смущалась и краснѣла и была въ десять разъ прелестнѣе (какъ показала Беллингеу). Онъ предложилъ пойти домой не прямою дорогою, чрезъ Гай-Стратъ, а вокругъ, чрезъ Лисауесъ. Сначала она отказалась, но потомъ съ удивленіемъ спросивъ себя почему она отказывается отъ дѣла, по ея разумѣнію и понятію (по ея понятію) совершенно невиннаго, ктому же столь пріятнаго и заманчиваго, она согласилась обойти вокругъ. Дойдя до луговъ, окружавшихъ городъ, она забыла всякій страхъ и смущеніе, — она позабыла даже о присутствіи мистера Беллингема, восхищенная нѣжною прелестью фе-

вральскаго, весенняго дня. Изъ-подъ груды старыхъ листьевъ, скопленныхъ промежъ изгородей, выходили молодые, зеленые побѣги и мелькали блѣдныя звѣздочки бѣлой буквицы. Тамъ и самъ, золотистый цикорій оживлялъ берега маленькой рѣчки, журчавшей въ весеннемъ полноводьи у края дороги. Солнце стояло низко на горизонтѣ, и дойдя до высоты Лисауеса, Руфь вскрикнула отъ восторга при видѣ вечерняго зарева, пылающаго на краю пурпуроваго неба, тогда какъ на заднемъ планѣ, темныя, обнаженныя дѣса принимали почти металлическій блескъ въ золотистомъ туманѣ солнечнаго заката. Дорога полями простиралась не далѣе какъ на три четверти мили, но они шли ея почему-то цѣлый часъ. Руфь обратилась къ мистеру Беллингеу, благодаря его, что онъ повелъ ее домой этою прекрасною дорогою, но встрѣтивъ его страстный взглядъ и оживленное лицо, внезапно умолкла. Она тихо простилась съ нимъ и поспѣшно вошла въ домъ, взволнованная и счастливая, съ сильно бьющимся сердцемъ.

— Странно, думалось ей въ тотъ вечеръ: — отчего это мнѣ одается, что эта восхитительная вечерняя прогулка была не то что дурнымъ дѣломъ, но и не совсѣмъ хорошимъ. Почему же это? Вѣдь я не отняла у мистриссъ Мезонъ того времени, которымъ ей обязана, что конечно было бы дурно; но по воскресеньямъ я иду куда хочу; а я была въ церкви, значить ничего не сдѣлала дурного. Еслибы, положимъ, я гуляла съ Дженни, чувствовала ли бы я то что чувствую теперь? Вѣрно во мнѣ самой есть что-нибудь такое нехорошее, что я чувствую себя виноватою, не сдѣлавъ ровно ничего дурного. Я должна бы благодарить Бога за счастье, доставленное мнѣ этою пріятною, весеннею прогулкою. Маменька всегда говорила что когда какое-нибудь удовольствіе насъ счастливить, то это доказываетъ, что оно невинно и полезно для насъ.

Она все еще не сознавала, что присутствіе Беллингема придало много прелести прогулкѣ, а потомъ, когда могла бы уже сознать это, когда недѣля за недѣлею, воскресенье за воскресеньемъ вели одну прогулку за другою, ее уже слишкомъ поглотило новое чувство, чтобы оставалась возможность анализировать себя.

— Говорите мнѣ обо всемъ, Руфь, какъ говорили бы брату; позвольте мнѣ помогать вамъ въ вашихъ затрудненіяхъ, сказалъ ей однажды послѣ вечерни мистеръ Беллингеъ. И онъ въ самомъ дѣлѣ силился понять и представить себѣ какъ такое ничтожное и гадкое существо, какъ портниха мистриссъ Мезонъ, можетъ быть предме-

томъ страха для Руфи и имѣть надъ нею власть. Онъ возгорался негодованіемъ, когда Руфь, въ доказательство силы и значенія мистриссъ Мезонъ, приводила ему примѣры дурныхъ послѣдствій ея гнѣва. Онъ объявилъ, что мать его не закажетъ болѣе ни одного платья такой злодѣйкѣ, и что онъ предупредитъ всѣхъ своихъ знакомыхъ не имѣть болѣе съ нею дѣла. Руфь испугалась послѣдствій своего односторонняго описанія и принялась очень серьезно защищать мистриссъ Мезонъ, какъ-будто угрозы молодого человѣка дѣйствительно могли быть приведены въ исполненіе.

— Право, сэръ, я совсѣмъ несправедлива; не сердитесь такъ, прошу васъ. Иногда она бываетъ очень добра къ намъ; она только немножко вспыльчива, да вѣдь мы часто выводимъ ее изъ терпѣнія и признаться, въ особенности я. Мнѣ часто приходится пороть мою работу, а вы не можете представить себѣ какъ это портитъ матерію, особливо шолковую. А вѣдь выговоры приходится выслушивать ей же, мистриссъ Мезонъ. О, какъ я сожалею, что говорила объ этомъ, прошу васъ сэръ не говорите ничего вашей маленькѣ. Мистриссъ Мезонъ такъ дорожитъ честью работать на мистриссъ Беллингемъ.

— Хорошо, на этотъ разъ я промолчу, сказалъ молодой человѣкъ, сообразивъ, что не совсѣмъ-то ловко будетъ объяснять матери какимъ образомъ онъ приобрѣлъ всѣ эти точныя свѣдѣнія о томъ что происходитъ въ мастерской у мистриссъ Мезонъ: — но если она опять сдѣлаетъ что-нибудь подобное, тогда я уже не ручаюсь за себя.

— Я ужь небуду рассказывать вамъ, сэръ, тихо выговорила Руфь.

— О, нѣтъ, Руфь, вы не станете ничего таить отъ меня. Не такъ ли? Помните, что вы обѣщали видѣть во мнѣ брата. Продолжайте рассказывать мнѣ обо всемъ что съ вами случается, прошу васъ. Вы не можете вообразить какое участіе я принимаю въ васъ. Я такъ живо воображаю себѣ этотъ прелестный домъ въ Мильгемъ, который вы описывали мнѣ въ прошлое воскресенье. Я какъ-будто уже былъ и въ мастерской у мистриссъ Мезонъ; это конечно доказываетъ или живость моего воображенія, или вапне умѣнье красно-рѣчиво описывать.

Руфь улыбнулась.

— Должно быть, сэръ. Наша мастерская такъ мало походитъ на

все что вы когда-либо видѣли. А мимо Мильгема вы я думаю часто проѣзжали, по дорогѣ въ Лауфордъ.

— Такъ вы не вѣрите, что это одно мое воображеніе такъ живо рисуетъ мнѣ Мильгемъ-Гренджъ. Не влѣво ли отъ дороги лежитъ онъ, Руфъ?

— Влѣво, сэръ; какъ разъ надъ мостомъ, на холмѣ, гдѣ такая тѣнистая вязовая роца; а за нею и мой милый Гренджъ, котораго мнѣ не видать ужъ никогда.

— Никогда! вздоръ Руфъ! Это всего въ шести миляхъ отсюда: вы можете побывать тамъ. Это менѣе часа ѣзды.

— Можетъ быть и увижу, когда буду постарше. Я еще не знаю хорошенько что значитъ «никогда». Я такъ давно не была тамъ и не предвижу никакой возможности побывать еще въ продолженіи многихъ лѣтъ.

— Почему же Руфъ? вы — мы можемъ отправиться туда если хотите въ будущее же воскресенье послѣ вечерни!

Она взглянула на него, просявъ удовольствіемъ отъ этой мысли.

— Какъ сэръ? развѣ я успѣю сходить туда между вечернею и возвращеніемъ мистриссъ Мезонъ? Мнѣ бы только взглянуть... Если бы можно было войти въ домъ — ахъ сэръ! и я опять увидала бы маменькину комнату!

Онъ сталъ придумывать какъ бы доставить ей это удовольствіе, имѣя въ виду и свое собственное. Если онъ повезетъ ее въ своеѣ экипажѣ, то вся прелесть прогулки пропадетъ и ктому же они будутъ въ нѣкоторой степени связаны присутствіемъ слугъ и подвергнутся ихъ пересудамъ.

— Хорошій ли вы ходокъ, Руфъ? можете ли вы пройти шесть миль? Если мы отправимся въ два часа, то не снѣшна будемъ тамъ къ четыремъ или къ половинѣ пятого. Тамъ мы отдохнемъ часа два и вы покажете мнѣ всѣ ваши бывшія любимыя мѣста и прогулки. Погулявъ, мы вернемся домой. Итакъ, это рѣшено.

— Но хорошо ли все это будетъ, сэръ? Это такое большое удовольствіе, что я боюсь нѣтъ ли въ немъ чего нибудь дурного.

— Полноте, трусиха, что же тутъ дурного?

— Впервыхъ, мнѣ придется пропустить вечерню, чтобы пойти въ два часа, замѣтила Руфъ довольно серьезно.

— Одинъ-то разъ — бѣда не велика. Вы сходите къ обѣднѣ.

— Едва ли мистриссъ Мезонъ позволила бы это.

— Полагаю, что нѣтъ. Но развѣ мистриссъ Мезонъ указчица вамъ въ томъ что дурно и что хорошо? Вѣдь она находитъ, что хорошо поступать съ бѣдною Бальшеръ такъ какъ вы мнѣ рассказывали, а вы находите, что это дурно. Значитъ каждый думаетъ и чувствуетъ посвоему. Помните, Руфь, не глядите чужими глазами; судите посвоему. Вамъ предстоитъ совершенно невинное удовольствіе и притомъ же удовольствіе не эгоистическое, потомучто я буду наслаждаться имъ столько же сколько и вы. Мнѣ будетъ пріятно взглянуть на тѣ мѣста, гдѣ вы провели свое дѣтство; я вѣрно полюблю ихъ такъ же какъ и вы.

Онъ понизилъ голосъ и говорилъ тихо, убѣдительно. Руфь наклонила голову, пылая отъ избытка счастья; она не могла говорить и не настаивала болѣе на своихъ сомнѣніяхъ. Такимъ образомъ дѣло было условлено.

Сколько счастья доставилъ этотъ планъ Руфи на всю недѣлю! Она слишкомъ рано лишилась матери, чтобы получить какія нибудь совѣты и наставленія касательно положенія женщины, касательно того, о чемъ умные родители если и говорятъ прямо, то все же едва ли могутъ вполнѣ объяснить словами; — что имѣетъ подразумѣваемый смыслъ, но не имѣетъ вида и формы, извѣстныхъ людямъ, хотя неопровержимо существуетъ и доказывается намъ, прежде нежели мы успѣемъ сознать и опредѣлить сущность этого. Руфь была невинна и чиста какъ первый снѣгъ. Она слыхала, что люди влюбляются, но не знала еще симптомовъ этого чувства, да и не задумывалась о немъ. Горе наполнило жизнь ея до исключенія изъ нея всякой свѣтлой мысли, кромѣ сознанія своихъ настоящихъ обязанностей и воспоминанія о прошлыхъ, счастливыхъ дняхъ. Пробѣлъ, наступившій въ ея жизни послѣ смерти матери и впродолженіе ипохондріи отца, какъ нельзя болѣе подготовилъ ее отозваться на сочувствіе, которое она нашла сначала въ Дженни, потомъ въ мистерѣ Беллингемѣ. Видѣть себя снова дома и видѣть себя тамъ съ нимъ, показывать ему (вѣря въ его участіе) всѣ ея любимыя мѣста, каждое отмѣченное какимъ нибудь воспоминаніемъ, какимъ нибудь давно-миновавшимъ случаемъ! Ни малѣйшая тѣнь не помрачила для нея счастья этой недѣли, счастья, слишкомъ свѣтлаго, чтобы быть высказаннымъ постороннимъ, равнодушнымъ ушамъ.

ГЛАВА IV

Наступило воскресенье ; наступило оно такое свѣтлое, какъ будто бы въ мірѣ не было ни горя, ни смерти, ни преступленія : одинъ или два дождливыхъ дня сдѣлали землю такую чистою, свѣжею и веселою , какъ голубое небо что было надъ нею. Руфи показалось, что желаніе ея исполняется уже слишкомъ точно и она ожидала, что къ полдню снова соберутся облака ; однако солнце не переставало свѣтить, и въ два часа Руфь была въ Лисауесѣ. Сердце ея шибко и весело билось и ей хотѣлось остановить часы , которые пронесутся слишкомъ быстро въ этотъ день.

Медленно пошли молодые люди душистыми алеями , какъ будто тихая ходьба могла продлить время и приудержать рьяныхъ коней его, быстро несшихся къ концу счастливаго дня. Былъ уже шестой часъ когда они пришли къ большому мельничному колесу, еще не обсохшему отъ дождя, лившаго наканунѣ, и недвижимо въ праздничной тѣни стоявшему въ глубинѣ прозрачной воды, среди густой массы тѣни. Они взобрались на пригорокъ не совсѣмъ еще покрытый тѣнью вязовъ, и тутъ Руфь остановила Беллингема легкимъ движеніемъ руки, лежавшей на его рукѣ, и заглянула ему въ лицо, чтобы видѣть что оно выражало при видѣ Мильгемъ-Гренджа, мирно лежавшаго передъ ними въ эту минуту, покрываясь вечерними тѣнями. Это былъ въ полномъ смыслѣ жилой домъ ; въ сосѣдствѣ находилось обиліе строительныхъ матеріаловъ, и каждый владѣлецъ находилъ необходимымъ дѣлать какую-нибудь пристройку или улучшение, такъ что все это составило живописную, неправильную массу переломленнаго свѣта и тѣней и дало въ цѣломъ полнѣйшій образецъ того что называется «жилемъ». Всѣ его выемки и углубленія были заплетены сплошною тканью вьющихся розъ и другихъ растений. Въ домѣ, пока оцъ еще не былъ нанятъ, жила какая-то престарѣлая чета, но она занимала заднюю часть его и наружная дверь никогда не отворялась, такъ что птички спокойно вили гнѣзда на портикахъ оконъ и крыльца и молодые штенцы безбоязненно сидѣли на нихъ и на старомъ каменномъ водосмѣ, куда стекала съ крыши вода.

Молодые люди молча шли по запущенному саду, усѣянному бѣлыми, весенними цвѣтами. Паукъ распустилъ паутину по наруж-

ной двери. Этотъ видъ внушилъ Руфи грустное чувство. Ей подумалось, что можетъ-быть никто еще не переступалъ порога этой двери съ тѣхъ поръ какъ чрезъ него вынесли тѣло ея отца, и быстро отвернувшись, она обошла вокругъ къ другой двери. Мистеръ Беллингемъ молча послѣдовалъ за нею, не совсѣмъ понимая ея движенія, но любясь игрою выраженія на ея лицѣ.

Старуха еще не возвращалась отъ вечерни, или изъ гостей, куда она пошла. Мужъ ея сидѣлъ въ кухнѣ, читая псалмы того дня въ своемъ молитвенникѣ и произнося слова вслухъ, — привычка, приобретенная имъ въ двойномъ уединеніи его жизни: онъ былъ глухъ. Онъ не слышалъ тихаго входа молодыхъ людей, которыхъ поразило странное эхо, раздававшееся въ пустыхъ и необитаемыхъ покояхъ.

Старикъ произносилъ слѣдующій стихъ :

«Вскую прискорбна еси душе моя, и вскую смущаеши мя; уповай на Бога, яко исповѣмся Ему, спасеніе лица моего и Богъ мой.»

Выговоривъ эти слова, онъ закрылъ книгу и вздохнулъ съ довольствомъ исполненной обязанности. Слова святой истины, хотя можетъ-быть не вполне имъ понятыя, излили миръ въры въ глубину его души. Поднявъ глаза, онъ увидалъ стоящую среди комнаты молодую чету. Онъ поднялъ на лобъ очки и привсталъ съ мѣста, привѣтствуя дочь своего бывшего господина, своей постоянно-уважаемой покойной госпожи.

— Благослови тебя Богъ, дѣвочка, благослови тебя Богъ! Съ радостью видятъ тебя опять мои старые глаза.

Руфь бросилась и схватила мозолистую руку, протянутую къ ней для благословенія. Она сжимала ее въ своихъ, засыпая старика распросами. Мистеру Беллингеми было не совсѣмъ ловко видѣть ту, которую онъ начиналъ уже считать своею, въ такихъ нѣжно-фамиллярныхъ отношеніяхъ съ простымъ, грубымъ работникомъ. Онъ направился къ окну и сталъ глядѣть на поросшій травой дворъ фермы, но ему пришлось выслушать часть разговора, происходившаго, по его мнѣнію, уже черезъ чуръ въ фамиллярномъ тонѣ.

— А это кто же такой? спросилъ наконецъ старикъ: — не другъ ли твой сердечный? — Вѣрно сынъ твоей хозяйки? Вишь какой важный!

Кровь «всѣхъ Гоуардовъ» бросилась въ голову Беллингема и

произвела такой звонъ въ его ушахъ , что онъ не разслышалъ отвѣта Руфи.

Отвѣтъ этотъ начинался такимъ образомъ :

— Молчи, Томъ, молчи пожалуйста! Но даге Беллингемъ не разслышалъ.

Принять ею за сына мистриссъ Мезонъ ! Это уже черезъ чуръ смѣшно ; но подобно многимъ смѣшнымъ обстоятельствамъ , это обстоятельство его очень взбѣсило. Онъ былъ уже не совѣмъ прежнимъ Беллингемомъ, когда Руфъ робко подошла къ окну, спрашивая его желаетъ ли онъ осмотрѣть залъ , куда вело парадное крыльцо. Многие находили этотъ залъ очень красивымъ , робко сказала она, видя на его лицѣ суровое и надменное выраженіе , котораго онъ не могъ скрыть. Однако онъ послѣдовалъ за нею, но выходя изъ кухни, взглянулъ на стоявшаго старика , который также глядѣлъ на него съ страннымъ, серьезнымъ выраженіемъ неудовольствія.

Они прошли каменнымъ коридоромъ , извилистымъ и пропитаннымъ сыростью , и вошли въ главный залъ или диванную , обыкновенную въ домахъ фермеровъ этой части Англїи. Въ эту комнату вело главное крыльцо и въ нее же выходили двери изъ другихъ покоевъ , какъ-то : изъ молочни , изъ спальни (бывшей отчасти и гостиной) и изъ маленькой комнатки, принадлежавшей послѣдней мистриссъ Гильтонъ, гдѣ та постоянно сидѣла, или чаще лежала, располагаясь, сквозь отворенную дверь , всѣми дѣлами хозяйства. Въ то время залъ былъ самою веселою комнатою , самою оживленною ; по ней то и дѣло проходили то хозяинъ , то ребенокъ , то слуги ; въ ней каждый вечеръ , до лѣтнихъ жаровъ , пылалъ и трещалъ въ каминѣ веселый огонь , такъ какъ толстыя каменные стѣны , глубокія окна и наружные обои хмѣля и плюща заставляли постоянно освѣщать и нагрѣвать эту комнату, усталую плитами.

Теперь зеленая тѣнь снаружи сдѣлалась какъ-будто черною въ этой необитаемой пустынѣ. Дубовая мебель и тяжелые рѣзные буфеты стояли тусклые и мрачные , тогда какъ прежде они блестяли какъ зеркала при постоянномъ свѣтѣ огня въ каминѣ ; теперь они прибавляли только мрачности комнатѣ , вмѣстѣ съ густымъ слоемъ плѣсени на плитахъ пола. Руфъ стояла среди зала , не видя ничего изъ того что было у нея передъ глазами. Передъ нею, какъ въ видѣніи, возстали прошлые дни — вечеръ изъ временъ ея дѣтства : отецъ ея сидитъ « въ хозяйскомъ углу », возлѣ огня и спокойно куритъ трубку, задумчиво глядя на жену и дочь ; она сидитъ на маленькомъ сту-

лѣ у ногъ матери, которая ей читаетъ... И все прошло, все исчезло въ мірѣ тѣней, но минута эта воскресла для нея такъ живо въ старой комнатѣ, что Руфи показалось будто настоящая жизнь ея — не болѣе какъ сонъ. Молча направилась она въ бывшую комнату своей матери, но опустѣлый видъ этой комнаты когда-то полной мира и материнской любви, обдалъ холодомъ ея сердце. Она вскрикнула и бросившись на софу, закрыла лицо руками. Платье надрывалось на груди ея отъ сдерживаемыхъ рыданій.

— Милая Руфь, не предавайтесь такому горю; к чему это? вѣдь мертвыхъ не вернете, уговаривалъ ее Беллингемъ, огорченный ея отчаяніемъ.

— Знаю, что нѣтъ, оттого-то и плачу, прошептала Руфь: — оттого-то и плачу, что ничѣмъ уже не вернутъ ихъ.

Она вновь зарыдала, но уже тише прежняго; ее утѣшили и успокоили его ласковыя слова, хотя и не могли совсѣмъ заглушить ея горя.

— Уйдемъ отсюда, я не могу оставить васъ здѣсь долѣе. Въ этихъ комнатахъ для васъ слишкомъ много тяжелыхъ воспоминаній. Пойдемте, прибавилъ онъ, осторожно приподнимая ее, — покажите мнѣ вашъ маленькій садикъ, о которомъ вы мнѣ такъ много рассказывали. Не онъ ли это вотъ тутъ передъ окномъ? Видите ли какъ я хорошо помню все что вы мнѣ говорили.

Онъ повелъ ее вокругъ задней части дома въ прекрасный, старинный садъ. Тамъ, подъ самыми окнами, былъ насаженъ рядъ подсолнечниковъ, а подалѣе, на зеленомъ лугу, стояли подстриженные буквыя и тисовыя деревья. Руфь снова принялась болтать о своихъ дѣтскихъ походахъ и уединенныхъ играхъ. Обернувшись, они увидѣли старика, вышедшаго изъ дома съ помощью палки и глядѣвшаго на нихъ тѣмъ же серьезнымъ и грустнымъ взглядомъ.

— Чего этотъ старикъ насъ преслѣдуетъ? сказала Беллингемъ съ досадою: — онъ ужъ чересчуръ дерзокъ, я нахожу.

— О, не считайте Тома дерзкимъ. Онъ такой добрый, ласковый; онъ какъ родной отецъ для меня. Я помню какъ часто, бывши ребенкомъ, я сиживала у него на колѣнахъ и онъ рассказывалъ мнѣ исторіи изъ «Странствія Пилигрима». Онъ выучилъ меня сосать молоко чрезъ соломенку. Мама очень любила его. Онъ всегда сидѣлъ съ нами по вечерамъ, когда папа уѣзжалъ на ярманку, потому что мама боялась оставаться въ домѣ безъ мужчины и просила стараго Тома быть съ нами; онъ бралъ меня къ себѣ на колѣни и слушалъ

меня также внимательно, какъ я слушала мама, когда она вслухъ читала.

— Неужели вы сидѣли на колѣнахъ у этого старика?

— О, конечно, и много, много разъ.

Мистеръ Беллингемъ сдѣлался мрачнѣе чѣмъ былъ въ ту минуту, когда Руфь расплакалась въ комнатѣ своей матери. Но шевельнувшись въ немъ непріятное чувство прошло, когда онъ увидѣлъ какъ она бродила между цвѣтовъ, разглядывая свои любимые кусты и растенія; съ каждымъ изъ нихъ было связано для нея какое-нибудь воспоминаніе. Она бродила граціозными, волнистыми линиями между пышныхъ, зеленѣющихъ кустовъ, распространявшихъ запахи весеннихъ соковъ, она шла естественно и просто, не помышляя о сдѣдившихъ за нею взорахъ, забывъ даже въ эту минуту объ ихъ близости.

Она остановилась надъ кустомъ жасмина, и сорвавъ вѣтку, нѣжно поцѣловала ее: это былъ любимый цвѣтокъ ея матери.

Старый Томъ стоялъ на пригоркѣ и слѣдилъ оттуда за всѣми движеніями Руфи. Беллингемъ глядѣлъ на нее съ страстнымъ восторгомъ, смѣшаннымъ съ чувствомъ эгоистической любви, тогда какъ во взорѣ старика выразилось заботливое участіе и уста его шептали благословенія.

— Эдакая хорошенькая! вся въ мать, рассуждалъ онъ: — и ласковая попрежнему. Ни на волосокъ не выучилась она зазнаваться тамъ, въ своемъ модномъ магазинѣ. Не довѣряю я однако этому молодцу, хотя она и говоритъ, что онъ настоящій джентльменъ, хотя и велѣла мнѣ замолчать, когда я спросилъ не любезный ли онъ ей. Если это не взгляды влюбленного, то значить я позабылъ свою молодость. Вонъ! никакъ уходятъ. Вишь какой онъ, уводитъ ее не давъ проститься со старикомъ, но не думаю я чтобы она такъ измѣнилась.

И точно. Руфь вовсе не замѣтила на лицѣ мистера Беллингема недовольнаго выраженія, подмѣченнаго старикомъ. Она подбѣжала къ Тому, и пожимая ему руку, просила поклониться отъ нея его женѣ.

— Скажи Мери, что я сошью ей отличное платье, какъ только буду имѣть свой собственный магазинъ; самое модное сошью, съ пышными рукавами, такъ что она сама себя въ немъ не узнаетъ. Скажи же Томъ, не забудешь?

— Скажу дитя, скажу. Рада она будетъ слышать, что ты не по-

забыла о хорошемъ старомъ времени! Да благословить тебя Богъ, да сохранить онъ тебя своимъ промысломъ!

Руфь была уже на поддороги къ нетерпѣливому Беллингеу, когда старый другъ ея позвалъ ее назадъ. Ему хотѣлось предостеречь ее отъ грозившей ей по его мнѣнію опасности, но онъ не зналъ какъ бы это сдѣлать. Все что онъ придумалъ сказать ей, когда она вернулась, былъ текстъ изъ писанія, — впрочемъ онъ и думалъ на библейскомъ языкѣ, когда мысль его была увлечена чувствомъ за предѣлъ дѣйствительной жизни.

— Дитя мое, сказалъ онъ, помни, что дьяволъ рыщетъ вокругъ насъ, яко левъ рыкающій, ища кого бы пожрать. Помни объ этомъ, Руфь.

Слова эти коснулись ея слуха, не внушивъ ей никакой сознательной мысли. Единственное что онъ пробудили въ ней было воспоминаніе о томъ страхѣ, который она чувствовала ребенкомъ, когда впервые услышала это изреченіе и представляла себѣ потомъ голову льва со сверкающими глазами, выглядывающую изъ темной кущи лѣса, которую она поэтому всегда обходила и даже теперь не могла думать о ней безъ трепета. Она никакъ не воображала, чтобы страшное предостереженіе относилось къ красивому юношѣ, который поджидалъ ее, съ блескомъ любви во взорѣ, и нѣжно положилъ ея руку подъ свою.

Старикъ вздохнулъ, провожая ихъ глазами.

— Да направитъ Господь стопы ея! произнесъ онъ про себя, — боюсь я, что она идетъ опаснымъ путемъ. Надо сказать хозяйкѣ чтобы она сходила въ городъ и поговорила съ нею, шепнула ей словечко на счетъ этой бѣды. Хорошая старуха, какъ Мери, сумѣетъ лучше сдѣлать это нежели старый дуракъ, какъ я.

Бѣдный работникъ долго и горячо молился въ эту ночь за Руфь. Онъ называлъ это «отстаивать ея душу» и надо полагать, что молитвы его были услышаны, потому что «судъ божій не то что судъ людской.»

А Руфь между тѣмъ шла своею дорогою, не замѣчая носившихся надъ нею мрачныхъ призраковъ будущаго; грусть ея, съ легкостью дѣтскаго возраста, еще не утраченною въ шестнадцать лѣтъ, перешла въ тихое веселье, имѣвшее необъяснимую прелесть. Мало-помалу она прояснилась до чувства полного счастья. Вечеръ стоялъ тихій и ясный, новорожденное лѣто разливало на все такую

прелесть, что подобно всякому молодому созданію Руфь ощутила на себѣ его благодатное вліяніе.

Они остановились на вершинѣ крутой горы ярдовъ во сто вышиною; наверху была неровная и открытая плоскость, ярдовъ на семьдесятъ устланная какъ богатымъ ковромъ золотистыми цвѣтами вереска, разливавшими восхитительный аромать въ свѣжемъ, раздражительномъ воздухѣ. Одинъ край пустоши склонялся къ прозрачному пруду, въ которомъ отражались дикіе, песчаные обрывы, отвѣсно возстававшіе на противоположномъ берегу. Сотни комаровъ нашли себѣ тутъ пристанище и кружились въ эту минуту надъ прозрачною водою, рѣзвясь и погружая въ нее крылья. Около этого пустыннаго пруда казалось водились всевозможные роды птицъ: трясогузки собрались вокругъ его береговъ, коноплянки качались на самыхъ высокыхъ вѣткахъ вереска и множество другихъ невидимыхъ пѣвцовъ, спрятанныхъ за пригорками, допѣвали свои вечерніе гимны. На дальнемъ краю зеленой пустыни, какъ разъ у дороги, стояла гостиница, скорѣе походившая на ферму и очень удобно расположенная для доставленія лошадей или отдыха усталымъ путешественникамъ, взбирающимся на гору. Это было длинное, низкое строеніе со множествомъ слуховыхъ оконъ на солнечную сторону, необходимыхъ при такомъ открытомъ расположеніи, и со странными и прихотливыми выступами по обѣимъ сторонамъ. Передъ главнымъ фасадомъ былъ широкій навѣсъ съ гостепріимными скамьями, гдѣ дюжина челоувѣкъ могла сидѣть и наслаждаться чистымъ воздухомъ. Прямо передъ домомъ росъ развѣсистый кленъ, подъ тѣнью котораго были разставлены скамьи («кровь патріархами любимый»). На вѣтвяхъ его со стороны дороги красовалась невѣроятная вывѣска, благоразумно снабженная объясненіемъ, гласившимъ, что дерево называется королемъ Карломъ.

Вблизи этой удобной, спокойной и уединенной гостиницы находился другой прудъ, служившій для домашняго обихода фермы; въ немъ поился рогатый скотъ, скотъ возвращавшійся въ поле послѣ доенья. Медленные, лѣнныя движенія животныхъ навѣвали на зрителя какое-то дремотное чувство. Руфь и Беллингемъ пошли поперегъ поля, чтобы выйти на дорогу у гостиницы. Рука въ руку, то накалываясь на длинныя сучья, то увязая въ песокъ, то ступая по мягкому коврику вереска, придающаго такую свѣжесть картинамъ осени, или попирая тминъ и другія душистыя травы, шли они оживляя свой путь веселыми взрывами смѣха. Выйдя на дорогу,

Руфь остановилась на вершинѣ холма въ нѣмомъ изумленіи отъ картины, разостлавшейся предъ ея глазами. Холмъ внезапно спу- скался въ долину, разстилавшуюся миль на двѣнадцать или болѣе. Група темныхъ шотландскихъ елей вырисовывалась на западномъ небѣ, рѣзче отдавая другіе предметы на горизонтѣ. Долина, раски- нувшаяся подъ ногами, была покрыта лѣсомъ, одѣтымъ нѣжною зе- ленью весны; листья распустились уже на всѣхъ деревьяхъ, кромѣ осторожнаго ясеня, придававшего мѣстами пейзажу пріятный, сѣ- роватый отливъ. Вдали видѣлись колокольни, башни и ряды трубъ далекихъ фермъ, надъ которыми поднимались въ золотистомъ воз- духѣ тонкія колонны голубого дыма. Горизонтъ заканчивался хол- мами, облитыми багряною тѣнью заката.

Молодые люди стояли безмолвно, наслаждаясь этою картиною. Воздухъ былъ полонъ какихъ-то мелодическихъ звуковъ; отдален- ный благовѣстъ гармонически сливался съ нѣжнымъ пѣніемъ пря- тавшихся гдѣ-то вблизи птичекъ; не слышно было ни мычанія ско- та, ни рѣзкихъ голосовъ работниковъ по фермамъ, какъ будто все стихло въ религіозномъ покоѣ воскреснаго дня. Руфь и Беллингемъ стояли передъ домомъ, безопасно наслаждаясь окружающимъ видомъ. Часы въ гостиницѣ пробили восемь и бой ихъ громко и рѣзко раз- дался въ тишинѣ.

— Неужели уже такъ поздно? спросила Руфь.

— Я тоже никакъ не думалъ, отвѣтил Беллингемъ. Но это не бѣда: вы посиѣтите домой гораздо ранѣе девяти. Постоите, вотъ тутъ, я знаю, есть дорога полями гораздо короче; подождите минутку, я схожу распросить о ней въ гостиницѣ.

Онъ выпустилъ ея руку и отправился въ гостиницу. На песча- ный холмъ медленно вѣзжалъ кабріолетъ, незамѣчаемый молодою четою, и взобравшись на платформу, остановился прямо передъ ни- ми въ ту минуту какъ Беллингемъ отходилъ отъ своей спутницы. Руфь обернулась на стукъ лошадиныхъ копытъ и увидѣла мистриссъ Мезонъ!

Между ними не было десяти, не было пяти ярдовъ разстоянія. Онъ въ ту же минуту узнали другъ друга и хуже всего то, что ми- стриссъ Мезонъ ясно видѣла своими зоркими, рысьими глазами по- ложеніе, въ которомъ Руфь стояла съ молодымъ человѣкомъ, перелѣ- тѣмъ какъ онъ ее оставилъ. Рука дѣвушки лежала на его рукѣ, крѣпко сжатая его другою рукою.

Мистриссъ Мезонъ мало заботилась объ искушеніяхъ, которымъ

подвергались вѣренныя ей ученицы, но становилась неумолимо строга, если эти искушенія оказывали нѣкоторое вліяніе на ихъ поведеніе. Она называла это «блюсти честь своего заведенія.» Понастоящему, похристіански, слѣдовало бы съ материнскою заботою оберегать довѣренныхъ ей дѣвушекъ.

Къ довершенію, въ этотъ вечеръ она находилась въ раздраженномъ состояніи духа. Братъ ея вздумалъ провести ее чрезъ Ген-бери, чтобы доставить ей неприятыя свѣдѣнія о поведеніи ея старшаго сына, служившаго прикащикомъ у торговца суконъ, въ сосѣднемъ городѣ. Она кипѣла негодованіемъ, но это негодованіе было обращено не противъ настоящаго виновнаго, ея непогрѣшимаго баловня. Находясь въ такомъ раздраженномъ состояніи духа (потому что братъ ея справедливо защищалъ противъ ея нападковъ хозяина и товарищей ея сына), она увидѣла Руфъ, стоящую съ молодымъ человѣкомъ, далеко отъ дома, поздно вечеромъ и ухватилась за случай дать излиться своей злобѣ.

— Миссъ Гилтонъ, подойдите! вскричала она строго, потомъ понизивъ голосъ до тихихъ, сосредоточенныхъ нотъ, начала, обращаясь къ трепещущей, виновной дѣвушкѣ :

— Не смѣйте болѣе показывать вашего лица въ моемъ домѣ послѣ такого поведенія. Я очень хорошо видѣла что вы дѣлаете. Я не потерплю такого пятна на моемъ заведеніи. Ни слова болѣе. Я все знаю. Завтра я обо всемъ напишу вашему опекуну.

Лошадь нетерпѣливо рванула впередъ, и Руфъ осталась на мѣстѣ окаменѣлая, блѣдная, ошеломленная, какъ будто молнія ударила въ то мѣсто, гдѣ она стояла.

Она не могла сдѣлать ни шага и чувствуя, что у нея подкашиваются ноги, упала на песчаный пригорокъ, закрывъ руками лицо.

— Руфъ, вамъ дурно? Что съ вами? Руфъ! милая, жизнь моя, что съ вами?

Такія нѣжныя слова послѣ такихъ жесткихъ! Онѣ вызвали у нея слезы и она горько зарыдала.

— О! видѣли вы ее, слышали что она сказала?

— Она? Кто она, моя прелесть? Не плачьте такъ, Руфъ, скажите мнѣ въ чемъ дѣло. Кто былъ здѣсь? Кто говорилъ съ вами что вы такъ расплакались?

— О! мистриссъ Мезонъ!

Она снова зарыдала.

— Не можетъ быть, увѣрены ли вы? Я не отлучался и на пять минутъ.

— О, я твердо увѣрена, сэръ. Она была страшно сердита и сказала, чтобы я не смѣла болѣе никогда къ ней показываться. Другъ мой! что мнѣ дѣлать?

Бѣдной дѣвочкѣ казалось, что слова мистриссъ Мезонъ были неумолимымъ приговоромъ и что теперь для нея заперты все двери. Теперь только поняла она въ какой степени поступокъ ея былъ предосудителенъ, но поправить его было уже поздно. Она знала съ какою строгостью мистриссъ Мезонъ обращалась съ нею за самые ничтожные и невольные проступки, а теперь она поступила дѣйствительно дурно и содрогалась, помышляя о послѣдствіяхъ. Слезы мѣшали ей видѣть перемѣну въ лицѣ Беллингема, молча глядѣвшаго на нее (впрочемъ и видя ее, она не могла бы объяснить себѣ ея значенія). Но молчаніе его длилось слишкомъ долго, такъ что не смотря на все ея горе, оно поразило ее. Она ждала отъ него утѣшенія.

— Это очень неприятно, началъ онъ наконецъ и остановился, потомъ вновь заговорилъ: очень неприятно, потому что видите ли, я не хотѣлъ говорить вамъ этого прежде, но я полагаю — мнѣ предстоитъ дѣло, мнѣ нужно ѣхать завтра въ Лондонъ. Я вовсе не могу сказать когда вернусь оттуда.

— Въ Лондонъ! вскричала Руфь: — вы уѣзжаете? о! мистеръ Беллингема! Она неутѣшно зарыдала, совершенно предавшись отчаянію и позабывъ весь страхъ, внушонный ей гнѣвомъ мистриссъ Мезонъ. Въ эту минуту ей казалось, что все можно перенести, кромѣ его отъѣзда, но она ничего болѣе не сказала. Спустя двѣ-три минуты Беллингема заговорилъ, но не обыкновеннымъ своимъ беззаботнымъ тономъ, а съ какимъ-то сдержаннымъ раздраженіемъ.

— Какъ я васъ оставляю, моя Руфь? Особливо въ настоящемъ положеніи, куда вы теперь пойдете, я и придумать не могу. По всему что вы говорили мнѣ о мистриссъ Мезонъ, я не думаю чтобы она была способна смягчить свое строгое рѣшеніе.

Отвѣтомъ были однѣ тихія неудержимыя слезы. Гнѣвъ мистриссъ Мезонъ былъ уже на заднемъ планѣ; настоящимъ горемъ сталъ отъѣздъ Беллингема.

— Руфь, продолжалъ онъ, хотите ѣхать со мною въ Лондонъ? Любовь моя, я не могу оставить васъ здѣсь безъ пристанища; разлука съ вами и безъ того уже такъ тяжела, а еще при такихъ об-

стоятельствѣхъ, безъ друзей, безъ крова, это невозможно. Поѣдемъ со мною, милая, доверьтесь мнѣ.

Руфь молчала. Вспомнимъ какъ была она молода, невинна, вспомнимъ, что у нея не было матери. Ей казалось, что для ея счастья довольно быть съ Беллингемомъ; что касается до будущаго, то это онъ уже самъ все рѣшить и устроить. Будущее скрывалось въ золотистомъ туманѣ, за который она не старалась проникать; но если *онъ*, ея солнце, скроется изъ вида, уѣдетъ, — золотистый туманъ превратится въ черную мглу безъ малѣйшаго луча надежды. Беллингемъ взялъ ея руку.

— Ёдете вы со мною? Любите ли вы меня настолько чтобы довериться мнѣ? — О, Руфь, продолжалъ онъ съ упрекомъ, неужели вы мнѣ не доверяете?

Она перестала плакать, но тяжело вздыхала.

— Милая, я не могу этого вынести. Ваше горе приводит меня въ отчаяніе. Но еще тяжелѣе видѣть какъ вы равнодушны, какъ мало огорчаетъ васъ наша разлука.

Онъ опустил ея руку. Руфь снова разрыдалась.

— Мнѣ придется можетъ ѣхать въ Парижъ съ моею матерью. Не знаю когда мы опять свидимся. Руфь, прибавилъ онъ съ горячностью, любите ли вы меня?

Она что-то отвѣтила, но такъ тихо, что онъ не слышалъ, хотя наклонилъ къ ней голову. Онъ снова взялъ ея руку.

— Что, жизнь моя, что вы сказали? вы меня любите? — да, я вижу это изъ того какъ дрожитъ маленькая ручка. Если такъ, то вы не допустите, чтобы я уѣхалъ одинъ, несчастный и озабоченный вашею участью. Вѣдь вамъ не остается иного исхода, моя бѣдная дѣвочка; вѣдь у васъ нѣтъ друзей, которые бы васъ приняли къ себѣ. Я тотчасъ иду домой и вернусь сюда, черезъ часъ, въ экипажѣ. Ваше молчаніе, Руфь, дѣлаетъ меня счастливымъ.

— О, что мнѣ дѣлать? вскричала Руфь. Мистеръ Беллингемъ, вмѣсто того чтобы научить, вы только пугаете меня.

— Я васъ пугаю, милая Руфь? Но мнѣ кажется дѣло такъ ясно. Подумайте хорошенъко: вѣдь вы круглая сирота, бѣдное дитя мое, и только одинъ человекъ васъ искренно любитъ; вы отвергнуты безо всякой вины съ вашей стороны, единственнымъ существомъ, отъ котораго имѣли бы право ожидать покровительства; это существо безчеловѣчная, неумолимая женщина. Что можетъ быть естественнѣе (и слѣдовательно справедливѣе), что вы отдаетесь подъ за-

щиту того кто васъ истинно любить , кто пойдетъ за васъ въ огонь и въ воду, кто будетъ хранить и беречь васъ? Если впрочемъ вы расположены къ этому человѣку. Еслиже, какъ я подозреваю, Руфь, вы не расположены къ нему, то лучше намъ разстаться; я оставляю васъ навсегда; для меня лучше уѣхать, если вы ко мнѣ равнодушны.

Онъ произнесъ эти слова очень грустно (такъ показалось покрайней мѣрѣ Руфи) и сдѣлалъ движеніе, чтобы отнять у нея свою руку, но она удержала ее.

— Не покидайте меня, сэръ: кромѣ васъ у меня нѣтъ друга. Не покидайте меня, прошу васъ. — Но научите же меня что мнѣ дѣлать.

— Сдѣлаете ли вы то чему я научу? — Если вы мнѣ доверитесь, я сдѣлаю для васъ все что могу. Я дамъ вамъ лучшей совѣтъ, — вы видите ваше положеніе: мистриссъ Мезонъ напишетъ вашему опекуну и расскажетъ ему все посвоему, въ преувеличенномъ видѣ. Опекунъ не имѣетъ къ вамъ особенной привязанности, судя по этому что я отъ васъ слышалъ, и потому онъ откажется отъ васъ. Я одинъ могу вамъ помочь, хотя черезъ мою мать напрімѣръ; я одинъ могу быть вамъ опорой (могу ли я, Руфь?), быть опорой теперь и потомъ и всегда. Вотъ ваше положеніе. Теперь вотъ мой совѣтъ. Пойдемте въ эту гостиницу; я прикажу подать вамъ чаю (вамъ необходимо подкрѣпиться) и оставляю васъ тамъ, а самъ отправлюсь домой за экипажемъ. Черезъ часъ, не долѣе, я вернусь. Тогда, что бы ни послѣдовало, — мы будемъ неразлучны; для меня этого довольно: а для васъ, Руфь? — Скажите мнѣ «да» — скажите это хоть также тихо какъ давеча, но дайте мнѣ счастье услышать это. Да, Руфь?

Нерѣшительно, чуть слышно было произнесено «да» — роковое слово, послѣдствія котораго она такъ мало понимала. Быть съ нимъ, въ этихъ словахъ для нея заключалось все на свѣтѣ.

— Милая, какъ вы дрожите! Вамъ холодно, моя Руфь? Войдемъ въ домъ; я велю тотчасъ подать чаю и отправлюсь.

Она встала и опираясь на его руку, вошла въ домъ. У нея кружилась голова отъ перенесенныхъ ею въ этотъ часъ волненій. Беллингемъ переговорилъ съ содержателемъ гостиницы, и тотъ вѣжливо прѣвелъ ихъ въ ближнюю комнату, окнами въ садъ на задней сторонѣ дома. Вечерній, душистый воздухъ наполнялъ ее въ открытѣмъ окнѣ, который внимательный хозяинъ поспѣшилъ закрыть.

— Чаю для леди.

Трактирщикъ исчезъ.

— Мнѣ надо уйти, милая Руфь; намъ нельзя терять ни минуты. Общайте мнѣ напитокъ чаю. Вы дрожите и блѣдны какъ смерть отъ испуга, который причинила вамъ эта отвратительная женщина. Я пойду теперь и вернусь черезъ полчаса. Тогда мы уже не различимся, жизнь моя.

Онъ поцѣловалъ ея блѣдное, холодное лицо и ушелъ. Комната кружилась въ глазахъ Руфи; это былъ сонъ — странный, невѣроятный, волшебный сонъ; тутъ былъ и старый домъ съ картинами ея дѣтства и страшное, неожиданное появленіе мистриссъ Мезонъ и наконецъ, самое невѣроятное, самое сказочное и прекрасное въ этомъ снѣ, — увѣренность въ его любви, которая замѣняла ей все, и воспоминаніе о нѣжныхъ словахъ, до сихъ поръ сладко звучашихъ въ ея сердцахъ.

Головокруженіе слѣпило ей глаза. Темные сумерки казались ей солнечнымъ блескомъ, такъ что когда хозяйская дочь внесла свѣчи, готовясь подавать чай, Руфь спрятала лицо въ подушки дивана, слегка вскрикнувъ отъ неудовольствія.

— У васъ голова болитъ, миссъ? спросила дѣвушка тихимъ, симпатичнымъ голосомъ. — Вотъ я подамъ вамъ чаю; вамъ будетъ лучше. У моей бѣдной маменьки головныя боли проходили бывало отъ крѣпкаго чая.

Руфь прошептала согласіе и молодая дѣвушка (почти однихъ лѣтъ съ Руфью, но уже хозяйка маленькой гостиницы со времени смерти своей матери) налила чаю и подала его Руфи на софу, гдѣ та лежала. Чувствуя жаръ и жажду, Руфь жадно выпила чай, но не прикоснулась къ хлѣбу съ масломъ, который предлагала ей дѣвушка. Она почувствовала себя лучше и свѣжѣе, хотя слабость и утомленіе продолжались.

— Благодарю васъ, сказала она: -- я не хочу васъ удерживать: вы можете-быть заняты. Благодарю васъ, я чувствую, что чай оказалъ мнѣ пользу.

Дѣвушка ушла изъ комнаты. Послѣ озноба Руфь почувствовала жаръ. Она встала, и отворивъ окно, стала вдыхать свѣжій, мягкій вечерній воздухъ. Подъ окномъ росъ кустъ душистаго шиповника, разливая восхитительный запахъ, напомнившій Руфи о ея родномъ домѣ. Я нахожу, что запахъ напоминаетъ гораздо живѣе нежели предметы и звуки. Передъ глазами Руфи воскресъ ея малень-

кій садикъ подъ окнами комнаты ея матери, старый привратникъ, сгорбившійся надъ палкою и слѣдящій за нею глазами точно также какъ три часа тому назадъ, въ тотъ же самый вечеръ.

— Добрый старый Томъ! Я думаю, онъ и Мери охотно взяли бы меня къ себѣ; они вѣрно еще болѣе любили бы меня, видя что я всѣми покинута. Мистеръ Беллингемъ останется можетъ-быть не долго въ отсутствіи и возвратясь будетъ знать гдѣ найти меня, если я останусь въ Мильгемъ-Гренджѣ. Не лучше ли, въ самомъ дѣлѣ пойти къ старикамъ? — но пожалуй онъ разсердится! Я не могу думать объ этомъ — разсердить его, когда онъ такъ добръ ко мнѣ! Но во всякомъ случаѣ я думаю лучше сходить къ старикамъ спросить у нихъ совѣта. Онъ также придетъ туда за мною, и я посоветуюсь о томъ что мнѣ дѣлать съ тремя лучшими моими друзьями, съ единственными, что у меня есть на свѣтѣ.

Она нацѣла чепчикъ и отворила дверь; но тутъ ей явилась на глаза объемистая фигура хозяина гостиницы, стоявшаго съ трубкою во рту передъ отворенною на дворъ дверью. Эта фигура широко и отчетливо выдавалась на фонѣ померкшей дали. Руфь вспомнила о выпитой ею чашкѣ чаю, за которую слѣдовало заплатить, а у нея не было денегъ. Она боялась, что ее не выпустятъ изъ дома, если она не заплатитъ и придумала оставить записку Беллингеми, объяснивъ ему въ ней куда она пошла и что она не заплатила за чай. Ей, какъ ребенку, всѣ эти задачи казались равно важными; затрудненіе пройти мимо хозяина дома, стоявшаго у двери; необходимость объяснить ему нѣсколько обстоятельствъ (насколько ему нужно было знать ихъ); все это казалось ей до того щекотливымъ, затруднительнымъ, непреодолимымъ дѣломъ, какъ самая крайняя положенія. Прежде нежели приняться за записку, она украдкой взглянула изъ комнаты, чтобы посмотрѣть все ли еще фигура хозяина загораживаетъ дверь на дворъ. Фигура была на томъ же мѣстѣ, неподвижная, съ трубкою въ зубахъ, со взоромъ, устремленнымъ въ темную даль, становившуюся все темнѣе. Табачный дымъ направлялся въ комнату и снова причинилъ Руфи головную боль. Энергія покинула ее; она почувствовала слабость и оступленіе и не способная болѣе къ размышленіямъ, измѣнила свой планъ. Она рѣшилась попросить Беллингема отвезти ее въ Мильгемъ-Гренджъ и оставить ее на попеченіе ея скромныхъ друзей, вмѣсто того чтобы везти въ Лондонъ. Въ простотѣ души она вѣрила, что онъ тотчасъ же согласится, выслушавъ ея доводы.

Вдругъ она вздрогнула. Къ гостиницѣ подъѣхалъ экипажъ. Руфь силилась прислушиваться, преодолевая бѣшеніе сердца и шумъ въ головѣ. Беллигемъ говорилъ съ содержателемъ гостиницы, но Руфь не могла слышать словъ; потомъ послышался звонъ монеты и чрезъ минуту онъ былъ въ комнатѣ и взявъ ее за руку повелъ въ каретѣ.

— О сэръ, я хочу просить васъ отвезти меня въ Мильгемъ-Гренджъ, произнесла она, упираясь назадъ: — старикъ Томъ возьметъ меня къ себѣ.

— Хорошо, милая моя Руфь, мы поговоримъ объ этомъ въ каретѣ. Я убѣжденъ, что вы послушаетесь убѣждений разсудка. Впрочемъ и въ Мильгемъ-Гренджъ вамъ нужно ѣхать въ каретѣ, проговорилъ онъ поспѣшно.

Руфь не привыкла противорѣчить; отъ природы покорная и кроткая, она была ктому же слишкомъ довѣрчива и невинна, чтобы предвидѣть дурное. Она вошла въ карету, которая повезла ее въ Лондонъ.

ГЛАВА V

Въ июнѣ 18... погода стояла прекрасная, солнце ярко свѣтило и цвѣтовъ было множество; но июль принесъ проливные дожди и мрачную погоду, заставилъ путешественниковъ и туристовъ убивать время набрасываніемъ пейзажей, дрсированьемъ мухъ и перечитываньемъ въ двадцатый разъ немногія, захваченныя съ собою книги.

Въ одно долгое июльское утро пятидневный номеръ Times'a находился въ постоянномъ путешествіи изъ комнаты въ комнату въ небольшой гостиницѣ, стоявшей въ одной южной деревенькѣ сѣвернаго Валлиса. Окружныя долины скрывались за густымъ, холоднымъ туманомъ, который поднимался по склонамъ горы, заѣрзивая густымъ, бѣлымъ занавѣсомъ всю деревеньку, такъ что изъ оконъ гостиницы невозможно было видѣть красотъ окружающаго пейзажа. Туристы, наполнившіе комнату, вѣроятно предпочли бы быть теперь дома, и такъ казалось думали многіе изъ нихъ, стоя у окна и придумывая чѣмъ бы пополнить скучный день. Сколько обѣдовъ и завтраковъ поспѣшно потребовалось въ это нескотчаемое утро — знаетъ только одна бѣдная кухарка. Деревенскіе ребя-

тишки стояли въ дверяхъ и если кто-либо изъ нихъ попредпріимчивѣе соблазнялся выскочить на грязную улицу, сердитая и занятая мать пинками загоняла его домой.

Было всего четыре часа, но многіе изъ обитателей гостиницы волагали, что должно уже быть шесть или семь; день тянулся такъ долго, что съ обѣда казалось прошло уже много часовъ. Итакъ было четыре часа, когда къ гостиницѣ быстро подкатила валлійская бричка, запряженная парю лошадей. На шумъ экипажа у всѣхъ окомъ явились любопытныя лица; къ удовлетворенію ихъ кожаный фартукъ открылся и выскочившій джентльменъ осторожно помогъ выйти изъ экипажа непроницаемо-укутанной дамѣ, которую онъ ввелъ въ гостиницу, невзирая на увѣренія хозяйки, что тамъ нѣтъ ни одной свободной комнаты.

Джентльменъ (то былъ мистеръ Беллингемъ) спокойно приказалъ вынуть изъ экипажа вещи и заплатилъ почтальону. Потомъ, обернувшись, заговорилъ съ хозяйною, которая уже начинала возвышать голосъ.

— Неужели вы такъ измѣнились, Дженни, что можете вънроводить въ такой вечеръ стараго пріятеля? Сколько я помню до Pentre Vœlas'a цѣлые двадцать миль сквернѣйшей горной дороги.

— Какъ можно, сэръ, не имѣю чести знать, мистеръ Беллингемъ кажется, какъ можно, сэръ, всего-то осьмнадцать и то это мы такъ считаемъ, а понастоящему не болѣе семнадцати. А у насъ совсѣмъ полно, сэръ, къ сожалѣнію совсѣмъ полно.

— Такъ, Дженни, но чтобы обязать меня, стараго друга, вы можете найти иное мѣсто кому-нибудь изъ вашихъ гостей, вотъ хоть въ этомъ домѣ, напротивъ.

— А можетъ-быть вы сами, сэръ, туда пожелаете; я доставлю вамъ тамъ лучшія комнаты, пошлю туда кое-какихъ вещей, чтобы вамъ было поудобнѣе.

— Нѣтъ, Дженни, я остаюсь здѣсь. Вы хотите, чтобы я рискнулъ помѣститься въ этихъ комнатахъ, когда миѣ уже давно известна ихъ грязь. Какъ-будто вы не можете убѣдить къ этому кого-нибудь другого, а не стараго друга вашего? Ну скажите, что я заранѣе написалъ вамъ, чтобы удержать за мною комнаты. О, да вѣдь я знаю, вы сумѣете все обдѣлать; я знаю вашу добрую душу.

— Это такъ, сэръ, пожалуй. Вотъ я посмотрю, нельзя ли васъ съ леди въ заднюю комнату, теперь пока она свободна: леди про-

студилась и лежит сегодня въ постели, а джентльменъ занятъ въ томъ. Вотъ я посмотрю нельзя ли.

— Благодарю, благодарю! Есть ли тамъ огонь? Если нѣтъ, велите затопить. Руфъ, пойдемъ!

Они вошли въ большую комнату на сводахъ, казавшуюся въ этотъ вечеръ довольно мрачною, но я видѣла эту самую комнату веселою и оживленною молодостью и надеждами, и освѣщенной яркими лучами солнца, которые сползали по багряному склону горы; разстилались по зеленымъ долинамъ и добирались до маленькаго садика подъ окномъ, полного кустами розъ и лавенды. Все это я когда-то видѣла, но болѣе не увижу.

— Я не знала, что вы уже бывали здѣсь, сказала Руфъ, когда Беллингемъ снималъ съ нея салопъ.

— О, да, я былъ здѣсь года три тому назадъ съ товарищами. Мы прожили здѣсь около двухъ мѣсяцевъ, плавившіе добродушіемъ и проказами Дженни, но наконецъ насъ выгнала отсюда вестерпийская грязь. Впрочемъ одну-двѣ недѣли можно вынести.

— Но можетъ ли она принять насъ, сэръ? Мнѣ слышалось, она говорила, что въ домъ нѣтъ мѣста.

— А я говорю что есть, но вѣдь я ей хорошо заплачу. Ей ничего не стоитъ извиниться передъ какимъ-нибудь бѣднякомъ и выпроводить его вонъ въ тотъ домъ напротивъ. Одинъ-два дня, что мы здѣсь пробудемъ, немного значать.

— Развѣ мы не могли бы сами пойти въ тотъ домъ, сэръ?

— И ѣсть холодные обѣды, не говоря уже о томъ, что некого и побранить за скверную кухню! Вы еще не знаете, Руфъ, что такое валлійскія гостиницы!

— Нѣтъ, но все же мнѣ кажется нехорошо! начала было она кротко, но не договорила, потому что Беллингемъ засвисталъ и подошелъ къ окну полюбоваться на дождь.

Воспоминаніе о щедрости Беллингема внушило въ этотъ вечеръ мистриссъ Морганъ множество ухищреній, пока ей не удалось наконецъ выпроводить одного джентльмена и одну леди, которые только-что располагали остаться до слѣдующей субботы, но теперь она знала, что не будетъ въ потерѣ отъ ихъ отъѣзда.

Устроивъ все такимъ образомъ, она отвела душу чаемъ въ своей маленькой комнатѣ, изоцряя свой умъ надъ причиною приѣзда Беллингема.

— Ужь конечно она не жена его! рѣшила Дженни: — это ясно какъ день. Жена привезла бы съ собою служанку и держала бы себя вдвое важнѣе передъ другими приѣзжими. А эта бѣдная миссъ все молчитъ и тиха какъ мышь. Впрочемъ молодежь всегда молодежь и пока ихъ отцы да матери смотрятъ на все сквозь пальцы, то намъ и подавно незачѣмъ соваться въ дѣло.

Такимъ образомъ наши путники расположились на недѣлю въ этой горной странѣ. Руфи въ особенности это доставило большое наслажденіе. Въ ней открылось новое чувство, умъ ея проникался чувствомъ красоты и величія; при видѣ горной природы, впервые явившейся ей во всемъ своемъ величіи, она почти изнемогала подъ неопредѣленнымъ, восторженнымъ чувствомъ. Мало-помалу любовь къ природѣ присоединилась къ благоговѣнію передъ нею и Руфь перазъ тихо вставала среди ночи и стояла у окна, любуясь блѣднымъ свѣтомъ луны, придававшимъ новый эффектъ вѣчнымъ великанамъ, опоясывавшимъ горную деревню.

Наши путешественники завтракали поздно, сообразно съ привычками мистера Беллингема, но Руфь встала рано и уходила бродить по росѣ, покрывавшей мягкую, короткую траву. Гдѣ-то высоко надъ ея головою пѣлъ жаворонокъ и Руфь не знала сама, стоитъ ли она или движется: до такой степени величіе и красота природы поглощали въ ней всякую идею личнаго, отдѣльнаго существованія. Даже дождь доставлялъ ей удовольствіе. Она садилась къ окну своей комнаты (она охотно вышла бы изъ дома, еслибы это не сердило Беллингема, который въ такое время тянулъ праздные часы, лежа на софѣ и браня погоду) и глядѣла на быстрыя, частыя капли, сквозившія при солнечномъ свѣтѣ какъ тонкія, серебряныя стрѣлки, и на багряную тѣнь, лежавшую на склонѣ горы, поросшей верескомъ и смѣняемую блѣдно-золотистымъ свѣтомъ. Не было такой погоды, которая не имѣла бы своей особенной прелести въ глазахъ Руфи. Но жалуясь на непостоянство климата, она угождала бы гораздо болѣе мистеру Беллингему: онъ злился, видя что она всеѣмъ довольна и всеѣмъ восхищается и смягчался только, глядя на ея прелестныя движенія и на ея любящіе глаза.

— Право, Руфь! вскричалъ онъ однажды, когда дождь заключилъ ихъ на цѣлое утро въ комнатѣ: — можно подумать, что вы не выдввали проливного дождя; мнѣ уже наскучило глядѣть какъ вы спокойно сидите и любуетесь этою мерзвѣйшею погодою. Вотъ уже цѣлые два часа, какъ я не слышу ничего занимательнѣе, какъ:

«о, какая прелесть!» или «вонъ еще туча поднимается надъ Моель-Уинномъ!»

Руфь тихо поднялась съ мѣста и взяла свою работу. Она пожалѣла въ душѣ, что не имѣетъ дара быть занимательною; понятно какъ должно быть скучно человѣку, привыкшему къ разнообразной, свѣтской жизни, быть запертымъ въ четырехъ стѣнахъ. Руфь была вызвана изъ ея самозабвенія. Что было ей сказать, чтобы занять мистера Беллингема? Пока она придумывала, онъ снова заговорилъ:

— Помнитесь, когда мы приѣзжали сюда три года тому назадъ, насъ застала здѣсь на цѣлую недѣлю точно такая же погода, но Гоуардъ и Джонсонъ мастерски играютъ въ вистъ, и Уильбрагамъ не дурно, такъ что мы отлично провели время. Руфь, умѣете вы играть въ экарте или въ пикетъ?

— Нѣтъ, сэръ, я играю только въ дурачки! смиренно отвѣтила Руфь, искренно огорченная своимъ невѣжествомъ.

Онъ сердито проворчалъ что-то, и между ними наступило на полчаса молчаніе. Потомъ онъ вдругъ вскочилъ и сильно дернулъ за звонокъ.

— Спросить у мистриссъ Морганъ колоду картъ. Руфь, я ма-учу васъ въ экарте, обратился онъ къ ней.

Но Руфь была тупа, тупѣе истукана, по мнѣнію Беллингема, и не было никакого удовольствія обыгрывать самого себя. Швырнутыя карты разлетѣлись по столу, по полу, повсюду. Руфь собрала ихъ. Вставая, она тихо вздохнула отъ грустнаго сознанія, что ей не дано умѣнья занимать и веселить любимаго ею человѣка.

— Что вы такъ блѣдны, милая? спросилъ онъ, нѣсколько раскаяваясь, что такъ посердился за ея промахи въ картахъ. — Подите погулять до обѣда, вы вѣдь не боитесь этой проклятой погоды. Погуляете, вернетесь съ цѣлымъ запасомъ рассказовъ. Подите сюда, моя безтолковая, поцѣлуйте меня и ступайте гулять.

Ей стало легче, когда она вышла изъ комнаты; если онъ и безъ нея будетъ скучать, она не будетъ чувствовать покрайней-мѣрѣ на себя отвѣтственности, не будетъ терзаться за свою тупость. Свѣжій воздухъ, этотъ успокоительный бальзамъ, предлагаемый всѣмъ намъ кроткою матерью природою, облегчилъ нѣсколько Руфь. Дождь пересталъ, но каждый листокъ, каждая травка были отягчены дрожащими каплями. Руфь спустилась въ круглую долину, куда съ-гада пѣнясь темная горная рѣка и образующая тамъ глубокой

пруда, сбѣжала изъ него промежъ изломанныхъ скалъ въ разстилавшуюся внизу долину. Водопадъ былъ великолѣпный, какимъ Руфь его себѣ и представляла; ей хотѣлось перебраться на другую сторону рѣки, и она стала отыскивать обычнаго перехода по камнямъ, между деревьями, въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ пруда. Быстро и высоко, какъ бы въ заботахъ жизни, прыгали волны промежъ стѣныхъ скалъ, но Руфь не боялась и ступала легко и твердо. Однако посрединѣ ей встрѣтилось большое затрудненіе: слѣдующій камень или совсѣмъ скрылся подъ водою или былъ снесенъ теченіемъ внизъ; какъ бы то ни было, а промежутокъ между камнями оказался очень великъ и Руфь колебалась, перескочить ли ей. Оглушенная шумомъ воды и не видя ничего кромѣ потока, быстро неопытно шагая подъ ея ногами, она вздрогнула отъ неожиданности, усмотрѣвъ прямо передъ собою на одномъ изъ камней въ незнакомое лицо, предлагавшее ей помощь.

Поднявъ глаза, она увидѣла передъ собою человѣка, видимо переступившаго уже за молодость, котораго по росту можно было принять за карлика; всматриваясь пристальнѣе, Руфь замѣтила, что онъ горбать. Вѣроятно впечатлѣніе, произведенное на нее этимъ замѣчаніемъ, высказалось въ ея смягчившемся взглядѣ, потому что легкая краска разлилась по блѣдному лицу горбатаго джентльмена, повторявшаго свое предложеніе.

— Вода очень быстра, неудобно ли вамъ взять мою руку, можетъ я пособлю вамъ.

Руфь приняла предложеніе и съ помощью невнакомца черезъ минуту была на другой сторонѣ рѣки. Тутъ онъ посторонился, пропустивъ ее впередъ по узкой лѣсной тропинкѣ и молча послѣдовалъ за нею. Выйдя изъ лѣса на дуга, Руфь обернулась еще однажды взглянуть на своего спутника. Ее снова поразила кроткая предельность его лица, хотя было что-то въ выраженіи, намекавшее на безобразіе тѣла: что-то болѣе нежели обычная блѣдность несовсѣмъ здороваго человѣка, какой-то блескъ въ глубокихъ глазахъ, какая-то чувствительность въ очертаніяхъ рта; но при всей своей особенности, это лицо было въ высшей степени привлекательно.

— Позвольте мнѣ проводить васъ, если, какъ я заключаю, вы намѣрены обойти Куимъ-Деу? Въ прошлую ночь снесло бурею перила съ деревяннаго мостика и у васъ можетъ закружиться голова отъ водоворота, а упасть тамъ крайне опасно: рѣка очень глубока.

Они продолжали идти, мало говоря. Руфь придумывала кто бы могъ быть ея спутникъ. Она узнала бы его, еслибы онъ былъ изъ числа путешественниковъ, видѣнныхъ ею въ гостиницѣ. Онъ слыш-комомъ чисто говорилъ поанглійски, чтобы быть валлійцемъ, но при этомъ такъ отлично зналъ мѣстность, каждую тропинку, что непременно долженъ былъ быть здѣшнимъ. Такимъ образомъ Руфь перенасытила его воображеніемъ изъ Англіи въ Валлисъ и обратно.

— Я только вчера сюда приѣхалъ! сказалъ онъ, когда разширившаяся тропинка позволила имъ идти рядомъ. Вчера вечеромъ я былъ у верхняго водопада, — онъ великолѣпенъ.

— И вы рѣшились выдти въ такой дождь? робко спросила Руфь.

— О, да. Дождь никогда не мѣшаетъ мнѣ гулять. Онъ придаетъ даже новую красоту такой странѣ, какъ вотъ эта. Ктому же у меня такъ мало времени на путешествіе, что я не рѣшаюсь терять ни одного дня.

— Такъ вы не здѣсь живете? спросила Руфь.

— Нѣтъ, я живу совсѣмъ въ иномъ мѣстѣ. Я живу въ шумномъ городѣ, гдѣ иногда какъ-то не вѣрится что

There are in this loud stukning tide
Of human care and crime,
With whom the melodies abide
Of th' everlasting chime.
Who carry music in their heart
Through ducky lane and crowded mart,
Plying their lock with bucier feet,
Because their secret souls a holy strain repeat.» (1)

— Я имѣю ежегодныя каникулы, которыя обыкновенно провожу въ Валлисѣ, и чаще всего вотъ въ этомъ краю.

— Понимаю вашъ выборъ! замѣтила Руфь: — здѣсь прекрасная мѣстность.

— Неправда ли? Ко мнѣ привилась чрезъ одного старика, содержателя гостиницы въ Конваѣ, любовь къ здѣшнему народу, къ

(1) Находятся среди этого шумнаго, одуряющаго потока людскихъ тревогъ и страстей, такіе люди, въ которыхъ вѣчно-пріющая имъ мелодія звучитъ вумолкаемыми аккордомъ; которые носятъ музыку въ сердцахъ, проходя и по мрачнымъ закоулкамъ и по шумнымъ торжищамъ. Такіе люди неутонимо спѣшаютъ къ своему дѣлу, потомучто въ тайникѣ души у нихъ звучитъ святая мелодія.

его исторіи и преданіямъ. Я уже настолько ознакомился съ мѣстными нарѣчіемъ, что понимаю здѣшнія легенды. Между ними есть очень глубокія по смыслу и очень грандіозныя; есть также поэтическія и большыя фантазіи.

Застѣнчивость не позволяла Руфь поддерживать разговоръ своими собственными замѣчаніями, но ея скромное, задумчивое вниманіе было очень поощрительно.

— Напримѣръ, продолжалъ ея спутникъ, коснувшись до длинной, покрытой почками вѣтки наперстянки, на которой два или три красныхъ, испещренныхъ цвѣтка выходили изъ своихъ зеленыхъ футляровъ: — напримѣръ я убѣжденъ, что вамъ неизвѣстно почему эта вѣтка такъ граціозно склоняется и волнуется. Вы полагаете, что ее колеблетъ вѣтромъ, не такъ ли?

Онъ глядѣлъ на Руфь съ серьезною улыбкою, нисколько не оживлявшею весельемъ его задумчивыхъ глазъ, но придававшею невыразимую кротость его лицу.

— Я всегда думала, что вѣтеръ; а что же такое? спросила Руфь, простодушно.

— Ну вотъ! а валліецъ расскажетъ вамъ, что этотъ цвѣтокъ посвященъ феямъ и имѣетъ свойство узнавать ихъ и почтительно склоняться, когда онъ или какіе-либо иные духи проносятся мимо. Поваллійски онъ называется монегъ-еллилинъ, перчатка добрыхъ людей, и отсюда вѣроятно взялось наше названіе наперстяника.

— Это прелестная мысль! сказала Руфь, очень заинтересованная и отъ души желавшая, чтобы онъ продолжалъ говорить, не дожидаясь ея замѣчаній.

Но они уже пришли къ деревянному мостику; онъ провелъ ее черезъ него и потомъ, раскланявшись, повернулъ въ сторону прежде нежели она успѣла поблагодарить его за услужливость.

Но зато у нея было приключеніе, чтобы рассказать Боллингеу; оно заняло и развлекло его до самаго обѣда, послѣ котораго онъ вышелъ погулять, закуривъ сигару.

— Руфь! сказалъ онъ, возвратясь: — я видѣлъ вашего горбуна. Онъ похожъ на гнома. Впрочемъ онъ не джентльменъ. Если бы не горбъ, я вовсе не узналъ бы его по вашему описанію; вы называете его джентльменомъ.

— А вы нѣтъ, сэръ? спросила Руфь съ удивленіемъ.

— О нѣтъ; онъ слишкомъ бѣдно и мѣщански одѣтъ; кому

же и живеть онъ, какъ мнѣ говорилъ конюхъ, въ ужасномъ мѣстѣ: надъ свѣчною и сырною лавкою, отъ которой нестерпимо воняетъ на двадцать ярдовъ вокругъ. Ни одинъ джентльменъ не вынесетъ бы этого. Онъ долженъ быть путешествующій прикащикъ, или артистъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ.

— Всмотрѣлись вы въ его лицо, сэръ? спросила Руфь.

— Нѣтъ! но ужь спина челоуѣка, весь его ensemble даютъ возможность угадать къ какому онъ принадлежитъ сословию.

— У него въ лицѣ что-то особенное; оно очень красиво! оказалась она тихо; но предметъ этотъ мало занималъ Беллингема и онъ не поддерживалъ разговора.

ГЛАВА VI

На слѣдующій день погода стала ясная и веселая; земля вступила въ полный союзъ съ небомъ, и каждый слѣшившій изъ гостиницы насладиться свѣжею красотою природы. Руфь никакъ не подозрѣвала, что на нее обращено вниманіе; быстро проходя мимо гостиницы, она не взглядывала на окна и на двери, откуда не одинъ любопытный наблюдатель слѣдилъ за нею взорами, высказывая свои замѣчанія насчетъ ея положенія и наружности.

— Она прехорошенькая! замѣтилъ одинъ джентльменъ выходя изъ-за завтрака, чтобы взглянуть на Руфь, которая возвращалась въ это время съ утренней прогулки.

— Я думаю, ей не болѣе шестнадцати. Какой у нея скромный и невинный видъ въ этомъ бѣломъ платьѣ!

Жена джентльмена, занятая исполненіемъ прихотей хорошенькаго мальчугана и не видѣвшая скромно и робко шедшей дѣвушки, могла только отвѣтить на это:

— Прекрасно, нечего сказать! Какъ не стыдно пускать сюда такихъ людей. Какъ подумаешь, что эдакая мерзость подъ одною съ тобою кровлею! Отойди, мой другъ, не дѣлай ей чести твоимъ вниманіемъ.

Мужъ вернулся къ завтраку и принялся пестрѣвать ветчину съ яйцами, выслушивая приказанія своей жены. Не могу сказать, ветчина ли, или приказанія располагали его къ повинности; рѣшите это сами.

— Ну, Гарри, теперь поди посмотри готовы ли кормилица съ

ребенкомъ идти съ тобою гулять. Не надо терять времени въ такое прекрасное утро.

Возвратясь, Руфь увидѣла, что мистеръ Беллингемъ еще не сходилъ внизъ; она разрѣшила себѣ еще полчаса прогулки. Бродя по селенію, стараясь подсмотрѣть каждый переливъ солнечнаго свѣта въ пейзажѣ, среди холодныхъ каменныхъ стѣнъ домовъ, далеко уходившихъ воздушною перспективою въ свѣтлую даль, Руфь прошла мимо маленькой лавки. Въ ту самую минуту оттуда выходила кормилица съ ребенкомъ и маленькій мальчикъ. Ребенокъ сидѣлъ на рукахъ у кормилицы съ яснымъ достоинствомъ, съ царственнымъ спокойствіемъ на лицѣ. Его нѣжное, свѣженькое какъ персикъ личико было по истинѣ соблазнительно, и Руфь, всегда очень любившая дѣтей, приблизилась, чтобы поласкать это маленькое существо. Послѣ первыхъ заигрываній, она наклонилась поцѣловать малютку; но въ то же мгновеніе маленький Гарри, становившійся все краснѣе, съ той минуты какъ началась игра, быстро вытянулъ правую ручонку и изо всей мочи ударилъ Руфь въ лицо.

— О, орамъ, сэръ! вскричала кормилица, схвативъ его за руку: — какъ вы смѣли позволить себѣ это, когда леди такъ ласкова къ Сисси?

— Она не леди! гнѣвно вскричалъ мальчикъ: — она гадкая, развратная дѣвка — это мама говорила! она не смѣетъ цѣловать нашу Сисси!

Кормилица въ свою очередь покраснѣла. Она знала, что все это онъ слышалъ отъ старшихъ, но какъ же можно было высказывать это прямо въ лицо изящной, молодой леди!

— Вотъ какія сплетни доходятъ до дѣтей, сударыня! сказала она наконецъ съ сожалѣніемъ, обращаясь къ Руфи. Та стояла блѣдная и неподвижная, подъ вліяніемъ новой мысли, мелькнувшей у нея въ умѣ.

— Это не сплетни, это правда, кормилица; не сама ли ты говорила даже самое? — Ступай прочь, гадкая женщина! прибавилъ мальчишка въ дѣтской ярости противъ Руфи.

Къ великому облегченію кормилицы, Руфь пошла прочь, пошла смиренно и кротко, тихими, нетвердыми шагами и съ поникшею головою. Но померкнувши, она увидѣла кроткое и грустное лицо горбатаго джентльмена, сидѣвшаго у открытаго окна надъ лавкою; онъ былъ грустнѣе и серьезнѣе обыкновеннаго, и Руфь прочла въ

его взглядъ выраженіе глубокаго огорченія. Такимъ образомъ, еднородушно осужденная и дѣтствомъ и зрѣлымъ возрастомъ, она робко вошла въ домъ. Мистеръ Беллингемъ ожидалъ ее въ залѣ. Ясная погода возвратила ему всю его веселость. Онъ болталъ безъ умолку, не дожидаясь отвѣта; Руфь приготовляла пока чай, силась унять свое сердце, сильно бившееся отъ напора новыхъ идей, внушительныхъ ей утреннимъ приключеніемъ. Къ счастью отъ нея требовались по временамъ только самые односложные отвѣты; но эти немногія слова она произносила такимъ убитымъ и печальнымъ тономъ, что онъ наконецъ удивилъ Беллингема; ему стало непріятно, что ея расположеніе духа не гармонируетъ съ его собственнымъ.

— Что съ вами сегодня, Руфь? Право, вы пренесносны! Вчера, когда все было такъ мрачно и вы должны были замѣтить, что мнѣ невесело, я только и слышалъ отъ васъ, что восторженные возгласы; сегодня же, когда всякое существо радуется, у васъ самая несчастная, убитая мина. Право, не мѣшало бы вамъ поучиться нѣсколько сочувствовать мнѣ.

Слезы быстро покатались по щекамъ Руфи, но она молчала. Ей невозможно было высказать размышленій, которыя только-что развились въ ея умѣ насчетъ положенія, въ которое она была отнынѣ поставлена; она думала, что онъ будетъ огорченъ неменѣе ея самой тѣмъ, что произошло въ то утро; она боялась даже упасть въ его собственномъ мнѣніи, рассказавъ ему какъ смотреть на нее другія; кому же и невеликодушно было бы говорить ему о страданіяхъ, которымъ причиною онъ самъ.

— Не хочу отравлять ему жизни, подумала она. — Постараюсь быть веселою. Зачѣмъ такъ много думать о себѣ, какое мнѣ дѣло до того что говорить? лишь бы я могла составить его счастье.

Вслѣдствіе этого она стала усиливаться быть повозможности столь же веселою какъ и онъ; однако минутами мужество ея ослабѣвало, мысли напоромъ врываются въ ея умъ, несмотря на усилія одолѣть ихъ, такъ что при всемъ желаніи она уже никакъ не могла быть тѣмъ веселымъ, увлекательнымъ товарищемъ, какого Беллингемъ находилъ въ ней вначалѣ.

Они отправились гулять. Избранная ими тропинка вела въ лѣсъ, по склону горы, и они вошли туда, довольные, что встрѣтили тѣнь и прохладу. Вначалѣ имъ показалось, что это обыкновенная роща, но вскорѣ они пришли къ крутому скату и остановились тамъ, лю-

боясь на вершины деревьевъ, тихо покачивавшіяся у нихъ подъ ногами. Внизъ велъ крутая тропинка, по которой они стали спускаться; скала образовала въ этомъ мѣстѣ родъ ступеней, по которымъ они сначала должны были прыгать, потомъ бѣжать пока не достигли до самаго низа. Зеленый полумракъ царствовалъ въ этомъ мѣстѣ; время было къ полдню; все затихло и птички попрятались въ лиственную чащу. Молодые люди продолжали идти еще нѣсколько времени и очутились наконецъ у круглаго пруда, осыпаннаго деревьями, которыхъ за минуту передъ тѣмъ находились у нихъ подъ ногами. Поверхность воды была почти въ уровень съ землею и берегъ не возвышался ни съ одной стороны. Надъ водою неподвижно стояла цапля; но увидавъ людей, она захлопала крыльями и медленно поднимаясь, замелькала между верхушекъ деревьевъ и понеслась казалось къ самому небу, такъ какъ изъ этой глубины представлялось будто деревья касаются верхушками до бѣлыхъ круглыхъ облаковъ, скопавшихся надъ землею. На отиѣляхъ и по краямъ воды росла вероника, но цвѣтковь ея трудно было разглядѣть: такъ было темно въ этомъ мѣстѣ отъ зеленой чащи деревьевъ. Въ срединѣ пруда отражалось небо такую темною синевою, какъ—будто тотчасъ надъ нею лежала черная бездна.

— Вонъ водяныя лиліи, сказала Руфь, глядя на противоположный берегъ. — Пойду нарву ихъ.

— Постойте, я нарву для васъ. Здѣсь сыро вокругъ воды. Присядьте пока, Руфь; на этой густой травѣ должно быть отлично сидѣть.

Онъ пошелъ вокругъ пруда, а Руфь стала спокойно дожидаться. Возвратясь, онъ снялъ съ нея чепецъ и молча принялся убирать цвѣтами ея волосы. Она сидѣла не шевелясь во все время этого занятія, и съ мирнымъ счастьемъ глядѣла ему въ глаза своимъ любящимъ взоромъ. Она видѣла, что ему весело по его живымъ движеніямъ, напоминавшимъ радость ребенка, нашедшаго новую игрушку, и не хотѣла мѣшать его занятію. Ей было такъ пріятно позабыть обо всемъ, кромѣ его удовольствія.

— Ну вотъ, готово! сказалъ онъ, нарядивъ ее. — Подите теперь посмотритесь въ воду. Вотъ сюда, тутъ нѣтъ травы.

Она повиновалась и посмотрѣвшись не могла не увидѣть своей красоты; это доставило ей на минуту удовольствіе, какъ доставилъ бы видъ всякаго другого красиваго предмета, но ей не пришло даже въ голову, что предметъ этотъ — она сама. Ей было извѣстно, что

она хороша собою, но это казалось ей чѣмъ-то отвлеченнымъ, не касающимся до нея. Она жила только чувствомъ, мыслию, любовью.

Въ этомъ голубомъ, зеленомъ ущельи, между молодою четвою возстановилась полная гармонія. Мистеръ Беллингемъ искалъ въ Руфь одной красоты, и красота ея была неоспорима. Это было все ея достоинство въ его глазахъ и онъ гордился имъ. Она стояла въ бѣломъ платьѣ среди зеленого лѣса; лицо ея пылало яркимъ румянцемъ, уподоблявшимъ ее юньской розѣ; большіе, бѣлые цвѣты граціозно свѣсилась по обѣимъ сторонамъ ея красивой головки; темные волосы немного норастрепались, но самый этотъ беспорядокъ придавалъ ей новую грацію. Она гораздо болѣе угождала ему своею миловидностью, нежели всѣми своими усиліями поддѣлывалась подъ его изысканный нравъ.

Но когда они оставили лѣсъ и Руфь завила, приближаясь къ гостиницѣ, свой цвѣточный уборъ челомъ, воспоминаніе о до-
ставленномъ ему удовольствіи не могло возвратитъ ей ея сердечной тишины. Она сѣдалась грустна и задумчива и никакъ не могла настроить себя на веселость.

— Послушайте, Руфь! сказалъ онъ ей въ тотъ вечеръ: — постарайтесь отучить себя отъ этой привычки грустить и задумываться безо всякой причины. Вы разъ двадцать вздохнули въ эти полчаса. Старайтесь быть повеселѣе. Подумайте, что кромѣ васъ у меня нѣтъ никакого общества въ этомъ захолустьи.

— Я сама себя не прощаю, сэръ! выговорила Руфь и глаза ея наполнились слезами; она подумала какъ ему должно быть скучно наединѣ съ нею, когда она весь день такая пасмурная, и сказала ему тономъ кроткаго раскаянія: — не будете ли такъ добры, сэръ, не поучите ли меня какой-нибудь карточной игрѣ, изъ тѣхъ, что вы вчера называли. Я приложу все старанія, чтобы понять.

Нѣжный, робкій голосокъ ея произвелъ свое дѣйствіе. Они позвонили и спросили картъ. Вскорѣ удовольствіе посвящать въ тайны игры такую прелестную невѣжду заставило Беллингема позабытъ обо всякой скукѣ.

— Ну, на первый разъ довольно! сказалъ онъ наконецъ. — Ваши промахи, уточка, заставляли меня смѣяться, несмотря на невыносимѣйшую головную боль, какую я когда-либо испытывалъ.

Онъ бросился на софу и Руфь въ одну минуту была подлѣ него.

— Дайте я положу вамъ руки на лобъ! сказала она. — Онъ холодный и это всегда облегчало мама.

Онъ лежалъ, отвернувшись отъ свѣта, и молчалъ. Казалось онъ заснулъ. Руфь унесла свѣчи и терпѣливо сидѣла подлѣ него, долго выжидая, что онъ проснется облегченный. Комната похолодѣла отъ ночной свѣжести, но Руфь не рѣшалась будить его отъ этого, какъ ей казалось, благотворнаго сна. Она покрыла его своею шалью, которую бросила на стулъ, возвратясь съ прогулки. Она имѣла полную свободу думать, но силилась отгонять мысли Мало-помалу, дыханіе его стало тяжелымъ и неровнымъ; прислушавшись къ нему съ возрастающимъ страхомъ, Руфь рѣшилась разбудить спящаго. Онъ дрожалъ и смѣтрѣлъ какъ-то тупо. Руфь приходила все къ большій ужасъ; въ домѣ всѣ спали, кромѣ одной служанки, которая была несносна своимъ непониманіемъ поанглійски, даже тогда когда не дремала, и тутъ, на всѣ вопросы Руфи, могла только отвѣчать:

— Да, конечно; сударыня.

Руфь всю ночь просидѣла у кровати. Беллингемиъ отоналъ и метался, но ничего не говорилъ со смысломъ. Это былъ совершенно новый видъ болѣзни для бѣдной Руфи. Ея вчерашнее страданіе казалось ушло за темную даль многихъ годовъ. Настоящее. наполняло всю ея душу. Услыхавъ, что въ домѣ проснулись, она бросилась отыскивать мистриссъ Морганъ, жесткое обращеніе которой, не смягчаемое чувствомъ уваженія къ бѣдной дѣвушкѣ, смущало Руфь даже въ то время когда Беллингемиъ могъ защитить ее.

— Мистриссъ Морганъ! сказала Руфь, опускаясь на стулъ къ маленькой комнаткѣ хозяйки, потому что силы стали оставлять ее: — мистриссъ Морганъ, я боюсь, что мистеру Беллингемиу очень дурно. Тутъ у нея брызнули изъ глазъ слезы; но тотчасъ же овладѣвъ собою, она продолжала. — О, что мнѣ дѣлать? мнѣ кажется онъ всю ночь былъ безъ памяти и теперь онъ смотритъ такъ дико и страшно!

Она глядѣла въ глаза мистриссъ Морганъ, будто та была оракуломъ ея судьбы.

— Право миссъ? неужели? Это плохо. Но не плачьте, этимъ не поможете, видъ ужъ право не поможете. Вотъ я пойду взгляну на бѣднаго молодого человѣка, посмотрю не нужно ли доктора.

Руфь послѣдовала за мистриссъ Морганъ по лѣстницѣ. Войдя въ комнату больного, онъ увидѣли его сидящимъ на постелѣ. Онъ

дико поводилъ вокругъ глазами и увидя входящихъ женщинъ, вскричалъ :

— Руфь! Руфь! поди сюда! не оставляй меня одного! сказавъ это, онъ въ изнеможеніи упалъ на подушку. Мистриссъ Морганъ подошла и заговорила съ нимъ, но онъ не отвѣчалъ и какъ-будто не слышалъ.

— Я пошлю за мистеромъ Джонсомъ, моя милая; такъ, такъ сейчасъ же пошлю. Богъ дастъ, онъ часа черезъ два уже здѣсь будетъ.

— О! нельзя ли ранѣе? спросила Руфь, теряясь отъ ужаса.

— Нѣтъ, нѣтъ, никакъ. Онъ живетъ въ Лангласъ, а вѣдь это за семь миль отсюда, а можетъ еще онъ уѣхалъ куда-нибудь за восемь, за девять миль. Но я тотчасъ пошлю мальчика на лошади.

Сказавъ это, мистриссъ Морганъ оставила Руфь съ больнымъ. Ей ничего не оставалось дѣлать, потомучто онъ снова впалъ въ тяжелое забытѣе. Въ домѣ начали раздаваться звуки вседневной жизни, слышался звонъ колокольчиковъ, стукъ приборовъ къ завтраку, разносимыхъ по коридору, а Руфь дрожала, сидя у кровати, въ темной комнатѣ. Мистриссъ Морганъ прислала ей завтракъ, но та отослала его назадъ и служанкѣ не удалось уговорить ее прикоснуться къ нему. Только одно это и нарушило однообразіе долгаго утра. Руфь слышала какъ веселыя партіи отправлялись на прогулку, верхами или въ экипажахъ. Однакожъ, усталая и измученная, она подошла къ окну и открывъ половину ставня, выглянула на дворъ, но ясный день непріятно поразилъ ея больное, тревожное сердце. Печальная темнота комнаты показалась ей лучше и сообразнѣе.

Прошло нѣсколько часовъ прежде нежели явился докторъ. Онъ обратился съ распросами къ больному, но не получалъ толковаго отвѣта, попросилъ Руфь рассказать ему всѣ симптомы. Когда та, въ свою очередь, пожелала узнать его мнѣніе, онъ только покачалъ головою съ значительною миною. Онъ подалъ знакъ мистриссъ Морганъ и они ушли внизъ, въ ея комнату, оставивъ Руфь въ глубочайшемъ отчаяніи, какого, за часъ до того, она даже не считала возможнымъ когда-либо испытать.

— Боюсь, что дѣло выйдетъ нехорошее! сказалъ докторъ по-англійски мистриссъ Морганъ. — У него явные признаки воспаленія въ мозгу.

— Ахъ, бѣдный молодой джентльменъ! а вѣдь казался вотъ само здоровье.

— Это-то сильное сложеніе и сдѣлаетъ вѣроятно его болѣзнь очень жестокою. Впрочемъ, мы будемъ надѣяться на лучшее, мистриссъ Морганъ. Есть ли кому ходить за нимъ? Онъ требуетъ самаго тщательнаго ухода. Что эта леди, сестра его? Она кажется слишкомъ молода, чтобы быть его женою.

— Нѣтъ, не то оно, не то. Джентльменамъ какъ вы, мистеръ Джонсъ, извѣстно, что мы не всегда можемъ соваться въ дѣло молодыхъ людей, которые заѣзжаютъ къ намъ. Не то чтобы я была ею недовольна, нѣтъ нельзя сказать: она добрая, безобидная дѣвочка, хоть я и всегда считала себя въ правѣ, какъ честная женщина, держать себя повыше съ такими дамами, когда онѣ являлись сюда, но эта право такая кроткая, что было бы жестоко высказывать къ ней презрѣніе.

Долго еще можетъ-быть изливалась бы она передъ своимъ невнимательнымъ слушателемъ, еслибы не раздался легкій стукъ въ дверь, прервавшій ея нравоученіе и раздумье мистера Джонса, обдумывавшаго необходимыя предписанія.

— Войдите! крикнула мистриссъ Морганъ.

Вошла Руфь. Она была блѣдна и дрожала, но вошла съ тѣмъ достоинствомъ, которое всегда придается сильнымъ, сдержаннымъ чувствомъ.

— Я пришла просить васъ, сэръ, обратилась она къ доктору: — объясните мнѣ прямо и ясно что я должна дѣлать для мистера Беллингема. Я исполню въ точности всѣ ваши предписанія. Вы упоминали о пивъкахъ, — я могу ихъ поставить ему. Скажите мнѣ пожалуйста, сэръ, все что нужно дѣлать.

Она была серьезна и спокойна; ея видъ и поступки явно говорили, что важность несчастія вызвала въ ней всю необходимую силу бороться съ нимъ. Мистеръ Джонсъ отвѣчалъ ей съ большимъ почтеніемъ, нежели за нѣсколько минутъ до того, наверху, когда еще онъ считалъ ее сестрою больного. Руфь серьезно выслушала его, повторяя нѣкоторыя изъ его внушеній, чтобы убѣдиться, что она въ точности поняла его и потомъ поклонясь, ушла изъ комнаты.

— Она не изъ простыхъ! замѣтилъ мистеръ Джонсъ. — Однако она слишкомъ молода чтобы возложить на нее отвѣтственность въ такомъ важномъ случаѣ. Не извѣстно ли вамъ мѣсто жительства кого-нибудь изъ друзей больного?

— Какъ же, какъ же! Вѣдь у него мать, такая важная леди!

Прошлый годъ она была проездомъ здѣсь въ Валисъ и остановилась у насъ. Ну, ужъ я вамъ скажу, ничто-то было не по ней; настоящая леди! Она оставила здѣсь кое-что изъ платьевъ и книги (горничная-то у нея была почти такая же важная, какъ и сама барыня, не слишкомъ-то смотрѣла за вещами, больше все любила прогуливаться съ кавалерами); потомъ мы получили отъ нея вѣсколку писемъ. И заперла все это въ ящики конторки, гдѣ обыкновенно держу такія вещи.

— Прекрасно, такъ я совѣтую вамъ написать къ этой леди, извѣстить ее о положеніи ея сына.

— Не будете ли вы такъ добры, мистеръ Джонсъ, не напишете ли сами. У меня что-то не складно выходитъ поанглійски.

Письмо было написано, и чтобы не терять времени, мистеръ Джонсъ самъ отвезъ его въ Дангласъ на почту.

ГЛАВА VII

Руфъ отгоняла отъ себя всякую мысль о прошломъ или о будущемъ, все что могло помѣшать ей въ исполненіи ея настоящихъ обязанностей. Избытокъ любви замѣнялъ для нея опытность. Съ перваго же дня она не оставляла комнаты; она принуждала себя ѣсть, потому что ей нужны были силы, и не позволяла себѣ плакать, потому что слезы мѣшали ея бдительности. Она ходила за больнымъ, выжидала и молилась; молилась съ полнѣйшимъ самозабвеніемъ, съ сознаниемъ единственно того, что Богъ всемогущъ и что тотъ, кого, она такъ горячо любитъ, нуждается въ его всемогущей помощи.

День и ночь, лѣтняя ночь, какъ-будто слились для нея въ одно. Она позабыла о часахъ въ темной, безмолвной комнатѣ. Однажды утромъ она была вызвана изъ комнаты хозяйкою гостиницы. Мистриссъ Морганъ стояла на цыпочкахъ въ темномъ коридорѣ, куда выходила дверь спальни.

— Она приѣхала! шепнула она Руфи, вся взволнованная и совершенно позабывъ, что та вовсе не знала о письмѣ, отправленномъ къ мистриссъ Беллингемъ.

— Кто приѣхалъ? спросила Руфъ.

Ей мелькнула мысль о мистриссъ Мезонъ, но она услышала съ гораздо большимъ, хотя и не столь опредѣленнымъ страхомъ, что

то была мать Беллингема, о которой онъ всегда говорилъ какъ объ особѣ, мнѣніемъ которой онъ дорожилъ болѣе всякаго другого.

— Что мнѣ дѣлать? Она на меня разсердится? спрашивала Руфь, снова впадая въ свою дѣтскую зависимость отъ другихъ и чувствуя, что даже мистриссъ Морганъ способна нѣкоторымъ образомъ защитить ее отъ мистриссъ Беллингема.

Но та сама была несомнѣнно спокойна. Нравственность ея сильно страдала при мысли, что такая знатная, настоящая леди узнаетъ, что она способствовала связи между ея сыномъ и Руфью. Она была вполне расположена поощрять инстинктивное желаніе Руфи скрываться отъ глазъ мистриссъ Беллингема, желаніе, возраставшее въ дѣвушкѣ отъ какого-то неопредѣленнаго сознанія за собою вины, а еще болѣе отъ всего что она слышала о суровомъ характерѣ этой леди. Мистриссъ Беллингема завладѣла комнатою сына, будто не подозревая, что тамъ только-что передъ тѣмъ жило другое бѣдное созданіе; а Руфь между тѣмъ успѣшила скрыться въ одну изъ незанятыхъ комнатъ, и тамъ, оставшись одна, дала наконецъ волю своему сдержанному отчаянію и разрыдалась самымъ горькимъ, самымъ безнадежнымъ образомъ. Утомясь отъ долгихъ заботъ и отъ слезъ, она прилегла на кровать и заснула. Такъ прошолъ день; Руфь все спала и никто о ней не думалъ и не заботился. Она проснулась поздно вечеромъ и первымъ чувствомъ ея былъ упрекъ себѣ за то, что проспала такъ долго. Ей все еще казалось, что на ней лежитъ отвѣтственность. Въ комнатѣ уже смеркалось; Руфь выждала пока смерклось совершенно и сошла къ мистриссъ Морганъ.

— Можно ли войти? спросила она за дверью.

Дженни Морганъ трудилась надъ іероглифами, которые она называла своими счетами. Она отвѣтила довольно рѣзко, но все же это было позволеніе войти, и Руфь съ благодарностью воспользовалась имъ.

— Скажите мнѣ пожалуйста что съ нимъ? Какъ вы думаете, могу ли я пойти къ нему?

— Нѣтъ, нѣтъ, никакъ. Ужь теперь и Нестъ не смѣетъ входить туда убирать комнату; мистриссъ Беллингема привезла свою собственную служанку, да кромѣ того бывшую няньку и лакея мистера Беллингема; цѣлую свору слугъ, а ужъ багажа, — безъ конца. Имъ везутъ сюда походныя кровати и докторъ приѣдетъ завтра изъ Лондона, какъ-будто худы для нихъ мои пуховики, да мистеръ

Джонсъ. Нѣтъ, теперь ужь никого изъ насъ не пустятъ къ больному, — нечего и думать.

Руфь вздохнула.

— Каковъ онъ? спросила она, помолчавъ.

— Да чтоже я вамъ право скажу, когда меня къ нему не пускаютъ? Мистеръ Джонсъ сказалъ, что сегодня вечеромъ долженъ быть переломъ; но не думаю, чтобы это было такъ: вѣдь всего четвертый день что онъ боленъ, а гдѣ же слыхано, чтобы переломъ приходилъ въ четный день? Это всегда бываетъ на третій, на пятый, на седьмой, или вотъ эдакъ. Вотъ помяните мое слово, что переломъ наступитъ завтра вечеромъ и вся честь останется за ихъ важнымъ, лондонскимъ докторомъ, а нашего честнаго мистера Джонса, — въ сторону. Не думаю я однако, чтобы кончилось добромъ. Джелертъ недаромъ такъ воетъ. Боже ты мой! что съ нею? Что это съ вами? всегда такая твердая, а тутъ вдругъ падаетъ мнѣ на руки!

Рѣзкій голосъ ея привелъ въ сознаніе Руфь, ошеломленную ея словами. Она съѣла, не говоря ни слова; вся комната шла кругомъ передъ ея глазами. Ея блѣдность и слабость впушили жалость мистриссъ Морганъ.

— Вы кажется и чаю не пили. Да, право, такъ; эти дѣвки ни о чемъ не подумаютъ.

Она энергически дернула за звонокъ, и не дожидаясь его дѣйствія, вышла за двери и громко крикнула поваллійски, отдавая приказанія Нестъ, Гуенъ и еще тремъ-четыремъ грубымъ, честнымъ и грязнымъ служанкамъ.

Онъ принесли для Руфи чай, очень вкусно сервированный по понятіямъ, господствовавшимъ въ этомъ гостепріимномъ, но незагнѣтливомъ домѣ. Къ чаю было подано столько яствъ, что это обиліе скорѣе возбуждало отвращеніе, нежели апетитъ. Но доброта, съ которою ласковая, красноцокая служанка уговаривала Руфь покушать и выговоры мистриссъ Морганъ за то, что она не прикоснулась къ жаренымъ тартинкамъ (для которыхъ по собственному распоряженію хозяйки не пожалѣли масла), оказали ей болѣе пользы, нежели самый чай. Она стала надѣяться и нетерпѣливо ждать утра, когда надежда ея могла осуществиться. Напрасно говорили ей, что комната, гдѣ она провела день, находилась къ ея услугамъ; она не сказала ни слова, но не ложилась въ эту ночь, когда рѣшался вопросъ о жизни и смерти. Она стремилась душою въ комнату боль-

ного, пока не утихло все въ шумномъ домѣ, прислушиваясь къ бѣготни около этой недоступной для нея комнаты, и къ повелительнымъ, хотя сдержаннымъ до шопота голосамъ, требовавшимъ то того, то другого. Потомъ все стихло. Полагая, что всѣ заснули, кромѣ сидѣльщиковъ у больного, Руфь проскользнула въ коридоръ. На противоположной стѣнѣ его находились два окна, проложенныя въ толстой, каменной стѣнѣ; на подоконникахъ стояли горшки съ геранью, которая разрослась густо и безыскусственно и заслонила свѣтъ. Ближайшее къ комнатѣ Беллингема окно было отворено и ночной вѣтерокъ врывается въ него теплою, ароматическою струею, не нарушавшею общей тишины. Время было лѣтнее и по ночамъ не темнѣло до мглы; свѣтъ только померкалъ и предметы теряли свои краски, но формы ихъ оставались ясными для глазъ. Продолговатая форма блѣднаго, испещреннаго тѣнями свѣта лежала на гладкой стѣнѣ, противъ оконъ; тѣни обозначали формы растенія, казавшіяся тутъ граціознѣе чѣмъ въ дѣйствительности. Руфь пробиралась тамъ гдѣ не было свѣта. Она сѣла на полу у самой двери; вся душа ея перешла въ слухъ, но все оставалось тихо, только сердце ея билось сильнымъ, тяжелымъ и мѣрнымъ стукомъ молотка. Ей хотѣлось бы остановить этотъ рѣзкій, несмолаемый стукъ. Ей послышался шелестъ шолоковаго платья и подумалось, что не слѣдовало бы носить такое въ комнатѣ у больного. Всѣ ея мысли до такой степени сосредоточились на заботѣ о немъ, что она чувствовала тоже что и онъ. Шелестъ произошолъ вѣроятно отъ какого-нибудь движенія сидѣлки при больномъ, потому что вслѣдъ за этимъ снова наступила мертвая тишина. Легкій вѣтерокъ пронесся въ горы, пролеталъ съ протяжнымъ, отдаленнымъ воплемъ между ихъ извилинами, и теряясь въ нихъ, болѣе не возвращался. А сердце Руфи все стучало. Тихо, какъ видѣніе, поднялась она съ мѣста и подошла къ открытому окну, пробуя отвлечься отъ нервного прислушиванья къ этому вѣчно-повторяющемуся звуку. Вокругъ, подъ тихимъ небомъ, подернутымъ скорѣе туманомъ, чѣмъ облакомъ, возставали высокіе, темные силуэты горъ, запиравшихъ селеніе какъ гнѣздо. Они стояли подобно исполинамъ, подобно торжественнымъ сторожамъ на рубежѣ земли и времени. Тамъ и сямъ ~~крутила~~, черная тѣнь напоминала Руфи какое-нибудь ущелье, гдѣ ~~она дрожала~~ съ милымъ, среди солнца и веселья. Ей подумалось, что ~~она дрожала~~ какъ очарованная, заснула въ вѣчномъ счастьи и по ~~ней~~ ю прелестную страну не должно бы крадываться

ни горя, ни страданій: все это должно бы исчезать передъ лицомъ величественныхъ, горныхъ-стражей. Но теперь она узнала, что земля не имѣетъ ограды, которая охраняла бы ее отъ смерти. Какъ молнія слетаетъ она съ неба, и въ домъ, охраняемый горами, и въ городской чердакъ, и во дворецъ, и въ хижину.

Къ дому примыкала садъ, днемъ довольно красивый, потому что въ грязи, гдѣ онъ былъ разведенъ, все отлично всходило и цвѣло, несмотря на недостатокъ ухода. Бѣлыя розы всю ночь бѣгли на темныхъ кустахъ; красныя терялись въ тѣни. Между садомъ и горами разстилася зеленый лугъ; Руфь всматривалась въ сѣрую тьму, пока привыкшій глазъ ея не сталъ отличать всѣ контуры предметовъ. Послышалось щебетанье маленькой, безпокойной птички, заявлявшей свою безсонницу изъ гнѣзда, скрытаго въ плющъ, разросшемся по стѣнамъ дома; но мать прикрыла ее теплыми крыльшками и птичка умолкла. Вскорѣ однако многія птички, почувявъ приближеніе зори, начали перепархивать и громко щебетать въ листьяхъ. На самомъ горизонтѣ образовалось изъ тумана серебристое облачко, повисшее на краю неба; потомъ это облачко растянулось въ бѣловатыя хлопья и вдругъ побагровѣло; горныя вершины вознеслись къ нему подъ сѣнь Бога. Багряное, огненное солнце словно выскочило на горизонтъ и тотчасъ раздался радостный хоръ тысячи птицъ, и съ земли понесся тихій, таинственный гулъ; шопотливый вѣтеръ вышелъ изъ своей засады по ущельямъ и разсѣли намъ горы и пронесся по зашумѣвшей травѣ и по деревьямъ, будя почки цвѣтовъ къ жизни настоящаго дня.

Руфь вздохнула легче, видя что ночь миновала: вскорѣ неизвѣстность должна была кончиться и приговоръ, каковъ бы онъ ни былъ, къ жизни или къ смерти, долженъ былъ быть признанъ. Руфь становилась больна отъ тоскливаго ожиданія; она была почти готова войти въ комнату и узнать истину. Но тутъ ей послышалось движеніе; оно не было ни громкимъ, ни быстрымъ какъ при какомъ-нибудь особенномъ случаѣ; потомъ снова все стихло. Руфь сидѣла свернувшись на полу, прислонивъ голову къ стѣнѣ и обвивъ руками колѣна. Она продолжала прислушиваться. Между тѣмъ большой благополучно пробудился отъ долгаго, крѣпкаго и благотворнаго сна. Мать его просидѣла всю ночь подлѣ его постели и теперь только впервые перемѣнила положеніе; она рѣшилась даже дать потихоньку нѣкоторыя приказанія старой кормилицѣ, все время дремавшей въ креслѣ на-готовѣ къ исполненію приказаній своей госпожи.

Мистриссъ Беллингемъ подошла на цыпочкахъ къ двери, сердясь на себя за то, что ея стяжельвшіе, усталые члены производили легкій шумъ. Она чувствовала непреодолимую потребность выйти на нѣсколько минутъ изъ этой комнаты, гдѣ провела безсонную ночь. Она видѣла, что кризисъ миновалъ и душевное облегченіе заставило ее почувствовать утомленное и раздраженное состояніе тѣла, оставшееся незамѣченнымъ все время, пока она находилась въ тревожномъ ожиданіи.

Она тихо отворила дверь въ коридоръ. Руфь вскочила на ноги при первомъ скрипѣ замка. Губы ея стиснулись и онѣмѣли отъ бросившейся въ голову крови; казалось ей не выговорить ни слова. Она стояла прямо передъ мистриссъ Беллингемъ.

— Что съ нимъ, скажите мнѣ?

Въ первую минуту мистриссъ Беллингемъ была поражена этимъ бѣлымъ видѣніемъ, будто выросшимъ изъ пола. Но быстрый, надменный умъ ея въ мигъ сообразилъ дѣло. Это та самая женщина, которая увлекла въ развратъ ея сына; помѣшала ея любимому плану женить его на миссъ Донкомбъ; мало того, это настоящая причина его болѣзни и ея горькой, тоскливой тревоги; это смертельная опасность для него въ настоящее время. Если мистриссъ Беллингемъ когда-нибудь провинилась въ невѣжливости, не отвѣчая на вопросы, то это въ настоящемъ случаѣ. Съ минуту она колебалась не пройти ли ей молча. Но Руфь ждала и повторила вопросъ:

— Скажите мнѣ, ради-бога, что съ нимъ? будетъ ли онъ живъ?

Мистриссъ Беллингемъ подумала, что если она не отвѣтитъ, то пожалуй эта отчаянная женщина ворвется въ комнату.

— Онъ спалъ хорошо; ему лучъ не, выговорила она.

— Боже мой! благодарю тебя! прошептала Руфь, припадая сиюю къ стѣнѣ.

Этого было уже слишкомъ. Это жалкое созданіе смѣетъ благодарить Бога за спасеніе сына мистриссъ Беллингемъ; точно она ему не чужая, что смѣетъ обращаться за него къ Богу. Мистриссъ Беллингемъ устремила на нее холодный, презрительный взглядъ, который вонзился въ Руфь какъ ледяная стрѣла и заставилъ ее съ трепетомъ отодвинуться.

— Послушайте, милая, произнесла мистриссъ Беллингемъ: — если въ васъ сохранилось еще хотя сколько-нибудь чувства и приличія, то надѣюсь, вы не станете покушаться войти въ эту комнату.

Она остановилась на минуту, ожидая отвѣта и почти увѣренная, что съ нею стануть спорить. Но она худо понимала Руфь. Она не подозрѣвала доврчивой чистоты ея сердца. Руфь заключила, что все будетъ благополучно, если Беллингемъ останется живъ. Когда она ему понадобится, то онъ спроситъ о ней, пришлетъ за нею, будетъ тоскливо звать ее, пока все не уступитъ его упорному желанію. Въ настоящую минуту, думала она, онъ вѣроятно еще слишкомъ слабъ чтобы узнавать кто вокругъ него находится; хотя для нея было бы величайшимъ блаженствомъ хлопотать около него и прислуживать ему, но въ эту минуту она помышляла не о себѣ, а о немъ. Она смиренно посторонилась, давая дорогу мистриссъ Беллингемъ.

Тутъ пришла на верхъ мистриссъ Морганъ. Руфь все еще оставалась у двери, къ которой ее будто что-то приковывало.

— Послушайте, миссъ, право не годится торчать все у двери; вѣдь это совѣтъ не хорошо. Мистриссъ Беллингемъ очень сердится на это; если все такъ будутъ гнѣваться, то мой домъ получить дурную славу. Вѣдь я вамъ отвела на ночь комнату, гдѣ васъ никто не видѣлъ бы и не слышалъ; вѣдь я предупреждала васъ что за характеръ у мистриссъ Беллингемъ: — нѣтъ, нужно таки было сунуться ей на глаза! Не хорошо это, право не хорошо; не такой благодарности ожидала отъ васъ Джени Морганъ.

Руфь, какъ пристыженное дитя, пошла изъ коридора. Мистриссъ Морганъ послѣдовала за нею въ ея комнату, не переставая ворчать; потомъ, отведя по обыкновенію сердце самую жесткою бранью, прибавила смягченнымъ тономъ, уступая своей природной добротѣ:

— Будьте же доброе дитя, сидите вотъ тутъ. Немного погода, я пришлю вамъ завтракъ и буду извѣщать васъ отъ времени до времени о здоровьи больного. Можете конечно пойти погулять, но только прошу васъ въ такомъ случаѣ выйти боковою дверью. Эдакъ можетъ-быть избѣжимъ скандала.

Весь этотъ день и послѣдовавшіе за нимъ дни Руфь оставалась какъ плѣнница, въ отведенной ей комнатѣ. Но по ночамъ, когда весь домъ погружался въ тишину, когда даже мышки, подобравъ крохи, быстро разбѣгались по норкамъ, Руфь тихонечко выходила изъ комнаты и подкравшись къ завѣтной двери, прижималась къ ней, въ надеждѣ хотя услышать звукъ милаго голоса. По тону этого голоса она могла также вѣрно сказать что чувствуетъ больной и какъ идетъ выздоровленіе, какъ и тѣ кто находился подлѣ него. Она

мучилась желаніемъ еще однажды взглянуть на него, но разсудокъ поддерживалъ кое-какъ ея терпѣніе. Когда онъ настолько поправился, что будетъ выходить изъ комнаты, когда при немъ не будетъ никакихъ нянекъ, тогда онъ пришлетъ за нею и она раскажетъ ему какъ она была терпѣлива изъ любви къ нему. Но даже съ надеждою, что все кончится такимъ образомъ, Руфь едва имѣла силы ждать. Бѣдное дитя! доврчивый умъ ея строилъ воздушные замки; высоко возносились они къ небесамъ, но это были только призраки.

ГЛАВА VIII

Если выздоровленіе Беллингема шло не довольно быстро, то это скорѣе слѣдовало приписать его болѣзненно-раздражительному воображенію, при большой слабости, нежели какимъ-либо неблагоприятнымъ симитомамъ. Онъ съ отвращеніемъ отворачивался при одномъ видѣ несовсѣмъ изящно приготовляемой въ этой гостиницѣ нищи, противной ему и при здоровьи. Напрасно увѣряли его, что Симпсонъ, горничная его матери, строго наблюдала за стряпнею. Онъ обижалъ ее, отыскивая что-нибудь отвратительное въ наивкуснѣйшихъ, по ея мнѣнію, блюдахъ и внушая этимъ мистриссъ Морганъ несовсѣмъ ласковыя рѣчи, которыя впрочемъ мистриссъ Беллингемъ считала за лучшее пропускать мимо уха, пока сынъ ея не будетъ въ силахъ отправиться въ дорогу.

— Мнѣ кажется, что тебѣ сегодня получше, сказала она однажды, когда слуга подкатилъ больного на софѣ къ окну. — Завтра мы сведемъ тебя внизъ.

Онъ упалъ на спину въ нетерпѣливомъ отчаяніи. Въ это время доложили о приѣздѣ доктора. Мистриссъ Беллингемъ спросила его рѣшительнаго мнѣнія на счетъ возможности для ея сына пуститься въ дорогу. Выслушавъ такіе же настоятельные распросы отъ мистриссъ Морганъ, врачъ понялъ, что этого равно желаютъ и внизу и здѣсь, и не сталъ особенно противиться отъѣзду. По уходѣ доктора, мистриссъ Беллингемъ начала прокашливаться. Сыну ея издавна было знакомо это предисловіе, и онъ сталъ двигаться по софѣ съ нетерпѣливою скукою.

— Генри, мнѣ нужно поговорить съ тобою насчетъ одной вещи, очень непріятной конечно, но сама эта женщина вынудила меня

вмѣшаться въ дѣло. Ты долженъ понимать о чемъ я говорю, не ставляя меня входить въ объясненія.

Мистеръ Беллингемъ нетерпѣливо отвернулся къ стѣнѣ и взялся за книгу, чтобы скрыть свое лицо отъ матери; но она была слишкомъ взволнована для наблюденій.

— Я, съ моей стороны, продолжала она, желала чтобы это дѣло прошло насколько возможно помимо меня, хотя ты не можешь себѣ представить какъ протрубила о немъ мистриссъ Мезонъ. Весь Фордгемъ толкуетъ объ этомъ. Однако, я нахожу несомнѣнно пріятнымъ и даже приличнымъ для себя допускать, чтобы такого рода особа находилась подъ одною кровлею со мною. Извини меня, Генри. Я жду твоего отвѣта.

— Руфь вовсе не такого рода, какъ вы думаете; вы къ ней несправедливы.

— Однако, мой милый, надѣюсь, что ты не станешь выдавать ее за образецъ добродѣтели!

— Нѣтъ, но я самъ увлекъ ее, я!

— Мы отложимъ разсужденія о томъ что и какъ довело ее до этого, произнесла мистриссъ Беллингемъ тономъ ввущающаго достоинства, всегда оказывавшаго вліяніе на ея сына, — вліяніе, начавшееся съ дѣтства, и отъ котораго онъ уклонялся только въ увлеченіи страсти.

Онъ былъ теперь слишкомъ слабъ чтобы противорѣчить и уступалъ ей шагъ за шагомъ поле битвы.

— Такъ какъ ты мнѣ не чужой, продолжала она, то я не хочу чтобы тебя осуждали; а изъ того что я видѣла въ одно только утро, я убѣдилась, что эта особа лишена не только всякаго стыда, но даже чувства обыкновеннаго приличія, и что она способна на всѣ дерзости.

— Что же вы видѣли? нетерпѣливо спросилъ Беллингемъ.

— А вотъ что: когда тебѣ было очень худо, я просидѣла подлѣ тебя всю ночь и поутру хотѣла выйти вздохнуть на свѣжій воздухъ; вдругъ передо мною явилась эта женщина и стала настаивать чтобы я съ нею говорила. Я должна была послать къ ней мистриссъ Морганъ, прежде чѣмъ вернуться къ тебѣ въ комнату. Такой дерзости и безстыдства я еще не видывала!

— Руфь никогда не бывала ни дерзкой, ни безстыдной; она неопытна и могла оскорбить васъ по глупости.

Сюръ утомилъ его и онъ жалѣлъ, что дѣло дошло до него. Съ

той минуты какъ онъ узналъ подлѣ себя свою мать, его стала безлюбопытная трудная задача ея отношеній къ Руфи и всевозможные планы мелькали въ его умѣ; но онъ нашолъ такимъ утомительнымъ трудомъ обдумывать и соображать ихъ, что рѣшилъ отложить ихъ въ сторону до выздоровленія.

Но затрудненіе, въ которое поставила его связь съ Руфью, пришивало въ его умѣ, къ воспоминанію о ней, чувство досады и раскаянія, что онъ впутался въ это дѣло. Онъ желалъ бы никогда не встрѣчаться съ нею, но желалъ и этого съ тою томною лѣтнею, съ какою желалъ и чувствовалъ все что не касалось непосредственно его ежедневнаго комфорта. Это стало для него самымъ затруднительнымъ, самымъ неприятнымъ дѣломъ. Впрочемъ несмотря на то, что Руфь была причиною его затрудненія, онъ не могъ слышать когда на нее клеветали; вѣроятно движенія его выразили это слишкомъ твердо, потому что мистрисъ Беллингемъ тотчасъ же повела дѣло иначе.

— Я считаю лишнимъ спорить насчетъ характера этой дѣвочки, но надѣюсь, что ты не станешь оправдывать свою связь съ нею; надѣюсь еще, что ты не до такой степени утратилъ чувство приличія, чтобы допустить чтобы мать твоя оставалась подъ одною кровлею съ этою погибшею жинщиною, рискуя безпрестанно встрѣчаться съ нею.

Она подождала отвѣта, но его не было.

— Я спрашиваю тебя объ одномъ: прилично это или нѣтъ?

— Полагаю что нѣтъ, отвѣчалъ онъ мрачно.

— А я полагаю изъ твоего отвѣта, что по твоему мнѣнію лучше всего было бы рѣшить затрудненіе такимъ образомъ: чтобы я уѣхала и оставила тебя съ твоею развратною спутницею.

Отвѣта попрежнему не было, но признаки нетерпѣнія и скуки возрастали. Всему этому виною была Руфь. Наконецъ мистеръ Беллингемъ заговорилъ:

— Вы не хотите помочь мнѣ выйти изъ затрудненія. Я вовсе не желаю чтобы вы уѣхали и не намѣренъ платить оскорбленіями за всѣ ваши заботы обо мнѣ. Руфь не въ такой степени заслуживаетъ осужденія какъ вы полагаете, это я говорю и повторяю; но я готовъ не видѣться съ нею болѣе, если вы научите меня какъ это сдѣлать, не поступаая неблагородно. Только, прошу васъ, избавьте меня отъ всѣхъ этихъ дразгъ, пока еще я такъ слабъ. Я совершенно отдаюсь въ ваши руки. Раздѣляйтесь съ нею какъ знаете; лишь бы

это было сдѣлано какъ дѣлаютъ порядочные люди, и чтобы я никогда болѣе не слышалъ объ этомъ. Я не вынесу; дайте мнѣ покоя, избавьте отъ нравоученій, пока я запертъ тутъ и ничѣмъ не могу развлечься отъ непріятныхъ мыслей.

— Положись на меня, милый Генри.

— Довольно, маменька: это прескверное дѣло и я не могу не винить себя въ немъ. Мнѣ непріятно о немъ думать.

— Не будь слишкомъ строгъ къ себѣ и не упрекай себя, милый Генри, пока ты еще такъ слабъ. Ты хорошо дѣлаешь, что раскаяваешься, но я, съ моей стороны, убѣждена, что эта женщина разставляла тебѣ сѣти. Но, какъ ты говоришь, все должно быть сдѣлано прилично. Признаюсь, я была глубоко огорчена, услышавъ объ этомъ дѣлѣ; но съ той минуты какъ я увидѣла ее — ну, хорошо, оставимъ это, если тебѣ не нравится. Благодарю Бога, что ты понялъ наконецъ свое заблужденіе.

Мистриссъ Беллингемъ посидѣла нѣсколько минутъ молча, о чемъ то раздумывая, потомъ послала за своимъ письменнымъ приборомъ и принялась писать. Сынъ ея пока безпокойно двигался въ нервномъ раздраженіи.

— Это дѣло замучить меня на смерть, отозвался онъ: — я не могу оторвать отъ него мысли.

— Ужъ предоставь мнѣ; я такъ устрою что все будетъ хорошо.

— Нельзя ли намъ уѣхать отсюда нынче вечеромъ? Въ другомъ мѣстѣ меня это не такъ будетъ мучить; я боюсь опять увидѣться съ нею, меня пугаетъ сцена; а потомъ опять мнѣ кажется, что я долженъ бы повидаться и объясниться съ нею.

— Ты не долженъ и помышлять объ этомъ, Генри, сказала мистриссъ Беллингемъ, испугавшись одной этой мысли. Скорѣе мы уѣдемъ отсюда черезъ полчаса и попробуемъ перебраться къ ночи въ Пенъ-тре-Воласа. Теперь нѣтъ еще трехъ часовъ и намъ остается цѣлый вечеръ. Симпсонъ останется здѣсь и уложитъ остальные вещи, а потомъ придетъ съ ними къ намъ. Мангональдъ и кормилица поѣдутъ съ нами. Въ силахъ ли ты проѣхать двадцать миль, какъ ты полагаешь?

— Все на свѣтѣ, только бы выйти изъ этого затрудненія. Мистеръ Беллингемъ сознавалъ, что ему не такъ слѣдовало бы поступить съ Руфью, хотя прямой долгъ его ни разу не представился его уму. Но ему представлялся случай выпутаться изъ этой дилеммы и избѣжать

множества упрековъ ; онъ хорошо зналъ, что мать его не скушая на деньги, обдѣляетъ дѣло «прилично»; а онъ съ своей стороны можетъ во всякое время дать Руфи тѣ объясненія, какія сочтетъ нужными. Такимъ образомъ онъ далъ на все свое согласіе и вскорѣ даже нѣсколько развлекся отъ своей скуки, глядя на хлопотливья приготовления къ отъѣзду.

Все это время Руфь спокойно сидѣла въ своей комнатѣ, убивая скучные, долгіе часы въ придумываніи всевозможныхъ сценъ свиданія. Комната ея выходила на дворъ и находилась во флигелѣ, довольно далеко отъ главнаго корпуса дома; поэтому происходившіе въ домѣ хлопоты не могли возбудить въ ней подозрѣній. Впрочемъ, если бы даже до ея слуха и доходило хлопанье дверей, громкія распоряженія и стукъ экипажей, то и тогда ей не пришлось бы въ голову подозрѣвать истины. Въ любви ея было слишкомъ много вѣры.

Былъ уже пятый часъ когда кто-то постучался къ ней въ дверь. Ей подали письмо, оставленное на ея имя мистриссъ Беллингемъ. Не безъ труда удалось этой леди удовлетворить себя изложеніемъ того что ей нужно было сказать, но наконецъ она написала слѣдующее :

«Выздоровѣвъ отъ жестокой болѣзни, сынъ мой, благодаря Бога, искренно созналъ порочность отношеній, въ которыхъ онъ жилъ съ вами. Чтобы исполнить его непремѣнное желаніе и избавить его отъ новаго свиданія съ вами, мы рѣшили оставить этотъ домъ; но передъ этимъ я хотѣла бы поощрить васъ къ раскаянію и напомнить вамъ, что не одинъ вашъ собственный грѣхъ ляжетъ вамъ на душу, но и грѣхъ всякаго молодого человѣка, какаго вамъ удастся вовлечь въ развратъ. Буду молить Бога, чтобы вы снова обратились къ честной жизни и даю вамъ добрый совѣтъ, если вы еще не «умерли во смерти и во грѣхѣ», вступить въ какое-нибудь исправительное заведеніе. Сообразно съ желаніемъ моего сына, препровождаю къ вамъ въ этомъ пакетѣ банковый билетъ въ пятьдесятъ фунтовъ.

Маргарита Беллингемъ.»

— Неужели это конецъ всему? Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ уѣхалъ? Руфь вскочила съ мѣста и повторила послѣдній вопросъ служанкѣ, которая, догадываясь о содержаніи письма и любовныт-ствомъ узанать произведенный имъ эффектъ, медлила выходить изъ комнаты.

— Такъ точно, миссъ; экипажъ отъѣзжалъ отъ воротъ, когда я

пошла къ вамъ. Вотъ вы еще увидите его на дорогѣ въ Испити, если хотите взглянуть въ окно 24 №.

Руфь побѣжала за служанкою. Точно: экипажъ тихо катился по бѣловатой дорогѣ, походя издали на ползущаго жука.

Она могла еще догнать его; она могла, могла еще оказать ему послѣднее прости, въ послѣдній разъ взглянуть на него и запечатлѣть въ сердцѣ его образъ — нѣтъ, еслибы онъ увидалъ ее, онъ никогда, никогда бы ее не покинулъ. Вотъ что пришло ей въ голову. Она бросилась назадъ въ свою комнату, набросила чепецъ и бѣгомъ сбѣжала съ лѣстницы, придерживаясь дрожащею рукою за перила; она выбѣжала въ первую попавшуюся дверь, не заботясь о гнѣвѣ мистриссъ Морганъ. Та была сильно раздражена строгими выговорами, которые сдѣлала ей уѣзжая мистриссъ Беллингемъ и которыхъ не могла заглядить щедрость платы. Къ этому прибавлялся дерзкій поступокъ Руфи, выбѣжавшей въ своей иступленной поспѣшности, не смотря на воспрещеніе, въ главную дверь.

Но Руфь была далеко, прежде нежели мистриссъ Морганъ успѣла кончить свою рѣчь. Руфь неслась по дорогѣ, безъ сознанія, безъ мысли отъ захватывающей духъ быстроты. Казалось жилы порвутся отъ бѣшенія у нея въ сердцѣ и въ вискахъ, но что за бѣда, лишь бы ей догнать карету. Это былъ какой-то кошмаръ, постоянно ускользавшій отъ самыхъ пламенныхъ желаній и усилій, постоянно уходившій далѣе и далѣе. Каждый разъ какъ карета показывалась, она была уже далѣе, но Руфь этого не замѣчала. Лишь бы только ей преодолѣть трудный подъемъ на нескончаемую гору. Оттуда она легко сбѣжитъ внизъ, и какъ она надѣялась, скоро догонитъ экипажъ. Во время бѣга она молилась съ какимъ-то дикимъ жаромъ: она молилась, чтобы ей было дано хотя однажды еще взглянуть на него, даже если бы она тутъ же, на мѣстѣ должна была умереть. Это была одна изъ тѣхъ молитвъ, которымъ Богъ по милосердію своему не внемлетъ, молитва дикая, отчаянная. Какова бы она ни была, но Руфь вложила въ нее всю душу и повторяла ее, повторяла безъ конца.

Наконецъ волнистый, нескончаемый подъемъ былъ пройденъ; Руфь добралась до самой вершины и остановилась на голой широкой равнинѣ, поросшей красновато-темнымъ верескомъ и терявшейся въ дали, въ лѣтнемъ вечернемъ туманѣ. Вся дорога лежала передъ Руфью, но желаннаго экипажа, но желаннаго человѣка на ней уже не было. Въ этой пустынѣ не было ни одного живого существа; только дикая горная коза спокойно паслась у дороги и по этому

спокойствію можно было судить, что она давно уже позабыла о шумѣ пробѣжавшаго тутъ экипажа.

Руфь въ отчаяніи бросилась на траву возлѣ дороги. Единственною надеждою для нея оставалось умереть и ей показалось, что она уже умерла. Она не могла думать, она могла только бредить. Вѣрно жизнь есть одинъ страшный сонъ, отъ котораго Богъ по милосердію своему пробудить ее. Ей не въ чемъ было каяться: она не сознавала за собою ни грѣха, ни заблужденія; все что она знала, — это, что онъ уѣхалъ.

Наконецъ долго, долго спустя, она стала узнавать ровное движеніе ярко-зеленой стрекозы, хлопотливо кружившейся въ дикомъ тинѣ; потомъ музыкальную, мѣрную, волнистую дробь жаворонка, гдѣ-то въ гнѣздѣ близъ ея вересковаго ложа. Солнце уже никакъ сѣло; горячій воздухъ пересталъ парить еще болѣе горячую землю. Вдругъ Руфи пришла на память записка, которую она почти не дочитавъ, бросила на полъ.

— Можетъ я слишкомъ поторопилась, подумала она: — можетъ на другой страницѣ было примѣнено имъ нѣсколько словъ объясненія, а я въ слѣпомъ горѣ и не повернула ее. Пойду отыщу записку.

Она тяжело поднялась съ помятой травы, и въ первую минуту эта перемена положенія совершенно отуманила ее, такъ что она еле могла двигать ноги и шла медленно и шатаясь; но потомъ, осаждаемая и подстрекаемая напоромъ мысли, ускорила шагъ до быстроты, какъ-будто была возможность убѣжать отъ смертельной тоски. Когда она сошла внизъ, въ долину, ей стали попадаться веселыя, беззаботныя группы гуляющихъ, спокойно возвращавшихся домой; она видѣла улыбающіяся лица; слышала тихій смѣхъ и восклицанія, вызываемыя красотою лѣтняго вечера.

Со времени приключенія съ маленькимъ мальчикомъ и съ его сестрою, Руфь постоянно избѣгала встрѣчь съ этими невинными — можно ли еще такъ назвать ихъ? — счастливыми. Эта привычка, взявшаяся изъ грустной обиды, даже въ эту минуту не утратила на нее своей силы. Руфь остановилась отдохнуть и обернувшись, увидѣла толпу людей, выходившихъ съ боковой тропинки на большую дорогу. Руфь поспѣшно вошла въ калитку ближней изгороди и стала выжидать пока всѣ пройдутъ, чтобы незамѣтно пробраться въ господицу. Она сѣла на покатый дернъ подъ старымъ боярышникомъ, разросшимся за изгородью. Глаза ея были сухи и горѣли; она слы-

шала какъ проходили веселые путники; слышала какъ прыгали деревенскіе ребятишки, сбѣжавшись на вечернія игры; она видѣла какъ отправлялись въ поля послѣ подойки небольшія черныя коровы. Казалось все жило въ эту пору на дворѣ. Скоро ли-то міръ станетъ безмолвнымъ и темнымъ, сообразнымъ съ ея осиротѣлою, безнадежною душою? Какъ ни пряталась Руфь, но и тутъ ее не оставили въ покоѣ. Ребятишки высмотрѣли ея засаду своими любопытными, проницательными глазами и сбѣжавшись со всей деревушки, столпились около изгороди. Кто-то посмѣлѣе забрался за калитку и закричалъ: «Дай полпени!» Другіе послѣдовали его примѣру и вокругъ низкаго пригорка, гдѣ думала спрятаться утомленная Руфь, зашныряли безпокойныя созданія, хихикая и толкая другъ друга. Бѣдныяжки! для нихъ не настала еще пора узнать что такое горе. Руфь хотѣла попросить ихъ оставить ее въ покоѣ и не сводить окончательно съ ума, но все что они знали поанглійски было вѣчное: «дай полпени.» Ей показалось, что жалости нѣтъ ни въ комъ ни свѣтѣ. Но въ ту минуту какъ ей пришло это сомнѣніе, какая-то тѣнь упала на ея платье, куда былъ устремленъ ея печальный взоръ. Она подняла глаза. Передъ нею стоялъ горбатый джентльменъ, котораго она уже видѣла дважды перелѣ тѣмъ.. Онъ былъ привлеченъ шумомъ дѣтской толпы и спрашивалъ поваллійски о его причинѣ, но недовольно сильный въ языкѣ, чтобъ понять отвѣты дѣтей, онъ вошелъ въ калитку, куда онъ ему указывали. Тутъ ему представилась молодая дѣвушка, привлекавшая въ первый разъ его вниманіе своею чистою красотою, а во второй — особеннымъ случаемъ, давшимъ ему понять ея положеніе. Тутъ онъ увидѣлъ ее скорчившуюся какъ звѣрокъ, травимый собаками, съ дикимъ, отчаяннымъ взоромъ, который даже ея прелестному лицу придавалъ какую-то свирѣпость; увидѣлъ ее въ грязномъ, измятомъ платьѣ, въ съѣхавшемъ чепцѣ отъ безпокойныхъ движеній, которыя она дѣлала лежа на травѣ; увидѣлъ онъ ее, бѣдную, покинутую бродягу, и сжалился надъ нею.

Какой-то божественный лучъ состраданія мелькнулъ въ его серьезныхъ и грустныхъ глазахъ, когда они встрѣтились съ ея поднятýmъ взглядомъ, и тронулъ окаменѣвшее сердце Руфи. Она продолжала глядѣть на него, будто воспринимая отъ него какую-то благотворную силу.

— Онъ покинулъ меня, сэръ! сказала она тихо и мрачно. — Онъ уѣхалъ, сэръ, — да, онъ уѣхалъ и бросилъ меня!

Прежде нежели онъ успѣлъ сказать ей что-нибудь въ утѣшеніе, она вдругъ залилась самыми горькими, самыми безнадежными слезами, какія когда-либо проливалъ человѣкъ. Горе, высказанное словами, приняло опредѣленную форму и живѣе поразило ея сердце; ея вопли и рыданія повернули ему душу, но не зная что можно было сказать ей въ утѣшеніе, онъ стоялъ передъ ней молча и сохраняя наружное спокойствіе, пока она предавалась всему порыву своего отчаянія. Но наконецъ она стихла отъ утомленія и впала въ какое-то оупѣлое молчаніе; тутъ она могла слышать какъ онъ тихо сказалъ про себя:

«О, Боже! умилосердись надъ нею!»

Руфь подняла на него глаза съ выраженіемъ смутнаго сознанія того что онъ сказалъ. Она глядѣла на него пристально и задумчиво, будто слова его задѣли въ ней какую-то тайную струну, и она прислушивалась теперь къ оставленному ею отголоску; такъ оно и было. Взглядъ ли его, полный состраданія, или сказанныя имъ слова, только они напомнили ей вдругъ о ея дѣтскихъ дняхъ, когда она сидѣла на колѣнахъ у матери, и въ эту минуту она сознавала только одно: страстное, болѣзненное желаніе вернуть эти дни.

Онъ подождать немного, частію оттого, что и самъ онъ былъ сильно потрясенъ этимъ случаемъ и видомъ обращеннаго къ нему грустнаго и блѣднаго личика, частію отъ инстинктивнаго сознанія, что въ этомъ случаѣ необходимо самое кроткое терпѣніе. Но вдругъ она заставила вздрогнуть его, вздрогнувъ сама отъ остраго чувства страданія. Она вскочила на ноги и оттолкнувъ своего новаго друга, быстро выбѣжала изъ калитки въ поля. Онъ не могъ ходить также быстро какъ другіе, но на сколько могъ ускорилъ шагъ и послѣдовалъ за Руфью черезъ дорогу, въ каменистую поляну. Но проходя по ней своею нетвердою поступью, при вечернихъ сумеркахъ, онъ вдругъ споткнулся и упалъ на острый камень. Рѣзкая боль въ спинѣ заставила его вскрикнуть, и въ эту минуту, когда и птицы и животныя стихли во снѣ и въ покоѣ ночи, громкій и болѣзненный крикъ этотъ далеко отозвался по сторонамъ. Онъ поразилъ Руфь, сбѣжавшую въ какомъ-то отчаянномъ забытіи, и заставилъ ее внезапно остановиться. Крикъ этотъ сдѣлалъ то чего не сдѣлали бы никакія убѣжденія: онъ заставилъ ее образумиться. Нѣжная душа ея оставалась все таже, даже въ эту минуту, когда ее казалось покинули всѣ добрые ангелы. Въ былое время она никогда не могла слышать или видѣть тѣлесныя страданія какого бы то ни было божья-

го созданія, не стараясь облегчить ихъ; вотъ и теперь, когда она стремилась къ страшной, преступной смерти, до нея доносится крикъ страданія и разомъ останавливаетъ ея дикій бѣгъ и заставляетъ обернуться, нища страждущаго.

Онъ лежалъ среди бѣлыхъ каменьевъ, не имѣя силы двинуться, но болѣе страдая отъ мысли, что это несчастное паденіе помѣшало ему успѣть спасти Руфь, нежели отъ причиненной ему имъ боли. Какое глубокое чувство благодарности овладѣло имъ, когда онъ увидѣлъ, что бѣлая фигура остановилась, стала прислушиваться и медленно повернула назадъ, будто нища чего-то потеряннаго. Онъ едва могъ говорить и снова издалъ крикъ, похожій на стонъ, не смотря на невыразимую радость его сердца. Руфь успѣшно приблизилась.

— Я расшибся; не покидайте меня, выговорилъ онъ.

Его слабая и нервная организація не вынесла избытка ощущеній и онъ лишился чувствъ. Руфь побѣжала къ маленькому, горному ручью, который журчаньемъ манилъ ее за минуту передъ тѣмъ искать забвенія въ глубокомъ пруду, куда онъ сбѣгалъ. Она набрала въ руки свѣжей, холодной воды и донесла ее до лежавшаго, sprыснула ему лицо и привела его этимъ въ чувство. Онъ однако продолжалъ молчать, придумывая съ чего бы начать, чтобы склонить ее послушаться его совѣтовъ. Но въ эту минуту она сама кротко спросила его:

— Получше ли вамъ, сэръ? вы очень ушиблись?

— Нѣтъ, не очень; теперь мнѣ лучше. Быстрая ходьба причиняетъ мнѣ внезапную слабость въ спинѣ и вѣроятно я упалъ при этомъ на какой-нибудь камень. Я скоро встану; надѣюсь, что вы поможете мнѣ дойти до дому.

— О конечно! Можете вы теперь идти? Я боюсь, что вамъ не хорошо долго лежать на травѣ: тутъ очень росисто.

Ему такъ хотѣлось исполнить поскорѣе ея желаніе и не дать ей оторваться отъ него мыслию, что онъ тотчасъ же повернулся, пробуя встать. Боль была жестокая и Руфь это замѣтила.

— Не торопитесь же, сэръ, вѣдь я могу подождать.

Тутъ въ умѣ ея мелькнуло воспоминаніе о томъ дѣлѣ, которое ей пришлось отложить, но немногія, простые слова, которыми они успѣли обмѣняться, какъ-будто пробудили ее отъ бреда. Она съѣла на землю подлѣ своего товарища, и закрывъ лицо руками, прицалась неутѣшно и горько плакать. Она позабыла о его присутствіи, но

помнила только, что кто-то ждет отъ нея ласки и помощи, что она нужна на свѣтъ и не должна такъ опрометчиво покидать его. Это сознаніе не уяснялось въ ней въ опредѣленную мысль, но оно овла- дѣло ею и мало-помалу смягчило ея ожесточеніе.

— Не можете ли помочь мнѣ теперь встать? спросилъ онъ не- много погодя.

Руфь молча помогла ему подняться, потомъ взявъ подъ руку, осторожно повела его по бархатнымъ тропинкамъ, гдѣ росъ между камнями короткій и мягкій мохъ. Выйдя на большую дорогу, они тихо шли при лунномъ свѣтѣ. Онъ указывалъ ей легкимъ движе- ніемъ руки наиболѣе уединенные проулки, которыми можно было пройти къ его квартирѣ надъ лавочкою; дѣлая это, онъ думалъ о ней, онъ понималъ какъ ей тяжело будетъ увидѣть освѣщенныя окна гостиницы. Подходя къ открытой двери своего дома, онъ тяжело оперся на ея руку.

— Войдите, сказалъ онъ, не оставляя ея руки, но въ тоже время боясь придерживать ее, чтобы Руфь именно по этому не вырвалась и не убѣжала.

Они тихо вошли въ небольшую комнату за лавкою. Добродушная хозяйка, по имени мистриссъ Гогсъ, поспѣшно зажгла свѣчи и наши новые знакомцы могли взглянуть другъ другу въ лицо. Горбатый джентльменъ былъ очень блѣденъ, но на лицѣ Руфи казалось будто уже налетѣла тѣнь смерти.

ГЛАВА IX

Мистриссъ Гогсъ суежилась вокругъ нихъ съ добродушными восклицаніями то на ломаномъ англійскомъ, то на сродномъ ей вал- лійскомъ нарѣчій, звучавшемъ у нея также музыкально какъ рус- ское, или итальянское. Мистеръ Бенсонъ, это было имя горбатаго джентльмена, лежалъ на софѣ, погруженный въ думы, пока мис- триссъ Гогсъ хлопотала съ разными приготовленіями для облегченія его боли. Онъ жилъ у нея третій годъ кряду, и она знала и любила его.

Руфь стояла у небольшого, полукруглаго окна и глядѣла на дворъ. Мимо мѣсяца, по глубокому голубому небу неслись широкія, разор- ванныя тучи, будто гонимыя какимъ-нибудь духомъ бурь. Но не тутъ ждало ихъ дѣло; сборный пунктъ для нихъ лежалъ на востокъ,

за безконечною далью, и туда-то неслись они, погоня другъ друга надъ безмолвною землею. То черныя, то серебристо-бѣлыя по прозрачнымъ краямъ, то пропуская какъ лучъ надежды, въ черный центръ свой, блѣдный свѣтъ мѣсяца, то снова растягиваясь въ серебряныя линіи, или снова сгущаясь въ непроницаемую мглу, ползли онѣ вверхъ и исчезали за неподвижными горами. Онѣ неслись по тому самому направленію, куда бѣжала и стремилась Руфь въ тотъ вечеръ; онѣ вскорѣ пройдутъ, въ своемъ быстромъ бѣгѣ, надъ тою точкою земли, гдѣ можетъ-быть спитъ въ эту минуту она (весь міръ ея); а можетъ и не спать, можетъ быть думаетъ о ней. Въ умѣ у нея также была буря, которая рвала и путала ея планы въ такія же странныя и причудливыя формы, какія были передъ нею на небѣ. Если бы подобно имъ она могла понестись по ночному небу и догнать *его!*

Мистеръ Бенсонъ видѣлъ выраженіе ея лица и отчасти понялъ его. Онѣ видѣлъ ея взглядъ, стремившійся въ свободное, широкое небо и подумалъ, что ее опять манитъ къ себѣ водяная сирена. У него въ ухахъ все еще журчала ея губительная пѣсня. Онѣ подозвалъ Руфь, моля Бога чтобы слабый голосъ его былъ услышанъ.

— Милая моя леди, мнѣ бы нужно о многомъ поговорить съ вами, а Богъ отнял у меня силы именно теперь, когда онѣ мнѣ болѣе всего нужны. Грѣшу я, говоря это, но умоляю васъ во имя Бога, потерпите здѣсь только до завтрашняго утра.

Онѣ глядѣлъ на нее, но лицо ея было неподвижно, и она молчала. Она не была въ силахъ отказаться до утра отъ своей надежды на избавленіе.

— Боже! помоги мнѣ! тоскливо произнесъ онѣ: — ее не трогаютъ мои слова; и онѣ упалъ на подушки, не выпуская ея руки. И точно, слова его не коснулись ея слуха. Въ душѣ ея бушевала буря, наполняя умъ ея убѣжденіемъ, что она отверженное созданіе. На священныя слова «во имя Бога», гордо отвѣчалъ ликовавшій надъ нимъ побѣду демонъ: — какое мнѣ дѣло до Бога?

Мистеръ Бенсонъ раздумывалъ объ умиротворяющемъ вліяніи религіи, вліяніи, которому подчинялось его собственное сердце; но тутъ онѣ нашолъ его безсильнымъ. Тайный голосъ шепнулъ ему иное.

— Я требую во имя вашей матери, началъ онѣ: — жива ли она или нѣтъ, чтобы вы не уходили отсюда, пока я не буду въ силахъ переговорить съ вами.

Руфь опустилась на колѣна въ ногахъ у софы и зарыдала. Слова его дошли до ея сердца, и онъ не рѣшился продолжать. Наконецъ онъ сказалъ :

— Я знаю, что вы не уйдете — вы не можете уйти когда я прошу васъ ея именемъ. Вы не уйдете, нѣтъ?

— Нѣтъ, прошептала Руфь и въ сердцѣ у нея сдѣлалась страшная пустота : она отказалась отъ послѣдней надежды. Она казалась теперь спокойною ; ей уже не къ чему было стремиться.

— Теперь вы сдѣлаете то что я вамъ скажу, произнесъ онъ кратко, но тѣмъ безсознательно-увѣреннымъ тономъ , какимъ говорятъ, найдя тайную силу подчинять себѣ умъ другого человѣка.

Руфь тихо сказала : « да ». Она была побѣждена.

Мистеръ Бенсонъ кликнулъ мистриссъ Гогсъ и та тотчасъ явилась изъ смежной лавочки.

— У васъ есть мнѣ кажется свободная комната, гдѣ спать ваша дочь. Я убѣжденъ, что вы позволите вотъ этой леди переночевать тамъ сегодня ; я сочту это за величайшее одолженіе. Будьте такъ добры, отведите ее туда. Подите, дитя мое. Я твердо полагаюсь на ваше слово не уходить отсюда не переговоривъ со мною.

Онъ умолялъ ; но поднимаясь на ноги чтобы исполнить его волю, Руфь взглянула сквозь слезы ему въ лицо. Губы его шевелились въ нѣмой, горячей молитвѣ ; она поняла, что онъ молится за нее.

Онъ не могъ заснуть въ эту ночь, хотя спокойное положеніе облегчило его боль. Передъ нимъ, какъ въ бреду, развертывались возможныя въ будущемъ событія, принимая самыя странныя и причудливыя формы ; онъ видѣлъ Руфь во всѣхъ видахъ и мѣстностяхъ ; обращаясь въ ней со всѣмъ что только могъ придумать наиболѣе способнаго тронуть ее и расположить къ раскаянію и добродѣтели. Подъ утро онъ заснулъ, но и сны его были полны той же мысли : онъ хотѣлъ говорить, но звукъ не давался его голосу, а она бѣжала, бѣжала безъ остановки къ черному, глубокому пруду.

Но видѣнія ступали въ глубокомъ снѣ. Мистеръ Бенсонъ былъ пробужденъ стукомъ въ дверь, какъ-будто уже повтореніемъ слышаннаго имъ сквозь сонъ.

То была мистриссъ Гогсъ. Она вошла при первомъ словѣ позволенія.

— Ахъ, сэръ, вѣдь молодая-то леди кажется очень больна ; не пойдете ли вы со мною къ ней.

— Чѣмъ она больна ? спросилъ онъ, сильно встревоженный.

— Какъ-будто совсѣмъ спокойна, сѣръ; но мнѣ кажется, что она ужь умираетъ, вотъ что, сѣръ.

— Ступайте; я сейчасъ приду, отвѣтилъ онъ; у него замерло сердце.

Не прошло минуты какъ онъ уже стоялъ вмѣстѣ съ мистриссъ Гогсъ у постели Руфи. Она лежала неподвижно какъ умершая; глаза были закрыты и на блѣдное лицо легла печать страданія. Она молчала, пока они говорили, хотя немного спустя имъ показалось, что она силится что-то сказать; но у нея не было силъ и она лежала нѣма и безъ движенія. На ней было все ея платье, какъ было наканунѣ, кромѣ чепца, хотя добрая, внимательная мистриссъ Гогсъ припасла ей ночной нарядъ, лежавшій на маленькомъ комодѣ, который служилъ туалетомъ. Мистеръ Бенсонъ протянулъ руку чтобы пощупать ея слабый, лихорадочный пульсъ, и когда опустилъ ея руку, она тяжело упала на постель, какъ-будто членъ уже безжизненнаго тѣла.

— Вы давали ей чего-нибудь поѣсть? заботливо спросилъ онъ у мистриссъ Гогсъ.

— Какъ же; я ей предлагала все что нашлось въ домѣ повкуснѣе, но она только головкой своей хорошенькой покачала и попросила меня дать ей не больше какъ стаканъ воды. А я, вмѣсто того, принесла ей молочка; только право ей кажется больше хотѣлось воды. Но ужь чтобы не капризничать, она напилась молока.

Говоря это, мистриссъ Гогсъ искренно плакала.

— Когда приѣзжаетъ сюда докторъ?

— Да онъ каждый день бываетъ тутъ по сосѣдству; въ гостиницѣ-то вѣдь столько приѣзжихъ.

— Я схожу за нимъ. А вы потрудитесь какъ-нибудь раздѣть ее и уложить въ постель. Откройте настежь окно, чтобы воздухъ входилъ; если у нея ноги холодныя, то положите къ нимъ кувшины съ теплою водою.

Доказательствомъ истинной, христіанской любви, свойственной этимъ двумъ натурамъ, было то, что въ умѣ ихъ ни разу не мелькнулъ ропотъ на то, что судьба бросила имъ на руки это бѣдное, молодое созданіе. Напротивъ того, мистриссъ Гогсъ называла это «благословеніемъ».

ГЛАВА X

Въ гостиницѣ въ эту пору все кипѣло жизнію и дѣятельностью. Мистеру Бенсону пришлось долго прождать въ маленькой коморкѣ мистриссъ Морганъ и терпѣніе его подверглось сильному испытанію. Наконецъ она явилась къ нему и стала слушать въ чемъ дѣло.

Чтобы ни толковали о недостаткѣ уваженія, отдаваемого людьми добродѣтели, если она не соединена съ богатствомъ и блестящимъ положеніемъ, но я скорѣе того мнѣнія, что истинная и прямая добродѣтель всегда снискиваетъ себѣ наконецъ награду въ уваженіи и вниманіи тѣхъ людей, уваженіе которыхъ имѣетъ какую-нибудь цѣну. Конечно уваженіе къ добродѣтели проявляется не въ томъ же видѣ, въ какомъ оно проявляется передъ чистосвѣтскими преимуществами, не въ низкопоклонствѣ и не лести; но добродѣтель, лишь бы только была чистая, прямая и безсознательная въ самой себѣ добродѣтель, — имѣетъ то дѣйствіе, что будитъ лучшія и благороднѣйшія качества въ сердцахъ другихъ людей и неотразимо привлекаетъ ихъ къ себѣ.

Въ настоящемъ случаѣ мистеру Бенсону было уже никакъ не до вышнихъ выраженій почтенія, да и мистриссъ Морганъ не имѣла на это времени, однакоже брови ея тотчасъ раздвинулись и размашистые жесты укротились, лишь только она увидѣла кто ее ждетъ. Мистеръ Бенсонъ былъ хорошо извѣстенъ въ селеніи, гдѣ онъ уже не первый годъ проводилъ лѣтніе мѣсяцы, постоянно останавливаясь въ лавочкѣ и рѣдко тратя шилингъ въ гостиницѣ.

Мистриссъ Морганъ выслушала его, для нея — терпѣливо.

— Мистеръ Джонсъ придетъ сегодня вечеромъ. Но на что это похоже, что вы безнокоитесь для такой, какъ она. Вчера мнѣ было некогда, но я такъ и подумала, что дѣло должно быть худо, когда Гуинъ сказала мнѣ, что постель этой миссъ осталась нетронутою. Они таки порядкомъ спѣшили убраться отсюда, хоть джентльмену-то вовсе еще не годилось бы пускаться въ дорогу по моему разумѣнію. Такъ оно и вышло: Уильямъ Уиннъ, почтальонъ, говоритъ, что мистеръ Бейлингемъ утомился прежде чѣмъ они доѣхали до Пенъ-тре-Воласа; онъ полагаетъ, что они пробудутъ тамъ два или три дня, прежде чѣмъ пустятся далѣе. Какъ бы тамъ ни было, а служанка ихъ отправляется къ нимъ туда же со всеѣмъ багажемъ

нынче утромъ; теперь помню, Уильямъ говорилъ, что они дождутся ея. Вотъ вы написали бы имъ, мистеръ Бенсонъ, да извѣстили въ какомъ положеніи эта миссъ.

Совѣтъ былъ добрый, хоть и непріятный; дала его особа, отличающаяся здравымъ смысломъ безо всякихъ утонченностей, привыкшая не задумываться ни передъ чѣмъ и быстро рѣшаться. Она такъ не привыкла къ противорѣчіямъ, что прежде нежели мистеръ Бенсонъ собрался съ мыслями, она вынула изъ ящика своего бюро бумагу, чернила, перья, и положивъ все это передъ нимъ, пошла изъ комнаты.

— Оставьте записку вотъ тутъ на полкѣ и будьте спокойны, что она будетъ отправлена съ ихъ служанкою. Отвѣтъ вамъ доставить почтальонъ, что повезетъ ее.

Она ушла, прежде нежели онъ успѣлъ настолько собрать свои разбѣянные мысли, чтобы вспомнить, что онъ не имѣетъ даже понятія объ имени тѣхъ, кому собирается писать. Досуги кабинета расположили его къ долгимъ размышленіямъ передъ всякимъ дѣломъ настолько же, насколько положеніе мистриссъ Морганъ, какъ хозяйки гостиницы, приучило ее быстро, не задумываясь принимать свои рѣшенія.

Однако совѣтъ ея, хотя хорошій во многихъ отношеніяхъ, въ другихъ былъ не совсѣмъ примѣнимъ. Конечно необходимо было дать знать о положеніи Руфи тѣмъ, кто считался ея друзьями; но развѣ люди, которымъ онъ готовился писать, были ей друзья? Онъ зналъ, что тутъ есть богатая мать и красивый, модный сынъ; онъ имѣлъ также настолько понятія объ обстоятельствахъ, чтобы мочь объяснить себѣ отчасти ихъ поступокъ съ Руфью; безпристрастный умъ его понималъ, что для матери было крайне тяжелымъ положеніемъ оставаться подъ одною кровлею съ женщиною, которая жила съ ея сыномъ въ такихъ отношеніяхъ какъ Руфь. Какъ же было ему теперь обратиться къ ней? Писать къ сыну было еще неумѣстнѣе: это значило бы какъ-будто требовать, чтобы онъ возвратился. Но или мать или сынъ были единственнымъ путемъ къ роднымъ Руфи, которые разумѣется должны были быть извѣщены о ея положеніи.

Наконецъ онъ написалъ:

«Миледи,

«Я нахожусь вынужденнымъ написать вамъ, чтобы извѣстить васъ о положеніи молодой женщины (долгія соображенія), которая

прибыла сюда съ вашимъ сыномъ и оставлена здѣсь одна вашимъ вчерашнимъ отъѣздомъ. Она лежитъ теперь въ моей квартирѣ и по всѣмъ признакамъ въ весьма опасномъ положеніи. Смѣю выразить мое мнѣніе, что съ вашей стороны было бы весьма добрымъ дѣломъ позволить вашей дѣвушкѣ вернуться сюда и ходить за этою молодою особою, пока здоровье ея не возстановится настолько, чтобы ее можно было возвратить ея роднымъ, если сами они не явятся сюда за нею.

Остаюсь, миледи,

вашъ покорнѣйшій слуга

Т. Бенсонъ »

Записка была весьма неудовлетворительна по всѣмъ его соображеніямъ, но лучше онъ ничего не могъ придумать. Онъ спросилъ у продававшей служанки имя той леди, къ которой адресовалъ письмо и положилъ его на указанную полку. Потомъ онъ вернулся домой дожидаться прихода доктора и возвращенія почтальона. Съ Руфью не произошло никакой перемѣны: она продолжала лежать безъ сознанія, не шевелясь и чуть дыша. По временамъ мистриссъ Гогсъ смачивала ей ротъ какою-то влагою и за этимъ слѣдовало легкое, механическое движеніе губъ, — это былъ единственный признакъ жизни. Пришедшій докторъ покачалъ головою: «совершенное расслабленіе, вслѣдствіе сильнаго нервнаго потрясенія!» Онъ предписалъ заботливый уходъ, ненарушимое спокойствіе и какія-то таинственныя лекарства, но въ тоже время объявилъ, что исходъ весьма и весьма сомнителенъ.

По уходѣ доктора мистеръ Бенсонъ взялъ было свою валлійскую грамматику и снова попробовалъ одолѣть сбивчивые законы словозмѣненія, но это было тщетно; мысли его были поглощены борьбою со смертію молодого созданія, еще такъ недавно веселаго и прыгающаго.

Горничная и багажъ приѣхали поздно вечеромъ и письмо было отдано по назначенію. Оно было чрезвычайно непріятно для мистриссъ Беллингемъ. Хуже всего вотъ такія связи, гдѣ нельзя предвидѣть послѣдствій: имъ конца нѣтъ. Тутъ являются всевозможныя претензіи и всякій считаетъ себя вправѣ совѣтаться въ эти дѣла. Послать ея горничную? Но согласится ли еще Симпсонъ? Все это мистриссъ Беллингемъ говорила себѣ, читая письмо; потомъ, быстро повернувшись, она спросила свою любимую прислужницу, которая очень внимательно прислушивалась до тѣхъ поръ къ вырвавшимся у ея госпожи замѣчаніямъ:

— Симпсонъ, согласилась ли бы ты ходить за этою женщиною, какъ предлагаетъ этотъ, ну, кто онъ тамъ? (она взглянула на подпись) мистеръ Бенсонъ?

— Я? ну ужъ нѣтъ, сударыня! отвѣтила горничная, драпируясь въ добродѣтель. — Надѣюсь, что вы этого и не потребуете отъ меня; послѣ того у меня не хватило бы духа и прикоснуться къ порядочной леди.

— Хорошо, хорошо, не бойся; я не могу обойтись безъ тебя. Кстати, исправь пожалуста шнурки у моего платья; здѣшняя служанка перепутала ихъ въ узлы и всѣ перервала вчера вечеромъ. Однако это очень непріятное дѣло! прибавила она, снова впадая въ раздумье поповоду Руфи.

— Съ вашего позволенія, сударыня, мнѣ кажется я могу вамъ сказать кое-что, измѣняющее видъ этого дѣла. Если не ошибаюсь, вы изволили вложить банковый билетъ въ то письмо, что вы послали вчера этой миссъ?

Мистриссъ Беллингемъ утвердительно кивнула и горничная продолжала:

— Такъ видите ли, сударыня, я полагаю, что когда этотъ горбатенькій (его зовутъ мистеръ Бенсонъ) писалъ къ вамъ записку, то ни онъ, ни мистриссъ Морганъ не знали, что этой молодой особѣ были посланы деньги. Мы съ ихъ служанкой нашли ихъ на полу въ ея комнатѣ; они валялись совсѣмъ незамѣтно, какъ простая бумажка. Вѣдь миссъ эта, говорятъ, бѣжала какъ сумашедшая, какъ узнала, что вы уѣхали.

— Если такъ, то ты права; это мѣняетъ все дѣло. Вѣдь это письмо есть не что иное, какъ тонкій намекъ на то, что слѣдовало бы нѣсколько обезпечить эту дѣвицу, и это справедливо, только уже объ этомъ было подумано. Чтоже случилось съ деньгами?

— Извѣстно что, сударыня! и вы спрашиваете! Какъ только я нашла ихъ, то подняла и отдала мистриссъ Морганъ, сказавъ, что это для той миссъ.

— Такъ, хорошо! Есть у нея родные? Слышала ты когда-нибудь отъ Мезонъ? Можетъ имъ надо дать знать гдѣ она находится?

— Мистриссъ Мезонъ говорила мнѣ, сударыня, что эта миссъ сирота, имѣетъ опекуна, но совсѣмъ чужого и онъ отъ нея отказался, когда узналъ, что она убѣжала. А ужъ сама-то мистриссъ Мезонъ какъ была огорчена! У нея даже истерика слѣзалась, боялась какъ бы вы не подумали, что она худо глядѣла за нею и не от-

няли у нея своей практики. А она говорить, что тутъ ужъ вовсе нѣтъ ея вины, потому что эта миссъ всегда была очень бойкая, хвасталась своею смазливостью, сама про себя говорила, что какая она хорошенькая и все старалась попасть туда, гдѣ ея прелести могли быть замѣчены, особливо въ одинъ вечеръ тянуло ее на балъ въ собраніе. Потомъ мистриссъ Мезонъ открыла, что она встрѣчалась съ мистеромъ Беллингеомъ въ домѣ у одной старухи, воровки, сударыня, которая жила въ самой скверной части города, гдѣ все вотъ такая сволочь живетъ.

— Хорошо, довольно! строго сказала мистриссъ Беллингеомъ, видя, что та уже слишкомъ далеко зашла въ своей болтовнѣ и въ своемъ усердіи оправдать свою пріятельницу, мистриссъ Мезонъ, и очернить Руфь, позабывала, что тутъ же впутываетъ сына своей госпожи, которая по материнской гордости и представить себѣ не могла чтобы ея сынъ могъ хоть заглянуть въ ту часть города, гдѣ непристойно бывать.

— Если у нея нѣтъ никого близкихъ и если она такая какъ ты описываешь, въ чемъ я и сама убѣдилась, то лучшее мѣсто для нея, какъ я уже и говорила, это исправительный домъ. На пятьдесятъ фунтовъ она можетъ прожить съ недѣлю и заплатить за дорогу, если она дѣйствительно не въ силахъ работать; потомъ по возвращеніи въ Фордгемъ, она можетъ обратиться ко мнѣ, если пожелаетъ и я немедленно выхлопочу чтобы ее приняли.

— Какое счастье для нея, что она встрѣтила такую леди, которая принимаетъ еще въ ней участіе послѣ всего что случилось!

Мистриссъ Беллингеомъ потребовала свой письменный приборъ и торопливо набросала нѣсколько строкъ, чтобы отправить съ почтальономъ, уже готовымъ пуститься въ обратный путь.

Записка была слѣдующаго содержанія:

— «Мистриссъ Беллингеомъ свидѣтельствуетъ почтеніе своему неизвѣстному корреспонденту, мистеру Бенсону, и позволяетъ себѣ увѣдомить его объ одномъ обстоятельстве, вѣроятно неизвѣстномъ ему въ то время когда онъ писалъ письмо, которое она имѣла честь получить, а именно: что для обезпеченія несчастной молодой особы, о которой идетъ рѣчь въ письмѣ мистера Бенсона, оставлена сумма въ пятьдесятъ фунтовъ. Она находится въ рукахъ мистриссъ Морганъ, точно также какъ и письмо мистриссъ Беллингеомъ на имя молодой особы, гдѣ первая предлагаетъ ей свое ходатайство о принятіи ея въ фордгемское исправительное заведеніе, какъ лучшей

пріють для особы такихъ правилъ , которая своими поступками заставила отказаться отъ нея единственнаго, близкаго человѣка, оставшагося ей въ мірѣ. Мистриссъ Беллингемъ повторяетъ свое предложеніе , предоставляя друзьямъ молодой особы уговорить ее къ представляющемуся ей исходу изъ ея положенія.

— Смотри, чтобы мистеръ Беллингемъ ничего не зналъ объ этой запискѣ мистера Бенсона , прибавила мистриссъ Беллингемъ , вручая горничной это письмо для передачи почтальону. Онъ теперь такъ слабъ, что я увѣрена, это сильно раздражило бы его.

ГЛАВА XI

Мы знакомы теперь съ содержаніемъ записки, которая была вручена мистеру Бенсону уже вечеромъ , когда свѣжая тѣнь набрасывала покровъ свой на раскаленное небо. Прочитавъ ее , онъ снова взялся за перо и поспѣшно набросалъ нѣсколько строкъ , до ухода почты. По селенію уже раздавался звукъ почтальонова рога, предупреждавшаго чтобы письма были готовы, и счастье, что мистеръ Бенсонъ успѣлъ разсудить въ это долгое утро на что ему слѣдовало рѣшиться, въ случаѣ полученія отвѣта вродѣ того какой ему прислала мистриссъ Беллингемъ. Въ настоящей запискѣ его говорилось вотъ что :

«Милая Фэсъ,

«Прошу тебя немедленно приѣхать сюда : я имѣю крайнюю надобность въ тебѣ и въ твоемъ совѣтѣ. Обо мнѣ не безпокойся , я здоровъ. Объясняться не имѣю времени , но убѣжденъ , что ты не откажешь мнѣ. Позволь надѣяться, что увижу тебя здѣсь никакъ не позже субботы. Ты знаешь какимъ способомъ я сюда приѣхалъ ; это лучший , какъ по дешевизнѣ , такъ и по быстротѣ. Милая Фэсъ , не обмани моей надежды.

Любящій тебя братъ

Сорстанъ Бенсонъ.

P. S. Боюсь, достанетъ ли тебѣ тѣхъ денегъ, что я оставилъ. Но не останавливайся за этимъ. Отнеси къ Джонсону моего Фачіолати, онъ дастъ тебѣ за него взаймы; книга лежитъ въ третьемъ ряду, на нижней полкѣ. Главное, — приѣзжай.»

Отправивъ это письмо , онъ сдѣлалъ съ своей стороны все что могъ и послѣдовавшіе затѣмъ два дня прошли какъ въ однообразной дремотѣ , наполненной ожиданіями , размышленіями и заботами

около большой, прошли неоживляемые никакимъ новымъ событіемъ, до того однообразно что даже переходъ изо дня въ ночь не составляя перемѣны, тѣмъ болѣе, что въ ту пору стояли свѣтлыя, мѣсячныя ночи. Въ субботу утромъ явился отвѣтъ :

«Любезный Сорстанъ,

Только-что получила твое необъяснимое приказаніе, какъ уже повинуюсь ему, чѣмъ подтверждаю мои права на имя Фэсъ⁽¹⁾. Я явлюсь къ тебѣ почти въ одно время съ этимъ письмомъ. Не могу не чувствовать нѣкотораго безпокойства и въ тоже время большого любопытства. Денегъ у меня довольно и это большое счастье, потомучто Селли, какъ драконъ, сторожитъ твою комнату и скорѣе пустила бы меня идти всю дорогу пѣшкомъ, нежели дотронуться до малѣйшей изъ твоихъ вещей. Любящая тебя сестра,

Фэсъ Бенсонъ.»

Очень обрадовался мистеръ Бенсонъ, узнавъ, что сестра его вскорѣ будетъ съ нимъ. Онъ съ дѣтства привыкъ полагаться на ея здравый смыслъ и быструю сообразительность. Онъ рѣшился отдать Руфь на ея попеченіе, такъ какъ ему было совѣстно употреблять во зло доброту мистриссъ Гогсъ, хлопотавшей день и ночь около большой, жертвуя своимъ временемъ. Онъ попросилъ ее посидѣть въ послѣдній разъ около нея, потомучто самъ поѣхалъ встрѣчать сестру.

Телѣжка его спустилась шагомъ съ крутизны, ведущей къ Ландгу. Мистеръ Бенсонъ взялъ мальчика, чтобы довести багажъ сестры, когда она приѣдетъ. Вскорѣ они достигли до равнины у подошвы горы, гдѣ мальчишка началъ плескаться въ свѣтлой зеркальной рѣкѣ, а мистеръ Бенсонъ усѣлся на большой камень, подъ тѣнь ольхи, разросшейся на берегу. Ему было отрадно снова дышать чистымъ воздухомъ, вдали отъ сценъ, наводившихъ его, всѣ эти три дня, на такія тяжолыя мысли. Онъ во всемъ видѣлъ теперь новыя красоты, отъ голубыхъ горъ, блиставшихъ вдали солнечнымъ свѣтомъ, до мирной, зеленой долины, гдѣ онъ сидѣлъ въ прохладѣ тѣни. Даже кайма бѣловатыхъ кремней, облежавшая воду, имѣла среди всего этого какую-то чистую красоту. Мистеръ Бенсонъ чувствовалъ себя спокойнѣе духомъ, нежели всѣ эти дни. Теперь онъ раздумывалъ о томъ какую странную исторію предстоитъ ему рассказать сестрѣ, чтобы объяснить настоятельный призывъ ея къ

(1) Faith. въра.

себѣ. Опъ вдругъ оказывается единственнымъ другомъ и покровителемъ несчастной больной дѣвушки, которой имя даже ему неизвестно, о которой онъ только то и знаетъ, что она имѣла связь и брошена своимъ любовникомъ, и что какъ онъ полагаетъ, она хотѣла лишиться себя жизни. Но все это, какъ ни была добра его сестра, не могло внушить ей сочувствія. Положимъ, изъ любви къ нему она все сдѣлаетъ, но это не могло удовлетворить мистера Бенсона, желавшаго чтобы участіе ея къ молодой дѣвушкѣ основывалось на ея собственномъ убѣжденіи, а не на одномъ желаніи угодить брату.

Дилижансъ катился съ глухимъ шумомъ по каменистой дорогѣ: миссъ Бенсонъ сидѣла снаружи. Увидя брата, она живо соскочила съ мѣста и съ горячностью и любовью поздоровалась съ нимъ. Она была значительно выше его ростомъ и повидимому когда-то была очень хороша; черные волосы ея раздѣлялись на лбу пробороми, темные выразительные глаза, и правильный носъ все еще сохраняли красоту молодости. Не знаю, была ли она старше брата, но только вѣроятно вслѣдствіе его увѣчья, требовавшаго ея постоянныхъ попеченій, въ ея обращеніи съ нимъ было что-то материнское.

— Ты блѣденъ, Сорстанъ! не вѣрю чтобы ты былъ здоровъ, что ты тамъ ни говори. Не опять ли боль въ спинѣ.

— Нѣтъ, такъ, немножко, это ничего, милая Фэсъ. Присядемъ здѣсь, а я отправлю ящикъ домой съ мальчикомъ.

Чтобы хвастнуть немножко передъ сестрою своими познаніями въ валлійскомъ языкѣ, онъ напуталъ что-то мальчику, съ самою грамматичною правильностью, но вѣроятно именно по этому и по тому еще, что выговоръ былъ очень плоховатъ, мальчишка только почесалъ въ головѣ и сказалъ: «Dein Seasoneg».

Пришлось повторить поанглийски.

— Ну вотъ Сорстанъ, теперь мы усѣлись. Не мучь же меня долго, объясни мнѣ зачѣмъ ты меня вытребовалъ?

Вотъ тутъ-то и была задача! — охъ! тутъ бы нужно языкъ, краснорѣчіе серафима, но серафимовъ не было подъ рукою, а только воды журчали свою тихую пѣсню, располагая миссъ Бенсонъ терпѣливо выслушать исторію, какова бы она ни была (лишь бы только съ нею не было непосредственно связано счастье ея брата), приведшую ее въ этотъ прелестный край.

— Дѣло очень непріятное, Фэсъ; но прежде всего скажу тебѣ, что у меня въ домѣ лежитъ больная молодая женщина и я попрошу тебя взять ее на твои попеченія.

Ему показалось, что на лицо его сестры набѣжала легкая тѣнь и что голосъ ея нѣсколько измѣнился, когда она ему отвѣчала.

— Надѣюсь, что дѣло безъ романовъ, Сорстанъ. Вѣдь ты знаешь, я до нихъ не охотница, я никогда имъ не вѣрила.

— Не понимаю что ты называешь романомъ. Исторія, о которой я тебѣ говорю, совершенно дѣйствительна, и боюсь даже, очень обыкновенна.

Онъ замолчалъ, не рѣшаясь преодолѣть затрудненія.

— Хорошо, такъ расскажи же ее мнѣ. Боюсь не поддастся ли ты чьему-нибудь, а скорѣе всего твоему собственному воображенію. Но не пытай же мое терпѣніе; вѣдь знаешь, у меня его не слишкомъ много.

— Ну, слушай же. Эта молодая дѣвушка была привезена сюда въ гостиницу однимъ джентльменомъ, который потомъ бросилъ ее; она очень больна и не имѣетъ никого, кто бы ходилъ за нею.

У миссъ Бенсонъ были нѣкоторыя мужскія замашки, какъ на примѣръ потихоньку насвистывать, когда что-нибудь ее поражало или не нравилось ей. Этимъ она такъ-сказать давала исходъ своимъ чувствамъ, потому и теперь принялась насвистывать. Братъ ея предпочелъ бы, чтобы она говорила.

— Извѣстилъ ты ея родныхъ? спросила она наконецъ.

— У нея ихъ нѣтъ.

Новое молчаніе и новый свистъ, но на этотъ разъ уже тише и однообразнѣе.

— Чтоже у нея за болѣзнь?

— Лежитъ совсѣмъ спокойно, почти какъ мертвая; не говоритъ, не шевелится и глазъ не открываетъ.

— Я думаю для нея было бы лучше ужъ заразъ умереть.

— Фэсъ!

Одного этого слова было достаточно чтобы они поняли другъ друга; тонъ, которымъ оно было произнесено, всегда имѣлъ надъ нею власть: это былъ тонъ удивленія и грустнаго упрека. Обыкновенно миссъ Бенсонъ пользовалась нѣкоторою властью надъ братомъ, благодаря своему рѣшительному характеру, а можетъ-быть, если доискиваться прямой причины всякому дѣйствию, и своей здоровой организациі. Но по временамъ она склонялась передъ его дѣтски-чистою натурою и признавала его превосходство надъ собою. Она была слишкомъ добра и чистосердечна чтобы скрывать это чувство или тяготиться имъ.

— Сорстанъ, мой милый, пойдемъ же къ ней! сказала она, немного погодя.

Она съ нѣжною заботливостью помогла ему встать и подала ему руку, всходя долгимъ, утомительнымъ путемъ на гору; но приближаясь къ селенію, они не говоря ни слова перемѣнили положеніе и она дѣлала видъ, что опирается на его руку. Онъ приосанился насколько могъ, проходя мимо жилищъ.

Дорогою они мало говорили. Онъ спрашивалъ у нея о нѣкоторыхъ членахъ его секты, такъ какъ онъ былъ пасторомъ конгрегации диссидентовъ въ одномъ провинціальномъ городкѣ; она отвѣчала на его вопросы. Но ни тотъ, ни другой не упоминали о Руфи, хотя оба о ней думали.

Мистриссъ Гогсъ имѣла уже на-готовѣ чай для приѣзжей. Мистеръ Бенсонъ не могъ не ощутить нѣкотораго нетерпѣнія, глядя какъ сестра его медленно потягивала чай, передавая ему въ промежуткахъ мелкія подробности о домашнихъ дѣлахъ, пропущенныя ею сначала.

— Мистеръ Бредшау не пускаетъ больше дѣтей къ Диксонамъ, потомучто они разъ вечеромъ играли въ шарады въ лицахъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Еще хлѣба съ масломъ, Фэсъ?

— Благодарю. Этотъ валлійскій воздухъ должно-быть возбуждаетъ апетитъ. Мистеръ Бредшау уплатилъ арендный долгъ за бѣдную Меджи, чтобы спасти ее отъ рабочаго дома.

— Это хорошо. Хочешь еще чашку?

— Я ужъ двѣ выпила. А впрочемъ пожалуй еще одну.

Мистеръ Бенсонъ не могъ подавить легкаго вздоха, наливая ей чай. Ему казалось, что онъ никогда еще не видалъ такого голода и жажды у своей сестры. Онъ и не подозревалъ, что нища была для нея въ эту минуту отсрочкою неприятному свиданію, которое, какъ ей было извѣстно, ожидало ее подъ конецъ. Но всему положенъ предѣлъ; положенъ онъ и чаю миссъ Бенсонъ.

— Хочешь теперь пойти къ ней?

— Пойдемъ.

Они отправились. Мистриссъ Гогсъ развѣсила кусокъ зеленого коленкора въ видѣ венеціанской занавѣси, чтобы устранить послѣобѣденное солнце, и въ этомъ полусвѣтѣ лежала Руфь, недвижимая и бѣлая. Даже подготовленная рассказами брата о положеніи Руфи, миссъ Бенсонъ была поражена этою мертвенною неподвижностью, — поражена до состраданія къ бѣдному, прелестному созданію, будто

подкошенному смертью. Взглянувъ на больную, она уже не могла долѣе считать ее обманщицею или законнѣлою грѣшницею: такихъ горе не убиваетъ до такой степени. Мистеръ Бенсонъ не столько глядѣлъ на Руфь, сколько на сестру: онъ читалъ на ея лицѣ какъ въ книгѣ.

Мистриссъ Гогсъ стояла тутъ же и плакала.

Наконецъ мистеръ Бенсонъ дотронулся до сестры и они вышли изъ комнаты.

— Какъ ты полагаешь, останется она жива? спросилъ онъ.

— Незнаю! отвѣтила миссъ Бенсонъ смягченнымъ голосомъ. — Какъ она молода! почти ребенокъ! Эдакая бѣдняжка! Когда придетъ докторъ? Расскажи же мнѣ о ней все; ты мнѣ не рассказывалъ подробностей.

Мистеръ Бенсонъ можетъ и говорилъ, но передъ этимъ она не слишкомъ внимательно его слушала и даже старалась обходить этотъ предметъ. Онъ былъ впрочемъ слишкомъ радъ, видя, что въ тепломъ сердцѣ сестры пробудилось участіе къ Руфи, чтобы позволить себѣ малѣйшій упрекъ. Онъ рассказалъ ей всю исторію, насколько могъ подробнѣе, и будучи самъ тронутъ, говорилъ со всѣмъ краснорѣчіемъ сердца. Кончивъ, онъ взглянулъ на сестру: у обоихъ были на глазахъ слезы.

— Чтоже говорить докторъ? спросила она, помолчавъ.

— Прежде всего требуетъ для нея покоя; потомъ предписываетъ лекарства и крѣпкій бульонъ. Я всего не знаю; мистриссъ Гогсъ можетъ тебѣ сообщить. Она такъ непоколебимо добра; вотъ ужъ можно сказать: «творить добро безъ расчета».

— У нея и видъ такой добрый и ласковый. Сегодня ночью я сама посижу у больной, а васъ съ мистриссъ Гогсъ уложу спать; вотъ вы оба какіе утомленные! Увѣренъ ли ты, что твой ушибъ прошолъ тебѣ даромъ? Спина не болитъ теперь вовсе? Однако это очень хорошо, что она вернулась къ тебѣ на помощь. Ты увѣренъ, что она бѣжала топиться?

— Я ни въ чемъ не увѣренъ, потомучто не спрашивалъ ее: она была въ такомъ положеніи, что ужъ не до распросовъ. Однако насчетъ этого я не сомнѣваюсь. Но ты и не думай, Фэсъ, сидѣть эту ночь послѣ дороги.

— Отвѣчай же мнѣ, чувствуешь ты еще что-нибудь послѣ паденія?

— Нѣтъ, такъ, почти ничего. Ты не сиди, Фэсъ, эту ночь.

— Объ этомъ нечего толковать, Сорстанъ, — буду сидѣть. А если ты станешь противорѣчить, то я примусь за твою спину и надыплю на нее пластырь. Объясни мнѣ что значить это «почти ничего». А насчетъ меня чтобы ты былъ спокоенъ, такъ я тебѣ вотъ что скажу: тебѣ вѣдъ извѣстно, что я еще никогда до этого не видывала горъ; теперь онѣ меня такъ поразили, что мнѣ ужъ и не заснуть. Я должна не спать первую ночь и караулить какъ бы онѣ не свалились на землю и не придавили всѣхъ насъ. Теперь отвѣчай ты на то что я у тебя спрашивала.

Миссъ Бенсонъ имѣла обычай всегда настоять на своемъ; если она чего желала, то желала сильно, съ толкомъ, и другіе уступали ей волей-неволей. Къ десяти часамъ она уже хозяйничала полнымъ властелиномъ въ маленькой комнатѣ Руфи. Всѣ обстоятельства какъ нельзя болѣе располагали ее къ участию въ больной; самая зависимость отъ нея этого безпомощнаго существа склоняла къ нему ея сердце. Впродолженіе ночи ей показалось, что въ симптомахъ болѣзни произошло нѣкоторое улучшеніе и ей было пріятно, что оно послѣдовало именно тогда, когда больная перешла на ея почесанія. А больной было лучше, это ясно. Въ глазахъ проявилось какъ-будто больше сознанія, хотя судя по тоскливому, безпокойному выраженію лица, страданія все еще были очень сильны. Около пяти часовъ утра, когда ужъ впрочемъ совсѣмъ разсвѣло, миссъ Бенсонъ показало, что губы больной шевелятся, будто что-то произнося. Она наклонила къ нимъ ухо.

— Кто вы? спросила Руфъ самымъ слабымъ шопотомъ.

— Миссъ Бенсонъ, сестра мистера Бенсона, отвѣчала та.

Этотъ отвѣтъ ничего не объяснилъ Руфи; напротивъ того у нея, слабой тѣломъ и духомъ, задрожали губы и въ глазахъ выразился страхъ, какъ у малаго ребенка, который проснувшись видитъ чужое лицо, а не знакомыя, милыя черты матери или кормилицы, способной успокоить его трепещущее сердце.

Миссъ Бенсонъ взяла ея руку и начала ее ласково поглаживать.

— Не бойтесь, душечка; я вамъ другъ, я приѣхала затѣмъ, чтобы ходить за вами. Не выпьете ли теперь немножко чаю, моя милая?

Уже одинъ тонъ этихъ ласковыхъ словъ доказывалъ, что сердце миссъ Бенсонъ отомкнулось. Братъ ея былъ даже удивленъ, видя до чего возрасло ея участіе къ больной, когда пришло попозже на-

вѣдаться. Нужны были всѣ убѣжденія мистриссъ Гогсъ и его собственныя, чтобы уговорить ее прилечь часа на два послѣ завтрака; но прежде чѣмъ лечь, она взяла съ него слово разбудить ее, когда придетъ докторъ. Но тотъ пришълъ уже вечеромъ. Больной было лучше, но это только снова привело ее къ сознанию ея несчастья, судя по слезамъ, тихо катившимся по ея блѣднымъ щекамъ; она не имѣла даже силы утереть ихъ. Мистеръ Бенсонъ цѣлый день оставался дома въ ожиданіи доктора, а теперь, сдавъ Руфь на руки сестрѣ, онъ имѣлъ болѣе времени размышлять обо всѣхъ обстоятельствахъ этого дѣла насколько оно ему было извѣстно. Онъ припомнилъ первое впечатлѣніе, произведенное ею на него; ея маленькое личико, мелькавшее передъ нимъ, когда она оступалась на скользкихъ каменьяхъ, улыбаясь своему собственному затрудненію; счастливый, свѣтлый взглядъ ея глазъ, въ которыхъ словно отражался блескъ струившейся у ея ногъ воды. Вспомнилъ онъ потомъ измѣнившійся, испуганный взглядъ тѣхъ же самыхъ глазъ, когда ребенокъ отвергъ ея ласки; и наконецъ тотъ страшный вечеръ, когда онъ едва спасъ ее отъ самоубійства, и послѣдовавшее за тѣмъ полумертвое усыпленіе. И вотъ теперь погибшая, покинутая всѣми и едва вырвавшаяся изъ пасти смерти, она лежитъ на своемъ болѣзненномъ одрѣ, въ полной зависимости отъ него и отъ его сестры, — людей, еще такъ недавно совершенно чуждыхъ ей. Гдѣ теперь ея любовникъ? Неужели онъ можетъ быть покоенъ и счастливъ? Неужели онъ благополучно выздоравливаетъ, имѣя на совѣсти этотъ тяжкій грѣхъ? Но есть ли еще у него совѣсть?

Мысли мистера Бенсона блуждали въ лабиринтѣ общественныхъ правилъ нравственности, когда въ комнату внезапно и быстро вошла его сестра.

— Ну, что говорить докторъ? получше ей?

— О, ей лучше! отвѣтила миссъ Бенсонъ отрывисто и сухо.

Братъ со страхомъ поглядѣлъ на нее. Она бросилась въ кресло, съ рѣзкимъ нетерпѣливымъ движеніемъ. Нѣсколько минутъ они оба молчали. Миссъ Бенсонъ насвистывала.

— Что же случилось, Фэсъ? ты говоришь ей лучше.

— Что, Сорстанъ! а то что я даже расказать не могу, такъ гадко!

Мистеръ Бенсонъ измѣнился въ лицѣ отъ страха. Въ умѣ его промелькнуло все возможное и невозможное, не исключая и того, что дѣйствительно было. Впрочемъ я ошиблась, сказавъ «все воз-

можное». Ему не пришло на мысль считать Рузь винодѣе, чѣмъ она казалась ему.

— Прощу тебя, Фэсъ, объяснить мнѣ дѣло, а не смущать меня твоимъ бѣснованьемъ! сказалъ онъ раздражительно.

— Прости меня, но открывается такая гадость — незнаю какъ и рассказать, ну однимъ словомъ, она беременна. Докторъ объявилъ это.

Кажется теперь было понятно ея бѣснованье, а братъ ея молчалъ. Наконецъ надо же было узнать сочувствуетъ ли онъ ей.

— Каково это тебѣ кажется, Сорстанъ? Я, такъ еле на ногахъ устояла, какъ онъ это сказалъ.

— Знаетъ она?

— Знаетъ! вотъ тутъ-то и есть самая возмутительная сторона дѣла.

— Какъ это? что ты хочешь сказать?

— Охъ, ужъ и не говори! Я только-что начинала имѣть о ней хорошее мнѣніе, а теперь мнѣ кажется, что она совсѣмъ развратилась. Когда докторъ ушелъ, она приоткрыла занавѣсъ и глядѣла на меня, будто хотѣла что-то сказать (ужъ не знаю какъ она все слышала; мы были у самаго окна и говорили очень тихо) Ну вотъ, я подошла къ ней, хотъ ужъ меня совсѣмъ отъ нея отвратило. Что же она? шепчетъ мнѣ, съ такою радостью: «Онъ сказалъ, что у меня будетъ ребенокъ, неправда ли?» Конечно я не могла этого скрыть отъ нея, однако сочла своею обязанностью отвѣтить ей холодно и строго. Но она точно и не смыслить какъ люди смотреть на такія вещи; она приняла это извѣстіе, какъ-будто имѣетъ право быть матерью. «Боже мой, говоритъ, благодарю тебя! О, какъ я буду стараться быть достойною!» Я ужъ не могла дальше слушать и ушла вонъ.

— Кто же при ней.

— Мистриссъ Гогсъ. Мнѣ кажется ея нравственность не такъ возмущена этимъ, какъ я ожидала.

Мистеръ Бенсонъ снова замолчалъ. Потомъ спустя нѣкоторое время, онъ началъ:

— Скажу тебѣ, Фэсъ, что я смотрю на это дѣло не совсѣмъ по-твоему и полагаю, что я правъ.

— Ты удивляешь меня, братъ! Я тебя не понимаю.

— Постой, я хочу изложить тебѣ ясно мои мысли, только не знаю съ чего начать, какъ все высказать.

— А помоему такъ довольно сранно, что мы съ тобою объ этомъ толкуемъ; ужь только бы мнѣ отдѣлаться отъ этой дѣвчонки, даю слово, что я никогда болѣе не ввяжусь въ подобную исторію.

Братъ не слушалъ ея: онъ силился уяснить свои собственныя мысли.

— Такъ знай же, Фэсъ! сказалъ онъ: — что я радъ этому ребенку.

— Боже прости тебя, Сорстанъ! ты самъ не знаешь что говоришь. Да это просто навожденіе, мой милый.

— Надѣюсь, что я не ошибаюсь. Я совершенно отличаю послѣдствія грѣха отъ самаго грѣха.

— Софизмы и навожденіе! рѣшительно заключила миссъ Бенсонъ.

— Совсѣмъ нѣтъ! возразилъ ея братъ, точно также рѣшительно: — въ глазахъ Бога эта дѣвушка точно такова же, какъ еслибы прошлое не оставило на ней никакого слѣда. Вѣдь мы знали ея заблужденіе, Фэсъ.

— Да, но не о такомъ позорѣ, не о такомъ клеймѣ ея безчестія!

— Фэсъ! Фэсъ! прошу тебя, не говори такъ о невинномъ младенцѣ, котораго Богъ посылаетъ матери можетъ-быть для того, чтобы возвратить ее къ нему. Припомни ея первыя слова — голосъ природы, вырвавшийся изъ ея сердца! Не обращается ли она къ Богу, не примирается ли съ нимъ — «я буду достойною!» Это преобразовываетъ ее. Если до сихъ поръ она была себялюбива и легкомысленна, то вотъ вѣрное средство заставить ее позабыть о себѣ, выучиться думать и заботиться о другихъ. Выучи ее (а не выучать люди, то выучить Богъ) уважать своего ребенка, и это уваженіе отклонить отъ нея всякій грѣхъ, возстановить ея чистоту.

Мистеръ Бенсонъ былъ сильно возбужденъ; онъ самъ себя не узнавалъ, но въ этотъ долгій вечеръ онъ успѣлъ многое передумать и умъ его былъ подготовленъ къ такому взгляду на предметъ.

— Это ужь что-то совсѣмъ новое для меня! холодно сказала миссъ Бенсонъ. — Перваго человѣка встрѣчаю въ моей жизни, который радуется рожденію незаконнаго ребенка. Признаюсь, нравственность этихъ убѣжденій кажется мнѣ очень двусмысленною.

— Я не радуюсь. Я цѣлый вечеръ сегодня оплакивалъ грѣхъ, сгубившій это молодое созданіе. Я боялся, что возвращеніе къ сознанію будетъ для нея возвращеніемъ къ отчаянію. Я припоминалъ

всѣ святыя слова, всѣ обѣщанія кающагося грѣшнику, припоминалъ безконечную любовь, которая возстановила и спасла Магдалину. Я строго упрекалъ себя въ робости, которая заставляла меня до сихъ поръ закрывать глаза, встрѣчаясь со зломъ этого рода. О, Фэсъ! и ты винишь меня въ двусмысленной нравственности, когда я теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, стремлюсь поступить такъ, какъ поступилъ бы милосердый искушитель!

Онъ былъ въ сильнѣйшемъ волненіи. Миссъ Бенсонъ колебалась и наконецъ сказала уже нѣсколько смягченнымъ тономъ:

— Но однако, Сорстанъ, вѣдь безъ этого несчастнаго ребенка, безъ этого плода грѣха, все дѣло могло бы быть поправлено, какъ ты самъ говорилъ.

— Правда, что свѣтъ дѣлаетъ такихъ дѣтей несчастными, какъ онѣ ни невинны, но сомнѣваюсь, чтобы это было сообразно съ божьею волею, хотя онъ можетъ—быть наказываетъ этимъ родителей. Кромѣ того, презрѣніе, съ какимъ свѣтъ смотритъ на этихъ дѣтей, располагаетъ иногда сердце матери очерствѣть до ненависти, вмѣсто естественной любви. Стыдъ и страхъ осужденія близкихъ смущаютъ ея умъ, извращаютъ самыя святые инстинкты ея. А ужъ что до отцовъ, то прости имъ Богъ! Я не могу, по крайней мѣрѣ теперь.

Миссъ Бенсонъ раздумывала о томъ что говорилъ ея братъ. Наконецъ она спросила:

— Такъ какъ же по твоимъ теоріямъ, Сорстанъ (помни, что я не убѣждена), слѣдуетъ обращаться съ этою дѣвушкою!

— Чтобы найти лучшій путь въ этомъ дѣлѣ, нужно нѣкоторое время и нужно много христіанской любви. Я не мудрецъ, но по моему справедливость предписываетъ вотъ что.

Онъ подумалъ прежде чѣмъ изъяснить свою мысль.

— Мы узнаемъ теперь, что на нее падаетъ великая отвѣтственность; она готовится быть матерью, готовится принять руководство молодою жизнію. Полагаю, что отвѣтственность эта и безъ того довольно велика и серьезна, чтобы еще дѣлать изъ нея тягостное бремя, отъ котораго бы уклонялась возмущенная человѣческая природа. Мы будемъ дѣлать все что можемъ, чтобы развить и укрѣпить въ ней сознаніе ея отвѣтственности; но въ то же время я сдѣлаю все что могу, чтобы дать ей понять, что эта отвѣтственность можетъ стать для нея благословіемъ.

— Все-равно, законные ли дѣти, или нѣтъ? спросила сухо миссъ Бенсонъ.

— Все-равно! твердо отвѣтилъ ей братъ. — Чѣмъ болѣе я размышляю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что это такъ. Никто, прибавилъ онъ, слегка краснѣя: — не питаетъ большого отвращенія къ разврату, чѣмъ я. Ты сама не такъ глубоко огорчена проступкомъ этой дѣвушки, какъ я; но разница въ томъ, что ты смѣшиваешь послѣдствія съ самимъ проступкомъ.

— Я не смыслю въ метафизикѣ.

— Мнѣ кажется это не метафизика. Я говорю, что по моему разумѣнью, если настоящій случай будетъ направленъ къ добру и къ пользѣ, то все что есть хорошаго въ сердцѣ этой женщины можетъ быть доведено Богомъ до неизмѣримой высоты, а все что есть въ ней злого и темнаго сотрется и исчезнетъ въ чистомъ свѣтѣ, окружающемъ ея ребенка. Отецъ небесный! внемли моей молитвѣ, начини съ этой минуты ея искупленіе! Научи насъ говорить съ нею въ духѣ любви и благодати твоего небеснаго сына!

Глаза его были полны слезъ; онъ дрожалъ отъ волненія. Онъ чувствовалъ себя слабымъ, при всей силѣ своего собственнаго убѣжденія, но при безсиліи убѣдить сестру. Однако она была потрясена. Молча сидѣла она съ четверть часа, пока братъ ея прислоняясь къ спичкѣ креселъ, отдыхалъ отъ своего волненія.

— Бѣдное дитя! сказала она наконецъ: — бѣдное, бѣдное дитя! сколько ему придется переносить и бороться! Помнишь Томса Уилькинса? помнишь, какъ онъ бросилъ тебѣ въ лицо свидѣтельство о его рожденіи и крещеніи? Вотъ каково показалось ему его положеніе! онъ предпочелъ убѣжать къ морю и утопиться, чѣмъ предъявить свидѣтельство своего позора.

— Помню все это. Часто оно приходитъ мнѣ на память. Но Руфь должна стараться, чтобы дитя ея болѣе помышляло о Богѣ, чѣмъ о людскомъ мнѣніи. Да послужить ей это въ покаяніе за ея вину. Пусть она выучитъ его (какъ говорится въ свѣтѣ) рассчитывать на одного себя.

— Но однако при всемъ этомъ, сказала миссъ Бенсонъ (она знала и уважала бѣднаго Томса Уилькинса и воспоминаніе о его преждевременной смерти, которую она оплакивала, смягчило ея сердце), при всемъ этомъ, дѣло должно быть скрыто. Ребенокъ никогда не долженъ знать, что онъ незаконный.

— Но какимъ же образомъ? спросилъ ее,

— Какимъ? мы еще о ней такъ мало знаемъ, но въ этомъ письмѣ говорится, что у нея никого нѣтъ близкихъ; если это такъ, то отчего бы ей не поѣхать въ совершенно незнакомый городъ и не выдать себя тамъ за вдову?

О искушеніе! непреодолимое искушеніе! вотъ способъ предохранить невинное созданіе отъ тяжкихъ жизненныхъ испытаній, и о немъ—то объ этомъ способѣ мистеръ Бенсонъ ниразу не подумалъ. А въ этомъ—то и задача. Это колесо, вокругъ котораго цѣлые вѣка вращаются судьбы людей. Но теперь оно принимало путь неправды. Для себя мистеръ Бенсонъ имѣлъ бы мужество не скрыть истины, но для бѣднаго, беспомощнаго младенца, готовившагося вступить въ жестокой, непреклонный свѣтъ, онъ поддался искушенію устранить затрудненіе. Онъ позабылъ о только-что выраженной имъ мысли насчетъ нравственной пользы для матери, обязанной, въ видѣ покаянія готовить своего сына принять тѣрдо и не возмущаясь всѣ послѣдствія ея собственной слабости. Мистеръ Бенсонъ гораздо живѣе помнилъ въ эту минуту дикое негодованіе и взгляды Каина Томса Уилькинса, когда позорное слово въ его метрическомъ свидѣтельствѣ объявило ему, что онъ отмѣченъ на всю жизнь клеймомъ безчестія и долженъ идти своимъ путемъ, вооруженный противъ всего человѣчества, и видѣть все человѣчество вооруженнымъ противъ него.

— Какъ же это устроить, Фэсъ?

— Ну, теперь я еще ничего не могу сказать; надо прежде, чтобы она сама рассказала мнѣ подробнѣе всѣ свои обстоятельства. Ужь лучше этого плана ничего не придумаешь.

— Можетъ—быть и такъ! отвѣтилъ ей братъ, залумчиво, но не рѣшительно и разговоръ прекратился.

Руфъ только отогнула занавѣсъ, когда миссъ Бенсонъ снова пришла къ ней въ комнату; больная молчала, глядѣла на вошедшую, будто желая, чтобы та подошла ближе. Миссъ Бенсонъ встала у кровати. Руфъ взяла ея руку и поцѣловала; потомъ, утомленная даже этимъ легкимъ движеніемъ, впала снова въ дремоту.

Миссъ Бенсонъ взялась за свою работу и стала раздумывать о томъ что говорилъ ей братъ. Она не была убѣждена, но стала свисходительнѣе и спокойнѣе

ХУАНЪ

(ИЗЪ ДРАМАТИЧЕСКИХЪ СЦЕНЪ БАРРИ КОРНВОЛЯ)

САДЪ ПРИ ИСПАНСКОМЪ ЗАМКЪ

ХУАНЪ И МАЛЬЧИКЪ

ХУАНЪ.

Ночь все темнѣй, чернѣй; сгущенный воздухъ
Въ моей груди такія чувства будить,
Которымъ лучше бѣ спать. — Повѣялъ вѣтеръ...
Какъ евнухъ, надъ царицею Діаной
Небесную задернулъ онъ завѣсу...
Она теперь съ любовникомъ.

МАЛЬЧИКЪ.

Вы звали,

Синьоръ?

ХУАНЪ.

Ее онъ погрузитъ въ спокойный,
Отрадный сонъ... А ей не надо бѣ спать.
Другіе могутъ не дремать и имя
Ея чернить коварною молвой. —
Горячій воздухъ голову мнѣ жжотъ...
Сорви мнѣ вѣтку съ померанца, Лопезъ! —
Ахъ, какъ свѣжо! отраднo!.. хоть съ нею
Весь аромать слетѣлъ... Другую дай! —
Спасибо! Приложу ее къ вискамъ:
Они горятъ. — Который часъ?

МАЛЬЧИКЪ.

Ужь полночь.

ХУАНЪ.

Давно ли?

МАЛЬЧИКЪ.

Нѣтъ; сейчасъ колокола
Замолкли.

ХУАНЪ.

Какъ они звучали странно —
Уныло! — Спой мнѣ пѣсню! Можетъ-быть
Она мнѣ мысли черныя разгонитъ.

МАЛЬЧИКЪ.

Какую спѣть? нѣжнѣй, или веселѣй?

ХУАНЪ.

Чтобы вся была полна любви — кинѣла
Любовью... Но ни капли милосердья!..
Одна лишь страсть палящая, одно
Безумство безконечное — огонь,
Что жизнь палитъ и знойно сушитъ сердце, —
Неистовая ревность — ярость звѣря —
Сомнѣнія — и темное унынье...
Пой мнѣ, что та, кого любилъ ты, стала
Измѣнницей, а ты — сошолъ съ ума,
Убийцей сталъ! Пой что-нибудь! скорѣй!

МАЛЬЧИКЪ.

Синьоръ!

ХУАНЪ.

Потомъ скажи, что хороша
Она была какъ грѣхъ; что у нея
Какъ утро ясныя сіяли очи;
Что руки у нея такъ были нѣжны!
Объятія — такъ сладки! Что лицомъ
Она была соперница Діаны...
Потомъ скажи какъ бѣлая у ней
Вздыхалася и опускалась грудь,
Когда еще въ ней сердце страстью билось...
Нѣтъ, нѣтъ! я пѣсни не хочу. — Душа
Моя беззвучна. Въ ней одна стихія —

Вражда. — Моя жена... Куда ушла
Жена?

МАЛЬЧИКЪ.

Синьоръ!

ХУАНЪ.

Я спрашиваю, гдѣ
Твоя синьора?

МАЛЬЧИКЪ.

Кажется молиться

Она пошла.

ХУАНЪ.

Прекрасно! превосходно!
Хорошъ нашъ вѣкъ! хорошъ онъ долженъ быть!
Распутницы въ немъ молятся. — Душа
Во мнѣ кипитъ какъ море въ бурю. Какъ
Мола она мнѣ измѣнить?... Вѣдь я
Любилъ ее какъ небо, какъ надежду...
Нѣтъ, больше! Глядя ей въ лицо, я думалъ,
Что звѣздный ликъ небесъ предъ нимъ — ничто. —
Ступай! пошли сюда свою синьору!

МАЛЬЧИКЪ.

Синьоръ, она въ молеельнѣ.

ХУАНЪ.

Да, забылъ...

Но — все равно!.. Оставь меня, бездѣльникъ!
А лампу тутъ поставь; прикрой ее
Кругомъ вѣтвями. Ну же!.. Уходи!

(Мальчикъ уходитъ).

Вотъ я одинъ... Нѣтъ звука, чтобы мысли
Мнѣ прояснить... Мой черный замысль проченъ.
Душа темна, какъ ночь въ тюрьмѣ, какъ гробъ...
Но въ ней рѣшимость мести притаилась. —
Убью... хоть звѣзды всѣ растай въ слезахъ!
Убью... хоть громъ ворчи мнѣ о пощадѣ!
Всему конецъ! Чтò мыслью рѣшено,
То сдѣлано. Кровавый замысль — все;
А дѣло — дѣло вздоръ! Она погибнетъ.
Я грѣхъ ея въ ея крови омою.
Но вѣдь убивъ ее, я самъ умру...

Умру? Да развѣ я уже не умеръ?
 Отчаянье и ревность и любовь
 Безумная меня ужь отравили.
 О ты, вдова, что все родное въ мѣрѣ
 Утратила! Чтѣ всѣ твои страданья
 Передъ мной? — Чу! шаги... шаги...
 Она идетъ... Но не одна. — Въ кусты!

(Прячется).

ВХОДЯТЪ ОЛИМПІЯ И БІАНКА

ОЛИМПІЯ.

Вѣрь сказкамъ я, подумать можно бѣ было,
 Что мнѣ грозитъ бѣда. Средь черной ночи
 Ни звѣздочки не промелькнуло въ небѣ
 Намъ посвѣтить въ дорогѣ. Кто тамъ, Бьянка?
 Мнѣ показалось, кто-то пробѣжалъ...

БІАНКА.

Я ничего не слышала.

ОЛИМПІЯ.

Я тоже;

Но духи вѣдь неслышными шагами
 По свѣту ходятъ... Я теперь готова
 Повѣрить всѣмъ примѣтамъ старой няни —
 И разумъ отъ себя прогнать...

БІАНКА.

Синьора,

Не станемте объ этомъ говорить.

ОЛИМПІЯ.

Не бойся! — Отчего тебѣ бояться?
 Бѣда тебѣ и горе не грозили;
 Невинной жизни духи зла не смѣютъ
 Тревожить. — Посмотри! свѣтлякъ затеплилъ
 Въ кустахъ свою зеленую лампаду;
 Какъ серебро, сверкаетъ дождь фонтана.
 Какая музыка! какая свѣжесть! —
 Иди ты въ замокъ, Бьянка. Я побуду
 Немного здѣсь.

(Біанка уходитъ).

Какой тутъ чудный воздухъ !

Такого нѣтъ, я думаю, цвѣтка
Или куста душистаго, чтобъ въ нашемъ
Саду не росъ, не цвѣлъ. Вотъ — вдругъ какъ сильно
Запахло розами ! А вотъ теперъ
Лимономъ. — Вѣтеръ словно простоналъ
Въ кустахъ... но чтò за нѣжный аромать
Отъ померанцевъ вдругъ сюда понесся !..
Меня ко сну какъ будто клонить...

(Прислоняется).

ВХОДИТЬ ХУАНЪ

ХУАНЪ.

Спитъ.

Нѣтъ, не хочу я убивать во снѣ
Безсильное созданье. — Что жъ я медлилъ ?
Боялся я — и отчего ? — ея
Открытыхъ глазъ... Но вѣдь ее убить
Велитъ мнѣ справедливость. — О, какая
Пожива смерти чудная !.. Не даромъ
Придумали, что женщина мужчину
Въ погибель увлекла... Чу ! громъ рокочетъ...
И молнія... Покойтесь, духи бури !
Я ваше дѣло сдѣлаю. — Молчи
Ты, сердце ! — Встань, Олимпія !.. Какъ крѣпко
Она заснула ! — Вотъ пошенилась...
Вставай, Олимпія ! Тебѣ не мало
Есть дѣла въ эту ночь. Судьба вписала
Твой приговоръ въ свой мѣдный свитокъ. Я
Пришолъ его исполнить.

ОЛИМПІЯ.

Что такое

Ты говоришь ?

ХУАНЪ.

За дѣло ! Я спокоенъ. —

Ты гнусно поступила противъ мужа.
Грѣхъ не великъ ! но вмѣстѣ съ тѣмъ такое
Ты совершила дѣло, предъ которымъ
Померкло небо. Посмотри !

ОЛИМПІЯ.

Хуанъ !

Мой милый ! что такое ?

ХУАНЪ.

Изъ меня

Ты сдѣлала злодѣя... Это я
Простила... Но ты и честный домъ нашъ, гордый
Своею славой, запятнала. Слышишь ?
Тѣ голоса, что раздаются въ тучахъ —
Пойми ихъ !.. говорятъ тебѣ : «покайся
Въ своемъ грѣхѣ !» — Я жду.

ОЛИМПІЯ.

Напраснымъ страхомъ
Встревоженъ ты. Пойдемъ домой, мой милый !
Поговоримъ объ этомъ завтра.

ХУАНЪ.

Завтра ?

Нѣтъ ! Вѣрь кипящей страсти, жадѣ мщеня,
Меня палачей ! въ эту ночь простишься,
Олимпія, съ землею ты и съ жизнью.
Но прежде чѣмъ умрешь ты, я скажу
Тебѣ какъ страстно я тебя любилъ,
Какъ сталъ преступникомъ изъ за тебя...
Преступникомъ, — ты слышишь это ?

ОЛИМПІЯ.

Слышу —

И вся дрожу,

ХУАНЪ.

Тебя еще до свадьбы
Твоей любилъ я, — это знаешь ты.
Я бѣдный былъ женихъ, и твой отецъ
Меня отвергъ... и ты — хоть говорила
Мнѣ про любовь — забыла обо мнѣ.
Я сталъ пытаться средь войнъ свою судьбу ;
За стараго Рампреса ты вышла.

ОЛИМПІЯ.

Меня принудили.

ХУАНЪ.

Мой дядя умеръ ;

Я сталъ богатъ — и поскакалъ домой...

А ты была ужъ замужемъ.

ОЛИМПІА.

Да, точно.

ХУАНЪ.

Я впалъ въ отчаянье. Клеймо безумья

Легло на мозгъ мой, — годы жгло его...

Ты все еще была женой другого...

Но вновь ко мнѣ моя вернулась сила.

Хвастунъ старикъ смѣялся наглѣмъ смѣхомъ

Надъ жертвою своею — надо мной.

Проклатіе ему !

ОЛИМПІА.

Молчи ! довольно !

ХУАНЪ.

А ! такъ его все любишь ты ?

ОЛИМПІА.

Синьоръ !

Я не люблю его ; но мнѣ противенъ

Безумный, что клевететь на него.

ХУАНЪ.

Безумный ? Я безумный ? — Ты умрешь !

Умрешь ты, — слышишь ? Отъ руки того,

Кто все еще тебя какъ прежде любить...

Да, отъ моей руки ! — Безумный ? Точно,

Я былъ безумнымъ, какъ тебя утратилъ,

Три раза измѣнившая ! Теперь

Я изцѣленъ — и кровная забота

Есть у меня : я видѣть не хочу,

Чтобъ — какъ меня — излишняя любовь

Еще кого-нибудь свела съ ума.

Безумный ? Ты же надо мной смѣешься...

И жгучій стыдъ не бьетъ тебѣ въ лицо !

ОЛИМПІА.

Наклеветалъ на честное ты имя.

ХУАНЪ.

Что имя? *Самого его* убилъ я,
Развратница! Насквозь его ножомъ
Я пронизалъ. Глупа жъ ты, что могла
Повѣрить, будто воръ его зарѣзалъ,
Когда покражи не было.

ОЛИМПІА.

О Боже!

Не грежу ль я?

ХУАНЪ.

Да, то былъ я. Ну, смѣйся!
Но смѣхъ твой оболеть мнѣ сердце скорбью;
Ты надо мной смѣяться не должна бы:
Все для *тебя* я сдѣлалъ. Ты жъ — любовь,
Такой цѣною купленную мной,
Взяла назадъ — и продала другому.

ОЛИМПІА.

Все это ложь, сивьоръ! а вы — презрѣнный
Обманщикъ! Вы мнѣ мерзки, донъ Хуанъ!
Но — слушайте! Я васъ любила... Скоро
Вы вспомните какъ я любила васъ...
Но то была ошибка. Знай я только,
Что вами нанесенъ ударъ кровавый,
Я васъ отвергла бы, какъ отвергаю
Теперь — на вѣки!

ХУАНЪ.

Повтори!

ОЛИМПІА.

На вѣки!

ХУАНЪ.

Не ждете ль вы любовника сюда?
Онъ вѣрно весь изнылъ отъ нетерпѣнья.
Не мучьте же его.

ОЛИМПІА (всторону).

О Боже правый!

Онъ въ самомъ дѣлѣ обезумѣлъ. Надо
Скорѣй уйти.

ХУАНЪ.

Остановись! ни шагу!
 Ни слезъ, ни просьбъ! Кому тебѣ молиться?
 Глухому ль змѣю? дичиому ли морю?
 Взгляни: суровъ стою я предъ тобой,
 Но справедливъ; тверда моя рѣшимость,
 Неколебима. Я — судья, ты — жертва.

ОЛИМПІЯ.

Пусти меня!

ХУАНЪ.

Скорѣе на колѣни
 Предъ Богомъ! — Отвѣчай мнѣ! Ты любила...
 Всю правду говори! Вѣдь это будутъ
 Послѣднія слова твои... Любила
 Ты чужестранца этого? Скорѣй!

ОЛИМПІЯ.

Да, я люблю его.

(Хуанъ вскрикиваетъ).

Но онъ...

ХУАНЪ.

Молчи,

Измѣнница! развратница!

(Ударяетъ ее книжкой).

Одинъ

Конецъ тебѣ и всѣмъ моимъ скорбямъ!

ОЛИМПІЯ.

Стой! стой, Хуанъ! Ахъ, нѣтъ... Теперь ужъ все
 Покончено... Ты сдѣлалъ злое дѣло.

ХУАНЪ.

Олимпія! Тебя не ранилъ я?
 Ты не убита? Говори!

ОЛИМПІЯ.

Спасайся,

Мой милый! — Этотъ юноша...

ХУАНЪ.

Да... да...

ОЛИМПІЯ.

Мой братъ.

Кн. IV. — Отд. I.

ХУАНЪ.

Проклятіе!

ОЛИМПІА.

За ничѣ слѣдять

Повсюду инквизиція. Спаси
Его!

ХУАНЪ.

Спасу.

ОЛИМПІА.

Молю тебя...

(Умираеть).

ХУАНЪ.

Проклятый!

Что сдѣлалъ я! — Олимпія! взгляни!
 Взгляни же? Это я — Хуанъ — твой мужъ...
 Убийца — вотъ мнѣ имя! — Дорогая!
 Голубка! ненаглядная моя!..
 Она мертва...

(Молчитъ).

Что жъ значить это все?..

Гдѣ я?.. Олимпія! — Она была
 Мнѣ невѣрна... И ужъ не дышитъ... Боже!
 Какой злой духъ затѣялъ этотъ ужасъ? —
 Ужъ золотые волосы ея
 Роса смочила; кроткій взглядъ въ очахъ
 Погасъ. Любовь и жизнь исчезли разомъ —
 Ушли въ могилу. — Я ли это былъ? —
 Да, я ножомъ ударилъ въ это сердце
 И залилъ кровью молодую грудь!
 Кровинки нѣтъ въ устахъ, еще недавно
 Румяныхъ, теплыхъ... И рука застыла...
 Моей руки она ужъ не пожметъ!..
 Какъ нѣженъ голосъ былъ у ней!.. Онъ смолкъ.
 Иль могъ онъ умереть въ единомъ стонѣ?

ГОЛОСА.

Синьоръ!

ХУАНЪ.

Ага! Они зовутъ убійцу.

Онъ здѣсь.

ГОЛОСА.

Синьоръ! синьоръ!

ХУАНЪ.

Сначала трупъ

Ея прикрою. Трупъ... Иль нѣмѣннлась
Она такъ скоро?

(Прячетъ трупъ).

А теперь бѣжать!

Зачѣмъ?.. Вѣдь не прочтутъ они на бѣломъ
Моимъ лицѣ, въ неизмѣнномъ взглядѣ,
Убийства, предъ которымъ поблѣднѣло бѣ
И Каина кровавое злодѣйство!
Останусь... и о смерти стану грезить.
Я все уже утратилъ что мнѣ было
Здѣсь жизнью... Было... горькій, страшный заумъ! —
Они идутъ.

(Входятъ слуги).

Кого вамъ нужно здѣсь? —

Ея ужъ нѣтъ! нѣтъ вашей госпожи!

СЛУГА.

Синьоръ! приѣзжай, — братъ ея...

ХУАНЪ.

Какъ? что?

У ней нѣтъ брата, нѣтъ.

СЛУГА.

Синьоръ, она въ замкѣ.

ХУАНЪ.

Молчи! — Ея здѣсь нѣтъ ужъ. Въ темный путь
Она ушла... Увы!

СЛУГА.

Синьоръ, вы руку

Себѣ обрѣзали.

ХУАНЪ.

Себѣ я сердце
Разрѣзалъ. — Уходите! Ты, Діего,
Одинъ останься.

(Слуги уходятъ).

Добрый мой старикъ:

Ты вѣрно моему отцу служилъ —
И всѣмъ намъ, и тебя мы всѣ цѣнили.
Теперь твоя кончается мнѣ служба.

Діего, въ эту ночь — еще задолго
До солнца — буду я...

ДИЕГО.

Синьоръ!

ХУАНЪ.

Синокобнъ

Я буду. Ни безумныя волненья,
Ни бурная любовь, ни эляя ревность,
Ни идолопоклонство жгучей страсти,
Ни лютая вражда не потревожатъ
Меня въ моемъ покоѣ одинокомъ.
Я буду мертвъ... Послѣдній въ славномъ родѣ...
Но ты вѣдь не допустишь, чтобъ намъ нма
Чернила злоба празднаая?

ДИЕГО.

Синьоръ!

ХУАНЪ.

Отецъ мечталъ когда-то, что прославлю
Я наше нма... Это все прошло.
Моя звѣзда ужъ близится къ закату.
Мной кончится нашъ знаменитый родъ,
Не разъ въ вѣнцѣ своихъ выдавшій членовъ,
Въ дали вѣковъ зачавшійся. — Что сталося
Съ мечтою отца? съ надеждами моими?
Слѣда ихъ нѣтъ.

ДИЕГО:

О Господа!

ХУАНЪ.

Еще

Два слова, и потомъ — потомъ прощай! —
Кого убилъ я!.. О, когда бы яерный
Небесный сводъ могъ рухнуть надо мной!..
О несравненная!.. моя царица!..
Моя жена! моя любовь! — Вся жизнь
Моя была ошибкой. Сброшу бремя
Несносное съ усталыхъ плечь и лгу
Заснуть.

ДИЕГО.

Пойдемте въ замокъ, ради Бога!

ХУАНЪ.

Все кончено ! Тотъ драгоценный сокъ,
 Что юностью вливался въ члены старцевъ,
 И зажигалъ въ ихъ скудныхъ жилахъ кровь,
 Теперь ужъ бесполезное лекарство !

ДИЕГО.

О господинъ мой ! разъ позвольте мнѣ
 Забыть, что я слуга, и приказать
 Вамъ успокоиться.

ХУАНЪ.

Тс ! полно ! полно !

Какой я господинъ ! Я просто рабъ.
 Я уловилъ однажды заглазъ небесный ;
 Но кроткій свѣтъ, что валь меня, поваясь ;
 И я стою, заблудшійся, въ потемкахъ —
 Надъ ямою молчаливой. Вдругъ меня
 Тѣснился гнѣвно мстительныя тѣни,
 И безнадежный страхъ мнѣ давить грудь.
 Я долженъ умереть ! Но передъ смертью
 Распорядиться надо мнѣ — оставить
 Другимъ урокъ. Вѣдь я... языкъ не хочеть
 Повиноваться... я убилъ... гляди
 Ты въ сторону — не на меня ! Убилъ я
 Нѣжнѣйшее, чистѣйшее созданье !
 Коварный мой низжалъ вонзился въ сердце,
 Гдѣ я царемъ былъ, — но того не зналъ.
 Діего, плачь ! Ты можешь плакать, бѣдный
 Старикъ. А я... мои послала слезы ;
 Скорбь выжгла ихъ источникъ. Но — довольно !
 Дай руку, мой полюблѣнный вѣрный другъ !
 Я не забылъ какъ въ ясныя года
 Младенчества бывало ты меня,
 Усталого отъ игры, носилъ домой.
 Снеси меня въ послѣдній разъ теперь
 И уложи на мраморной постели —
 И не зови на голову мою
 Проклятія !.. Всему конецъ !.. Прощай !..
 Прощай !.. Прощай !.. Прощай !.. (Закалывается).

ММХ. ИЛЛЕЦКІЙ

ЦЫГАНЕЪ

Я люблю твои лукавыя глаза :
Притаилася въ нихъ молнія-гроза ;
Какъ потухнуть да посмотреть далеко —
Словно въ омутъ, тещо и глубоко ;
А сверкнуть да яркимъ пламенемъ выгореть —
Много пѣсень про любовь она сулать,
Много пѣсень развеселыхъ, удалыхъ,
Много звуковъ и тоскливыхъ, и бѣсныхъ.

Загорѣлся лунные глаза,
Распелася — распутилася нога,
Рдѣютъ щоки... губы шепчутъ : «незабудь!..»
Ходить-ходешемъ подь красной шалью грудь —
А подь гибкою, проворною рукой
Занываютъ струны жгучею тоской...

Охъ, да спой же ты мнѣ, спой же что-нибудь!
Надорви ты мнѣ тоской больную грудь!
Спой про «Наушку», хорошая мол! —
Буду слушать, буду вѣчно слушать я
Какъ залезла-то речница всю ночь
Пропумѣла, что и спать тебѣ не влочь;
Какъ ты слушала что свистеть соловей
Цѣлу почку, не смыкавши очей;
Какъ въ слободкѣ молада вдова жмар,
Какъ у вдовки дѣчь хорешная росла;
Какъ въ долинушкѣ калинушка стоятъ —
На калинкѣ соловей-птица свистѣтъ...

Воспоминанья престарелый

БѢДНЫЕ ЖИЛЬЦЫ

ВЫСОКАЯ ЛЮБОВЬ

новѣсть

Читатель, маленькое предисловіе!

Я описываю жильцовъ Крехоборовой въ томъ видѣ, въ какомъ знавалъ ихъ года четыре назадъ. Въ эти четыре года всѣ дотого подвинулись впередъ, что нѣтъ уже регистраторовъ Лебедкиныхъ въ сенатѣ, да и въ самомъ-то сенатѣ стараго осталось только стѣны да потолоки, а все остальное или улучшено, или замѣнено лучшимъ. Тоже и въ управѣ благочинія и въ надворномъ судѣ. Прочитавши очерки Лебедкина, Облачкова, когда онѣ стали «жить», да не почтутъ себя гг. виновными (XV кл. до XII) Лебедкиными, Облачковыми! Удѣлю васъ, что вынѣ нѣтъ такихъ. Я же съ моей стороны, описывая бытъ бѣдныхъ жильцовъ, вовсе не виновать, что мнѣ на жизненномъ пути попались такіе, а не этакіе. Вотъ и все. Асторъ

Въ одной изъ отдаленныхъ и выгнѣтъ съ тѣмъ изъ самыхъ плохихъ частей города живетъ бѣдный, бѣдный сочинитель. Я не называю этой части города собственно потому, что женщины; сойти; занимаютъ, а качить же обижать челоуѣка, а тѣмъ бѣды бѣднаго? Если я и рѣшился писать про него, такъ не за-тѣшь, чтобъ оснѣвать, а чтобъ показать читателю какъ въ од-вонъ; а тамъ же челоуѣки могутъ ужидься разомъ самымъ про-

красныя качества ума и души съ самыми непростительными слабостями. Его знаетъ вся эта отдаленная часть города, отъ мала до велика. Въ самые свирѣпыя двадцати, двадцатипятиградусные морозы вы его увидите одѣтымъ довольно прозрачно, то-есть въ одномъ сюртучкѣ, изъ-подъ разодранныхъ долоктей котораго торчитъ грязная рубашка, въ панталонахъ, протертыхъ на колѣнкахъ и въ сапогахъ съ барабаннымъ боемъ. Читатель можетъ-быть спросить что это за сапоги съ барабаннымъ боемъ? А между тѣмъ это вещь хорошо извѣстная всѣмъ горемыкамъ-бѣднякамъ. Изволите ли видѣть: подошвы сапогъ пришиты кое-какъ гнилой дратвой, скоро отпариваются и при быстрой ходьбѣ хлопаютъ, то одна, то другая, особенно въ морозъ и въ жаръ. Такіе сапоги можно было приобрести на старомъ апраксиномъ дворѣ за тридцать копѣекъ. Покупатель, заплативши деньги, обыкновенно спрашиваетъ продавца:

— А дойду ли я въ нихъ до дому? скажи откровенно!

— Если на Выборгскую или въ Коломну, такъ пожалуй и не дойдете! отвѣчаетъ плуть-апраксинецъ, хотъ до получения денегъ за сапоги клялся всѣми богами, что они то-есть сапоги, а не бѣги, три года проносился, и покупатель, и продавецъ знаютъ, что сапоги дрянь, да чтожъ дѣлать? бѣдность! Больше тридцати копѣекъ трудно достать, да и эти деньги скопляются только въ три года разъ, а за тридцать копѣекъ какихъ же сапогъ искать?

Ежигител бѣдняга-сочинитель, словно хочетъ весь вобраться въ самого себя, а морозъ такъ и хватается то за уши, то за носъ.

— Трате носъ, а то отморозите! говоритъ встрѣчный бѣднякъ.

— А у васъ ухо побѣлѣло! отвѣчаетъ въ свою очередь бѣднякъ-сочинитель. Услуга за услугу.

Руки сочинителя въ безпрестанной работѣ: онъ третъ то носъ, то уши и спѣшитъ въ притруску въ ближайшій или знакомый кабачокъ, гдѣ цѣловальникъ славится покровительствомъ бѣднымъ литераторамъ.

— Здравствуйте, Доримедонтъ Доримедонтычъ! говоритъ сочинитель заискивающимъ тономъ и протягиваетъ руку цѣловальнику, который пожимаетъ ее поанглійски, двумя пальцами, даже не глядя съ кѣмъ здоровается. Онъ углубился въ чтение

только-что принесенной книги, которая по мѣнѣю младшаго городского написана хорошиѣмъ слогомъ. «Юлія въ лѣсу или опасность любви», «О туркахъ и турчанкахъ и ихъ любезныхъ ухищреніяхъ» и другія статейки въ томъ же родѣ составляютъ содержаніе книги.

— Я, Доримедонтъ Доримедонтычъ, написалъ новые стихи-сь. Не угодно ли послушать?

— Ну, говори, братецъ, пока нѣтъ покупателей!

— А, Облачковъ! Здравствуй, братъ, гдѣ ты шатаешься? Все пьянствуешь! воскликнула другой цѣловальникъ съ заплывшимъ жирнымъ лицомъ, высунувшись изъ-за перегородки.

— Нельзя ли предварительно хоть шкаликъ? спросилъ понизивъ голосъ Облачковъ, скорчивши умоляющую гримасу.

— Нѣтъ, нѣтъ! прежде стихи, а тамъ увидимъ стоятъ ли они шкалика!

Облачковъ откашлялся, собрался съ духомъ, потомучто отъ хорошей декламациі зависѣло пить или не пить, а это для бѣдняка-сочинителя стоило гамлетовскаго быть или не быть?

— Нѣтъ, господа! сказалъ Облачковъ, вдругъ измѣнивши намѣреніе: — свои стихи я позабылъ, а лучше прочту «Горемыку», написаннаго однимъ изъ даровитѣйшихъ бѣдныхъ, поэтому затертыхъ литераторовъ. Увѣрю васъ, Доримедонтъ Доримедонтычъ, что эти стихи не хуже моихъ!

Онъ началъ :

ГОРЕМЫКА

Былъ онъ чахлый и худой,
Безъ связей, безъ дружбы,
Сирота въ семьѣ родной,
Членъ послѣдній службы.

Съ черна на бѣло писалъ
Безду отвошеній,
И лишь черный хлѣбъ кусалъ
Безъ вознагражденій.

Всѣмъ свидѣльствъ не глядитъ
На такихъ страдальцевъ;
Ктожъ пониже — ихъ тѣснитъ,
Говнитъ какъ свитальцевъ.

Въ службѣ платныя мѣста
 Не для нихъ откроютъ,
 А добьются лишь креста,
 Какъ въ землѣ зарюютъ.

Горемыка это зналъ
 И сносила невзгода,
 Только сторожъ утѣшалъ
 Вашими благородьемъ.

Отъ занятій и трудовъ
 Онъ зачахъ, свалился,
 Межъ танихъ же бѣдняковъ
 Трупъ его зарылся.

Деревянный крестъ стоитъ
 А надъ нимъ, безроднымъ,
 Надпись скромная гласитъ:
 Умеръ благороднымъ.

По веснѣ надъ тѣмъ крестомъ
 Ива зеленѣетъ,
 Вьется птичекъ вольныхъ сонь,
 Пѣньемъ слухъ летѣетъ.

А объ немъ и рѣчь нейдетъ,
 Память ужъ блѣднѣетъ
 И трудовъ безвѣстныхъ плодъ
 По архивамъ тлѣетъ.

А на мѣстѣ, гдѣ живой
 Онъ весь вѣкъ трудился,
 Тоже блѣдный и худой
 Кандидатъ явился.

— Браво, Облачковъ! молодчина! вотъ это *понашему!* воскликнулъ съ пухлымъ рыломъ цѣловальникъ. Что это означало *понашему* въ устахъ цѣловальника, одинъ только Богъ вѣдаетъ, потомучто толсторылый цѣловальникъ не былъ ни литераторъ, ни писака, а просто безграмотный мужикъ. Значить слово сорвалось такъ, ни къ селу, ни къ городу.

— И штиль есть! замѣтилъ глубокомысленно кабачный иценатъ, отбросивши всторону книгу: — эти стихи шкалика стоятъ...

— Нельзя ли косушечку? взмолилъ жалобно сочинитель,

чуть не со слезами, дрожа какъ листъ на деревѣ, не успѣвшій еще сорваться съ вѣтки отъ осенняго вѣтра.

— Жирно будетъ, а то вѣдь опять запьешь; я тебя знаю!

Однако послѣ долгихъ совѣщаній ученый комитетъ рѣшилъ, что сочиненіе косушки стоитъ. Послѣ выннотой косушки, глазки сочинителя посоловѣли; онъ, какъ говорится, размокъ, расплылся. Люди, крѣпко впившіеся, скоро хмѣлѣютъ, поэтому косушка подѣйствовала на бѣдняка лучше, чѣмъ на много штофъ, даже четверть. Я знавалъ старину одного кавказца, который потерялъ уже способность напиваться пьянымъ. Усидѣть вдвоемъ четверть ему ровно ничего не значило. И надо замѣтить, что это былъ доблестный офицеръ, увѣшанный отъ плеча до плеча орденами. Онъ держалъ себя прилично званію, никто не видѣлъ его пьянымъ, даже «выпившимъ». А между тѣмъ откупная водка на него уже болѣе не дѣйствовала; онъ сталъ пить свиртъ големъ и ромъ.

Выпросивши криста-ради папирску, Облачковъ отправился въ погребокъ. Тамъ у него тоже былъ знакомый прикащикъ, отъявленный поклонникъ газеты: «Племянникъ», большой любитель стиховъ, особенно Баркова и нѣкоторыхъ Полежаева.

— Хотите, я вамъ прочту новое сочиненіе, спросилъ Облачковъ, спотыкнувшись объ порогъ.

— Не надо, не надо! Ступай, ступай, проваливай!

— Ахъ, еслибы вы знали что это за стихи! и въ поясненіе ихъ достоинства, Облачковъ поцѣловалъ концы пальцевъ.

— Ну, ну, послушаемъ, только коньяку не ожидай!

— Маленькую, самую маленькую, въ десять копѣчекъ! сказалъ онъ съ удивительною вкрадчивостью и учтивостью.

Я былъ въ это время въ погребѣ и меня забрало любопытство послушать что это за стихи.

— Я могу вамъ доставить это удовольствіе. Декламируйте!

— Дай, братецъ, этому господину джину или коньяку, чего ему угодно! сказалъ я прикащику.

— Ну, Облачковъ, начинай! сказалъ прикащикъ, повидящему очень довольный, что, не дѣлая расходовъ на подчитыванье, послушаетъ стиховъ. Онъ зналъ Облачкова и цѣнилъ его талантъ, потому что былъ начитанъ. Нимѣче просвѣщеніе разливается и въ погребнакъ, и въ питейныхъ домахъ.

Облачковъ снова отшатнулся и началъ:

НАДГРОБНАЯ ПѢСНЬ. «со святыми упокой».

Есть гимны грустные, нежъ ними
 Одишь грустиѣ всѣхъ другихъ.
 Поется онъ: спокой съ святыми
 Христе душе рабовъ твоихъ.

Подъ эту пѣснь мы совершали
 Надъ прахомъ ближнихъ много трызвъ,
 И ихъ съ слезами провожали,
 Гдѣ несть болѣзней и печалей,
 Но безконечная лишь жизнь...

Тутъ губы поэта задрожали, запрыгали вѣки, и онъ залился, какъ рѣка. Онъ декламировалъ такъ хорошо, плакалъ такъ искренно, что даже у самого прикащика брызнули изъ глазъ слезы.

— Экъ его насвистался! вѣдь это кабашная водка изъ глазъ вытекаетъ, замѣтилъ онъ юмористически.

— Нѣтъ, это ужъ не водка, подумалъ я. — Тутъ какая-то сокрушающая грусть.

— Что вамъ пришла за фантазія переложить «со святыми упокой»? спросилъ я.

— Это вылилось изъ души на похоронахъ одной любимой мною дѣвушки. И слезы опять брызнули изъ его глазъ, которыя онъ, зашепчавъ платка, утиралъ кулакомъ. Маѣ стало его жалко.

— Чтоже это была ваша сестра, или невѣста?

— Какъ вамъ сказать? невѣста не невѣста... Я впрочемъ хотѣлъ на ней жениться, да она не пошла...

— Вѣрно родители не позволяли.

— У нея не было родителей. Она изъ портерной ..

Настроенный гармоническими стихами, распросами о невѣстѣ, которую я представлялъ уже лежащею во гробѣ, среди рыдающихъ родныхъ, при тихихъ, носящихся въ воздухѣ похоронныхъ гимнахъ — я словно съ облаковъ упалъ въ помойную яму.

— Не смѣйтесь, сказалъ онъ грустно: — это была такая дѣвушка, какой вы встрѣтите мало подобныхъ.

Словно обидѣвшись, онъ взялъ свою подбитую уксусомъ

шанку и ушелъ. И побѣждалъ онъ снова въ притруску, какъ-то жалко скорчившись.

— Боже мой, куда онъ дѣнется бѣдный въ эдакой морозъ; у него чай и квартирники-то нѣтъ. Меня стала грызть совесть, зачѣмъ я его не остановилъ, не пригласилъ на квартиру? Я спросилъ прикащика, не знаетъ ли онъ гдѣ живетъ этотъ го-ремыка.

— Облачковъ-то? Богъ его знаетъ, въ какой-то трущобѣ... Тутъ онъ мнѣ назвалъ улицу, даже домъ.

— Не думаете ли вы когда-нибудь его дома застать? Нискогда. Онъ изо дня въ день такъ шатается. Теперь навѣрное отправился въ какой-нибудь кабакъ, тамъ пойдетъ въ другой, а тамъ въ третій, пока не свалится гдѣ-нибудь на улицѣ. Хорошо еще, что полиція подбираетъ эдакихъ людей, а то, долго ли до грѣха? Того и гляди замерзнетъ, въ эдакую стужу, или экипажъ черезъ брюхо переѣдетъ.

Однимъ словомъ, изъ распросовъ я узналъ, что Облачковъ былъ когда-то порядочный чиновникъ, служилъ въ какомъ-то департаментѣ, жилъ съ матерью, содержалъ ее; но связавшись съ какой-то безпутной дѣвкой, сталъ пить, пить и пить. Однажды до того допился, что пришелъ со скрипкой въ департаментъ и когда разные почтенные мужи занимались обсужденіемъ какого-то важнаго вопроса, вломился въ главную комнату присутствія и завралъ надъ самымъ ухомъ директора: *снизъ да по рашкѣ, снизъ по Фонтанкѣ, сизый селезень плыветъ.*

Ну конечно его вывели изъ комнаты и выгнали изъ службы. Однако, несмотря на эту краткую біографію, я хотѣлъ подробнѣе узнать кто это былъ Облачковъ.

Съ этою цѣлью я отправился къ нему на квартиру; думаю, званъ застаю, на счастье. Миновавши длинный рядъ кривошлыкиныхъ домишковъ, я углубился въ какой-то нескончаемый переулокъ, танущійся между сломанными и наклонившимися заборами. Подъ ногами зіяли, какъ могилы, глубокія канавы. Въ немомъ нѣмѣ приходилось перебираться по одной дрожащей дощечкѣ на высотѣ полутора аршинъ, надъ уровнемъ улицы. Ни одна живая душа мнѣ не встрѣтилась. Да тутъ, среди бѣлаго дня, чрезвычайно удобно грабить, а идти сюда ночью, значитъ обречь себя на вѣрную смерть. На концѣ переулка стоялъ высокій, несладный домишко, съ крышей какъ сахарная голова, а подъ

самыми небесами торчало узенькое окошко. Здѣсь-то и жилъ Облачковъ съ своей старухой матерью. Я вошелъ на дворъ — могильная тишина; стучался, стучался въ вѣсколко дверей, — никто не отзывается, словно весь домъ вымеръ.

Долго я вбирался по животрепещущей лѣстницѣ, словно восходилъ на облака, наконецъ постучался въ дверь, обитую грязной цыновкой. Вышла какая-то старушонка въ капотъ дотога экассенномъ, что трудно было различить какого онъ пѣта. Изъ-за множества морщинъ нельзя было видѣть ни бровей, ни глазъ.

— Кого тебѣ нужно? спросила она, держась за ручку двери и недопуская меня войти.

— Здѣсь живетъ Облачковъ?

— Здѣсь; я его мать.

— Дома онъ?

— Дома-то дома, да ему не до гостей: онъ пьянъ.

— Позвольте хоть на минуточку войти.

— Войдите, только вы отъ него теперь толку никакого не добьетесь.

Однако я вошелъ и остолбенѣлъ при видѣ окружающей меня бѣдности. Много я читалъ про ирландскихъ, лондонскихъ нищихъ, входилъ въ дома бѣдныхъ людей, но представлявшаяся теперь передо мной бѣдность превосходила всякое описаніе. Это была свѣтелка никакъ не больше невесткой кареты. Она не имѣла печи и сама была сколочена изъ жиденькихъ досокъ собственно для отдачи внаѣмы въ лѣтнюю пору. Зимой же, кромѣ Облачкова съ матерью, взѣхать въ нее никто не рѣшался. Однако жадная хозяйка не хотѣла уступить ее Облачкову даромъ, изъ состраданія, а брала за мѣсяцъ 75 копѣекъ. Окно, величинаю въ нулакъ, дотога заросло льдомъ, что не давало никакого свѣта. Громадныя сосульки какъ кинжалы торчали отъ стекла чуть не на вершокъ. Сквозь всѣ пазы между стѣнными и потолочными досками просвѣчивалъ снѣгъ, а паутина и козенатка сплѣскались цѣлыми драпри съ потолка и стѣнъ, покрывали въносъ. Какъ теперь вспоминаю про эту свѣтелку, такъ меня даже морозъ по кожѣ подираетъ; дотога было въ ней холодно, куда холодише, чѣмъ на дворѣ. На полу валялись какія-то сѣрые тряпки, и былъ разостланъ салопишко, прозрачный какъ рѣшето. Это была постель матери и сына. Укрывши голову сюр-

тушикомъ и подогнуть подъ себя ноги, Облачковъ хранилъ. Его красная какъ вареный ракъ рожа, вклевоченные волосы яса доказывали, что онъ былъ мертвецки... — Не будите его, пусть дрызнетъ! отвѣтила мать, когда я попросилъ позволенія разбудить ея сына. Боже-боже! неужели это жизнь!.. Вручили рублевую бумажку, за которую старуха мнѣ поцѣловала руку, я скорѣе бросилъ изъ комнаты, сѣлъ на извожика и укатилъ домой. Вотъ человѣкъ и можетъ-быть съ талантомъ, а пропадаетъ какъ червь и непременно пропадетъ! Тутъ ужъ видна некого, развѣ только судьбу. Каково же несчастной матери? Должно быть очень интересна біографія этого Облачкова!

Заинтересованный въ высшей степени исторіей этого погнибающаго таланта, я сталъ ходить на квартиру Облачкова почти каждый день, и добился-таки того, когда онъ былъ дома и не спалъ. Изъ его откровенныхъ расказовъ я составилъ слѣдующую маленькую повѣсть его любви.

Вотъ она:

Однимъ Облачковъ, одѣтый въ щегольской департаментскій мундиръ, возвращался изъ должности съ своимъ товарищемъ, послѣ полученія «сизъ». Облачковъ былъ тогда чиновникъ комъ-аль-фо, поэтическаго дара въ себѣ не подозревалъ, а служилъ гладенько, ровненько, какъ подобаетъ департаментскому чиновнику. «Сизъ» онъ получалъ всегда, то-есть сдавалъ съ красненькой семь съ половиною копѣекъ, которая всегда приготавлиалъ къ сладостному двадцать-третьему числу. Скушавши съ товарищемъ котлетку въ приличномъ трактирчикѣ, пропустивъ предварительно десятикопѣечную рюмочку, онъ началъ мечтать о другихъ блаженствахъ.

— А какъ бы насчетъ того?.. спросилъ онъ товарища, плутовски подмигнувши лѣвымъ глазомъ.

— Райскіе чертоги нашему жалованью не доступны, отвѣчалъ товарищъ, только-что прочитавшій Марлинскаго: — а не хочешь ли я сведу тебя въ портерную?

— Въ портерную чиновнику входить какъ-то неловко: какой-нибудь завистникъ изъ нашего же брата пожалуй увидитъ и доверитъ...

— Это въ глазахъ и вѣсть, такъ-сказать вдали отъ правительственнаго оца, то-есть на Петербургской сторонѣ.

— Да чиста ли портерная? можетъ-быть тамъ присутствуютъ какіе-нибудь ново-жанръ?..

Словцо ново-жанръ Облачковъ только-что заимствовалъ отъ своего столоначальника и немедленно пустилъ его въ оборотъ. Да и самъ-то столоначальникъ пользовался имъ небалѣе двухъ съ половиною сутокъ, считая со дня услышанія его изъ директорскихъ устъ.

— Я тебя потому хочу свести въ эту портерную, что тамъ есть одно совершенство.

— Какое совершенство?

— Тамъ есть одна пѣвица... Ахъ, еслибы ты видѣлъ, какъ она хороша!.. недавно еще практикуется въ пѣвіи; а поклонникамъ отбою нѣтъ... Ты видѣлъ Венеру?..

— То-есть какъ это Венеру?.. въ какомъ отношеніи?

— Да нѣтъ, говори ты — видѣлъ Венеру?.. Говори, видѣлъ?

— Ну, положимъ, видѣлъ.

— Такъ вотъ ее еще разъ увидишь въ самомъ дѣлѣ, не на картинѣ.

Пылкое воображеніе Облачкова, какъ видно изъ этого, еще не натянута на метрическую колодку, не распято въ четырехсторонномъ стихѣ, разгулялось до высочайшей степени. Онъ уже заранѣе мечталъ увидѣть въ портерной что-то веселое и охотно послѣдовалъ совѣту товарища. Хотя съ робостью, нерѣшительностью, но съ какимъ-то сладостнымъ замѣраемъ сердца Облачковъ вошелъ вслѣдъ за товарищемъ въ низенькія двери портерной.

Картина извѣстная: шаговъ въ десять комната, оклеенная обоями, до того закоптѣвшими отъ табачнаго дыма, что трудно было различить ихъ цвѣтъ. Рядъ красныхъ столовъ, а въ углу китайскій бильярдъ, на которомъ упражнялись двое мастеровыхъ; какой-то небритый джентльменъ уперши скрипку въ подбородокъ, наяривалъ «Было дѣло подъ Полтавой»; какая-то дѣвушка, вѣроятно пѣвица, разглаживала накрахмаленную шапку. Благоприличный тогда Облачковъ смерщился, увидя отъ обыкновеннаго лица гладильщицы.

— Куда ты меня завелъ? спросилъ онъ.

— А вотъ погоди, увидишь, отвѣчалъ товарищъ, и спросилъ для близира двѣ бутылки вина и двѣ папирозы.. . . .

— Въ какую цѣну прикажете, въ двѣ или въ три?

— Въ три, Добровольскаго.

Въ отворенной двери, словно какъ на картинѣ появилась дѣвушка. Облачковъ взглянулъ и обомлѣлъ.

Въ дверяхъ стояла красавица лѣтъ семнадцати, съ легкимъ румянцемъ на щекахъ. Миниатюрный овалъ ея личика еще болѣе выигрывалъ отъ золотистыхъ волосъ, какъ-то небрежно зачесанныхъ назадъ. Они были ловко подхвачены булавкой, конечно мѣдной, но казавшейся издали золотою. Красавица стояла недвижно, только было едва замѣтно какъ отъ дыханія тихо колыхалась ея грудь... Освѣщеніе ли, падавшее изъ тусклаго окна было очень эффектно, или ея неподвижность, придававшая ея стройному стану что-то картинное, только она была въ эту минуту необыкновенно хороша; ее даже странно было видѣть въ такомъ мѣстѣ. Это былъ конечно одинъ изъ такихъ случаевъ, которые никогда не повторятся въ вашей столицѣ. Здѣсь хорошихъ умѣютъ разглядывать и знаютъ имъ цѣну.

— Видишь?.. спросилъ многозначительно товарищъ.

— Вижу, ничего нѣтъ особеннаго, недуренькая дѣвушка...

Между тѣмъ недуренькая дѣвушка, позѣвавши, опять скрылась.

— Куда же она ушла? спросилъ Облачковъ.

— А тебя это интересуетъ?.. известно куда!.. спать. Видишь она зѣваетъ, не выспалась.

Облачкову какъ-то не понравился отвѣтъ товарища и его испытующій взглядъ; онъ старался избѣгать его взгляда.

— Я пойду къ ней, сказалъ товарищъ.

— Зачѣмъ? спросилъ Облачковъ нѣсколько задыхающимся голосомъ.

— Странный человѣкъ, словно я тебѣ долженъ отдавать отчетъ куда я иду? зачѣмъ?.. Пойду къ ней въ каморку, да и кончено; пораспрошу отчего она не выходитъ?

— Да пора домой!.. ну выпили и будетъ: здѣсь неловко долго сидѣть.

Но товарищъ его не слушалъ и отправился вслѣдъ за дѣвушкой.

Богъ его знаетъ отчего, только Облачковъ все надѣялся, что товарищъ сейчасъ выйдетъ оттуда, но когда дверь каморки затворилась, сердце Облачкова мучительно заняло, неизвѣстно

отчего. Онъ хотѣлъ-было постучаться въ двери, но какъ-то удержался.

— Съ чего, съ какой стати я буду ревновать къ обыкновенной дѣвушкѣ, да еще въ такомъ мѣстѣ?.. Мало ли кромѣ насъ сюда приходятъ и уходятъ?.. Вѣдь я буду въ глазахъ его смѣшны.

Это на минутку поохолодило его, но вскорѣ сердце его снова мучительно заняло.

Напрасно онъ твердилъ самъ себѣ: «что за глупость, что за пошлость!» какъ-то невѣдомая досель муки, какъ волны къ берегу, то прихлынуть къ сердцу, то отхлынуть.

Четверть часа показалась ему четвертью столѣтій. Онъ сталъ уже прикидывать предлогъ, какъ бы половчѣ прекратить эту бесѣду.

— А послушай, у тебя моя сигарочница? крикнулъ за перегородку Облачковъ. Голосъ его звучалъ какимъ-то болѣзненнымъ, умоляющимъ тономъ. Видно было, что онъ хотѣлъ что-то другое сказать.

— Ну тебя съ твоей сигарочницей! отвѣчалъ тотъ какъ-то нехотя.

Прошло еще нѣсколько мучительныхъ минутъ для Облаčkova; наконецъ что-то за стѣной прощужало, дверь черезъ минуту скрипнула и товарищъ Облаčkova вышелъ въ молниеносномъ снѣженіи департаментскаго вицъ-мундира.

У послѣдняго словно гора свалилась съ плечъ и онъ, стараясь принять веселый, беззаботный видъ, сказалъ :

— Представь, братъ, я и забылъ, что порт-сигаръ дома оставилъ. Экой я, право, разсѣянный!

Въ это время опять появилась дѣвушка въ дверяхъ и опять остановилась. Облачковъ взглянулъ на нее и вздрогнулъ : она была еще лучше. Коса улеглась какъ-то небрежнѣй, что придавало дѣвушкѣ другой, болѣе граціозный видъ. Она слегка раскраснѣлась, что увеличило ея красоту и удесятирило мученія Облаčkova.

Дѣвушка постояла, постояла въ дверяхъ какъ прежде, и вѣроятно видя, что никого нѣтъ изъ посѣтителей, ушла совсѣмъ. Нужножъ было какъ нарочно всему случиться такъ, чтобы окончательно отуманить голову будущаго поэта. Въ портерной кромѣ ихъ двоихъ никого не было; мастеровые и гладильщица

убрались. Значитъ не было случая, чтобъ поведеніе заинтересовавшей дѣвушки выказалось въ какой-нибудь безобразной выходкѣ. Побесѣдуй еще съ нею человѣка два кромѣ товарища и илюзія бы исчезла. Самая фамиллярность дѣвы была бы тогда лучшимъ лекарствомъ отъ любовной горячки и Облачковъ бы живо отрезвился.

Къ довершенію всѣхъ бѣдъ пріятель словно подсаживалъ соли съ толченымъ стекломъ въ начинающую гноиться сердечную ранку Облачкова.

— Ты не знаешь, братъ, что это за несчастная дѣвочка! говоришь товарищъ дорогій: — она всего здѣсь шестой день; ее соблазнилъ какой-то негодяй, завезъ нарочью сюда и бросилъ вѣсь... Я ее непременно возьму къ себѣ жить. Какая душа!.. Ахъ, еслибы ты знала что за мышка!..

Облачковъ былъ въ эти минуты словно подъ ногами, словно пріятель, воткнувши ему кинжалъ въ грудь, тиховыко его перерезывала, расщепляла рану. Чудная красота, паденію отъ благородной довѣрливости, мысль, что можетъ-быть въ эту минуту бесѣдуетъ съ нею другой посѣтитель, несчастная обязанность изъ-за того только, чтобъ не вытолкали въ шеню въ послѣднѣе пріѣзда, отвѣчать ласкамъ каждаго мастерового и къ атому этому полная невозможность помочь ей. Пріятель конечно вралъ: онъ точно также голодалъ на девяти рубляхъ, ему да до содержанокъ! Ахъ, какъ бы въ эту минуту Облачкову хотѣлось быть богачомъ! Онъ только въ эту минуту понялъ какъ хорошо быть богатымъ!..

Онъ въ одно бы мгновеніе стрѣлой долетѣлъ на павоцннѣ, запылилъ бы въ горло портерщика пачку асигнацій и повезъ бы ее, ему благодарную, имъ спасенную въ первую отель въ столицѣ. Онъ окружилъ бы ее покоемъ, счастіемъ, былъ бы ея рабомъ, молился бы ей!

Отъ такой кутерьмы въ головѣ, отъ такого душевнаго урагана всякій умный человѣкъ сдѣлался бы поэтомъ. Вдругъ въ головѣ Облачкова блеснула гениальная по его мнѣнію мысль: «А что, вѣдь у меня въ карманѣ еще восемь рублей! Я вѣдь на насъ такое же право, какъ и всѣ; вѣдь это «общая собственность». Положимъ я далеко отъ почтлестей, но покрайней мѣрѣ увижу ее, буду съ нею говорить, брать ее за руку. Все равно, я заплачу же ей деньги».

— А мнѣ, братъ, надо къ одному чиновнику зайти! сказалъ Облачковъ товарищу: — прощай!

— Кудажь ты, братъ, пойдешь, сыграемъ на бильярдѣ!

— Ейбогу, нужно; важное дѣло. Все равно, вечеромъ къ тебѣ зайду.

— Ты всегда такая свинья!..

И товарищи разошлись.

Облачковъ направилъ стопы въ переулочекъ совершенно противуположный отъ того, который велъ въ портерную, чтобы пріятель не догадался, и ставши за угломъ, долго выжидалъ пока послѣдній не скрылся изъ вида. Извозчиковъ не попалось по дорогѣ и онъ во весь духъ пустился снова въ портерную.

Онъ отчасти былъ радъ, что его красавицы не было тутъ на лицо, потомучто она избѣгнула покрайней-мѣрѣ посѣтителей. Вошли въ общую еще двѣ какихъ-то новыхъ пѣвицы, которыя Облачкову показались отвратительными.

— Что вы, баринъ, такой скучный? Хоть бы папиросками «дѣвушкамъ» поподчивали! замѣтила одна изъ сиренъ.

Чтобъ отъ нихъ отвязаться, Облачковъ велѣлъ подать имъ четыре папирсы. Ему было не до того: сердце у него стучало какъ молотокъ и онъ съ нетерпѣніемъ поглядывалъ на дверь, въ которой, какъ призракъ отъ волшебнаго фонаря, два раза появлялось его божество, его солнце!..

Прошолъ цѣлый часъ, а ея не было. Онъ искурилъ папирсъ на цѣлый двугривенный, истратилъ полтинникъ на пиво для неотвязчивыхъ цирпей, а ея все не было. Сердце его изнывало, онъ страдалъ страшно, а все не рѣшался спросить про нее, да и какъ спросить, когда онъ даже не зналъ ея имени, а у товарища спросить позабылъ.

— Много ли у васъ здѣсь дѣвушекъ? обратился онъ робко съ вопросомъ къ одной изъ присутствующихъ. Ему казалось, что такъ вотъ всѣ и знаютъ, что онъ влюбленъ въ такую-то, что у него на лбу это написано.

— Четыре, баринъ, четыре! А что вамъ?

«Четыре, подумалъ Облачковъ: — а двѣ на лицо, значить недостаетъ только той, которая разглаживала юпку, да ея. Какже теперь про нее-то спросить? А развѣ вотъ какъ:

— А гдѣ та, которая разглаживала юпку, пухлое лицо такое?..

— Ахъ, это Матрешка Тартарова! Въ трактирѣ чай пьеть. Поставьте бутылочку пивца, я вамъ ее позову.

— Нѣтъ, я такъ только спросилъ.

Ему не Матрешку Тартарову было нужно: онъ все добирался до той, которою была полна его душа, только совѣстился спросить прямо... Однако онъ изобрѣлъ способъ дознаться не открывая другамъ, какую именно желалъ бы видѣть. Любовь изобрѣтательна.

— Тебя какъ *бранять-то*? обратился онъ шутя къ одной дѣвѣ.

— Федора.

— А тебя?

— Хавронья.

— Ну, а ту?

— Матрешкой Тартаровой.

— А какъ четвертую-то зовутъ?.. спросилъ онъ задыхающимся голосомъ и съ страшнымъ волненіемъ ожидалъ отвѣта.

— Ахъ эту *хорошенькую-то*?.. Наталья. Она скоро придетъ.

У Облачкова отлегло отъ сердца. За такое радостное извѣстіе онъ поставилъ дѣвамъ двѣ бутылки пива.

Въ это время ввалилось въ дверь два какихъ-то здоровенныхъ мужчины. По нахальному выраженію лица одного изъ нихъ и нѣкоторымъ замашкамъ, видно было что это былъ лакей «чистѣйшей хамской крови», какъ выражались до 19 февраля.

— А гдѣ моя Наташа?.. спросилъ онъ, обратясь небрежно къ портерщику, играя мѣдной цѣпочкой отъ часовъ.

— Ушла куда-то, отвѣчалъ тотъ.

При словахъ: *моя Наташа*, словно кто кинжаломъ стукнулъ въ сердце Облачкова: оно болѣзненно сжалось, заняло и мысли, одна другой мучительнѣе загомосились въ головѣ.

— Онъ значить имѣетъ причины говорить: «моя Наташа...» и эта угрюмая рожа, хамъ во фракѣ, у котораго вмѣсто души — гнѣвъ, какимъ онъ чиститъ барину панталоны... Боже, Боже мой! даже подумать страшно!.. Тутъ воображеніе будущаго поэта начало рисовать картины, одна другой сладострастиѣ, одна другой мучительнѣй, иссушая мозгъ, кипятя кровь... Еще-бъ такнхъ минутъ пятокъ, и жадная смерть застучала-бъ могильной лопатой въ его еще не окрѣпшую для страданій

грудь. Онъ былъ очень не дурень собой; ему было всего двадцать-три года.

Но судьба словно сжалилась надъ нимъ. Она отложила свои пытки; хоть на короткой срокъ, а отложила.

Такъ и кошка, поймавшая мышонка, выпускаетъ его изъ зубовъ, даетъ ему вѣсколько поиграть...

— Скажи ей! сказалъ лакей, обратясь къ портершану: — что я приду завтра въ такое же время, и чтобъ она меня непременно ждала!

— Слушаю-съ, будетъ въ тошности исполнено, отвѣчалъ тотъ, дорожа щедрымъ гостемъ, который уже не разъ здѣсь прокучивалъ половину подтибранныхъ у барина въ тотъ день денегъ.

Съ сердца Облачкова словно свалился пяти-пудовый камень; онъ съ жадностью пожиралъ глазами лакея, молилъ въ душѣ Бога, чтобы тотъ внушилъ ему поскорѣе мысль убраться отсюда, до прихода Наташи. Только-что лакей съ товарищемъ ушли, какъ въ другихъ дверяхъ показалась *его Наташа*. Она на этотъ разъ была въ какомъ-то темномъ платьѣ, что придавало ея серебристымъ плечамъ и чуть-чуть открытой груди какой-то серебристый отливъ. Голова у ней была зачесана какъ-то поновому, но къ лицу. Тутъ-то Облачковъ только разглядѣлъ ея роскошную косу... Сердце его сладко обливалось кровью отъ одной мысли, что настала сладостная минута... Онъ ужъ порывался позвать ее въ сосѣдную комнату, но все существо его какъ-то прыгало, порывалось куда-то, мѣшало спокойно высказаться языку. Однако онъ задыхаясь, проговорилъ ей: «неудобно ли вамъ поговорить со мною?..» Я уже сказалъ выше, что онъ былъ далекъ отъ всего пошлаго, и когда она послѣдовала за нимъ въ комнатку, сама заперла щеколдой дверь, онъ былъ на верху того нестерпимаго блаженства, которое такъ же томить, тяготить человѣка, какъ и горе, но зато, за эти минуты блаженства человѣкъ и расплачивается нѣскими годами страданій. Это блаженство неизмѣримо, выше блаженства первой ночи молодого барина, наследника вѣсколькихъ тысячъ душъ, незнавшаго весь вѣкъ нужды, наконецъ благополучно есочетавшагося съ каменнымъ пяти-этажнымъ домомъ и двумястами тысячъ въ ломбардѣ. Наслажденія, удовольствія жизни для него приѣлись, потеряли свой букетъ, свою поэзію, нѣтъ те-

рицетъ: поспѣе разговорѣны въ паску въ глазахъ челоуѣна, который весь великій постъ питался ливерными колбасами, индѣйками съ перемона, поросятами подь хрѣномъ и тому подобнымъ. Невѣста богача, спору нѣтъ, хороша какъ роза, чиста какъ голубица; но тутъ нѣтъ поэзіи страданій, поэзіи самоотверженія.

Тутъ женихъ и невѣста ничѣмъ особеннымъ не жертвуютъ другъ для друга; какъ тотъ, такъ и та сочетались, потому что это прѣличная во всѣхъ отношеніяхъ партія. Нѣтъ, другое дѣло, вытанцовши любимую дѣвушку изъ омута разврата, пожертвовавши для нея послѣднимъ фракомъ, рублемъ — испытать блаженство, когда она вся превратившаяся въ благодарность, падежъ въ твои объятія... Тутъ нечего ожидать цѣломудрія, чистоты, которыя такъ легко сохранить дѣвцамъ достаточнымъ; тутъ другое наслажденіе, въ миллионъ-миллионовъ разъ высшее, болѣе тонкое, чѣмъ акуратность въ отпращеніи животнаго products...

Вотъ какого блаженства добивался Облачковъ, вотъ почему онъ чуть не задохся отъ прилива крови къ сердцу, когда обнаженная во локоть ручка заперла можетъ-быть по привычкѣ дверь щеколдой. Да, такое блаженство невыносимо и несравнимо. Какъ трудно простому глазу вынести ослѣпительный свѣтъ солнца, такъ трудно душѣ перевести такую роскошь, такой избытокъ восторга. Они остались глазъ на глазъ, въ комнаткѣ въ какихъ-нибудь квадратныхъ два аршина...

Кровь такъ въ немъ бушевала, невыразимо сладкій восторгъ такъ охватилъ все его существо, что онъ не зналъ, какъ приоткрыть къ дѣлу, съ чего начать разговоръ. Ему бы хотѣлось высказать многое, что у него лежало на сердцѣ, неотвязно просилось наружу, но онъ не рѣшался.

Будь она образованная дѣвушка, изъ порядочнаго дома, привыкшая отъ чтенія романовъ ко всѣмъ тонкостямъ любовной діалектики, другое дѣло. Но передъ нимъ сидѣла дѣвушка, хотя и любимая больше всего на свѣтѣ, но богъ-знаетъ какого склада понятій; не покажется ли ей это дико, смѣшно? Наконецъ, чтеніе даромъ тратитъ время попустому? Можетъ-быть она связана съ хозяиномъ заведенія такъ, что у нея каждая минута дорога. На пошлости онъ не рѣшился бы, хоть убей, поэтому сидѣлъ передъ нею минутъ пять какъ истуканъ, подь ея вслытующимъ вопросительнымъ взглядомъ. Что означалъ этотъ

взглядъ, послѣ увидимъ. Однако, онъ успѣлъ выбраться на прямую дорогу, инстинктивно. Вынувши изъ порт-моне четыре рублевыхъ, онъ положилъ ихъ на столъ и сказалъ, взявши ее за руку:

— Слушайте! позвольте васъ просить просидѣть со мною здѣсь четыре часа, поговорить съ вами, а, чтобъ нестѣснять васъ въ отношеніи къ хозяину, передайте ему изъ этихъ денегъ сколько знаете; остальное возьмите себѣ... Извините, что предлагаю деньги. Видитъ Богъ, что я нехочу этими васъ оскорбить и самъ горько заплакалъ.

Что-то вродѣ радости и удивленія блеснуло въ ея глазахъ; она, бѣдняжка, ни отъ кого не получала такихъ денегъ, за то только, чтобъ просидѣть съ молодымъ человѣкомъ четыре часа...

Другая бы на ея мѣстѣ, окончательно падшая, сейчасъ бы пала въ объятія къ щедрому молодому человѣку и очистила бы à ргорозъ весь бумажникъ; но она вся зардѣлась какъ маковъ цвѣтъ и не знала что отвѣчать; спрятать ли подъ корсажъ депозитки, или отдать ихъ назадъ.

Это-то и вывело Облачкова на большую дорогу, это-то и показало ему, что она недавно сорванная роза и безжалостно брошена въ грязь... Глаза Облачкова наполнились самыми сладкими и вмѣстѣ самыми горькими слезами. Онъ взялъ ея бѣленькую ручку и сталъ покрывать ее поцѣлуями до самаго обнаженного локотка... Будь онъ, хоть добръ, но старъ, хилъ, или неовратно одѣтъ — вышло бы что-нибудь другое: она непременно отдернула бы руку, и даже засмѣялась. Но она была женщина, больше несчастная, чѣмъ падшая; она не могла не замѣтить, что Облачковъ, глядящій на нее невыразимо восторженно, былъ хорошъ въ эту минуту. Онъ былъ одѣтъ такъ щегольски, предложилъ такія деньги, такъ ловко обойдя все щекотливое, такъ чистосердечно «заразительно» заплакалъ, что все это помогло не броситься ей въ глаза. Сравнивъ, вообразивши наконецъ, какая бездна разницы лежитъ между этимъ неопытнымъ еще чистымъ юношей и тѣми небритыми джентльменами, съ мѣдными цѣпочками, она при всемъ «насильственномъ паденіи», не могла быть непоражена страшнымъ контрастомъ. Она тихо обвила его шею, склонила голову къ нему на грудь и сама зарыдала. Такимъ образомъ они просидѣли въ объятіяхъ другъ друга, плача на всерьь, цѣлыхъ полтора часа. Они оба унеслись въ далекій невѣдомый

многими міръ, они оба позабыли, что сидятъ въ коморкѣ грязной пертерной, что содержатель, какъ жадный ястребъ, ждетъ обычной своей подачи...

Они даже не слышали какъ часы били пять, шесть, семь, восемь, не слышали какъ въ сосѣднихъ комнатахъ гомозились разные посѣтители, отпускали стереотипныя любезности и проч., и проч. Свѣчка давно догорѣла и погасла. Послѣ семи часовъ хозяйш было выталса напомнить про какіе-то расчеты, но пылавшая страстью Наташа скомкала въ шарикъ три рублевыхъ въ ладони и бросила ихъ хозяйну черезъ перегородку, проговоривши гордо: «получи!..» Пробыло восемь, девять, десять, одиннадцать, а Облачкова съ Наташей не было на землѣ...

Чѣмъ больше они шептались, говорили про свое прошедшее, тѣмъ сильнѣе влюблялись другъ въ друга...

Наконецъ настало время подъ опасеніемъ строгаго штрафа заперать заведеніе. И посѣтителямъ и даже пѣвицамъ, прикочывавшимъ сюда только днемъ, настало время убираться по домамъ.

— Поѣдемъ ко мнѣ! сказалъ, задыхался отъ страсти, Облачковъ.

— Поѣдемъ, я твоя! отвѣчала Наташа.

— Извозчикъ! крикнулъ Облачковъ.

Сѣли на извозника.

— Мнѣ мерзко вспомнить гдѣ я провела цѣлую недѣлю!..

Она уже успѣла рассказать ему всю свою исторію оболъщенія. Ничего въ ней нѣтъ особенно новаго. Больше ничего, какъ въ домъ ея отца, чиновника казенной палаты, смоленской или витебской, началъ, годъ назадъ, похаживать красивый молодой чиновникъ подъ видомъ родственника. Онъ былъ румяненкій, смазливенькій молодой человекъ, сынъ богатаго помѣщика, щеголялъ всегда въ брилліантовыхъ перстняхъ, былъ щедръ на подарки, поэтому очень легко и вскружилъ голову тогда еще глупенькой Наташѣ. Они сговорились имѣть свиданіе въ какой-то подгородной роцѣ, куда Наташа хаживала съ бывшею съ нею за одно горничной, большой мастерицей сводить два любящихъ сердца. Не прошло и недѣли послѣ упительныхъ лобзавій и сладостныхъ свиданій, какъ отецъ оболъстителя отправилъ сына быть баклаши въ столицѣ, приписавъ его къ какому-то департаменту.

Сыночекъ увезъ Наташу въ Питеръ, которая въ условлен- ный срокъ убѣжала отъ отца. Поживши съ Наташей въ какой- то гостиницѣ, на Гороховой, онъ отличившимъ образомъ про- мотался, проигрался и ему было не до нея, — она успѣла разу- мѣется опротивѣть.

Глупѣйшая исторія, повторявшаяся сто биллионовъ разъ со временемъ Адама и Евы, поэтому и рассказывать ее не хочется; а дѣлаешь это для послѣдовательности. Сговорившись съ пор- терщикомъ, давши ему впрочемъ пятьдесятъ рублей на содер- жаніе подруги, не «въ самой портерной», а у себя дома, помѣ- щичій сыночекъ уекакалъ къ отцу, который только-что передъ его отъѣздомъ выслалъ ему пятьсотъ рублей.

— Не хочу быть чиновникомъ, папенька, хочу быть гуса- ромъ!..

— Ну, въ гусары, такъ въ гусары.

И сдѣлался помѣщичій сыночекъ гусарскимъ юнкеромъ. Жад- ный портерщикъ поврекалъ хлѣбомъ-солью несчастную Ната- шу, когда по его расчету вышли всѣ пятьдесятъ рублей, а объ- обольститель не было ни слуху, ни духу. Къ красавицѣ подѣл- жалъ съ гостинодворскими любезностями сыночекъ портерщика, бывшій прикащикомъ въ какой-то лавкѣ. Однимъ словомъ, она не потѣшила сыночка и была безъ церемоніи прогнана въ «общую», куда прикочовывали разныя пѣвицы, вродѣ soprano Матрешки Тартаровой... Хорошо еще, что всего-то пришлось пробыть ей въ этомъ вертепѣ недѣлю. Тяжело описывать такія вещи, да инымъ еще покажется неприличнымъ...

Есть люди, которые удивительно строго берегутъ свое бла- гопріятіе, ропшутъ на автора за каждое нескромное слово, за всякую лишнюю, по ихъ мнѣнію, откровенность, а поступаютъ право не лучше этого негодяя, помѣщичьяго сынка. Большин- ство же, то-есть столпы-то отечества, вѣчные блюстители чистоты слога, пѣломудрія на бумагѣ, непременно стануть роптать, что я помѣстивъ мою героиню въ «такомъ заведеніи...» Да, мы ужасно боимся нескромныхъ словъ, но не прочь отъ темныхъ дѣлъ, лишь бы удалось ихъ совершить въ глубочайшей тайнѣ, нисколько себя не компрометируя. Оттого-то кругомъ насъ, надъ нами, подъ нами — слезы, предательство, обманъ, распут- ство, грязное нищенство, которое день ото дня все же просвѣ- чиваетъ сквозь мишуру проматывающихся сословій...

То ли дѣло, мы, достаточные, зажиточные господа, живемъ себѣ припѣваючи, въ отличныхъ теплыхъ комнатахъ, незнаемъ съ младенчества ни бѣдности, ни печалей: ѣсть захотимъ — подадутъ, кататься по городу вздумаемъ — запрягутъ. Какое вамъ дѣло знать какъ эти бѣдные колотятся изъ-за гроша; какъ гнусные сластолюбцы оболъщаютъ несчастныхъ дурочекъ; какъ наконецъ эти дурочки сразу дѣлаются умными, когда узнаютъ всю подлость оболъстателя, и чтобъ не замерзнуть за дверью, не умереть съ голоду, впадаютъ въ развратъ. До этого намъ никакого дѣла нѣтъ. Описывайте намъ благовонныя гостинныя, прекрасныхъ рыцарей въ парижскихъ фракахъ, вымаливающихъ слово любви у цѣломудренныхъ дѣвъ, которыя перѣдко потому и цѣломудренны, что ихъ стерегутъ сорокъ паръ глазъ...

Какъ былъ счастливъ Облачковъ въ этотъ день, такъ и сказать нельзя. Всю дорогу принималъ свою возлюбленную къ сердцу и ужъ именно согрѣвалъ ее поцѣлуями. Къ лучшему или худшему извѣстникъ попался впреломъ, кляча преуврѣмая, преострастительная. Ее ударять кнутомъ, она вмѣсто того чтобъ прибавить рыси, только лягается. Надо замѣтить, чтобъ не забыть, что хитрый содержатель заведенія съ умысломъ отпустилъ Наташу съ Облачковымъ: онъ зналъ, что тотъ придетъ за ея паспортомъ. Такъ и случилось. Когда Облачковъ пришелъ за ея паспортомъ, содержатель заломилъ съ него двадцать-пять рублей, грозя въ противномъ случаѣ вытребовать Наташу черезъ полицію, объявить объ ея дурномъ поведеніи и дать ей документъ извѣстнаго цвѣта. Каково было положеніе Облачкова, когда онъ, убѣдившись въ нравственныхъ достоинствахъ Наташи, хотѣлъ во чтобы то ни стало жениться на ней. Ко всему этому не было ни рубля денегъ. Напрасно онъ горячился, грозилъ содержателю Сибирью за насильственное вовлеченіе дѣвушку въ порочную жизнь — ничто не помогало. Согласились наконецъ на томъ, что Облачковъ долженъ былъ уплатить содержателю заведенія пятнадцать рублей, изъ которыхъ пять сейчасъ же, а на остальные дать росписку. Но гдѣ же взять и пять рублей, когда ихъ нѣтъ?

Между тѣмъ на другое утро новую «оригинальную» чету ожидала та пошлая проза жизни, которая въ состояніи охолодить любовь самой «благовоспитанной молодой». Но не такова была Наташа. Въ любовь съ каждымъ часомъ разгоралась все

сильнѣе и сильнѣе, какъ тѣ пожары, которые случаются въ большихъ масляныхъ, спиртныхъ и винныхъ магазинахъ. Но прежде чѣмъ толковать о житейскихъ дрязгахъ, нуждахъ, которыя вѣсѣмъ и въ жизни—то надоѣли, поговоримъ о поэзіи любви.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше, яснѣе раскрывалась прекрасная душа Наташи. Какъ всякая женщина, не лишонная «хозяйскаго» глаза, она съ перваго шага въ новое жилище не могла не замѣтить какъ все въ немъ было мизерно. Два стульчика, вѣроятно хозяйскіе, облѣзлый комодецъ, зеркальцо, въ которомъ глядѣвшійся могъ видѣть только кончикъ собственнаго своего носа — все это не сулило комфорта, изобилія не только въ будущемъ, даже въ медовый мѣсяцъ. Облачковъ даже затруднился въ раслатѣ съ извѣстникомъ и подѣ предложилъ, что вѣтъ мелкихъ, а все крупные, занялъ четвертакъ у хозяевъ. Бѣдняга, получая скудное жалованье, да пользуясь кой—какими гривенниками, перепалавшими отъ сострадательныхъ просителей, не могъ очень разгуляться по части комфорта. Какъ всѣ галантерейные петербургскіе чиновники, подающіе большія надежды по мнѣнію ихъ начальниковъ, онъ проживался на платьѣ: на брюхѣ шолкъ, а въ брюхѣ шолкъ.

Наташа на первый случай, до дальнѣйшихъ разъясненій дѣла предъ хозяевами, была окрещена двоюродной сестрицей. Облачковъ засуетился было, чтобъ сочинить ужинъ, состоящій у бѣдняковъ какъ извѣстно изъ куска оставшейся отъ обѣда говядины и какой—то окиси подогрѣтыхъ щей. Но Наташа по своему тонкому женскому инстинкту, по какой—то благородной аристократической щекотливости, ниспосылаемой Богомъ безъ разбору на сословія, не хотѣла своего «возлюбленнаго» заставить страдать за свою явную бѣдность. Она отказалась наотрѣвъ отъ всякаго ужина и просила только «гдѣ—нибудь» ей постлатъ постель. Читатель можетъ—быть не повѣритъ до какой высокой степени благородства достигли въ квартирѣ Облачкова отношенія этихъ двухъ особъ. Можетъ—быть подобная случайность при такой повидимому пошлой обстановкѣ произошла въ первый разъ въ Петербургѣ, считая съ его основанія въ 1703 году, и конечно въ послѣдній.

Свѣтъ — театръ, люди — актеры. Шекспиръ декламировалъ на сценѣ имъ же сочиненныя піесы среди дырявыхъ декораций походнаго театра, однако это не мѣшало ему исторгать

слезы изъ глазъ зрителей, не помѣшало ему сдѣлаться «Шекспиромъ».

Наташѣ Облачковъ постлалъ постель отдѣльно, какъ двоюродной сестрѣ, самъ устроился на полу, загасилъ свѣчку во избѣжаніе нѣкоторыхъ неудобствъ и улегся. Постель Наташи не была лишена «нѣ котораго» комфорта, какого только возможно было ожидать отъ чистенькаго, акуратненькаго Облачкова. Однако это не помѣшало ей всю ночь проворочаться съ боку на бокъ, не сомкнуть глазъ. Положеніе несчастной падшей дѣвушки было такъ ново, даже странно; будущее очевидно не предвѣщало ничего отраднаго, поэтому было о чемъ подумать.

Мысли, умозаключенія, догадки, воспоминанія какъ шіры быстро пронеслись въ головѣ Наташи, оставляя за собою цѣлый рядъ тревогъ, сопровождались болѣзненнымъ изнываніемъ сердца, какими-то «сухими», но ѣдкими какъ дымъ слезами, которыя только жгутъ глаза, сверлятъ сердце, но не могутъ пролиться облегчающей влагой. Долго было бы пересказывать все что она передумала въ эту ночь. Облачкову тоже было не до сна. Поутру (это было осенью) когда свѣтъ, какой-то сѣрый, пробился между половинками неплотно какъ солдатская шинель, вртворившихся ставней, Облачковъ тихохонько приподнялся съ постели. Часы шипѣли, шипѣли и пробили наконецъ шесть, но какъ-то вяло, сонно, лѣниво, какъ вяло, сонно теченіе дѣлъ въ нашихъ прилежныхъ мѣстахъ. «Пора вставать!» подумалъ Облачковъ и сталъ тихохонько приподниматься съ полу, вродѣ того, какъ мертвецы на театрахъ встаютъ изъ гробовъ. Колѣнко несмотря на всю его осторожность громко хруснуло, закрипѣла какая-то «глупая» половица, но все это осталось безъ особенныхъ послѣдствій: его возлюбленная не проснулась, а спала тихо, чуть-чуть переводя дыханіе, словно лежала во гробѣ. Она бѣдняжка дотога умаялась отъ этихъ всѣхъ дневныхъ тревогъ, которыя въ такомъ изобиліи ниспосылаются судьбою на бѣдныхъ, что ея молодая, свѣжая натура взяла свое.

«Вотъ бы нарисовать!» подумалъ Облачковъ, любуясь ея нежными плечиками, немножко спустившейся съ груди рубашкой. Онъ долго смотрѣлъ на нее, какъ-то сладко дыша, чувствуя вмѣстѣ какое-то легкое щекотаніе крови и безпредѣльную, высокую любовь, готовую на всѣ самопожертвованія. Тутъ «горькая существенность», напомнившая о себѣ не совѣтъ-то

серебристымъ бѣлымъ Наташѣ, словно нишалою ступила въ сердце бѣдняка чиновника и онъ вины свалился съ облаковъ.

«Надо идти къ казначею, вымолить во что бы то ни стало хоть за два мѣсяца впередъ. Тутъ словно подвѣвала другая мысль: ахъ, вѣдь надо взять ея паспортъ! Нельзяжъ безъ паспорта... Этотъ подлець еще заломитъ чортъ знаетъ что,

Тутъ онъ началъ соображать только еще «не требующіе отлагательства» расходы и то оказалось необходимымъ менше тридцати рублей. Даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ отъ казначея можно было только поживиться десятнадцатю съ половиной. Въ одно мгновеніе онъ мысленно пронасмѣя притворъ новому вид-мундиру и даже серебрянымъ, съ золоченой доской чаганъ. «Чтожъ, думалъ онъ, шубочку можно оставить; если спросать, который часъ, можно сказать, что отдалъ въ починку». Забравши съ собою нѣжныя клавины, щотинъ, вакеу, онъ тихонько выбрался въ сѣни и началъ на холодакъ преусердно вудить сапоги. Тѣмъ же порядкомъ, во-есть тихонько входя и уходя, онъ окончателью облачился.

Словхатившись, что нѣтъ ни крошки ни чаю, ни сахару, онъ ударился въ знакомую лавочку и кстатн вспомнилъ о кофеѣ. Наговоривши съ три короба лавочнику о безсмертн души, о какой-то войнѣ, которая будто непремѣнно должна начаться съ весны, онъ прямо поворотилъ къ самому сугъ. Лавочникъ, отумаленный такимъ взбѣлиемъ политическихъ и всякихъ звѣстій, не заглянулъ въ книжечку, гдѣ числилось за Облачковымъ цѣлымъ три рубля — отпустилъ и кофе, и сливки, и чай, и сахаръ, — всего на три раза.

Это хоть немножко облегчло Облачкова. Такой эгозой подѣлялъ онъ къ сорокалѣтнѣй рябой хозяйкѣ, наговорилъ старухѣ комплиментовъ, даже прикинулся нѣсколько влюбленнымъ, и спросилъ скорѣе сварить кофею.

Когда Наташа проснулась, и оглядѣвшись прифонила гдѣ она — все уже было прибрано, хозяйнѣ одѣтъ, на столѣ шашлѣ, пуская паръ, кофеиникъ... Облачковъ даже былъ такъ предупредителенъ, что вышелъ на четверть часа, чтобъ дать Наташѣ одѣться. Между тѣмъ невѣстка хозяйки, свояченица и всякое бабѣ глядѣло во всѣ щели дыривой перегородки, шутовало про новую жилицу, сѣтовало на страшное разращеніе нравовъ между сословіемъ петербургскихъ чиновниковъ... Изы-

нишня: усѣла уже передать на ушко какой-то Лукинишиѣ, что это не кто иная, какъ увозенная передъ самой свадьбой дочка архивариуса... Нѣтъ, не дочка архивариуса; это просто жема претокелюста, извѣстная своимъ распутнымъ поведеніемъ. Одниѣ словомъ пона влюбленные усѣли напиться, о происшествіи узнала вся неблагопрістойная часть города.

У насъ вѣдь девъ городокитъ почты; одна для писемъ, другая устала, при посредствѣ разныхъ кумушакъ, перебѣгающихъ съ извѣстіями изъ одной лавочки въ другую. Оставивъ Наташу въ комнатѣ, посоветовавши ей запереться, Облачковъ ударился прежде всего къ казначею. Между-тѣмъ съ девяти закрипѣла административная машина безчисленными своими колесами: исправные и неисправные собрались въ разные кабинета Фамиды, зашпѣли прогуливаясь по бумагѣ мириады перьевъ, а Облачковъ неслаломъ въ присутствіе.

— Что-то нашего Облачкова нѣтъ, замѣтилъ столоначальникъ. Пустоперожество своему помощнику.

— Приметь къ свѣдѣнію, отвѣчалъ тотъ, вонзалъ въ носъ жасмиаѣ изъ табакерки, весь обсыпанный табакомъ.

— Вотъ вѣдь вотъ собрались: и Чепухинъ, и Галиматинъ, и Охинѣйкинъ, а Облачкова нѣтъ. Нехорошо, право, нехорошо!..

Между-тѣмъ и Чепухинъ, и Охинѣйкинъ, и всѣ сидѣли какъ лебеди, чинно вокругъ стола, вооруженные перьями и только слегка улыбаясь. Имъ было удивительно весело, что Облачковъ, подающій ужь большія надежды, вдругъ не оправдалъ себя. Передъ ними уже рисовалась пріятная перспектива, что награду, казначешную Облачкову, раздадутъ имъ поровну. Вотъ какъ-то вертится миръ! Между-тѣмъ Облачковъ, блѣдный какъ пещей лютъ, предстоя въредъ свѣтлыми очами департаментскаго казначея, съ тресетомъ ожидалъ приговора къ жизни, къ помилованію, или къ смерти.

Казначей, углубившись въ вычисленія, словно наною-нибудя лаплась, или Струве, не обращалъ даже вниманія на то, что Облачковъ уже три раза ему отвѣсилъ глубочайшій поклонъ, три раза проговорилъ: имѣю «счастье» вамъ кланяться, Доримедонтъ Асклиподотовичъ! Наконецъ казначей взглянулъ исподна на Облачкова и сказалъ: Вамъ вользя дать на копѣйки!

Еслибъ на Облачкова рухнулъ въ это время столбъ, онъ

бы не былъ такъ оглушонъ, ошеломленъ, какъ этими словами, произнесенными методически-размѣреннымъ голосомъ: «Вамъ нельзя дать ни копѣйки».

Все надежды его разлетѣлись въ прахъ отъ этихъ трехъ словъ: онъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ, рѣшительно не зная что дѣлать. Губы дрожали, слезы подступили къ глазамъ, лицо сдѣлалось словно свернувшееся молоко. Онъ что-то прошепталъ безъ звука, колѣнки затрясались, онъ ушалъ передъ казначеемъ на колѣнки...

— Простите, если я осмѣлюсь сказать!..

— Что-о! спросилъ казначей, тономъ презрительнаго сожалѣнія, поглядѣвъ на него такимъ убійственнымъ взглядомъ, за который гордый независимый человѣкъ вызвалъ бы казначея на дуэль.

Но Облачковъ, какъ и все его сослуживцы, до столоначальническаго сана, привыкли къ подобному тону и взглядамъ...

— Меня обокрали!.. надѣтъ ничего!.. совралъ очень кетати Облачковъ.

— Ну ужъ нате за мѣсяць впередъ, только отвяжитесь!..

И съ этими словами казначей швырнулъ книгу подъ носъ Облачкову и десятирублевою.

Хоть ожиданія Облачкова оправдались только вполонину, однакожь онъ въ одно мгновеніе расцѣлалъ; ему видимо хотѣлось засмѣяться, облобызывать желтую, сухую какъ старый высохшій пергаментъ физиономію казначея, высказать ему безпредѣльную благодарность. Перо такъ и танцовало по бумагѣ въ дрожавшей отъ радости рукѣ... Выскочивъ на улицу, какъ угорѣлый, онъ полетѣлъ пѣшечкомъ въ шертерную, оставивъ тамъ пять рублей за паспортъ Ваташи и взявши ея сундучокъ. А все-таки часамъ не сдобровать! подумалъ онъ: — ну, и муштра три...

Тутъ онъ долго колебался, не зная что прежде сбурить... А всего вѣрнѣе, думалъ онъ: — и то, и это... Подоидя къ извѣстному кормильцу бѣдняковъ — прежнему Апраксину, онъ остановился въ раздумьѣ... Посмотрѣлъ на часы — такъ они весело тюкали; ему ихъ стало страшно жаль, и онъ заплакалъ...

Онъ подошелъ къ такъ-называемымъ серебряннымъ лавкамъ.

— Часы-то продаете, баринъ? спросилъ апраксинецъ, слово прочелъ это у Облачкова на лбу.

Долго торговались. Купецъ откапывалъ въ часахъ пороки за пороками, продавецъ выхвалялъ, бежился, что самъ далъ двадцать рублей. Наконецъ часа проданы за восемь.

— Еслибъ еще семь дали за вицмундиръ, у меня было бы двадцать рублей, думалъ Облачковъ, торопясь къ своей возлюбленной...

Трудно описать ея радость при ихъ встрѣчѣ. Они бросились въ объятія другъ друга, и чуть не добрую четверть часа оставались въ такомъ положеніи... Ничего нѣтъ выше, слаще той минуты, когда «два любящія сердца» очутятся въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ; сперва восторженно замрутъ, потомъ начнутъ биться въ тактъ... Оно хоть немножко и сантиментально и выражаюсь, но справедливо. Сосѣди, глядя какъ тараканы изъ щелей на ихъ милованіе, мешутя стали думать, что это братъ и сестра... Къ этому еще способствовало и то, что они были нѣсколько похожи другъ на друга.

— А я тебя порадую, душка, сказала Наташа, вся сгарая въ объятіяхъ «милаго»... — У насъ есть пятьдесятъ рублей!.. Пока тебя не было, я и заработала!..

Подозрѣніе не подозрѣніе, а такъ, какое-то облачко, тѣнь отъ его тѣни, проскользнуло по лицу Облаčkova, когда онъ спросилъ:

— Какъ заработала?..

— Угадай!.. отвѣчала шалунья-Наташа, и показала сѣренькую.

— Не мучь меня, скажи! сказалъ умоляющимъ голосомъ Облачковъ.

— Пустила въ оборотъ одну вещицу!.. отвѣчала она, кокетливо взогнувши головку и играя двусмысленностями.

— Все загадка, ангелъ божій! Не мучь, скажи!.. Я знаю, ты не сумѣешь солгать!..

Ей стало его жалко: она изъ глазъ его увидѣла, что онъ страдаетъ. Тутъ она рассказала.

Дѣло было вотъ въ чемъ: Обольститель, послѣ первыхъ минутъ «употительныхъ» свиданій, снялъ съ пальца солитеръ, рублей въ двѣсти. Она, даже брошенная имъ, все надѣялась, что онъ за нею придетъ. Но когда все надежды рушились, когда она увидѣла, что вотъ «тотъ», о которомъ она еще мечтала на дѣвической постели, дома, у отца, хотѣла подарить перстень ему,

Облачкову. Увидѣвши, по приѣздѣ къ нему, что онъ крайне бѣденъ, она рѣшилась, не стѣсняя его «собой», продать этотъ перстень. Но какъ это сдѣлать, когда по уходѣ Облачкова къ казначею всѣ хозяева глядѣли на нее какъ волки. Хозяйка даже вслухъ замѣтила кухаркѣ: гляди въ оба, — еще пожалуй обокрадетъ.

Дѣти, при которыхъ бѣдняки-родители по недостатку комнать говорятъ и дѣлаютъ все откровенно, глядѣли на новую жилищу изподлобья, а трехлѣтній бутузикъ Володя даже заплакалъ и попытился къ мамѣ, когда жилища хотѣла его взять на руки...

Однако пустая случайность уладила все дѣло: Наташѣ захотѣлось пить. Она вышла въ кухню попросить воды, гдѣ въ это время случился хозяинъ квартиры, здѣшній мѣщанинъ Никаноръ Пантелѣичъ Баргамотовъ. Онъ былъ страстный поклонникъ хорошенькихъ, чему доказательствомъ служила плѣшка на головѣ, величиною съ десертную тарелку. Поватершивъ въ обращеніи съ прекраснымъ поломъ, на танцевальныхъ вечерахъ и въ другихъ пріятныхъ заведеніяхъ, онъ тотчасъ вступилъ съ красавицей въ разговоръ, въ продолженіи котораго врѣзался въ нее по уши.

Когда дошла рѣчь до того чѣмъ онъ занимается, оказалось, что онъ торгуетъ разными колечками, запонками и другими секретными вещами, которыми обилуютъ такъ-называемые варшавскіе магазины и имѣетъ шкафчикъ на Щукинвѣ.

— Не можете ли вы мнѣ продать этотъ перстенецъ? спросила Наташа, обрадовавшись благопріятному случаю.

Баргамотовъ, повертѣвши солитеръ въ пальцахъ, посмотрѣвши на свѣтъ какова вода брильянта, вызвался показать его ювелиру, живущему рядомъ. У ювелира глаза разбѣжались, когда онъ увидѣлъ солитеръ. Надѣясь взять за него навѣрняка сто рублей, онъ набилъ цѣну до пятидесяти рублей; больше не давалъ.

— Отдавать, сударыня, за пятьдесятъ? спросилъ Баргамотовъ, принеся назадъ перстень.

Она была радешенька взять эти деньги, лишь бы сдѣлать возлюбленному сюрпризъ. Въ ней былъ столько тонкаго деликатства, что она боялась стѣснить бѣднаго Облачкова.

— Зачѣмъ ты это сдѣлала? спросилъ онъ съ видомъ през-

него упрека, но имѣсть съ тѣмъ плохо скрывая радость при видѣ сѣренькой.

— Вѣдь у меня есть деньги! сказалъ онъ, вынимая ихъ изъ порт-моне.

— Душка! а я тебѣ заштопала фракъ полъ мышкой, прикрѣпила штрипку у брюкъ, починила чулки, уложила все въ чемодавъ...

— Ангелъ божій, когда-жъ ты все успѣла это сдѣлать?

И онъ со слезами упалъ въ ея объятія.

* — Госибди! молился онъ внутренно: — видно я еще не очень согрѣшилъ передъ тобою, что ты мнѣ послалъ такое *совершенство!*

Чудесное милосердіе промысла еще болѣе поразило его Ingramъ словъ: онъ вспомнилъ, что его пріятель назвалъ ее совершенствомъ, самъ не понимая какъ справедливъ былъ этотъ эпитетъ.

Имѣя почти семьдесятъ рублей, они наняли маленькую квартиру со столомъ, для двоихъ, по восемнадцати рублей въ мѣсяцъ; она уговорила его заплатить за три мѣсяца впередъ честной, знакомой Облачкову хозяйкѣ, отказавшись отъ теплаго салона. Онъ отдѣлилъ деревянной перегородкой спальню для своей возлюбленной, съ окошечкомъ, изъ котораго открывался прелестный видъ на свиной хлѣвушекъ. Мимо оконъ бродили свиньи съ семействами и одинъ кабанъ съ такими величественными бакенбардами, которымъ будтобы втайнѣ завидовалъ какой-то столоначальникъ управы благочинія. Такимъ образомъ они зажили въ новомъ раю, прищѣваячи. Онъ удвоилъ свою ревность по части бумагомаранія, по извѣстному образцу. Всѣ золотыя надежды Чепухина, Белибердина — рушились, когда Облачкову вышло награды двадцать-пять рублей передъ рождествомъ, или къ новому году, не помню хорошенько. Вновь подплатили на четвертый мѣсяцъ. Но судьба уже вперила свои ястребиныя очи, позавидовала двумъ счастливицамъ и готовила Облачкову страшный ударъ. Онъ былъ еще страшнѣе тѣмъ, что его возлюбленная оказалась образцомъ женскихъ совершенствъ: она была невыразимо кротка, тиха. Съ кѣмъ ей случалось только слова два перекинуть, тотъ привязывался къ ней всей душой. Кромѣ того она была, даже съ практической точки зрѣнія, прекрасная хозяйка, мастерица. Она отлично шила,

гладила, плела бѣлье; могла выкромить, сшить какое угодно платье, не только женское, даже мужское. Всему этому выучилась она еще при отцѣ. Будучи даже въ «внтересномъ положеніи» отъ Облачкова, она зарабатывала въ мѣсяцъ рублей по пятнадцати. Хорошенькой, особенно симпатичной женщиной трудно было получить заказы. Они валились одинъ за другимъ, не всегда для прямой цѣли, но и изъ побочныхъ видовъ. Однако, несмотря на всѣ маневры разныхъ сластолюбцевъ, она оставалась чиста и непорочна, насколько можно было въ ея несчастномъ положеніи. Она даже призналась разъ Облачкову, какъ она, жестоко-обманутая «этимъ негодяемъ» ловко отдѣлывалась отъ низкихъ любезностей, любезностей по обязанности, чтобъ среди незнакомаго города не вытолкали ее за двери. Она падала на колѣни передъ искателемъ ея ласкъ... Ея красота, ея слезы трогали даже самыхъ грубыхъ, черствыхъ повидимому людей. Они трогались ея слезами и буквально только съ нею бесѣдовали какъ съ барышней въ гостинной... Наше простонародье черство только по внѣшности, а если затронуть его лучшія струны, какое совершенство нашъ простой народъ!

Но чѣмъ чище, выше было это кроткое затоптанное въ грязь созданіе, тѣмъ нестерпимѣе были муки Облачкова при постигшей его катастрофѣ. Отказавшись отъ теплаго салона, чтобъ не вводить своего избавителя въ напрасные расходы, Наташа однажды жестоко простудилась. Среди ночи съ ней сдѣлался жаръ и бредъ. Гдѣ тутъ было думать о домашнемъ леченіи; надо было поскорѣе отправить ее въ больницу.

— У насъ не принимаютъ въ «неузаконенное время», сказалъ Облачкову фельдшеръ, взглянувши на трудно-больную женщину.

Онъ разъ навсегда получилъ отъ врачей приказаніе: уклоняться всевозможными способами отъ приѣма трудно больныхъ: хлопотъ съ ними много, а вылечить трудно. Слава больницы упадетъ, главный докторъ, ординаторы могутъ лишиться наградъ, если число умершихъ будетъ велико. То ли дѣло принимать такихъ, у которыхъ волдырь вскочилъ на подошвѣ, или рыло въ кабакъ въ кровь расцарапано!.. Не ломая много головы надъ прописываніемъ микстуръ, приложилъ гумозумъ милетумъ, проморилъ больного ѱедѣлю на овсяниѣ, вотъ онъ и здоровъ!..

Наташа, тяжело дыша, повалилась на скамью; Облачковъ, огорошенный отказомъ, стоялъ какъ истуканъ, выпуча глаза на фельдшера.

— Везите назадъ; сказано, не принимаютъ; на это есть дель.

Воротясь домой, Облачковъ всю ночь провозился у постели больной; къ утру ей сдѣлалось хуже.

— За священникомъ!.. пошлите за священникомъ!.. кричала она въ отчаяніи, охрипшимъ голосомъ.

Что чувствовалъ Облачковъ въ эту страшную минуту, невозможно описать. Тогда было уже шесть часовъ утра.

— Везите ее скорѣе въ больницу! настаивала хозяйка: — она непрописана; съ ней еще бѣды наживешь...

Цѣлый эдъ бушевалъ въ душѣ Облачкова, когда онъ безчувственную Наташу привезъ снова въ ту же больницу.

— Въ «ванную!» сказалъ лаконически дежурный врачъ, пощупавши даже пульса у больной, не спросивши Облачкова, давно ли и какъ она захворала. Главный докторъ при утренней визитациі, проходя мимо кровати Наташи, даже не посмотрѣлъ на нее, словно тутъ, вмѣсто человѣка, лежало полѣно. Впрочемъ было и бесполезно.

Облачковъ, блѣдный какъ простыня, какъ сѣлъ у ея кровати, такъ уже и не вставалъ до вечера. Къ вечеру она отдала Богу душу.

Въ послѣднія минуты кончины, она какъ потухающая свѣча, то разгоралась, то снова гасла... Впалые глаза ея оживились, слегка раскрасившіяся щеки придали ей видъ какой-то новой красоты, какой еще Облачкову не приходилось замѣчать въ Наташѣ. Онъ склонился къ ней на грудь; дыханіе больной сдѣлалось тяжеле и все чаще и чаще... Онъ палъ въ какое-то невыразимое отчаяніе; онъ видѣлъ, что послѣднее утѣшеніе въ жизни, его божество, его Наташа, навѣчно разстается съ нимъ.

— «Прости меня, прости всѣхъ!» сказала она чуть слышно и умерла.

Тяжело описывать эти сцены, господа! Поэтому увольте меня отъ подробностей описанія похоронъ, тѣхъ мукъ, какія вынесъ бѣдняга. Онъ цѣлыхъ три дня ни пилъ, ни ѣлъ и большую часть дня проводилъ на кладбищѣ. Припикши горячей головой къ рыхлой глибѣ только-что зарытой могилы, онъ ле-

жалъ ничкомъ неподвижно. Что бы онъ далъ , чтобъ поднять ее изъ гроба ! Но никакія силы , никакія сокровища міра сдѣлать этого не могутъ.

Но самой страшной , самой адской мукѣ есть конецъ. Прешатавшись педѣли двѣ какъ истуканъ , Облачковъ однажды остановилъ глаза на извѣстной вывѣскѣ «старого стиля» : «продажа питій съ распитіемъ на мѣстѣ.»

— Попробую выпить ! что такое выйдетъ , подумалъ онъ.

Вышло очень хорошо : вся та горечь , которая какъ острая водка сверлила подъ ложечкой , вдругъ начала отлегать самыми жгучими , самыми горькими слезами... Съ этихъ поръ онъ сталъ повторять эти опыты чаще и чаще , потерялъ мѣсто и сдѣлался непремѣннымъ членомъ кладбищенскаго кабачка. Напьется и отправляется на могилку къ своей Наташѣ , пока досыта не наплачется. Его знаютъ всѣ кладбищенскіе сторожа , всѣ окрестные цѣловальники. Онъ за штофъ водки сочиняетъ имъ стихи и декламируетъ разныя «надгробныя».

ПЕТРЪ ГОРСКІЙ

СЛЕЗЫ

Я чую васъ, я вижу васъ,
О, слезы женщины любимой!
Въ васъ радость сердца излилась
И грусть любви неодолимой.

Какъ тихо льетесь вы, горя
Въ лучахъ багроваго заката —
Я вѣрю : въ васъ тепло и свято
Горить на вѣкъ любви заря.

И боже-мой, какое счастье
Въ васъ повѣсть сердца прочитать,
И поцалуями участья
Съ очей прекрасныхъ осушать!

О, лейтесь больше мнѣ на душу! —
Пусть вашъ восторгъ ее смягчитъ —
Такъ въ зной зачерствѣвшую сушу
Обильный дождь животворитъ.

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ

* * *

Сквозь нагаръ свѣча угрюмо блещеть,
Я одинъ въ безмолвной тишинѣ;
Тусклый свѣтъ едва-едва трепещеть, —
Смутныхъ думъ толнится рой во мнѣ.

За стѣной расплакался ребенокъ,
Тамъ чуть внятно пѣсенка слышна,
Голосокъ такъ дѣтски чистъ и тонокъ,
Прямо въ душу льется мнѣ она.

Голоса и звукъ и шорохъ каждый
Посреди безмолвной тишины,
Отдаваясь въ сердцаѣ смутной жаждой,
Своего значенія полны.

Безотчетно чувство мнѣ волнуетъ
Смутныхъ думъ вѣсный, темный рой.
И душа тревожно какъ-то чувствуетъ
Все что такъ тепло любимо мной.

Эта тишь и звуки за стѣной
И свѣчи дрожащій полусвѣтъ
Тихой жизнью вѣютъ надо мною
И всѣмъ тѣмъ чего со мною нѣтъ.

ЛЮДОРЪ ПАЛЬМИНЪ

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЕЩЕ СТАТЬЯ О НОВОЙ КНИГѢ (*)

Не знаемъ, какъ у васъ въ столицѣ, а у насъ всѣ мало-мальски интересующіеся исторіею съ нетерпѣніемъ ожидали появленія исторіи вѣчевыхъ городовъ г. Костомарова. Слухи объ изданіи ея давно уже стали носиться въ публикѣ. Имя автора, интересъ самого содержанія ожидаемой книги, о которомъ мы предварены были публичной лекціей о Новгородѣ, напечатанной г. Костомаровымъ въ «Отчественныхъ Запискахъ», были достаточными причинами нашего нетерпѣливаго ожиданія. Наконецъ газеты объявили о выходѣ въ свѣтъ «Исторіи сѣверныхъ народоправствъ» (кстати — неточное названіе, невыражающее содержанія книги), и тутъ же разнесся слухъ, что эта исторія запрещена въ продажѣ. Было ли подобное запрещеніе, чему, признаться сказать, какъ-то нехочется вѣрить, или это была какая-нибудь утка, — во всякомъ случаѣ судьба остроумно подшутила надъ нами. Интересъ новаго сочиненія разумѣется усилился. Сколько намъ извѣстно, немногіе экземпляры его, полученные здѣсь, читаются на расхватъ, и увы! при самомъ микроскопическомъ вниманіи не находятъ въ нихъ ничего, что бы серьезно стоило зауретить. Нѣкоторые даже заключили изъ этого обстоятельства, что у нихъ уже притупился вкусъ ко всему апокрифическому. Да не прогнѣвается на насъ г. Костомаровъ. Ему должно-быть очень обидно, что его считаютъ способнымъ измѣнить исторіи, подобно многимъ удариться въ субъективизмъ и публицистику, пускаться на воздухъ разнаго рода идеи и гоняться за эфемерною славой. Мы совершенно свободны отъ подобнаго заблужденія насчетъ его лич-

(*) Статья эта прислана къ намъ изъ провинціи. Намъ показалась она замѣчательною и мы рѣшились напечатать ее не дожидаясь продолженія статьи г. А. Григорьева о той же книгѣ. *Ред.*

ности. По нашему мнѣнію — объективность есть отличительная черта его произведеній. Покрайней мѣрѣ, мы нигдѣ не замѣчали, чтобы изъ-за строкъ его рассказа выглянула его личность. Даже тамъ, гдѣ онъ сбрасываетъ съ своего рассказа скучную форму науки, впадаетъ въ одушевленный тонъ, даже въ подобныхъ случаяхъ онъ только творчески рисуешь дѣйствительность и ни одной субъективной чертой не нарушаетъ цѣлостнаго впечатлѣнія своей картины. Каждое произведеніе его составляетъ приобретеніе не для чего-нибудь другого, а именно для науки, приобретеніе тѣмъ болѣе важное, чѣмъ важнѣ затронутый имъ вопросъ. Настоящее произведеніе его, уясняя съ современно-научной точки зрѣнія оданъ изъ существенныхъ эпизодовъ изъ исторіи удѣльно-вѣчевого уклада древней Руси, должно занять почетное мѣсто въ исторіи нашей историографіи.

Если насъ не обманываетъ память, г. Костомаровъ первый поставилъ вопросъ объ удѣльно-вѣчевомъ укладѣ древней Руси въ надлежащемъ видѣ и охватилъ всѣ его стороны. До самаго послѣдняго времени наша исторія разрабатывалась по одностороннему направленію, была исключительно исторіей государства, а не народа. У всѣхъ еще въ свѣжей памяти, съ какимъ восторгомъ была встрѣчена первая лекція г. Костомарова, въ которой онъ объявилъ, что съ прежней колѣи, по которой шла до него исторія, онъ вступаетъ на почву народной исторіи. Очень естественно, что при прежнемъ направленіи исторіи такъ-называемый удѣльный періодъ представлялся скучнымъ и безынтереснымъ рядомъ княжескихъ усобицъ, путаницей однообразныхъ фактовъ, среди которыхъ не было возможности разобраться. Карамзинъ писалъ во введеніи къ своей исторіи: «Знаю, что битвы нашего удѣльнаго междоусобія, гремѣнія безъ умолку на пространствѣ пяти вѣковъ, маловажны для разума; что сей предметъ не богатъ мыслями для прагматика, ни красотами для живописца; но исторія не романъ, и мѣръ не садъ, гдѣ все должно быть пріятно: она изображаетъ дѣйствительный мѣръ.» вмѣсто многихъ книгъ, «трудныхъ для автора, утомительныхъ для читателя,» онъ желалъ бы представить общую картину древности въ 200 или 300 краснорѣчивыхъ страницъ и начать обстоятельное повѣствованіе со времени Ивана III. Историческая добросовѣстность заставила его преодолѣть весь трудъ и всю скуку изслѣдованій объ удѣльномъ періодѣ. Онъ изложилъ древнюю исторію, но для чего, — онъ и самъ хорошенько не понималъ этого. Онъ изложилъ ее, чтобы только не осудить «на вѣчное забвеніе дѣла и судьбу нашихъ предковъ. Они страдали, и своими дѣдствіями изготовили наше величіе, а мы не захотимъ ни слушать, ни знать о

томъ, кого они любили, кого обвиняли въ своихъ несчастіяхъ. Иноземцы могутъ пропустить скучное для нихъ въ нашей древней исторіи; но добрые россияне не обязаны ли имѣть болѣе *терпѣнія*, слѣдуя правилу государственной нравственности, которая ставитъ уваженіе къ предкамъ въ достоинство гражданину образованному?» Послѣ Карамзина требованіе терпѣнія при изученіи древней исторіи стали поддерживать уже не однимъ правиломъ государственной нравственности; стали указывать на требованія науки, специальности, — тоже чисто высшая поддержка. Удѣльный періодъ разрабатывался также односторонне, какъ и прежде, и оставался по-прежнему безынтереснымъ. Каченовскій и скептическая школа отодвинула начало исторіи еще дальше, чѣмъ Карамзинъ: они отодвинули его ко времени Петра-великаго. Полевой, котораго г. Костомаровъ съ уваженіемъ вспоминалъ на своей вступительной лекціи, какъ своего предшественника, вздумалъ было написать «Исторію русскаго народа». Онъ успѣлъ бросить нѣсколько свѣтлыхъ мыслей въ исторію удѣловъ. Увлеченный мыслию Тьерри о распаденіи монархіи Карла-великаго на отдѣльныя народности, онъ началъ искать соотвѣтствія удѣловъ съ землями древнихъ славянскихъ племенъ. Съ этой точки зрѣнія онъ видѣлъ въ удѣлахъ народныя области и связь ихъ между собою назвалъ федеративною. Объясняя удѣльность изъ народной жизни, онъ сообщилъ періоду удѣловъ новый и важный смыслъ. Оживленіе общественной жизни, по его словамъ, могло совершиться только частною, отдѣльною жизнію разныхъ княжествъ, взаимною борьбою ихъ политики, мѣній и выгодъ. Полевой не смогъ развить своей мысли, которая была тогда еще слишкомъ нова; онъ не выникъ даже въ причины областной розни и въ процессъ ея продолженія; замѣтивъ фактъ, онъ объяснилъ его судьбами провидѣнія. Неразвѣтная, неуясненная, но свѣтлая и оригинальная мысль его не нашла отголоска въ свое время. Нѣкоторые изслѣдователи, напримѣръ г. Погodinъ, указывали мимоходомъ на совпаденіе удѣловъ съ племенными землями, но такъ себѣ, больше въ качествѣ историческаго курьеза. Даже славянофилы, чутко слѣдившіе за проявленіями народной, земской стихіи въ исторіи, не совсѣмъ ясно взглянули на удѣлы и представили ихъ чѣмъ-то вродѣ государственныхъ перегородокъ, только ищавшихъ общему дѣлу земства, задерживавшихъ свободный ходъ просвѣщенія, промышленности и т. д. Коринѣй и учитель современныхъ историковъ, г. Соловьевъ, какъ извѣстно, занялся исключительно княжескими отношеніями и оставилъ въ тѣни народную исторію удѣльнаго времени. Вскорѣ послѣ появленія первыхъ томовъ его «Исторіи Россіи» этотъ недостатокъ былъ указанъ въ

критическихъ статьяхъ г. Кавелина. Критикъ отдалъ полную справедливость превосходной обработкѣ княжеской исторіи, ученой добросовѣстности, съ которою г. Соловьевъ изложилъ всѣ извѣстные ему факты, не утаивъ ни одного для своей цѣли; но упрекнулъ за то, что почтенный авторъ не выставилъ исторіи общинъ, областей, народныхъ классовъ, какъ движущаго начала исторіи. Отъ этого, по словамъ г. Кавелина, вся картина удѣльнаго времени вышла нату-пуга, освѣщена монотонно и лишена историческаго разнообразія. Слѣдя за длинной вереницей князей и ихъ запутанными счетами, первые томы «Исторіи Россіи» уясняютъ намъ одну только сторону удѣльнаго уклада, а въ отношеніи къ остальнымъ сторонамъ страждутъ такую же безцѣльностью и безъидейностью, какъ и соотвѣтствующіе томы Карамзина. Отъ этого такъ трудно осилить ихъ читателю до конца безъ пропусковъ. Говоря иными словами, и теперь для добрыхъ россіянъ нужно побольше терпѣнія, чтобы изучить удѣльное время по исторіи г. Соловьева. Заслуга г. Соловьева громадна. Онъ первый принялся за солидное изученіе удѣльнаго времени; до него все было здѣсь темно и неосмысленно. Очень естественно, что онъ началъ свои изслѣдованія съ внѣшней стороны, съ княжеской исторіи. Нужно было сначала отыскать нить исторіи, намѣтить основныя точки новаго пути. Только по выходѣ первыхъ томовъ «Исторіи Россіи» изслѣдователи получили возможность заглянуть въ покрытые мракомъ неизвѣстности закоулки народной жизни. Поднялись вопросы объ общинахъ, городахъ, о земствѣ, объ отношеніи его къ государству и т. п. Формировался болѣе широкій взглядъ на удѣльную жизнь.

Въ такомъ положеніи находился вопросъ объ удѣльномъ времени до г. Костомарова. Сначала въ предисловіи къ своему «Разъясненію», потомъ въ своей вступительной лекціи и статьѣ «о федеративномъ началѣ въ древней Руси» онъ первый высказалъ новый взглядъ на удѣльно-вѣчевой укладъ въ ясномъ и опредѣленномъ видѣ. Вставъ на почву народной исторіи, онъ представилъ удѣльность не подъ исключительною формою княжескихъ отношеній, а въ видѣ «такого строя, когда самобытныя части, не смѣшиваясь химически во едино и не прекращая своего отдѣльнаго существованія, всѣ вмѣстѣ образуютъ одно государственное тѣло.» Признаками удѣльно-вѣчевого уклада служатъ: «раздробленіе цѣлаго на части безъ совершеннаго его уничтоженія, самобытная жизнь частей безъ нарушенія взаимнаго сходства, перевѣсъ обычая надъ постановленіемъ, побужденія надъ закономъ, произвола надъ учрежденіемъ, личной свободы надъ сословностью, чувства надъ долгомъ, родственности надъ государственностью, слабость власти,

неопредѣленность формъ, народоправленіе въ образѣ вѣчь, движеніе, броженіе». Не одни князья враждуютъ между собою, но каждая народная асоціація, города, міры, каждая стихія исторической жизни — все плетъ врозь, живетъ особною, самостоятельною жизнью. Среди этой общерусской розни мы еще ясно и легко можемъ видѣть эволюціи каждой изъ разрозненныхъ между собою стихій исторіи и слѣдить за нею по всему пути ея развитія. Предупреждая искусственный анализъ науки, элементы исторической жизни сами являются намъ въ раздѣльномъ видѣ и облегчаютъ трудъ изученія. Это было время, когда матерьялы будущаго знанія, Россіи, только еще были собраны въ одну безпорядочную кучу и только еще начали разбираться и приурочиваться каждый къ своему мѣсту. Племена, области, города, міры, князь, дружина, духовенство, даѣе народные нравы, обычаи, занятія, вѣрованія и государственный законъ, долгъ, взятое изъ Византіи православіе — все эти туземныя и пришлыя стихіи, соединенныя въ причудливыхъ комбинаціяхъ, не нарушавшихъ ихъ взаимнаго контраста, еще ждали только примиренія отъ исторіи.

Расширивъ до такихъ громадныхъ размѣровъ объемъ своихъ изслѣдованій объ удѣльно-вѣчевомъ укладѣ, г. Костомаровъ точно опредѣлилъ самую задачу этихъ изслѣдованій. Эта задача — выяснить тѣ принципы, на которыхъ основывается и которые выражаютъ въ своей жизни каждый изъ историческихъ элементовъ, принципы какъ народной, такъ и княжеской исторіи. Время удѣльно-вѣчевого уклада получаетъ чрезъ это высокій интересъ. Мы уже не скажемъ теперь, что это время представляетъ скучную пустыню, бѣдную мыслями для прагматика, красотами для живописца. Мы видимъ здѣсь ключъ ко всей русской исторіи. Россія только еще слагается; ея составныя части еще не соединились между собою и въ этомъ соединеніи не успѣлъ еще потерять своихъ отличительныхъ свойствъ. Слѣдовательно можно изучать ихъ безъ опасенія спутаться въ ихъ опредѣленіи, какъ можно спутаться впоследствии, когда исторія переработала разныя стороны русской жизни на свой ладъ. Вотъ почему было бы величайшей ошибкой начать исторію съ Ивана III или даже съ Петра великаго.

Что касается въ частности до исторіи вольно-народныхъ городовъ, то она составляетъ самый существенный отдѣлъ въ исторіи удѣльно-вѣчевого уклада. Въ своей публичной лекціи о Новгородѣ, которая можетъ служить введеніемъ къ разбираемому нами сочиненію, г. Костомаровъ самъ выяснилъ какъ онъ смотритъ и насколько онъ цѣнитъ эту исторію. Если главный дѣятель исторіи царствъ, то разумѣется народная жизнь должна служить основнымъ фономъ

исторической картины. Историкъ съ особенною тщательностью долженъ изучать ея формы и проявленія, добираться до ея основныхъ идей, изслѣдовать чего хотѣлъ народъ, къ чему онъ стремился по своему природному характеру, въ чемъ состоялъ его непосредственный, несознанный имъ самимъ, но тѣмъ не менѣе въ высшей степени жизненный идеалъ. Задача трудная, потому что этотъ идеалъ проявляется въ исторіи не какъ сформулированное уже правило жизни; путемъ усиленнаго анализа нужно ловить его неясныя и отрывочныя черты въ самой практикѣ народной жизни. Чѣмъ больше въ этомъ случаѣ фактовъ, тѣмъ лучше. Но вотъ новое затрудненіе: историкъ можетъ слѣдить за проявленіями народной жизни не по всему пространству удѣльно-вѣчевого уклада. Чѣмъ дальше онъ будетъ идти, тѣмъ чаще ему встрѣтятся факты смѣшаннаго характера. Новыя, пришедшія извнѣ стихіи — княжеская власть и православіе все глубже и глубже проникаютъ въ народную жизнь и дѣло историка все болѣе и болѣе усложняется. Обратимся въ частности къ гражданской жизни. Мы удобно можемъ слѣдить за принципами сельскаго міра до самаго XVI вѣка; въ глушь деревень туго и медленно проникало вліяніе государства. Не то видимъ въ исторіи городского уклада. Городъ былъ въ непосредственномъ соприкосновеніи съ князьями; явившійся среди городского земства, княжеская власть быстро развѣдала его вольно-народный строй. Это для нея было тѣмъ легче, что институты городской жизни были совершенно неразвиты. Городъ только еще строился; въ немъ шла непрерывная борьба между сословіями, концами и улицами; колокола звонили по цѣлымъ недѣлямъ; на площади шумѣло вѣче и часто, когда отхлынетъ безокопная толпа, мы видимъ здѣсь трупы убитыхъ гражданъ. Требовалось много времени и длинный рядъ сложныхъ опредѣленій для того, чтобы соединить разнородныя, враждующія стихіи городской общины. А между тѣмъ княжеская власть все развивалась. Начиная съ XIII вѣка мы видимъ, какъ городъ за городомъ склоняются подъ крѣпкую руку владимірскихъ и московскихъ князей. Городской укладъ такъ и не успѣлъ додѣлаться. Только въ сѣверозападномъ углу Россіи, за болотами и лѣсами, сохранились господить великій Новгородъ и его младшій братъ — Псковъ, единственные остатки стараго вольно-народнаго городского уклада. Они одиноко стоятъ въ сторонѣ отъ московскаго и другихъ княжествъ. Князья и люди новаго образа мыслей непріязненно смотрятъ на нихъ и стараются сломить ихъ гордую свободу, а они въ свою очередь враждуютъ противъ новыхъ государственныхъ порядковъ и упорно стоятъ за свою старину. Эта вражда стараго быта съ новымъ дала поводъ высказаться той и другой сто-

ронѣ достаточно ясно, откровенно, даже сознательно. Вотъ въ чемъ заключается интересъ изученія вольнонародныхъ городовъ. Ихъ шестисотлѣтнее существованіе даетъ историку единственную возможность хоть сколько-нибудь уловить бѣглыя, отрывочныя, неопредѣленныя черты вольно-народнаго уклада. Такова основная задача, разрѣшенію которой г. Костомаровъ посвятилъ свое новое произведеніе.

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что мы вовсе не намѣрены входить въ подробный разборъ «исторія сѣверныхъ народоправствъ» и слѣдить за авторомъ шагъ за шагомъ; это потребовало бы длиннаго изслѣдованія. Мы не намѣрены дѣлать даже общаго résumé всѣхъ его положеній, считая это излишнимъ послѣ того, какъ самъ авторъ потрудился выяснитъ свою основную идею и представить общія положенія своего новаго труда въ публичной лекціи о Новгородѣ. Да кромѣ того мы не можемъ и представить, чтобы кто-нибудь изъ людей интересующихся русскою исторією не прочиталъ самъ «Исторію сѣверныхъ народоправствъ» и нуждался въ передачѣ ея содержанія. Мы намѣрены указать только на нѣкоторыя пробѣлы въ изслѣдованіи почтеннаго автора, которыя особенно бросаются въ глаза, и выставить на видъ тѣ вопросы, которые по нашему мнѣнію изслѣдованы имъ не совсѣмъ удовлетворительно.

Прочитавъ заглавіе, мы думали, что «исторія сѣверныхъ народоправствъ» изслѣдуетъ юридическую сторону вѣчевой жизни. Оказалось, что подъ этимъ скромнымъ названіемъ мы получили отъ г. Костомарова полную исторію вѣчевыхъ городовъ. Все сочиненіе раздѣлено авторомъ на двѣ части. Первая исключительно занимается вѣвшею жизнью вѣчевыхъ городовъ; вторая слѣдитъ за ихъ внутреннею-общественною, экономическою, церковною и частною жизнью.

Въ первой части авторъ шолъ уже по готовому пути, проложенному прежними изслѣдователями, особенно г. Соловьевымъ. Ему оставалось только пересмотрѣть уже изслѣдованные факты и сгруппировать ихъ сообразно съ своимъ взглядомъ на удѣльно-вѣчевую жизнь. Развивая отношенія вѣчевыхъ городовъ къ князьямъ и землямъ русскимъ, онъ постоянно имѣетъ въ виду съ одной стороны самостоятельность Новгорода и Пскова, а съ другой — ту связь, которая привязывала ихъ къ составу общерусской федераціи. Такимъ образомъ вся исторія вѣчевыхъ городовъ у него стройно развивается изъ взаимодѣйствія двухъ силъ — силы областной особености, стремленія къ самостоятельности, и силы общенароднаго тяготѣнія къ цѣлому составу удѣльной федераціи. Пробрѣденіе той или

другой силы даетъ автору возможность намѣтить основные пункты, по которымъ онъ располагаетъ свой расказъ, и основаніе для группировки фактовъ. Мы не нашли здѣсь ни новыхъ фактовъ, ни особенно новаго взгляда на дѣло; все что мы читали у г. Костомарова, мы знали уже прежде изъ исторіи г. Соловьева; исключеніе болѣе крупное составляютъ двѣ гипотезы г. Костомарова: одна о происхожденіи новгородскаго племени, которая требуетъ еще спеціальнаго изслѣдованія со стороны филологовъ, другая, уже извѣстная публикѣ, гипотеза о происхожденіи князей изъ Жмуди. По нашему мнѣнію первая часть «исторіи сѣверныхъ народовправствъ» въ solidity научнаго изслѣдованія стоитъ значительно ниже исторіи г. Соловьева. Зато она далеко превосходитъ послѣднюю въ другомъ отношеніи. Г. Соловьеву не разъ уже дѣлали упрекъ за то, что онъ слишкомъ рабски слѣдуетъ буквѣ источниковъ и не заботится о художественности изложенія. Вслѣдствіе буквальной передачи лѣтописныхъ извѣстій, онъ часто бываетъ принужденъ долго останавливаться на мелочныхъ, несущественныхъ обстоятельствахъ, а важнѣйшихъ фактовъ, которые служатъ средоточіемъ для другихъ, въ которыхъ заключается ключъ къ уразумѣнію послѣднихъ, касаться одною, иногда очень легкою чертою. Читатель путается во множествѣ разнообразныхъ извѣстій, недоумѣваетъ на что нужно ему обратитъ особенное вниманіе, и не имѣя въ рукахъ основной нити событій, не можетъ составить изъ передаваемого ему расказа ничего цѣльнаго. Отъ этого г. Соловьевъ часто бываетъ принужденъ прибѣгать къ помощи общихъ взглядовъ, чтобы выяснитъ свой расказъ и сдѣлать понятнымъ для читателей. Г. Костомаровъ не нуждается въ подобной помощи. Общая мысль событій, ихъ причинная связь, ихъ отношенія между собою рѣзко выдвигаются предъ читателемъ вслѣдствіе мастерской группировки самихъ фактовъ. Отсюда необыкновенная ясность расказа, исключаящая всякій трудъ его изученія. Это черта художественнаго изложенія историческихъ фактовъ, чрезвычайно рѣдкая у нашихъ историковъ. Въ образецъ такого художественнаго расказа указываемъ на страницѣ, гдѣ авторъ излагаетъ исторію паденія Новгорода и Пскова.

Мы не хотимъ останавливаться на первой части «исторіи народовправствъ», имѣя въ виду главнымъ образомъ вторую часть болѣе новую и интересную по своему содержанію. Считаемъ нужнымъ сдѣлать только одно замѣчаніе касательно начальной исторіи Новгорода. Очень жаль, что при такомъ обиліи матерьяловъ и тщательномъ изученіи ихъ, г. Костомаровъ не занялся исторіей новгородской колонизаціи. Мы находимъ у него нѣсколько отрывочныхъ замѣчаній о расселеніи новгородскаго племени въ началѣ первой

книги в два цѣльныхъ отдѣла, близко касающіеся этого предмета, — въ первой части : объ отношеніи Новгорода къ инородцамъ сѣвера, во второй : о волостяхъ Новгорода. Но эти отдѣлы представляютъ одинъ перечень новгородскихъ колоній и разнаго рода столкновеній съ финскими племенами, т.-е. касаются одной внѣшней стороны предмета. Между тѣмъ этотъ предметъ такъ важенъ для исторіи нашихъ сѣверныхъ городовъ и при этомъ такъ мало разработанъ, что имъ нужно бы заняться съ особеннымъ усердіемъ. Вслѣдствіе ли трудности работы или по какому-нибудь другому несчастному побужденію, — только всѣ занимавшіеся исторіей Новгорода обходили вопросъ о колонизаціи сѣвера; обошелъ его и г. Костомаровъ. Это очень важный пробѣлъ въ его исторіи, особенно если при этомъ взять въ расчетъ то какъ онъ ставитъ вопросъ объ удѣльно-вѣчевомъ бытѣ, вообще какъ онъ смотритъ на исторію. Для историка народа всего необходимое изученіе географическихъ и этнографическихъ данныхъ. Мы считаемъ совершенно излишнимъ доказывать вѣрность этого положенія въ отношеніи къ исторіи русскаго народа. Русская жизнь попреимуществу земская. Изучить ее можно не иначе, какъ только уловивъ характеръ соприкосновенія народа съ землею, иначе сказать : прослѣдивши исторію колонизаціи. Съ другой стороны, давно уже извѣстно, что русскій народъ представляетъ изъ себя смѣшеніе нѣсколькихъ народныхъ ствѣій! Слѣдовательно, изучить нашу народность можно не иначе, какъ только изучивъ предварительно характеръ ея составныхъ ствѣй и процессъ ихъ соединенія въ одну цѣлую народность, — вопросъ тоже неразрѣшимый безъ исторіи колонизаціи. Новгородская колонизація можетъ служить типомъ всей русской колонизаціи. Мы приведемъ касательно ея большіе фактовъ; кромѣ того она долго носитъ на себѣ характеръ чисто народной колонизаціи, рѣзко отличающейся отъ княжеской.

Г. Костомаровъ опустилъ этотъ важный вопросъ въ своемъ изслѣдованіи. Онъ съ достаточною подробностію говоритъ объ области новгородскихъ пятинъ, области Пскова, новгородскомъ Заволочьи, земляхъ Югры, Печеры, сѣверозападныхъ финновъ, характеризуетъ ихъ отношенія къ Новгороду. Но мы не находимъ у него объясненія самаго процесса, вслѣдствіе котораго распалась на нѣсколько автономичныхъ территорій земля св. Софіи и опредѣлились взаимныя отношенія этихъ территорій. Г. Соловьевъ проводитъ рѣзкую черту между характеромъ княжеской и народной колонизаціи. Различія между ними онъ кладетъ въ основаніе своей характеристики земли ростовско-суздальской и земель южной Руси вмѣстѣ съ новгородской. Мысль очень важная для исторіи. Характеръ колониза-

цій, соприкосновенія народа съ землею, можетъ объяснить намъ самую основу народнаго поземельнаго права и главныя черты всего земско-народнаго экономическаго строя. Г. Костомаровъ въ своемъ сочиненіи даже вовсе опустилъ очеркъ поземельныхъ отношеній въ Новгородѣ и Псковѣ. Онъ исключительно занялся очерками торговой дѣятельности Новгорода и Пскова. — Наконецъ, что касается славянизации финскихъ племенъ, то г. Костомаровъ только тѣмъ и ограничился, что упомянулъ объ ея существованіи. А между тѣмъ мы знаемъ, что главная задача, доставшаяся на долю новгородскаго племени, состояла именно въ томъ, чтобы быть проводникомъ славянской культуры въ глушь финскаго сѣверовостока. Излагая исторію Новгорода, современный историкъ никакъ не можетъ обойтись безъ изученія этнографіи края, характера сѣверныхъ племенъ и тѣхъ народныхъ типовъ, которые родились вслѣдствіе сѣщенія славянской и финскихъ стихій. Только съ помощью этого изученія онъ можетъ уловить своеобразный складъ разныхъ новгородскихъ волостей и отличительныя черты ихъ народнаго быта. Отъ этого у г. Костомарова мы не находимъ ни одного очерка областныхъ типовъ. Даже коренной новгородскій типъ очерченъ у него очень блѣдно. Его обрисовка ограничивается изложеніемъ быльи о Васильѣ Буславѣ и о Садкѣ — богатомъ-гостѣ.

Переходимъ ко второй части. Она начинается описаніемъ въѣзнаго вида Новгорода и Пскова (гл. VI.). Далѣе слѣдуетъ превосходная характеристика ихъ внутренней организаціи, раздѣленіе народонаселенія на общественныя классы, описаніе вѣчевого и выборнаго самоуправленія и суда, изложеніе отношеній пригородовъ и волостей къ метрополи, характеристика общественной и частной жизни (гл. VII.); очерки торговой дѣятельности (гл. VIII.), и наконецъ исторія мѣстной церкви (гл. IX.). Въ нашей литературѣ еще никогда не было такой полной, цѣльной и выразительной характеристики вольно-народныхъ городовъ. Доселѣ мы довольствовались только вѣсколькими монографіями по разнымъ частнымъ вопросамъ изъ новгородской жизни. Самую лучшую и полную характеристику древней городской жизни были у насъ первые томы «исторіи Россіи.» Но кто читалъ «исторію Россіи», тотъ хорошо знаетъ, какъ трудно по ея отрывочнымъ, разбѣяннымъ по разнымъ мѣстамъ цѣлыхъ пяти томовъ замѣткамъ возстановить цѣльный образъ новгородской и псковской жизни. Публика была раза всякому самому поверхностному, но только цѣльному и живому очерку народ-

выхъ городовъ. Мы сами были свидѣтелями, съ какимъ удовольствіемъ наприимѣръ читалась чрезвычайно бѣглая, имѣющая исключительно-публицистическое значеніе, статья г. Щапова «о городахъ», помѣщенная за прошедшій годъ въ «Вѣкѣ», притомъ же людьми достаточно образованными. Вслѣдствіе такой ошутительной потребности монографическаго труда по этому предмету новое сочиненіе г. Костомарова составляетъ драгоценный подарокъ для публики. При неоспоримыхъ ученыхъ достоинствахъ, оно отличается еще прекраснымъ и въ высшей степени популярнымъ изложеніемъ, которое дѣлаетъ его доступнымъ и занимательнымъ для большинства читающаго люда. Не утомляя читателей сухими изслѣдованіями, не посвящая ихъ въ процессъ своего предварительнаго, кабинетнаго труда, оно прямо излагаетъ факты въ томъ видѣ, въ какомъ они являются уже объясненные наукой и очищенные современною критикой. Мы не ошибемся, если назовемъ изложеніе автора описательнымъ. Но при этомъ надобно замѣтить, что занявшись исключительно одною обрисовкою фактовъ, избѣгая изслѣдованій, которыя могли бы замедлять живое теченіе расказа, авторъ иногда вовсе забываетъ объяснять факты. Онъ не потрудился выяснитъ свою точку зрѣнія на описываемыя имъ явленія и не показалъ основанія, изъ котораго все они развиваются и которое даетъ имъ то или другое теченіе, тогъ или другой характеръ. Этотъ недостатокъ генетическаго изображенія явленій, которое всего дороже въ историческомъ произведеніи, мы замѣтили въ изложеніи самаго существеннаго предмета первой части «исторіи народопрравствъ», въ очеркахъ городской организаціи и внутренней борьбы тѣхъ основныхъ элементовъ, изъ которыхъ развивалась вся городская жизнь.

Самыми характеристическими чертами въ жизни нашихъ вольно-народныхъ городовъ, которыя прежде всего бросаются въ глаза, служатъ вольно-народное вѣче и непрерывныя собранія среди жителей. Наша лѣтопись начинаетъ свою исторію городовъ словами: «и почаша сами въ собѣ володѣти, и не бѣ въ нихъ правды, и встародъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ и воевати почаша сами на ся.» Послѣ этого она постоянно сообщаетъ намъ извѣстія о шумныхъ вѣчахъ, набатныхъ звонахъ, дракахъ черни, раззореніи цѣлыхъ улицъ и т. п. Расказавъ о паденіи послѣдняго вольнаго города Пскова, лѣтописецъ подводитъ итогъ ко всей исторіи вольныхъ городовъ и видитъ въ этомъ итогѣ «злые покленны и лихія дѣла и у вѣчи кричаніе; а не вѣдуши глава, что языкъ глаголетъ, не уиѣюще своего дому стронти, а градомъ содержати хоцемъ» (Ш. С. I. IV, 288). Наши прежніе историки съ какимъ-то тупымъ ужасомъ остановились предъ этою картиною вѣчевыхъ смутъ и волненій.

Они никакъ не могли примириться съ подобнымъ общественнымъ строемъ и заклеили бурную жизнь вольно-народныхъ городовъ эпитетами: своеволие, крамола, мятежи, безуміе черни и другими жалкими словами. Чувствительный и гуманный Карамзинъ сказалъ едвали не первое симпатичное слово о Новгородѣ и отъ души оплакалъ паденіе его вольности. Но ни онъ, ни другіе историкки государства не потрудились объяснить намъ причину новгородскихъ и псковскихъ усобицъ, да и не могли они этого сдѣлать съ своей точки зрѣнія. Только недавно мы получили возможность проникнуть въ сущность и смыслъ этихъ капризныхъ и запуганныхъ движеній народа. Мы уже стыдимся теперь отнестись къ нимъ свысока, не говоримъ, гордые своимъ образованіемъ, что они имѣли причинную грубость эпохи и были капризомъ невѣжественной черни. Мы заботливо спрашиваемъ у исторіи: изъ-за чего же волновался народъ? чего ему хотѣлось? и ищемъ разрѣшенія этого вопроса въ серьезномъ анализѣ городской жизни, въ изученіи характера и народныхъ началъ городского уклада. Мы ясно видимъ, что городскія волненія — явленіе совершенно аналогичное съ общою рознью удѣльнаго времени; это борьба несложившихся еще матерьяловъ будущаго зданія, тяжелый процессъ первоначальнаго строенія городского уклада. Само собою понятно, что изученіе составныхъ стихій городской жизни должно быть исходнымъ пунктомъ исторіи вѣчевыхъ городовъ. Утверждая на этомъ пунктѣ, историкъ генетически разовьетъ и характеръ городской общины, и основныя черты ея вѣчевыхъ сходотъ, и всѣ случаи народнои жизненной практики.

Въ сочиненіи г. Костомарова мы не видимъ ничего подобнаго. Онъ дѣйствительно началъ свою вторую часть описаніемъ вѣшняго состава вольно-народныхъ городовъ (гл. VI) и сословнаго раздѣленія ихъ народонаселенія (гл. VII, ст. 1.), причемъ обнаружилъ всѣ составныя части городской общины. Но это онъ сдѣлалъ безъ всякаго намѣренія опредѣлить для читателя надлежащую точку зрѣнія на городскую жизнь, а такъ, для одного вѣшняго порядка при раздѣленіи фактовъ на рубрики и отдѣлы. Дальше онъ уже совершенно забываетъ о томъ что говорилъ въ началѣ книги. Въ первый разъ встрѣчаемъ мы генетическое изложеніе фактовъ въ статьѣ «Объ усобицахъ» Новгорода и Пскова. Онъ выводитъ эти усобицы изъ борьбы между городскими сословіями, — вѣтшими и молодчими людьми, объясняетъ ихъ противорѣчіемъ между требованіемъ общаго земскаго равенства и дѣйствительнымъ неравенствомъ, которое неизбежно явилось вслѣдствіе экономическихъ и родовыхъ преимуществъ нѣкоторыхъ членовъ земства. Но это объясненіе не обнимаетъ собою всѣхъ явленій городской жизни. Откуда же, спраши-

вается, явилась борьба между цѣлыми концами и улцами, въ составъ которыхъ входили и вятчіе и молодчіе люди? Откуда эти особы, самостоятельныя вѣча по разнымъ городскимъ частямъ и проч.? Тутъ уже видна рознь не между личностями и даже не между сословіями. Сословная вражда еще можетъ идти къ объясненію большей части псковскихъ усобиць. Но въ усобицахъ Новгорода, кромѣ ея, мы видимъ еще новыя и болѣе важныя начала городской жизни.

Г. Костомаровъ открываетъ намъ ключъ къ уясненію сложныхъ явленій, о которыхъ онъ рассказываетъ, но онъ не хочетъ пользоваться имъ самъ. Описавъ внѣшній видъ Новгорода, онъ замѣчаетъ:

«Федеративный духъ, слагавшій русскія земли на правахъ самобытности каждой изъ земель въ связи съ другими, отпечатлѣлся рѣзкими чертами на составѣ великаго Новгорода. Каждый конецъ въ Новгородѣ, какъ каждая земля въ удѣльно-вѣчевой федераціи, составлялъ самъ по себѣ цѣлое; жители его назывались *кончане*: одинъ другого считалъ ближе, чѣмъ жителя сосѣдняго конца; въ общественныхъ дѣлахъ, касавшихся всего Новгорода, каждый конецъ выражалъ себя корпораціей... изъясняя свое участіе, какъ часть, сознающая свое отдѣльное существованіе; внутри имѣлъ свое управленіе, свое дѣлопроизводство, свои собранія. Не только конецъ, но и улица, составляла часть конца, имѣла значеніе самобытной корпораціи, такъ какъ въ русскихъ земляхъ — волости, на которыя дѣлились земли. Жители улицы носили названіе *уличане*, имѣли свое управленіе, выбирали своихъ уличныхъ старостъ и являлись въ общественныхъ дѣлахъ, какъ члены сознательно признаваемого общества. Такимъ образомъ нѣсколько улицъ, будучи каждая въ отношеніи къ другимъ до известной степени самобытными тѣломъ, всѣ вмѣстѣ составляли конецъ, а всѣ вмѣстѣ концы составляли Великій Новгородъ. Тоже самое авторъ видитъ и въ составѣ Пскова (стр. 7, 14).

Сдѣлавши это замѣчаніе, г. Костомаровъ только тѣмъ и ограничился. Между тѣмъ здѣсь-то, въ этомъ федеративномъ составѣ древнихъ городовъ, и заключается главная пружина ихъ жизни. Если бы авторъ провелъ свою мысль дальше, если бы вмѣстѣ съ борьбою сословныхъ элементовъ онъ прослѣдилъ взаимныя отношенія общинъ, входившихъ въ составъ древняго города, онъ представилъ бы совершенно полный очеркъ вѣчевой жизни.

Высказанное нами замѣчаніе совершенно однородно съ тѣмъ, которое мы представили выше касательно исторіи колонизаціи. Если послѣдняя служитъ исходнымъ пунктомъ для исторіи страны, то для исторіи города такой исходный пунктъ заключается въ извѣстнѣхъ о его колонизаціонномъ образованіи и первоначальномъ его

составъ. Въ нашей литературѣ мы знаемъ только два изслѣдованія касательно этого предмета, — статью г. Бѣляева о «городахъ на Руси до монголовъ» (въ журн. «мин. нар. просв.» за 1849 г.) и Малковского — «о происхожденіи Великаго Новгорода» («Врем.» кн. XII). Оба эти изслѣдованія не совсѣмъ удовлетворительны: первое вслѣдствіе поверхностной разработки вопроса, второе — по причинѣ его гипотетичности. Но они совершенно правильно изображаютъ намъ происхожденіе древнихъ городовъ. Сколько можно заключать изъ краткихъ извѣстій лѣтописей, наши города образовались изъ соединенія нѣсколькихъ селеній. Земледѣльческая деревня или село, торговый рядокъ, промышленная слобода были первоначальными починками всѣхъ древнихъ городовъ. Выгода мѣстоположенія, экономическій расчетъ и т. п. обстоятельства заставляли здѣсь скучиваться народонаселеніе, и первичное село, рядокъ, слобода, чрезъ постепенное приселеніе къ нимъ новыхъ жителей, сами собою, свободно и естественно дѣлались городами. Новые поселенцы обыкновенно примыкали къ общинамъ, родственнымъ съ ними по происхожденію, своя къ своимъ; отсюда цѣлыя улицы населялись пришельцами-земляками и носили названія тѣхъ мѣстъ, откуда произошли ихъ жители, — наиримѣръ прусская въ Новгородѣ, лядская или польская въ Кіевѣ и т. п. Иногда новые поселенцы селились въ общинахъ одинаковыхъ съ ними по занятіямъ, промысламъ. Такъ образовались въ Новгородѣ концы плотницкій, гончарскій. Въ составъ города могло входить цѣлое селеніе, причемъ оно составляло особую улицу, сохраняя свое старое названіе. Наиримѣръ въ Новгородѣ мы видимъ улицы: Лубяницу, Деревяницкую, Волотову, Щиркову и другія, и въ то же время по писцовымъ книгамъ находимъ соответствующіе этимъ улицамъ погосты въ разныхъ пятинахъ новгородскихъ: Лубяницкій в Щирковскій в шелонской пятинѣ, Волотовскій — въ деревской, Деревяницкій — въ обонешской. Вотъ отчего происходило раздѣленіе нашихъ городовъ на концы и улицы. При болѣе тщательномъ изученіи лѣтописныхъ извѣстій объ этихъ концахъ и улицахъ можно съ достаточною полнотою возстановить занимательный процессъ постепеннаго напластованія городскихъ частей. Сочиненіе Малковского «о происхожденіи Великаго Новгорода» представляетъ собою любопытный образецъ подобной реставраціи первоначальной исторіи Новгорода.

Такимъ образомъ древній городъ былъ союзомъ нѣсколькихъ міровъ или общинъ. Каждая община, вдвигаясь въ общій составъ сложной городской общины, сохраняла всю свою организацію, какую она имѣла во время своего особаго существованія. Отъ этого каждая улица городского посада, подобно сельскому міру, выбирала

своего старосту, дѣлилась на десятки и сотни съ особыми начальниками — десятичниками, пятидесяцкими и соцками, имѣла свою административную и судебную школу, свое дѣлопроизводство, наблюдала за своими экономическими интересами и т. д. Далѣе, каждая составная часть города представляла вполне органическое цѣлое, имѣла у себя болѣе или менѣе всѣ роды промысловъ, необходимыхъ для жизни, всѣ условія для самостоятельнаго суда и расправы, была рѣшительно независима отъ другихъ сосѣднихъ общинъ и составляла, по выраженію г. Бѣляева, отдѣльный городъ въ общемъ городѣ (*status in statu*). Точно такія же особныя и автономическія общины представляютъ изъ себя промышленныя и торговыя корпораціи. Замѣчательно, что городскія корпораціи обособлялись даже въ церковномъ отношеніи. Сколько можно догадываться на основаніи лѣтописныхъ извѣстій, приволимыхъ г. Костомаровымъ въ его изслѣдованіи, городская корпорація была вмѣстѣ и церковнымъ приходомъ. Кромѣ церквей частной постройки, церкви строятся цѣлыми улицами или торговыми общинами. Построить церковь, улица или компанія избирала для нея священно-церковно-служителей и назначала отъ себя содержаніе для нихъ. Такой порядокъ, вполне довершающій сходство городскихъ общинъ съ сельскими мірами, сохранился очень долго въ Новгородѣ. Мы видимъ его слѣды на примѣрѣ въ жалобахъ Стоглаваго собора: онъ жаловался, что уличане въ Новгородѣ, принимая къ церкви поповъ, дьяконовъ, дьяконовъ, пономарей и просвиренъ, берутъ съ нихъ большія деньги. Кто дастъ, съ тѣмъ и идутъ ко владыкѣ всей улицей; а если владыка пришлетъ къ церкви попа хорошаго и грамотѣ гораздаго, но если этотъ попъ не дастъ уличанамъ денегъ, то они его не примутъ. За чертою города или точнѣе посада тянулись слободы, составившіяся изъ позднѣйшихъ пришельцевъ, неуспѣвшихъ войти въ составъ посадской общины. Замкнутость и автономичность городскихъ общинъ еще яснѣе видна въ организаціи слободъ. Каждая слобода имѣла полную организацію сельскаго міра съ его выборными властями, мірской сходкой, мірскими разрубамъ и разметами. Жители слободъ селились свои къ своимъ, и руководясь общиннымъ духомъ личности, строились такъ, чтобы не смѣшиваться съ другими общинами. Отъ этого слободы отдѣлялись одна отъ другой большими пространствами незаселенной земли. По свидѣтельству псковскихъ лѣтописей, во всѣхъ слободахъ существовали особые храмы, даны съ особыми праздниками, предпочтительно почитаемыми тою или другою слободою. Остатки этихъ древнихъ слободскихъ праздниковъ, пировъ и братчинъ сохраняются еще доселѣ едвали не во всѣхъ городахъ Россіи; эти остатки мы видимъ теперь въ народ-

ныхъ гуляныхъ, которыя составляются по праздникамъ въ разныхъ загородныхъ слободахъ и урочищахъ.

Таковъ былъ составъ нашихъ древнихъ городовъ. Соображая всѣ эти факты, мы видимъ, что древній городъ былъ добровольнымъ союзомъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ общинъ, союзомъ, характеръ котораго г. Костомаровъ вѣрно, хотя и не совсѣмъ точно опредѣляетъ словомъ: федерація. Мы стоимъ теперь на томъ самомъ пунктѣ, съ котораго всего удобнѣе производить историческія наблюденія, съ котораго хорошо видна, вся длина и широта запутаннаго и прихотливаго теченія вольно-народной городской жизни. Сообразный строй вѣчевыхъ городовъ и вся ихъ исторія съ этой точки зрѣнія получаютъ ясный смыслъ.

Прежде всего федеративный складъ вѣчевыхъ городовъ служитъ основаніемъ, изъ котораго совершенно естественно и логически выходятъ всѣ формы вольно-народной городской администраціи. Имъ опредѣлилась единственно-возможная форма городского самоуправленія — вѣче. Аналогія между городскимъ вѣчемъ и мірскою сходкою несомнѣнна. Первое имѣло такое же значеніе въ жизни города, какое послѣдняя въ жизни сельскаго міра. Олицъ и тотъ же идеаль общаго земскаго равенства и полноправности, участія всѣхъ въ общемъ дѣлѣ, общаго мірскаго разсужденія, который предносился народу въ устройствѣ мірскаго самоуправления, легъ въ основаніи и городского вѣча. Но въ сопряженіи съ городскими формами народной жизни онъ долженъ былъ естественно усложниться и получить новые оттѣвки. По однородности своего населенія, однообразію промысловъ и занятій, вследствие почти равнаго распредѣленія богатства, одинаковыхъ правовъ, обязанностей и образованія, сельскій міръ представлялъ пзъ себя очень простой, немногосложный союзъ; его формы опредѣлились естественно, самою жизнію и едва ли не сразу. Это община по преимуществу бытовая. Не то мы видимъ въ исторіи вольно-народныхъ городовъ. Разносоставность ихъ, автономическій характеръ концовъ и улицъ, своеобразный бытъ каждой городской общины, исключительность ея интересовъ — все это требовало болѣе сложныхъ опредѣленій для скрѣпленія общегородскаго союза. Для этого союза требовалась уже не бытовая связь между членами его, какъ въ сельскомъ мірѣ, а болѣе искусственная, сознательная, въ формѣ взаимнаго добровольнаго соглашенія, договора, который необходимо предполагаетъ извѣстную степень юридическаго развитія. Вотъ отчего развитіе городской жизни шло чрезвычайно туго и медленно. До самаго паденія вольныхъ городовъ мы не видимъ въ ихъ исторіи крѣпкихъ, сознательныхъ, юридически-договорныхъ

основъ. Связь между горожанами напоминаетъ характеръ мірскихъ отношеній, остается преимущественно бытовою. Отъ этого она не охватываетъ всего состава городского земства, не связываетъ членовъ разнородныхъ общинъ, а ограничивается только предѣлами одной общины. Чистѣйшій снимокъ съ сельскаго міра, каждая отдѣльная община города образуетъ крѣпкій союзъ, но она не связана съ другими общинами. Жители одной общины — свои, жители другой были уже чужіе. Отсюда легко объясняется сравнительно большее развитіе и болѣе правильная организація частныхъ уличанскихъ и кончанскихъ вѣчей въ Новгородѣ в совершенная неопредѣленность общаго вѣча. Изъ исторіи Новгорода мы видимъ, что по однородности населенія конецъ или улица города на своей сходкѣ легко достигаютъ общаго соглашенія всѣхъ личныхъ интересовъ. Но какъ скоро дѣло коснется всѣхъ концовъ и улицъ, всего населенія Новгорода, начинается усобица; общенародное вѣче по недѣлѣ и по двѣ сходится у св. Софійи или на ярославовомъ дворницѣ и каждый разъ оканчивается дракой между городскими частями. Кончанскія, уличанскія, ошиполовичевыя и другія вѣча представляютъ изъ себя предварительныя сходки частныхъ городскихъ общинъ, матерьялы для составленія одного общенароднаго вѣча. Но городской укладъ еще не дошелъ по пути своего развитія до соединенія этихъ матерьяловъ. Не успѣвши выработать изъ себя крѣпкихъ основъ для примиренія и органической связи между составными общинными союзами, онъ не имѣлъ средствъ создать и правильныхъ формъ для общенароднаго вѣча. Эти формы только еще создавались среди непрерывной и тяжелой борьбы между городскими стихіями. Каждая частная община, входящая въ союзъ городскихъ общинъ, сохраняла полную самостоятельность. Мы не находимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ подчиненія одной городской общины другой. Федеративная связь ихъ обуславливалась сохраненіемъ полного равенства между ними. Ни одна община не хотѣла уступать другой и всѣми своими средствами защищала свой интересъ и свою полноправность. Здѣсь мы видимъ снова знакомыя намъ черты народнаго идеала, который требовалъ общей связи всѣхъ безъ нарушенія частныхъ правъ. Но если для выполненія этого требованія въ организаціи сельскаго міра и частной городской общины требовалось достигнуть соглашенія однихъ только частныхъ лицъ на общемъ сходѣ, то въ отношеніи къ городскому укладу задача становилась несравненно сложнѣе и запутаннѣе. На общегородскомъ вѣчѣ требовалось соглашеніе нѣсколькихъ совершенно разнородныхъ корпорацій, изъ которыхъ каждая отстаивала свой эгоистическій интересъ. Борьба между этими корпораціями

была необходима вслѣдствіе самого ихъ равенства между собою. Къ этому нужно прибавить еще одну черту, совершенно необходимую для характеристики городскихъ общинъ и ихъ взаимныхъ отношеній. Всѣ эти общины носятъ на себѣ черты первичныхъ союзовъ, въ высшей степени эгоистическихъ и замкнутыхъ. Между такими союзами вѣтъ связей. Членъ другого союза, чужой, тоже что врагъ. Этимъ объясняется родство между понятіями: гость, *Gast, hostis*. За предѣлами своего союза ограничивалась область права. Выйдя изъ него, человѣкъ лишался всякой защиты, — ему можно было причинить всякую обиду; его можно было даже убить безнаказанно. Въ русской правдѣ не положено никакой виры «по костѣхъ и по мертвеци, оже имени не вѣдаютъ, ни знаютъ его». Эта внутренняя разрозненность, враждебность есть существенная принадлежность всѣхъ юныхъ обществъ. Но чѣмъ замкнутѣе, чѣмъ разрозненнѣе были древніе союзы, тѣмъ крѣпче была ихъ внутренняя связь. Основанный на патріархальныхъ, родственныхъ началахъ, проникнутый при этомъ религіознымъ сознаніемъ духовнаго братства, первичный союзъ близко принимаетъ къ сердцу судьбу каждаго своего члена. У членовъ одного союза все общее: и слава и безчестіе, и счастье и несчастіе, и отвѣтъ за собственную вину и месть за обиду. Эта черта первичныхъ союзовъ превосходно развита въ недавно изданномъ сочиненіи г. Чебышова-Дмитріева «о преступномъ дѣйствіи по донетровскому праву».

Обратимся теперь къ самой практикѣ городской жизни и вѣчевыхъ сходовъ.

Каждая городская община, находясь въ положеніи *status in statu* въ отношеніи къ цѣлому городу, жила совершенно отдѣльно отъ другихъ общинъ, преслѣдовала свои частныя интересы, дѣйствовала такъ, какъ ей было нужно, не обращая вниманія на цѣлый городъ. Въ своей статьѣ «о городахъ на Руси» г. Бѣляевъ замѣчаетъ, что нѣкоторые роды боярскіе въ Новгородѣ или новгородскіе ковцы и улицы съ своими боярами во главѣ предпринимали иногда даже отдѣльныя войны, не спрашивая на это дозволенія цѣлаго Новгорода. Городъ видимо распадался на нѣсколько автономичныхъ частей, изъ которыхъ каждая жила и дѣйствовала сама по себѣ; все въ немъ шло врозь. Всего яснѣе видна эта рознь интересовъ и цѣлей между двумя большими частями Новгорода. Древній Новгородъ какъ извѣстно расположенъ былъ по обоямъ сторонамъ Волхова. На восточномъ берегу раскинута была Словенская или Торговая сторона; это было древнее Славно — первоначальное жилище племени славянъ, которое, кажется, разумѣется подъ именемъ легендарнаго Словенска, первоначальное ядро Новгорода, по

преимуществу народный городъ. На западной сторонѣ уже при князьяхъ явился дѣтинецъ и знаменитый храмъ св. Софіи. Около нихъ раскинулась Софійская сторона. Это было главнымъ образомъ жилище князя, владыки, его служителей, бояръ княжскихъ и городскихъ и всѣхъ правительственныхъ, вообще вятчихъ мужей. Правительственный и аристократическій городъ сталъ лицомъ къ лицу съ городомъ народнымъ. Слѣствія, происшедшія отсюда, понятны сами собою. Въ самомъ началѣ новгородской исторіи мы встречаемъ легенду о томъ, какъ низверженный Перунъ, плывя по Волхову, бросилъ на волховскій мостъ свою палку и завѣщалъ этимъ непрерывныя расширенія Новгороду. Съ тѣхъ поръ волховскій мостъ слѣблался постояннымъ мѣстомъ ссоръ и ожесточенныхъ схватокъ между обѣими сторонами Волхова. О дракахъ на волховскомъ мосту рассказываетъ намъ старая былина; о нихъ чуть не подъ каждымъ годомъ повѣствуетъ намъ новгородская лѣтопись. На Софійской сторонѣ собирается правительственное вѣче, созванное княземъ или новгородскими властями. На Торговой явится другое свое вѣче въ оппозицію первому. Съ той и другой стороны двинутся толпы на волховскій мостъ и начинается схватка. Неразъ встречаемъ мы извѣстія, что мостъ разрушаютъ для того, чтобы прервать всякое сообщеніе между враждебными сторонами. Но взаимно моста являются лодки и начинается морская битва. Обѣ стороны зорко слѣдятъ одна за другой, подозрительно прислушиваются ко всякимъ движеніямъ своей соперницы-сосѣдки, и малѣйшаго повода достаточно, чтобы поднять смуту. Въ Новгородѣ явилась даже очень замѣчательная народія на эти усобицы между Софійской и Торговой сторонами. Г. Костомаровъ рассказываетъ о двухъ юродивыхъ въ XIV вѣкѣ. Одинъ — Николай, жилъ на Софійской сторонѣ, другой, Федоръ, на Торговой. Они не пускали другъ друга на противную сторону, и если Федоръ явится на Софійской, то Николай его прогоняетъ, а если Николай зайдетъ на Торговую, то Федоръ, завидѣвъ его, бросается на него и гонитъ прочь. Эти путешествія съ одной стороны на другую совершались прямо по Волхову. Люди съ удивленіемъ смотрѣли какъ Николай, стоя среди Волхова, бросалъ въ своего соперника кочанами капусты (II ч. стр. 386).

Кромѣ цѣлыхъ сторонъ въ Новгородѣ мы видимъ постоянныя усобицы между концами и улицами. Эти болѣе мелкія части городской федераціи находились почти въ такомъ же взаимномъ отношеніи, какъ и цѣлыя стороны. Изъ числа новгородскихъ улицъ всего рѣзче выдается по своей особности, замкнутости и эгоистичности Прусская улица. Она была населена исключительно боярами.

Если принять гипотезу г. Костомарова о призваніи князей изъ Пруссовъ, то надобно думать, что бояре Прусской улицы были чуждые пришельцы въ Новгородъ. Какъ бы то ни было, только иногда цѣлый Новгородъ поднимался на Прусскую улицу. Надобно впрочемъ замѣтить, что усобицы между концями и улицами стоятъ по большей части въ связи съ соперничествомъ новгородскихъ сторонъ. Во время этихъ усобицъ обыкновенно концы одной стороны дѣйствуютъ за-одно противъ концовъ другой.

Поводовъ къ столкновенію враждебныхъ городскихъ общинъ, было много. Всякое общее дѣло необходимо вело къ ссорѣ, такъ какъ всякая община отстаивала при этомъ свой интересъ. Само собою разумѣется, что болѣе всего приходилось имъ сталкиваться въ дѣлахъ общей городской администраціи, при выборѣ правительственныхъ лицъ общинъ для всего города — князей и посадниковъ, также при смѣнѣ ихъ. Одинъ конецъ любилъ князя, другимъ этотъ князь не нравился и начиналась вражда. Напримѣръ въ 1157 году «бысть котора зла въ людѣхъ». Софійская сторона возстала на князя Мстислава Юрьевича и начала его гвать изъ Новгорода; Торговая сторона вооружилась за него. Обѣ стороны прервали между собой всякое сообщеніе; волховскій мостъ былъ разрушенъ. Едва не дошло дѣло до кровопролитія; оно было предотвращено бѣгствомъ Мстислава. Мы не хотимъ пересчитывать всѣ подобныя случаи столкновеній народныхъ изъ-за князей; княжеская исторія и отношенія народа къ князьямъ хорошо изслѣдованы г. Костомаровымъ. Обращаемся къ выборнымъ властямъ.

Каждая городская часть имѣла свои выборныя власти; цѣлый городъ избиралъ одного посадника. Въ лѣтописяхъ и актахъ мы встрѣчаемъ нѣсколько посадниковъ въ одно и тоже время; отсюда обыкновенно и совершенно логически заключали, что число посадниковъ въ вольныхъ городахъ возрастало. Г. Костомаровъ отвергаетъ это. Упомяновеніе нѣсколькихъ посадниковъ по его мнѣнію объясняется тѣмъ, что лица, кончившіе прохожденіе посадничей должности, продолжали называться посадниками, такъ что это названіе стало означать уже не должность, а званіе, клась. Свое предположеніе онъ доказываетъ тѣмъ, что во всѣхъ случаяхъ, когда говорится о нѣсколькихъ посадникахъ, одинъ изъ нихъ представляется дѣйствительно правящимъ: отъ него только пишутся грамоты и его только имя упоминается для обозначенія, когда совершилось извѣстное событіе. Но это нисколько не доказываетъ мысли г. Костомарова. Общій посадникъ для всего Новгорода дѣйствительно могъ быть только одинъ. Но его власть не исключала власти нѣсколькихъ частныхъ посадниковъ. Гораздо есте-

ственнѣе мысль Рейца, который утверждаетъ, что кромѣ общаго посадника, въ Новгородѣ было еще пять посадниковъ по пяти концамъ города. Въ новгородской грамотѣ 1471 года (А. Э. 1, № 92) дѣйствительно упоминаются шесть посадниковъ. Существованіе кончанскихъ посадниковъ совершенно согласно со всюю организацію Новгорода. Сдѣлавши главнаго посадника органомъ цѣлаго городского самоуправленія, городское земство не ограничивалось этимъ. Какъ общенародное вѣче составлялось изъ частныхъ сходоу по концамъ, такъ и въ общемъ выборномъ управленіи необходимо требовалось участіе выборныхъ властей изъ всѣхъ концовъ. И вотъ каждый конецъ выдвигалъ изъ среды себя посадника и ставилъ его въ качествѣ своего депутата и вмѣстѣ лица контролирующаго, рядомъ съ главнымъ правительственнымъ посадникомъ. Въ Псковѣ также упоминается о нѣсколькихъ посадникахъ разомъ, но ихъ отношеніе къ городскимъ частямъ не такъ очевидно какъ въ Новгородѣ.

Въ выборномъ управленіи отразилась та же самая неопредѣленность городского уклада какъ и въ вѣчевомъ управленіи. Мы видѣли уже, что вслѣдствіе слабаго юридическаго развитія въ древнемъ обществѣ, городская жизнь не успѣла развить правильно организованнаго общегородскаго вѣча. По той же самой причинѣ и выборное управленіе было крѣпко и болѣе развито только по частнымъ общинамъ, входившимъ въ составъ города. Мы не встрѣчаемъ въ летописи извѣстій о борьбѣ при выборахъ по концамъ и улицамъ города. Каждый конецъ и улица, представляя изъ себя небольшую бытовую общину, довольно легко могли достигать при выборѣ своихъ властей соглашенія между своими членами. Совершенно иное видимъ въ порядкѣ общегородскаго управленія. Правительственное лицо — посадникъ или тысячскій цѣлаго города, — должно было удовлетворять интересамъ всѣхъ городскихъ общинъ. Очень естественно, что при выборѣ посадника каждая община настаивала, чтобы избранъ былъ одинъ изъ ея членовъ или людей, сочувствующихъ ея интересамъ. Проходи свою должность, посадникъ разумѣется былъ болѣе по душѣ своимъ односоюзникамъ, однокончанамъ. Остальные союзы или концы возставали на него за это и старались его свергнуть. Но при этомъ они всегда должны были выдерживать борьбу съ своими соперниками. Вотъ почему въ Новгородѣ такъ часто смѣняли посадниковъ, и смѣны эти всегда почти происходили насильственно среди смутъ, звоновъ по всему городу продолженія нѣсколькихъ дней, волненій концовъ, часто кровавой драки. Напримѣръ въ 1220 году князь Всеволодъ хотѣлъ было свергнуть посадника Твердислава. Для достиженія своей цѣ-

ли онъ воспользовался рознью концовъ и успѣлъ возмутить противъ посадника враждебныхъ ему гражданъ. За Твердислава стали пруссы, людинъ конецъ и загоролцы, и встали около него полкомъ. Князь долженъ былъ оставить свое намѣреніе. Гражданъ успѣлъ помирить владыка Митрофанъ. Или вотъ другое извѣстіе еще болѣе выразительное. Въ 1359 году по дѣйствию дьявола и по совѣту лихихъ людей поднялся сильный мятежъ. Отняли посадничество у Авдreja Захаринича, не весь городъ, а только одинъ славянской конецъ, и сдѣлали посадникомъ Сильвестра Леонтьевича. За стараго посадника вступились зарѣчапе, т.-е. жители софійской стороны. На Ярославомъ дворѣ сзвали вѣче, которое кончилось побѣдцемъ между концами. Славяне, явившіеся сюда въ доспѣхахъ, бросились на зарѣчанъ, которые были безоружны. Сдѣлалась сѣча; били софійскихъ бояръ, а одного даже досмерти убили. Послѣ этого обѣ стороны возстали одна на другую; поднялась софійская сторона вся мстить за свою обиду; поднялись и славяне защищать свои животы и головы. Волховскій мостъ былъ разломанъ. Три дня обѣ стороны стояли вооруженныя, грозя одна другой. Едва могъ примирить ихъ владыка Моисей. Примиреніе совершилось подъ условіемъ, чтобы посадничество дано было третьему лицу. Но всетаки села Сильвестра были взяты на щитъ; пограблено было нѣсколько и другихъ славянскихъ селъ. «Много погубло тогда и невиноватыхъ людей, — заключаетъ свой рассказъ лѣтописецъ. — И тако смиришася. Не попусти Богъ до конца дьяволу порадоватися.» Въ 1387 году три конца софійской стороны возстали на посадника Есипа Захаринича, и сзвали вѣче, толпою пошли грабить его дворъ. Противъ нихъ за Есипа вооружилась вся торговая сторона, начали люди лупити, уничтожили перевозъ черезъ Волховъ, истребивъ суда и отбивая отъ берега перевозниковъ. Иногда посадника защищаетъ одна только улица, къ которой онъ принадлежалъ, и стоитъ за него противъ цѣлаго города. Такъ въ 1351 году подверглась разоренію прусская улица за посадника Федора Даниловича, имѣвшаго несчастіе подвергнуться негодованію народа. Всѣ подобныя волненія при смѣнѣ посадниковъ до того были обыкновенны, что когда дѣло обходилось безъ нихъ, лѣтописецъ отмѣчаетъ эти рѣдкіе случаи, возсылая благодареніе Богу: «Божією милостію не бысть лиха между нами.»

Точно такія же смуты и волненія постоянно возникали между городскими частями и по поводу другихъ случаевъ вѣчевой практики. Для образчика представляемъ очеркъ судебной дѣятельности вѣча. Судъ народнаго вѣча носитъ на себѣ натуральный, непосредственный характеръ. Истецъ, кто бы онъ ни былъ, вятчій, молодчій

человѣкъ, даже женщина, собиралъ вѣчевую сходку, залагая предъ ней свою жалобу. Толпа, возмущившись несправедливостью или просто безнравственностью факта, о которомъ ей рассказали, тутъ же совершала свою короткую расправу: била виновнаго, убивала его, топила въ Волховѣ, или съ шумомъ отправлялась на улицу, гдѣ онъ жилъ, грабить его домъ. Но при этомъ случалось, что уличае заступались за своего односоюзника, и начиналась междусоюзная война. Вслѣдствіе вѣчевого суда мы видимъ ипогда въ страшномъ волненіи весь великій Новгородъ. Зная первичный характеръ городскихъ общинъ, мы не находимъ въ подобныхъ волненіяхъ ничего непонятнаго для насъ. Крѣпкая, почти родственная связь, существовавшая между членами первичныхъ союзовъ, была причиною того, что обида, нанесенная одному члену, считалась обидою цѣлаго союза, и весь союзъ считалъ обязанностью мстить за своего обиженнаго члена. Равнымъ образомъ безчестіе или преступленіе одного члена ложилось пятномъ на цѣлый союзъ, и цѣлый союзъ долженъ былъ отвѣчать за вину. Этимъ объясняется наиримѣръ постановленіе русской правды, по которому цѣлая община, вервь платила за убійство, совершонное ея членомъ, виру.

Если членъ одного союза дѣлалъ несправедливость члену другого союза, то эта частная распря возмущала разомъ оба союза. Одинъ мстилъ за своего члена, другой отвѣчалъ за своего, но при этомъ считалъ разумѣется свою обязанностью не удовлетворить за обиду, а защищаться. Такимъ образомъ междусоюзный судъ въ юныхъ обществахъ естественно обращался въ войну. Это явленіе было тѣмъ неизбежно, что первичные союзы еще не возвышаются до сознанія общей равноправности, до сознанія отвлеченнаго закона, который простирается на всѣхъ безъ исключенія. За чертою первичнаго союза область права обыкновенно вдругъ прерывается. Членъ чужога союза — существо безправное. Обида, нанесенная ему, уже выходитъ изъ предѣловъ юридической совѣсти. Преступленіемъ въ первичномъ союзѣ эгонистически почитается только обида, нанесенная его собственному члену. Если потребуютъ удовлетворенія за несправедливость, съдѣланную со стороны какого-нибудь его члена другому союзу, то первичный союзъ сочтетъ это требованіе несправедливымъ и станетъ защищать виноватаго. Эта корпоративная привычка и эгонистичность, стѣсняющая область права, постоянно видна въ практикѣ вѣчевого суда.

Мы ограничимся нѣсколькими примѣрами. Въ 1218 году пѣкто **Мстиславъ Душанъ** дѣвичъ бѣжалъ, совершивъ какое-то преступленіе. **Вѣдь** схватили на дорогѣ и посадникъ Твердиславъ выдалъ его князю. Вдругъ разнеслась вѣсть, будто Твердиславъ поступилъ въ

этомъ случаѣ несправедливо. Въ онойполовицкомъ концѣ, къ которому вѣроятно принадлежалъ Матвѣй, прозвонили у св. Николы цѣлую ночь. За этимъ концомъ возсталъ соседній конецъ — Неревскій; у Сорока-мучениковъ также зазвонили въ колокола. Князь отпустилъ Матвѣя. Но эта уступка съ его стороны не успокоила горожанъ. Они — половцы и неревляне, собрались въ доспѣхахъ, вооруженные какъ на брань. За Твердислава вступились Людвигъ конецъ и Прусская улица. Загородцы не вступились ни за ту, ни за другую сторону и спокойно остались смотрѣть на усобицу. Произошла сѣча въ городскихъ воротахъ. Между тѣмъ волховскій мостъ былъ сломанъ, по это мало помогало: враги ѣздили съ одного берега на другой и бились на лодкахъ. Около шести человекъ было избито до-смерти. Звоны колоколовъ и бурныя вѣча продолжались цѣлую недѣлю. Вслѣдствіе такой розни между городскими концами случалось, что истецъ сзываетъ одно вѣче, а виновный другое, и дѣло рѣшалось общимъ побожіемъ. Папримѣръ въ 1230 году поссорился двое бояръ, изъ которыхъ одинъ былъ посадникомъ; слуги послѣдняго прибили перваго. Озлобленный гражданинъ созвалъ вѣче на дворѣ Ярослава, которое пограбило дворъ посадника. Этотъ въ свою очередь созвалъ другое вѣче изъ своихъ приерженцевъ. Грабежъ домовъ и убійства были слѣдствіями. Въ 1382 году разбирали жалобы вѣсколькихъ пригородовъ на князя Патрикія, который былъ тамъ кормленникомъ. За него вступился Славенскій конецъ. Славяне цѣлыхъ двѣ недѣли звонили въ вѣчевой колоколъ на ярославовомъ дворѣ. Неревскій, Загородскій и Людвигъ концы составили другое вѣче у св. Софійи и также звонили двѣ недѣли. Тысячкій Есичъ съ плотничанами перешолъ на сторону софійскаго вѣча. За это сильно разсердился на Есича жители Славенскаго конца, который съ Плотничкимъ концомъ принадлежалъ къ одной сторонѣ Новгорода — торговой. Славяне прямо съ вѣча съ ярославова двора бросились было грабить дворъ Есича, но плотничане заступились за него, били славлянъ и грабили ихъ. Между тѣмъ софійскіе концы въ полномъ вооруженіи стояли вѣчемъ у св. Софійи отъ обѣда до вечера. Плотничане, какъ мы видѣли, перешли было на ихъ сторону, но скоро должны были оставить ихъ вслѣдствіе большей родственности съ кончанами славенскими. Готовилась серьезная схватка между концами. Мостъ по обыкновенію былъ уже сломанъ. Три софійскіе конца написали даже запись стоять заодно противъ славлянъ. «Но убоде, — говоритъ запись — Богъ и св. Софія отъ усобныхъ рати.» Всѣ пять концовъ помирились на томъ, чтобы у Патрикія взять пригороды и дать ему въ кормленіе другіе, написали договорную грамоту и приложили

къ ней пять печатей. Точно также во время страшной смуты въ 1418 году за боярина Данила Ивановича стояла Чудинцова улица, а за Ивана Іевлевича — Кузьмодемьянская; Прусская улица билась за своихъ бояръ. Во всѣхъ этихъ и подобныхъ смутахъ между концами и улицами мы видимъ, что городскіе союзы вступаются за бояръ. Г. Бѣляевъ въ своей статьѣ «города на Руси до монголовъ» замѣчаетъ по этому случаю, что каждая община въ городѣ имѣла свои боярскіе роды и что интересы каждаго боярскаго рода тѣсно были связаны съ интересами его общины. Обидѣть который-нибудь изъ этихъ родовъ значило обидѣть цѣлый конецъ или улицу и наоборотъ. Увлечшись этою мыслью, почтенный ученый допустилъ нѣсколько значительныхъ натяжекъ въ фактическомъ развитіи ея; все-таки эта мысль очень замѣчательна и дѣйствительно подтверждается въ некоторыи фактами. Эта тѣсная связь боярскихъ родовъ съ народомъ всего лучше доказываетъ то, что объяснять усобицы Новгорода одною борьбою между вятчими и молодчими людьми, какъ это дѣлаетъ г. Костомаровъ, не возможно. Совершенно справедливо, что эта борьба имѣла важное значеніе въ исторіи вольнонародныхъ городовъ, особенно въ исторіи Пскова; но кромѣ ея мы видимъ еще другой неменѣе важный, если еще не болѣе, мотивъ вѣчевой жизни: это разнь концовъ и улицъ, частныхъ союзовъ, входившихъ въ составъ городской федераціи. Но докончимъ нашъ очеркъ судебной практики вѣча.

Если каждый городской союзъ считалъ своею обязанностью защищать своего члена на вѣчевомъ судѣ, то съ другой стороны онъ и отвѣчалъ за его вину. Житель улицы или конца совершалъ преступленіе; виновность и отвѣтственность за вину понашему падаетъ только на его лицо. Вѣче разсуждало не такъ. Въ его глазахъ виновна была цѣлая община, къ которой принадлежалъ виноватый; толпа шла на его улицу и разносила домы его сосѣдей. Такъ въ 1351 году вознегодовалъ народъ на посадника Федора Даниловича; его лишили посадничества, выгнали изъ города, разграбили его домъ; потомъ предали на потокъ его родню; наконецъ толпа двинулась на Прусскую улицу, гдѣ онъ жилъ, ограбила и раззорила ея.

Всѣ подобные случаи вѣчевой практики живо рисуютъ передъ нами взаимныя отношенія городскихъ частей и то неестественное, напряженно-подозрительное вниманіе ихъ одна къ другой. Чуть не каждый годомъ лѣтописецъ рассказываетъ о городскихъ смутахъ. Толпы черни ходили изъ улицы въ улицу, грабя домы; по всему городу звонили въ колокола; мирные граждане со страхомъ сѣдѣли въ церкви и монастыри спасать свое имущество. Дни, даже не дѣля проходяли, пока весь народъ, всѣ концы и улицы

успокоивались отъ мятежа. Лѣтописецъ, утомясь отъ изображенія возмутительныхъ сценъ народной смуты, съ отраднымъ чувствомъ оканчиваетъ свой расказъ: «и бысть тишина во градѣ; Богомъ диволъ погранъ бысть и св. Софією; крестъ возвеличенъ бысть и снисдошася братія вкупѣ единодушно.» Малѣйшаго повода достаточно было, чтобы поднялась смута, раздѣлились всѣ концы и улицы и во всей своей силѣ выступила наружу вся разносоставность города и вся враждебность между его частями. Не можемъ удержаться, чтобы не передать лѣтописнаго расказа о смутѣ 1418 года, одного изъ самыхъ выразительныхъ расказовъ новгородскихъ лѣтописей. Въ этой смутѣ нашли полное выраженіе оба существенныхъ мотива вѣчевой жизни и сословная борьба вятичскихъ людей съ молодичми, которую развиваетъ въ своемъ сочиненіи г. Костомаровъ, и борьба кончанскихъ и уличанскихъ общинъ города, на которую мы указали.

Разъ какъ-то весной 1418 года по одной изъ новгородскихъ улицъ шолъ бояринъ Данило Ивановичъ Божинъ-внукъ. Какой то Степанко схватилъ его за воротъ и закричалъ: «господа! пособайте мнѣ на этого злодѣя». На его крики собралась толпа, приняла сторону Степанки и потащила боярина къ Волхову, награждая его побоями. Явились и другіе враги боярина. Въ то время, какъ его тащали, — на укореиіе ли богатымъ обижающимъ убогихъ или на казнь дьявола — лѣтописецъ не можетъ рѣшить этого, — явилась изъ толпы какая-то женщина, и взявши мужескую крѣпость, съ неистовствомъ начала колотить его, крича о какой-то обидѣ, претервѣнной ею. Избитаго до-полусмерти, тащили боярина на волховскій мостъ и бросили оттуда въ рѣку. Одинъ рыбакъ принялъ было его на свою лодку, но за это дорого заплатился; толпа ринулась на его домъ и разнесла его. Этими бы и могла кончиться смута, довольно обыкновенная въ Новгородѣ, но Данило Ивановичъ, избившись отъ смерти, которая угрожала ему по милости Степанки, не забылъ своей обиды. Ему какъ-то удалось схватить Степанку и опять захотѣлъ выместить на немъ, не помняувъ въ этомъ случаѣ рекшаго: «азъ отмщеніе». Народъ скоро узналъ объ этомъ. На Ярославовомъ дворѣ зазвонили въ вѣчевой колоколъ и собралась огромная толпа. Нѣсколько дней шумѣло это беспорядочное вѣче, крича: «пойдемъ на этого боярина, разграбимъ его домъ». Опъ жилъ на Кузьмодемьянской улицѣ. Въ доспѣхахъ, со стягомъ двинулась туда вся толпа, разграбила его домъ, много другихъ домовъ и беретъ къ Яневой улицѣ. Какъ видится, уличане этихъ улицъ хотѣли было сначала защищать своего боярина; но послѣ грабежа кузьмодемьянцы испугались, какъ бы не было съ ними чего-нибудь еще хуже, и

выдали Данилу чрезъ архіепископа, умоляя при этомъ владыку укротить мятежь. Толпа, получивъ въ свои руки ненавистнаго боярина, стала было успокаиваться. Но тутъ вдругъ вспомнились ей обылы другого боярина, Ивана Ісвлевича съ Чулинцовой улицы. Возъярившись снова, какъ пьяная, по выраженію лѣтописи, толпа бросалась на его домъ, причеиъ пограблено было много и другихъ боярскихъ домовъ на Чулинцовой улицѣ. Грабежь протерся даже на монастырь св. Николы. «Здѣсь житницы боярскія», кричалъ народъ, грабя обитель. Мятежники шли все дальше, разграбили Люгошу улицу, гдѣ жили супостаты народа, и дошли до улицы Прусской. Здѣсь имъ дали отпоръ и заставили отступить на Торговую сторону, гдѣ началось волненіе. И вотъ пронеслась молва, будто Софійская сторона вооружается и толпы собираются грабить дома на Торговой сторонѣ. Ударили во всѣхъ церквахъ въ колокола тревогу. Съ обѣихъ сторонъ въ доспѣхахъ, какъ на рать, двинулся народъ на большой мостъ и началась свалка. Какъ разъ къ этому времени разыгралась страшная гроза съ дождеиъ и градомъ. «Отъ грозы тоя страшныя и отъ возмущенія вострясеея весь градъ, и найде страхъ на обѣ странѣ; и отъ лютыя брани и усобного губительства начаша животы свои носити въ церковь». Мирные граждане со слезами молили владыку, да уставиъ народы. Когда владыка, выйдя съ крестами и съ духовенствомъ, кое-какъ заставилъ разойтись народъ, мѣсто побоища — волховскій мостъ — былъ покрытъ трупами.

Вотъ какииъ тяжкимъ, болѣзненнымъ путемъ шла исторія вѣчевыхъ городовъ и строился городской укладъ, вырабатывалось народное право, выяснялись и прилагались къ практикѣ народныя привычки земскаго строенія. Мы застаемъ наши города въ эмбрионическомъ состояніи. Идетъ еще длинный процессъ соглашенія между ихъ составными частями и между общественными классами. При томъ естественномъ саморазвитіи городского уклада путемъ самой жизни и практики, какое было необходимо при отсутствіи всякой юридической теоріи, борьба между городскими корпораціями была неизбежна, составляла единственное средство къ ихъ взаимному соглашенію и союзу. Отъ этого она стоитъ на первомъ планѣ въ исторіи вольнонародныхъ городовъ, составляетъ его существенное содержаніе. Народный идеалъ, то что хотѣло выстроиться среди этой борьбы, чуть-чуть только мелькаетъ въ смутной дали будущаго. Перелистывая лѣтописи, мы съ терпѣніемъ спѣшимъ къ разгадкѣ всей путаницы и съ сожалѣніемъ видимъ, что этой разгадки нѣтъ. Московскій князь однимъ взмахомъ рубить запутанный узелъ и исторія городовъ остается недоконченной. Вотъ отчего

старая историческая школа, еще неуспѣвшая выработать себѣ крѣпкого анализа, не могла ничего рассказать намъ о Новгородѣ и Псковѣ, кромѣ длинной и скучной исторіи вѣчныхъ смуть. Она была не виновата въ этомъ: сама исторія не докончила своего дѣла и на самомъ интересномъ мѣстѣ поставила загадочный вопросъ. Слѣдя съ тоскливымъ вниманіемъ за рядомъ народныхъ возстаній, прежніе историки не видѣли въ нихъ никакого смысла и простосердечно заключали свой рассказъ словами: «земля, господине, такова»; т. е. они приняли безпорядочную кучу матерьяловъ будущаго здавія за самое знаніе, недождавшись конца народной постройки, заключили, что онъ ничего бы и не построилъ; и обрадовались, когда московскій князь на мѣстѣ народнаго вѣча началъ строить свои приказы, тиупскія и земскія избы и т. п. Въ наше время наука значительно приблизилась къ разрѣшенію интереснаго вопроса, которымъ кончилась исторія вольно-народныхъ городовъ. Если она еще не успѣла выяснитъ народный идеалъ земско-городского строенія, по крайней-мѣрѣ она убѣдилась, что этотъ идеалъ былъ и что его можно уловить въ практикѣ городской жизни. Слѣдя за повгородскими смутами, мы видимъ въ нихъ не выраженіе народнаго безсилія, ждемъ не гибели народа среди вѣчной уособицы, а примиренія враждующихъ партій и разработку народнаго права. Сама лѣтопись, рисуя мрачныя картины, освѣщаетъ ихъ отраднымъ свѣтомъ надежды. Мысль о примиреніи, требованіе общенароднаго единенія постоянно высказываются на ее страницахъ, и тѣмъ чаще, чѣмъ дальше развивается исторія городовъ. Эта мысль о новомъ лучшемъ порядкѣ вещей высказывается и въ покаянномъ чувствѣ, съ каковыми лѣтописецъ рассказываетъ исторію смуть, и въ этомъ постоянномъ призываніи къ братской любви, къ покоренію другъ другу, которое онъ проповѣдуетъ, и въ рассказахъ о томъ какъ мирные граждане плакали среди мятежей; какъ сѣмья толпы, мятежные ковцы и улицы всякій разъ заканчивали свою вражду миромъ и братскою любовью; какъ тотъ же самый Новгородъ, который мы видимъ въ положеніи такого страшнаго внутренняго раздѣленія во время уособицы, единодушно, какъ одинъ человекъ, возставалъ противъ общаго врага, во время общей опасности. Все это показываетъ, что въ основѣ вѣчевой жизни лежали крѣпкія, жизненные начала. Слѣдя за исторіей городовъ, можно прослѣдить какъ эти начала, сохраняя на себѣ слѣды еще первоначальнаго хаотическаго броженія и неопредѣленности, все болѣе и болѣе развивались, опредѣлялись въ своихъ формахъ и постепенно выражались въ довольно правильномъ земскомъ строѣ.

Въ самомъ началѣ новгородской исторіи мы встрѣчаемъ фактъ

призванія князей. Древнее общество не нашло еще въ себѣ внутренней примиряющей силы. Вражда между его составными частями была еще въ полной силѣ; родъ возставалъ на родъ, а управы не было. Пригласили внѣшнюю силу для водворенія наряда. Отсюда какъ нельзя лучше объясняется значеніе князей среди древняго земства. Управа нужна была въ общихъ дѣлахъ города, касавшихся всѣхъ его концовъ и улицъ въ между-союзыхъ отношеніяхъ. Каждый союзъ внутри себя не нуждался въ посторонней управѣ. Такимъ образомъ княжеская власть была искусственнымъ средствомъ соединить въ одно цѣлое всѣ враждебные городскіе союзы, разбирать ихъ распри и внести въ ихъ взаимныя отношенія юридическій элементъ, право, котораго, какъ мы видѣли, не доставало здѣсь. Но она не должна была нарушать древняго народнаго самоуправленія. Отъ князя требовали, чтобы онъ судилъ по народнымъ обычаямъ чрезъ мужей новгородскихъ, не посужалъ нольнаго ряда, не вмѣшивался въ городскую экономію и вообще во всѣ домашнія дѣла города. Первыхъ князей даже и не поселили въ самомъ Новгородѣ, а дали имъ для жительства пограничныя пригороды. Но вотъ уже Рюрикъ двинулся къ Новгороду и выстроилъ себѣ крѣпость противъ самаго народнаго города. И «оскорбишася новгородцы, рассказываетъ никоновская лѣтопись о впечатлѣніи, какое произвело на народъ это новое движеніе князя, — оскорбишася, глаголюще, яко быти памѣ работъ, и много зла всячески пострадати отъ Рюрика...». Земство городское сразу поняло, что внѣшняя сила, призванная имъ, была чуждою силою, нарушала испоконный порядокъ вещей. Нужно было или эту самую силу слѣлать земскою, усвоить ее себѣ и претворить ее въ себя, или же искать новыхъ средствъ къ установленію внутренняго наряда. Отсебѣ главною задачею отношеній Новгорода къ князьямъ становится постоянное стремленіе городского земства установить извѣстные предѣлы для княжеской власти и слѣлать ее земскою. Въ этомъ состоитъ смыслъ выборнаго значенія князей и всѣхъ договорныхъ грамотъ съ ними. Мы знаемъ, что усилія народа остались въ этомъ случаѣ безплодными. Княжеская власть устояла противъ нихъ и до конца выдержала свой централизаціонный и бюрократическій принципъ.

Другое тоже искусственное, но уже болѣе удобное средство къ установленію городского наряда, вѣчевая жизнь нашла себѣ въ значеніи и власти новгородскихъ владыкъ. Власть владыки служила примиряющимъ началомъ среди внутренней городской вражды. Мы видимъ нѣсколько примѣровъ въ исторіи Новгорода какъ улицы и кояды, не въ силахъ будучи примириться сами собой, призываютъ

на вѣче владыку и отдаются на его рѣшеніе; какъ появленіе владыки на волковскомъ мосту укрощало самыя сильныя усобицы. Владыка былъ первый земскій человекъ, около котораго сосредоточивались всѣ концы и улицы. Иерархія была также пришедшимъ извнѣ элементомъ среди земства, какъ и княжеская власть; но земство успѣло совершенно усвоить его. Г. Костомаровъ довольно полно прослѣдилъ процессъ, путемъ котораго владыки получили подобное значеніе, какъ они сдѣлались выборными людьми и представителями всѣхъ мѣстныхъ идей и стремленій. Но онъ мало выяснилъ самое ихъ положеніе въ Новгородѣ и участіе въ земскихъ дѣлахъ. Напримѣръ мы не находимъ у него ничего о софійской казнѣ, о ея значеніи для городской экономіи, объ участіи владыкъ въ разнаго рода городскихъ расходахъ на постройки, уплату дани и окуповъ и т. п. Основаніе, на которомъ держалось значеніе владыкъ, онъ объясняетъ такъ: «Великій-Новгородъ со всею землею состоялъ подъ покровительствомъ св. Софіи, былъ такъ - сказать въ нѣкоторомъ смыслѣ ея властью... Владыка былъ такъ-сказать живымъ выраженіемъ этого отвлеченнаго понятія.» Это «такъ-сказать» слабо объясняетъ дѣло. Значеніе владыки было не выраженіемъ отвлеченнаго понятія, а жизненнымъ фактомъ, выраженіемъ непосредственнаго чувства народнаго. Для того, чтобы понять его, г. Костомарову слѣдовало бы обратиться къ характеру нашей древней общины. Наша народная община была союзомъ не юридическаго, а нравственнаго характера. Это было не договорное товарищество, а духовно-родственное братство. Право здѣсь было совершенно слито съ нравственностію; внѣшняя, гражданская сторона жизни тѣсно соединена съ внутреннею. Община слѣдила не только за дѣлостію правъ своихъ членовъ, но и за всѣмъ ихъ нравственнымъ поведеніемъ. Виновика противъ своихъ правилъ она называла не преступникомъ, т. е. нарушителемъ закона въ извѣстномъ частномъ случаѣ, а *лихимъ* человекомъ, — терминъ взятый изъ области морали. Странно, что у насъ не обращаютъ надлежащаго вниманія на этотъ патріархальный, братскій, нравственный союзъ народной общины, а между тѣмъ онъ проливаетъ яркій свѣтъ на всѣ стороны общинной жизни, особенно на юридическую практику ея. Кажется, одни только славянофилы и указываютъ на него въ отличіе нашей общины отъ западной комюны. Въслѣдствіе этой двойственности общиннаго характера, какъ союза юридическаго и вмѣстѣ нравственнаго, сельскій міръ или уличанская община переходили въ церковный приходъ; городъ или область были вмѣстѣ епархією. Гражданское и церковное значеніе общины совершенно сливались. Какъ гражданскій союзъ, община сосредоточивалась около вѣчей и сто-

доку; какъ церковно-нравственный, она имѣла средоточіемъ патрональный храмъ; и замѣчательно, что сходка, вѣче собирались около патронального храма по звону церковнаго колокола. Священникъ, владыка, будучи средоточіемъ своихъ духовныхъ дѣтей, вмѣстѣ съ этимъ становились и во главѣ гражданской жизни общины. Вотъ, по нашему мнѣнію, гдѣ находится ключъ къ объясненію земскаго значенія новгородскихъ владыкъ. Очень жаль, что г. Костомаровъ не сопоставилъ положенія владыкъ новгородскихъ съ положеніемъ епископовъ въ остальныхъ областяхъ Руси. Начала были вездѣ одни и тѣже. Различіе только въ томъ, что по удѣламъ земское значеніе епископовъ скоро ступевалось вслѣдствіе развитія княжеской власти и епископы дѣлаются органами не мѣстнаго земства, а центральной власти, тогда какъ въ Новгородѣ, по известнымъ обстоятельствамъ, народный принципъ успѣлъ найти самое обширное приложение въ практикѣ и развился въ опредѣленныхъ формахъ, ясно сознанныхъ народомъ. Въ остальныхъ областяхъ въ эпоху московской централизаціи епископы спокойно являются изъ Москвы, гдѣ они посвящались безъ согласія своихъ будущихъ епархій, по волѣ митрополита и великаго князя; въ Новгородѣ плохо приходится первому владыкѣ Сергію, присланному изъ Москвы; по рассказамъ мѣстныхъ легендъ, въ которыхъ нашли полное свое выраженіе народныя принципы, долго являлись Сергію почившіе новгородскіе владыки съ обличеніями за то, что онъ осмѣлился занять ихъ престолъ, и несчастный владыка сошелъ съ ума. Древняя область, вслѣдствіе ея нравственнаго характера и склада, смѣшенія въ ней гражданской стороны съ церковною, теряя независимаго владыку, теряла вмѣстѣ съ тѣмъ свою автономію. Отсюда попытки Новгорода избавить свою іерархію отъ вліянія московскаго митрополита. Съ другой стороны централизація Москвы въ положеніи новгородскихъ владыкъ отыскала чувствительное мѣсто у Великаго-Новгорода, въ которое постоянно направлены ея удары. Несмотря на все это, мы все-таки думаемъ, что власть владыки была искусственнымъ средствомъ скрѣпить федерацію городскихъ общинъ. Несмотря на двойственность въ характерѣ этой федераціи и вмѣстѣ на близкое соединеніе между собою ея гражданской и церковной жизни, въ вѣчевой практикѣ все-таки не могла не ощущаться искусственность, съ какою духовное вліяніе владыкъ перепредлось въ гражданскую, мірскую сферу. Владыка былъ естественнымъ средоточіемъ города, какъ союза нравственно-религіознаго; но для гражданскаго соединенія городскихъ общинъ требовалось другое средоточіе — вѣче. Отъ этого для установленія внутренняго порядка, для развитія городского уклада нужно было развитъ самыя

вѣчевыя формы, найти средства къ скрѣпленію городской федераціи въ самыхъ формахъ городского самоуправления.

Послѣ смуты 1418 года, когда народъ не могъ примириться самъ собою, когда общенародное вѣче распалось на враждебныя части по городскимъ концамъ, мы встрѣчаемъ замѣчательное явленіе вѣчевой жизни, которое обнаруживаетъ невозможность со стороны владыки установить прочное согласіе между городскими концами и вмѣстѣ то средство, которымъ пользовалась народная жизнь какъ врачествомъ отъ болѣзненнаго безнарядья. Владыка, какъ мы видѣли, усмирилъ тогда волненіе своею духовною властію; но это усмиреніе состояло только въ томъ, что прекратилась народная драка. Причина смуты, разнь кончанскихъ интересовъ, осталась во всей силѣ; нужно было разобрать кончанскія распри и споры, нуженъ былъ опять-таки судъ народный, который и былъ причиною всей смуты. Въ этихъ обстоятельствахъ всѣ стороны порѣшили отдать свою тяжбу на разсмотрѣніе лучшихъ людей, выборныхъ изъ всѣхъ концовъ. Общенародное вѣче нашло себѣ опору въ выборномъ совѣщаніи. Вотъ гдѣшла народная жизнь выходъ изъ безотраднанаго положенія вѣчевыхъ усобиць. Такимъ образомъ сама исторія указываетъ намъ, что прогрессъ вѣчевого уклада заключался въ развитіи выборнаго начала и въ соединеніи его съ общенароднымъ вѣчевымъ управленіемъ. Намъ иѣтъ нужды владаться въ изображенія выборнаго управленія вольныхъ городовъ, пересчитывать лица, на которыхъ возлагалось полномочіе вѣча, и предметы ихъ вѣдомства. Г. Костомаровъ тщательно разработалъ этотъ предметъ въ III и VI отдѣлѣ VII главы. Позволяемъ себѣ замѣтить только общіе недостатки его изслѣдованія. Прежде всего онъ дѣлаетъ только сводъ фактовъ, касающихся должностныхъ лицъ и порядка выборнаго управленія и суда; но мы не находимъ у него историческаго развитія этого предмета. Далѣе онъ слишкомъ слабо коснулся того вліянія, какое имѣло на составъ и порядокъ выборнаго управленія основное дѣленіе городской общины на концы и улицы. Мы уже говорили объ этомъ по поводу мѣннія г. Костомарова о новгородскихъ посадникахъ. Замѣчательно, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ выступаетъ на сцену выборное начало, мы постоянно встрѣчаемъ дѣйствующими выборныхъ людей отъ концовъ и кромѣ того еще отъ общественныхъ классовъ. Это уже чистая форма правильнаго представительства. Самымъ полнымъ выраженіемъ этого представительнаго начала служатъ извѣстія о такъ-называемомъ *одриль судѣ* по грамотѣ 1471 года (А. Э. 1; № 92) пѣз времени послѣднихъ лѣтъ независимости Новгорода.

Переходимъ къ областной жизни Новгорода и Пскова. Мы уже

знаемъ какъ формулируетъ г. Костомаровъ народный идеалъ областного уклада. Если городская община не успѣла выдержать въ своей жизни всѣхъ требованій федеративнаго начала и создать себѣ крѣпкій укладъ, тѣмъ менѣе могла это сдѣлать областная жизнь, которая развивалась изъ борьбы еще болѣе разнообразныхъ стихій. «Отношенія пригородовъ къ митрополіи,» говоритъ г. Костомаровъ (стр. 56), «и вообще способъ ихъ управленія представляютъ неясныя стороны. Мало знаемъ объ этомъ, и можно дѣлать заключенія только по общимъ чертамъ.» И мы дѣйствительно находимъ, что этотъ предметъ разработаиъ у него весьма слабо. Въ статьѣ о пригородахъ онъ исключительно разсматриваетъ ихъ обязанности въ отношеніи къ митрополіи и нисколько не обращаетъ вниманія на ихъ права. Отъ этого очеркъ областного управленія выходитъ не полный, и потому блѣдный. Только въ статьѣ о вѣчахъ онъ замѣчаетъ, что пригороды иногда участвовали въ вѣчевыхъ сходахъ митрополіи; но тутъ же высказываетъ мысль, что изъ неясныхъ указаній лѣтописи нельзя сдѣлать заключенія о постоянномъ корпоративномъ участіи пригорожанъ на вѣчахъ, что «жившіе въ пригородахъ могли участвовать, какъ новгородцы, а не какъ пригорожане.» Такимъ образомъ онъ оставляетъ безъ всякаго послѣдствія самый существенный вопросъ областной исторіи. Онъ даже не потрудился надлежащимъ образомъ поставить этотъ вопросъ. Въ лѣтописи мы находимъ опредѣленную формулу: «вся власти (главные города), якоже на думу, на вѣча сходятся; на чтоже старѣйшіи вздумаютъ, на томъ же и пригороды стануть.» Эта формула, общая для всѣхъ городовъ Руси, не даетъ никакого самостоятельнаго значенія пригородамъ. Самъ г. Костомаровъ почелъ за нужное доказывать существованіе въ пригородахъ народнаго вѣча. Но если всѣ концы и общины города имѣли самостоятельный голосъ на вѣчѣ и участвовали на немъ корпоративно, какъ же не могли участвовать въ общей областной администраціи цѣлые города — пригороды? Какимъ образомъ лѣтописную формулу согласить съ кореннымъ земскимъ принципомъ, требовавшимъ общей связи съ цѣлымъ безъ нарушенія самостоятельности частей? Вотъ въ чемъ состоитъ главное затрудненіе въ исторіи областного уклада, и вотъ какъ нужно поставить вопросъ о пригородахъ.

Мы иначе не можемъ разрѣшить этого вопроса, какъ только предположивъ, что лѣтописная формула имѣла свое приложеніе только въ древнее время первоначальной колонизаціи страны, когда пригороды еще только строились. Они были очень малы; населеніе ихъ состояло изъ самыхъ молодыхъ людей митрополіи, потому что вѣтчимъ людямъ не было никакой надобности оставлять старшія

городъ—центръ областной жизни. Будучи слабыми смердьями городками, пригороды, какъ и сельскіе міры, не могли тягаться съ митрополіею и безпрекословно повиновались ей. Но послѣ, когда они обогащались торговлею, увеличивались путемъ колонизаціоннаго саморасширенія, дѣлались сами центрами самостоятельной колонизаціи и населялись вятчими людьми, они уже переставали находиться въ страдательномъ отношеніи къ митрополіи, заявляли свой голосъ въ дѣлахъ областного управленія, изъ смердьихъ городковъ дѣлались младшими братьями митрополіи и начинали считаться съ нею по старшинству. Такова исторія новгородскихъ пригородовъ. Псковъ, рано развившійся въ богатый торговый городъ и слѣвавшійся центромъ своихъ собственныхъ двѣнадцати пригородовъ; Ладога — важный стратегическій пунктъ въ борьбѣ съ шведами и финнами; Торжокъ — торговый и стратегическій городъ на границѣ съ тверскими и ростовско-суздальскими землями — находятся въ болѣе свободныхъ отношеніяхъ къ Новгороду, чѣмъ остальные пригороды послѣдняго. Достигнувъ извѣстной степени равенства съ митрополіею, пригородъ не могъ уже оставаться въ безгласномъ положеніи. Напримѣръ г. Костомаровъ говоритъ, что нѣкоторые пригороды изъявляли требованіе, чтобы митрополія назначала къ нимъ посадниковъ съ ихъ согласія и выбора. Старшіе города начинали чувствовать уваженіе къ своимъ младшимъ братьямъ и опасались раздражать ихъ. Стремясь удержать ихъ за собою, они обыкновенно перепутывали ихъ интересы съ своими собственными, раздавали у себя важнѣйшія должности боярскимъ родамъ изъ пригородовъ, призывали жителей пригородовъ участвовать на своемъ вѣчѣ. Всѣ подобныя права были совершенно случайны, являлись вслѣдствіе потребности минуты, вызывались временно самою жизнію. Отъ этого отношенія пригородовъ къ городамъ были чрезвычайно сложны, разнообразны и запутаны. Напримѣръ при извѣстіи объ областныхъ вѣчахъ иногда упоминается объ участіи въ нихъ пригородовъ, иногда вѣтъ. Притомъ же на новгородскихъ вѣчахъ мы видимъ жителей только двухъ пригородовъ — Пскова и Ладоги — явный знакъ того, что это участіе вызвано было значеніемъ этихъ городовъ, было случайностью, а не общимъ правиломъ для всѣхъ пригородовъ. Тоже самое видимъ въ ростовской землѣ. На вѣчахъ Ростова являются суздальцы, переяславцы и владимірцы; о другихъ пригорожанахъ не говорится ни слова.

Такая неопредѣленность въ участіи пригородовъ въ дѣлахъ областного управленія показываетъ, что древняя жизнь еще не выработала въ этомъ отношеніи никакихъ общихъ опредѣленій. Общая формула, высказанная въ лѣтописи, можетъ-быть имѣвшая полное

приложеніе въ эпоху колонизаціоннаго строенія пригородовъ, оказалась несогласною съ земскими принципами и неприменимою на практикѣ въ дальнѣйшемъ развитіи областной жизни. И вотъ сама жизнь начинаетъ выработывать разнообразныя исключенія изъ общаго правила, предоставляя нѣкоторымъ пригородамъ то одно, то другое право, смотря по обстоятельствамъ. На этихъ исключеніяхъ и основилось развитіе областного уклада. Но мы все-таки ясно можемъ видѣть къ чему оно стремилось. Съ развитіемъ пригородовъ или съ уясненіемъ народныхъ началъ и болѣе послѣдовательнымъ приложеніемъ ихъ къ областной жизни, число пригородовъ, обладающихъ правомъ голоса на вѣчахъ, должно было все болѣе и болѣе возрастать; исключенія изъ стариннаго правила, которыя мы видѣли, должны были дѣлаться чаще, постоянно и обращаться сами въ общія правила; въ концѣ-концовъ мы увидали бы областное вѣче съ участіемъ на немъ всѣхъ пригородовъ. Московская централизація застигла наши области въ самомъ началѣ ихъ исторіи. Развитіе областного уклада успѣло достигнуть еще менѣе опредѣленности, чѣмъ развитіе городского уклада. Въ городахъ мы покрайней-мѣрѣ видимъ постановку всѣхъ вопросовъ жизни и первоначальныя попытки найти отвѣты на эти вопросы среди общей внутренней борьбы. Въ областной жизни мы не видимъ и этого; здѣсь не лсны еще были самыя вопросы; внутренняя борьба областныхъ стихій только еще начиналась; исторія областей еще чуть-чуть только намѣтила себѣ путь.

Прежде всего началъ чувствоваться недостатокъ общаго областного вѣча. Вѣче митрополіи было частнымъ вѣчемъ въ отношеніи къ области; на немъ не было общаго земскаго разсужденія, и его управа бывала иногда не любя всей землѣ. Въ пригородахъ мы встрѣчаемъ оппозицію противъ рѣшенія главнаго вѣча. Пока пригороды-выселки изъ митрополіи помнили свою колонизаціонную связь съ нею; пока ихъ народонаселеніе не успѣло еще выработать себѣ своихъ особенныхъ интересовъ и своеобразнаго уклада жизни, федерація области была крѣпка. Но вотъ путемъ историческаго развитія пригороды получили свою особенную физиономію, разошлись съ митрополіею въ интересахъ, а связь съ нею отъ времени стала забываться. Самымъ первымъ слѣдствіемъ этого было то, что областная федерація начала расплзаться врозь. Въ такомъ положеніи мы и застаемъ областной укладъ. Мы видѣли, что въ городѣ возникъ уже вопросъ о примиреніи между его враждебными частями; областная жизнь не успѣла выработать даже этого вопроса. Вотъ почему г. Костомаровъ считаетъ характеристическою чертою областного уклада отсутствіе въ немъ стягивающаго на-

чала, децентрализацію. Мы согласны съ нимъ въ этомъ, но не въполнѣ; эта децентрализація была временною, составляла переходный моментъ въ исторіи области, была слѣдствіемъ первоначальнаго возбужденія вопросовъ о полноправности и самостоятельности областныхъ частей. Какъ бы то ни было, только каждый почти пригородъ стремился отторгнуться отъ митрополіи и слѣлаться центромъ самостоятельной области. Отъ этого между прочимъ удѣльными князьямъ и было такъ легко дѣлить свои удѣлы на множество самостоятельныхъ частей; они имѣли въ этомъ случаѣ подъ собою готовую почву. Новгородская область, раскинувшаяся по всему русскому сѣверу отъ береговъ Балтійскаго моря до Уральскаго хребта и до Сѣвернаго океана, занимавшая нѣсколько отдѣльных рѣчныхъ системъ, колонизовавшаяся среди нѣсколькихъ инородческихъ племенъ, — видимо распадалась на нѣсколько территорий съ самостоятельнымъ значеніемъ. На этомъ пространствѣ мы встрѣчаемъ всѣ степени развитія федеративной связи. Область пятая еще крѣпко соединена съ митрополіей по близости къ ней, по одинаковости народонаселенія и однообразію интересовъ. Чѣмъ дальше отъ Новгорода, тѣмъ эта связь слабѣе, тѣмъ больше развивается недовольство новгородскою администраціею и стремленіе къ отторженію отъ общаго областного состава. На западъ отторгается Псковъ. На востокъ двинскую землю нужно удерживать за Новгородомъ силою, а дальше Заволочья, Вятка съ самаго начала своего происхожденія является совершенно независимою.

Кромѣ этой такъ-сказать федеративной розни въ области, которая совершенно аналогична съ рознью городскихъ концовъ и улицъ, въ областной жизни мы замѣчаемъ и другой мотивъ аналогичный съ сословною борьбою вятскихъ и молодичихъ людей, которую г. Костомаровъ прослѣдилъ въ жизни городовъ. Жители старшаго города составляли аристократическую партію областного земства, какъ бояре, вятчіе люди среди городского народонаселенія. Во имя основнаго земскаго принципа пригороды требовали себѣ полноправности, участія въ общей областной администраціи всѣхъ областныхъ городовъ, требовали братскихъ отношеній между этими городами и охотно соглашались дать главному городу титулъ старшаго брата. Но старшій братъ былъ недоволенъ этимъ; онъ требовалъ церемоніи, хотѣлъ произвольно распоряжаться всѣми областными дѣлами и употреблять для своихъ цѣлей силы пригородовъ помимо ихъ воли и согласія. Онъ приглашалъ пригорожанъ на свое вѣче, когда безъ этого вовсе нельзя было обойтись. Новгороду казалось дерзкимъ своеволіемъ, преступнымъ превозношеніемъ то, что Псковъ, не дождавшись напимѣръ помощи отъ своего старшаго

брата, звалъ къ себѣ чужого князя для защиты отъ вѣмцевъ. Ростовцы свысока смотрѣли на Владиміръ, который давно уже былъ столицею в. князя; они говорили про владимірцевъ: «то наши холопы каменщики». Въ подобныхъ воззрѣніяхъ старшихъ городов на пригороды ясно видѣнъ этотъ исключительный эгоизмъ аристократизма, противъ котораго такъ часто бывали возстанія въ городахъ. И вотъ противъ этихъ притязаній, шедшихъ сверху, поднимается протестъ снизу со стороны пригородовъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно выразительны жалобы владимірскаго лѣтописца на своеволие и неправду ростовцевъ. Тонъ его обличенія въ высшей степени спокоенъ и увѣренъ; въ немъ слышится полное уваженіе къ старшему городу и его правамъ и вмѣстѣ полная увѣренность въ правотѣ собственныхъ согражданъ. «Старый Ростовъ и Суждаль и всѣ болре, желая на своей правдѣ настоять, не захотѣли сотворить правды Божіей, но говорили: какъ намъ любо, такъ и сдѣлаемъ; Владиміръ пригородъ нашъ «противяся Богу и пресв. Богородицѣ и правдѣ Божіей... Въ евангеліи сказано: исповѣдаются, Отче, Господи небесе и земли, яко утаилъ се отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ еси младенцемъ. Такъ и здѣсь; не разумѣли правды божіей исправить ростовцы и суждальцы, думали, что они старшіе, такъ и могутъ дѣлать все по своему; но люди новые, худые владимірскіе уразумѣли, гдѣ правда, стали за нее крѣпко держаться... И вотъ утѣшилъ ихъ Богъ и св. богородица: прославлены стали владимірцы по всей землѣ за ихъ правду». Исторія не рѣшила спора между вятчими и молодичными людьми въ городахъ; она такъ и схоронила эти города съ нерѣшоннымъ вопросомъ. Такую же судьбу имѣло и дѣло городовъ съ пригородами. Областная жизнь все болѣе и болѣе усложнялась. Нужно было много работать надъ постройкою новыхъ отношеній, а между тѣмъ время не терпѣло. Москва ширилась во всѣ стороны и поглощала народныя области одну за другой, созидавая на мѣстѣ ихъ неудавшагося уклада новый порядокъ вещей.

За отношеніями пригородовъ къ митрополіи въ вольно-народныхъ областяхъ г. Костомаровъ изслѣдуетъ отношенія волостей. Мы позволяемъ себѣ сдѣлать здѣсь одно замѣчаніе. У насъ принято мнѣніе, что раздѣленіе Новгорода на пять концовъ имѣло вліяніе на раздѣленіе новгородской области на пять пятинъ и что каждая пятина была въ завѣдываніи соотвѣтствовавшего ей новгородскаго конца. Это мнѣніе основывается на свидѣтельствѣ Герберштейна. Г. Костомаровъ говоритъ, что пятинны явились послѣ паденія Новгорода и что они не имѣли отношенія къ городскимъ концамъ. Въ этомъ случаѣ онъ принимаетъ результаты изслѣдованій

Неволина. Намъ кажется, что онъ мало обратилъ вниманія на такое же дѣленіе псковской области по концамъ Пскова, о которомъ упоминается въ лѣтописи подъ 1468 годомъ. Надобно замѣтить при этомъ, что раздѣленіе Пскова на концы имѣло вообще мѣнѣе вліянія на административный порядокъ, чѣмъ такое же дѣленіе въ Новгородѣ. Г. Соловьевъ въ своей исторіи приводитъ новый фактъ изъ житія Саввы вышерскаго, гдѣ говорится, что Савва получилъ право на землю для своего монастыря отъ правительства славенскаго князя. Г. Костомаровъ объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что въ славенскомъ концѣ былъ ярославовъ дворъ — мѣсто не кончанскаго, а всенароднаго вѣча. Какъ угодно, а это объясненіе мало вѣроятно, особенно если его сопоставить съ порядкомъ псковского управленія.

Заканчиваемъ наши замѣтки касательно административнаго уклада вольно-народныхъ городовъ и областей. Въ легкихъ очеркахъ мы указали на важнѣйшіе пробѣлы въ изслѣдованіи г. Костомарова и намѣтили основныя черты генетическаго развитія сѣверно-русскихъ народоправствъ. Далѣе по порядку, принятому г. Костомаровымъ, слѣдуютъ очерки частной жизни въ сѣверныхъ городахъ. Въ изложеніи почтеннаго автора собраны всѣ доступныя для теперешней науки черты стариннаго быта новгородскаго и псковскаго народонаселенія. Въ его сжатомъ очеркѣ мы видимъ какъ этотъ своеобразный типъ великорусской народности, съ самаго начала жившій подъ исключительными условіями географической и этнографической обстановки, воспитанный на всей широтѣ народной воли, на всѣ формы своей жизни налагалъ оригинальную печать, которая рѣзко бросалась въ глаза иностранцамъ, приѣзжавшимъ въ Россію. Авторъ слѣдитъ за проявленіями его свободнаго, самостоятельнаго характера во всѣхъ сферахъ жизни, — и въ удачныхъ странствованіяхъ новгородскаго повольника, среди которыхъ воспитывались будущіе предпріимчивые гости Новгорода; и въ этой крѣпкой, общинной и артельной закладкѣ, которую развили вольные города болѣе всѣхъ земель русскихъ, въ ловкости и умѣньи на всѣ руки промышленнаго класса; и въ свободныхъ отношеніяхъ семейнаго быта, который при упадкѣ родового начала представляетъ отраженіе общиннаго быта, въ полноправности и гражданскомъ значеніи женщины; и наконецъ въ этихъ пирахъ, братчинахъ, праздничныхъ сборищахъ, ярманкахъ, кулачныхъ бояхъ, удачныхъ забавахъ новгородца, гдѣ проявлялась вся широта русской природы. Если о чемъ можно пожалѣть при чтеніи книги г. Костомарова, такъ это о томъ, что онъ не представилъ характеристики областныхъ типовъ, — мы объ этомъ уже говорили, — да еще о недоста-

ткъ сравнительнаго очерка новгородской народности. Новгородскій типъ слабо рисуется, если его не сопоставить съ московскимъ. Недостатокъ этого сопоставленія много ослабляетъ впечатлѣніе отъ чтенія книги и дѣлаетъ очерки г. Костомарова довольно блѣдными.

Въ главѣ о торговлѣ авторъ сдѣлалъ драгоценный сводъ всѣхъ результатовъ, добытыхъ прежними изслѣдованіями о торговыхъ сношеніяхъ новгородцевъ и псковичей съ иностранцами и русскими землями, очертилъ характеръ этихъ сношеній, предметы торговли и процѣсъ самой торговой дѣятельности, организацию купеческаго класса, и въ заключеніе всего представилъ воззрѣніе народа на личность куца въ быліи о Сакѣ. Г. Костомаровъ съ особенною тщательностію обработалъ этотъ отдѣлъ своего сочиненія. Не смотря на сухость предмета, чтеніе занимательно съ начала до конца. Но странное дѣло, — самаго-то главнаго мы здѣсь и не находимъ; мы говоримъ о народномъ взглядѣ на торговлю, о народныхъ принципахъ торговой дѣятельности. Г. Костомаровъ самъ говоритъ, что народные принципы для него первое дѣло. А между тѣмъ онъ ограничился одною внѣшнею стороною торговой практики. Эта же самая практика, особенно изслѣдованіе договорныхъ грамотъ съ вѣдками и русскими князьями могли бы служить богатыми матерьялами къ объясненію народныхъ понятій. Недостатокъ сравнительнаго изученія предмета, кажется, и здѣсь главнымъ образомъ повредилъ г. Костомарову. Сличеніе вольно-народной торговли Новгорода съ московскими порядками можетъ пролить яркій свѣтъ на смутныя черты народнаго идеала. Послѣ изслѣдованія г. Костомарова, читатель остается въ совершенномъ недоумѣніи, отъ чего произошло это экономическое недовольство вольныхъ городовъ, какое они высказываютъ послѣ подъ владычествомъ Москвы, и отъ чего тогда мы видимъ быстрый упадокъ ихъ торговаго значенія. Мы не встрѣчаемъ объясненія даже такихъ крупныхъ фактовъ, какой наиримѣрь попадаетъ въ жалобахъ псковскаго лѣтописца по случаю взятія Пскова: «и прислаша во Псковъ съ Москвы добрыхъ людей, гостей, тамгу уставливати ново, занеже во Псковѣ тамга не бывала, безданно торговали... И даша мѣсто, гдѣ новый торгъ ставити...» и проч.

Въ послѣдней главѣ, которая занимаетъ почти половину второй книги, изложена авторомъ исторія мѣстной церкви. Мы уже замѣчали, какое важное значеніе имѣла церковь въ жизни нашей древней общины вслѣдствіе нравственнаго характера послѣдней. Дополнимъ наши замѣчанія нѣкоторыми фактами. Какъ община мирская группировалась съ своею сходкою около своей прихолской церкви, отъ которой вся общинная жизнь получала религіозную санкцію,

такъ и всякая городская община стягивалась общимъ религіозно-братскимъ союзомъ около патрональнаго храма, городского собора. Новгородъ былъ городомъ св. Софіи, Псковъ — св. Троицы, равно какъ и всѣ пригороды и волости ихъ были землями св. Софіи и св. Троицы. Общинная связь города создавалась подѣ религіозною формою. Похвала князю или посаднику, радѣвшему о земскомъ дѣлѣ, выражалась словами: много потрудился за домъ св. Софіи или Троицы. Шла на городъ иноземная рать или войско удѣльнаго князя, — граждане видѣли въ этомъ покушеніе на свою святыню; они говорили, что такой-то князь или внѣшній врагъ не возлюбилъ христіанства, идетъ сотворить вредъ св. Софіи или Троицѣ. Начиналась битва, — въ ней сражались они и побѣждали во имя тѣхъ же мѣстныхъ святыхъ и ихъ пособіемъ. Каждый пригородъ Новгорода и Пскова имѣлъ также свой соборный храмъ, съ тѣмъ же значеніемъ. Г. Костомаровъ пересчитываетъ всѣ патрональные храмы. Построеніе собора было важнымъ земскимъ дѣломъ; о немъ изъ рода въ родъ передавались легенды. Достояніе собора считалось неприкосновеннымъ, посвященнымъ Богу отъ цѣлаго города, и права собственности его охранялись цѣлымъ вѣчемъ. Въ 1471 году какіе-то монахи во Псковѣ «забывше страхъ вышній, оболкшеса въ безстудство, отрекшеса отъ міра и яже въ мірѣ, и пришедше въ міръ», изъявили желаніе притянуть къ своему монастырю землю св. Троицы. «Нѣсть вамъ въ томъ никакого грѣха, говорили они вѣчу, собравшемуся по этому случаю; только вы, отнемъ тую землю и воду отъ дому св. Троицы, да мнѣ дайте въ монастырь». Посадники и весь Псковъ согласились, и къ монастырю приписана была земля, доставшаяся собору послѣ какого-то Матуты, который незадолго до этого «преставися заговѣвъ въ рождественское заговѣнье». Не успѣло разойтись вѣче, совершившее такой тяжкій грѣхъ, какъ на дворѣ Матуты вспыхнулъ пожаръ. Пламя быстро распространилось по городу; едва угасли. «А все то наказуя челоуѣчь родъ безстрашный, заключаетъ лѣтописецъ, непокоряющихся, певнямающихъ божественнаго писанія».

Кромѣ этой соборной святыни, которая сосредоточивала около себя нравственно-гражданскій союзъ города, каждый почти городъ и каждая замѣчательная мѣстность сѣверныхъ областей имѣли своихъ особыхъ святыхъ — мѣстныхъ патроновъ, которыхъ призывали на помощь, и во имя которыхъ дѣйствовали во всѣхъ земскихъ дѣлахъ, также мѣстные святые — чудотворныя иконы и мощи, съ которыми соединялись мѣстные, священные для варола преданія. Такъ выразилась особенность вольно-парольныхъ общинъ и стремленіе къ самостоятельности въ религіозной жизни. Въ житіяхъ свя-

тыхъ мы постоянно видимъ указанія на стражей, небесныхъ холодаевъ разныхъ мѣстностей. Напримѣръ въ житіи св. Прокопія устюжскаго читаемъ: «Кіевъ блажитъ Антонія и Феодосія Печерскихъ, московское царство блажитъ Петра, Алексія, и Юну, и Максима; Псковъ же и великій Новгородъ блажатъ Варлаама и Михаила юродиваго христа-ради; Смоленскъ блажитъ князя Феодора; Ростовъ блажитъ Леонтія, Игнатія, Исаію, Вассіана и Ефрема; Вологда блажитъ преп. Дмитрія. Каждая область своихъ блажитъ. Мы, устюжане, блажимъ Прокопія устюжскаго» и проч. Замѣчательно, что святой, чтимый въ одной мѣстности, иногда вовсе не почитался въ другой. Напримѣръ московскій святой Сергій, патронъ Москвы, не былъ уважаемъ въ Новгородѣ. Только предъ паденіемъ уже Новгорода владыка Юна, отправляясь въ Москву холодаитствовать за свой городъ, далъ обѣтъ построить Сергію церковь; возвратившись домой, онъ ввелъ въ Новгородѣ чествованіе этого святого. Въ этомъ случаѣ области проявляли нѣкоторое соперничество. Извѣстно какъ отнесся къ мощамъ владыки Моисея первый архіепископъ, присланный въ Новгородъ изъ Москвы Сергій. Гордый своимъ московскимъ происхожденіемъ, онъ назвалъ своего св. предшественника смердяимъ сыномъ и не хотѣлъ почитать его мощи. Извѣстно какъ онъ былъ наказанъ за это неуваженіе къ чужому святому. Тоже самое желаніе унижить чужого святого мы видимъ въ словахъ Ивана III, когда этотъ побѣдитель новгородской вольности напрасно просилъ открыть ему мощи св. Варлаама Хутынскаго: «*у насъ въ Москвѣ* ко всѣмъ мощамъ прикладываются и цѣлуютъ ихъ». Онъ приказалъ копать могилу чудотворца. Огонь изъ-подъ земли вразумилъ князя, что у Новгорода есть святыня, не подлежащая его гордынѣ. Великій князь въ смятеніи бѣжалъ изъ храма; его преслѣдовалъ чудесный пламень, вырвавшійся изъ земли каждый разъ, какъ онъ опирался въ нее своимъ посохомъ. Онъ бросилъ этотъ посохъ, и монастырь овладѣлъ этимъ знакомъ торжества своей мѣстной святыни. Во время борьбы двухъ враждебныхъ областей — московской и новгородской, — мы видимъ какъ обѣ стороны дѣйствуютъ во имя своихъ мѣстныхъ святынь. Небесные покровители той и другой стороны принимаютъ къ сердцу ихъ земные интересы и стоятъ каждый за своихъ. Такимъ патриотическимъ религіознымъ характеромъ дышетъ напримѣръ сказаніе о чудѣ отъ иконы Знаменской богородицы при осадѣ Новгорода Боголюбскимъ. Даже между городами одной области проявлялось соперничество въ отношеніи мѣстныхъ святынь. Борьба пригородовъ съ митрополіями живо отпечатлѣлась въ религіозныхъ вѣрованіяхъ народа. Сюда напримѣръ относится сказаніе о томъ какъ новго-

родцы хотѣли взять изъ Пскова мощи св. князя Всеволода, который при жизни своей былъ ими изгнанъ, слѣдѣлся первымъ псковскимъ княземъ и былъ по смерти чтимъ во Псковѣ, какъ основатель собора св. Троицы, мѣстный патронъ. Любя свой городъ, Всеволодъ не далъ Новгороду своихъ мощей, а сиустилъ только ноготь съ честной своей руки для утѣшенія новгородцевъ.

Такъ областное земство клало свою печать на народныя вѣрованія, на чистыя формы православія. Чрезвычайно интересно было бы подробное изслѣдованіе о мѣстныхъ русскихъ святыхъ, изученіе мѣстнаго историческаго календаря и чети-миней. Здѣсь мы встрѣчаемся съ общою религіозною чертою всѣхъ юныхъ обществъ, въ которыхъ идея божества, еще не сознанная во всей ея отрѣшонности отъ пространства и времени, распадается на конкретные образы по мѣсту, времени, обстоятельствамъ жизни и выражается въ формѣ мѣстныхъ святыхъ, въ поклоненіи святымъ исключительно мѣстнымъ. Изслѣдованіе г. Костомарова въ этомъ отношеніи знакомитъ насъ со множествомъ выразительныхъ фактовъ, переданныхъ мастерскою рукою; оно открываетъ передъ нами цѣлый міръ благочестивыхъ легендъ, въ которыхъ выражается любопытная передѣлка религіозныхъ понятій на русскій ладъ и на мѣстные нравы.

Вслѣдствіе земскаго значенія религіи и церковной жизни, и самая организація церковной іерархіи получила земское значеніе и мѣстныя формы? Г. Костомаровъ внимательно слѣдитъ за этою стороною церковной жизни. Мы уже говорили какъ онъ смотритъ на положеніе новгородскихъ владыкъ. Вслѣдъ за земскимъ значеніемъ владыкъ онъ раскрываетъ земское значеніе высшаго духовенства, рассказываетъ о положеніи монастырей и благаго духовенства. Намъ кажется, что онъ очень слабо очертилъ организацію послѣдняго. Вопросъ о блѣомъ духовенствѣ у насъ вовсе не разработанъ въ исторіи и на немъ не мѣшало бы остановиться поподробнѣе, тѣмъ болѣе, что псковская лѣтопись въ этомъ отношеніи служитъ самымъ основнымъ матерьяломъ. Точно также, какъ новгородская жизнь развила и улспила народныя принципы въ отношеніи къ высшей іерархіи и выставила выразительный типъ владыки, псковская жизнь всего яснѣе выставила земское значеніе благаго духовенства. Отсутствіе князя и владыки дало псковскому земству полный просторъ развивать народный взглядъ на духовенство и опредѣлять по этому взгляду его положеніе среди общины. Здѣсь всякій фактъ драгоцененъ для исторіи. Сила, съ какою земство старалось усвоить себѣ и переработать на свой ладъ византійскія начала, доходила во Псковѣ иногда до явнаго нарушенія правъ духовенства. Трагунд

духовенство какъ земскихъ людей, псковское вѣче требовало отъ нихъ даже участія въ городскихъ войнахъ. Въ 1495 году, когда духовенство на основаніи каноническихъ правилъ отказалось нести военную повинность послучаю войны съ нѣмцами, посланники и вѣче «учали сильно дѣлати надъ священники, и лазили многожды на сѣни и на вѣчи, и опять въ вѣче влезли и хотѣли поповъ кнутомъ избесчестовати, Ивана священника рождественскаго и Авдрей, и въ однихъ рубахахъ стояли на вѣчѣ, и иныхъ всѣхъ поповъ и діаконовъ изсоромотиша». Въ 1468 году псковичи, не спросясь владыки и митрополита, отлучили отъ служенія вдовыхъ поповъ и дьяконовъ по всей своей волости. Владыка сильно обидѣлся на нихъ за это и хотѣлъ было даже возложить на нихъ свое неблагословіе. Какъ владыки, такъ и митрополиты постоянно шлютъ во Псковъ грамоты, въ которыхъ обличаютъ псковичей за судъ надъ духовными лицами и за разнаго рода вмѣшательства въ церковныя дѣла. Подобныя обличенія мы видимъ даже въ концѣ XVII вѣка, когда земское значеніе бѣлаго духовенства начало сильно ослабѣвать по всѣмъ мѣстамъ Россіи. Такъ значитъ крѣпко сложился во Псковѣ мѣстный порядокъ вещей. Г. Костомаровъ обратилъ вниманіе на одну только сторону вопроса: именно онъ подробно изслѣдовалъ только тѣ факты изъ исторіи псковскаго духовенства, въ которыхъ выразилось покровительство вѣча своему духовенству предъ владыками и стремленіе мѣстной церкви оторваться отъ зависимости, въ какой она находилась въ отношеніи къ новгородскимъ владыкамъ. Эта борьба вѣча съ владыками за интересы мѣстнаго духовенства имѣетъ особенное значеніе въ нашей исторіи. Возбуждая низшее духовенство противъ высшей іерархіи, развивая въ народѣ духъ непокорности въ отношеніи къ послѣдней, роуля ея значеніе и вся опосываясь на демократическихъ началахъ псковскаго земства, эта борьба исполноль приготавливала ту почву, на которой возрасли послѣ стригольничество и жидовство, на которой въ XVII вѣкѣ развивались раскольническія движенія церковно-демократическаго характера.

Въ исторіи мѣстной церкви на первомъ планѣ стоятъ вопросъ объ отличительныхъ особенностяхъ ея ученія, нравственной жизни и богослужебнаго культа. Г. Костомаровъ коснулся этого предмета только съ ея внѣшней стороны. Въ статьѣ объ особенностяхъ новгородской и псковской церкви онъ кратко очертилъ только обрядовыя особенности. Исключая легенды о мѣстныхъ святыняхъ, онъ не представилъ ни одной черты изъ исторіи областныхъ вѣрованій, изъ характера областного религіознаго міросозерцанія. Впрочемъ упрекать его въ этомъ совершенно несправедливо. Вопросъ о мѣст-

ныхъ вѣрованіяхъ у насъ даже не началъ разрабатываться. Въ отношеніи къ новгородскимъ землямъ онъ особенно труденъ для изученія. Онъ стоитъ здѣсь въ связи со всею славянскою и финскою мифологіею. Для разрѣшенія его требуется длинный рядъ этнографическихъ и филологическихъ изслѣдованій, который еще и не начать, если говорить откровенно. Будемъ довольствоваться пока и тѣмъ что представилъ г. Костомаровъ.

Говоря вообще, церковно-историческій отдѣлъ его сочиненія составляетъ богатый вкладъ въ сокровищницу науки, тѣмъ болѣе что авторъ стоитъ на чисто-народной почвѣ, совершенно новой въ церковно-историческихъ изслѣдованіяхъ. Вопросъ объ областномъ и вообще о народномъ элементѣ въ церковной жизни едва начинаетъ выясняться нашими церковными историками и требуетъ огромныхъ трудовъ. Исторія русской церкви стояла, — да судя по большинству изслѣдованій по ея части, и теперь еще стоитъ на совершенно ложной дорогѣ. Она разрабатывалась въ томъ же самомъ официальномъ направленіи, въ какомъ бывало разрабатывалась и гражданская исторія. Послѣдняя излагала исторію князей и царей, внѣшнихъ войнъ и побѣдъ, слѣдила за развитіемъ монархическихъ началъ государства, за официальною стороною жизни, не обращая никакого вниманія на складъ народнаго быта, на народныя понятія, требованія, идеалы. Церковная исторія въ паралель ей рассказывала дѣянія митрополитовъ, патріарховъ, святыхъ мужей, въ исторіи вѣры слѣдила за обнаруженіями объективной стороны православія, — и совсѣмъ опускала изъ виду религіозный складъ и жизнь самаго народа, то какъ въ массѣ народной усвоилось ученіе церкви, какъ шло въ народѣ развитіе религіознаго сознанія. Въ настоящее время свѣтскіе историки поняли, что государственная жизнь составляетъ только рамку, обстановку исторической жизни, что главный дѣятель въ исторіи самъ народъ, и ея существенное содержаніе жизнь народная. Церковные историки также должны идти теперь по новой чисто-исторической, научной дорогѣ. Пора уже понять, что исторія церкви состоитъ вовсе не въ рассказѣ о томъ, когда и кто преподавалъ народу православный катихизисъ, или какія правила и законы передала византійская церковь въ Россію, а въ томъ, въ какихъ формахъ усвоено преподанное ученіе народомъ, какъ привились церковныя правила и законы къ складу его жизни, насколько переработали ее и сами видоизмѣнились отъ нея. По чрезвычайной рѣдкости произведеній, написанныхъ въ этомъ новомъ направленіи, изслѣдованіе г. Костомарова составляетъ отрадное явленіе въ нашей литературѣ.

Однакоже наши замѣтки по поводу второй части сочиненія г. Ко-

Костомарова приняты уже слишкомъ большіе размѣры. Оканчиваемъ ихъ тѣмъ же, чѣмъ начали. Мы сказали, что авторъ не потрудился выяснитъ предъ читателемъ свою точку зрѣнія на описываемыя имъ явленія, не показалъ тѣхъ основаній, изъ которыхъ всѣ они развиваются и которыя даютъ отличительный характеръ и смыслъ всѣмъ ихъ комбинаціямъ и всему ихъ теченію. Опасаемся быть несправедливыми къ произведенію почтеннаго автора; но мы должны сказать, что общее впечатлѣніе отъ чтенія его второй части не совсемъ выгодно. Перелистывая страницу за страницей, читатель не вынесетъ изъ изслѣдованія г. Костомарова никакого цѣльнаго представленія вѣчевой жизни. Изрѣдка онъ встрѣтитъ живой, законченный образъ, даже цѣлый рядъ фактовъ, связанныхъ опредѣленною мыслью. Но эти страницы, отличающіяся ясностью и опредѣленностью мысли, освѣщаютъ лишь немногія точки на общей картинѣ. Большая часть фактовъ остаются неуясненными для читателя; они группируются и связываются между собою чисто-внѣшнимъ образомъ, по рубрикамъ и клѣткамъ, которыхъ много понадѣлалъ почтенный авторъ. Послѣ каждаго отдѣла приходится задавать вопросъ: ну, такъ что же изъ этого? Г. Костомаровъ въ этой книгѣ измѣнилъ себѣ. Мы очень хорошо знаемъ его прежнія произведенія, — такія цѣльныя, законченныя, въ высшей степени ясныя по своей основной мысли, оставлявшія въ душѣ читателя истинно-художественное впечатлѣніе. Отчего не таково его новое произведеніе? — не знаемъ. Думается намъ только, что едвали не отъ спѣшности работы; по крайней-мѣрѣ оно похоже на собраніе множества фактовъ, которые пока еще только разсортированы по отдѣламъ для окончательной обработки еще не начатой.

— МН —

Казань 1863 г. февраля 25.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ СИСТЕМА

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

ГЛАВА

III

Все что сказано мною по поводу упрощенія дѣлопроизводства и сокращенія переписки можетъ быть безъ всякаго измѣненія отнесено ко второй половинѣ этого вопроса, къ сокращенію расходовъ и къ облегченію бюджета. Это сознаетъ и самъ проектъ, но не высказываетъ только своего предположенія опредѣлительно, категорически. На ст. 133,5), исчисляя выгоды и удобства, представляемая предложеннымъ преобразованиемъ, онъ говоритъ, что учрежденіе военно-окружныхъ управленій доставитъ возможность сдѣлать значительныя сокращенія въ расходахъ и въ то же время, *не выходя изъ нормы, определенной военнымъ бюджетомъ*, увеличить содержаніе чиновъ министерства, а въ слѣдующемъ параграфѣ говорить, что *можно надѣяться* на сокращеніе издержекъ вообще по содержанію войскъ, вслѣдствіе возможности устранить тѣ непроизводительныя расходы, которые являлись по причинѣ *нерасчетливости, экономическихъ промаховъ, упущеній и злоупотребленій*, но не показывая довольно опредѣлительно, какъ эта нерасчетливость, экономическіе промахи, упущенія, злоупотребленія будутъ отстранены военно-окружными управленіями. Можетъ-быть мы ошибаемся, можетъ-быть по окончательной разработкѣ деталей проекта мы и убѣдимся въ дѣйствительномъ реальномъ упрощеніи дѣлопроизводства, въ сокращеніи переписки, въ уменьшеніи расходовъ, въ облегченіи военнаго бюджета, въ усиленіи содержанія чиновъ министерства, но для этого необходимы впервыхъ цифры и цифры, а вторыхъ повѣрка и оправданіе ихъ опытомъ. Подобныя результаты будутъ говорить сами за себя: дѣлопроизводство

упрощено, переписка сократилась, государственные финансы сбережены и содержаніе чиновъ министерства усилено, само министерство освобождено отъ сложныхъ и мелочныхъ обязанностей и получаетъ возможность сосредоточить свои силы на исполненіи главнаго своего назначенія — давать общее направленіе и слѣдить за правильнымъ ходомъ управленія вооруженными силами государства. Будемъ ждать и надѣяться.

Теперь мы приступимъ къ рассмотрѣнію проектированнаго преобразованія съ другой точки зрѣнія, упомянутой въ началѣ предыдущей главы, именно принявъ во вниманіе другую его цѣль, заключающуюся въ *отстраненіи или ослабленіи вредныхъ послѣдствій отъ нераздѣльности и сосредоточенія властей*, въ теоріи и на практикѣ оказавшихся несомнѣстными — посредствомъ особенныхъ измѣненій въ настоящемъ порядкѣ.

Замѣтимъ прежде всего, что военное министерство вполне убѣждено въ несостоятельности сосредоточенія въ одномъ органѣ или учрежденіи строевой, распорядительной и контрольной власти. Путемъ многолѣтняго опыта и безчисленныхъ несообразностей и злоупотребленій въ западныхъ арміяхъ уже давно убѣдились въ вредныхъ послѣдствіяхъ такой централизаціи. Тѣмъ не менѣе обойти вполне эти неудобства по современнымъ требованіямъ единства, быстроты и энергіи, съ какими должна быть управляема армія, оказалось невозможнымъ и каждое государство рядомъ преобразованій, вытекающихъ изъ самаго строя жизни, старалось ослабить эти неудобства. Мѣры, предпринимаемыя для сего, обусловливались прочими учрежденіями политическими, ихъ духомъ, особенностью, направленіемъ. Въ Англіи мы видимъ преобладаніе характера коммерческаго, подряднаго; во Франціи встрѣчаемъ предпочтеніе элементамъ военнымъ, строевымъ. Военное управленіе въ прочихъ государствахъ занимаетъ средину между системой французской и англійской, приближаясь то къ первой, то ко второй, смотря по строю и духу прочихъ политическихъ учрежденій страны и по особенностямъ народнаго характера и историческаго развитія. Возможно совершенное раздѣленіе властей мы находимъ во Франціи. Строевая, распорядительная и контрольная власти соединены, сосредоточены тамъ только въ высшемъ центрѣ военнаго управленія — военномъ министерствѣ; нигдѣ ниже онѣ не сталкиваются, не связываются въ центральные посредствующіе узлы, хотя и имѣютъ второстепенныя инстанціи, число которыхъ вовсе не соотвѣт-

ствуесть числу територіальныхъ округовъ. Недостатки французской централизованной военной администраціи замѣчаются вовсе не въ томъ, что она не имѣетъ центровъ, гдѣ раздѣленныя власти сходились бы для скорѣйшаго рѣшенія дѣлъ второстепенной важности, а въ томъ, что посредствующія инстанціи паралельныхъ властей, вдушихъ отъ военнаго министерства до самыхъ малочисленныхъ и незначительныхъ частей арміи, слишкомъ ограничены властью, кругомъ дѣятельности, назойливой опекой министерства, за все ухватившаго своими руками, ничего не выпускающаго изъ-подъ своего *непосредственнаго* надзора. Нельзя не согласиться, что эти несовершенства, неудобства французской военной системы, носятъ на себѣ глубоко свойства и характеръ французскаго народа. У насъ со времени Петра наши военныя учрежденія копировались съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ съ нашихъ западныхъ учителей, съ образцовъ, оказывавшихся лучшими въ ту или другую эпоху и мѣнявшихся, когда авторитетъ ихъ падалъ на западъ. Вспомнимъ подражаніе прусской военной системѣ, потомъ французской времянь имперіи. Но несмотря на производившіяся преобразованія по образцу то одной, то другой системы, всякая производящаяся перемѣна не могла вполне искоренить предшествовавшую ей, которая налагала слѣды, болѣе или менѣе глубокія на вновь вводимую, смотря по тому, какимъ особенностямъ приходилось приносить дѣйствительную или мнимую пользу. Вотъ почему всѣ наши военныя учрежденія представляютъ сочетаніе многихъ копій съ оригиналовъ, существовавшихъ отъ Нѣмана до Сены, привести въ систему и въ возможный порядокъ, которыя взялось современное военное министерство.

На стр. 126 проекта мы читаемъ: Корпусные командиры наблюдаютъ за обученіемъ, благоустройствомъ и хозяйствомъ, они же инспектируютъ войска, доносятъ о ихъ благосостояніи и въ тоже время сами отвѣчаютъ за нихъ; вообще соединяютъ въ своемъ лицѣ распорядительную и контрольную власть, *что положительно не должно быть совмѣстимо*. Мы могли бы привести изъ статьи и другія мѣста, подтверждающія эту вполне справедливую мысль; тѣмъ неменѣе ни совершеннаго раздѣленія властей несовмѣстныхъ, ни даже строгаго ихъ разграниченія проектированнымъ преобразованиемъ не предполагается. Мы не войдемъ въ разбирательство причинъ, поставившихъ военное министерство въ необходимость удержать старый порядокъ и противорѣчить высказанному выводу, — это отвлекло бы насъ отъ нашей задачи къ слишкомъ далекимъ, неумѣстнымъ и неудобнымъ соображеніямъ; поэтому мы ограничимся разборомъ тѣхъ мѣръ, которыми министерство на-

дѣств; если не вполнѣ, то отчасти отстранить доказанныя неудобства сосредоточенія власти строевой, распорядительной и контрольной.

Строевая и распорядительная власти по существующей донынѣ системѣ находились въ однихъ рукахъ, начиная съ самыхъ низшихъ инстанцій и отдѣльных частей и кончая высшими учрежденіями и органами. Общія распоряженія по части интендантской (хозяйственной) сосредоточивались въ департаментахъ военного министерства съ коллегіальнымъ устройствомъ въ формѣ совѣтовъ, общихъ присутствій и проч.; контроля въ дѣйствительномъ, существенномъ значеніи слова не существовало, ибо онъ, вслѣдствіе нераздѣльности строевой и административной частей, ограничивался одною повѣркою арифметическихъ выкладокъ, не только не ограждая интересовъ казны и солдата, но представляя непроницаемую стѣну, за которой укрывались злоупотребленія.

Неудобства старой системы надѣются устранить примѣненіемъ территоріальной системы и военно-окружными управленіями. Каждая отрасль будетъ имѣть во главѣ своей самостоятельнаго начальника, какъ и теперь, только кругъ его дѣятельности и власти будетъ расширенъ и опредѣленъ точными законоположеніями. Для рѣшенія вопросовъ важныхъ и существенныхъ создаются двѣ новыя власти: военно-окружного начальника и военно-окружного совѣта.

Подробнаго разграниченія трехъ этихъ властей, опредѣленія круга дѣйствій каждой изъ нихъ, мы не встрѣчаемъ въ статьѣ г. Лаврентьева, а потому ограничимся слѣдующими замѣчаніями и соображеніями. Прежде всего намъ непонятно какъ можетъ быть увеличено значеніе и расширенъ кругъ власти начальника отдѣльной отрасли военно-окружного управленія, оставляя его не только въ теперешней зависимости отъ военного министерства (что совершенно рационально), но подчиняя его начальнику военного округа и расширяя власть послѣдняго. Все значеніе его, вся самостоятельность его будутъ непремѣнно стерты. И это не предположеніе, а логическій выводъ на основаніи нынѣ существующихъ фактовъ, которые нисколько не отстраняются предположеннымъ введеніемъ территоріальной системы. Если теперь низшія инстанціи не удержали за собою права подчиняться авторитету закона безъ особенныхъ на то высшихъ разрѣшеній, что въ особенности запутало и усложнило наше военное дѣлопроизводство, то на какомъ основаніи мы можемъ предположить возрожденіе этого права (даже при его расширеніи) при подчиненіи этихъ отраслей военно-окружному управленію въ такомъ размѣрѣ, какъ департаменты подчинены министерству? Изъ статьи г. Лаврентьева мы не можемъ извлечь ру-

чательствъ, что существующія нынѣ явленія, обременившія военное министерство мелочнымъ дѣлопроизводствомъ, не повторятся съ большею силою, мало облегчавъ министерство и заваливъ этими неудобствами военно-окружныя управления.

Признавая полезность, даже необходимость созданія болѣе самостоятельныхъ инстанцій по отдѣльнымъ отраслямъ военного управления ниже военного министерства, съ значительнымъ расширеніемъ круга ихъ дѣятельности и власти, мы все еще не видимъ не только никакой пользы, но даже никакой надобности сдвинуть эти отрасли въ центральномъ учрежденіи, каковыми являются военно-окружныя управления. Не проще ли и не рациональнѣе ли было бы дать этимъ отраслямъ совершенную самостоятельность и поставить ихъ въ зависимость только отъ министерства? Опроверженія г. Аничкова нисколько не разубѣждаютъ насъ. Самъ онъ говоритъ: «Для разрѣшенія этого вопроса (должны ли отдѣльныя управления въ округахъ подчиняться общему начальнику) прежде всего надобно сказать, что децентрализація будетъ вообще тѣмъ полнѣе, администрація оживится тѣмъ болѣе, чѣмъ большею властью обложены будутъ высшія, подвѣдомственные министерству инстанціи». Но онъ не хочетъ вплѣть, что эти инстанціи и суть инстанціи отдѣльныхъ отраслей военного управления, а не окружныя управления. Далѣе онъ говоритъ, что исходя отъ этого основанія не трудно уже уразумѣть, что если различныя частныя управления въ округахъ останутся въ безсвязной независимости одно отъ другого, въ непосредственной подчиненности министерству, то имъ никакъ не можетъ быть предоставлено той самостоятельности, той степени власти, какая предоставляется главнымъ окружнымъ начальникамъ. Мы рѣшительно не понимаемъ этого вывода, почему нельзя предоставить большей власти, почему нельзя расширить правъ частныхъ начальниковъ по разнымъ отраслямъ администраціи? Для сохраненія связи между ними, для полной гармоніи, необходимой въ военномъ управленіи? Но эта связь, эта гармонія должны выражаться въ крѣпко завязанномъ узлѣ военного министерства, отъ котораго только и могутъ исходить распоряженія, запечатлѣнные необходимомъ единствомъ. Г. Аничковъ приводитъ въ примѣръ случай недоразумѣнія между войсками и интендантствомъ по недоброкачественности отпущеннаго войскамъ довольствія. Взглядъ на этотъ примѣръ по нашему мнѣнію поверхностный и слишкомъ односторонній: разобрать жалобу войскъ, выслушать оправданія интендантства! Да задача хорошаго и талантливаго администратора и состоитъ въ томъ, чтобы предупредить такіе случаи, дѣйствовать на источникъ ихъ порождающій, а не залечивать паліативными средствами виѣш-

нее и наглядное проявленіе болѣзни, не зашривать въ мѣшкѣ дыру, когда онъ готовъ прорваться въ десяти другихъ мѣстахъ. Разобрать нелогичное, приводимое г. Анничковымъ, есть дѣло второстепенное — мы скажемъ о немъ когда будемъ говорить о контролѣ.

Мы находимъ излишнимъ сравнивать нашу военно-административную систему съ французской, потому что хотя по внѣшнему своему виду и въ некоторымъ формамъ она и напоминаетъ французскія военныя учрежденія, но совершенно противорѣчитъ имъ по духу, по сущности. Мы уже сказали, что отличительный характеръ нашей системы заключается въ возможномъ разграниченіи и раздѣленіи властей, безъ чего никакая форма не спасетъ отъ неудобствъ, порождаемыхъ ихъ сосредоточеніемъ. Повторимъ, что эта система, чуждая для насъ столько же, какъ и прочія, въ теоріи соответствуетъ всравненно болѣе требованіямъ современной критики, чѣмъ остальнымъ; между тѣмъ г. Анничковъ, объявляя себя жаркимъ сторонникомъ проектируемаго у насъ преобразованія, указываетъ на большее сходство его съ системами прусской и австрійской, но не объясняетъ почему послѣднія пригодны для нашей жизни и военной администраціи, чѣмъ французская? Итакъ, что касается до разширенія круга дѣятельности и власти начальниковъ отдѣльныхъ отраслей военного управленія, сосредоточивающихся въ округахъ, то мы высказали наше мнѣніе. Своего проекта мы не пишемъ, но находимъ, что рациональнѣе и удобнѣе было бы не подчинять эти отрасли особеннымъ центрамъ, которые могутъ только парализовать ихъ самостоятельность и независимость. Прибавимъ только, что при этой раздѣльности и независимости число такихъ второстепенныхъ инстанцій (существующихъ отчасти и теперь, только въ крайне завышенномъ и стѣсненномъ положеніи), должно быть ограничено число военныхъ округовъ, какъ и показала прошедшая и настоящая практика.

Переходимъ теперь къ власти главнаго окружнаго начальника. Въ статьѣ г. Анничкова (№ 45 ст. 2 совр. дѣл.) мы читаемъ: «Ни въ разосланной министерствомъ запискѣ, ни въ статьѣ г. Лауретъена не выдѣлены вполнѣ отношенія главныхъ окружныхъ начальниковъ къ войскамъ и къ администраціи. Военное министерство оставило этотъ пробѣлъ, вѣроятно съ тою цѣлью, чтобы предпріятіемъ этого важнаго вопроса не стѣснять тѣхъ частныхъ мнѣній, которые оно желало вызвать своею запискою». Далѣе онъ, то ограничиваетъ власть главнаго окружнаго начальника по строевой части, придавая ему значеніе только инспектора войскъ, то расширяетъ ее по распорядительной части, ограничивая ее по некоторымъ только во-

просамъ совѣтомъ. На стр. 6 (№ 44 Совр. лѣт.), онъ говоритъ, что признавая необходимость посредствующихъ центровъ, должно оговориться, должно сказать, что по его крайнему убѣжденію развѣтвѣ правъ и власти главныхъ окружныхъ начальниковъ должно имѣть свой предѣлъ. Намъ положительно удивляетъ это противорѣчіе или невѣрность статьи г. Лаврентьева, которую самъ г. Анянковъ называетъ полуофициальною. На стр. 119, послѣдней, такъ опредѣляется административное значеніе и кругъ дѣятельности военно-окружныхъ управленій: «Управленія эти, состоя въ непосредственномъ подчиненіи министерства, должны находиться къ опредѣленнымъ частямъ войскъ и военнымъ учрежденіямъ въ тѣхъ же отношеніяхъ, въ которыхъ находится военное министерство въ отношеніи всѣхъ военно-сухопутныхъ силъ имперіи; слѣдовательно по своему составу и характеру управленія эти должны соответствовать военному министерству и служить какъ бы отраженіемъ этого высшаго военного управленія». А кругъ дѣятельности и власти главнаго окружнаго начальника опредѣленъ такимъ образомъ (стр. 134): «Главный окружной начальникъ долженъ стоять въ отношеніи вѣреннаго ему округа *почти* въ такихъ же условіяхъ, въ какихъ находится военный министръ въ отношеніи всѣхъ военно-сухопутныхъ силъ имперіи». Неужели не ясно и не опредѣлительно поставлены въ статьѣ г. Лаврентьева отношенія главныхъ окружныхъ начальниковъ къ войскамъ и къ администраціи? Что касается до насъ, то никакого преднамѣреннаго пробѣла мы тутъ не видимъ. Или его должно искать въ подчеркнутомъ нами словѣ? Можетъ быть предоставленная ему власть смягчается тѣмъ, что онъ *вслучаѣ надобности* даетъ предписаніе начальнику дивизіи о зависящемъ распоряженіи, а *въ крайнихъ случаяхъ* дѣлаетъ самъ распоряженія, донося о томъ военному министру (ст. 136).

Но положимъ противное, т. е. власть главнаго окружнаго начальника будетъ дѣйствительно ограничена: во первыхъ это будетъ противорѣчить духу всего преобразования; во вторыхъ въ такомъ случаѣ становится уже совершенно непонятнымъ, для чего создавать новую и весьма значительную власть, если имѣется въ виду ее ограничить и парализировать ее значеніе. Чѣмъ болѣе стѣснена будетъ эта власть, тѣмъ яснѣе будетъ видна безполезность ея и второстепенныхъ посредствующихъ центровъ; обратно, — чѣмъ шире будетъ она развита, тѣмъ замѣтнѣе будутъ неудобства ея для всего военно-административнаго управленія, тѣмъ труднѣе оживленіе администраціи.

Намъ кажется, что ближе всего было бы сравнить проектируемыхъ главныхъ окружныхъ начальниковъ въ отношеніяхъ ихъ къ военнымъ

му министерству съ генералъ-губернаторами въ отношеніяхъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Выгоды и неудобства тѣхъ и другихъ должны быть аналогичны. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что насколько учрежденія генералъ-губернаторствъ способствовали оживленію администраціи, упрощенію дѣлопроизводства, сокращенію переписки, уменьшенію расходовъ, искорененію злоупотребленій и неудобствъ, порожденныхъ централизаціей, настолько же будутъ достигнуты цѣли при введеніи военно-окружныхъ управленій и главныхъ окружныхъ начальниковъ относительно военного министерства. Принципы тотъ же, шансы для его успѣха тѣже, обстоятельства, среда для его развитія — тѣже, тѣже должны быть и результаты.

Что касается до сомнѣнія, раздѣляемаго отчасти г. Анничковымъ, что со введеніемъ новой системы правительство затруднится въ выборѣ людей, то мы не знаемъ, на чемъ можетъ быть основано подобное сомнѣніе. Откройте только дорогу, измѣните дѣйствительно старую систему — люди будутъ и талантливые, и дѣльные, и энергическіе. Но надѣяться на личныя свойства и таланты какому либо учрежденію весьма опасно и нерационально: «положительный законъ наиболѣе нуженъ въ подобныхъ случаяхъ, которымъ составляютъ пробный камень его достоинства; положительный законъ долженъ самъ въ себѣ заключать достаточно гарантіи благихъ послѣдствій и достигать цѣли своею внутреннею силой, не рассчитывая на гарантіи случайныя, вытекающія изъ личныхъ свойствъ его исполнителей». Тѣмъ страннѣе было читать намъ у г. Анничкова о дипломатическихъ тонкостяхъ администраціи, посредствомъ которыхъ недостатки и свойства одного лица такъ ловко поножаются свойствами и качествами другого, его помощника. Если на дѣлѣ подобныя дипломатическія соображенія и приводятся въ исполненіе, то ни въ какомъ случаѣ рациональная администрація не можетъ на нихъ рассчитывать. Въ подтвержденіе нами сказаннаго мы спросимъ г. Анничкова: противоположныя качества начальника и его помощника, на которыя онъ рассчитываетъ, не должны ли породить между ними антагонизмъ, который поставитъ министерство въ неловкое положеніе? Большая способность одного лица къ строевымъ требованіямъ, другого — къ хозяйственнымъ, болѣе рѣдкое соавденіе обѣихъ способностей въ одномъ лицѣ только подтверждаютъ необходимость раздѣленія властей.

Власть окружного начальника не распорядительной части смягчается военно-окружными совѣтами. Замѣтимъ, что по хозяйственному управленію неудобства, представляемыя сосредоточеніемъ строевой и распорядительной власти въ однихъ рукахъ, еще съ строе-

снять время надѣланы устранить или ослабить у насъ коллегіальныя управленія и совѣтами въ формѣ общихъ присутствій. Система эта сохранилась доселѣ; она удерживается и прооформившимъ преобразованиемъ съ нѣкоторыми улучшеніями и распространяется на вновь создаваемые военно-окружныя управленія. Повсемѣстнымъ и постояннымъ слѣдствіемъ этой системы въ нашей администраціи и жизни было ступенчатое совѣтъ, коллегіи предъ лицомъ ихъ предсѣдателя, ограниченіе его вліянія, бесполезность протестовъ, и наконецъ полнѣйшее безразличіе и подчиненіе, такъ что учрежденія эти являлись орудіями самыми послушными въ рукахъ безграничнаго произвола, за которыми послѣдній укрывался подъ видомъ легальности и соблюденія формъ, предписанныхъ закономъ. Впрочемъ даже и послѣднее не всегда соблюдалось, и произволъ всегда зависѣлъ отъ личныхъ свойствъ лица, находившагося во главѣ совѣта или коллегіи. Такимъ образомъ практика постоянно подтверждала съ одной стороны, что общій строй и направленіе жизни проникали въ учрежденія, повидимому съ характеромъ совершенно противоположнымъ; съ другой стороны, что учрежденіе, какъ бы оно ни было благотѣльно по теоретическимъ соображеніямъ и образцамъ, представляемымъ чужою жизнью, бесплодно и неминуемо должно засохнуть на чуждой ему почвѣ, въ которой оно не держится крѣпкими, здоровыми корнями. Если жизнь показала такое упругое, такое неизмѣнное сопротивленіе подобнымъ учрежденіямъ, то самый опытъ указываетъ, что эти учрежденія не слѣдовало бы ни навязывать, ни распространять, ибо это значило бы бесполезно умножать самымъ отпоромъ доказываемое зло. Намъ кажется, что особеннаго заботливаго ухода и осторожнаго обращенія требуютъ коллегіальныя учрежденія.

Либеральное преобразование подобныхъ учрежденій у насъ можетъ имѣть въ виду только двѣ цѣли, находящіяся во взаимной связи: поставить въ независимое положеніе членовъ коллегіи отъ ея предсѣдателя и начальника отдѣльной части, и дѣйствительная ихъ отвѣтственность передъ закономъ, обусловленная положительною невозможностью и бесполезностью скрыться за самое учрежденіе или за власть и волю предсѣдателя. Въ этомъ отношеніи зависимость и отсутствіе самостоятельности въ высшихъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ (состоящихъ изъ людей и по материальному своему положенію и по значенію въ общественной средѣ въ несравненно вышнѣйшемъ положеніи), принесшія такіе горькіе плоды и вставшія военное управленіе въ такое затруднительное положеніе, должны необходимо повториться во второстепенныхъ, низшихъ учрежденіяхъ въ большихъ размѣрахъ и съ пагубнѣйшими послѣд-

ствіямъ. такъ какъ лица второстепенныхъ коллегій по самому служебному и обществяному положенію пользуются меньшей независимостью. Переносить эти неудобства въ новые пятнадцать учрежденій было бы нерасчетливо. Мы смѣло скажемъ, что члены военно-окружнаго совѣта de facto будутъ ещѣ сильнѣе полнѣеены своему предсѣдателю, еслибы даже они назначались министерствомъ. А кто будетъ свидѣтельствовать о полезности ихъ служебной дѣятельности, кто будетъ представлять ихъ къ повышеніямъ и наградамъ? Окружной начальникъ. Министерство, еслибы и хотѣло, было бы не въ состояніи слѣдить за ихъ дѣятельностью. Теперь предложимъ другой вопросъ: будутъ ли они специалистами, компетентными судьями по вопросамъ, подлежащимъ вѣдѣнію совѣта? Посмотримъ съ этой точки на составъ совѣта.

Члены его суть начальники главныхъ отраслей военного управленія, находящихся въ непосредственной зависимости внѣ совѣта отъ окружнаго начальника, будетъ ли ихъ семь, восемь или девять, это все равно. Только два члена находятся внѣ зависимости отъ окружнаго: членъ отъ военного министерства и членъ отъ государственнаго контроля; но и эта независимость по нашему мнѣнію будетъ кажущаяся по изложеннымъ уже причинамъ. Г. Андичковъ сравниваетъ отношеніе окружнаго начальника къ членамъ совѣта съ отношеніемъ губернатора къ предсѣдателю палаты государственныхъ имуществъ.

Это не совсѣмъ вѣрно: прежде всего, губернаторъ и предсѣдатель палаты принадлежатъ къ двумъ различнымъ министерствамъ, совершенно независимымъ другъ отъ друга; въ какомъ бы положеніи ни очутился предсѣдатель палаты государственныхъ имуществъ, онъ знаетъ, что за нимъ — цѣлое министерство, которое постоянно за него въ случаѣ надобности. Таково ли положеніе дѣла въ военно-окружномъ совѣтѣ, когда по проекту, главному окружному начальнику будетъ принадлежать власть рѣшать огромное число важныхъ вопросовъ какъ по строевой, такъ и по хозяйственной части; когда по сущности его отношеній къ подчиненнымъ членамъ совѣта, рѣшительно невозможно разграниченіе властей и круга дѣятельности членовъ отдѣльныхъ отраслей управленія: военно-окружнаго совѣта, какъ коллегіальнаго учрежденія и окружнаго начальника, независимо никакими положительными законоположеніями, никакой классификаціей, предлагаемой г. Андичковымъ. Самъ проектъ хорошо это понимаетъ и потому, какъ мы упоминали, въ случаяхъ надобности предоставляетъ окружному начальнику право дѣлать распоряженія, касающіяся только о члѣхъ министерству.

Мы очень довольны сравненіемъ, приведеннымъ г. Аничковымъ, и поставимъ только его обратно : если при существующемъ порядкѣ, даже при разграниченіи предметовъ различныхъ вѣдомствъ по независимымъ министерствамъ, встрѣчается чрезмѣрное вліаніе губернатора даже на самостоятельныя и вовсе ему не подчиненныя палаты (напримѣръ сулебныя), то несравненно болѣе шансовъ предположить, что подобное явленіе повторится въ военно-окружныхъ совѣтахъ, прямо подчиненныхъ главному окружному начальнику, ихъ предсѣдателю.

Наконецъ дѣйствительный, фактическій контроль необходимо будетъ сосредоточенъ въ его же рукахъ и къ нему мы должны приложить все нами изложенное. Это подтверждаетъ и самъ проектъ. На стр. 137 сказано категорически : надзоръ за хозяйственною частью главный окружной начальникъ производить или посредствомъ членовъ своего штаба, или чрезъ членовъ окружного интендантства. Сравненіе членовъ совѣта отъ военнаго министерства и государственнаго контроля съ прокурорами тоже не совсѣмъ удачно : первый принадлежитъ къ тому же вѣдомству, второй не можетъ быть специально знакомъ съ подробностями военнаго хозяйства и управленія.

Итакъ, на основаніи приведенныхъ соображеній, мы имѣемъ поводъ думать, что перенесеніе и размноженіе по второстепеннымъ центрамъ коллегіальныхъ учреждений безъ измѣненія ихъ устройства, характера и состава тоже не можетъ оказать радикальнаго излеченія отъ неудобствъ и злоупотребленій, порожденныхъ отживающей системой : оживить администрацію, упростить дѣлопроизводство (вообще, а не въ одномъ министерствѣ), сократить переписку, уменьшать штаты, ограничить расходы, устроить распорядительную часть на новыхъ, рациональныхъ началахъ безъ ущерба для казны и къ выгодѣ солдата, установить дѣйствительный, фактическій контроль надъ всей администраціей и надъ расходованіемъ громаднаго военнаго бюджета. Въ частности, если и оказываются и въ некоторыхъ выгоды, какъ прекращеніе центробѣжнаго и центростремительнаго движенія предметовъ изъ мѣста производства къ центру и отъ центра къ войскамъ, то эти частныя выгоды могутъ быть легко достигнуты тою же системой безъ проектированныхъ территориальныхъ средоточій, которыя могутъ замедлить и запутать это движеніе. Тѣмъ не менѣе вызовъ, сдѣланный статьей г. Лаврентьева, мы считаемъ весьма важнымъ, ибо вслѣдствіе его предложенное преобразование будетъ обсуждено со всѣхъ сторонъ прежде нежели оно будетъ приведено въ исполненіе и вѣроятно многія замѣ-

Чинія приняты будутъ къ свѣдѣнію и разобраны судьями компетентными.

Предложенное преобразование необходимо повлечетъ за собою другія, болѣе существенныя, къ которымъ чувствуется дѣйствительно настоятельная потребность. За строками г. Лаврентьева является намъ цѣлый сонмъ вопросовъ, служащихъ необходимымъ слѣдствіемъ принятія територіальной системы, о которыхъ въ статьѣ мы встрѣчаемъ къ сожалѣнію одни только намеки. Но прежде чѣмъ сказать о нихъ нѣсколько словъ въ заключеніе нашей статьи, слѣдуетъ намъ отвѣтить на вопросъ, предложенный г. Лаврентьевымъ по поводу предполагаемаго учрежденія окружныхъ интендантствъ: *не слѣдуетъ ли административный надзоръ ихъ, не ограничивая одними складами комисаріатскими и провіантскими, распространить и на внутреннее хозяйство войскъ?* Проектъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно, ибо существующій контроль, покрывая требованія, табели и отчеты войскъ по всѣмъ родамъ довольствія, ограничивался до сихъ поръ одною канцелярскою повѣркой: онъ долженъ быть дѣйствительнымъ, фактическимъ контролемъ, основаннымъ на фактическомъ удостовѣреніи въ вѣрности показаннаго въ требованіяхъ и отчетахъ числа людей и лошадей съ дѣйствительно состоявшими на лицѣ, количества вещей и припасовъ, отпущенныхъ, израсходованныхъ, остающихся къ зачету и проч. Да, неслѣдуетъ распространить фактической, дѣйствительный контроль на внутреннее хозяйство войскъ, безъ чего никакая система, какъ бы она ни казалась полезною, не достигнетъ предложенной цѣли. Путемъ учрежденія *двѣхъ инстанцій интендантствъ*, мы надѣемся, военное министерство окончательно убѣдится въ необходимости совершеннаго отдѣленія строевой части отъ хозяйственной съ самыхъ высшихъ инстанцій и сказанные интендантствы будутъ ступенью къ переходу къ раціональной, соответствующей духу времени военной административной системѣ. На этомъ пути военнымъ министерствомъ впрочемъ уже давно слѣдуютъ весьма важный, хотя тоже вспомогательный, посредствующій шагъ, введеніемъ полкового хозяйства на совершенно новый основаніяхъ, посредствомъ управленія хозяйственною частью полковыми комитетами. Это дѣйствительно коренная реформа, которая не можетъ немедленно не отразиться на всемъ строе военнаго управленія и военнаго быта въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Объ этихъ преобразованіяхъ, отчасти приведенныхъ уже въ исполненіе, не упоминается въ статьѣ г. Лаврентьева. Пробѣль этотъ немало удивилъ насъ, такъ какъ онъ рѣшительно въ самой близкой связи со всѣми настоящими и будущими преобразованіями

по военной части ('). Впрочемъ въ статьѣ г. Даврентьева мы нашли и другіе пробѣлы или только слабыя указанія на предметы большой важности, до крайней мѣры не меньшей, чѣмъ военно-окружныя управленія. Къ нимъ мы теперь и обращаемся.

IV

Территориальная военная система, какъ плодъ исторической, многолѣтней практики, принадлежала къ военно-административнымъ системамъ всѣхъ западныхъ европейскихъ государствъ. По этому вопросу, какъ и по остальнымъ мы вступаемъ на тотъ же путь только полустолѣтіемъ позже. Если территориальная военная система съ централизацией или въ посредствующихъ учрежденіяхъ всѣхъ отраслей военного управленія или съ параллелизмомъ или по подчиненнымъ министерству инстанціямъ, приносила самые лучшіе плоды, приводила къ самымъ благодѣтельнымъ результатамъ. Система централизаций или параллелизма играла въ территориальномъ военномъ управленіи далеко не первостепенную роль, какъ свѣдѣтъ докладъ г. Даврентьева. Несмотря на свою важность и относительное достоинство, вопросы эти никогда и нигдѣ не составляли существеннаго свойства системы. Напротивъ они служились предъ глазами, за которыми не трудно признать значеніе государственныхъ вопросовъ, отражающихся не только на всей военно-административной системѣ, но и на всѣхъ областяхъ управленія и государственныхъ учрежденіяхъ, соприскасающихся съ военнымъ министерствомъ.

Территориальная военная система существенно измѣняетъ характеръ самого войска, его хозяйства, быта, образа жизни, однимъ словомъ всего его существованія. Его остается бродячій, кочующій элементъ въ арміи приуроченіемъ частей ея къ однихъ, опредѣленнымъ мѣстностямъ; его превращаются пѣборы и поминности съ перѣда, неравномерно распределенныя, претворенія понятій здравой государственной экономіи; его опредѣляются отношенія войска къ обывателямъ, отклоняются несправедливыя стѣпновенія, въ западной Европѣ мѣтвенія самыя печальныя послѣдствія. О приуроченіи военныхъ учрежденій къ извѣстнымъ мѣсто-

(') Мы не разбирали вопросовъ, приводимыхъ въ статьѣ, помѣщенной въ 3 № -Воен. Сбор.-. Читатель пойметъ, что подробности и частные вопросы, которыми она занимается, отклонили бы насъ отъ главной нашей задачи: разобрать основныя положенія всей системы

стигнъ , объ обѣдлости самой арміи мы встрѣчаемъ только слабыя намеки въ статьѣ г. Лаврентьева (стр. 119), между тѣмъ какъ подобная мѣра составляетъ сущность территоріальной системы и повлечетъ за собой преобразованія безспорнаго значенія. Въ этомъ смыслѣ главнымъ , основнымъ элементомъ для территоріальной системы должно считать вопросъ о постоянной дислокаціи для войскъ, поднятый и отчасти приведенный въ исполненіе еще бывшимъ военнымъ министромъ , генералъ-адъютантомъ Сухожанетомъ. Всѣ послѣдующія преобразованія должны вытекать логически изъ этого основанія.

Мы ограничимся только исчисленіемъ главнѣйшихъ вопросовъ, которые должна необходимо породить у насъ территоріальная военная система ; одни изъ нихъ были немедленно выдвинуты введеніемъ ея , другіе разрабатываются во главнѣйшихъ отрасляхъ государственнаго управленія.

Приуроченіе отдѣльныхъ частей арміи къ извѣстнымъ мѣстностямъ влечетъ за собою постоянную дислокацію войскъ , штабовъ , военныхъ учрежденій ; теперь могутъ быть избраны пункты для штабъ-квартиръ , помѣщеній батальоновъ , эскадроновъ , полковъ , батерей со всѣми хозяйственными принадлежностями. Противъ постоянной дислокаціи можетъ быть высказано возраженіе сторонниковъ мнѣнія , что армія, не имѣя сохраненія своей подвижности , готовности выступить во всякое время въ походъ , не должна оставаться на мѣстѣ и постоянно переходить изъ одной мѣстности въ другую , чтобы не заразиться капуанскою болѣзью ; мы отвѣтимъ , что существованіе постоянныхъ штабъ-квартиръ нисколько не мѣшаетъ этимъ передвиженіямъ , съ тою только несомнѣнною выгодой , что передвигающіяся части арміи не располагаются на квартирахъ у обывателей и встрѣчаютъ готовые помѣщенія , освобожденныя выступавшею частью.

Устройство постоянныхъ квартиръ повлечетъ за собою самыя неблагоприятныя послѣдствія , которыя отразятся на всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія : 1) Явится возможность обратить , если не всѣ , то большую часть натуральныхъ повинностей въ денежную , и такъ какъ на военныя потребности идетъ не менѣе 60% всѣхъ военныхъ оборотовъ , а главныя тягости натуральной повинности требуютъ войскъ , то можно будетъ немедленно приступить къ этой важной государственной реформѣ по введеніи постоянной дислокаціи.

2) Это повлечетъ за собою возможность равномернаго распредѣленія повинностей по всей имперіи , ибо не приведя ихъ въ денежную , это распредѣленіе невозможно , и между тѣмъ какъ одні

мѣстности обременены весьма значительными тягостями, другія несутъ слабѣйшія, а нѣкоторыя, по порасположенію въ нихъ войскъ, и вовсе освобождены отъ нихъ.

3) Земство избавлено будетъ отъ постоянной и квартирной повинности, столь неравновѣрно распределенной между жителями имперіи, и отъ обязанности давать солдату приварокъ и хлѣбъ, первый даромъ, а второй за пекъ, который въ настоящее время не всегда доходитъ до крестьянина.

На этомъ основаніи на новую систему довольствія войскъ отъ жителей за *обывательскій рационъ* мы не можемъ иначе смотрѣть, какъ на мѣру переходную, временную.

4) Вслѣдствіе этого можно будетъ приступить ко введенію общаго и сдѣлообразнаго способа продовольствія солдата насчетъ казны, изъ рогатна котла, какъ единственное-раціональнаго и къ прекращенію всѣхъ злоупотребленій, сопряженныхъ съ другими способами, невыдерживающими ни экономической ни юридической критики и уже давно всюду оставленными.

5) Прекратятся всѣ столкновенія войскъ съ земствомъ и земскими властями, въ настоящее время порождающими переписку, не мало запружающую правильный ходъ нашего дѣловыроизводства.

6) Необходимо должна будетъ уменьшиться и подводная повинность, лежащая тяжелымъ бременемъ на крестьянахъ и къ самой невыгодѣ для казны въ видѣ возвращаемыхъ въ казначейства контрамарокъ и проч.

Въ заключеніе моего разбора я долженъ сказать нѣсколько словъ о многихъ временныхъ, такъ-сказать случайныхъ обстоятельствахъ, почему предложенный на общее обсужденіе проектъ преобразованія не встрѣтилъ того полнаго сочувствія, какое надѣялся встрѣтить Г. Аничковъ жалуется, что ему неоднократно случалось встрѣчать возраженія противъ военно-окружныхъ управленій и досадуетъ, что обстоятельства вынудили военное министерство преждевременно открыть три вавадные округа въ томъ неполномъ видѣ, въ какомъ они явились на судъ публики. Онъ же говоритъ, что общественное мнѣніе выразилось не въ пользу преобразованія прежде чѣмъ оно было критически разобрано, дѣйствительно, вслѣдствіе толковъ, имъ возбужденныхъ. Всюду слышались мнѣнія, не будутъ ли въ военныхъ округахъ сосредоточена и гражданская власть? главные окружные начальники будутъ ли вмѣстѣ съ тѣмъ и генерал-губернаторами губерній, входящихъ въ составъ округа? или главное окружное управленіе превратится изъ чиста военно-административнаго вѣстанціи въ учрежденіе полувѣдомое?

Мы вполне сознаемъ, что подобное тягостное положеніе доу-
скается только лишь во имя крайней опасности, когда объявляется
осадное положеніе, но нельзя не согласиться, что по особеннымъ
политическимъ обстоятельствамъ, вслѣдствіе крайняго растаженія
границъ имперіи, ихъ исключительнаго положенія и постоянныхъ
войнъ, подобная исключительная мѣра можетъ получить характеръ
мѣры постоянной. Въ западномъ, виленскомъ, кievскомъ и одес-
скомъ военныхъ округахъ мѣра эта уже осуществилась. О прочихъ
округахъ г. Анничковъ говоритъ: «опасенія эти грѣшатъ своимъ
основаніемъ, потому что построены на гипотезѣ, будто исклю-
чительное положеніе западныхъ округовъ будетъ примѣнено ко всѣмъ
прочимъ. Напротивъ, судя по первоначальному плану осуществле-
нія ~~территориальной~~ системы, *должно полагать*, что ни въ саратов-
скомъ, ни въ казанскомъ, ни въ харьковскомъ, ни въ другихъ *вну-
треннихъ* округахъ, главные военные начальники не будутъ имѣть
никакой власти по части гражданской администраціи.» Мы позво-
лимъ себѣ сдѣлать г. Анничкову вопросъ, не входя въ политическія
разбирательства причинъ, почему наше правительство считаетъ
необходимымъ сосредоточеніе гражданской и военной власти въ
однихъ рукахъ, въ пограничныхъ мѣстностяхъ. Какіе же это дру-
гіе внутренніе округа, кромѣ уже исчисленныхъ имъ? Изъ *пят-
надцати* проектируемыхъ военныхъ округовъ по крайней-мѣрѣ *де-
сять* если не *одинадцать* не подлежатъ той категоріи, которая вы-
звала сожалѣніе г. Анничкова. Въ числѣ остающихся пяти или че-
тырехъ округовъ два столичныхъ, такъ что территоріальная воен-
ная система въ томъ видѣ, какъ она проектирована въ статьѣ г. Ла-
вrentьева, можетъ быть примѣнена только къ двумъ округамъ, ко-
торые и упомянуты г. Анничковымъ: саратовскому и казанскому и
можетъ-быть къ харьковскому. Остальные по статьѣ г. Лавrentье-
ва: финляндскій, балтійскій, сѣверозападный (виленскій), запад-
ный, юго-западный (кievскій), южный (новороссійскій), кавказскій,
оренбургскій, западно-сибирскій и восточно-сибирскій, всѣ нахо-
дятся въ исключительномъ положеніи, въ которыхъ давно уже сое-
динены гражданская и военная власти.

Мы обратили наше вниманіе на главныя, характеристическія
черты преобразованія. Мы уклонялись отъ разбора тѣхъ частно-
стей и подробностей, на которыя обращено исключительно вни-
маніе въ послѣднемъ номерѣ «Военнаго Сборника». Мы должны
сказать, что не считали нужнымъ входить въ эти частности, со-
ставляющія по нашему мнѣнію вопросы второстепенные, разрѣши-
мые по большей части практикою на самыхъ мѣстахъ ихъ возник-
новенія. Наконецъ мы не можемъ не отдать справедливости мно-

гимъ внутреннимъ достоинствомъ проекта и твердо надѣемся, что рано или поздно ими запечатлѣна будетъ наша военная администрація. На страницѣ 129 проекта мы встрѣчаемъ желаніе министерства невозможности согласить интересы службы съ интересами служащихъ. Сознаніе такой гуманной точки зрѣнія уже большой шагъ впередъ. Мы надѣемся, что такое справедливое, гуманное воззрѣніе въ приложеніи своемъ вовсе не окажется пагубнымъ и вреднымъ въ дисциплинарномъ и служебномъ отношеніяхъ, ибо интересы службы и интересы лица не должны противорѣчить другъ другу ради выгодъ самой службы.

И. ПИЩЕВЪ

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ ИЗЪ ИСТОРИИ ПОСЛѢПЕТРОВСКАГО ВРЕМЕНИ

ПО ПОВОДУ КНИГИ Г. ЦЕКАРСКАГО

Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи. Спб. 1862.

Въ исторіи народовъ, еще не организовавшихъ окончательно формъ своей жизни, еще не выяснившихъ опредѣленно началъ своей цивилизаціи, неизбѣжны веровности и скачки. Если вообще жизнь не есть болѣе или менѣе сложный механизмъ, не похожа на прямое движеніе впередъ по рельсамъ, то жизнь, еще не утвердившаяся на своихъ центрахъ, молодая, порывистая, безпорядочная, тѣмъ болѣе. Жизнь русская очень молода, хотя ей уже тысячу лѣтъ. Въ ней особенно много скачковъ и неровностей, а еще больше въ ней періодовъ затишья, замиранья, минаго, нравственно-гражданскаго сна. Русь — это вѣдь Илья Муромецъ, который сначала сиднемъ сидитъ лѣтъ тридцать, а потомъ уже принимается богатырски шагать, пока опять по той или по другой причинѣ не ухлвется, не уймется и не заснетъ. Длины періоды сна русскаго народа, вѣчасты періоды его просыпанія и движенія, зато какъ исполински велики и страшны эти движенія! Какіе обозначаются въ нихъ могучіе члены, какая широкая удаль, какой богатырскій размахъ! Вотъ періодъ удѣльный, когда народъ еще искренно считаетъ дѣло князей дѣломъ своимъ и собственною кровью рѣшаетъ ихъ распри. Вотъ могучій кличъ Минина, будящій и поднимающій со всѣхъ сторонъ русское земство! Вотъ весь русскій народъ смиренно стоитъ на колѣняхъ предъ юнымъ Михаиломъ! Вотъ онъ, грозный и неумолимый, ищетъ Глинскихъ, поджигающихъ по его вѣнню Москву! Вотъ онъ, грозный и неумолимый, предъ теремомъ кроткаго Алексѣя Михайловича требуетъ выдачи Морозова! Вотъ Никита Пустосвятъ, слагающій голову на плаху и крестящійся двумя перстами, и «огнеопальная ревности» многострадаль-

ный Аввакумъ, плюющій въ бороду патріарха и совершенно забывающій, что въ его тѣлѣ изломаны суставы и не надколота рѣзкая кость! Вотъ и стрѣльцы, упивающіеся виномъ и кровью! Послѣ этого Русь — русскій богатырь надолго остановилъ свои движенія, сложилъ свои могучія руки, смежилъ свои орлиныя очи. Реформа Петра нельзя сказать чтобы разбудила его. Народъ только какъ бы сквозь сонъ видѣлъ, что наяву вокругъ него совершается что-то странное, новое и совершенно непонятное для него. Болѣе крутыя мѣры Петра, болѣе чувствительныя затрогиванья пня народной жизни были для народа какъ бы нѣкоторымъ наркотическимъ веществомъ, отъ котораго онъ нехотя просыпался, протиралъ глаза, нѣкоторое время усиленно старался разглядѣть что-нибудь и то слегка откашливался и отплеывался, то просто безмолвствовалъ. Ему былъ совершенно чуждъ и непонятенъ этотъ Петербургъ, выстроенный на болотѣ и отлѣвленный отъ него постоянными непроницаемыми туманами. Подлѣ себя самага онъ находилъ больше свѣта, чѣмъ у чухонскаго окошка, прорубленнаго въ Европу. На пролѣзшихъ къ нему чрезъ это окошко людей Европы, непонятныхъ и чуждыхъ ему, онъ смотрѣлъ точно также, какъ дитя смотритъ на незнакомыхъ и незваныхъ гостей, прѣхавшихъ въ домъ его родителей. Между тѣмъ Петербургъ росъ не по днямъ, а по часамъ. Около него сконцентрировался этотъ сравнительно ничтожный по численности противъ остальной Руси мірокъ, привлеченный въ броженіе Петромъ Великимъ. Петербургъ надувался быстро, подобно воздушному шару. Вотъ онъ уже сталъ нѣмецкою столицею русскаго государства. Сряду послѣ Петра начинается въ *Петербургѣ нѣмецко-петербургскій* періодъ русской исторіи. Петербургъ и петербургская русская исторія возникли и развились на совершенно-чуждой оконечности русскаго государства, на финскомъ берегу. Всѣ центры собственно русской жизни остались далеко назадъ. Петербургъ началъ формировать въ русскомъ государствѣ свою особенную жизнь, мало похожую на русскую, хотя всасывала для этой жизни соки изъ чисто-русскихъ центровъ. Въ *петербургско-нѣмецкомъ* ⁽¹⁾ періодѣ русской исторіи народъ безмолвствовалъ. Нѣмецкая жизнь петербургская только вызываетъ изрѣдка движенія жизни народной. Таково движеніе Пугачева. Собственно же нѣсколько царствованій послѣ Петра народъ по отношенію къ Петербургу разыгрываетъ роль нѣмого посторонняго зрителя. Онъ даже не похожъ на ту публику, которая присутствуетъ при театральномъ представленіи, гдѣ все-таки между ею и сценою есть связь, связь нрав-

(1) До Екатерины II.

степная и умственная, а скорѣе на публику, собравшуюся вокругъ воздушнаго шара, глѣ нѣтъ другой связи, кромѣ любопытства. Авторы разныхъ записокъ, мемуаровъ, путешественники по Русу въ первое время петербургскаго періода русской исторіи, пиша въ Петербургѣ свои лѣтописи, всегда когда касаются въ нихъ народа русскаго, то кажется, будто касаются народа какого-то другого государства, а не русскаго. Справедливо утверждаютъ, что народонаселеніе Петербурга, предоставленное самому себѣ, въ нѣсколько десятковъ лѣтъ страшно уменьшилось бы, если только не вымерло бы совсѣмъ. Такимъ образомъ Петербургъ живетъ искусственною жизнью. Подобно этому и самый петербургскій періодъ исторіи русской на огромномъ пространствѣ остальныхъ историческихъ вѣковъ отличается особеннымъ блѣднымъ искусственнымъ цвѣтомъ. Тутъ мало дѣйствительной жизни русской; издали, изъ необозримаго, виднѣющагося вдали океана русской жизни забѣжить только сюда какая-нибудь волна и мгновенно расплещется. Вообще же, въ большую половину петербургскаго періода русской исторіи, океанъ народной жизни тихъ и неподвиженъ. Въ Петербургѣ рѣзня, въ Петербургѣ ужасы; одни люди пожираютъ другихъ и сами сейчасъ же всходятъ на эшафотъ или летятъ въ Сибирь; каждое лицо вступаетъ на тронъ неняче, какъ черезъ трупы многихъ жертвъ; не успѣешь оглянуться, какъ и его уже сводятъ съ престола, восходитъ лицо новое и опять казни, кровь, рѣзня, а народъ вдали остается холоднымъ зрителемъ всего этого.

Эту мысль невольно пробуждаетъ недавно вышедшая книга добросовѣстнаго и горячаго изслѣдователя русской исторіи, г. Пекарскаго: «Маркизь де-ла-Шетарди въ Россіи 1740—1742 годовъ». Прежде чѣмъ укажемъ на многія рѣзко выдающіяся въ книгѣ г. Пекарскаго *черты петербургскаго періода русской исторіи*, между которыми намѣченная сейчасъ нами есть главная, основная, скажемъ нѣсколько словъ о самомъ *маркизь де-ла-Шетарди*.

Изъ книги г. Пекарскаго видно, что маркизь де-ла-Шетарди былъ человекъ тщеславный, вспыльчивый, помѣшанный на этикетахъ и церемоніяхъ, однимъ словомъ настоящій французъ. По самому ничтожному поводу онъ сейчасъ спрашиваетъ у своего двора какъ ему поступать, не въ политикѣ, не въ проведеніи какихъ-нибудь интересовъ своего двора, а просто даже въ дѣлѣ *церемоній и этикетовъ*. Такъ напримѣръ вслѣдствіе смерти Анны Ивановны маркизь тотчасъ спрашиваетъ у своего двора, «долженъ ли онъ оказывать принцесѣ Авиѣ тѣже почести, которыя были слѣдствіемъ уголивости къ покойной царицѣ или же считать ее

только принцессой брауншвейгскою (1)?» Равнымъ образомъ, если обстоятельства не позволятъ ему долѣе оставаться «здѣсь, то какъ онъ долженъ выѣхать отсюда? Соблюдать или не соблюдать тотъ же *церемоніалъ*, какъ при прибытіи касательно *визитовъ* между нимъ и герцогомъ, герцогинею курляндскими, сыномъ и наследникомъ, принцомъ брауншвейгскимъ и принцомъ гессенскимъ (2)?» Если маркизъ откроетъ какой-нибудь балъ во дворцѣ, то назавтра непременно извѣщаетъ объ этомъ свой дворъ (3). Если маркизъ состритъ, то непременно считаетъ необходимымъ, чтобы объ этой остротѣ зналъ и кардиналъ Флери и самъ король. «Впродолженіи довольно длиннаго разговора, касавшагося разныхъ предметовъ, пишетъ Шетарди (4), царица (Елисавета Петровна) замѣтила, что она обратилась спиною къ королевскому портрету и упрекнула себя въ такой разсѣянности. Это не мѣшаетъ, сказалъ я, чтобы король представлялся вашему величеству съ самой отличной стороны». Положимъ тутъ и есть, нѣкоторое подобіе французской остроты, но зачѣмъ же писать объ этомъ въ Парижъ къ его аминенціи? Положимъ секретарь Елисаветы Петровны несправедливо поступилъ, написавши на пакетѣ къ французскому королю вмѣсто «*au roi monsieur mon frèге*» просто «*au roi mon frèге*», но зачѣмъ маркизу говорить по этому поводу такого рода рѣчи Елисаветѣ Петровнѣ: «Вы первая изъ русскихъ государей писали такимъ образомъ къ королю; чѣмъ болѣе это подтверждаетъ *связь и самую тѣсную короткость* между коронованными главами, *тѣмъ болѣе* король расположенъ пользоваться ими при сношеніяхъ съ вашимъ величествомъ (5)?» Маркизъ часто пишетъ къ своему двору не только о томъ какъ онъ сострилъ, расшаркался, отдалъ визитъ, но отчасти сообщаетъ и свои будущія намѣренія и планы касательно этикетовъ. «Вы видите, милостивый государь, пишетъ Шетарди въ одномъ письмѣ (6), что число лицъ, пенсполнившихъ въ отношеніи ко мнѣ внѣшнихъ знаковъ *приличій*, требуемыхъ моимъ званіемъ, очень ограничено. Лучшее въ этомъ дѣлѣ не думать о нихъ, даже *забыть*, что они существуютъ и дать имъ замѣтить это (*забыть* ихъ, а между тѣмъ *дать* имъ замѣтить!), не пригласивъ ихъ съ жонами на обѣдъ къ себѣ, а между тѣмъ всѣхъ прочихъ я *постараюсь* просить со всѣми вѣжливостями, какія только можно

(1) Письмо Шетарди изъ Петербурга 28/10 октября 1740 г., стр. 131.

(2) Тоже письмо, стр. 132.

(3) Письмо Шетарди отъ 1/12 марта 1740 г., стр. 64; также 450 стр.

(4) Письмо отъ 12 декабря 1741 г., стр. 465.

(5) Письмо отъ 13 февраля, стр. 544—546.

(6) Письмо отъ 9 апрѣля 1740 г., стр. 72.

придумать». Маркизь былъ весьма хорошъ собою, молодъ (ему было менѣе тридцати лѣтъ во время посольства въ Петербургѣ), блестящій паркетный острякъ и пользовался большимъ успѣхомъ при дворѣ. Милость и короткость къ нему Елисаветы Петровны подала многимъ поводъ къ догадкамъ весьма щекотливаго свойства (1). Составитель примѣчаній на записки Манштейна такъ отзывается о маркизѣ Шетарди :

«Маркизь былъ человекъ надменный и опрометчивый. Въ то время (въ 1742 году) находились при русскомъ дворѣ два французскихъ министра : маркизь въ качествѣ чрезвычайнаго посла, а г. Юссонъ-Делонъ (у Шетарди онъ называется *д'Альонъ*) полномочнымъ министромъ. Маркизь поссорился съ послѣднимъ и въ канцеляріи посольской дрался съ нимъ на поединкѣ. Вспыльчивый и скорый де-ла-Шетарди неспособенъ былъ никакое дѣло производить съ благоразумною осторожностью, почему учинилъ величайшую глупость, обнаруживъ замысль свой къ ниспроверженію графа Бестужева-Рюмина. Напротивъ, русскій канцлеръ имѣлъ умъ обширный и основательный (2).»

Самъ Шетарди признавалъ за собою тщеславіе и высокомеріе. Въѣзжая въ Россію съ многочисленною и великолѣпною свитою, состоявшею изъ двѣнадцати кавалеровъ, секретаря, осьми духовныхъ лицъ, шести поваровъ подъ главнымъ руководствомъ самаго знаменитаго Барридо, перваго, по отзыву Мантейфеля, знатока въ дѣлѣ хорошо поѣсть, пятидесяти нажей, камердинеровъ и ливрейныхъ слугъ, съ 100,000 бутылокъ тонкихъ французскихъ винъ, между которыми 16,800 бутылокъ были съ шампанскимъ, — въѣзжая съ такою многочисленною свитою, маркизь, по собственнымъ его словамъ, «намѣреяъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ показать что значить Франція (3)».

Если между прочимъ съ такимъ заднимъ намѣреніемъ ѣхалъ Шетарди въ Россію, то отъ него, особенно вслѣдствіе сейчасъ указанныхъ нами многихъ его качествъ, собственно нельзя ожидать вѣрной и полной характеристики русскаго двора и особенно Россіи; но въ его положеніи при русскомъ дворѣ было одно обстоятельство, говорящее въ настоящемъ случаѣ за маркиза Шетарди : это роль искренняго участника и какъ бы распорядителя (какимъ и старается выставить себя Шетарди) въ дѣлѣ возведенія на престолъ русскій Елисаветы Петровны. Эта роль конечно заставляла его основательно знакомиться съ русскимъ народомъ, до самыхъ топ-

(1) *La cour de la Russie il y a cent ans*, Berlin 1858, p. 84.

(2) Записки на Манштейна - *Отечеств. Записки* - 1829 г., стр. 377.

(3) Примѣчанія г. Пекарскаго, стр. IV.

кихъ подробностей изучать придворныя интриги царедворцевъ, ихъ личныя характеры, равнымъ образомъ всѣ вообще стороны общественнаго управленія государствомъ. Дѣло доходило до того, что Елисавета Петровна повѣряла Шетарди самыя интимныя свои нужды. Такъ напримѣръ Шетарди, вслѣдствіе стѣсненности денежныхъ обстоятельствъ цесаревны, передавалъ ей деньги отъ французскаго короля ⁽¹⁾. Правда, объ этихъ французскихъ червонцахъ Шетарди говорилъ Елисаветѣ чуть ли не каждый день, давая замѣтить, что она вслѣдствіе этого всѣмъ обязана участію его короля; правда, что Франція, содѣйствуя чрезъ Шетарди возведенію на престолъ Елисаветы, имѣла свои интересы, но дѣло Елисаветы, въ которомъ участвовалъ Шетарди, въ тоже время было дѣломъ чисто-русскихъ интересовъ и Шетарди волею-неволею долженъ былъ окончательно и всесторонне окупнуться въ нихъ. И онъ окупился. Въ его депешахъ къ своему двору весьма много разностороннихъ свѣдѣній о тогдашней Руси. Подъ вліяніемъ его депешъ, довольно опредѣленно выясняется духъ тогдашняго времени, особенно рѣзко выдаются нѣкоторыя его черты, замѣчательныя тѣмъ, что могутъ быть отнесены не къ одному только періоду времени отъ царствованія Анны Ивановны до середины царствованія Елисаветы Петровны, времени, которое обвиняють депеши Шетарди, а вообще ко всему петербургскому періоду русской исторіи. Эти черты мы и представимъ, выясняя ихъ конечно не при помощи однихъ только депешъ Шетарди.

Первая и самая крупная черта, дотога крупная, что она составляетъ не часть картины того времени, а какъ бы цѣлый фонъ, общій колоритъ ея, это совершенное *безмолвіе народа*.

Когда читаешь депеши, записки, мемуары того времени, эта черта слишкомъ скоро и слишкомъ ярко бросается въ глаза. Народа не видно, его какъ-будто и нѣтъ совсѣмъ. Между тѣмъ вы видите — копошатся люди, совершаются событія, дѣйствителей тьма, и каждый лѣзетъ впередъ другого, рѣдкій даже не кричитъ, что онъ отъ народа, за народъ, во имя народа, и вамъ невольно представляется неподвижный великанъ, на тѣлѣ котораго въ какомъ-нибудь мѣстѣ копошатся разныя насккомыя. Онѣ сосутъ его кровь, онѣ и существуютъ только ради великана, а самъ великанъ какъ-будто и не подозреваетъ объ ихъ существованіи, развѣ только когда иное ядовитое насккомое очень ужъ больно ужалило его, великанъ слегка почесеть у себя рукой. Въ монархіи съ неограниченнымъ самодержавіемъ, какова Русь, возведеніе на престолъ мо-

(1) Отчетъ Шетарди о разговорѣ съ Елисаветою, стр. 323.

нарха ужь конечно не есть дѣло немаловажное и ненародное. Когда стонетъ монархъ, говорится въ Гамлетѣ, общій стонъ слышится въ государствѣ. И дѣйствительно въ допетровской Руси мы видимъ самую тѣсную фактическую связь между престоломъ и народомъ. Предъ Михаиломъ Федоровичемъ вся Русь стояла на колѣняхъ. Подобные вопросы никогда не были и мыслимы безъ участія земства и всего народа. Совершенно не то мы видимъ въ петербургскомъ періодѣ русской исторіи. Тутъ часто въ одинъ годъ сходило и восходило на престолъ нѣсколько лицъ; младенецъ Іоаннъ III царствовалъ три недѣли, между тѣмъ со стороны народа мы не слышимъ никакого голоса, не замѣчаемъ ни малѣйшаго движенія; по временамъ только слышны его глухіе, страдательные стоны, каковъ на примѣръ великій мучительный стонъ отъ Барона. Правда народъ, безмолвно насмотрѣвшись всего что передъ нимъ совершалось, выставилъ наконецъ изъ среды себя Пугачева, но это было уже въ царствованіе Екатерины II. До этого же времени большая часть лицъ овладѣвала престоломъ чрезъ интриги или просто случася. Елисавета Петровна, которая какъ кажется популярнымъ образомъ взшла на престолъ Петра Великаго, въ существѣ дѣла опиралась на Швецію да на французское золото Шетарди.

«Елисавета, пишетъ Шетарди, подтвердивъ сообщенное ей о томъ (что изъ 160 офицеровъ третьяго пѣхотнаго гвардейскаго полка было 54, которые были уже готовы стоять за принцессу), не колебалась высказать, что ея партія будетъ дѣйствовать какъ и она мужественно, какъ только шведы доставятъ имъ возможность сдѣлать это навпрямъ (avec sûreté). Но истиннѣ я полагаю, что ничего нельзя ожидать отъ приверженцевъ Елисаветы до тѣхъ поръ, пока они не почувствуютъ, что ихъ поддерживаютъ (1).»

Въ другомъ мѣстѣ Шетарди прямо говоритъ, что принцесса «съ той собственно минуты ожила и возродилась въ ней надежды», когда Шетарди проговорилъ съ нею о расположеніи къ ней его короля (2). Тутъ-то Елисавета

«согласилась касательно внѣшнихъ средствъ предоставить все на волю его величества, а маркизъ передалъ принцессѣ, что король, постоянно занятый мыслию содѣйствовать ея счастію, охотно доставитъ средства на покрытіе издержекъ, какъ только будетъ указано какимъ способомъ можно сдѣлать это секретно (3).»

(1) Депеша Шетарди отъ 16 іюня, стр. 265.

(2) Депеша отъ $\frac{21 \text{ апрѣля}}{2 \text{ мая}}$ стр. 240.

(3) Тамъ же, стр. 241.

Какъ любезный кавалеръ, маркизъ Шетарди ручался предъ Лестокомъ за своего короля, что послѣдній, еслибы только увидѣлъ Елисавету, то тотчасъ уступилъ бы чувствамъ, какія способна возбуждать ея красота и употребилъ бы въ дѣло даже матеріальную силу, но замѣчаетъ маркизъ

«отдаленность тому мѣшаетъ, вслѣдствіе чего его величество ничѣмъ инымъ помочь не можетъ, какъ заставитьъ дѣйствовать своихъ союзниковъ, сосѣдей Россіи, и вы знаете, что *шведы* сами хорошо расположены къ принцессѣ (1).»

Ясно можно видѣть, что какъ Шетарди заботился о томъ, чтобы доставить Елисаветѣ французскіе червонцы *секретно*, такъ и самое возведеніе Елисаветы Петровны на престолъ было дѣломъ по отношенію къ народу *секретнымъ*. Ее возвели собственно даже не гвардейцы, которые какъ мы видѣли, сами по себѣ не рѣшались на это дѣло, а просто нѣмецъ Лестокъ, да французъ Шетарди съ шведами. Поэтому совершенно понятно, что по восшествіи на престолъ Елисаветы, гвардейцы послали отъ себя многочисленную донутацію благодарить Шетарди. Маркизъ замѣчаетъ по этому поводу, что даже для нихъ, русскихъ гвардейцевъ,

«все счастье въ славѣ его короля (et me félicitèrent de ce que la gloire du Roi fait tout leur bonheur). Чтобы вести дѣло по военному, какъ это было прилично, гвардееры и я много обнимались другъ съ другомъ (вотъ вѣдь какъ!). Уступая, *ихъ настольнѣмъ* я выпилъ съ ними за здоровье *его величества* (короля французскаго, каково?) и парицы, а потомъ велѣлъ имъ дать денегъ (2).»

Нѣкоторое время французскій министръ Шетарди былъ почти и первымъ русскимъ министромъ, какъ и замѣчаетъ объ этомъ Финчъ (3). Французскій министръ читаетъ Елисаветѣ шведскую декларацію и Елисавета не находитъ ничего прибавить къ тому; напротивъ ей кажется, «что документъ составленъ въ такомъ духѣ, что произведетъ на народъ сильное впечатлѣніе (4).» Еще бы не произвести ему на *народъ* сильнаго впечатлѣнія, когда онъ, документъ, исходитъ собственно изъ рукъ французскаго маркиза Шетарди и только передается царю черезъ руки Елисаветы? Вообще, если вѣрять Шетарди, Елисавета передавала французскому королю

(1) Тамъ же.

(2) Девеша отъ 11 декабря, стр. 431.

(3) Англійскій резидентъ Финчъ, писалъ 15 декабря: «французскій посланникъ продолжаетъ быть первымъ министромъ. За нимъ очень ухаживаютъ. Гвардейцы съ нимъ очень обнимаются во дворцѣ. (La Russie il y a cent ans. p. 90).

(4) Девеша отъ 24 октября, стр. 376.

черезъ него, «что король одинъ станетъ руководить ее, какъ ему будетъ угодно, по достиженіи ею престола и потомъ *спродолженіи* всей жизни.» Она благодарила горячо даже его эминенцію за труды, «за которые ей досадно, что она причиною ихъ (1)». Между тѣмъ, повторемъ, восшествіе на престолъ Елисаветы Петровны сравнительно съ восшествіями и низверженіями другихъ лицъ тогдашняго періода считается популярнымъ. Тоже самое царствованіе, на которое знатные и простые смотрѣли какъ на конецъ тираническаго царствованія нѣмцевъ (вообще иноземцевъ), въ глазахъ Шетарди было особенно благопріятно его королю, на что маркизъ и указывалъ его величеству какъ на побудительное средство поскорѣе даровать миръ Россіи (2). Какъ видите тутъ всё есть: и нѣмцы и Французы и шведы и маркизъ и король и даже его эминенція; невидно что-то только народа русскаго, на тронъ котораго взошла Елисавета. Вообще въ этотъ періодъ народъ считается какъ-будто не существующимъ. Каждое лицо вступаетъ на престолъ почти только для себя самого. Когда герцогу курляндскому указывали на противорѣчіе въ царскихъ указахъ, то онъ подобное обстоятельство считалъ совершенно не касающимся его: «дѣло управляющихъ канцеляріями знать о сдѣланномъ прежде, чтобы предупреждать при изданіи новаго постановленія (3),» говорилъ онъ. Извѣстно, что императрица Анна Иоанновна была первоначально герцогиниею курляндскою и прежде нежели взошла на всероссійскій престолъ, подписала въ Митавѣ семь пунктовъ, представленныхъ ей депутаціею отъ совѣта, сената и дворянства, пунктовъ, которые довольно ограничивали самодержавную власть, которую она должна была принять; въ то же время устно депутаты должны были уговорить Анну Иоанновну не привозить съ собой любимца своего, камеръ-юнкера Бирона (4). Хотя въ дѣлѣ участвовалъ только совѣтъ, сенатъ и дворянство, но дѣло все-таки не было въ обиду и народу. Императрица приѣхала, воцарилась и повелѣла предстать предъ себя сенату и совѣту, и что же описывается? Будемъ говорить словами Манштейна:

«Когда государыня изволила войти въ тронную, то графъ Матвѣевъ, приближась къ государынѣ, сказалъ, что онъ присланъ отъ имени всего русскаго дворянства представить ея величеству, что она была обманута депутатами верховнаго совѣта; что послѣду Россія управлялась съ столькихъ столѣтій самодержавными государями, а не совѣтомъ, все

(1) Депеша Шетарди отъ 24 октября, стр. 377.

(2) Отрывокъ изъ донесенія Шетарди королю, стр. 411.

(3) Письмо Шетарди отъ 9 апрѣля 1740 г. стр. 70.

(4) Манштейнъ, ч. I, стр. 87. Чули птицу издали и заранѣе!

дворянство російское всеподданнѣйше просить государыню принять на себя неограниченную власть ея предковъ; что вся нація единодушно того же отъ нея ожидаетъ, и что она усерднѣйше молить Всевышняго, чтобъ потомки ея величества господствовали надъ нею до скончанія вѣковъ.

«При сихъ словахъ государыня приняла на себя (*sic*) видъ удивленной. Какъ? говорила она, развѣ я не по требованію цѣлой націи подписала актъ, поднесенный мнѣ въ Митавѣ? На что все собраніе отвѣтствовало какъ бы въ одинъ голосъ, что народъ про то ничего не знаетъ. Послѣ чего она обратилась къ князю Долгорукову и сказала: такъ поэтому, князь Василій Лукичъ, ты меня во всемъ обманывалъ? Она приказала великому канцлеру отыскать подписанныя ею бумаги, и когда онѣ были принесены, велѣла ему ихъ прочесть вслухъ и на каждомъ особенномъ пунктѣ она останавливала его и спрашивала у предстоящихъ нужна ли сія статья для народа російскаго? Собраніе отвѣтствовало на всѣ ея вопросы всегда отрицательно; она же взявши изъ рукъ великаго канцлера бумаги, разорвала ихъ всѣ безъ изыятія и сказала: поэтому бумаги сіи ни мало не нужны. И въ тоже самое время объявила, что поелику имперія російская состояла всегда подъ управленіемъ одной монаршей особы, она находитъ себя вправѣ требовать себѣ тѣхъ же самыхъ выгодъ и преимуществъ, коими пользовались ея предки, коихъ престолъ она наследуетъ не по избранію, какъ-то объявляеть совѣтъ, но по праву преемничества; всѣ же тѣ, кои окажутся противниками самодержавія, будутъ наказаны какъ оскорбители царскаго величества. Всѣ были такою рѣчью крайне довольны и по всему городу раздавались радостные крики! (1)

Итакъ кажется несомнѣннымъ, что избраніе Анны Іоанновны на русскій престолъ съ самодержавною неограниченною властью совершилось все-таки не безъ участія народа. Правда, первая депутація, отправлявшаяся въ Митаву, хотѣла было порѣшить дѣло безъ него, но дѣло совершенно было поправлено второю депутаціею Матвѣева, или лучше самую императрицею, которая къ удивленію своему узнавши, что она прежде была избрана *не по требованію цѣлой націи*, съ совершенною готовностью приняла второе избраніе безъ всякаго ограниченія самодержавной своей власти. Въ этомъ второмъ такъ-сказать избраніи, въ противоположность первому, о которомъ замѣчено, *что народъ про него ничего не знаетъ*, прямо уже упоминается *все російское дворянство*, говорится о *единодушномъ желаніи націи* и даже о *ея усерднѣйшихъ молитвахъ*, чтобы потомки ея величества господствовали надъ нею до скончанія вѣковъ, во имя чего и отвергаются всѣ семь митавской депутаціи пунктовъ; упоминаются наконецъ даже радостные крики и об-

(1) Манштейнъ, ч. I, стр. 97—98.

шее довольство. Но мы что-то сомнѣваемся въ единодушіи и особенно въ малѣйшемъ участіи націи и въ этомъ второмъ избраніи. Прежде всего тутъ очевидно не было участія даже *всего російскаго дворянства*, потому что депутаты верховнаго совѣта, *которыми ея величество была обманута*, были сами дворяне, да и тѣ, чьими депутатами они были, тоже конечно были дворяне и ужь конечно не участвовали въ депутаціи второй. Итакъ и Матвѣевъ по всей вѣроятности также обманывалъ императрицу, какъ и князь Василій Лукичъ. Наконецъ что касается *единодушнаго желанія* народа, то нужно замѣтить, что несомнѣнно народъ *какъ про первую депутацію ничего не зналъ, такъ равно и про вторую*. Мало этого, мы сейчасъ увидимъ, что онъ даже и *не могъ* никогда раздѣлять желаній второй депутаціи. Что это были за статьи, изъ которыхъ о каждой императрица торжественно спрашивала у всѣхъ, — *нужна ли сія статья для народа російскаго, или нѣтъ*, и которыя всѣ были торжественно отвергнуты? Вотъ эти статьи. Собраніе верховнаго совѣта постановило было:

- 1) Чтобы императрица Анна не иначе управляла Россією, какъ съ вѣдома и воли верховнаго совѣта.
- 2) Чтобы ей самой не начинать войны и не заключать мира.
- 3) Чтобы *не налагала никакихъ новыхъ податей* и не раздавала бы самопроизвольно важнѣйшихъ государственныхъ должностей.
- 4) Чтобы не наказывала никакого російскаго дворянина, не удостоивъ его напередъ въ дѣйствительности егд преступленія.
- 5) Чтобы не описывала на государя ни чьего имѣнія.
- 6) Чтобы не распоряжалась по волѣ своей казенными мѣстностями и не поступала ихъ кому-либо.
- 7) Чтобы она не выходила замужъ и не назначала по себѣ преемника, не посоветовавшись о томъ напередъ съ членами верховнаго совѣта (*).

Для всякаго очевидно, что тутъ играютъ народомъ; что и Василій Лукичъ и Матвѣевъ — это самозванцы отъ народа, которые произвольно и святотатственно произносятъ его имя; что на слѣдующій день могла явиться третья депутація опять *отъ всего російскаго дворянства и народа* съ какимъ-нибудь другимъ сановникомъ, который бы могъ сказать, что и Василій Лукичъ и Матвѣевъ оба равно обманывали императрицу, а между тѣмъ самъ обманывалъ бы еще больше, хотя бы и подобралъ новыя слова. Народъ я до того былъ равнодушенъ ко всѣмъ этимъ депутаціямъ отъ его имени, что ужь и не вникалъ хорошенько въ чѣмъ дѣло, какъ кто къ

(* Манштейнъ, ч. I, стр. 86—87.

нему относится и одинаково всегда бросалъ вверхъ шанки и издавалъ радостные крики. Вслѣдствіе такого печальнаго отношенія между народомъ и властью, народу было тогда все равно кто бы ни сидѣлъ на престолѣ; въ подобныхъ дѣлахъ не было ни малѣйшей доли его участія. По мнѣнію Шетарди Биронъ не только могъ царствовать, но даже утвердить на престолѣ свое потомство. Онъ прямо говорить объ этомъ :

«Отнынѣ открыто просторное поле для честолюбія герцога курляндскаго; жизнь царя и его братьевъ, если послѣдніе будутъ, можетъ только одна служить ему преградой. Поэтому предвидѣая, что произойдетъ противное и что герцогъ курляндскій отнынѣ только впродолженіи года успѣетъ держаться на занимаемомъ имъ нынѣ мѣстѣ, а не колеблясь думаю, что его увидятъ вступившимъ на русскій престолъ и утвердившимъ на немъ свое потомство (1)».

Почти въ одно время домогаются власти Долгоруковы, Шуваловы и Вольтинскій (2). Иной разъ сами царствующіе, какъ и всѣ окружающіе ихъ не на шутку задумывались о случайности и чрезмѣрной шаткости своихъ положеній. Опереться было не на что. Свергаютъ Бирона, свергаютъ Анну Леопольдовну и «на всѣхъ лицахъ, какъ замѣчаетъ Манштейнъ, изображалось какое-то уныніе; каждый опасался въ разсужденіи самого себя или въ разсужденіи кого-нибудь изъ своей фамиліи и только по простествіи нѣсколькихъ двей всякій начиналъ переводить дыханіе изъ гораздо свободнѣйшей груди своей (3)». Понятно почему иное царствующее лицо, не довольствуясь присягой въ вѣрности себѣ самому, требовало отъ народа присяги въ вѣрности и своему наслѣднику или наслѣдницѣ, хоть бы *даже не существующимъ*. Такъ въ «исходѣ 1731 года всему русскіи народу велѣно было учинить присягу въ признаніи законнымъ наслѣдникомъ того, *кого императрица угодло будетъ казначить* (4)». И эта императрица была та самая Анна Іоанновна, которая, какъ мы видѣли, такъ заботилась, чтобы взойти на престолъ непремѣнно по требованію всей русской націи. Теперь она *приказываетъ* учинить присягу, — кому присягу? Она объ этомъ скажетъ послѣ, когда ей вздумается и какъ вздумается. Вообще съ публикой тогда весьма не церемонилась. Поставки рекрутъ часто требовали отъ народа непремѣнно въ два мѣсяца съ объявленія указа; въ противномъ случаѣ предписывалось у дво-

(1) Письмо Шетарди изъ Петербурга отъ $\frac{1 \text{ ноября}}{21 \text{ октября}}$ 1740 г. стр. 138.

(2) Geschichte des Russischen Staates, von Hermann, B. IV, S. 621.

(3) Манштейнъ, ч. II, стр. 164.

(4) Манштейнъ, ч. I, стр. 131.

рлянь брать лучшихъ дворовыхъ людей, а купцовъ, управляющихъ и прикащиковъ ставить самихъ въ рекрута, либо дѣтей ихъ, буде годны. А насколько внимательно и челоуѣколюбиво относились къ самимъ рекрутамъ видно изъ того, что было особенное предписаніе кормить и содержать рекрутъ такъ, *чтобы они не помирали* (1). Понятно, что Русь тогдашняя даже на посторонній взглядъ представляла какое-то мертвое, парализированное и въ высшей степени слабое государство, такъ что Шетарди безъ всякаго преувеличенія писалъ слѣдующія строки :

• Ошибочно представляютъ себѣ страшилищемъ московское государство... За исключеніемъ нѣкоторыхъ государствъ, съ которыми не желаютъ столкновеній, они въ опьяненіи отъ своего величія, которое только въ томъ и состоитъ, что не можетъ весь свѣтъ явиться къ нимъ, а они хотятъ предписывать законы всей Европѣ. При малѣйшемъ поражении, они также быстро перейдутъ изъ одной крайности въ другую и будутъ уважать чрезмѣрно другихъ (2). • И еще: • васъ обманули, милостивѣйшій государь, когда бы стали увѣрять, что войска, употребленныя нынѣ въ дѣло, неимѣютъ ни въ чемъ недостатка и что они не выказываютъ страха предъ непріателемъ. Смѣю увѣрять и беру въ свидѣтели тому всю русскую армію, еслибы она была въ одномъ мѣстѣ и могла высказаться, не стѣняясь (*sans contrainte*), что войска лишены самаго необходимаго, есть только незначительные запасы муки и крупъ въ магазинахъ Выборга и солдаты, для поддержанія своего существованія, вынуждены просить милостыню... Правда, всему этому не придать здѣсь значенія, такъ какъ ни во что ставятъ потерю людей: *ими снабжаетъ страна* и никому не приходитъ въ голову, что она менѣе населена чѣмъ другія (3). •

Какъ-будто государство какая-то безгласная механическая машина; какъ-будто люди какія-то нѣмыя деревья. И ни одно изъ многихъ лицъ, перебивавшихъ въ этотъ періодъ времени во главѣ власти, не ужаснулось, даже не обратило вниманія на эту абсолютную глухоту и нѣмоту народа... Одна великая Екатерина боялась этого рокового затишья народа, какъ самаго страшнаго врага, и старалась возбудить *добровольную* преданность къ себѣ... Отсюда совершенная безсодержательность, пустота, безжизненность русской послѣпетровской исторіи до Екатерины II. Это исторія какъ-будто какой-нибудь пустыни Сахары съ ея случайными бурями и

(1) Спб. Вѣд. 1743 г. № 8703.

(2) Письмо Шетарди къ Лемуру отъ 20 марта, приложенное къ депешѣ отъ 21 марта 1741 г. стр. 221.

(3) Дешеша отъ 24 ноября, стр. 391.

дикимъ ломаньемъ деревьевъ, а не исторія живого народа. Итакъ народъ безмолствовалъ. Ктожь, или что не безмолствовало?
Солдаты.

Въ римской исторіи послѣдняго времени былъ особенный періодъ, подъ названьемъ: Римъ подъ владычествомъ солдатъ; подобнымъ названіемъ *владычества солдатъ* можно охарактеризовать и тотъ небольшой періодъ русской исторіи послѣпетровскаго времени, о которомъ мы говоримъ. Постоянное войско, учрежденное въ Россіи Петромъ Великимъ, войско, какъ главное орудіе дѣйствій правительства не только по отношенію къ внѣшнимъ державамъ, но и по отношенію къ собственному народу, есть вообще отличительный характеристическій признакъ петербургскаго періода русской исторіи и доходило тогда до апогея своей роли. Мы говоримъ доходило до апогея своей роли, но совсѣмъ не *настоящей силы и нормальнаго могущества*, потомучто послѣдняго и быть не могло, когда оно стояло между властію и народомъ. Его кумиромъ, его движущею силою была собственно власть, сегодня одна, завтра другая, или любимый и прославленный полководецъ, а совсѣмъ не родина, не внутренняя любовь къ ней. Въ немъ было мужество только военное, такъ-сказать мужество для мужества, и никогда не было мужества *гражданскаго*. Это была просто сила, которая готова была ломать все, и не была сила *народная*. Войско наше пока еще играло тогда узкую роль исключительной стражи, петербургской гвардіи, какъ совершенно справедливо и называлось оно такими именами. Оно, взявъ народа, было главною и исключительною опорой для тогдашнихъ правительствъ и поэтому какъ бы само составляло правительство, все обуславливая военнымъ деспотизмомъ. Были въ этотъ періодъ два царствованія, въ которыя, несмотря на то, что престолъ не былъ празденъ, управлялъ судьбами Россіи *фельд-маршалъ Минихъ съ солдатами*. Такъ описанное нами выше восшествіе на престолъ Анны Іоанновны было произведено собственно войскомъ.

Гвардейскіе полки, въ которыхъ самыя даже рядовыя большею частью были дворянскаго происхожденія, собрались въ домахъ князей Трубецкихъ, Бярятинскихъ и Черкасскихъ и подстрекали ихъ всачески по самое 8 марта приступить обще съ ними къ замышляемому дѣлу, когда уже все находилось въ лучшемъ для сего расположеніи. Тогда сіи князья, подкрѣпленные шестью-стами дворянъ, прибыли во дворецъ и будучи къ императрицѣ допущены, умоляли ее, чтобы повѣляла собраться совѣту и сенату (итакъ кто же собственно собираетъ

сенатъ и совѣтъ?) для разсмотрѣнія вновь всѣхъ пунктовъ, до правительства касающихся. Императрица, давши на то соизволеніе свое, приказала въ тоже самое время графу Салтыкову (генералъ-поручику и подполковнику гвардейскихъ полковъ) разставить въ главныхъ мѣстахъ потребное число воиновъ, и отдать наистрожайшій часовымъ приказъ никого не выпускать изъ дворца. Всей гвардіи велѣно было заранить ружья съ пулями; приѣжающимъ же во дворецъ дано знать о взятыхъ предосторожностяхъ. (1).

Тогда Матвѣевъ и приступилъ къ императрицѣ отъ исей націи. Но

чтобы обезопасить себя со стороны покушеній ея (императрицы) недоброжелателей, по всѣмъ улицамъ разставлены были гвардейскіе караулы. (2).

Послѣ этого императрица и приняла власть. Точно также произведено было по ея приказанію генераломъ Бисмаркомъ, рижскимъ комендантомъ, избраніе дворянствомъ курляндскимъ графа Бирона въ герцога курляндскіе. Хотя генералъ Бисмаркъ и поставилъ нѣсколько эскадроновъ конницы на кладбищѣ и въ городѣ Митавѣ, гдѣ происходило избраніе (Манштейнъ считаетъ почему-то это обстоятельство неизлѣпимымъ для соображеній), но все-таки дворянство курляндское въ назначенный часъ собиралось въ кафедральную свою церковь, нѣлю хоромъ «*vepi Creator*» и подавало голоса, большинство которыхъ и выпало на долю Іоганна Эрста Бирона (3), т. е. избраніе было какъ избраніе... Подобнымъ образомъ и чтеніе Бировомъ во дворцѣ по смерти Анны Іоанновны акта, объявлявшаго его правителемъ Россійской имперіи на время малолѣтства Іоанна III, возымѣло силу потому только, что въ это время «*армія стояла подъ ружьемъ*» (4) и что фельдмаршалъ Минихъ принималъ вообще большое участіе въ составленіи регентства Бирону (5). А принималъ онъ большое участіе въ этомъ дѣлѣ вотъ почему. Избалованный своею окончательно рѣшавшею тогда всѣ дѣла ролью фельдмаршала арміи, любимый войскомъ и потому чувствуя себя такъ-сказать всесплынымъ, Минихъ слыхкомъ далеко началъ простираеть свои мечты. Уже у Анны Іоанновны онъ домогался сначала титула *государя Молдавіи*, а потомъ титула *ирцога украинскаго*. Въ послѣднемъ своемъ желаніи онъ открылся Бирону и подалъ чрезъ него прямо просьбу императрицѣ (6), но

(1) Манштейнъ, стр. 96. ч. I.

(2) Манштейнъ, стр. 99 ч. I.

(3) Манштейнъ, ч. I, стр. 386—387.

(4) Манштейнъ, ч. II, стр. 86.

(5) Манштейнъ, ч. II, стр. 88.

(6) Я, говоритъ, *желаю* быть герцогомъ украинскимъ; такъ вы и сдѣлайте меня герцогомъ украинскимъ!

императрица написала на просьбѣ: «Господинъ Минихъ еще слишкомъ скромнень; я думала, что онъ будетъ просить титула великаго князя московскаго» (1). Тогда Минихъ и замыслилъ возвести на регентство Бирона. Онъ рассчитывалъ, что Биронъ непременно удовлетворить его желаніямъ и отдастъ ему часть своей власти. Онъ желалъ быть первымъ министромъ и генералиссимомъ силъ какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ. Но «Биронъ, — пишетъ Манштейнъ, — зная очень коротко фельдмаршала, боялся взводить его на такую степень достоинства» (2) и не возвелъ. Фельдмаршалъ думалъ не долго, и недѣльки эдакъ черезъ три отправилъ самого Бирона изъ дворца прямо въ шлиссельбургскую крѣпость. Низверженіе Бирона и возведеніе на степень регентства Анны Леопольдовны исключительно принадлежатъ уже Миниху и солдатамъ. Приведемъ изъ этого дѣла нѣкоторыя обстоятельства изъ книги Манштейна:

• *Фельдмаршалъ и офицеры*, разставшись съ нею (Анною Леопольдовною), всѣхъ караульныхъ вызвали къ ружью. Графъ Минихъ рассказывалъ имъ въ чемъ дѣло; всѣ единогласно отвѣчали, что они готовы повсюду за ними слѣдовать. Послѣ сего велѣли имъ зарядить ружья. Одинъ офицеръ съ 40 человекъ остался при знамѣ; прочіе 80 пошли за фельдмаршаломъ въ лѣтній дворецъ, гдѣ жилъ регентъ. Не доходя 200 шаговъ до сего дворца, сей отрядъ остановился. Фельдмаршалъ послалъ Манштейна (того самаго, который это рассказываетъ) объявить намѣреніе принцессы Анны (собственно свое) офицерамъ, стоявшимъ на караулѣ у регента. Сія офицеры безъ малѣйшей оговорки предложили свою помощь для задержанія регента. Тогда фельдмаршалъ приказалъ Манштейну, взявъ съ собою одного офицера и 20 человекъ рядовыхъ, идти во дворецъ арестовать герцога, а въ случаѣ сопротивленія убить его безъ всякой пощады...

Минихъ давалъ приказаніе убить герцога-правителя.

• Манштейнъ, вошедши во дворецъ, приказалъ своимъ спутникамъ издали за нимъ слѣдовать... Часовые пропускали его... Пройдя еще двѣ комнаты, онъ пришолъ къ двери, запертой ключемъ; къ счастью она была двойная, и задвижками по оплошности слугъ не была заперта, почему и не было большого труда въ нее вломиться. Здѣсь нашолъ онъ герцога и герцогиню, погруженныхъ въ столь глубокій сонъ, что шумъ, случившійся при раскрытіи дверей, не могъ ихъ разбудить. Манштейнъ, подошли къ постели, поднялъ занавѣсъ и разбудилъ спящихъ. Тогда они со страхомъ очнулись и подняли громкій крикъ, несомнѣваясь нисколько, что онъ пришолъ къ нимъ не съ добрымъ намѣреньемъ. Манштейнъ, находясь на той сторонѣ кровати, гдѣ спала

(1) Манштейнъ, ч. II, стр. 89.

(2) Манштейнъ, ч. II, стр. 89.

припеса, увидѣвъ, что регентъ искочилъ на полъ въ намѣреніи скрыться куда-нибудь, и чтобъ не допустить его до сего, онъ бросился на него и схвативъ его, держалъ крѣпко въ рукахъ своихъ до тѣхъ поръ, пока не вбѣжали караульные. Герцогъ оборонялся отъ солдатъ кулаками своими; но сіи били его прикладами, повалили на землю, замкнули ему ротъ платкомъ, а руки завязали назадъ офицерскимъ шарфомъ и отвели его въ караульню нагова, откуда подъ солдатскимъ плащомъ отвезли его въ *фельдмаршальской* коляскѣ въ Зимній дворецъ.

Между тѣмъ какъ солдаты брали герцога подъ арестъ, герцогиня выбѣжала за нимъ на улицу въ одной рубашкѣ. Одинъ солдатъ, ввѣвши ее за руку, притащилъ къ Манштейну и спросилъ у него, что съ нею дѣлать. Онъ велѣлъ отнести ее въ комнату; *но солдату это показалось слишкомъ тѣлостно*: онъ бросилъ ее въ снѣгъ, а самъ пошелъ отъ нея прочь. Караульный капитанъ, нашедши ее въ семъ жалкомъ положеніи, поднялъ ее и приказалъ принести ей платье и отвести во дворецъ (1).

Ну-съ, такъ дѣло ясно. А получилъ ли Минихъ то чего домогался? Получилъ, да не все. Онъ дѣйствительно получилъ должность перваго министра, но и только. А вѣдь онъ хотѣлъ быть генералиссимомъ всѣхъ російскихъ силъ (чудакъ, какъ-будто и такъ не былъ); мало этого: онъ хотѣлъ овладѣть всею властью и Аннѣ Леопольдовнѣ предоставить только титулъ регентши (2). Между тѣмъ даже генералиссимомъ его не сдѣлали, предоставивъ этотъ титулъ принцу Антону Ульриху (3). Дѣло значитъ выходило плохо. Значитъ и новое правленіе было шатко, ибо не былъ доволенъ фельдмаршалъ арміи, Минихъ. Новое правленіе само весьма чувствуетъ это и боится Миниха какъ самаго опаснаго своего врага. Биронъ, самъ Биронъ совѣтуетъ на допросѣ великой герцогинѣ «не довѣрять нимало *сему опаснѣйшему человеку въ цѣлой имперіи*. Одинъ отказъ нашего императорскаго величества въ самонамалѣйшемъ его требованіи, долженъ заставить васъ, говоритъ Биронъ, *опасаться лишишься престола*» (4). Миниху усерднѣйше желаютъ вручить отставку, пользуются для этого тѣмъ, что онъ, какъ подчиненный генералиссиму Антону Ульриху, не соблюдаетъ въ донесеніяхъ и рапортахъ къ нему установленной формы. Дѣйствительно даютъ от-

(1) Манштейнъ, ч. II, стр. 94—96.

(2) Манштейнъ, ч. II, стр. 102.

(3) Минихъ, при заготовленіи этого акта, употребилъ слѣдующую оговорку: «Хотя фельдмаршалъ графъ Минихъ за важныя государству оказанныя услуги и могъ требовать чина генералиссима, *но уступаетъ* (sic) оный принцу Антону Ульриху, отцу императора и довольствуется достоинствомъ перваго министра». Манштейнъ, ч. II, стр. 103.

(4) Манштейнъ, ч. II, стр. 107.

ставку, но какъ опаснѣйшаго человѣка во всей имперіи довольно умасливаютъ, несмотря на то, что было много людей, искавшихъ упрятать его въ Сибирь. Его кирасирскій полкъ, отданный Левендаю, все-таки носитъ названіе полка Миниха; ему даютъ 15,000 рублей ежегодной пенсіи, оставляютъ ему многія обширныя его помѣстья, которыя доставляли ему ежегоднаго дохода 70,000 рублей. Между тѣмъ Миниха отставленнаго и умасленнаго въ самой отставкѣ все-таки боятся страшно. «Каравуль при дворцѣ былъ удвоенъ, были избраны шпионы, которые всюду за Минихомъ присматривали и замѣчали всѣ его поступки. Припцеса и принцъ не спали болѣе въ обыкновенныхъ своихъ спальняхъ: они всякую ночь перемѣняли свои комнаты, и до тѣхъ поръ не были безопасны, пока Минихъ не перебрался за Неву въ свой домъ» (1). Но вѣдь Минихъ былъ страшенъ престолу не потому, что онъ — Минихъ, а потому, что онъ былъ фельдмаршаломъ арміи и отчасти любимцемъ солдатъ. А вѣдь солдаты не подали въ отставку. А по замѣчанію Шетарди, солдатчина (la soldatesque) и отвага нѣсколькихъ низшихъ гвардейскихъ офицеровъ въ тогдашней Россіи производили и всегда были въ состояніи произвести величайшіе перевороты (2). И вотъ солдаты опять пошевеливаются и оканчиваютъ тѣмъ, что свергаютъ Анну Леопольдовну и возводятъ на престолъ Елисавету Петровну. Изъ «разговора между двоихъ російскихъ солдатъ, случившихся на галерномъ флотѣ въ компаніи 1743 года» мы узнаемъ слѣдующія сужденія о политическихъ дѣлахъ:

— Какъ объявили намъ о кончинѣ государыни Анны Иоанновны, а его Бирона сдѣлали правителемъ російскаго государства, такъ меня, братецъ, по кожѣ подрало какъ медвѣжьимъ ногтемъ. Вотъ теперь бѣдная Россія попала изъ лихорадки въ горячку. Прости православная наша вѣра и церковные учителя? Итакъ десять лѣтъ молчали, а нынѣ ничего уже говорить не будете! Прости російское вѣрное дворянство и Петромъ Великимъ наученное храброе солдатство! и нынѣ вамъ и всѣмъ *славнымъ дѣламъ вашими конецъ приходитъ!* Россію чужіе обладаютъ. Вотъ скоро велятъ намъ забыть законы и дѣла петровы, а учинять новыя интриги... Послѣ услышали скоро, что Минихъ Бирона арестовалъ и въ ссылку послалъ со всей его креатурой (что-то несолдатское слово), а въ томъ числѣ и пруссака Бисмарка; а мы, російскіе солдаты, сошлись между собою и тихонько пошептались; сталъ гонять чортъ дьявола, а *обоимъ не миновать юнки, а де рубили тамаринъ татарина и оба Россіи не надобны.* (3).

(1) Ibid...

(2) Депеша Шетарди отъ 24 октября; стр. 374.

(3) Стр. 56.

Дѣйствительно чуть приняла правленіе Анна Леопольдовна, какъ и начинается уже шептаніе между солдатами, что и ей не слѣдуетъ править; такъ что мудрено рѣшить гдѣ возникъ первый толчокъ о возведеніи на престолъ Елисаветы Петровны именно въ это время, — между солдатами, или въ головѣ самой Елисаветы Петровны: покрайней-мѣрѣ солдаты и офицеры первые начинаютъ поговаривать объ этомъ. 16 ноября 1740 года въ квартирѣ отставнаго капитана азовскаго пѣхотнаго полка Калачова сошлись — солдатъ преображенскаго полка Кудавевъ и посадскій Егуповъ. Калачовъ спрашиваетъ Кудавеа: (1)

— Въ тайной канцеляріи никого нѣтъ вновь?

— Не слыхалъ.

— Вѣдь Ханыковъ и прочіе были въ тайной канцеляріи подъ кауломъ не государынѣ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ въ наслѣдствѣ, но въ регентовѣ дѣлѣ.

• Кудавевъ. Всѣ мы можемъ вѣдать и сердце повѣствуетъ, что государыня-цесаревна — въ согласіи его императорскаго величества любезнѣйшей матери, ея императорскому высочеству великой княгини Аннѣ всея Россіи и съ любезнѣйшимъ его императорскаго величества отцомъ, его высочествомъ герцогомъ брауншвейгъ-люненбургскимъ и со всѣмъ генералитетомъ...

• (Кудавевъ говорилъ такъ потому, что былъ шпионъ).

• Калачовъ. Гдѣ тебѣ вѣдать эдакому молокососу? *Промала наша Россія! Чего ради государыня-цесаревна встать не развяжетъ? Всѣ объ этомъ трептать.* Не знаю какъ видѣть государыню-цесаревну, я бы обо всемъ ея высочеству донесъ, да не знаю какъ; не знаетъ ли онъ, Кудавевъ, какъ дойти?

• Кудавевъ отвѣчалъ что не знаетъ. А Калачовъ продолжалъ:

— Я стану государынѣ-цесаревнѣ говорить: что вы изволите дѣлать? Чего ради російскій престолъ не приняли?.. Прикажи идти въ севать и говорить...

• Егуповъ. Хорошо де какъ допущенъ будешь до ея высочества, а когда де того не сдѣлается, то куда ты годишься? Знатно де ея высочество сама желанія о томъ не имѣла...

• Калачовъ. Инъ бы де ея высочество о томъ объявила, чтобы о томъ весь народъ былъ свѣдомъ, *поже де о томъ съ нимъ* (Калачовымъ), *нѣкоторые и офицеры говорили...* Чего ради публично не сдѣлали, что де еще крещенъ или нѣтъ его императорское величество? О томъ мы невѣстны. Такъ де надобно сдѣлать, чтобъ всякъ видѣлъ: принести въ церковь соборную Петра и Павла, да крестить. Такъ бы всякъ вѣдалъ, а то дѣлаютъ и Богъ знаетъ!.

(1) Примѣчаніе къ депешѣ Шетарди отъ $\frac{28 \text{ февраля}}{11 \text{ марта}}$ с.р. 206—207.

Итакъ прежде чѣмъ Елисавета Петровна заикнулась, что тогда именно наступило время для того чтобы овладѣть ей престоломъ, въ войскѣ давно уже *греблись* объ этомъ, и капитанъ Калачовъ горѣлъ желаніемъ идти предложить Елисаветѣ свои услуги, *чтобы идти въ сенатъ и говорить...* да и офицеры многіе толковали уже съ нимъ объ этомъ. Видно, что для нихъ, для солдатъ — дѣло это какъ будто привычное, обыкновенное и такое, о которомъ они должны позаботиться прежде всѣхъ... Понятно, что на фельдмаршала арміи, Миниха, несмотря на его отставку, глядѣли во всѣ глаза. Нарочно для того чтобы наблюдать, не пойдетъ ли Минихъ къ Елисаветѣ Петровнѣ, былъ избранъ сержантъ Барановскій (1). Кромѣ этого принцъ брауншвейгскій поручилъ секунд-майору Чичерину выбрать капрала съ десятью гренадерами, которые, будучи одѣты въ шубы и сѣрые кафтаны, наблюдали бы, не ѣздитъ ли кто по ночамъ къ Миниху и Елисаветѣ (2). Минихъ конечно не замедлялъ предложить своихъ услугъ Елисаветѣ Петровнѣ, но она отвергла ихъ, говоря: «ты ли *de тотъ*, который короку даетъ, кому *хочетъ*? Я де оную и безъ тебя, ежели пожелаю, получить могу» (3). Такъ отвѣчала она, конечно потомучто военная сила уже была на ея сторонѣ. При дворѣ уже явно говорили, что у принцессы Елисаветы асамблеи для преображенскихъ солдатъ, и чуть ли не вслѣкй гвардеецъ, при встрѣчѣ съ нею, спрашивалъ: «скоро ли, матушка государыня, приказать изволишь?» Что *фактъ* возведенія на престолъ Елисаветы Петровны исключительно былъ совершонъ то же солдатами, объ этомъ слишкомъ очевидно говоритъ описаніе этого факга, извѣстное всѣмъ. Шетарди пишетъ, что когда Елисавета, окруженная гвардейцами, двинулась ко дворцу, нѣкоторые ей сказали: «матушка, такъ не скоро: надо торопиться! Но примѣтивъ, что принцеса, хотя имѣла твердую поступь, однако не могла за ними поспѣть, они подняли ее и несли такимъ образомъ до двора Зимняго дворца» (4). Всѣхъ во дворцѣ перехватили разумѣется безъ малѣйшаго труда и сопротивленія, потомучто альфа и омега тогдашняго времени была сила воспная, а она шла за Елисавету...

Ну да и развернулась же эта сила въ первое время царствованія Елисаветы. Солдаты не только буйствовали, по доходили до хвастовства своимъ буйствомъ, своимъ значеніемъ. По свидѣтельству Манштейна, они таскались только по питейнымъ домамъ, каждый

(1) Примѣчаніе къ депешѣ Шетарди; отъ 10 марта стр. 226.

(2) Ibid.

(3) Ibid. стр. 227.

(4) Извлеченіе изъ письма Шетарди, отъ 17 декабря 1741 г., стр. 406.

день напивались пьяны, валялись въ грязи; въ такомъ видѣ часто входили въ дома знаменитѣйшихъ вельможей, съ угрозами требуя отъ нихъ денегъ и забирая все что имъ нравилось⁽¹⁾. Секретарь саксонскаго посольства, Пецольтъ, пишетъ:

•Гвардейцы и въ особенности гренадеры, которые не отрезвились еще отъ сильнаго пьянства, предаются множеству крайностей. Подъ предлогомъ поздравленій съ восшествіемъ на престолъ Елисаветы, ходятъ они по домамъ и никто не смѣетъ имъ отказать въ деньгахъ, или въ томъ чего они пожелаютъ. Одинъ солдатъ, смѣнный съ караула и хотѣвшій на возвратномъ пути купить на рынкѣ деревянную посуду, застрѣлилъ на мѣстѣ русскаго продавца, который медлилъ уступить ему за предложенную цѣну⁽²⁾.•

Солдаты до того были избалованы ролью, какую играли уже столь долгое время, до того опьянѣли отъ своего могущества, что будучи недовольны распоряженіями Елисаветы касательно иноземцевъ, сами рѣшились перебить ихъ.

•Гвардейцы, особливо гвардейцы двухъ старшихъ полковъ, будучи прочихъ наглѣе и непривыкши нимало къ воинской дисциплинѣ, дѣлали всякаго рода ужасныя буйства, нападая на встрѣчающихся съ ними по улицамъ городскихъ жителей, коихъ обирали съ ногъ до головы; а въ день пасхи дѣло дошло до мятежа. •

•Одинъ гвардейскій солдатъ поссорился на улицѣ съ гренадеромъ армейскаго полку; послѣ бранныхъ словъ принялись они за кулаки. Въ это самое время проходилъ мимо ихъ офицеръ того полку, коего былъ гренадеръ. Сей офицеръ по несчастію былъ нѣмецъ; онъ хотѣлъ развести ссорюющихся и толкнулъ гвардейца. Сей началъ кричать и звать къ себѣ на помощь товарищей своихъ, находившихся неподалеку отъ него. Въ одну минуту собралась цѣлая толпа гвардейцевъ. Офицеръ, будучи не въ состояніи одинъ противиться буйнымъ солдатамъ, ушелъ въ сосѣдственный домъ, гдѣ находились и другіе иностранные офицеры, которые ничего не знали о происходившемъ на улицѣ. Толпа бѣжить за нимъ, разламываетъ ворота и двери и нападаетъ на офицеровъ, которые, чувствуя себя весьма слабыми для сопротивленія симъ наглцамъ, бѣжали отъ нихъ изъ одной комнаты въ другую, и наконецъ на чердакъ, но и тамъ были преслѣдуемы. Одни изъ нихъ, къ счастью своему спустились по кровлѣ, другіе же, будучи настижены, претерпѣли страшные побои. Адъютантъ фельдмаршала Ласси, Согронъ и капитанъ Браунъ были болѣе всѣхъ изувѣчены и думали сперва, что они помрутъ отъ ранъ. Наконецъ мятежь успокоенъ нарочно посланнымъ отрядомъ, и главные бунтовщики взяты подъ караулъ. Фельдмаршалъ, по случаю сего безчинства, отнесся къ импе-

(1) Манштейнъ, ч. II, стр. 188.

(2) Донесеніе Пецольты, отъ 23 декабря, стр. книги Пекарскаго 413.

ратрицѣ рапортомъ: виновные были наказаны, *только слишкомъ слегка*, отъ чего самаго буйство гвардейцевъ до того возрасло, что они вскорѣ послѣ сего произвели новое возмущеніе, стоя въ лагерѣ; для прекращенія безпорядковъ фельдмаршалъ Ласси разставилъ по всѣмъ улицамъ караулы, и приказалъ днемъ и ночью ходить дозору. При всемъ томъ въ Петербургѣ всѣ были до крайности напуганы. Никто не почиталъ себя безопаснымъ въ собственномъ своемъ домѣ, никто не смѣлъ ходить по улицамъ безъ провожатыхъ, и всякій двери свои держалъ на запорѣ (1).

Новое возмущеніе, о которомъ упоминаетъ Манштейнъ, было произведено, когда армія стояла въ лагерѣ подѣ Выборгомъ. Солдаты, подѣ предложивъ, что генералъ Ливенъ скрылъ въ своей палаткѣ шведовъ, избили его и хотѣли перебить всѣхъ иностранныхъ офицеровъ. Между тѣмъ на всѣ подобныя солдатскія шалости было смотрѣно (поневоѣ) сквозь пальцы: солдаты подвергались за нихъ самымъ легкимъ наказаніямъ, тогда какъ тысячи другихъ гражданъ усмалались въ каторжную работу за ничтожныя сравнительно преступленія и по доносамъ шпионовъ. Напротивъ никто не былъ награждаемъ щедрѣе солдатъ. За дѣло Елисаветы цѣлая рота гренадеровъ преображенскаго полка получила право на дворянство и произведена въ чины. Простые гренадеры получили чинъ поручиковъ, капралы — чинъ майоровъ, каптенармусы и фурьеры — чинъ подполковниковъ, а сержанты — чинъ полковниковъ. Рота эта названа была лейбъ-кампанскою и если другіе буйствовали порядкомъ-таки, то эта рота буйствовала изъ всѣхъ.

• Дисциплины въ войскѣ нѣту никакой, пишетъ Пецольдъ, въ особенности лейбъ кампанцы буйствуютъ до необузданности. Свѣдавъ, что принцъ гессенъ-кобургскій жалуется на ихъ своеволие, гвардейцы прямо объявили, что буде онъ не уймется, то легко и всѣхъ нѣмцевъ изрубятъ въ куски (2).

И все это, повторяемъ, иначе и быть не могло, потому что армія въ то время была все, была высшая завершающая сила государства: правительство искало и находило опору не въ народѣ, а въ арміи; поэтому, при совершенномъ безмолвіи народа, армія была все — и правительство и народъ.

Итакъ, при безмолвіи народа, не безмолвствовали солдаты. Далеѣ не безмолвствовало тогда — *шпионство*.

Какъ военные лейбъ-кампанствовали, такъ статскіе того времени по преимуществу *шпионничали*. Эти кроты всегда совершали

(1) Манштейнъ, ч. II, стр. 208 — 209.

(2) Донесеніе Пецольда, отъ 29 марта 1843 г.

предварительную, черную, подземную работу какого-нибудь замысла, который военною силою былъ осуществляемъ окончательно. Дѣло начиналось обыкновенно шпионствомъ и рѣшалось лейбъ-кампанствомъ; эти черты тогдашняго времени весьма сродни между собою. «Шпионство, пишетъ Шетарди, въ Россіи въ обычаѣ и шпионовъ огромное количество (¹).» Анна Іоанновна часто подчивала своихъ гостей съ цѣлью вывѣдать отъ нихъ что-нибудь самой или дать возможность вывѣдать своимъ лазутчикамъ. «Императрица, пишетъ Гупель, не только побуждала пить, но и сама изъ собственныхъ рукъ подносила кубки. Въ такихъ случаяхъ старалась она испытывать многія лица: имѣла и *повѣренныя*, которые, по ея порученію, искали случаевъ вывѣдывать множество свѣдѣній у подгулявшихъ придворныхъ (²).» Герцогъ курляндскій былъ окруженъ многими лазутчиками. Изъ допросовъ надъ нимъ видно, что онъ поручалъ развѣдывать Яковлеву, Бестужеву, Альбрехту, Фонъ-Миниху, гофмейстеру, сыну фельдмаршала.

Бестужеву, показывалъ Биронъ, говорилъ ли я о шпионахъ, что при дворѣ ихъ императорскихъ высочествъ отъ меня ищются, того не упомяну; только я имѣлъ надежду на гофмейстера графа Фонъ-Миниха: онъ мнѣ обо всемъ, что при дворѣ ея императорскаго высочества обо мнѣ, или о чемъ другомъ новымъ услышитъ, за то, что я ему награжденіе чинить обнаджилъ, сообщать общага, ибо ему лучшей къ тому случай былъ, что его свояченица (т.-е. Юліана Менгденъ) при ея императорскомъ высочествѣ въ ближайшей милости находится, въ чемъ и надежду на него имѣлъ. Только онъ мнѣ ничего не сообщалъ; а другихъ шпионовъ (довольно и этихъ) никого отъ меня не было. А когда же я Бестужеву объ Апраксинѣ (камергерѣ), какъ ея императорское высочество его русскою канальею называть дозволяла, сказывалъ, и то я слышалъ не чрезъ шпиона (³).

Обыкновенно, видите ли, онъ все узнавалъ чрезъ шпионовъ, а эту штуку вѣтъ, говорить, слышалъ не чрезъ шпиона!.. Притомъ тутъ кроется еще слѣдующее весьма грустное обстоятельство. У Миниха тоже есть о шпионствѣ. Мы читасмъ у него:

«Когда быть страшному и ненавидиму случается всегда вѣстѣ, а притомъ не бесполезно во всякое время стараться сколько можно изслѣдовать о предпріятіяхъ своихъ враговъ, то герцогъ курляндскій не только въ разсужденіи перваго достаточно былъ увѣренъ, но также избыточно снабженъ былъ повсемѣстными лазутчиками. Ни при единомъ дворѣ, статья можетъ, не находилось больше шпионовъ и на-

(¹) Письмо Шетарди, отъ 15 октября, стр. 366.

(²) Гупель въ Nordische Miscellancen (VII st., 232 — 233.)

(³) Дѣло о Биронѣ. Москва, стр. 27 — 28.

говорщиковъ, какъ въ то время при россійскомъ. Обо всемъ, что въ знатныхъ бесѣдахъ и домахъ говорили, получалъ онъ обстоятельнѣйшія извѣстія; и поелику ремесло сіе отвергало путь какъ къ милости, такъ и къ богатымъ наградамъ, то многія знатныя и высокія чины особы не стыдились служить къ тому орудіемъ (¹).

И это писалъ тотъ гофмейстеръ, графъ Минихъ, который, какъ мы видѣли, самъ былъ шпиономъ Бирона. Послѣдніе его слова, сейчасъ приведенныя нами, были слѣдовательно непреложно справедливы, ибо проверены были собственнымъ опытомъ писателя. Сынъ однакожь шолъ не въ отца. Отецъ подвизался на поприщѣ искусства *военнаго*, лейбъ-кампанствовалъ себѣ, а сынъ, для разнообразія, подвизался на поприщѣ искусства *статскаго*, шпионничалъ, да еще не просто шпионничалъ, а съ философіей и благородными чувствами. Нѣчто подобное роли Миниха-сына представлялъ собою и нашъ достолюбезный Шетарди, который чуть ли не въ каждой депешѣ своей говорилъ о чрезмѣрномъ множествѣ шпионовъ въ Россіи, «которыми, какъ надо предполагать, замѣчалъ онъ, и я должно-быть окружонъ (²)», а между-тѣмъ поступалъ на дѣлѣ такъ; какъ будто онъ совсѣмъ не предполагалъ этого, какъ будто въ Россіи шпионовъ напротивъ было очень мало, ибо самъ занимался разведеніемъ ихъ. Подкупивши княгиню Долгорукую, маркизь пишетъ :

• Княгиня согласилась на все и выразила мнѣ въ среду какъ она была и *будетъ* (?) тронута милостями, которыя его величеству будетъ угодно оказать ей. Я полагаю, что ежегодный пенсіонъ отъ четырехъ до пяти тысячъ франковъ можетъ быть достаточнымъ. если только король одобритъ то что внушено мнѣ моимъ *усердіемъ*. Слѣдствіемъ этого будетъ еще то, что посредствомъ ея быть-можетъ возможно будетъ со временемъ, при помощи нѣкоторой награды (и усердія), привлечь (*s'assurer*) того родственника Бестужева, о которомъ я вамъ говорилъ, человекъ пронырливаго. Вѣроятно возможно будетъ также привлечь (подкупить? *de gagner*) князя Голицына, астраханскаго губернатора, который нынѣ сдѣланъ сенаторомъ. Говорятъ о немъ много хорошаго. Она (княгиня Долгорукая) надъ нимъ имѣетъ большую власть: онъ изъ ея фамиліи и приходится ей роднымъ дядею... Въ заключеніе я присовокуплю, что слѣдуя этому же началу всѣ иностранныя министры справедливо тщились приобретать здѣсь наследственныхъ приверженцевъ (*des créatures héréditaires*) для своихъ государей, и подкупали и подкупаютъ ежедневно (*et ont gagné et gagnent journellement à en avoir tout*), чтобы имѣть таковыми всѣхъ. Службѣ короля

(¹) Записки Миниха-сына, стр. 181.

Лепеша Шетарди, отъ 24 октября, стр. 379

можетъ быть нанесенъ ущербъ, если будетъ пренебрежено и на будущее время приобретениемъ здѣсь *тайныхъ друзей* для Франціи. Какимъ бы переворотамъ этотъ дворъ ни подвергался, подобныя средства *ведутъ лучше къ раскрытію истины* и для составленія цѣльныхъ соображеній (*).

Чуть какое-нибудь лицо выдвигалось нѣсколько впередъ по своимъ талантамъ и честолюбію, къ нему тотчасъ приставляли шпионовъ, которые спеціально должны были слѣдить за нимъ. Мы видѣли, что цѣлая толпа шпионовъ была отряжена для наблюденій надъ Минихомъ и Елисаветою Петровною. Шпионы доносили не только про своихъ враговъ, но и чаще про своихъ пріятелей. Такъ про того самаго Калачова, который разговаривалъ попріятельски съ Кудавымъ и Егуповымъ и выказывался до того горячимъ сторонникомъ Елисаветы Петровны, что даже рѣшался идти въ сенатъ и говорить за нее, Кудасевъ донесъ Аннѣ Леопольдовнѣ и вотъ Калачова на-вѣчно сослала въ Камчатку, Егунова — въ сибирскій городъ Кузнецкъ, а Кудасева за доносъ произвели въ сержанты и сверхъ того наградили 50 рублями (**). Такимъ образомъ петербургская Россія тогдашняго времени представляла собою нѣчто вродѣ езуитской монашеской бурсы, гдѣ два товарища, выкуривши пополамъ одну папиросу, идутъ доносить по начальству одинъ про другого, что онъ куритъ табакъ... Если посчитать тѣ деньги, которыя платились шпионамъ, то едва ли какая-нибудь статья постояннаго и законнаго государственнаго расхода могла превышать ихъ (**). Шетарди для приобретенія тайныхъ друзей Франціи, для устроенія *нѣкоторыхъ путей*, которыя, по его словамъ, въ тогдашней Россіи лучше всего вели къ раскрытію истины, спрашивалъ отъ своего правительства только 50 тысячъ экю (**). Не только была страшная въ то время *тайная канцелярія*, но шпионскими манерами и ловкостію заражены были и другія отрасли управленія; такъ напримѣръ распечатывались и прочитывались всѣ письма. «Здѣсь всѣ письма распечатываются, пишетъ Шетарди, а поресылка при случаѣ сопряжена съ опасностями въ этой странѣ (**),» и въ другомъ письмѣ не совѣтуетъ нѣкому Манью писать въ Россію о какомъ-то дѣлѣ къ своему племяннику,

(*) Дешеша Шетарди, отъ 3/4, октября 1741 г., стр. 311 — 312.

(**) Примѣчаніе г. Пекарскаго, стр. 297.

(***) Такъ напримѣръ литавричку Груберу за доносъ о пустыхъ толкахъ двухъ нѣмокъ дано было 300 рублей. Примѣчаніе Пекарскаго, стр. 294.

(*) Письмо Шетарди, ^{23 января} ~~11 февраля~~, стр. 314.

(**) Письмо Шетарди, отъ 15 октября, стр. 367.

«потому что здѣсь всё письма распечатываются (1).» У Шетарди для тогдашней Россіи существовалъ даже особенный терминъ — *страна подозрѣній*.

Шпіоновъ имѣли не только лица царствовавшія, или принадлежавшія къ царскому роду, но и лица частныя. Такимъ образомъ было шпіонство государственное и шпіонство частное, и не принадлежало исключительно какому-нибудь полу, а одинаково были шпіонами и мужчины и женщины. Изъ допроса надъ нѣкоторымъ Василіемъ Ивановичемъ Стрѣшневымъ узнаемъ, что Остерманъ призывалъ ему:

• чтобы онъ при дворѣ о всемъ происхожденіи провѣдывалъ, а именно кто приѣзжалъ, что кто съ кѣмъ разговаривалъ и прочее; почему, что онъ примѣтитъ и увѣдать могъ, о томъ отъ времени до времени ему сказывалъ, какъ при жизни ея величества государыни императрицы Анны Іоанновны, такъ и послѣ того, а что именно, о томъ сказать подробно не упомянуть. Чтожъ дѣлалось въ комнатѣ у государыни императрицы Анны Іоанновны, о томъ временемъ спрашивалъ княгиню Щербатову (2).

Правительственными, государственными шпіонами были подчасъ и извозчики, которые занимались чтобы слѣдить за кѣмъ-нибудь по городу. Такъ напримѣръ извозчики-шпіоны слѣдили за Елисаветою куда она выѣзжала (3). Этого рода шпіоны, хотя собственно не извозчики, имѣли какъ бы нѣкоторыя степени своего достоинства; такъ въ концѣ петрова царствованія существовалъ *оберъ-фискаль* Нестеровъ (4); они получали даже казенныя квартиры. Такъ напримѣръ шпіонъ при Елисаветѣ Петровнѣ, аудиторъ Барановскій (такъ-сказать юридическій шпіонъ), жилъ въ особо-отведенной ему квартирѣ, въ домѣ покойнаго князя Рагузинскаго (5).

Шпіонство было не только *шепталное*, такъ-сказать фоническое, — но и *письменное*, такъ-сказать изобразительное. Такъ напримѣръ отличенный Барановскій, жившій въ домѣ графа Рагузинскаго, не даромъ жилъ въ этомъ домѣ, а долженъ былъ «повседневенно подавать по утрамъ майору Альбрехту записки: «въ дворецъ-де благовѣрныя государыни цесаревны Елисаветы Петровны какія персоны мужеска и женска полу приѣзжаютъ», такоужъ и ея высочество благовѣрная государыня цесаревна Елисавета Петровна куды изволитъ

(1) Депеша Шетарди, отъ 22 августа, стр. 313.

(2) Причѣтанія г. Пекарскаго стр. 292.

(3) Ibid. стр. 293.

(4) Дневникъ Берхгольца; час. IV. стр. 14.

(5) Ibid. стр. 294.

сѣзжать и какъ изволить возвращаться» (1). Наконецъ шпионство послѣдняго рода т.-е. изобразительное или письменное было тоже двухъ родовъ: шпионство *прямое*, явное и шпионство *анонимное*. Это состояло въ подметныхъ письмахъ. Такъ, по свидѣтельству Германа, подметныя письма писалъ между прочими Артемій Вольтинскій съ Эйхлеромъ (2). Ихъ вообще расплодилось столько, что были издаваемы противъ нихъ указы (3). Изъ этихъ указовъ видно, что правительство преимущественно любило тогда шпионство *прямое*, пото-

(1) Ibid. стр. 293.

(2) Geschichte des Russischen Staates. IV; 615.

(3) 26 сентября 1738 года былъ опубликованъ *именной указъ* слѣдующаго содержания:

«Объявляемъ симъ. Предъ недавнимъ временемъ явилось здѣсь нѣкоторое, присланное изъ Москвы, подъ ковертомъ нашего секретаря Эйхлера, отъ неизвѣстнаго доносителя безъ подписи имени его письмо о нѣкоторыхъ важныхъ дѣлахъ, касающихся до интересовъ нашихъ.»

«Но поуже той руки, которою оное доносителево письмо писано, уже *напередъ сего другія такія же письма были*, и тогда въ Москвѣ указами нашими опубликовано, дабы оныя доносители не токмо безъ всякаго опасенія *явлись*, но и достойнымъ и совершенно милостивымъ нашимъ награжденіемъ *обнадежены*, однакожь оныя по тѣмъ публикаціямъ *не явились*, хотя-жь по ихъ доношеніямъ того-жь времени *дѣйствительно слѣдствіе произведено*, якое и по нынѣшнему подъ ковертомъ секретаря Эйхлера присланному письму, по нашему указу, надлежащее слѣдствіе производиться имѣеть, и какъ оный доноситель самъ видѣть можетъ уже тому слѣдствію дѣйствительно начало учинено, но притомъ до подлинныхъ доказательствъ, самъ доноситель необходимо потребенъ.»

«Того ради указали мы чрезъ сіе: въ С.-Петербургѣ и Москвѣ публиковать, дабы сочинитель вышеозначеннаго подъ ковертомъ секретаря Эйхлера письма, *яко истинный христіанинъ и вѣрный рабъ нашъ*, самъ немедленно въ кабинетѣ нашемъ явился безъ всякаго опасенія и былъ бы въ твердой надеждѣ, что когда то его доношеніе по слѣдствію справедливо явится, хотя и *не во всемъ*, что онъ написалъ, то онъ зато довольное отъ насъ всемилостивѣйшее награжденіе получить, такжежде буде оной доноситель то письмо не самъ писалъ, но по его просьбѣ другой кто, то надлежитъ и опому писцу и другимъ, кто о такомъ подъ ковертомъ секретаря Эйхлера присланномъ письмѣ тогда вѣдалъ, безъ малѣйшаго страха тотчасъ явиться, которымъ отъ насъ равномѣрное награжденіе учинено будетъ.»

«А ежели онъ, доноситель, такжежде и писецъ доношенія его, и кто о томъ знаетъ, по сему нашему указу сами нынѣ не явятся, а впредъ какимъ способомъ сыщутся, то съ ними поступлено будетъ яко съ преступники указовъ нашихъ и съ злодѣями государственными безъ всякой пощады, и впредъ такія письма *не токмо не принимаемы*, но не распечатывалъ, публично сожжены быти имѣютъ, какъ о томъ въ *прежнихъ публикаціяхъ изяснено* и нашимъ указомъ, выданнымъ въ печать 1732 года, августа 11 числа, именно подтверждено.»

«А для скорѣйшаго о всемъ вышеписанномъ, какъ здѣсь, такъ и въ Москвѣ въѣдомленія, повелѣли мы сей нашъ *именной указъ* издать въ печать, и повсюду въ надлежащихъ мѣстахъ публиковать...» «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1738 г., 5 октября.

мучто старалось шпионовъ анонимныхъ превращать въ прямыхъ и явныхъ, объявляя имъ награды, если они откроются даже и въ такомъ случаѣ, хотя бы и не все, о чемъ они доносили, было справедливо. А граждане, напротивъ, предпочитали шпионство анонимное, ибо никогда не открывались, *яко истинные христіане и вѣрные рабы*, чего хотѣли указы. Впрочемъ правительство собственно любило и то и другое *шпионство*, потомучто равно назначало розыски и слѣдствія и тогда, когда открывались анонимные шпионы и тогда, когда они не открывались, какъ это видно изъ приведеннаго нами указа отъ 26 сентября 1738 года, въ которомъ на *учиненіе уже дѣйствительнаго слѣдствія* указывается еще только какъ на *побудительное обстоятельство* — открытѣя анонимному шпиону. Это во первыхъ, а во вторыхъ, хотя правительство и объявляло въ указахъ, что *впредь* всѣ анонимныя письма безъ распечатыванія будутъ сожигаемы, но это *впредь* и оставалось всегда впереди; на самомъ же дѣлѣ письма всѣ распечатывались и розыски чинились. Такъ на примѣръ еще въ указѣ отъ 11 августа 1732 года подтверждалось, что анонимныя письма будутъ сожигаемы безъ прочтенія; между тѣмъ въ указѣ отъ 26 сентября 1738 года тоже самое опять подтверждается и подтверждается *вслѣдствіе прочтенія* анонимнаго доносительнаго письма *подъ ковертомъ* Эйхлера, по поводу котораго и *слѣдствію уже начало было учинено*. И такъ какъ въ продолженіи шести лѣтъ и между этими двумя указами — были о томъ же и другіе указы (объ этомъ прямо говорится въ указѣ отъ 26 сентября 1738 года), то значить въ продолженіи дѣлѣхъ шести лѣтъ правительство подтверждало, что оно не *будетъ читать* впередъ анонимныхъ подметныхъ писемъ послѣ того, какъ *прочитывало* какое-нибудь анонимное подметное письмо⁽¹⁾. Слѣдовательно можно ли сказать, что правительство не любило *анонимнаго шпионства* и на самомъ дѣлѣ желало его прекратить?.. Нельзя этого сказать.

СУДЪ ОСОБАГО РОДА

Судъ особаго рода, который былъ свойственъ этому времени, состоялъ собственно въ отрицаніи всякаго суда и напоминалъ знаменитую безчеловѣчную дилему Тиверія. Всякое свѣтло, всходящее на престолъ, неизбежно окружалось и тогда, какъ и всегда множествомъ планетъ и кометъ, сопутствовавшихъ ему и разбѣшавшихся около него. Но вслѣдствіе исключительности и шаткости положенія своего, — свѣтло обыкновенно очень скоро закатывалось, и этого было довольно для обвиненія, для гибели и всѣхъ спу-

(1) Смотри тотъ же указъ отъ 26 сентября 1738 г.

тняковъ его, всѣхъ служившихъ ему и вращавшихся около него. Конечно люди эти были до того ничтожны, до того источены и изъѣдены рабствомъ, что какъ-бы совершенно теряли свою личность; но вѣдь это было несчастіе, жалкое ничтожество, а не преступленіе. А между тѣмъ за ничтожество и несчастіе людей казнили. Притомъ, съ другой стороны, тутъ дѣйствительно предстояла неизбѣжно своего рода тиверіевская дилема, предъ которою задумался бы и не совсѣмъ ничтожный человѣкъ: не склонись предъ свѣтломъ сегодняшнимъ, чтобы не казнило свѣтило завтрашнее, такъ того и гляди упрячуть еще до завтра; мигомъ обнесуть шпионы или намѣтять и обнюхаютъ тѣ животныя изъ породы Пото, которыя и дѣлаются сытыми только тогда, когда пожираютъ ближняго; а склонись предъ свѣтломъ сегодняшнимъ, такъ казнить свѣтило завтрашнее... Остерманъ былъ человѣкъ не лужинный; очень хорошо понималъ свое положеніе, видѣлъ предстоящую ему дилему, долго боролся съ ней и палъ... Человѣкъ какъ-будто былъ виноватъ уже тѣмъ, что жилъ въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ, отмѣченныхъ проклятіемъ природы, подобно тому какъ ягненокъ въ баснѣ былъ виноватъ уже тѣмъ, что волку хотѣлось ѣсть, или какъ иной малютка во Франціи уже съ колыбели счастливъ на всю жизнь тѣмъ, что родился въ одно время съ сыномъ Луи-Наполеона...

Мы вспомнили сейчасъ объ Остерманѣ. Это былъ человѣкъ весьма хитрый и умный. Вѣсто того чтобы въ одинъ какой-нибудь часъ ставить жизнь на карту, онъ счелъ за лучшее цѣлую жизнь разыгрывать комедію. При каждомъ рѣшительномъ переворотѣ государственномъ, онъ, чтобы остаться цѣлымъ, сочинялъ какую-нибудь сцену: то страдалъ подагрой, то судорогами въ глазахъ и никогда не приставалъ ни къ какой партіи. Шетарли пишетъ въ одномъ письмѣ:

«Россія мечтаетъ о мирѣ, и въ Петербургѣ обычное присловіе, что графъ Остерманъ прозрѣетъ и получить возможность ходить только при заключеніи мира; съ самаго начала послѣдней войны этотъ министръ не являлся при дворѣ и не выходилъ изъ своей комнаты» (*).

Хотятъ свергнуть наиримѣръ Бирона, и Остерманъ закупоривается заранѣе въ своей квартирѣ и ждетъ успѣшнаго окончанія, чтобы пошесельнуться такъ или иначе.

«Когда Минихъ отдалъ принцесѣ Аннѣ (Леопольдовнѣ) отчетъ объ успѣхѣхъ предпріятія, принцеса сама послала сказать графу Остерману,

(* Записка, врученная г. Лалли кардиналу Флерпъ въ маѣ 1738 г. стр. 16.

чтобы онъ явился къ ней. Отвѣтъ его, надъ которымъ послѣ шутила сама принцеса, заставляетъ думать, что этотъ министръ не принималъ никакого участія въ замыслѣ. Онъ *сначала извинялся* своими болѣзнями, которыя не позволяли ему исполнить волю принцесы; но графъ Минихъ въ отвѣтъ ему на это велѣлъ сказать чрезъ его шурина, генерала Стрешнева, очевидно тому, что герцогъ былъ уже въ караулѣ, что есть признаки, которые заставятъ графа Остермана сдѣлать надъ собой усиліе. Это было тотчасъ исполнено и Остерманъ *дѣйствительно* не замедлилъ явиться во дворецъ. ⁽¹⁾.

Между тѣмъ въ послѣдствіи мы читаемъ :

• По выслушаніи вышеупомянутыхъ экстрактовъ, разсуждали долгое время. Съ нижнихъ голосовъ, съ президента Кисловскаго положили: Андрею Остерману учинить смерть. Князь Василій Володимировичъ (Долгорукій, только-что возвращенный тогда изъ ссылки), разсудилъ, что надлежитъ Андрею Остерману учинить смертную казнь колесованьемъ... Всѣ съ тѣмъ согласились. ⁽²⁾.

Такъ и было представлено императрицѣ, чтобы Андрея Остермана колесовать живымъ; фельдмаршалу Миниху сначала изломать члены и потомъ отрубить голову; Головинна, Левенвольда, Менгдена и Тимирязева — обезглавить...

Что же ужаснаго сдѣлали эти ужасные люди? Какія совершили они неслыханныя дѣла, отъ которыхъ бы содрогалась человѣческая природа точно также, какъ содрогается она отъ такого неслыханнаго, варварскаго суда? Какія совершили они преступленія, отъ которыхъ бы мутился дневной свѣтъ точно также какъ мутится свѣтъ въ глазахъ при одномъ представленіи подобныхъ казней?.. А преступленій собственно небыло. Но вотъ какія были придуманы.

Графу Остерману вмигъ вѣняли въ преступленіе, что онъ, утаивши завѣщаніе императрицы Екатерины, своимъ пронырствомъ способствовалъ избранію императрицы Анны... Какія ужасныя дѣла! Но главное дѣло въ томъ, что и это все было выдуманно: никакого завѣщанія Екатерины Остерманъ не могъ утаить, потому что по смерти ея это завѣщаніе было обнародовано во всеобщее свѣдѣніе и напечатано въ публичныхъ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ. Способствованіе избранію императрицы Анны тоже никакъ не могло быть вмигъ вѣнено въ преступленіе Остерману, ибо мы видѣли сколько народу способствовало войти Аннѣ Іоанновнѣ на престолъ; но Остерманъ былъ даже менѣе преступенъ въ настоящемъ случаѣ, чѣмъ они, ибо по обыкновенію онъ сказанъ въ то время больнымъ и не присут-

(1) Деша Шетарди отъ 26 ноября 1740 г. стр. 192.

(2) Примѣчаніе къ депешѣ 23 января, стр. 521.

ствовалъ ни при чемъ; слѣдовательно его нельзя было обвинить даже въ *способствованіи*... Миниха рѣшили четвертовать за то, будто онъ говорилъ, арестуя герцога курляндскаго, что это дѣлается для того чтобы возвести на престолъ Елисавету Петровну... Какое черное дѣло! Но вѣдь и это была чистая ложь.

• Что касается до Миниха, — пишетъ Манштейнъ, — то взяли предосторожность *набрать свидѣтелей* изъ простыхъ солдатъ, бывшихъ при производствѣ сего дѣла, а *офицеровъ, стоявшихъ тогда на караулѣ, и перваго его адъютанта даже опасались допрашивать*. Графъ, видя какимъ образомъ производится дѣло, сказалъ генераль-прокурору: *напишите вы сами отвѣты на предлагаемыя мнѣ вопросы, а я ихъ поднесу безъ всякаго противорѣчія*. Генераль-прокуроръ очень былъ радъ таковой его мысли и симъ-то образомъ произведенъ былъ надъ нимъ судъ. (1).

И надо замѣтить, что этотъ генераль-прокуроръ имѣлъ причину радоваться. Ему были даны заранѣе составленные экстракты, по которымъ онъ и долженъ былъ непременно осулить всѣхъ упомянутыхъ лицъ, что бы они ни говорили. Такое ужасное рѣшеніе надъ столькими людьми было постановлено сенатомъ въ одинъ день. Указъ сенату «судить ихъ по государственнымъ правамъ и указамъ» состоялся 13 января. 14 января онъ былъ полученъ въ сенатъ, который въ тотъ же день и произвелъ свой судъ (2).

Въ существѣ же дѣла, какъ замѣчаетъ и Манштейнъ, преступленія сихъ несчастныхъ состояли въ томъ, что они не повравились новой императрицѣ и что они слишкомъ ревностно служили императрицѣ Аннѣ... Другими словами, — они были виноваты уже тѣмъ, что не перестали существовать вмѣстѣ съ Анною, а захотѣли жить и вмѣстѣ съ новою императрицею. И не подумала эта новая императрица, что губя однихъ людей и окружая себя другими, она тѣмъ самымъ губить и этихъ послѣднихъ, которые въ слѣдующее царствованіе также можетъ-быть признаны будутъ злодѣями и должны будутъ положить голову на плаху уже за одно то, что живутъ въ одно время съ нею и служатъ ей... Шетарди замѣчаетъ съ негодованіемъ въ одной депешѣ, что здѣсь «въ Россіи отъ сомнительной приверженности зависить пожертвованіе своею жизнью, имуществомъ и всѣмъ семействомъ до четвертаго колѣна, еслибы таковое было» (3).

И повторяемъ — это было справедливо. Такъ, уже потому самому, что былъ осужденъ фельдмаршалъ Минихъ, считался преступни-

(1) Манштейнъ, ч. II, стр. 175—176.

(2) Примѣчаніе къ депешѣ 23 января, стр. 320.

(3) Депеша отъ 23 ноября, стр. 389.

комъ и сынъ его. Всевозможные крючки, интриги и лжи употреблены были для того, чтобы прискаты ему какую-нибудь вину; но все осталось безуспѣшнымъ и судьи были принуждены оправдать его. Несмотря на это, былъ составленъ все-таки обвинительный приговоръ, гдѣ сказано было, что онъ конечно звалъ намѣреніе привесы Анны взойти на императорскій тронъ, ну а такъ какъ звалъ, то и долженъ сложить съ себя орденъ Александра Невскаго и убраться въ Вологду (1).

Итакъ человѣкъ оказался виновнымъ и осужденъ за то, что звалъ чужое намѣреніе! Зачѣмъ, видите ли, онъ звалъ? Итакъ человѣкъ осужденъ за то, что былъ сыномъ своего отца! Зачѣмъ, видите ли, онъ былъ Минихъ, а не другой кто?

Чуть только кто-нибудь имѣлъ несчастіе прорваться, какъ всегда оказывался ужаснѣйшимъ преступникомъ; ему вмѣняли въ преступленіе вещи самыя простыя, безгрѣшныя и часто вещи совсѣмъ невѣроятныя.

Русскій дворъ, пишетъ Шетарди, приводитъ къ обвиненію Бирона обстоятельства, столь слабыя, что вмѣняетъ ему въ преступленіе деньги и подарки, которыя покойная императрица (Анна Иоанновна) всегда давала ему изъ своей казны; употребляетъ противъ него аргументы, которые обращаются къ стыду герцога брауншвейгскаго и распространяетъ наконецъ немилость на пяти и семи-лѣтнихъ дѣтей, отца которыхъ считаютъ и наказываютъ какъ оскорбителя величества (44).

Этого же самаго Бирона обвиняли въ смерти императрицы Анны Иоанновны на томъ основаніи, будто онъ мало заботился о здоровьи ея величества.

Вы же показали, говорили они, что о здоровьи ея императорскаго величества попеченіе имѣли, а о каменной болѣзни до послѣдней скорби не знали и отъ архіатера и прочихъ докторовъ не слышали. И въ томъ явная неправда, ибо до кончины ея величества за два года, а потомъ и за годъ, какъ вы же сами показали, о опасной болѣзни, что въ уринѣ такая жъ кровь, какъ и при послѣдней болѣзни оказалась, вѣдали и случившіеся припадки въ тѣ годы видѣли; а о пользованіи старанія не имѣли и для совѣта докторовъ не призывали, но вмѣсто того къ поврежденію здравія завели такія забавы, которыя при началіи такой болѣзни весьма были вредны; и привели ея величество въ манежъ и въ прочихъ мѣстахъ верхомъ ѣздить въ самыя несносные дни, и что вы знали о ненадежномъ здоровьи за четыре мѣсяца, какъ французскій посолъ ко двору своему писалъ. (2).

(1) Деша Шетарди ^{21 апрѣля}/_{4 мая} стр. 249.

(2) Письмо Шетарди отъ 30 августа 1740 г. стр. 106.

Понятно, что съ одинаковою основательностію можно было бы обвинить въ участіи въ смерти Анны Іоанновны и ея поваровъ и лакеевъ и медиковъ и кучеровъ и вообще великое множество народа, бывшаго въ какомъ-нибудь отношеніи къ ней. Такъ что Биронъ, для показанія своей невинности въ смерти Анны Іоанновны, долженъ былъ приводить всевозможныя доказательства, напротивъ, своего попеченія о ея здоровьи, а не нерадѣнья.

«Я, говорить, слезно умолялъ и неуспѣшно просилъ принимать тѣ лекарства, которыя ея величество съ великою противностію принимала. Я, говорить наприимѣръ, много докучалъ, чтобы ея величество глистирь себѣ ставить допустила, къ чему склонить едвали было возможно; однако я, представляя ея императорскому величеству злыя тѣ слѣдствія, которыя бы отъ того, по словамъ докторовъ, произойти могли, наконецъ и склонилъ (¹).

Случалось такъ, что однимъ и тѣмъ же лицамъ за одни и тѣже преступленія приходилось по нѣскольку разъ быть наказанными и оправданными. Такая именно участь постигла Андрея Яковлева, Любима Пустошкина, Михайла Семенова, Петра Граматина и другихъ. Незадолго до паденія Бирова ихъ пытали, подымали на дыбу и сбѣкли кнутомъ. Но вотъ Биронъ палъ, и всѣ эти лица не только оправданы особымъ манифестомъ, слѣдовательно всенародно, но получили прежнія свои должности и даже повышенія и деньги (²). Несмотря опа-

(¹) Ibid. стр. 109.

(²) Вотъ этотъ манифестъ «о невинности лицъ, пытаныхъ и осужденныхъ въ правленіе Бирона». Въ нынѣшнемъ 1740 году, не по долгомъ времени вступленія нашего на всероссійскій престолъ, по нѣкоторымъ слѣдствіямъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Андрей Яковлевъ, бывшій въ нашемъ кабинетѣ въ управленіи секретарской должности, полковникъ Любимъ Пустошкинъ, ассесоръ Михайло Семеновъ, бывшій при дворѣ вселюбезнѣйшей нашей государыни матери, ея императорскаго высочества великія княгини и правительницы всея Россіи секретаремъ, подполковникъ Петръ Граматинъ, бывшій при вселюбезнѣйшемъ нашемъ родителѣ государѣ, его высочествѣ герцогѣ брауншвейгъ-люнебургскомъ адъютантомъ; да нашей же лейбъ-гвардіи офицеры, а именно: капитаны Петръ Ханьковъ, Михайло Аргамановъ, князь Иванъ Путятинъ, подпоручикъ Иванъ Алѣимовъ — къ розыску были приведены, въ которомъ будучи, *непоменно страдали и кровь свою проливали*. Но при томъ паче простираясь по своей подданической должности намъ, яко природному и истинному своему государю и всей нашей императорской фамиліи, вѣрно служили и ревностно поступали, не цѣдя живота своего, за которыя ихъ истязанныя притязанія и вѣрныя службы нашею императорскою милостію награждены и по прикрытіи знаменами паки въ нашу службу употреблены: дѣйствительный статскій совѣтникъ Яковлевъ, по прежнему, въ нашъ кабинетъ, полковникъ Пустошкинъ въ С.-Петербургскій гарнизонъ, ассесоръ Семеновъ въ иностранную коллегію, подполковникъ Граматинъ при вселюбезнѣйшемъ нашемъ государѣ-родителѣ. А гвардіи

кожъ на то, что по свидѣтельству манифеста они *неповинно страдали и кровь свою проливали*, несмотря на то, что манифестъ назначалъ даже пеню для тѣхъ, кто вздумалъ бы порицать ихъ за то, что они были въ рукахъ палача, въ царствованіе Елисаветы Петровны они вторично признаны виновными. Граматива исключила снова изъ службы и лишила всѣхъ чиновъ именно за то «понеже до сего были въ катскихъ рукахъ». Сеяцовъ, Аргамановъ и князь Путятинъ снова отставлены отъ службы съ тѣмъ чтобы ихъ не принимать ни къ какимъ дѣламъ. Яковлевъ снова отставленъ отъ царскаго кабинета и изъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, пожалованъ полковымъ писаремъ въ астраханскій гарнизонъ за то между прочимъ «что усердствуя *только* принцессѣ (Аннѣ Леопольдовнѣ), ко вреду общаго покоя (почему въ прошломъ году и розыскиванъ былъ) касающійся дѣла вступался, за что себѣ отъ нея, принцессы Анны, чинъ и немалое награжденіе деревнями получилъ (1)». Нечего сказать — хороши преступленія! Но и на этомъ все-таки дѣло не покончилось. Съ нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ лицъ еще разъ сняли по шкуркѣ. Въ слѣдующемъ 1743 году, когда возникло дѣло о семействѣ Лопухиныхъ, извѣстныхъ приверженцевъ правительницы Анны, въ тайную канцелярію еще разъ притащили Путятина и Аргаманова и наказали князя Путятина кнутомъ и сослали въ ссылку въ Кецкъ, а Аргаманова впрочемъ такъ и освободили безъ ничего, «понеже вины его не объявились», какъ будто у Путятина объявилась какая нибудь новая вина (2).

офицеры при гвардіи по прежнему оставлены. И о *непорицаніи ихъ тѣмъ, что они были въ катскихъ рукахъ нашими всемилостивѣйшими указами* снабжены съ такимъ высочайшимъ повелѣніемъ, ежели кто тѣмъ кого изъ нихъ порицать дерзнетъ, оный тягчайшій нашъ императорскаго величества гнѣвъ на себя приметъ, и сверхъ того повиненъ заплатить тому обидимому безчестья противъ оклада жалованья, кто какое по рангу своему получать будетъ, вдвое. *Слѣдственно жъ и съ прочими бывшими въ крѣпости подѣ каралоумъ за такую же оказуемую ревность, какая наша императорская милость показана, о томъ въ народъ объявлено будетъ особымъ манифестомъ.* И для того сей нашъ императорскаго величества всемилостивѣйшій указъ повелѣли мы, напечатать, во всемъ нашемъ государствѣ публиковать, дабы о томъ всѣ были извѣстны, и *взирая на толь ревностные вышеупомянутыхъ нашихъ вѣрноподанныхъ поступки и нашу къ нимъ показанную за то императорскую милость и награжденіе помянутую свою передъ Богомъ учиненную присягу намъ, яко природному и истинному своему государю, вѣрно служили.*

Данъ въ С.-Петербургѣ, декабря 15 дня 1740 г. На подлинномъ подписано рукою ея императорскаго высочества государыни правительницы, великой княгини всеа Россіи тако: именовъ его императорскаго величества Анна. Маркизь де-ла Шетарди въ Россіи; стр. 632.

(1) Дополненія къ депешѣ Шетарди; стр. 175.

(2) Ibid. стр. 176.

Чѣмъ болѣе юристъ будетъ углубляться въ судъ тогдашняго времени, тѣмъ яснѣе увидятъ, что это былъ не судъ, а какая-то дикая, кровавая месть, которая исходила отъ эгонистическаго бѣшенства, а не отъ правосудія. Извѣстна страшная участь, постигшая Долгоруковыхъ. Княжна Катерина, нарѣченная царская не-вѣста, была заключена въ монастырь; князья Василій и Иванъ были колесованы; другіе двое — четвертованы, а еще двое или трое казнены иною смертью. И все это было собственно дѣломъ Бирона, который велѣлъ князю Василю Лукичу, совѣтовавшему въ Митавѣ Аннѣ Іоанновнѣ не брать его, Бирона, въ Петербургъ съ собою (1). Между прочимъ и гибель Волинскаго главнымъ образомъ завистля отъ того, что онъ не нравился герцогу курляндскому.

• Волинскій — пишетъ Манштейнъ — примѣта вѣкогда холодность между императрицею и ея любимцемъ, подавъ государынѣ меморію, въ коей во многомъ обвинялъ герцога курляндскаго и другихъ близкихъ къ ея величеству особъ. Онъ хотѣлъ слѣзать герцога подозрительнымъ и убѣдить императрицу удалить его отъ двора. Сія государыня имѣла слабость показать Бирону сію записку, въ которой онъ нашолъ много истины. Герцогъ не успѣлъ еще прочесть оной, какъ и рѣшился погубить своего противника (2).

Стоитъ вниманія, что въ вину Волинскому поставлено было даже то, что онъ имѣлъ сочиненіе Юста Лиисія, за которое Волинскій и раньше побивался, чтобы «ея величество не изволила причесть къ себѣ, потомучто изволить показывать персону милостивую, а въ книгѣ весь женскій полъ представленъ непостояннымъ и хотя веселое лицо кажетъ, но и гнѣвъ въ сердцѣ таитъ, и что вообще книга — не нынѣшняго времени читать (3).»

Когда какое-нибудь лицо было ссылаемо въ Сибирь, то тамъ же, въ Сибири, должны были навсегда оставаться и солдатики, провожавшіе его, чтобы о ссыльномъ не доходило какихъ-нибудь вѣстей (4).

По свидѣтельству Шетарди и Манштейна, отъ царствованія Анны Іоанновны до конца Елисаветы Петровны, сослано было въ разныя мѣста 20,000 человекъ (5).

Но все-таки во всемъ что мы до сихъ поръ говорили было вѣ-которое подобіе суда, была хоть вѣкоторая судебная процедура. А

(1) Манштейнъ ч. I., стр. 108.

(2) Манштейнъ ч. II, стр. 76.

(3) Записки объ Артеміѣ Волинскомъ, стр. 148.

(4) Депеша Шетарди отъ 1/12 мая, стр. 253.

(5) Манштейнъ ч. II, стр. 201.

часто и очень часто случалось вѣдь такъ, что схватить человѣка ночью, да и поминай какъ звали! Болтинъ говорить:

•Прощаясь между собой родственники или пріятели, отходя каждый въ свой домъ, не иначе другъ о другѣ думали, что прощаются на вѣчность: ибо никто не былъ увѣренъ, что проснется на той же постелѣ, на которой свечера легъ. Рѣдкая ночь проходила, чтобы кто ни есть изъ живущихъ въ городѣ не пропалъ безвѣстно, да и не смѣли спрашивать куда онъ дѣвался. На всѣхъ лицахъ изображенъ былъ страхъ, уныніе, отчаяніе; ни одинъ человѣкъ не былъ удостовѣренъ о свободѣ, о безопасности, о жизни своей ни на одинъ часъ. Слыша, какъ безчеловѣчно мучатся безвинно страдающіе, отъ ужаса волосы дыбомъ становуѣ, сердце отъ жалости стѣснится, кровь отъ ярости и досады закипитъ (¹)...

КОНФИСКАЦІОННАЯ КАМЕРА

По отношенію къ имуществу гражданъ правительство отличалось необычайною простотою приѣмовъ: оно навѣдывалось въ нѣтъ кладовыя, какъ въ свои собственныя. Въ этой странѣ нѣтъ собственности, нѣсколько разъ писалъ Шетарди. Если не чинились тогда съ живыми лицами, если ихъ хватали, осуждали и казнили по произволу, то съ мертвымъ имуществомъ не чинились тѣмъ болѣе. За что бы ни судили и кого бы ни судили, виновіе во всякомъ случаѣ описывалось на государя. Изъ пунктовъ, предложенныхъ Аннѣ Іоанновнѣ въ Митауѣ, видна была попытка уничтожить подобное обыкновеніе, но чрезъ нѣсколько времени мы видимъ, что уничтоженіе этого обыкновенія торжественно признается *лежкою статьею для російскаго народа*. О томъ обстоятельствѣ, что въ правленіе Петра II всякому предоставлено было спокойно пользоваться приобретеннымъ имуществомъ, Манштейнъ говоритъ какъ объ особенномъ обстоятельствѣ, исключительно-характеризующемъ только правленіе Петра II (²). Извѣстно какую шутку отпустилъ Биронъ, посредствомъ которой награбилъ себѣ нѣсколько миліоновъ. Когда взошла на престолъ Анна Іоанновна, то цѣлые миліоны государственныхъ податей были въ недоимкѣ. По прояскамъ Бирона были назначены для сего два особые правленія — *доимочный приказъ и секретная казна*. Доимочному приказу дана была всевозможная власть къ собиранію недоимки, но деньги онъ долженъ былъ отсылать въ секретную казну, въ которой о числѣ денегъ зналъ только казначей и Биронъ, который и клалъ ихъ въ свой собственный карманъ. Болѣе половины недоимки собрано

(¹) Болтинъ опроверженіе исторіи г. Лекерка, стр. 470.

(²) Манштейнъ ч. I, стр. 78.

было въ первый годъ, но такъ какъ за выжиданьемъ недоимки крестьяне не въ состояніи были заплатить настоящей текущей подати, то и она превратилась въ недоимку и поступила въ вѣдѣніе недоимочнаго приказа и секретной казны, т.-е. въ вѣдѣніе кармана Барона. Такъ шли дѣла нѣсколько лѣтъ. Между тѣмъ по политическимъ обстоятельствамъ сеять долженъ былъ увеличить настоящую подать, да и собрать всю недоимку, которая по его счету все еще числилась, и притомъ собрать со всею строгостью. Съ бѣдныхъ, несчастныхъ крестьянъ вторично потянули послѣдній кусокъ хлѣба. Если вѣрить Болтину, то нѣсколько-сотъ тысячъ крестьянъ вслѣдствіе этого изъ пограничныхъ провинцій разбѣжались за границу и множество селеній остались пустыми (1).»

Зато во дворцѣ, вслѣдствіи дѣйствій конфискаціонной камеры, усердно описывавшей «имѣнія на государя», лежали груды драгоценностей и мѣховъ. Зато мы, по одному слову Шетарди, почти въ это самое время «выбрали превосходные два мѣха, одинъ въ 30 тысячъ ливровъ, а другой въ 60 тысячъ и двѣнадцать кусковъ самыхъ изысканныхъ персидскихъ матерій (persea), уложили ихъ въ ящики при помощи самого герцога курляндскаго (хотя можетъ быть отъ и не любилъ возиться съ ящиками такъ какъ съ дощатками) и отправили всѣ эти драгоценности при письмѣ самого герцога къ г-жѣ Мальи, любовницѣ французскаго короля, а любовница французскаго короля какъ кажется не смотрѣла и не взяла ни драгоценныхъ мѣховъ и матерій, ни даже письма герцога курляндскаго (2)!»

(1) Ibid. стр. 469.

(2) Барбье рассказываетъ объ этомъ слѣдующее: ни въ письмѣ, ни на посылкѣ не было обозначено точно адреса г-жи Мальи, а было сказано просто: «передать госпожѣ (очевидно посылающей не умѣлъ ухаживать такъ за посылками, какъ за лошадьми)»; всѣ недоумѣвали — кому; и статсъ-секретарь графъ Морепа сказалъ только предположительно: «это вѣроятно для г-жи Мальи, которая знакома Шетарди и дала ему какое-то порученіе.»

«Вечеромъ король за ужиномъ съ своими придворными и г-жою Мальи началъ родшучивать надъ нею, что она получаетъ подарки отъ иностранныхъ дворовъ, нисколько не предупредивъ о томъ. Г-жа Мальи, которая гордится тѣмъ, что никогда не проситъ ни за себя, ни за кого бы то ни было (щекотливость довольно неумѣстная — прибавляетъ Барбье), притомъ же вѣтреная и вѣроятно уже осуществившая нѣсколько рюмочекъ, обидѣлась насмѣшкою. Ей ничего не было извѣстно о происшедшемъ, и она приняла дѣло на въ шутку, отвѣчая, что ни отъ кого не принимаетъ подарковъ, такъ какъ не дочь его министровъ: датскимъ нарешца къ госпожамъ Морепа, Амело и Фюльви, замѣтивъ, что послѣдняя получаетъ подачки со всѣхъ теваровъ шведской компаніи, что дѣйствительно такъ и было. Дѣло обращалось не въ шуточное, придворные хранили молчаніе, король принялъ серьезный видъ, но примиреніе не вставало себя долго ждать.

Всѣ состоящіе на какой бы то ни было службѣ, никогда не были безопасны отъ того, чтобы имъ вмѣсто всего жалованья не выдали наприимѣръ только половину, или чтобы и совсѣмъ не лишили. Офицеры очень часто вмѣсто жалованья получали шолковыя матеріи, которыя казна вымѣнивала у Персіи и Китая на мѣха ⁽¹⁾. Вообще жалованье сполна выдавалось только въ Петербургѣ; въ другихъ же мѣстахъ изъ него обыкновенно удерживалась половина, какъ это видно изъ того, что издаваемы были особые манифесты, которыми подтверждалось, чтобы жалованье *повсюду* выдавали сполна, какъ это положено законами ⁽²⁾. Секретари же и писцы совсѣмъ не получали жалованья, а между тѣмъ обязаны были работать ⁽³⁾. Денежныхъ наградъ и пенсій было сравнительно очень мало. Когда царица довольна была службою своего подданнаго, военнаго или штатскаго, то жаловала ему изъ казны земли и деревни навѣчно или пожизненно, или же въ оброчное содержаніе. За работы казѣ, солдатамъ и крестьянамъ не платили ничего. Кто переставалъ служить, тотъ такъ и оставался ни съ чѣмъ, впрочемъ *de jure*, а не *de facto*. Государство до того было истощено роскошью, введенною при дворѣ, переволомъ суммъ за границу, дурнымъ грабительскимъ управленіемъ, что, какъ замѣчаетъ Шетарди, не могло найтись и двухъ негоціантовъ и изъ русскихъ и даже изъ англичанъ или голландцевъ, которые были бы въ состояніи дать впередъ 100,000 рублей... Между тѣмъ нужно же было дарить тысячные подарки и конфискаціонная камера принималась за дѣло съ большимъ усердіемъ ⁽⁴⁾. На вѣкоторыя жизненные продукты казна присвоивала себѣ монополію и продавала ихъ гражданамъ вавое противъ того, чего они стоили. Шетарди пишетъ:

«Солеварни въ Россіи разрабатываются не на счетъ государя, а частныхъ лицъ, которымъ дается исключительная привилегія; но соль не могутъ (все-таки) продавать никому, кромѣ государя, *который продаетъ ее своимъ подданнымъ вавое противъ того чего она стоитъ*. Соль, получаемая изъ этихъ солеварень, не годна для соленія мяса и рыбы, почему разрѣшонъ въ царствованіе Петра привозъ иностранной соли въ русскіе порты. Доходы отъ соляной монополіи шли на домъ этого государя, на его заданія, каналы и секретныя расходы. *Вмѣстѣ съ доходомъ отъ конфискаціи денегъ и имуществъ государственныхъ пре-*

О подаркахъ не было уже и рѣчи, и я не знаю что *сталося съ мѣхами?*..
Примѣчанія г. Пекарскаго стр. 144—145.

⁽¹⁾ Записка, врученная г. Лалли кардиналу Флери въ маѣ 1738 г. стр. 23.

⁽²⁾ Письмо де-ла Шетарди изъ Петербурга, 5 ноября 1740 г., стр. 145.

⁽³⁾ Записка кардиналу Флери, стр. 26.

⁽⁴⁾ Записка кардиналу Флери, стр. 26.

студенческое и вѣточническое — это была единственная статья, поступавшая въ собственность кабинета (т.-е. и конфискаціи всё шло въ пользу кабинета), которыми управлялъ одинъ секретарь, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ царя. Тоже самое соблюдается и донынѣ, но только эти доходы не покрываютъ огромныхъ издержекъ царствующей государыни, почему она ежедневно занимаетъ изъ русскихъ казенныхъ суммъ, подъ свои собственные росписки, что эти деньги будутъ возвращены (1).

Вообще — повторяемъ — правительство по отношенію къ имуществу тогдашнихъ гражданъ пользовалось чрезвычайно простыми приемами: что ему было нужно, то оно и брало безъ всякихъ разговоровъ. Въ государственную казну навѣдывались какъ въ свой собственный карманъ. Бирону на примѣръ захотѣлось чтобы у него было полмилліона экю ненсіи въ годъ и сейчасъ же это хотѣніе облекается въ законную одежду и приводится въ исполненіе (2). Чтобы быть въ состояніи продолжать начатую предъ востшествіемъ Елисаветы Петровны войну съ шведами, употребляли самые насильственные по отношенію къ гражданамъ способы добыванія средствъ.

•Захватили, пишетъ Шетарди, все сѣно, за исключеніемъ только необходимаго для продовольствія каждому по числу лошадей, которыхъ дозволено имѣть, и между тѣмъ какъ пудъ обыкновенно продается по 18 коп., правительство установило таксу въ 3 копейки, не назначивъ даже срока для платежа. Точно также поступило оно и съ хлѣбомъ, привезеннымъ въ Петербургъ. Двѣ трети изъ него удержано на царя; частныя лица могутъ продавать его только по цѣнѣ, какую будетъ угодно назначить потомъ и платить также, когда захотятъ. *Жители Петербурга уже не избавлены болѣе отъ строгихъ досмотровъ, которые производятся въ домахъ съ цѣлію вѣрнѣе разузнать объ имѣющихся запасахъ съѣстной провизіи и завладѣть ими впоследствии.* Принуждаютъ значительныхъ русскихъ купцовъ давать въ ссуду деньги, а время, когда будутъ они возвращены, также совершенно зависитъ отъ произвола. Сенатъ даже, уступая желаніямъ правительства, принялъ мѣру, которая безпримѣрна: каждый безъ исключенія землевладѣлецъ, смотря по количеству владѣемой имъ земли, будетъ обязанъ доставить правительству изъ губерніи извѣстное количество кулей хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ, на которые нынѣ устанавливають тарифъ (3).

Понятно, что и конфискаціонная камера въ это время была осо-

(1) Состояніе ежегодныхъ доходовъ Россіи. Шетарди, стр. 81—82.

(2) Письмо Шетарди отъ 5 ноября 1740 г. стр. 150.

(3) Деша отъ 15 октября; стр. 351—352.

бывао дѣтельна и усердно опасывала ишѣвія на государи, который былъ въ колыбели.

Не говоримъ о другихъ чертахъ того времени, напримѣръ *блженствъ временщиковъ*, *славычестъ ильмцевъ*, сколько потому, что эти черты болѣе или менѣе всѣмъ уже извѣстны, столько главнымъ образомъ и потому, что и безъ нихъ, кажется, достаточно уже можетъ быть выясненъ главный характеръ того времени — *безмолвіе народа....*

М. РОДЕВИЧЪ

НАШИ БУДУЩИЕ ПРИСЯЖНЫЕ

На судъ присяжныхъ можно смотрѣть съ различныхъ точекъ зрѣнiя ; защитники этого суда руководятся обыкновенно самыми разнообразными мотивами.

Такъ въ прежнее время въ этомъ учрежденiи хотѣли видѣть одну только гарантiю политическихъ правъ народа. Суду присяжныхъ призывали тогда исключительно политическое значенiе; имъ дорожили, его требовали, его защищали, за него стояли какъ за одну изъ самыхъ могущественныхъ охранъ народной свободы. Вотъ что говорилъ канцлеръ Робеспьеръ въ 1790 г. при мартовскихъ и апрѣльскихъ пренiяхъ, происходившихъ въ національномъ собранiи о судѣ присяжныхъ: *Je regarde comme un point incontestable que les jurés sont la base la plus essentielle de la liberté. Sans cette institution je ne puis croire que je suis libre quelque belle que soit notre constitution*» (1). Другой членъ національнаго собранiя, Редереръ, выражался по этому поводу еще опредѣлительнѣе. Въ такомъ же точномъ духѣ говорилъ и Дюморъ. Всѣ однимъ словомъ хотѣли суда присяжныхъ вслѣдствiе какихъ-нибудь политическихъ соображенiй; всѣ видѣли въ немъ главнымъ образомъ могущественную гарантiю политическихъ правъ французскаго народа. Вскорѣ однако Наполеонъ блистательно доказалъ, что судъ присяжныхъ можетъ быть стольже же охраною политическихъ правъ народа сколько и орудиемъ деспотизма въ рукахъ искуснаго властолюбца. Никто вѣроятно не упрекаетъ Наполеона въ излишней заботливости о свободѣ французской нации, а между тѣмъ онъ горячо защищалъ институтъ присяжныхъ. И это не было простою уступкою общественному мнѣнiю; напротивъ общественное мнѣнiе или лучше сказать мнѣнiе ученыхъ юристическаго мiра было скорѣе противъ чѣмъ за присяжныхъ. Изъ

(1) «Я считаю безспорнымъ пунктомъ то, что присяжные составляютъ самое главнѣйшее основанiе свободы. Безъ этой институции я не считаю себя свободнымъ, какъ ни была бы хороша конститудия.»

вѣстно, что когда Наполеонъ, задумавъ подарить Францію своимъ кодексомъ, приказалъ разослать проектъ новаго устава уголовного судопроизводства, составленный особою комиссіей по вѣсьмъ судебнымъ мѣстамъ имперіи, то изъ 75 полученныхъ отзывовъ 22 были *въ пользу*, 20 *противъ* суда присяжныхъ, а 23 не высказали никакого опредѣленнаго мнѣнія. Кассационный судъ тоже подалъ голосъ противъ суда присяжныхъ. Но Наполеонъ съ свойственною ему во вѣсьмъ подобныхъ случаяхъ проницательностью сразу угадалъ въ чемъ тутъ дѣло. Онъ понялъ, что для него гораздо выгоднѣе удержать, чѣмъ уничтожить судъ присяжныхъ. Вѣдь необразованныхъ, оборванныхъ, полуголодныхъ присяжныхъ не трудно подчинить своему вліянію. Они не въ состояніи оказывать никакого серьезнаго противодѣйствія. Гдѣ покупъ, гдѣ угроза, гдѣ нужно такъ и обманъ — нѣтъ, они рѣшительно не опасны, по крайней-мѣрѣ гораздо менѣе опасны чѣмъ ученые корпораціи судей, хотя тоже подчиненныхъ и зависящихъ отъ всепоглощающей власти, однако все таки судей материально обеспеченныхъ, занимающихъ въ обществѣ извѣстное положеніе, пользующихся нѣкоторымъ уваженіемъ, судей образованныхъ и потому самому не такъ сговорчивыхъ и не такъ уступчивыхъ какъ простые присяжные, выбранные подъ контролемъ и попечительнымъ руководствомъ правительства. Да, примѣръ Франціи доказалъ самымъ убѣдительнымъ образомъ, что если судъ присяжныхъ можетъ охранять, гарантировать народныя права и свободу, то съ другой стороны онъ также можетъ быть весьма полезнымъ орудіемъ въ рукахъ властолюбиваго, деспотическаго правительства для подавленія и униженія этой свободы. Все дѣло здѣсь зависитъ отъ трехъ условій: 1) *какъ*, 2) *изъ кого* выбираются присяжные и 3) *какія дѣла* подсудимы ихъ суду. Что отвѣчаютъ на эти вопросы «Основныя положенія преобразованія судебной части» и придаютъ ли они вообще институту присяжныхъ какое-нибудь политическое значеніе, мы это увидимъ ниже. Вѣдь судъ присяжныхъ, кромѣ политическаго значенія (значенія, которое многіе новѣйшіе юристы совсѣмъ не хотятъ признавать за нимъ), имѣетъ еще другое, не менѣе важное, чисто-юридическое значеніе. Сближая судъ съ обществомъ, разрушая ту преграду, которая почти всегда существуетъ между ними, призывая народъ къ участію въ отправленіи правосудія, онъ даетъ этимъ самымъ могущественныя гарантіи правосудію въ правдивости суда. Судъ перестаетъ быть пугаломъ, страшилищемъ; онъ приобретаетъ любовь и довѣріе народа. Съ другой стороны отправленіе должности присяжныхъ служить для народа лучшею практическою школою, въ которой онъ приобретаетъ необходимое для каждаго юридическое образованіе, узнаетъ законы,

увидеть ихъ примѣненіе къ практикѣ. Мало того, самый законъ очень много выигрываетъ при существованіи суда присяжныхъ. Тогда его худыя, темныя, жесткія стороны какъ-то сглаживаются, ступшевываются; судъ присяжныхъ служитъ лучшимъ и самымъ строгѣйшимъ оплотомъ противъ безучастно-спокойной, безразличной, слабой суровости уголовного кодекса; онъ смягчаетъ, гуманизируетъ его.

Вотъ какое важное значеніе имѣютъ присяжные въ юридической жизни общества. Не признавать за ними этого значенія уже рѣшительно невозможно. Несмотря однако на это, въ нашей литературѣ поднялось не мало голосовъ противъ введенія этого суда у насъ. Нѣкоторые говорили, что народъ нашъ еще недостаточно образованъ, что для него эта роскошь немножко преждевременна; другіе боялись, что обязанность присяжнаго противна нравственному чувству русскаго простаго человѣка, что она несовмѣстна съ его любовью къ ближнему, несовмѣстна съ его понятіемъ о человѣческой ограниченности.

Смотря на всѣ преступленія съ нравственной точки зрѣнія — говоритъ газета «День» (статья Г-ва «по поводу суда присяжныхъ») — русскій человѣкъ считаетъ себя въ глубинѣ души такимъ же виноватымъ и даже еще большимъ чѣмъ тотъ, кого ему приходится судить. При такихъ воззрѣніяхъ не поворачивается языкъ произнести осужденіе, а тѣмъ болѣе положить наказаніе.

Такое странное, чтобъ не сказать болѣе, возраженіе противъ введенія у насъ суда присяжныхъ показываетъ, что почтенный сотрудникъ газеты «День» рѣшительно не знакомъ съ русской исторіей. Въ противномъ случаѣ онъ увидѣлъ бы, что народъ нашъ никогда не брезгалъ исполненіемъ судейскихъ обязанностей, не считалъ ихъ никогда «несовмѣстными съ своимъ нравственнымъ чувствомъ» и т. п.; напротивъ всегда домогался сохранить и удержать свой земскій судъ, свою собственную земскую расправу; увидѣлъ бы почтенный сотрудникъ газеты «День», что земство не само отстранялось и уклонялось, какъ онъ говоритъ, отъ участія въ отправленіи суда, но что его насильственно отстраняли, что отъ него насильственно отымали судебную власть; увидѣлъ бы также, что нашъ народъ издревле свыкъся съ выборнымъ началомъ суда; что судъ присяжныхъ не составляетъ какого-нибудь новаго, необыкновеннаго явленія на русской землѣ. Напротивъ еще давно, давно, въ отдаленныя отъ насъ времена народъ нашъ имѣлъ учрежденія очень сходныя съ англійскимъ институтомъ присяжныхъ. Объ этомъ любопытномъ фактѣ свидѣтельствуютъ сами англичане, разсматривавшіе и изучавшіе свой судъ присяжныхъ параллельно съ аналогич-

выми учрежденіями другихъ странъ. Извѣстный англійскій юристъ, Фарситъ, прямо говоритъ, что ни въ одной странѣ не было учрежденія такъ близко подходящаго къ англійскому ягу какъ древне-русскій судъ *двенадцати* выборныхъ, которому по его мнѣнію подвѣдомственны только дѣла уголовныя (¹). Однако нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей древне-русскаго народнаго суда думаютъ, что суду двѣнадцати подвѣдомственны были не только уголовныя, но и гражданскія тяжбыныя дѣла. Такъ напримѣръ Чеглоковъ въ своей статьѣ «Объ органахъ судебной власти отъ основанія государства до вступленія на престолъ Алексѣя Михайловича» (Казань 1855 г. «Юрид. сбор.» Мейера) говоритъ, что суду двѣнадцати по «Русской Правдѣ» подлежали дѣла запутанныя, которыхъ нельзя было рѣшить самими тяжущимся посредствомъ «свода». По его мнѣнію въ *делахъ кельныхъ* народъ въ лицѣ этихъ двѣнадцати выборныхъ призывался къ участию въ отправленіи правосудія. Г. Михайловъ (Теорія образ. и разв. системы русск. гражд. судопр. до уложенія 1649 года) думаетъ, что первоначально дѣла вообще не различались по содержанію, а судились и разбирались одинаково: всѣ онѣ были подвѣдомственны суду двѣнадцати выборныхъ. Г. Калачевъ на основаніи СХХХVI ст. Русской правды, которая гласитъ: «Аще кто изыщеть на друзе опроче а онъ ся запираетъ зачнетъ то ити ему на пзволь предъ двѣнадцати человекъ», предполагаетъ, что двѣнадцать выборныхъ мужей рѣшали денежные споры и именно споръ о долгѣ, когда отвѣтчикъ запирался въ полученіи отъ истца денегъ. Все это доказываетъ, что уже издавна народъ нашъ знакомъ былъ съ отправленіемъ должности присяжнаго выборнаго судьи: она для него не новость. Съ этой стороны значить бояться нечего; что же касается до мнѣнія будто бы русскій народъ слишкомъ *крастесилъ*, слишкомъ строгъ къ себѣ и снисходителенъ къ другимъ, чтобы мочь съ успѣхомъ исправлять должность присяжнаго, произносить карательныя приговоры, то намъ кажется, что именно это-то качество русскаго народа и должно заставить всѣхъ желать введенія у насъ какъ можно скорѣе, на самыхъ широкихъ основаніяхъ суда присяжныхъ. Русскій человекъ слишкомъ снисходителенъ къ другимъ, говорятъ, склоненъ болѣе прощать чѣмъ осуждать, слишкомъ *совѣстливъ*, *осмотрителенъ* и даже *нерѣшителенъ*, когда дѣло доходитъ до окончательнаго приговора; тѣмъ лучше, тѣмъ лучше, пусть живая струя жизни, гуманности, челоуѣчности, широкимъ потокомъ

(¹) Вотъ его подлинныя слова: «The most remarkable approximation to our own institution seems to have existed at an early period in Russia for the trial of criminal cases (History of trial by jury, by William Forsyth).

вольется въ сухой безжизненный формализмъ нашихъ официальныхъ судовъ! Вотъ еслибы простой народъ былъ золъ, грубъ, жестокъ, безчеловѣченъ, о, тогда совсѣмъ другое! Тогда бы введеніе у насъ суда присяжныхъ было истинною скорбью, печалью земли русской и никто бы тогда не радовался этому нововведенію.

Есть еще два возраженія, тоже высказанныя въ нашей литературѣ противъ суда присяжныхъ. Мы на вѣсколко минутъ остановимся на нихъ, потому что до-сихъ-поръ, насколько намъ извѣстно, на нихъ никто еще не останавливался. Первое возраженіе (высказанное тоже газетою «День»), основывается на томъ, что представленіе о *правѣ*, живущее въ сознаніи нашего народа, очень часто значительно разнится отъ того *права*, которое признаетъ писанный формальный законъ, такъ что согласить эти два понятія, понятіе о правѣ народа и понятіе о правѣ закона, будетъ довольно трудно, особенно если мы вспомнимъ, что часто первое составляетъ совершенную противоположность второму. Отрицать подлинность этого факта невозможно; да, дѣйствительно у насъ бокъ о бокъ съ закономъ писаннымъ, формальнымъ, живетъ другой неписанный, обычное право, имѣющее самое сильное и неотразимое вліяніе на народную жизнь. Что запрещаетъ или дозволяетъ писанный законъ, объ этомъ мало знаетъ (да и какъ ему звать?) нашъ, положимъ хоть, крестьянинъ; онъ знаетъ свое обычное право, у него есть свое представленіе о справедливости, и въ силу этого-то представленія, и въ силу этого-то права онъ дѣйствуетъ. Часто его *право* приходитъ въ противорѣчіе съ *правомъ* закона; тогда законъ судить его какъ преступника, хотя въ своихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ своего міра онъ не преступникъ; напротивъ поступи онъ иначе, онъ былъ бы преступникомъ, хотя законъ и оправдалъ бы его. Да, такой уже странный разладъ существуетъ у насъ между теоріей и жизнью, наукою и дѣйствительностью, писаннымъ законодательствомъ и обычнымъ правомъ народа! Разладъ этотъ разумѣтся вполне удовлетворительно объясняется невыгодными экономическими условіями, дисгармонією, разрывомъ между высшими (такъ-называемыми образованными) и низшими классами нашего общества, — разрывомъ, обуславливающимся неравномѣрнымъ распредѣленіемъ между ними материальныхъ благъ. Высшіе, классы общества, сочиняютъ разныя теоріи, пишутъ законы, но эти теоріи не измѣняютъ народнаго быта, но эти законы народу неизвѣстны, — у него есть свои законы, свои представленія о правѣ. Вотъ этотъ-то антагонизмъ между народнымъ сознаніемъ права и писаннымъ закономъ и считаютъ однимъ изъ важныхъ препятствій ко введенію у насъ суда присяжныхъ. Страшное дѣло! Да вѣдь именно это-то противорѣчіе между

закономъ и обычаемъ и дѣлаетъ у насъ настоятельно необходимымъ какъ можно скорѣйшее учрежденіе этого суда. Въ самомъ дѣлѣ до-сихъ-порѣ простой народъ судился официальнымъ судомъ по писанному закону, судъ не хотѣлъ ничего слышать объ обычаяхъ; не хотѣлъ знать считается ли себя подсудимый виновнымъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, считается ли онъ виновнымъ въ глазахъ своихъ близкихъ, своего міра. Писанный формальный законъ все опредѣлялъ и все рѣшалъ. Понятно, что такое презрѣніе къ народнымъ обычаямъ, такое поупраніе, такое полнѣйшее отрицаніе выработавшихся въ народномъ сознаніи понятій о правѣ должно было подорвать всякій кредитъ, всякое довѣріе къ официальному суду, сдѣлать его чѣмъ-то чуждымъ ненавистнымъ народу; народъ сталъ соболаѣзновать, симпатизировать осужденнымъ; слово *преступникъ* онъ замѣнилъ словомъ *несчастный*.

Вотъ чѣмъ объясняется и обуславливается гуманнѣй, въ высшей степени человѣчный взглядъ народа на провинившихся. Правду говоритъ пословица: «нѣтъ худа безъ добра.» Съ учрежденіемъ у насъ суда присяжныхъ въ официальный судъ внесется новый, необходимый элементъ: присяжные явятся такъ-сказать представителями и толкователями народнаго сознанія о правѣ. Два начала: начало народнаго обычнаго права и начало формальнаго писаннаго права сойдутся здѣсь лицомъ къ лицу. Только такое открытое сопоставленіе и можетъ привести къ примиренію. Обоюдныя уступки съ той или другой стороны, взаимное вліяніе другъ на друга, ступаютъ противорѣчіе, сглаживаютъ неровности и народъ помирится съ закономъ и законъ помирится съ народомъ. Конечно для того чтобы судъ присяжныхъ привелъ къ такимъ, а не къ другимъ какимъ результатамъ, имѣлъ такое, а не другое какое значеніе нужно чтобы присяжные брались изъ *среды народа* простого, *чернаго* народа, а не только изъ среды лицъ, получившихъ извѣстное требуемое образованіе или удовлетворяющихъ извѣстному имущественному ценсу.

Второе возраженіе противъ введенія у насъ суда присяжныхъ нѣсколько серьезнѣе. Простому народу, крестьянству, жителямъ селъ и деревень отдаленныхъ отъ судебныхъ центровъ, говорятъ, исполненіе обязанностей присяжныхъ будетъ въ высшей степени обременительно. Дѣйствительно, если мы вспомнимъ огромность и сравнительно малую населенность нашего отечества, трудность путей сообщенія, особенно осенью и весной, когда дороги вездѣ портятся; вспомнимъ, что большинство сельскаго народа занято земледѣліемъ и потому лѣтомъ, въ жаркую пору, когда работа настоятельно требуетъ рукъ, неудобно отрывать отъ нея. Придется удалиться изъ дому на нѣсколько дней, чтобы дойти до судебного цен-

тра, на нѣсколько дней, чтобы пробыть тамъ для исполненія обязанностей присяжнаго, еще на нѣсколько дней, чтобъ вернуться домой; всѣ эти «нѣсколько дней» самымъ печальнымъ образомъ отзвуются на крестьянскомъ хозяйствѣ. Вообразимъ себѣ крестьянъ или мѣщанъ, изъ далекихъ мѣстъ прибывшихъ въ городъ, гдѣ засѣдаетъ судъ; утомленные, повстрѣтившіеся, они рады подчиниться влѣнію каждаго кто возьмется вознаградить причиненный имъ изъяснъ. А при такомъ настроеніи они не могутъ сохранить необходимой для присяжнаго самостоятельности и такъ сказать душевнаго спокойствія. Хотя въ «основныхъ положеніяхъ» и сказано, что «каждый присяжный засѣдатель можетъ быть призываемъ къ засѣданію одинъ только разъ въ годъ (ст. 57), однако вѣдь никто же не можетъ навѣрное знать въ какое именно время призвовать его, — ну а если это будетъ самое горячее для работъ время? что тогда? Путешествіе въ окружной городъ совсѣмъ можетъ разстроить дѣла, а тутъ еще за неавку безъ «указанныхъ въ законѣ причинъ» штрафъ, взысканіе... Нѣтъ, говорить, обязанность присяжнаго сдѣлается для народа истиннымъ бременемъ; онъ станетъ откупаться отъ нея взятками и этотъ судъ присяжныхъ станетъ для него самымъ неавиственнымъ, самымъ убыточнымъ учрежденіемъ.

Во всемъ этомъ есть своя доля правды, и изъ описаннаго положенія вещей повидимому можетъ быть три выхода: во первыхъ можно распространить право быть присяжнымъ только на лицъ, имѣющихъ извѣстный матерьяльный достатокъ или на лицъ съ извѣстнымъ образованіемъ, заставляющимъ предполагать, что человекъ, получившій его, не совсѣмъ бѣденъ: тогда должность присяжнаго перестанетъ обременять того кто обязанъ исполнять ее. Но зато тогда отъ участія въ отправленіи правосудія отстраняется вся масса крестьянства; народъ, простой, черный народъ, будетъ стоять отъ суда также далеко какъ и теперь, и въ судъ внесется не народное сознание о правѣ, а сознание сословій высшихъ, такъ-называемыхъ образованныхъ, имѣющихъ очень мало общаго съ народомъ: ихъ сознание о томъ что право и что неправо, какъ извѣстно, тоже нисколько не разнится отъ писаннаго, формальнаго закона. Нѣтъ, такой судъ присяжныхъ теряетъ для народа всю свою цѣну, все свое значеніе!

Вовторыхъ можно давать присяжнымъ извѣстное вознагражденіе по числу дней, проведенныхъ ими въ отлучкѣ изъ дому, но въ такомъ случаѣ издержки при производствѣ процесовъ, и безъ того очень значительныя, увеличатся тогда еще болѣе. Правосудіе уже слишкомъ подымется въ цѣнѣ, сдѣлается такъ-сказать предметомъ роскоши, доступной только для людей достаточныхъ.

Встрѣтыхъ. наконецъ можно распространить право быть присяжнымъ на всѣхъ совершеннолѣтнихъ безъ исключенія, но отправленіе должности присяжнаго сдѣлать необязательнымъ, лишить эту должность всякаго принудительнаго характера, всякихъ административныхъ формальностей: хочешь — будь, хочешь — не будь. Если хочешь быть, такъ объяви объ этомъ заранѣе куда слѣдуетъ, и имя твое внесется въ общій списокъ присяжныхъ, т. е. это значитъ *de jure* могутъ быть всѣ безъ ограниченій присяжными, *de facto* только люди съ достаткомъ, для которыхъ не обременительно исполненіе этой должности. Такое положеніе совершенно противорѣчитъ вкоренившемуся мнѣнію, и мнѣнію несомнѣнно справедливому, что отъ отправленія общественныхъ обязанностей, налагаемыхъ государствомъ, уклоняться никто не можетъ и не долженъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что оба послѣднія средства не примѣнимы во всей ихъ исключительности, но каждое изъ нихъ содержитъ свою долю истины. Такъ нельзя не согласиться съ первымъ въ томъ, что присяжные, потерпѣвшіе существенный изъянъ и разстройство въ своихъ дѣлахъ, должны получить равномерное вознагражденіе, хотя нельзя согласиться, что *если присяжные*, разстроилось ли ихъ хозяйство отъ несенія обязанности присяжнаго дѣла, должны получать это вознагражденіе; вполне тоже справедливо, что право быть присяжнымъ должно распространяться на всѣхъ совершеннолѣтнихъ безъ всякихъ ограниченій и что выборъ присяжныхъ долженъ быть по возможности избавленъ отъ всякихъ въ высшей степени нелюбимыхъ народомъ административныхъ формальностей. Имѣя все это въ виду, мы съ своей стороны думаемъ, что горю можно пособить осуществленіемъ слѣдующихъ мѣръ: если 1) право быть присяжнымъ будетъ распространено на всѣхъ совершеннолѣтнихъ, безъ всякаго исключенія (исключеніе допускается только для людей опороченныхъ судомъ); во 2) будетъ даваться приличное вознагражденіе тѣмъ присяжнымъ, для которыхъ исполненіе этой обязанности сопряжено съ какимъ-нибудь изъяномъ, существеннымъ разстройствомъ въ хозяйствѣ. Удовольствіе въ подлинности изъяна должно разумѣться требоваться отъ міра или общества, къ которымъ принадлежитъ присяжный, или въ крайнемъ случаѣ даже отъ его сосѣдей; наконецъ въ 3) самый выборъ присяжныхъ, т. е. составленіе присяжныхъ списковъ, долженъ быть по возможности лишенъ всякихъ ненужныхъ формальностей и всякаго правительственнаго вмѣшательства. Чтобы достигнуть этой послѣдней цѣли, мнѣ кажется, не худо обратить вниманіе на способъ избранія присяжныхъ, установленный французскимъ законодательнымъ собраніемъ въ 1791 г. Припомнимъ его въ краткихъ

словахъ читателейъ : «Каждое лицо, имѣющее право быть присяжнымъ, къ 15 декабря должно было записать свое имя въ реестръ, хранящійся у секретаря-письмоводителя (*secrétaire greffier*) каждаго округа подъ онасеніемъ лишенія втеченіе двухъ лѣтъ права голоса на политическихъ собраніяхъ (замѣтьте, денежныхъ штрафовъ нѣтъ). Реестры эти отсылаются прокуроромъ-синдикомъ, лицомъ выборнымъ, къ генеральному прокурору-синдику, лицу также выборному, который и составляетъ изъ нихъ общій списокъ по всѣмъ округамъ вѣреннаго ему департамента. Для изготовленія изъ этого общаго списка частнаго списка двѣнадцати присяжныхъ генеральному прокурору-синдику предоставляется власть подобная той, которой пользуется въ этомъ случаѣ англійскій шерифъ, но только онъ выбираетъ для очереднаго списка не 48—70 лицъ, какъ шерифъ, а 200. Списокъ этихъ 200 человекъ, санкціонованный директоріей департамента, посылается на утвержденіе къ президенту уголовного суда, который предъявляетъ его въ свою очередь публичному обвинителю; публичный обвинитель имѣлъ право отвести изъ этихъ 200 человекъ $\frac{1}{10}$ часть, т. е. двадцать человекъ. Изъ оставшихся 180 присяжныхъ задолго до начатія судебныхъ преній выбирались по жеребью въ присутствіи президента суда и нѣкоторыхъ другихъ должностныхъ лицъ двѣнадцать человекъ; списокъ этихъ двѣнадцати человекъ предъявлялся обвиненному, обвиненный могъ отвести ихъ и слѣдующихъ за ними, пока число оставшихся присяжныхъ не дойдетъ до двадцати. Но и отсюда онъ могъ втеченіи 24 часовъ отвести присяжныхъ съ объясненіемъ причинъ отвода.»

Мы нѣсколько распространились объ этомъ предметѣ собственно для того, чтобы впоследствии, когда будемъ разбирать способъ избранія присяжныхъ и составленія присяжныхъ списковъ, установленныя «Основными положеніями», намъ можно было сопоставить его съ этими учрежденіями національнаго собранія 91 года, съ этимъ простымъ способомъ, чуждымъ всякихъ правительственныхъ вліяній, всякихъ административныхъ контролей, потому что, какъ мы видѣли, и прокуроръ-синдикъ и генеральный прокуроръ-синдикъ — лица выборныя. У насъ, еслибы только было нужно принимать у насъ французскій способъ составленія присяжныхъ списковъ, роль прокурора-синдика могъ бы играть выборный мировой судья, а роль генеральнаго прокурора-синдика съ успѣхомъ могъ бы замѣнить окружной сѣздъ мировыхъ судей; онъ изготовлялъ бы списки присяжныхъ для всего округа и сортировалъ бы очередные списки. Тогда бы избраніе присяжныхъ проходило совершенно помимо бюрократическаго вліянія. Впрочемъ мы будемъ имѣть случай возвратиться еще къ этому.

Теперь приступимъ къ тому, съ чего бы настояющему слѣдовало начать, г.-е. къ разбору постановленій о присяжныхъ по списку «Основныхъ положеній.» Статью свою мы начали разсмотрѣніемъ политическаго значенія присяжныхъ. Посмотримъ теперь, могутъ ли наши присяжные, какъ ихъ понимаютъ «Основныя положенія», претендовать на это значеніе? Политическое значеніе присяжнаго зависитъ, какъ мы видѣли, отъ трехъ условій: 1) *какъ*, 2) *изъ кою* выбираются присяжные и 3) *какія дѣла* подсудимы имъ. На вопросъ *какъ*, «Основныя положенія» отвѣчаютъ: «лица, удовлетворяющія извѣстнымъ, впередъ опредѣленнымъ условіямъ *внѣшнимъ* (возрастъ отъ 25—70 лѣтъ, жительство въ продолженіи извѣстнаго времени въ томъ округѣ, гдѣ присяжные созываются, владѣніе недвижимымъ или движимымъ имѣніемъ) и *внутреннимъ* условіямъ (признаки извѣстной степени образованія, развитости, заслуженное довѣріе, добрая нравственность и т. и.), вносятся въ списки, которые должны быть *общіе и очередные*. Общие списки составляются по каждому округу отдѣльно и представляются губернатору. Губернаторъ получивъ ихъ повѣряетъ соблюдены ли при составленіи ихъ предписанныя закономъ условія, и исключивъ лица неправильно туда внесенныя, препровождаетъ исправленные такъ-называемые общіе списки въ особыя мѣстные комиссіи, составъ которыхъ долженъ быть опредѣленъ закономъ. Комиссіи эти составляютъ очередные списки (ст. 29, 32, 33, 35, 36).

Такимъ образомъ первоначальное составленіе общихъ списковъ (въ ст. 34 «Основныхъ положеній» сказано: Въ общіе списки вносятся такія-то и такія-то лица, но кто ихъ вноситъ, этого не сказано) точно также какъ и составъ особыхъ *мѣстныхъ* комиссій, изготовляющихъ очередные списки, остаются еще до сихъ поръ величинами неизвѣстными, какими-то *x*. Но между этими двумя *x* стоитъ величина опредѣленная, всѣмъ хорошо извѣстная: *губернаторъ*, правительственное лицо. Допустимъ, что оба *x* уже намъ извѣстны, что комиссіи состоятъ изъ лицъ выборныхъ, что чиновникъ, приготовляющій общіе списки — тоже лицо выборное; все-таки даже и при такомъ въ высшей степени благопріятномъ предположеніи, губернаторъ, регулирующій общіе списки и играющій роль какого-то посредника между двумя выборными учрежденіями, не можетъ не оказать значительнаго вліянія на сортированіе очередныхъ списковъ присяжныхъ. Какъ велико будетъ это вліяніе, до этого намъ вѣтъ дѣла, но какъ бы незначительно оно ни было, все-таки оно будетъ, — это фактъ, отрицать который невозможно. А что, если и эти *особыя мѣстныя комиссіи*, упоминаемая «Основными Положеніями» будутъ состоятъ тоже изъ лицъ правительственнымъ назначенныхъ? Во всл-

комъ случаѣ остается несомнѣннымъ , что составленіе списковъ присяжныхъ не изъято изъ-подъ правительственнаго *руководенія*, регулированія, если хотите контролированія. А намъ только это и нужно знать. Значитъ на вопросъ какъ избираются присяжные, «Основныя положенія» дали намъ отвѣтъ : не безъ правительственнаго контролированія.

На второй вопросъ изъ кою , «Основныя положенія» уже сказали намъ : изъ лицъ , удовлетворяющихъ извѣстнымъ *внѣшнимъ и внутреннимъ* условіямъ.

(Выше мы видѣли что слѣдуетъ подразумѣвать подъ словами внутреннія и внѣшнія условія).

Далѣе съ ст. 34 исчисляются даже и лица, которыхъ слѣдуетъ вносить въ общіе списки :

1) Почетные мирные судьи, 2) дворяне потомственные и личные, какъ неслужащіе или отставные, такъ и состоящіе на государственной или общественной службѣ, если только занимаемая ими должность не лишаютъ ихъ возможности на отлучки хотя бы и кратковременныя; 3) почетные граждане, купцы, художники, ремесленники, разночинцы и вообще городскіе обыватели, а также и состоящіе на общественной службѣ въ городѣ, кромѣ городского головы; 4) крестьяне, избранные въ очередные судьи волостныхъ судовъ и добросовѣстные волостныхъ расправъ и равныхъ съ оными сельскихъ судовъ, а также крестьяне, бывшіе старшинами, безпорочно прослужившіе въ этихъ должностяхъ определенное время, или занимавшіе должность церковныхъ старостъ.

Однако и это подробное исчисленіе лицъ, могущихъ занимать должность присяжныхъ, не много помогаетъ рѣшенію поставленнаго выше вопроса. Присяжные, сказано въ ст. 29, должны удовлетворять *внѣшнимъ* условіямъ; владѣніе недвижимымъ или движимымъ имуществомъ считается между прочимъ однимъ изъ *внѣшнихъ* условій. Вотъ когда опредѣлится *какимъ* именно имуществомъ слѣдуетъ владѣть, чтобы имѣть право быть избраннымъ въ присяжные, и нужно ли владѣть *какимъ-нибудь*; иными словами : когда опредѣлится нуженъ ли цензъ для присяжныхъ или не нуженъ, а если нуженъ, то какой, тогда только рѣшится нашъ вопросъ, а до тѣхъ поръ это еще неизвѣстно.

Пойдемъ далѣе. Какія дѣла подсудны суду присяжныхъ? Ст. 78 на это отвѣчаетъ положительно :

• Дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, влекущихъ за собой наказанія, соединенныя съ лишеніемъ *всѣхъ* правъ состоянія, а также *всѣхъ* или нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, судебныя мѣста разсматриваютъ не иначе, какъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. •

Кн. IV. — Отд. II.

Ст. 150 точно также опредѣлительно говоритъ .

«Слѣдствіе и судъ по дѣламъ о преступленіяхъ, совершенныхъ противъ верховной власти и установленнаго государственнаго порядка, посредствомъ печатнаго или вообще публичнаго слова, а равно посредствомъ печатныхъ, литографированныхъ или другими способами опубликованныхъ изображеній, совершаются по правиламъ, установленнымъ для дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей.»

Мы не будемъ дѣлать никакихъ коментарій къ этимъ двумъ статьямъ : онѣ и безъ того точны и ясны.

Вопросъ : будутъ ли наши присяжные имѣть какое-нибудь политическое значеніе, рѣшается самъ собою. — Не будутъ , ровно никакого не будутъ. Безсмысленные мечты, ни къ чему не ведущія иллюзіи — утверждаютъ противное. Наши присяжные не удовлетворяютъ ни одному изъ тѣхъ трехъ условій, которыя необходимы для присяжнаго, претендующаго на политическое значеніе. Хорошо ли это или худо — мы не говоримъ. Мы заявляемъ только фактъ какъ онъ есть.

Что же касается до социальна-юридическаго значенія суда присяжныхъ, то мы видѣли, онъ можетъ выполнить это назначеніе: быть толкователемъ и выразителемъ народнаго сознанія о правѣ, влить свѣжую струю жизни въ сухой формализмъ официальныхъ судовъ, гуманизировать, очеловѣчить, смягчить — особенно въ практическомъ примѣненіи — суровый законъ, когда право быть присяжнымъ распространится на всѣхъ безъ исключенія, безъ ограниченій, валагасныхъ цензовъ. Далѣе мы видѣли, что успѣхъ и практическая примѣнимость суда присяжныхъ въ нашемъ отечествѣ будетъ въ значительной мѣрѣ обуславливаться съ одной стороны полною свободой, отсутствіемъ всякихъ стѣснительныхъ формальностей, правительственныхъ вліяній и административныхъ руководствъ въ дѣлѣ избранія присяжныхъ и составленія общихъ и чередныхъ списковъ.

Съ другой стороны судъ этотъ не будетъ слишкомъ тягостенъ для бѣднаго трудящагося народа, если войдетъ въ обыкновеніе давать присяжнымъ, понесшимъ существенный убытокъ въ хозяйствѣ при исправленіи ихъ обязанности, приличное, пропорціональное убытку вознагражденіе. Относительно вопроса о цензѣ «Основныя положенія» не даютъ положительнаго отвѣта. Разумѣется, если какой-нибудь цензъ непремѣнно да ужь долженъ быть, то пусть крайней мѣрѣ величина этого ценза доведена будетъ до *minimum'a*, хоть мы опять повторяемъ, по нашему убѣжденію, всякій цензъ въ

этомъ случаѣ, большой и малый все-равно, одинаково вреденъ и несправедливъ.

Что касается до способа избранія присяжныхъ, объ этомъ «Основныя положенія», какъ было выше показано, говорятъ очень глухо и очень многое оставляютъ здѣсь неяснымъ. Намъ кажется, что самый лучший, самый нехитрый способъ составленія присяжныхъ списковъ былъ тотъ способъ, который узаконило французское національное собраніе 1791 года. У насъ процедура составленія списковъ могла бы измѣниться слѣдующимъ образомъ: къ извѣстному времени года каждый житель мирового округа, удовлетворяющій условіямъ, требуемымъ отъ присяжнаго, долженъ записать свое имя въ особый реестръ, хранящійся у мирового судьи. Изъ всѣхъ этихъ реестровъ мировые судьи на общемъ окружномъ съѣздѣ составляютъ годовой списокъ присяжныхъ для всего округа и изъ годового изготовятъ очередной, который и посылается къ предсѣдателю суда. Предсѣдатель утверждаетъ его и предъавляетъ публичному обвинителю и адвокату обвиненнаго и далѣе процедура сходна съ французской. О вознагражденіи присяжныхъ, въ нѣкоторыхъ особенныхъ исключительныхъ случаяхъ «Основныя положенія» ничего не упоминаютъ: вѣроятно они и не имѣли его въ виду.

Переходимъ теперь къ важнѣйшему: къ роли, которую играютъ присяжные въ самомъ судѣ.

«Основныя положенія» говорятъ о ней довольно опредѣлительно; будемъ же слѣдить за ними шагъ за шагомъ. Присяжные выборы, приведены въ судъ числомъ не менѣе 30, списки ихъ именъ предъавлены прокурору и подсудимому. Какъ тотъ такъ и другой пользуются правомъ отвода безъ объясненія причинъ. Первый, т.-е. прокуроръ можетъ отвести не болѣе шести присяжныхъ, второй, т.-е. подсудимый вдвое болѣе, слѣдовательно 12. Изъ числа неотведенныхъ назначаются по жеребью 12 для рѣшенія дѣла; они выбираютъ изъ среды своей старшаго. Потомъ присяжные приводятся къ присягѣ, причемъ приводящее ихъ къ присягѣ духовное лицо объясняетъ имъ важность ихъ обязанности. По окончаніи преній и по изложеніи существа дѣла предсѣдатель суда объясняетъ присяжнымъ правила о силѣ доказательствъ, приведенныхъ въ пользу и противъ обвиненнаго, законы, относящіеся къ опредѣленію свойствъ разсматриваемаго преступленія, напоминаетъ имъ, что при постановленіи рѣшенія они должны остерегаться всякаго увлеченія въ обвиненіи или въ оправданіи подсудимаго. Послѣ этого предсѣдатель вручаетъ старшему присяжному письменные вопросы: 1) о дѣйствительности событія; 2) о виновности

подсудимаго. Вопросы эти присяжные рѣшаютъ по большинству голосовъ. Въ случаѣ равенства голосовъ дается преимущество тому мнѣнію, которое оправдываетъ подсудимаго. Приговоръ присяжныхъ провозглашается предсѣдателемъ въ томъ же засѣданіи суда. Если судъ признаетъ единогласно, что рѣшеніемъ присяжныхъ осужденъ невинный, то судъ передаетъ дѣло на разсмотрѣніе новаго суда присяжныхъ, рѣшеніе которыхъ и считается окончательнымъ (ст. 80 — 94). Разумѣется не надо особой проницательности для того, чтобы съ перваго же взгляда примѣтить необычайное сходство только-что описанной процедуры съ процедурой французскаго суда присяжныхъ. Но есть однако и различія. Вотъ на нихъ-то мы обратимъ вниманіе. Французскій судъ отличается своею необыкновенною послѣдовательностью, выдержанностью. Разъ уяснивъ себѣ извѣстную точку зрѣнія на подсудимаго, онъ уже и не сходитъ съ него. Эту точку зрѣнія можно назвать официальною, генераль-прокурорскою; но какъ бы оно тамъ ни называлось, французскій судъ нигдѣ ей не измѣняетъ; подсудимый и виновный въ его глазахъ почти одно и тоже. Напротивъ въ нашемъ судѣ замѣтны проблески другого взгляда, болѣе гуманнаго и человѣчнаго на подсудимаго; замѣтно это особенно въ правилахъ объ отводѣ присяжныхъ и другихъ. Но зато въ концѣ-концовъ все-таки французскій взглядъ торжествуетъ: присяжные произносятъ обвиненіе по большинству а не единогласно, какъ въ Англии. Это уже не гуманно.

Тамъ, какъ совершенно справедливо говоритъ въ одной своей статьѣ Яневичъ-Яневскій, гдѣ нѣтъ единодушнаго признанія виновности подсудимаго, гдѣ существуетъ по этому предмету разногласіе, допускается сомнѣніе, тамъ не можетъ быть произнесено окончательнаго приговора, часто рѣшающаго всю судьбу подсудимаго. Что же касается до заключительной рѣчи предсѣдателя передъ отпускомъ присяжныхъ, то мы покажемъ о ней ничего не скажемъ. Практика лучше всего покажетъ какъ надо на нее смотрѣть: какъ на французское «*resumé d'affaire*» или какъ на сжатую дѣловую рѣчь англійскаго судьи.

Теперь намъ слѣдовало бы заняться рѣшеніемъ вопроса, почему не допускаютъ «Основныя положенія» присяжныхъ въ гражданскихъ дѣлахъ, когда они допускаютъ ихъ въ уголовныхъ? Потому ли, что такъ заведено во Франціи, или были для этого другія, болѣе важныя основанія? Но вопросъ этотъ мы отлагаемъ до другого, болѣе удобнаго случая, когда будемъ говорить о гражданскомъ судопроизводствѣ вообще: тамъ это будетъ болѣе кстати. Здѣсь же передъ нами встаетъ другой вопросъ, обойти который невозможно.

Это вопросъ о судѣ обвинительныхъ присяжныхъ. Въ Англіи большой судъ обвинительныхъ присяжныхъ существуетъ, во Франціи нѣтъ, но тамъ зато есть «Ministère public» и «chambre de mise en accusation» апелляціоннаго суда. А такъ какъ нашъ проектированный судъ чувствуетъ болѣе симпатіи къ французскимъ, чѣмъ къ англійскимъ формамъ судопроизводства, то понятно почему въсто англійской палаты обвинительныхъ присяжныхъ у насъ явилось что-то вроде французскаго ministère public. Дѣйствительно нашъ прокуроръ снабженъ рѣшительно такою же властью, какъ и французскій; какъ тотъ, подобно роковому фатуму, вездѣ мѣшается и всюду суется, начинается и руководитъ слѣдствіемъ, сочиняетъ обвинительный актъ, принимаетъ участіе въ судоговореніи, протестуетъ на состоявшіеся приговоры и т. п., такъ точно по «Основному положенію» и нашъ прокуроръ: по его требованію судебный слѣдователь приступаетъ къ предварительному слѣдствію (§ 39), о всякомъ начатомъ слѣдствіи доносятъ прокурору (§ 38), прокурору принадлежитъ постоянный надзоръ за слѣдствіемъ, онъ разсматриваетъ слѣдствіе, онъ составляетъ обвинительный актъ (ст. 55 и 56); если дѣло подлежитъ суду присяжныхъ, то обвинительный актъ представляется прокурору палаты, который и предлагаетъ его на рѣшеніе этой послѣдней. Определеніе палаты о преданіи подозрѣваемаго суду или о прекращеніи слѣдствія препровождается къ прокурору окружнаго суда. И опять начинается его неизмѣнная рѣчь... вѣчный обвинитель, вѣчный преслѣдователь всякаго беззаконія, никому онъ не даетъ свободно вздохнуть, всюду опъ является неизмѣннымъ стражемъ и блюстителемъ закова! Впрочемъ объ этомъ вездѣ-сущемъ и всезнающемъ чиновникѣ мы будемъ говорить особо, ему мы посвятимъ отдѣльную статью. Теперь только спросимъ себя, отчего «Основныя положенія» думаютъ будто французскій бюрократическій обвинительный процессъ болѣе придется вамъ по вкусу, чѣмъ англійскій, предоставляющій самому обществу въ лицѣ выборныхъ присяжныхъ рѣшить, слѣдуетъ ли или нѣтъ отдать обвиненнаго подъ судъ. Палата обвинительныхъ присяжныхъ, говорятъ обыкновенно, учрежденіе чисто англійское, аристократическое, взросшее на иной почвѣ, подъ инымъ небомъ, и потому оно не вездѣ можетъ принести благіе плоды; Франція дала этому самый блистательный примѣръ. Перенесенный въ 1791 году на французскую почву, большой судъ обвинительныхъ присяжныхъ едва-едва просуществовалъ тамъ десять лѣтъ, какъ зачахъ и умеръ безвременной смертью, умеръ отъ своей собственной, внутренней несостоятельности. Если во Франціи судъ этотъ не могъ оклиматизироваться, то почему онъ можетъ у насъ? Вздорность этого воз-

раженія можетъ быть доказана безъ особенныхъ усилій. Вонервыхъ : аристократизмъ не составляетъ существеннаго признака обвинительнаго суда присяжныхъ. Въ Англіи онъ аристократиченъ, это правда ; но перенесенный въ другую страну, гдѣ аристократія не существуетъ , гдѣ она не пустила такихъ глубокихъ корней, онъ утратитъ этотъ исключительный характеръ. Перенесенный на французскую почву въ 1791 году, обвинительный судъ присяжныхъ пересталъ быть аристократическимъ учрежденіемъ. Такъ зато онъ и не могъ тамъ долго существовать, говорятъ намъ : онъ палъ отъ своей внутренней несостоятельности. Едва ли такъ. Онъ палъ не отъ внутренней несостоятельности ; напротивъ , онъ палъ оттого, что онъ былъ слишкомъ хорошъ , что самовластіе Наполеона не могло ужиться съ нимъ ; оттого онъ и палъ.

Въ доказательство мы приводимъ выдержки изъ рѣчи одного французскаго оратора, говорившаго въ Законодат. корпусѣ при преніяхъ объ обвинительномъ судѣ присяжныхъ противъ этого суда. Вотъ доводы, которыми Faugé (Форъ) желалъ убѣдить въ полнѣйшей несостоятельности и внутреннемъ ничтожествѣ этого *заморскаго* учрежденія. «Трудность оцѣнить улики заставляетъ присяжныхъ искать доказательствъ, въ которыхъ они не имѣютъ надобности ; а такъ какъ они не находятъ этихъ доказательствъ , то нерѣдко случается , что *несмотря на улики*, оправдываютъ обвиняемаго вмѣсто того, чтобы отослать его къ суду». Видите ли что не правилось наполеоновскому правительству ? Ему не нравилось, что присяжные слишкомъ осмотрительны, разборчивы въ своихъ приговорахъ , воображаютъ будто для преданія человѣка суду слѣдуетъ искать какихъ-нибудь положительныхъ доказательствъ , а не довольствоваться одними уликами. Вотъ странные-то люди ! Прокуроръ — чего же больше ? «Прокуроръ», представитель закона, блюститель тишины и порядка, говоритъ имъ , что обжалованное лицо должно быть предано суду, такъ нѣтъ , для нихъ мало , имъ подавай доказательствъ ! Какія же еще доказательства ? Есть вѣдь улики, ну, и довольно ! А то они еще рассуждаютъ : уголовный процессъ, говорятъ, можетъ въ конецъ разорить бѣднаго человѣка, лишитъ его навсегда добраго имени и чести. Положимъ судъ его и оправдаетъ, все-таки общество какъ-то странно, подозрительно глядитъ на человѣка, разъ посидѣвшаго на скамьѣ обвиненныхъ : оно вѣчно будетъ находиться *въ сомнѣніи* насчетъ его , а это для истинно-честнаго человѣка невыносимо. Кромѣ того уголовный процессъ часто бываетъ не болѣе какъ простая лотерея , гдѣ усилій , выигрышъ зависятъ отъ случая, гдѣ нерѣдко осуждается, приговаривается и страдаетъ невинность, — порокъ торжествуетъ ! Такъ удобно ли подвергать человѣка всѣмъ

случайностямъ, всѣмъ невѣрнымъ шансамъ этой игры? Нѣтъ, говорили защитники суда обвинительныхъ присяжныхъ, — прежде чѣмъ предать человѣка суду, надо вполне убѣдиться, точно ли онъ достоинъ быть преданнымъ суду. Убѣдиться же въ этомъ вполне можно только имѣя подъ руками какія-нибудь очевидныя, положительныя доказательства. Неправда ли, странные люди? Императоръ не любилъ такихъ *странностей* и большой обвинительный судъ присяжныхъ былъ уничтоженъ. Ну чтожь, понятно ли теперь въ чемъ состояла его внутренняя несостоятельность, понятно ли почему онъ такъ недолго держался во Франціи?..

Но можетъ-быть практическое примѣненіе этого суда у насъ въ Россіи встрѣчаетъ какія-нибудь непреодолимыя *естественныя* преграды? Мы ихъ не видимъ. Въ самомъ дѣлѣ въ «Основныхъ положеніяхъ» сказано, что дѣла о преступленіяхъ, подсудныхъ суду присяжныхъ, послѣ предварительнаго слѣдствія поступаютъ на разсмотрѣніе такъ-называемыхъ судебныхъ палатъ, играющихъ въ этомъ случаѣ роль французской *chambre de mise en accusation*. Эти судебныя палаты и рѣшаютъ вопросъ слѣдуетъ ли или не слѣдуетъ обвиненнаго предать суду. Отчего же бы не идти этимъ дѣламъ на разсмотрѣніе судебныхъ палатъ, состоящихъ изъ лицъ, назначаемыхъ правительствомъ и обвинительной палаты изъ выборныхъ присяжныхъ? 79 ст. «Основныхъ положеній» говоритъ: «присяжные засѣдатели могутъ быть созываемы четыре раза въ годъ (а въ чрезвычайныхъ случаяхъ и чаще), на время, которое потребуется для рѣшенія изготовленныхъ къ слушанію дѣлъ» — отчего же бы не устроить такъ, чтобы передъ каждымъ созваніемъ суда присяжныхъ засѣдателей (т. е. четыре раза въ годъ) созывать судъ присяжныхъ обвинителей? Разумѣется объ имущественномъ цензѣ тутъ и рѣчи никакой не можетъ быть. Единственно что можно требовать отъ обвинительныхъ присяжныхъ, это: извѣстную степень образованія. Образование гуманизируетъ человѣка, дѣлаетъ его свисходительнымъ къ чужимъ слабостямъ и порокамъ, осмотрительнымъ, осторожнымъ въ своихъ приговорахъ; потому требованіе отъ обвинительныхъ присяжныхъ «извѣстной степени образованія» есть требованіе вполне законное, разумное и справедливое. Требовать же чего-нибудь большаго, на примѣръ владѣнія извѣстнымъ имуществомъ или извѣстнымъ ежегоднымъ доходомъ есть требованіе лишнее. Судъ обвинительныхъ присяжныхъ не долженъ имѣть никакихъ претензій ни на какой аристократизмъ, исключая развѣ имущественнаго. Выборъ обвинительныхъ присяжныхъ равно какъ и присяжныхъ засѣдателей, долженъ быть уединенъ ото всякаго мѣстнаго, административно-бюрократическаго правительствен-

наго вліянiя и контролюванiя. Онъ долженъ совершаться *свободно* и *непосредственно* самимъ обществомъ черезъ его выборныхъ представителей, какъ мы говорили выше. *Само общество* черезъ посредство такимъ образомъ свободныхъ выбранныхъ присяжныхъ рѣшаетъ вопросъ, слѣдуетъ ли или нѣтъ подвергнуть обвиненнаго суду. Но впрочемъ мы высказываемъ здѣсь свое личное мнѣніе, не питая рѣшительно никакихъ надеждъ, что наше предложеніе относительно обвинительнаго суда присяжныхъ можетъ дѣйствительно осуществиться. «Основные положенія», которыя составляютъ такъ-сказать программу, канву для будущихъ преобразованій по судебной части, ничего о немъ не упоминаютъ. На ихъ мѣсто они подставляютъ какъ мы видѣли французскія *chambre de mise en accusation*. Но это все равно: затронуть вопросъ о судѣ обвинительныхъ присяжныхъ, хотя его и не затрагиваютъ «основныя положенія», мы считали никакъ не лишнимъ (о немъ мы говорили впрочемъ еще раньше въ 6 № «Времени» за 62 г.): вѣдь нельзя на обвинительный процессъ смотрѣть *только* съ одной французской точки зрѣнія, отчего не поглядѣть на него и съ другой стороны? Чѣмъ разностороннѣе и обстоятельнѣе будутъ теперь обсуждаться въ литературѣ различные юридическіе вопросы, относящіеся до будущихъ нашихъ судебныхъ преобразованій, тѣмъ очевидно будетъ лучше. Само правительство, выражало эту мысль, предоставивъ «основныя положенія» на обсужденіе литературы, такъ отчего же и не обсуждать ихъ настолько откровенно, насколько это только возможно?

И. ТРАЧЕВЪ

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПРЕСТУПЛЕНІЯ И ПКАЗАНІЯ

(ЭСКИЗЫ ИЗЪ ИСТОРИИ УГОЛОВНАГО ПРАВА)

Les crimes et les peines dans l'antiquité et dans les temps modernes, étude historique par M. Jules Loiseleur.
Paris 1863.

English convicts. The Westminster Review 1863. January.
Causes célèbres.

Système Pénitentiaire par Gustave de Beaumont et A. de Tocqueville.

Dei delitti et delle pene, per Beccaria.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

VII

Въ прошедшей статьѣ мы показали какія жестокости и несправедливости совершались въ то время, когда юридическія теоріи дышали кротостью и человѣколюбіемъ. Полнѣйшимъ ихъ выраженіемъ является книга Беккариа, упомянутая въ началѣ статьи. Въ минуту появленія этого трактата двѣ доктрины раздѣляли юридическую науку: одна соединяла законъ человѣческой съ закономъ божественнымъ, давала основаніемъ ему принципъ нравственности и полагала цѣлью возстановленіе права и порядка посредствомъ наказанія и покаянія; другая доктрина занималась только общественными интересами и думала наказаніями поддержать общество. Гроціусъ говоритъ, что они имѣютъ тройную цѣль: исправить преступника, вознаградить причиненный имъ убытокъ и дать примѣръ дру-

гимъ. Право наказанія и мѣра его лежить въ совершенномъ проступкѣ. Гобсъ производитъ это право изъ общественнаго договора (contrat social): онъ видитъ въ наказаніи не средство къ исправленію сдѣланнаго зла, но отвращеніе подобныхъ случаевъ на будущее время... Локкъ утверждаетъ, что всякій индивидуумъ, вступая въ общество, предоставляетъ преслѣдовать нарушеніе естественнаго права лицамъ, избраннымъ обществомъ... Монтескье право наказанія выводитъ какъ слѣдствіе государственной власти; онъ старается провести идею объ умѣренности въ наказаніяхъ и показать тѣсную связь между уголовными законами и государственными учрежденіями... Руссо проповѣдуетъ законность смертной казни на основаніи общественнаго договора: всякій преступникъ, по его мнѣнію, непріятель общества; онъ объявляетъ войну ему и потому, на основаніи права войны, можетъ быть убитъ.

Бекарія первымъ долгомъ считаетъ, слѣдуя Монтескье, отдѣлить правосудіе божественное отъ политическаго, основаніемъ котораго ставитъ общественную пользу; поэтому въ наказаніи онъ видитъ средство воспрепятствовать преступнику на будущее время вредить обществу и отратить отъ тѣхъ же проступковъ другихъ гражданъ. Но это раздѣленіе правосудія не мѣшаетъ ему ставить главнымъ принципомъ уголовного законодательства законы нравственные. Онъ возстаетъ противъ пытки, казни и жестокостей въ наказаніяхъ; въ присягѣ преступника онъ видитъ новый родъ нравственной пытки.

• Для чего поимѣшать человѣка въ ужасную необходимость оскорбить Бога или погубить себя? Обвиненному предстоитъ быть дурнымъ христіаниномъ или мученикомъ присяги. Такимъ образомъ разрушаютъ религиозное чувство, единственную опору чести въ сердцахъ массы. Опытъ показываетъ, что присяга бесполезна; не найдется судьи, который не сказалъ бы, что она не способна сама по себѣ заставить преступника признаться, потому что она противна закону самосохраненія (гл. XI).

• Жестокость въ наказаніяхъ не только не достигаетъ своей цѣли — предупредить преступленія, но напротивъ того приводитъ къ слѣдующимъ печальнымъ заключеніямъ. Впервыхъ становится трудно опредѣлить справедливую соразмѣрность между преступленіемъ и наказаніемъ, потому что человѣческая природа только до извѣстной степени можетъ переносить мученія. Если будутъ совершены преступленія болѣе жестока, то гдѣ же найти соответствующія имъ наказанія за этии предѣлами.

• Вотъ самыя страшныя казни могутъ привести иногда къ безнаказанности. Человѣческая натура ограничена какъ въ добръ такъ и въ злѣ. Слишкомъ варварскія зрѣлища могутъ быть не болѣе какъ

сдѣлствіями неистовыхъ вспышекъ тирана, но никакъ не поддержкой правильной системы законодательства. Если законы слишкомъ жестоки, они должны скоро измѣниться или останутся безъ приложенія (XV).

• Когда наказанія сдѣлаются менѣе ужасными, милость и прощеніе будутъ менѣе необходимы... Эта истина покажется неприятной только тѣмъ, которые подчинены беспорядочнымъ уголовнымъ законамъ, дѣлающимъ прощеніе необходимымъ по причинѣ ихъ жестокости и несправедливости. Право помилованія, бесомыслия прекраснѣйшая прерогатива трона, драгоцѣннѣйшій атрибутъ верховной власти, но въ тоже время оно выражаетъ молчаливое порицаніе существующаго законодательства (!)... Перспектива умѣренного, но неизбѣжнаго наказанія производитъ сильнѣйшее впечатлѣніе чѣмъ страхъ ужасной казни, отъ которой предстаетъ возможность избавиться... (XX).

• Страшная, но мгновенная картина казни злодѣя менѣе способна отвлечь отъ преступленія, чѣмъ продолжительное зрѣлище человѣка, лишавшагося своей свободы, сдѣлавшагося можно-сказать вычужденнымъ животнымъ, чьей усиленной работой вознаградить причиненный имъ вредъ... Впечатлѣніе, которое производитъ казнь, не можетъ устоять противъ дѣйствія времени и страстей: онѣ стираютъ изъ памяти даже самое существенное...

• Для большей части зрителей казнь представляется чѣмъ-то вродѣ театральнаго представленія: меньшинство смотритъ на нее съ негодованіемъ и жалостью; эти чувства поглощаютъ душу зрителя, такъ что въ ней не остается мѣста для спасительнаго страха — главной цѣли смертной казни...

• Чтобъ наказаніе было справедливо, надо чтобъ оно имѣло только ту степень строгости, которая достаточна для того чтобъ отвлечь отъ подобнаго преступленія... На этомъ основаніи вѣчное рабство можетъ вполне замѣнить смертную казнь; оно въ состояніи остановить самаго рѣшительнаго человѣка. Скажу болѣе: одни смотрятъ на смерть спокойно и твердо изъ фанатизма, другіе изъ тщеславія; нѣкоторые же въ отчаяніи, утомленные жизнью, видятъ въ смерти конецъ страданіямъ. Но фанатизмъ и тщеславіе исчезаютъ въ цѣпяхъ, подъ ударами, за желѣзными рѣшотками... Отчаяніе не кончается страданіемъ — оно начинается имъ..

Грустно читать такія строки великаго мыслителя. Онѣ показываютъ, что онъ не освободился отъ общаго предубѣжденія дѣйстви-

(!) Этотъ софизмъ является необходимымъ слѣдствіемъ системы обобщенія, принятой Беккариа; но ни одинъ кодексъ не можетъ быть общимъ для всѣхъ, потому что ни одинъ кодексъ не въ состояніи изчислить всѣ мелочные оттѣнки, отличающіе часто преступленія одного и того же рода. Разность характера, разность воспитанія, различныя побудительныя обстоятельства — все должно входить въ расчетъ при обсужденіи какого-либо проступка. Отсюда естественнымъ образомъ вытекаютъ судъ присяжныхъ и право милости.

вать посредствомъ системы устрашенія. Одно зло онъ совѣтуетъ замѣнить другимъ не менѣе страшнымъ : онъ распространяетъ наказаніе даже на потомковъ преступника. Если же онъ обращаетъ невольниковъ въ государственную собственность, онъ очевидно этимъ возобновляетъ спартанскихъ илотовъ, тѣмъ болѣе, что предполагаетъ дурное обращеніе съ ними.

Несмотря на эти недостатки, книга Бекарія имѣла огромное вліяніе. Наказъ Екатерины, проектъ общаго кодекса Фридриха солержать многія изъ его идей; Леопольдъ тосканскій пошелъ еще далѣе : онъ осуществилъ ихъ, уничтоживъ пытку, клейменіе, конфискацію, присягу обвиняемыхъ, тайные доносы, смертную казнь. Бернскій кантонъ назначилъ премію за лучшее сочиненіе о реформѣ уголовныхъ законовъ; наконецъ пришла очередь и Франціи : Людовикъ XVI въ 1780 г. отиѣнилъ предварительную пытку, а чрезъ восемь лѣтъ и послѣдовательную (передъ казнью). Въ 1790 г. установлено равенство наказаній, уничтожена конфискація, предписано тѣла казненныхъ выдавать роднымъ; тогда же было предложено докторомъ Гильотэномъ назначать только одинъ родъ смертной казни : отрубленіе головы... Въ слѣдующемъ году Лепельтье де сенъ-Фаржо предложилъ уничтожить совершенно смертную казнь за всѣ преступленія, кромѣ политическихъ и замѣнить ее публичной выставкой преступника втеченіи трехъ дней, а потомъ заключеніемъ его въ темницу. Виновный долженъ былъ находиться въ совершенной темнотѣ, получать только хлѣбъ и воду и спать на соломѣ. Разъ въ мѣсяцъ народъ выпускается въ темницы. Онъ видитъ преступниковъ въ глубинѣ ихъ мрачнаго жилища, читаетъ ихъ имена и преступленія надъ дверьми ихъ келій и устрашается ихъ примѣромъ. Срокъ заключенія назначенъ отъ 12 до 24 лѣтъ. Въ первый періодъ допускается два дня работы въ недѣлю, во второй три. Робеспьеръ, Петіонъ, Дюпортъ поддерживали это предложеніе; большинство было противъ. Смертная казнь была назначена за убійство, отравленія, поджоги, поддѣлку асигнацій и государственную измѣну. Другія наказанія были : общественныя работы, заключеніе въ тюрьмѣ, желѣзный ошейникъ, ссылка...

25 апрѣля 1792 г. гильотина начала свою страшную роль (1).

Конвентъ обѣщалъ уничтожить смертную казнь, когда будетъ заключенъ общій миръ; но ему не суждено было дожидаться этого

(1) Гильотина была предложена докторомъ Гильотэномъ для избавленія преступника отъ страданій. Она была извѣстна въ Италіи еще въ XIV вѣкѣ. Въ XVI вѣкѣ она была введена въ Британію.

дня, а послѣдующія правительства до-сихъ-поръ не осуществили его предположеній.

VIII

Взглянемъ теперь на ходъ уголовного законодательства въ Англіи.

Разсматривая исторію ея, мы видимъ, что вліяніе римскаго права не могло восторжествовать надъ народными учрежденіями варваровъ. Слѣдственные судьи (*quidr*) и присяжные засѣдатели (*domar*) существовали у саксовъ до вторженія нормановъ, которые хотя и внесли въ Англію феодальное судоустройство, но не осмѣлились нарушить народныхъ ея установленій. Самый Вильгельмъ, стремясь къ усиленію королевскаго могущества, ограничилъ власть баронскихъ судовъ, распространилъ право свободныхъ землевладѣльцевъ относительно участія въ судопроизводствѣ (*county court*) и сохранилъ учрежденіе присяжныхъ... Древнее преданіе никогда не умирало въ Англіи; слѣды народной воли встрѣчаются постоянно. Во всѣ времена верховные совѣты или представительныя собранія участвовали въ важнѣйшихъ государственныхъ постановленіяхъ инициативой или согласіемъ. Всѣ короли отъ Вортигерна до Альфреда и отъ Альфреда до Канута допускали вмѣшательство націи въ управленіе. Преемники Вильгельма не могли не слѣдовать отчасти этому примѣру, — такъ глубоко укоренились въ народѣ прежніе обычаи. Вообще Англія, до такой степени страна преданій, что не рѣшается отмѣнить самыхъ нецѣпыхъ и несовременныхъ законовъ; она оставляетъ ихъ только безъ примѣненія. Сотни томовъ англійскаго законодательства наполнены постановленіями; часто другъ другу противорѣчащими. Только съ начала вышшняго вѣка стали дѣлать попытки къ приведенію въ порядокъ этого хаоса.

Несмотря на участіе присяжныхъ и гарантіи *великой хартіи*, англійское законодательство отличалось жестокостью наказаній, а иногда и произволомъ въ назначеніи ихъ. Вообще всѣ преступленія въ Англіи подходятъ подъ два разряда: измѣна и вѣроломство (*treason and felony*). Къ первому принадлежатъ не только бунты и заговоры, но и всѣ покушенія низшаго противъ жизни, свободы, чести и имущества высшаго, котораго онъ долженъ оберегать. На этомъ основаніи сюда относятся: убійства господина слугою, мужа женою и т. п. Ко второму разряду принадлежатъ всѣ другія преступленія. Убійство также считается *felony*; оно раздѣляется на умышленное и неумышленное; то и другое подвергается смертной

казни, но преступникъ во второмъ случаѣ можетъ избавиться отъ ней, прибѣгнувъ къ *клерикальной привилегіи*.

Привилегія эта получила утверженіе при Генрихѣ VI. Она состояла въ томъ, что духовный, на основаніи каноническаго права, не подлежитъ свѣтскому суду; онъ предавался архіепископу, который судилъ, руководствуясь церковными постановленіями, запрещавшими проливать кровь. Сперва, когда образованіе считалось рѣдкостью, этой привилегіей пользовались всѣ грамотные; но потомъ, по мѣрѣ распространенія книгопечатанія, было позволено къ ней прибѣгать свѣтскимъ только одинъ разъ; для предупрежденія вторичной попытки ихъ клеймили въ мизинецъ лѣвой руки; только перы и ихъ жены грамотные и неграмотные не подлежали клейменію. Георгъ III позволилъ судьямъ замѣнить это наказаніе штрафами, плетью и ссылкой, и вообще ограничилъ право пользованія духовной привилегіей. Блэкстонъ насчитываетъ до 160 преступленій, не позволяющихъ прибѣгать къ ней. Въ числѣ ихъ было убійство умышенное. Если искъ вачать по апелациа (*appeal*), самъ король не можетъ помиловать убійцу.

Что касается до наказаній за государственную измѣну (*high treason*), онѣ всегда были чрезвычайно жестоки. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Когда королева Изабелла овладѣла Спенсеромъ, любимцемъ Эдуарда II, она приказала подвергнуть его слѣдующей казни (1326). Сперва его протащили въ ящикѣ по всѣмъ улицамъ Герфорда, потомъ привязали къ высокой лѣстницѣ и кастрировали; отрѣзанные члены бросили въ огонь. Въ заключеніе разрѣзали ему животъ, вытаскивали сердце, которое также сожгли, и отрубивъ голову, четвертовали (1).

(1) Premièrement il fut traîné sur un bahut à trompes et à trompettes, par toute la ville de Herford, de rue en rue, et puis fut amené en une grand'place en la ville, là où tout le peuple étoit assemblé: là en droit il fut lié sur une esselle haut, si que chacun, petit et grand, le pouvoit voir; et avoit-on fait en la dite place un grand feu. Quand il fut ainsi lié, on lui coupe tout premier le... et les... pour ce qu'il étoit hérite et sodomite, ainsi que on disoit mèmement du roi, et pour ce avoit le roi dechassé la roïne de lui et par son ennort. Quand le... et les... lui furent coupés, on les jeta au feu pour ardoir; et après lui fut le cœur tiré hors du ventre, et jeté au feu, par tant qu'il étoit faux de cœur et traître, et par son traître conseil et ennort le roi avoit honni son royaume et mis à meschef, et avoit fait décoler les plus grands barons d'Angleterre par lesquels le royaume devoit être soutenu et défendu; et après, il avoit si ennorté le roi qu'il ne pouvoit ni vouloir voir la roïne sa femme ni son ainné fils qui devoit être leur sire, ains les avoit dechassés, pour doute de leurs corps, hors du royaume d'Angleterre. Après, quand le dit messire Hue fut ainsi atourné comme dit est, on

Вотъ еще одинъ примѣръ подобнаго же безчеловѣчія :

• Томасъ Блоунтъ былъ сперва повѣшенъ, потомъ, когда еще онъ не совсѣмъ лишился жизни, веревку отрѣзали и послали его передъ костромъ. Палачъ съ бритвой въ рукѣ приблизился къ нему и преклонившись просилъ прощенья, что долженъ быть невинной причиной его смерти, исполняя долгъ свой. Сэръ Томасъ спросилъ его: «вы тотъ, кто долженъ освободить меня отъ цѣпей этого міра?..» Палачъ отвѣчалъ: «да, сэръ, я прошу васъ простить меня.» И сэръ Томасъ поцѣловалъ и простилъ его. Палачъ сталъ на колѣни, и разрѣзавъ ему животъ, бросилъ внутренности въ огонь; остатки же ихъ въ животѣ перевязалъ веревками. Сэръ Томасъ сидѣлъ передъ огнемъ съ открытымъ брюхомъ, а внутренности его пылали передъ нимъ. Сэръ Томасъ Эрпингамъ, камергеръ короля, желая оскорбить его, съ насмѣшкой сказалъ: «пошлите за докторомъ, который бы васъ вылечилъ.» Блоунтъ отвѣчалъ только: «тебя Бога хвалимъ! Благословенъ день, когда я родился, и благословенъ тотъ, въ который умираю я ради моего государя, благороднаго Ричарда!» Исполнитель правосудія сталъ на колѣни передъ нимъ, поцѣловалъ самымъ смиреннымъ образомъ и вскорѣ потомъ отрубилъ ему голову и раздѣлилъ тѣло на части (1).

Проходимъ молчаніемъ варварства Генриха VIII, Маріи кровавой, Якова I, Карла и другихъ; замѣтимъ только, что примѣры подобной казни встрѣчаются въ 1746 г., послѣ экспедиціи Карла-Эдуарда въ Шотландію (2). Даже послѣ того, спустя пятьдесятъ лѣтъ О'Койлей, одинъ изъ виновниковъ ирландскаго возмущенія, былъ осужденъ на такое же страданіе, но король смягчилъ его, ограничивъ казнь отрубленіемъ головы (3).

До Георга III женщины, обвиненныя въ государственной измѣнѣ, сжигались; онъ замѣнилъ костеръ висѣлицей.

Felony влекла за собой смертную казнь также во многихъ случаяхъ. Изувѣченіе челоуѣка, т.-е. уменьшеніе его силъ или способности сражаться, наказывалось повѣшеніемъ. Отрубленіе уха или носа не считалось изувѣченіемъ. Воровство въ большихъ размѣрахъ, поджоги, порча машинъ и т. п. вели на висѣлицу.

Изъ другихъ наказаній за меньшіе проступки существовали еще во второй половинѣ XVIII вѣка отсѣченіе рукъ и ушей, разрѣзываніе ноздрей, клейменіе раскаленнымъ желѣзомъ, не говоря уже о безчеловѣчныхъ тѣлесныхъ наказаніяхъ. Конфискація и

lui coupa la tête, et fut envoyé en la cité de Londres; et puis fut découpé en quatre quartiers, et furent tantôt envoyés ès quatre meilleures cités d'Angleterre après Londres. (Froissart. vol. I. ch. XXIV).

(1) Lingart. Hist. d'Angleterre.

(2) Walter Scott. Hist. d'Ecosse.

(3) Stanhop. William Pitt et son temps. vol. III.

объявленіе *крови испорченной*, т.-е лишеніе дѣтей обвиненнаго въ государственной измѣнѣ права наследовать послѣ дѣда, считались необходимой принадлежностью приговоровъ.

О пыткѣ англійскіе юристы говорятъ, что она никогда не употреблялась при слѣдствіи: она была актомъ злоупотребленія власти, но не средствомъ къ дознанію истины, освященнымъ законодательствомъ. Несмотря на то многіе указы Генриха VIII, Якова VI и Карла I доказываютъ частое употребленіе ея даже при слѣдствіяхъ. Различныя машины, сохранившіяся въ лондонской башнѣ (Tower), подтверждаютъ это. Пытка не только существовала при Вильгельмѣ оранскомъ (1), но и въ началѣ XVIII столѣтія (2).

Кромѣ пытки общеупотребительной у другихъ народовъ, въ Англіи существовала такъ-называемая *la reine forte et dure*. Ей подвергался обвиняемый, если не хотѣлъ признать суда присяжныхъ. Пытка эта состояла въ слѣдующемъ: преступника отводили въ мрачную темницу, раздѣвали и навзничь клали на землю; руки и ноги привязывались къ четыремъ кольямъ, которые были вбиты по угламъ комнаты; потомъ на грудь ему наваливали столько желѣза и камней, сколько онъ могъ выносить и даже болѣе (3). Одинъ день ему давали три кусочка хлѣба и ни капли воды, на другой три глотка стоячей воды изъ ближайшей лужи къ тюремѣ и ни крошекъ хлѣба и т. д. попеременно, пока не послѣдуетъ смерть. Болѣе сорока дней никто не переживалъ. Эта пытка развилась отъ обыкновенной только тѣмъ, что не влекла за собой ни потерю феодальныхъ правъ, ни конфискаціи (*corruption of the blood*).

Въ XVI столѣтіи она съ нѣкоторыми измѣненіями употреблялась вмѣсто казни для католиковъ. Вотъ что говоритъ очевидецъ, приведенный Лингардомъ въ его исторіи. Дѣло идетъ о Маргаритѣ Мидлетонъ, женѣ богатаго йоркскаго гражданина, осужденной на смерть 25 марта 1586 года, за то, что приняла католическаго священника въ качествѣ наставника.

•Послѣ того какъ она окончила свою молитву, одинъ изъ шерифовъ приказалъ исполнителямъ правосудія раздѣть ее. Она и четыре женщины, сопровождавшія ее, стали на колѣни и просили его избавить отъ этого позора для чести пола; но онъ не согласился. Тогда Мидлетонъ умоляла покрайней мѣрѣ, чтобы они отвернулись покамѣстъ женщины раздѣнутъ ее. Онѣ сняли съ нея платье и вадѣли длинную по-

(1) Macolay. Hist. of Engl. vol. VI. ed. Tauchnitz. Процессъ Невила Пейна (Payne).

(2) Walter Scott, Hist. d'Ecosse. ●

(3) Et que sur son corps soit mise ferre et pierre taunt, come il peut porter et plus...

лотынную рубашку; потомъ она легла спокойно на землю и закрыла лицо платкомъ. На нее положили доску; тогда она сложила руки близь лица, но шернѣ сказалъ ей: «надо вамъ руки привязать.» Два сержанта привязали ихъ къ столбамъ, послѣ чего положили на доску гири и какъ только она ихъ почувствовала, то закричала: «Исусъ, Исусъ, сжался надо мной!» Это были ея послѣднія слова. Она мучилась около четверти часа. Остроугольный камень, величиной съ кулакъ, былъ положенъ подъ ея спину, а на доску навалили до восьми центнеровъ тяжести, что сокрушило ей ребра и заставило ихъ выйти сквозь кожу.

Эта казнь была уничтожена при Георгѣ III.

Разумѣется подобныя жестокости не могли найти примѣненія въ наше время. Но въ Англіи духъ преданія силенъ не менѣе духа прогресса; она бережно хранитъ въ своемъ юридическомъ арсеналѣ весь этотъ негодный хламъ стараго законодательства; реформы совершаются въ ней медленно, но противодѣйствіе этому злу заключается въ судѣ присяжныхъ: это вѣчно живой законъ, сообразный съ развитіемъ общества. Духъ времени отразился въ самомъ судопроизводствѣ. Упорное молчаніе обвиняемаго признается за отрицаніе; никогда не употребляется ни обмановъ, ни ловушекъ при допросѣ; президентъ не оказываетъ никакого давленія на умы присяжныхъ; нѣтъ ни фактовъ хитро-сгруппированныхъ, ни искусныхъ выводовъ, слѣданныхъ изъ противорѣчащихъ показаній преступника, однимъ словомъ нѣтъ ничего театральнаго, поражающаго. Луазьеръ жалѣетъ объ этомъ, жалѣетъ, что въ Англіи нѣтъ общей полиціи и централизаціи власти, что право преслѣдованія во многихъ случаяхъ предоставлено частнымъ лицамъ на ихъ рискъ и издержки. Но вѣдь иначе и быть не могло: всякое законодательство тѣсно связано не только съ внутренней, но и съ политической жизнью націи, а вся исторія Англіи представляетъ развитіе индивидуальности. Всѣ стремленія королей къ абсолютизму и централизаціи оставались безуспѣшны. По этимъ же причинамъ и католицизмъ, какъ учрежденіе съ подобными же тенденціями, не находилъ себѣ сочувствія. Что касается до формы уголовного судопроизводства, мы приведемъ мнѣніе одного соотечественника г. Луазьера: пусть читатели сами рѣшатъ кто изъ нихъ правъ...

• Правосудіе, слѣдующее выраженію г. Домэ, есть истина и потому всѣ акты его должны быть запечатлѣны истиной; ему непозволительно употреблать даже въ самой слабой степени средства, которыя носили бы на себѣ отпечатокъ хитрости или обмана. Пусть въ ходъ извороты, умолчанія, посторонніе вопросы значить обманывать осужденнаго, ставить ему западню, стараться захватить его въ распахъ, или если онъ замѣтитъ это, подвергнуть его нравственной пыткѣ: всякій во-

прось покажется ему душной; онъ будетъ возмущаться и встрѣтитъ каждое слово, онъ весь погружится въ отыскиваніе средствъ оградить угрожающую ему атаку. Должаста судья должна состоять въ ясномъ и честномъ предложеніи всѣхъ вопросовъ, истекающихъ изъ добросовѣстнаго изслѣдованія фактовъ. Онъ можетъ конечно защитить обвиняемому осторожно и благоразумно неудовлетворительность и слабость его отвѣтовъ; но неужели его совѣсть не возмутится хитрить даже съ преступникомъ, тѣмъ болѣе съ человѣкомъ, который еще не обвиненъ и только защищается. Судья, вступившій на такую дорогу не свидѣетъ ли до обязанности полицейскаго. Пусть онъ остерегается хитростей обвиненнаго, преисрасно! но это не даетъ ему права обращаться противъ него тѣхъ же орудіи... Безпристрастіе его вопросовъ должно увѣрить подсудимыхъ, что имъ легко будетъ защищаться. Въ этой борьбѣ на его сторонѣ всѣ преимущества: власть, опытность, умъ, не ослѣпленный страстями, и потому онъ въ правѣ презирать всѣ несовершенно честныя средства: ни поимки въ расплохъ, ни угрозы, ничего хитростью, ничего страхомъ, вотъ девизъ судьи. Онъ долженъ не насиловать совѣсть виновнаго, а только стараться достигнуть раскаянія убѣжденіемъ и доказательствами, обезоружить ложь (1).

Обвиненный вправе не отвѣчать или отложить отвѣтъ на вѣкоторое время, если сочтетъ это сообразнымъ съ своими интересами; это не болѣе какъ пользованіе правомъ защиты (2).

Но какъ эти идеи, такъ и вообще начала гуманности съ трудомъ вошли въ англійское законодательство: еще до сихъ поръ тѣлесныя наказанія не вывелись въ арміи и флотѣ; еще до сихъ поръ существуетъ смертная казнь, хотя Англія и приняла пенитанціарную систему. Самая реформа въ тюрьмахъ предпринята весьма недавно. Кто не помнитъ ужаснаго описанія ихъ у Диккенса; въ прошломъ же столѣтіи оно было несравненно хуже, особенно въ колоніяхъ, такъ что Говардъ говоритъ, что въ калкутской тюрьмѣ въ одинъ годъ умерло изъ 170 заключенныхъ 151, отъ недостатка воздуха (3).

IX

Въ то время когда старая Европа возмущалась отъ войны, поднятыхъ революцій, въ то время на дѣяственной почвѣ Америки, подъ

(1) Hélie. Traité de l'inst. crim.

(2) Hélie. Comment. sur Beccaria.

(3) Howard. The state of the Prisons.

ея яснымъ небомъ идеи мира и любви пустили глубокіе корни, философія и тропическія теоріи философовъ нашли примѣненіе.

Религіозныя понятія квакеровъ какъ нельзя болѣе гармонировали съ ними. Въ 1786 въ Пенсильваніи были почти совершенно уничтожены смертная казнь, утѣчы и наказаніе плетью; тогда же выстроили уолнутстритскую тюрьму (walnut-street), въ которой обвиненные въ важныхъ преступленіяхъ подвергались келейному заключенію днемъ и ночью съ запрещеніемъ работать; менѣе важные преступники были раздѣлены по разрядамъ, смотря по роду вины.

Учрежденіе этой тюрьмы ясно показываетъ, что идея о возможности исправить преступника отдаленіемъ отъ общества, погруженіемъ его въ самого себя сдѣлала значительныя успѣхи. Разумѣется квакеры, какъ религіозная секта, обращали главное вниманіе на исправленіе внутреннее. Они справедливо возмущались противъ системы утрашенія, господствовавшей въ то время во всѣхъ законодательствахъ, но они ясно сознавали въ чемъ должно состоять исправленіе преступника, какія мѣры должно принять къ его образованію. Система ихъ не выполняла своего назначенія, потому что представляла смѣсь противоположныхъ принциповъ: признавая вредное вліяніе преступниковъ другъ на друга, она соединяла менѣе важныхъ вмѣстѣ, какъ будто для того, чтобы они могли болѣе развратиться. Однородность преступленія здѣсь не значитъ ничего: всегда встрѣчаются обстоятельства, дѣлающія огромную разницу между проступками одного и того же рода. Сверхъ того нельзя поручиться, чтобы заключенный не сдѣлалъ другого преступленія, которое пока еще неизвѣстно... Наконецъ, если допустить, что удивленіе исправляетъ, почему же только важнымъ преступникамъ позволено исправляться? Если же оно не имѣетъ вліянія, то это та же система утрашенія, неспособность которой доказали тысячелѣтніе опыты, отъ которой отреклись во имя любви къ ближнему... Запрещеніе работать имѣетъ свои важныя неудобства. Законъ, удивляя преступника, хочетъ чтобы онъ углубился въ самого себя, созналъ свое преступленіе, но онъ и прежде зналъ, что убивать и грабить не годятся, что онъ подвергнется наказанію, однако не смотря на все это онъ совершилъ преступленіе; значитъ была какая-нибудь причина, перевѣсившая всѣ эти данныя. Отысканіе и устраненіе этой причины должно, по нашему мнѣнію, составить главную задачу пѣнитанціарной, перевоспитательной системы. Преступленіе бываетъ или слѣдствіемъ болѣзни или недоразвитости, или вынуждается необходимостью сохранить свою жизнь и общественными условіями. Что касается до послѣднихъ, мы можемъ привести въ примѣръ дуэль, обычай, которому покоряются люди даже развитые. Бываютъ

часто случаи, бросающие человека неволью на путь, по которому онъ вовсе не думалъ идти и онъ приноситъ своя убѣжденія въ жертву пагубнымъ предрасудкамъ. Вотъ одна изъ такихъ случаевъ.

X

На берегу свѣтлой Корсильезы, одного изъ прекраснѣйшихъ источниковъ Корсики, посреди каштановаго лѣса на вершинѣ отлогого холма красовался городокъ Ампріани. Фамилія Антомарки, постоянно жившая въ этомъ городкѣ, пользовалась общимъ уваженіемъ и считалась одной изъ богатѣйшихъ въ окрестностяхъ. Въ числѣ дѣтей стараго Антомарки особенными способностями и кротостью отличался второй сынъ Іосифъ, извѣстный подъ именемъ Галокіо (Galocchio). Первоначальное воспитаніе получилъ онъ подъ руководствомъ ампріанскаго священника, а потомъ перешолъ въ семинарію въ Аяччіо. Духовное званіе такъ согласовалось съ склонностями молодого человѣка, что отецъ его нисколько тому не противился. Впрочемъ въ семинаріи онъ пробылъ не долго. Старшій братъ его внезапно умеръ и онъ, по требованію отца, долженъ былъ возвратиться домой, не кончивъ курса. Въ Корсикѣ считается величайшимъ несчастіемъ не только прекращеніе рода, но даже перемена фамиліи, поэтому и Галокіо былъ вызванъ съ тѣмъ, чтобы не дать потухнуть древнему роду Антомарки. Приѣхавъ на родину, онъ въ ожиданіи невѣсты, занялся земледѣліемъ: мало того, что онъ присматривалъ за работами, часто, взявъ заступъ въ руки, онъ полагалъ примѣръ другимъ. Напротивъ одного изъ полей Антомарки находился домъ богатаго землевладѣльца Анджело-Джузеппе, находившагося совершенно подъ властью жены своей Розолы и дочери Луизы. Красивый молодой человѣкъ, усердно трудившійся почти цѣлый день, понравился имъ; партія представлялась приличной во всѣхъ отношеніяхъ. Главное затрудненіе предстояло въ знакомствѣ съ Галокіо. Сосредоточенный и серьезный, онъ боялся лишиться легкомысленно своей свободы и потому на всѣ намеки и похвалы Розолы отвѣчалъ холодной вѣжливостью, отказываясь постоянно отъ ея приглашеній зайти къ нимъ. Кокетство Луизы также оставалось безъ успѣха. Это сопротивленіе только раздражило обѣихъ женщинъ, и Розола напрямки предложила ему жениться на ея дочери.

— Но извѣстно ли вамъ, что мнѣ нѣтъ осьмнадцати лѣтъ; не лучше ли подождать — кто поручится, что завтра не представится для вашей дочери лучшая партія...

— Этого не можетъ быть...

— Я вижу вы не знаете меня; вы не знаете, что я подъ наружнымъ спокойствіемъ скрываю твердую волю и вѣжное сердце. Если вы сдѣлаете славшомъ рано помолвку ⁽¹⁾, изъ этого могутъ произойти страшныя послѣдствія.

— Я не понимаю васъ.

— Вамъ извѣстно какому наказанію подвергаются невѣрные обрученныя; если гражданскій законъ молчитъ, зато наши обычаи неумолимы.

— Съ этой стороны вамъ нечего бояться; мы сочтемъ за величайшее несчастье, если планы наши разстроятся.

Черезъ нѣсколько дней Галокіо и Луиза были обрученны. Она была счастлива и съ нетерпѣніемъ ожидала когда будутъ вполне принадлежать другъ другу... Но счастье ихъ было непродолжительно. Явились новые претенденты на руку Луизы, и одинъ изъ нихъ, принадлежавшій къ одной изъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ корсиканскихъ семействъ, умѣлъ до такой степени подѣйствовать на честолюбіе Розолы, что та рѣшилась расторгнуть бракъ дочери съ Галокіо. Для этого она прибѣгла къ его великодушію, убѣждая для пользы Луизы отказаться отъ правъ своихъ. Галокіо потребовалъ предварительно переговорить съ невѣстой наединѣ.

— Ваша мать, сказалъ онъ, проситъ меня отказаться отъ вашей руки, потому что вамъ представляется очень выгодная партія; вы знаете, что я буду обезцѣненъ, если вы выйдете замужъ за другого; но я васъ такъ люблю, что готовъ даже на эту жертву. Сожалѣете ли вы сколько-нибудь, что дали мнѣ слово?

— Напротивъ, я очень счастлива. Все это дѣло затѣяли дяди мои; я ни въ чемъ не виновата; всѣ мои желанія — сдѣлаться поскорѣй вашей женой.

(1) *Abraccio*. Вотъ въ чемъ состоитъ этотъ обрядъ. Въ назначенный день семейства жениха и невѣсты сходятся; старшій или наиболѣе уважаемый въ семействахъ произноситъ рѣчь объ обязанностяхъ супруговъ, объ условіяхъ, которыя необходимы для домашняго счастья. Затѣмъ рѣшаютъ вопросъ о приданомъ. Тогда каждый изъ обонхъ отцовъ спрашиваетъ жениха и невѣсту, согласны ли они вступить въ бракъ. Если они отвѣчаютъ утвердительно, ихъ тотчасъ подводятъ другъ къ другу и заставляютъ поцѣловаться. Этотъ обрядъ такъ важенъ въ некоторыхъ мѣстахъ Корсики, что даетъ право обрученнымъ жить вмѣстѣ. Измѣнить послѣ того своему слову считается самымъ величайшимъ оскорбленіемъ для корсиканца; невѣрность жены въ его глазахъ менѣе предосудительна чѣмъ измѣна невѣсты. Безчестіе падаетъ на все семейство; бракъ для его членовъ дѣлается почти невозможенъ, такъ всѣ чуждаются его; отъ насмѣшекъ нѣтъ прохода. Поняно, какую страшную вендетту должны возбуждать подобныя предубѣжденія.

— Если такъ, я вступаю въ свои права; и объяснюсь рѣшительно съ вашими родителями, если они будутъ упорствовать; приходите завтра къ фонтану... мы бѣжимъ и такимъ образомъ бракъ вашъ съ другимъ сдѣлается невозможнымъ...

На другой день отецъ и мать Луизы подали просьбу объ ея похищеніи и присоединились къ жандармамъ, назначеннымъ отыскать, гдѣ она скрывается. Не прежде какъ черезъ двѣ недѣли они открыли убѣжище любовниковъ, но Анджело не рѣшился дѣйствовать открытой силой, опасаясь какихъ-нибудь рѣшительныхъ поступковъ со стороны Галокіо. Онъ предпочелъ прибѣгнуть къ хитрости.

— Такъ какъ моя дочь бѣжала съ вами, сказалъ онъ: — она не можетъ выйти ни за кого кромѣ васъ. Я пришолъ условиться съ вами о днѣ свадьбы... Чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше...

— Когда вы отказали мнѣ, противъ воли вашей дочери, вы заставили меня употребить единственное средство для сохраненія моей чести, но дочь ваша чиста какъ прежде: я смотрѣлъ на нее какъ на сестру...

— Мы и не ожидали другого отъ вашего благородства... Если вамъ угодно, черезъ три недѣли мы отпразднуемъ свадьбу...

— Очень хорошо.

— Только напередъ я желалъ бы поговорить съ дочерью безъ свидѣтелей...

Довѣрчивый молодой человекъ безъ труда согласился на это желаніе. Незвѣстно какія убѣжденія употребилъ Анджело, только Луиза въ слѣдующую ночь бѣжала отъ своего жениха въ селеніе Матру, гдѣ жили двое ея дядей. Галокіо замѣтилъ это бѣгство и наступилъ ея на площади деревни. Испуганная дѣвушка бросилась передъ нимъ на колѣни.

— Кто васъ похитилъ?

— Никто, я бѣжала сама добровольно.

— Почему же? Какое зло я вамъ сдѣлалъ.

— Никакого, но...

— Довольно... я васъ понимаю...

Между тѣмъ пришли дяди Луизы; народъ все болѣе и болѣе толпился около этой группы.

— Вотъ ваша племянница, продолжалъ Галокіо: — она послѣдовала за мной добровольно. Я прошу ее объявить здѣсь передъ свидѣтелями оскорбилъ ли я ее когда-нибудь.

— Нѣтъ; я добровольно ушла съ вами и добровольно воротилась; вы всегда обращались со мною какъ съ сестрой...

— Вашъ шурина, сказалъ Галокіо, обращаясь къ братьямъ Антонино: — оклеветалъ меня передъ правосудіемъ, выдавъ за похи-

чителя. Если онъ не возьметъ назадъ просьбы или будутъ поданы другія, я ручьями крови омою свое оскорбленіе...

На другой день онъ пошелъ къ родителямъ Луизы, выразилъ имъ все негодованіе, накопившее въ его сердца отъ ихъ гнусныхъ поступковъ съ нимъ, потребовалъ уничтоженія поданной на него жалобы и въ заключеніе прибавилъ, что онъ не женится пока жива его невѣста, но что и она должна сохранить къ нему вѣрность до гроба...

Анджело и Розола клялись, что ему нечего опасаться.

Однажды, когда Галокіо спокойно спалъ, жандармы потихоньку приблизились къ его дому. Онъ былъ бы навѣрно захваченъ, еслибъ одинъ изъ его друзей не предупредилъ его за нѣсколько минутъ объ угрожающей опасности. Полуодѣтый, по вооруженный, онъ успѣлъ бѣжать въ лѣсъ. Передъ нимъ открывалось поприще бандита. Хлопоты родственниковъ Луизы и ихъ золото вооружили противъ него всю полицію округа. Онъ попытался черезъ одного знакомаго священника примириться съ своими врагами, но не успѣлъ въ этомъ: они приняли миролюбивое настроеніе за трусость и отвѣчали оскорбительными словами. Онъ увидѣлъ, что кромѣ войны не остается никакого исхода и объявилъ вендетту...

Наступилъ сентябрь; сборъ винограда былъ въ самомъ разгарѣ. Галокіо вздумалъ воспользоваться этимъ временемъ для исполненія своего плана и приблизился къ Ампріани. Объ этомъ узнали, жандармы выступили въ походъ, къ нимъ присоединились нѣкоторые изъ друзей Анджело, и Галокіо едва не былъ пойманъ... Раздраженный такимъ ожесточеннымъ преслѣдованіемъ, онъ въ ту же ночь явился въ деревню Казевеккіе, гдѣ жилъ его главный врагъ. Вскрабавшись на крышу сосѣдняго дома, онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ когда тетя подойдетъ къ окну. Соскучившись дожидаться, онъ началъ бросать въ стекла маленькіе камушки. Анджело захотѣлъ узнать что это за стукъ — и былъ убитъ наповалъ. Тотчасъ послѣ того Галокіо бросился въ деревню Матру и принесъ тамъ въ жертву своему мщенію обоихъ дядей Луизы: одинъ изъ нихъ былъ протрѣпанъ въ сердце и мгновенно умеръ; другой отлѣзался тяжелой раной.

Удовлетворивъ своей чести по корсиканскимъ понятіямъ, Галокіо снова обратился въ смирнаго бѣглеца; онъ избѣгалъ встрѣчи съ своими непріятелями и защищался только въ случаѣ крайней необходимости. Въ отношеніяхъ съ земляками онъ отличался строгой честностью: бралъ только самое необходимое и то никогда насильно. При томъ уваженіи и сочувствіи, какимъ пользуется бандитъ въ Корсикѣ, въ грабежѣ нѣтъ почти надобности,

родственников и друзей приносят нишу и извѣщаютъ о движеніяхъ полиціи. Выдать бандита считается самымъ безчестнымъ дѣломъ, поэтому неудивительно, что бѣглецы стараются приобрести расположеніе сельскаго населенія. Галокіо свято слѣдовала этому примѣру и строго наказывала нѣкоторыхъ промышленниковъ, которые подъ его именемъ обирали земледѣльцевъ и прохожихъ.

Между тѣмъ претендентъ на руку Луизы поспѣшилъ обратиться домой. Розола въ отчаяніи, побуждаемая ненавистью и мщеніемъ, искала для дочери такого жениха, который не боялся бы Галокіо. Чезаріо, двоюродный братъ его, явился его соперникомъ. Галокіо потребовалъ свиданія съ нимъ: напрасно онъ представлялъ ему все неприличіе такого поведенія, напрасно говорилъ, что безчестіе падаетъ на него на перваго, какъ на ближайшаго родственника. Чезаріо оставался непреклоненъ, надѣясь на помощь своихъ шести братьевъ. Разговоръ ихъ становился часъ отъ часу раздражительнѣе и наконецъ они помѣнялись патронами, что составляетъ по мѣстнымъ понятіямъ признакъ смертельной вражды...

Когда прошолъ первый пылъ ссоры, Галокіо раскаялся въ вспыльчивости и обратился къ дядѣ своему съ предложеніемъ помириться съ Чезаріо, если только онъ откажется отъ руки Луизы. Попытка эта осталась безъ успѣха.

Вечеромъ, въ самый день свадьбы Чезаріо палъ жертвой такой же хитрости какъ и Анджео. Преслѣдованія начались. Галокіо избѣгалъ встрѣчи съ врагами, не желая проливать напрасно кровь; несмотря на то, инстинктъ самосохраненія бралъ свое — и двое братьевъ Чезаріо заплатили жизнью за излишній жаръ въ преслѣдованіи.

Видя, что ему нѣтъ спасенія, Галокіо присоединился къ шайкѣ Теодора Поли, придавашаго бандитамъ такую организацію, что они могли довольно долго сопротивляться всѣмъ силамъ, какія были въ распоряженіи корсиканской полиціи. Галокіо сдѣлался товарищемъ атамана, но кротость и умѣренность не оставили его, и онъ не омрачилъ своего имени ни одной жестокостью. Когда Теодоръ распустилъ свою шайку, онъ уѣхалъ въ Грецію и принялъ участіе въ войнѣ за ея пезависимость; замѣчательныя военныя способности доставили ему чинъ капитана; новая будущность улыбалась ему, но неожиданное извѣстіе изъ Корсики бросило его на прежнюю дорогу. Десятилѣтній братъ его былъ убитъ родными Чезаріо...

Прибывъ внезапно въ Корсику, онъ въ тотъ же день встрѣтился съ однимъ изъ нихъ; но тотъ былъ раненъ и великодушіе Галокіо не позволило ему принести въ жертву врага, который не могъ защищаться.

— Не бойся, сказалъ онъ: — теперь ты раненъ и я не сдѣлаю тебѣ зла, но какъ только ты выздоровѣешь, мы расчитаемся...

Черезъ мѣсяцъ изъ братьевъ Чезаріо осталось только двое въ живыхъ и то потому, что сидѣли въ тюрьмѣ, обвиненные въ бандитствѣ. Но в Галокіо прожилъ послѣ того недолго: одинъ изъ его товарищей, желая заслужить прощеніе, убилъ его спящаго.

Такимъ образомъ рядъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ сдѣлалъ преступникомъ человѣка, способнаго быть украшеніемъ общества. Причина этого заключалась въ ложномъ пониманіи нравственныхъ законовъ, въ несоотвѣтственности между правительственными постановленіями и развитіемъ и нравами страны. Законы излагаютъ истинны, общія для всѣхъ, незнаніемъ ихъ нельзя отговариваться, а между тѣмъ различіе въ образованіи заставляетъ понимать ихъ различно, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ ними существуютъ обычаи; такъ что иной преступникъ совершаетъ самыя черныя дѣла съ спокойной совѣстью, нисколько не предполагая, что онъ поступаетъ дурно. Основательное же изученіе законовъ и пониманіе ихъ требуетъ многолѣтнихъ усилій и разносторонняго развитія, такъ что простой человѣкъ съ первыхъ шаговъ чувствуетъ отношенія свои къ обществу не ясно установленными...

Другая причина преступленій еще менѣе зависитъ отъ человѣка; она скрывается въ его организмѣ: въ ослабленіи умственной дѣятельности и воли.

XI

Ослабленіе умственной дѣятельности происходитъ большей частью отъ усиленнаго дѣйствія системы спинного мозга (сегебго-аринал): истощеніе ея производитъ въ мозгу неясныя и неполныя представленія; разложеніе же и затвердѣніе мозговой массы порождаютъ безуміе или идиотизмъ. Воспоминанія и сознаніе времени стираются въ мозгу больного, идеи его связываются между собой какъ у соннаго, читанное или слышанное отъ другихъ смѣшивается съ личными впечатлѣніями: человѣкъ приближается къ мономаніи, къ безсознательности; онъ дѣйствуетъ болѣе по привычкѣ; только новыя, приобретенныя путемъ опыта и воспитанія, мѣшаютъ обнаружиться его натурѣ вполнѣ...

Такое неравновѣрное раздраженіе органовъ подчиняетъ волю всѣмъ постороннимъ вліяніямъ, хотя сама она часто не сознаетъ этого, какъ напримѣръ въ искусственномъ магнетизмѣ. Поглощеніе же воли однимъ какимъ-либо предметомъ, мѣшающее опредѣлить

взаимныя отношенія другихъ, производитъ мономанію; потеря чувствительности и воли, соединенная съ созерцаніемъ, даетъ въ результатъ экстазъ; слѣдовательно, кто лишонъ возможности развивать свои органы всесторонне, тотъ болѣнъ. Разница въ формѣ и продолжительности болѣзни (1).

Глупость, сумашествіе, преступленіе не болѣе какъ разнообразныя слѣдствія одной и той же причины; или лучше сказать, послѣднее есть только одна изъ формъ, въ которыхъ выражаются первыя. Законодательство всѣхъ образованныхъ странъ призываетъ это, не наказывая сумашедшихъ и лунатиковъ: дѣйствія ихъ непроизвольны. Трудно допустить, чтобы кто-нибудь въ здоровомъ состояніи ума совершалъ преступленія ради преступленій. Лишамъ виновнаго жизни, общество подражаетъ ему. Какимъ образомъ дѣйствіе преступное само по себѣ можетъ получать разныя значенія, смотря потому однимъ или нѣсколькими лицами совершается? Теорія возстановленія нарушеннаго права посредствомъ наказанія — юридическая рутина. Никакого возстановленія здѣсь нѣтъ, а есть только устрашеніе, и тысячекратіе опыты показали, что оно не дѣлаетъ человѣка ни лучше, ни умнѣе; оно дѣйствуетъ только на людей неразвитыхъ, и то мгновенно, подобно грознымъ явленіямъ природы; ударить громъ, зареветь ураганъ — бѣдный поселянинъ крестится, даетъ обѣты — но прошла бѣда, и опъ опять принимается за прежнее. Развѣ во время наказанія вора не обкрадываютъ кого-нибудь изъ зрителей? Напротивъ того система перевоспитанія имѣетъ вліяніе важнѣе и прочнѣе: она не лишаетъ общество его членовъ: она стремится сдѣлать ихъ лучшими сообщеніемъ имъ извѣстнаго количества умственныхъ и нравственныхъ истинъ; она дѣйствуетъ убѣжденіемъ и потому заключенный не находитъ нужнымъ скрывать свои мнѣнія; если онъ перемѣнитъ ихъ, то по сознанію и слѣдовательно обращеніе его будетъ прочно.

Принявъ эту теорію, мы придемъ къ слѣдующему заключенію: такъ какъ преступленія происходятъ очень часто отъ разстройства организма, отъ недостатка средствъ къ существованію и образованію, то и пенитанціарная тюрьма должна заключать въ себѣ больницу, мастерскую и школу.

Разумѣется такое идеальное устройство невозможно въ большихъ размѣрахъ въ наше время по недостатку людей. Можетъ-быть еще далеко время, когда оно осуществится вполне; исторія показываетъ какія трудности встрѣчаетъ всякая новая идея при

(1) Maury. Le sommeil et les rêves.

своемъ примѣненіи, какія ошибки неразлучны даже съ лучшими намѣреніями, какъ скоро они приводятся въ дѣйствіе людьми несовершенно ихъ понимающими или не сочувствующими имъ.

Уольнутстритская тюрьма была однимъ изъ такихъ заблужденій: несообразная съ системой перевоспитанія, она въ то же время оскорбляла начала филантропій. Лишить преступника права работать значить идти противъ законовъ природы, потомучто любовь къ труду врождена человѣку, значить предать его на жертву сумашествія или горькой мысли, что семейство его безъ хлѣба, что онъ не въ силахъ помочь ему. Къ чему же приведуть такіа мысли? Конечно къ лицемерію и мстительности. Преступникъ, выпущенный или вырвавшійся изъ тюрьмы, станетъ только хитрѣе и ожесточеннѣе; посадить же его на всю жизнь было бы бесполезнымъ варварствомъ, возобновленіемъ прежней системы съ той разницей, что это заключеніе не произвело бы даже того кратковременнаго впечатлѣнія на умы необразованной массы какое производила казнь.

Несмотря на всѣ недостатки, уольнутстритская тюрьма поведетъ къ реформѣ въ прочихъ штатахъ: Мерилендъ, Виргинія и другіе послѣдовали примѣру Пенсильваніи и слѣдствія вышли тѣже самыя: — преступники не исправлялись и вскорѣ послѣ выпуска изъ тюрьмы опять попадались въ нее. Такое явленіе приписывали не характеру самой системы, а недостатку келій. Увеличеніе ихъ не принесло новаго результата, потомучто заключенные были посажены по двое, а другіе находились въ общемъ помѣщеніи. Тогда не обыкновенію вдали въ другую крайность: прибѣгли къ системѣ полного уединенія безъ работы; для этого въ сѣверномъ филиалѣ оборнской тюрьмы было устроено келейное помѣщеніе для осьмидесяти преступниковъ. Втеченіи года пятеро умерло отъ тоски, одинъ сошелъ съ ума; остальные же видимо разстроили здоровье. Губернаторъ ньюйоркскаго штата простилъ двадцать-шесть изъ нихъ; черезъ нѣсколько времени четырнадцать опять попали въ тюрьму. Такимъ образомъ опытъ снова доказалъ, что устрашеніе безъ перевоспитанія не достигаетъ своей цѣли. Но эти неудачи не охладили рвенія реформаторовъ; слѣдствіемъ были двѣ системы тюремнаго заключенія: оборнская и филадельфійская, обѣ основанныя на первоначальномъ уединеніи, во въ различныхъ формахъ, обѣ считающія устрашеніе необходимымъ. «Тюрьма, назначенная для наказанія, говоритъ Ливингстонъ, знаменитый сѣверо-американскій криминологъ, скоро перестанетъ быть предметомъ *страха*, если осужденные будутъ поддерживать между собой общественныя сношенія. Но такъ какъ общество, заключая преступника, не хочетъ

его смерти, то для сохранения его жизни должна быть введена въ тюрьмы работа; она служить ему утѣшеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приучаетъ его къ дѣятельной, трудолюбивой жизни, уменьшая въ тоже время общественныя издержки на его содержаніе. Но сходясь въ этомъ принципѣ, обѣ системы расходятся въ приуѣженіи его: въ оборнской заключенные запираются только на ночь, днемъ же работаютъ вмѣстѣ, соблюдая строгое молчаніе. Токвилъ находитъ въ этой системѣ множество преимуществъ предъ филадельфійской, основанной на совершенномъ уединеніи днемъ и ночью.

• Преступники вмѣстѣ, — говоритъ онъ — но никакая нравственная связь не соединяетъ ихъ; они видятся, но не знакомятся; они въ обществѣ, но безъ общественныхъ отношеній; между ними нѣтъ ни отвращенія, ни симпатіи другъ къ другу. Арестантъ, замыслившій бѣжать или убить сторожей, не знаетъ въ комъ изъ товарищей найдеть помощь. Ихъ соединеніе чисто матерьяльное или лучше сказать тѣла ихъ вмѣстѣ, а души разбеднены.

Намъ кажется, что человекъ здѣсь низводится на степень машины, что работа не только не доставляетъ утѣшенія заключенному, но напротивъ составляетъ для него наказаніе и потому весьма вѣроятно, что онъ сохранитъ къ ней отвращеніе и по выходѣ изъ тюрьмы. Партизаны оборнской системы утверждаютъ, что она способствуетъ развитію воли въ преступникѣ, но кто же поручится, что онъ не совершитъ того же преступленія отъ избытка энергіи, которое прежде совершилъ по слабости воли: если прежде онъ убилъ, когда его поймали въ воровствѣ, то тѣмъ болѣе убьетъ теперь, когда причины, побудившія его къ первому преступленію не только не изгладились, но напротивъ того къ нимъ присоединилась ненависть противъ полиціи и ожесточеніе, произведенное продолжительными страданіями въ тюрьмѣ. Что касается до невозможности заключенному условиться съ товарищами своего заключенія, это затрудненіе воображаемое: онъ не можетъ говорить съ ними, но можетъ легко передавать записки, когда они сѣдуются вмѣстѣ работать.

Это неестественное, натянутое положеніе преступника оборнская система думала поддержать мѣрами строгости: вокругъ каждой мастерской была расположена галерея, чтобъ наблюдать за арестантами незамѣтно. Нарушившій молчаніе подвергался строгому изысканію: плетямъ или одиночному заключенію съ лишеніемъ права работать. Тѣлесное наказаніе было употребительно во многихъ тюрьмахъ, особенно въ сизъ-сингской, гдѣ оно предоставлялось даже произволу сторожей. Одна Пенсильванія замѣняла его уменьшеніемъ пищи и одиночнымъ заключеніемъ безъ работы. Эти пра-

вила обориской тюрьмы страннымъ образомъ противорѣчатъ духу пенитанціарной системы. Неужели плеть самое дѣйствительное средство для внушенія арестантамъ умственныхъ и нравственныхъ истинъ? Будетъ ли преступнику пріятнѣе работа, если его принудятъ къ ней, если онъ увидитъ въ усиленіи ея наказаніе? Вѣдь это значитъ ставить обязательный трудъ выше необязательнаго.

Защитники тѣлеснаго наказанія утверждаютъ, что оно производитъ быстрое повиновеніе, не прерываетъ работы и не вредитъ здоровью.

Очевидно, эти люди не понимаютъ пенитанціарной системы; назначеніе ея облагородить человѣка, уронившаго себя преступленіемъ, а какое облагороженіе возможно тамъ, гдѣ онъ постоянно подвергается возможности быть униженнымъ?

Нѣкоторые софисты, въ томъ числѣ и Токвилъ, говорятъ, что тѣлесное наказаніе употребляется въ англійскомъ и американской флотѣ и нисколько не считается безчестнымъ. Чтоже это доказываетъ? Только то, что рутинна и необразованность и до сихъ поръ господствуютъ въ Англии во флотѣ и въ арміи. Дѣло людей развитыхъ, занимающихся социальными реформами, не поддерживать подобныхъ понятій, а искоренять ихъ. Какое неизгладимое зло можетъ произвести даже одинъ ударъ на натуру нѣжную и страстную. Очень можетъ случиться, что заключенные будутъ умнѣе своихъ тюремщиковъ и послѣдніе будутъ бить ихъ за малѣйшее несогласіе въ мнѣніяхъ, за несоблюденіе какой-нибудь мелочной формальности.

Тѣлесное наказаніе и безостановочный трудъ или постоянная праздность въ темной кельѣ — вотъ удѣлъ арестанта по обориской системѣ. Чѣмъ же онъ будетъ отличаться отъ раба, когда его работа и личность отданы на произволъ тюремщика?

Похвалы Токвила такому порядку вещей кажутся намъ тѣмъ болѣе странными, что онъ самъ говоритъ, что г. Тонкерманъ, котораго онъ называетъ филантропомъ-утопистомъ, сдѣлалъ въ Бостонѣ своимъ вліяніемъ больше для нравственности и общественнаго спокойствія, чѣмъ всѣ мировые суды вмѣстѣ.

Всѣ эти несообразности происходятъ отъ смѣшенія двухъ противоположныхъ принциповъ: устрашенія и убѣжденія. Пенитанціарная система родилась подъ вліяніемъ идеи о необходимости перевоспитать преступника, а между тѣмъ въ обориской тюрьмѣ неодолимое затрудненіе составляютъ тѣлесныя наказанія и злоупотребленіе работы; въ филадельфійской совершенное уединеніе и запрещеніе трудиться. При этихъ условіяхъ нравственное преобразование должно было идти чрезвычайно медленно. Оно начиналось обученіемъ грамотѣ, потомъ каждому преступнику давали библію,

которую позволялось ему читать въ свободное отъ работы время. Всякое воскресенье открыта была для желающихъ школа; когда же ихъ набиралось слишкомъ много, тюремное начальство допускало только определенное число ихъ. Послѣ классовъ отправлялась божественная служба, по окончаніи которой пасторъ произносилъ проповѣдь, не касаясь въ ней догматовъ и ограничивался вопросами общей всѣмъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ нравственности. Всякій вечеръ онъ обходилъ заключенныхъ и бесѣдовалъ съ ними, сверхъ того ихъ ежедневно посѣщалъ главный смотритель.

Такимъ образомъ на самое важное посвящается одинъ день въ недѣлю. Мы не отвергаемъ благотѣльнаго вліянія библіи, но думаемъ, что этого недостаточно.

• Чтобъ религіозныя убѣжденія — говоритъ Бокль — могли глубоко укорениться, необходимо должна предварительно произойти какая нибудь перемѣна въ умахъ людей, а такой перемѣны никогда не произойдетъ въ человѣкѣ, погруженномъ въ невѣжество... Расчитывать на усвоеніе кроткой философской религіи невѣжественными и кровожадными дикарями, все равно что ожидать урожая отъ сѣмени, брошеннаго на голую скалу... Люди съ самыми лучшими намереніями, самымъ пылкимъ, хотя ложно понятымъ, рвеніемъ пытались и теперь еще пытаются распространить свою религію между жителями варварскихъ странъ... Они во многихъ случаяхъ успѣвали убѣдить дикія общины открыто признать истинны христіанства; эти племена приняли обряды новой религіи, но не самую религію... за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ миссіонеры, будучи столько же людьми знанія, сколько и людьми благочестія, приучили дикаря къ пріемамъ мышленія, и возбудивъ въ немъ такимъ образомъ умственную дѣятельность, приготовили его къ воспріятію религіозныхъ началъ, которыхъ онъ безъ такого побужденія никогда не могъ бы понять...

• При введеніи христіанства оказалось, что общество находилось еще въ томъ раннемъ періодѣ развитія, когда суевѣріе неизбежно... Напрасно христіанство преподавало простое ученіе и предписывало простое богослуженіе: умы были слишкомъ незрѣлы, чтобъ совершить такой великій шагъ; имъ нужны были болѣе сложныя формы и болѣе сложное вѣрованіе... Новая религія была искажена старыми заблужденіями... На каждой страницѣ исторіи мы встрѣчаемъ новые примѣры того какъ мало могутъ дѣйствовать на людей религіозныя ученія, ежели только имъ не предшествуетъ умственное развитіе.

• Духовный прогрессъ состоитъ изъ движенія умственнаго и нравственнаго, изъ которыхъ послѣднее подчинено первому, слѣдовательно и надо обратить главнѣйшее вниманіе на развитіе умственныхъ истинъ; нравственныя же остаются неизмѣнными втеченіи столѣтій. Самые просвѣщенные европейцы не знаютъ въ этомъ отношеніи ничего такого, чего бы не знали древніе. Чтоже касается до умственной дѣятельно-

сти, то въ позднѣйшее время совершены такія открытія по разнымъ отраслямъ наукъ, о которыхъ древніе и не мечтали... Цивилизація есть слѣдствіе умственныхъ и нравственныхъ двигателей; она подвержена частымъ или лучше-сказать постояннымъ измѣненіямъ, и потому характеръ ея долженъ опредѣляться измѣняющимся двигателемъ.

Итакъ, если отъ развитія умственнаго начала зависитъ цивилизація, а слѣдовательно и нравственное начало, то необходимо озаботиться возможно большимъ и обширнымъ распространеніемъ знаній, тѣмъ болѣе что всякая филантропія имѣетъ только частный характеръ, зависящій отъ личности филантропа; тогда какъ умственныя истины не зависятъ отъ такихъ маловажныхъ условій: онѣ имѣютъ вліяніе не только на людей современныхъ ихъ открытію, но и на послѣдующія поколѣнія.

Основываясь на этомъ, мы думаемъ, что прежде всего надо поднять умственный уровень преступника; тогда реформа распространится не только на него самого, но и на его потомство; тогда онъ сдѣлается способнѣе къ усвоенію нравственныхъ истинъ, передаваемыхъ ему пасторами. Надо опасаться только одного, чтобъ эти люди въ избыткѣ ревности не злоупотребляли своей властью для обращенія преступниковъ. Исторія показываетъ, что большая часть гонителей религіозныхъ убѣжденій были люди высокой нравственности съ самыми лучшими намѣреніями. И чѣмъ обширнѣе была власть ихъ, чѣмъ сильнѣе было ихъ увлеченіе, тѣмъ болѣе они производили зла. Желаніе дѣлать добро людямъ насильно, слабая черта большей части благонамѣренныхъ людей, очень легко можетъ увлечь почтенныхъ проповѣдниковъ за предѣлы умѣренности и тогда слѣдствія будутъ совершенно противоположны ихъ ожиданіямъ. Какъ скоро преступникъ будетъ поставленъ въ необходимость подвигнуться къ одиночному заключенію безъ работы или притвориться раскаявшимся, онъ необходимо изберетъ послѣднее; результатомъ будетъ увеличеніе лицемерія и слѣдовательно самоуниженія и тѣмъ легче, чѣмъ болѣе наставники будутъ увлечены своей идеей, чѣмъ болѣе будетъ въ нихъ страстности: они увидятъ осуществленіе своихъ надеждъ тамъ, гдѣ только одно искусное притворство, а не истинное преобразование. Думать, что довольно помѣстить преступника въ келью, чтобъ пробудить въ немъ раскаяніе, значитъ не понимать человѣческой природы: большей частью угрызенія совѣсти начинаются тотчасъ послѣ преступленія. Конечно, общество товарищей и развлеченія могутъ изгладить это чувство или сдѣлать его непродолжительнымъ, но съ другой стороны кто поручится за прочность раскаянія, вынужденнаго страхомъ и скукой; очень можетъ быть, что преступникъ мысли свои обратитъ не на самого себя, а на изобрѣтенія плавовъ бѣгства. Бываютъ даже случаи, что онъ во

сознаетъ своего преступленія; какимъ же образомъ явится въ немъ раскаяніе? Однообразіе тюремныхъ постановленій представляетъ большое препятствіе къ преобразованію заключенныхъ. Натура человѣческая весьма разнообразна; почти у каждаго свой особенный недостатокъ въ воспитаніи; самыя преступленія отличаются безчисленнымъ множествомъ отбѣнокъ, — а между тѣмъ для всѣхъ существуютъ одинаковыя правила, всѣхъ развиваютъ по одной мѣркѣ...

Уловить это разнообразіе характеровъ, умѣть дѣйствовать на каждый изъ нихъ, не выходя изъ предѣловъ кротости и уваженія къ человѣческому достоинству — вотъ задача, представленная на разрѣшеніе пасторовъ и тюремныхъ смотрителей. Возможна ли она безъ глубокаго чувства, безъ обширныхъ познаній, безъ твердой воли и теплой вѣры въ возможность нравственнаго возрожденія преступника? Разумѣется, нѣтъ! одного чувства и чистой нравственности недостаточно: арестантъ можетъ подчиниться обаянію какой-нибудь свѣтлой личности, но это обаяніе будетъ непрочно, потому что проявится въ бессознательномъ поклоненіи авторитету, которое бесполезно уже потому, что бессознательно, и слѣдовательно можетъ разрушиться при созданіи другого авторитета, враждебнаго первому. Непосредственныя натуры всегда преклоняются передъ силой во всѣхъ ея проявленіяхъ: сила порока можетъ увлечь ихъ точно также какъ сила добродѣтели; только широкое умственное развитіе ручается, что преступникъ не возвратится на прежнюю дорогу.

Объемъ развитія опредѣляется способностями и потребностью каждой личности. То что упущено было при первоначальномъ воспитаніи должно быть поправлено теперь. Всякое преступленіе есть протестъ противъ ненормальнаго состоянія общества или недостаточности образованія. Лучшая мѣра для предупрежденія преступленій — устройство многочисленныхъ школъ, удовлетворяющихъ разнороднымъ потребностямъ; какъ только преступникъ будетъ образованнѣе, узнастъ нѣсколько новыхъ средствъ къ обезпеченію своего существованія, такъ перестанетъ лежать тяжелымъ бременемъ на общественной благотворительности.

Образцами такихъ школъ можно признать сѣвероамериканскіе пріюты, особенно бостонскій. Учрежденіе ихъ принадлежитъ большей частью дѣятельности частныхъ лицъ; они составляютъ общества, выбираютъ изъ среды себя директоровъ и предоставляютъ имъ написать тюремный уставъ.

Въ пріюты принимаютъ молодыхъ людей обоюго пола до двадцатилѣтнаго возраста, какъ осужденныхъ за какой-нибудь проступокъ, такъ и присланныхъ судебными мѣстами для предохраненія

ихъ отъ нравственной заразы; срокъ заключенія неопредѣленъ и зависитъ отъ исправленія виновныхъ. Во время своего воспитанія они занимаются науками и ремеслами; всякій день они проводятъ въ классахъ около четырехъ часовъ, за работой отъ пяти съ половиной до восьми часовъ, въ играхъ и отлѣхъ около трехъ. Въ бостонскомъ пріютѣ тѣлесныя наказанія совершенно исключены; доносы дѣтей другъ на друга не допускаются; за проступки противъ религіи ихъ лишаютъ права присутствовать при богослуженіи; за другія вины наказываютъ уменьшеніемъ пищи, заключеніемъ въ келью, завязываніемъ на опредѣленное время глазъ и переводомъ въ низшій разрядъ. Всякій вечеръ каждый изъ заключенныхъ спрашивается о своемъ поведеніи втеченіи дня и показаніе его вносится въ журналъ нравственности. Почти не бываетъ случаевъ, чтобъ ребенокъ солгалъ; напротивъ того онъ судитъ себя даже съ излишней строгостью. Для разрѣшенія сомнительныхъ обстоятельствъ и для суда за нарушеніе дисциплины избираютъ изъ дѣтей двѣнадцать присяжныхъ. Вообще всѣ заключенные раздѣляются на два разряда, имѣющіе каждый по три категоріи. Дѣти только перваго разряда могутъ участвовать въ выборахъ и быть избираемыми. Имъ вѣрятъ на слово и позволяютъ прогуливаться по городу и по саду безъ провожатаго; сверхъ того имъ представлены нѣкоторыя другія привилегіи.

Ирландская тюремная система (Irish convict system) была основана на этихъ началахъ и дала прекрасные результаты (1). Ласковое обращеніе и заботы о преступникахъ дѣйствуютъ на нихъ неотразимо; ихъ закаленное въ огнѣ страданій сердце уступаетъ неодолимой силѣ добра и чистыя слезы умиленія и раскаянія могутъ быть въ первый разъ катятся по щекамъ преступника, изрытымъ горемъ... Расположеніе къ добру есть нормальное состояніе человѣка — и онъ возвращается къ нему. Еслибъ виновные знали, что единственное наказаніе, которое ожидаетъ ихъ, болѣе или менѣе продолжительное заключеніе, весьма вѣроятно, что многіе изъ нихъ добровольно передали бы себя въ руки правосудія...

Но, возразятъ намъ, это значитъ поощрять преступленіе, представляя бѣдняку въ немъ исходъ изъ своего отчаяннаго положенія; это значитъ покровительствовать лицемѣрью, позволяя преступнику притворнымъ раскаяніемъ вырваться изъ тюрьмы.

Вопервыхъ считаемъ долгомъ оговориться, что по нашему мнѣнію уничтоженіе всѣхъ наказаній кромѣ тюремнаго заключенія невозможно въ настоящее время. Намъ представляется эта теорія какъ

(1) Engl. Convicts. 16—19. О другихъ тюрьмахъ нельзя сказать того же.
Кн. IV. — Отд. II.

далекій идеалъ, который суждено осуществить будущему; мы же можемъ только помаленьку готовить его, основываясь на свойствахъ человѣческой природы. Любовь къ свободѣ отличительная черта ея; увлеченіе и привязанность къ семейному очагу — характеристическая принадлежность народа: онѣ заставляють его совершать чудеса доблести; онѣ даютъ ему возможность бороться съ нуждой; только крайняя необходимость можетъ принудить простого человѣка бросить свое семейство; надежда свиданія съ нимъ поддерживаетъ его въ самыхъ тяжелыхъ испытаніяхъ; онѣ знаетъ, что преступленіе запятнаетъ его имя, покроетъ позоромъ близкія его сердцу и разлучитъ съ нимъ можетъ-быть на всю жизнь. Что же, кромѣ крайней нужды, можетъ бросить его на этотъ страшный путь. Притворнымъ раскаяніемъ не такъ легко обмануть тюремное начальство, если оно будетъ состоять изъ людей опытныхъ, хорошо знающихъ человѣческое сердце. Да и к чему послужитъ выпускъ преступника, если онѣ достигнетъ его обманомъ — чрезъ нѣсколько времени онѣ опять очутится въ тюрьмѣ, гдѣ уже конечно будутъ къ нему недоброжелатели...

Разумѣется весьма трудно найти людей способныхъ быть тюремными воспитателями, но трудность не есть невозможность и не должна удерживать отъ опытовъ; начавши съ пенитанціарной ирландской системы можно дойти до перевоспитательной; по мѣрѣ увеличенія числа наставниковъ представится возможность увеличивать число тюремъ, устроенныхъ по этой системѣ: Многіе изъ освобожденныхъ преступниковъ вѣроятно обнаружатъ желаніе и способности занять мѣста сторожей и наставниковъ. Они лучше другихъ могутъ исполнить эту обязанность, потому что испытавъ на себѣ благотворное дѣйствіе перевоспитательной системы, и такимъ образомъ зло въ самомъ себѣ найдетъ исцѣленіе.

Другія возраженія противниковъ пенитанціарныхъ тюремъ также легко опровергаются. Они говорятъ, что работы преступниковъ будутъ сдѣланы небрежно или составятъ вредную конкуренцію работникамъ на свободѣ; что заключенные, по освобожденіи, промотаютъ доставшуюся имъ выручку и снова останутся въ бѣдственномъ положеніи.

Опасенія совершенно неосновательныя. Противъ перваго гарантируетъ постоянный надзоръ тюремнаго начальства и увѣренность преступника, что часть заработанныхъ денегъ пойдетъ на содержаніе его семейства, а другая составитъ запасный его капиталъ; следовательно его побуждаютъ къ работѣ чувства, выгоды, склонность, потому что нѣтъ ни одного человѣка, который не любилъ бы извѣстнаго рода занятій; какимъ же образомъ преступникъ будетъ

лѣнивъ и небреженъ, когда все соединяется, чтобы сдѣлать его старательнымъ и прилежнымъ? Конечно это стараніе представляетъ опасную конкуренцію для свободныхъ работниковъ, но только въ такомъ случаѣ, когда они будутъ менѣе искусны; для отвращенія же подрыва имъ не должно продавать тюремныя издѣлія ниже цѣнъ, существующихъ на рынкѣ. Третье опасеніе, что преступникъ промотаетъ свой тюремный заработокъ, можетъ быть устранено выдачей его по частямъ, если выпускаемый на то согласится, потому что возвращая ему свободу, признають его полноправнымъ членомъ общества.

Конечно при такомъ тюремномъ устройствѣ система молчанія невозможна. Передача извѣстнаго количества умственныхъ и нравственныхъ истинъ составляетъ главную задачу тюремнаго перевоспитанія, а какъ же это сдѣлать безъ живого обмѣна мыслей? Языкъ составляетъ такую же естественную принадлежность человѣка, какъ руки и ноги: запрещаа говорить, вы подвергаете преступника нравственной пыткѣ, дѣлаете его уродомъ, и для чего? Если мысли его справедливы, безумно запрещать выраженіе ихъ; если онѣ ложны, какъ вы узнаете и опровергнете ихъ, когда онъ будетъ молчать?

На этихъ основаніяхъ мы считаемъ обѣ системы: оборнскую и филладельфійскую, несоотвѣтствующими своему принципу. Мы готовы признать удивленіе только въ началѣ, чтобы дать время преступнику опаматоваться, вдуматься въ свой проступокъ, но какъ скоро въ немъ обнаружатся раскаяніе и жажда дѣятельности, такъ тотчасъ должно приступить къ его преобразованію. По мѣрѣ того какъ онъ будетъ развѣваться можно позволять ему сблизаться съ товарищами. Разлучая ихъ на ночь, слѣдуетъ каждому давать бумагу и перья, чтобы они могли записать свои мысли, желанія, впечатлѣнія дня и приобретенныя свѣдѣнія...

Вотъ въ главныхъ очеркахъ пенитанціарная система по нашему мнѣнію; о подробностяхъ мы поговоримъ когда-нибудь въ другой разъ; теперь же скажемъ нѣсколько словъ о колонизаціи преступниками (*système de déportation*).

И опять скажете утопію, возразятъ намъ положительные люди! Да, господа, утопію; но вѣдь и уничтоженіе смертной казни и тѣлеснаго наказанія считалось тоже утопіей, а между-тѣмъ съ теченіемъ времени уменьшаются разряды преступленій, за которыя положена смертная казнь, а число людей, думающихъ, что можно обойтись безъ тѣлеснаго наказанія, увеличивается съ каждымъ годомъ... Будемъ надѣяться, что придетъ пора, когда поймутъ что такое преступленіе; когда разграничатъ мысль отъ дѣла, когда сло-

ва любви и милосердія перестанутъ быть празднымъ звукомъ и найдутъ примѣненіе на дѣлѣ.

XII

Въ то время, когда Америка такъ блистательно и энергически приступила къ рѣшенію одного изъ самыхъ важныхъ вопросовъ новейшей цивилизаціи, старая Европа медленно и неохотно принималась за новую систему: Франція реставраціи и буржуазіи далеко не была, Франціей революціи; широкія идеи, волновавшія защитниковъ республики, уступили мѣсто мелкимъ интересамъ и соображеніямъ средняго сословія. Проповѣдники новыхъ началъ общественнаго устройства казались буржуазіи хуже воровъ и разбойниковъ, и часто подводились въ тюрьмахъ подъ одну категорію. Въ Италіи было еще хуже: она сохранила средневѣковую тюремную систему въ непогрѣшимой чистотѣ; во владѣніяхъ же папы и короля неаполитанскаго существовала пытка даже до послѣдняго времени (1)!. Австрія съ гордостью любовалась мрачнымъ Шпильбергомъ — Англія, свободная Англія, искала въ жестокости наказаній лекарства отъ развѣдавшей ее язвы пролетаріата: всякій годъ она наполняла свои тюрьмы преступниками и потомъ бросала ихъ тысячами на негостепримные берега новой Голандіи и Ванъ-Дименовой земли.

Положеніе этихъ ссыльныхъ было ужасно; они раздѣлялись на три категоріи: въ первой изъ нихъ преступники должны были работать до изнеможенія, не получая за то никакой платы; во второй они работали на большихъ дорогахъ въ цѣпяхъ; въ третьей они могли поступать въ услуженіе въ качествѣ рабовъ.

• Здѣсь они подвергались всѣмъ капризамъ семейства, которому служили, говоритъ сэръ Джорджъ Артуръ, одинъ изъ губернаторовъ новой Голандіи: — они подчинены самому опрометчивому и произвольному законодательству... Лѣдность, грубое слово, дерзкій взглядъ — предастъ виновнаго плетямъ, цѣпямъ или каторжной работѣ второй категоріи... За малѣйшее неповиновеніе, пьянство, небрежность, отлучку безъ позволенія, колониальное правительство имѣетъ право наказать виновнаго пятидесятью ударами плети. •

Несмотря на эту строгость, хозяева преступниковъ жаловались на ослабленіе дисциплины: они утверждали, что плеть не производитъ той острой и жгучей боли, которую вправѣ отъ всей требо-

(1) Charles de la Varenne. La torture en Sicile. La révolution Sicilienne. Vincenzo di Tergolino. Quattro anni nelle Prigioni del S. Padre.

вать. Губернаторъ австралійскихъ провинцій приказалъ мировымъ судьямъ лично присутствовать при наказаніи... Рапорты ихъ составляютъ невольно содрогаться отъ негодованія... У одного преступника послѣ двадцати-пяти ударовъ почернѣла вся спина; у другого послѣ пятнадцати ударовъ кожа висѣла клочками; у третьяго послѣ пяти потекла кровь... Двѣсти-сорокъ-семь такихъ случаевъ представила мѣстная полиція одинъ другого возмутительнѣе и безчеловѣчнѣе, а сколько ихъ бываетъ въ теченіе года (!)!

Для чего же это? по какимъ причинамъ поддерживается такая нелѣпо-жестокая система?

Для того, чтобъ ссылка не казалась преступникамъ пріятной; для того, чтобъ не поощрять пролетаріевъ къ преступленію! Какая непростительная рутина! Нація, гордящаяся тѣмъ, что стоитъ въ головѣ цивилизаціи, позволяетъ себѣ варварства, достойныя дикарей! Система, имѣющая цѣлью уменьшеніе наказаній и возможность исправленія, выражается въ дѣйствіяхъ прямо противорѣчащихъ своему принципу, узаконяетъ новый видъ рабства!

Предполагая возможность совершенія преступленія для того, чтобъ попасть въ ссылку, криминалисты очевидно должны допустить, что преступнику нечѣмъ существовать въ отечествѣ; что участь его такъ горька, что онъ рѣшается опозорить себя, оставить друзей и семейство, чтобъ только избавиться отъ ежедневной нужды. Но отчего жъ онъ не прибѣгаетъ къ добровольной колонизаціи? Оттого что общество почти ничего не дѣлаетъ для предупрежденія преступленій и ничего не жалѣетъ для наказанія ихъ. Препятствія, полагаемая эмиграціи и колонизаціи, естественно должны привести бѣдняка къ преступленію въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ живетъ, — эмиграція и колонизація безъ общественной помощи приведутъ къ преступленію въ новомъ отечествѣ. Если цѣль ссылки обработаніе почвы или учрежденіе морскихъ станцій, она можетъ быть достигнута гораздо легче колонизаціей. Колошійскъ будетъ видѣть въ работѣ свою выгоду, тогда какъ ссыльный видитъ въ ней наказаніе; всѣ желанія его стремятся къ тому, чтобъ кончить поскорѣй срокъ своей ссылки и возвратиться на родину, потому что, работая насильно и безъ платы, онъ не соберетъ ничего на новомъ мѣстѣ жи-

(¹) Въ 1833 году въ новомъ южномъ Валлисѣ было наказано въ теченіи мѣсяца 247 преступниковъ 9,784 ударами плети. Въ 1834 году въ Ванъ-Дименовой землѣ на 15,000 ссыльныхъ пришлось 15,000 приговоровъ къ тѣлесному наказанію. Въ 1835 году въ новомъ южномъ Валлисѣ на 28,000 ссыльныхъ пришлось 22,000 приговоровъ къ тѣлесному наказанію. Средняя данная, по вычисленію Токвиля, выходитъ 50 смертныхъ казней и 120,000 ударовъ на 40,000 преступниковъ въ годъ.

тельства; онъ можетъ не уѣхать и основаться въ колоніи только при помощи правительства, — но не лучше ли бы было оказать эту помощь раньше?

Если же въ ссылкѣ видать средство къ наказанію преступника по системѣ устрашенія, если цѣль ея отдалить его отъ товарищей, дать средства къ исправленію, она не достигается, потому что опять расходятся съ теоріей перевоспитанія. Посылая преступника въ какую-нибудь часть населенной территоріи, вы этимъ или унижаете ея жителей, считая ихъ достойными товарищами ссыльнаго, или возвышаете ихъ надъ жителями метрополи, предполагая въ нихъ способность перевоспитать его; въ первомъ случаѣ они могутъ быть недовольны тѣмъ, что ихъ колонія назначена играть роль помойной ямы цивилизаціи; во второмъ они попросятъ метрополию не вмѣшиваться въ ихъ распоряженія, такъ какъ она признала себя ниже ихъ по развитію; если же вы заключите преступника въ колониальную тюрьму, для этого не стоило посылать его далеко: онъ точно также могъ бы сидѣть и на родинѣ. Сверхъ того невольно возникаетъ вопросъ, что дѣлать съ тѣми урожденцами колоніи, которые совершили преступленіе въ ней самой или въ другихъ частяхъ государства? Посылать ли ихъ въ метрополию въ общинѣ на ея преступниковъ или оставлять ихъ въ колоніи? Въ первомъ случаѣ значитъ признать всякую перемѣну жительства благопріятной для исправленія, не обращая вниманія на условія, способствующія въ одномъ мѣстѣ увеличенію преступленій, въ другомъ, уменьшающія ихъ; во второмъ случаѣ значитъ допустить благотѣльное вліаніе только одной мѣстности.

Не менѣе противорѣчитъ принципу перевоспитанія ссылка въ землю совершенно ненаселенную или въ сосѣдствѣ съ дикими племенами; здѣсь преступникъ подвергается всѣмъ лишеніямъ, неизбѣжнымъ при новомъ поселеніи; можетъ-быть онъ не въ состояніи будетъ выдержать ихъ и предпочтетъ скитальческую жизнь въ лѣсахъ и стенахъ трудовому существованію при неблагопріятныхъ условіяхъ. Если даже онъ и не убѣжитъ, то все время его поглотится физической работой, такъ что внутреннее развитіе мало или лучше сказать совсѣмъ не подвинется. Однимъ словомъ это будетъ примѣненіе системы синг-свингской тюрьмы, только въ болѣе широкой формѣ.

Но отвергая ссылку какъ наказаніе, систематическое для цѣлаго разряда преступленій, мы готовы признать ее какъ исключеніе, какъ средство предупрежденія; она можетъ благотѣльно дѣйствовать на натуры нѣжныя и воспримчивыя, совершившія преступленія въ порывѣ страсти; она можетъ служить къ отвращенію преступковъ, происходящихъ отъ недостатка средствъ къ существова-

вію, давая ихъ преступникамъ, кончившимъ срокъ своего заключенія : какъ бы велико ни было ихъ развитіе, но если имъ нечего будетъ ѣсть, они будутъ поставлены между двумя преступленіями, или умереть съ голоду и такимъ образомъ лишитъ общество полезнаго члена, или украсть для сохраненія жизни, и снова попасться въ тюрьму. Большинство общества такъ неразвито, что не вѣрять въ возможность исправленія преступниковъ и готово преслѣдовать ихъ насильскою и презрѣніемъ, тогда какъ совершенно равнодушно смотритъ на ненаказанныя преступленія, ежедневно совершающіяся передъ его глазами... Удаленіе преступниковъ отъ такого общества — благодѣяніе для нихъ; вдали отъ него они могутъ окрѣпнуть и вести честную жизнь, которую можетъ-быть не въ состояніи были бы вести на родинѣ подъ гнетомъ общественнаго преслѣдованія.

Съ этой точки зрѣнія депортаціонная система является естественнымъ дополненіемъ пенитанціарной. Назначеніе кого ссылать должно зависѣть не отъ суда, а отъ тюремнаго начальства, которое ознакомившись съ характеромъ и способностями осужденныхъ, имѣетъ болѣе вѣроятій опредѣлить кому ссылка будетъ полезна, кому вредна. Только дѣйствуя такимъ образомъ, не ограничиваясь переводомъ преступника, но давая ему средства избѣжать повторенія преступленій, общество можетъ быть увѣрено въ постепенномъ и прочномъ улучшеніи своихъ членовъ, и чѣмъ болѣе будетъ личностей правильно развитыхъ, тѣмъ сдѣлается менѣе возможно нарушеніе общественной гармоніи и тѣмъ рѣже будутъ проявляться преступленія и нищета...

В. ПОНОВЪ

РОКОВОЙ ВОПРОСЪ

Въ различныхъ, хотя не весьма многихъ и не весьма ясныхъ сужденіяхъ о польскомъ вопросѣ почти безъ исключенія упускается изъ виду одна существенная его черта. Намъ легче и мы очень привыкли разсматривать вещи съ болѣе общихъ точекъ зрѣнія и потому частная, характеристическая особенность дѣла ускользаетъ отъ нашего вниманія. Но такъ какъ въ настоящемъ случаѣ дѣло имѣетъ для насъ живѣйшій интересъ, то его особенности должны же наконецъ понемногу стать ясными для всѣхъ.

Изъ-за чего подыались поляки?

Подводя эти явленія подъ ходячія общія понятія, мы обыкновенно отвѣчаемъ такъ:

- 1) Они подыались изъ-за идей космополитическихъ, т.-е. для всяческаго улучшенія своего быта и разширенія своихъ правъ.
- 2) Или — они подыались изъ-за идеи національности, т.-е. просто для освобожденія себя изъ-подъ власти чужого народа.

Одни считаютъ главною и существенною пружиною возстанія одну изъ этихъ причинъ, другіе другую. Можно наконецъ признавать наравнѣ и ту и другую; можно сказать, что поляки стоятъ за космополитическія идеи и въ числѣ ихъ за космополитическую идею равноправности всѣхъ народовъ.

Опредѣливши такимъ образомъ причины явленія, мы уже не находимъ никакихъ трудностей въ рѣшеніи вопроса. Изъ такихъ простыхъ и ясныхъ основаній мы легко и просто выводимъ надлежащія слѣдствія. И такъ какъ у каждого есть живая потребность имѣть опредѣленный взглядъ на дѣло, разъяснить его въ своемъ пониманіи, то мы будемъ даже твердо стоять за это легкое рѣшеніе и усердно настаивать на его справедливости.

Между тѣмъ въ польскомъ вопросѣ есть черта, которая даетъ ему страшную глубину и неразрѣшимую загадочность. Эта черта такъ ясно обозначается, такъ прямо бросается въ глаза, что скрыть ее или незамѣтить не возможно. Напрасно мы стали бы необращать на

нее вниманія или не придавать ей значенія; отъ такихъ уловокъ, само собою разумѣется, ни мы не выиграемъ, ни самое дѣло не перемѣнится.

Что порождаетъ вражду, возбуждающую поляковъ противъ русскихъ? Постараемся выискнуть въ настроеніе поляковъ, перенесемъ себя въ ихъ положеніе и будемъ смотрѣть съ ихъ точки зрѣнія. Очевидно кромѣ причинъ космополитическихъ и національных въ эту вражду входятъ еще одинъ элементъ, который какъ намъ кажется весьма существенно опредѣляетъ дѣло. Поляки возбуждены противъ насъ также какъ народъ образованный противъ народа менѣе образованнаго или даже вовсе необразованнаго. Каковы бы ни были поводы къ борьбѣ, но одушевленіе борьбы очевидно воспламеняется тѣмъ, что съ одной стороны борется народъ цивилизованный, а съ другой — варвары.

Таковъ по крайней мѣрѣ должно быть взглядъ поляковъ. Чтобы убѣдиться въ глубокой дѣйствительности этой причины, какъ составнаго элемента вражды, стоитъ только вспомнить, что польскій народъ имѣетъ полное право считать себя въ цивилизаціи наравнѣ со всѣми другими европейскими народами, и что напротивъ на насъ они сдвали могутъ смотрѣть иначе какъ на варваровъ.

Польша отъ начала шла наравнѣ съ остальною Европою. Въстѣ съ другими западными народами она приняла католичество; однаково съ другими развивалась въ своей духовной жизни. Въ наукахъ, въ искусствахъ, въ литературѣ, вообще во всѣхъ проявленіяхъ цивилизаціи она постоянно брталась и соперничала съ другими членами европейской семьи и никогда не была въ ней членомъ отсталымъ или чужимъ. Вотъ какъ въ краткихъ словахъ говорить объ этомъ И. Кирѣевскій:

• Польская аристократія въ XV и XVI вѣкѣ была не только самою образованною, но и самою блестящею, самою ученою въ Европѣ. Основательное знаніе иностранныхъ языковъ, глубокое изученіе древнихъ классиковъ, необыкновенное развитіе умственныхъ и общежительныхъ дарованій удивляли путешественниковъ и составляли всегдашній предметъ реляцій наблюдательныхъ папскихъ нунціевъ того времени. Вслѣдствіе этой образованности литература была изумительно богата. Ее составляли ученые коментаріи древнихъ классиковъ, удачныя и неудачныя подражанія, писанныя частью на щегольскомъ польскомъ, частью на образцовомъ латинскомъ языкѣ, многочисленные и важные переводы, изъ коихъ нѣкоторые до-сихъ-поръ почитаются образцовыми, какъ напримѣръ переводъ Тасса; другіе доказываютъ глубину просвѣщенія, какъ напримѣръ переводъ всѣхъ сочиненій Аристотеля, сдѣланный еще въ XVI вѣкѣ. Въ одно царствованіе Сигизмунда III блистало

711 извѣстныхъ литературныхъ именъ, и болѣе чѣмъ въ восьмидесяти городахъ безпрестанно работали типографіи.»

Такимъ образомъ поляки могутъ смотрѣть на себя какъ на народъ вполнѣ европейскій, могутъ причислять себя къ «странѣ святыхъ чудесъ», къ этому великому западу, составляющему вершину человѣчества и содержащему въ себѣ центральный токъ человѣческой исторіи.

А мы? Что такое мы, русскіе? Не будемъ обманывать себя; постараемся понять какимъ взглядомъ должны смотрѣть на насъ поляки и даже вообще европейцы. Они до-сихъ-поръ не причисляютъ насъ къ своей заповѣдной семьѣ, несмотря на наши успія прикинуть къ ней. Наша исторія совершалась отдѣльно; мы не раздѣляли съ Европою ни ея судьбы, ни ея развитія. Наша нынѣшняя цивилизація, наша наука, литература и пр. все это едва имѣетъ исторію, все это недавно и блѣдно, какъ запоздалое и усиленное подражаніе. Мы не можемъ похвалиться нашимъ развитіемъ и не смѣемъ ставить себя на ряду съ другими болѣе счастливыми племенами.

Такъ на насъ смотрятъ и мы сами чувствуемъ, что много справедливаго въ этомъ взглядѣ. Въ настоящую минуту, именно по поводу борьбы съ поляками, мы невольно стали искать въ себѣ какой-нибудь точки опоры и что же мы нашли? Наши мысли обращаются къ единому видимому и ясному проявленію народнаго духа, къ нашему государству. Одно у насъ есть: мы создали, защитили и укрѣпили нашу государственную цѣлость, мы образуемъ огромное и крѣпкое государство, имѣемъ возможность своей, независимой жизни. Не мало было для насъ въ этомъ отношеніи опасностей и испытаній, но мы выдержали ихъ; мы крѣпко стояли за идею самостоятельности и независимости, и теперь если жалуемся, то имѣемъ печальное преимущество жаловаться на самихъ себя, а не на другихъ.

Чтоже однако изъ этого слѣдуетъ? Для насъ самостоятельность есть великое благо, но каковъ можетъ быть ея вѣсъ въ глазахъ другихъ? Намъ скажутъ, что государство конечно есть возможность самостоятельной жизни, но еще далеко не самая жизнь. Государство есть форма весьма простая, проявленіе весьма элементарное. Самые дикіе и первобытные народы легко складывались въ государство. Если государство крѣпко, то это конечно хорошій знакъ, но только знакъ, только надежда, только первое заявленіе народной жизни. И потому на нашу похвалу нашимъ государствомъ намъ могутъ отвѣчать такъ: никто не споритъ, что вы варвары, *подающе большія надежды*, но тѣмъ неменѣе вы все-таки варвары.

И вотъ та рана, которую больше или меньше разбережаетъ польскій вопросъ. Онъ стоитъ намъ петолъко крови и дещегъ, не только составляетъ язву, отъ которой страдаетъ тѣлесная, физическая жизнь Россіи — нѣтъ, онъ каждый разъ еще отзывается внутреннею болью; онъ наводитъ на насъ тяжелое раздумье своєю внутреннею, глубокою стороною. Какъ скоро мы вдумываемся въ настроеніе поляковъ, мы невольны должны чувствовать его отраженіе на нашемъ собственномъ настроеніи.

Попробуемъ только вывести слѣдствія изъ предыдущаго. Понятно, что поляки должны смотрѣть на насъ съ высокоуміемъ; понятно, что подъ вліяніемъ враждебныхъ отношеній ихъ высокоуміе должно усилиться тысячекратно, дойти до послѣдней возможной границы. Этотъ элементъ неизбѣжно и постоянно присутствуетъ въ этомъ вѣковомъ раздорѣ; онъ составляетъ одинъ изъ самыхъ глубокихъ и чистыхъ его источниковъ и придаетъ усиленнымъ и борьбѣ поляковъ безконечно-героическій характеръ. Несчастный народъ! Какъ сильно ты долженъ чувствовать всю несообразность твоего положенія съ твоимъ высокимъ понятіемъ о себѣ! Чѣмъ выше твоя цивилизація, чѣмъ тоньше ты чувствуешь, чѣмъ изящнѣе говоришь, чѣмъ яснѣе для тебя и для другихъ твои достоинства, тѣмъ глубже тебѣ придется страдать, тѣмъ невыносимѣе для тебя какой бы то ни было перевѣсъ на сторонѣ твоихъ менѣе цивилизованныхъ соперниковъ. Твоя высокая культура есть для тебя наказаніе. Гдѣ другое племя могло бы еще примириться и покориться, тамъ для тебя невозможны никакое примиреніе, никакая покорность.

Таковы чувства поляковъ и мы всегда болѣе или менѣе ихъ понимали. Мы признавали долю справедливости въ ихъ высокоуміи и слѣдствіемъ этого было смиреніе передъ ихъ образованностію. Это смиреніе выразилось даже исторически и очень явно. Только недавно стало сильнѣе и сильнѣе высказываться требованіе, чтобы всѣ части имперіи были подведены подъ одинъ уровень и пользовались бы одинаковыми правами. До сихъ поръ этого не было: до сихъ поръ вообще части имперіи, причастныя европейской цивилизаціи, пользовались иногда больше, иногда меньше, разными преимуществами и льготами. Почему это случилось — понятно; причиною было невольное чувствуемое превосходство и потому мы даже рѣдко роптали и жаловались на предпочтеніе, отдаваемое, какъ говорится, пасынкамъ передъ родными дѣтьми. Сюда же должно отнести всѣ тѣ выгоды, которыя у насъ достаются на долю вообще иноземцамъ и иноплеменникамъ европейскаго происхожденія.

Итакъ яснѣе или темнѣе мы чувствуемъ недостаточность нашего образованія, и борьба съ поляками живѣе чѣмъ все другое должна обращать наши мысли на насъ самихъ и напоминать намъ нашу низкую ступень въ ряду цивилизованныхъ народовъ. Тутъ мы всего больше можемъ чувствовать несоразмѣрность нашей государственной силы съ нашимъ нравственнымъ значеніемъ.

Въ этомъ смыслѣ вопросъ имѣетъ огромные размѣры. Въ самомъ дѣлѣ очевидно поляки съ этой точки зрѣнія не могли бы согласиться даже стать съ нами наравнѣ. Такъ какъ изъ всѣхъ славянскихъ племенъ только они одни достигли высшей культуры, то по праву, по идеѣ имъ должна принадлежать главная роль въ славянскомъ мірѣ; они должны бы стоять во главѣ и руководить другими племенами. Такое притязаніе совершенно естественно вытекаетъ изъ положенія поляковъ и невозможно ихъ осудить, еслибы они стремились привести его въ исполненіе.

Положимъ однакоже вѣтъ. Положимъ намъ скажутъ, что поляки отказываются отъ своего высококомѣрія и своихъ притязаній, что они допускаютъ равновѣсіе или даже перевѣсъ на сторонѣ другихъ славянскихъ племенъ и ограничиваются чисто и ясно одною идеею національной независимости. Охотно можно повѣрять, что эта идея постепенно укрѣпится и выступитъ наковецъ у поляковъ на первый планъ. Но невозможно скрывать, что ей придется у нихъ сильно бороться съ идеею превосходства въ цивилизаціи и что ей побѣда еще очень далека.

Въ самомъ дѣлѣ поляки имѣютъ за собою длинную исторію. Въ этой исторіи болѣе или менѣе правильно, болѣе или менѣе сознательно они играли роль и исполняли миссію цивилизованнаго народа среди варваровъ. Какъ представители высокой культуры они постоянно были заняты распространеніемъ этой культуры; они стремились колонизировать прилежація страны. Легко здѣсь вспомнить цѣлый рядъ непрерывныхъ усилій, направленныхъ къ этой цѣли. Въ эти виды и попытки входила не только Малороссія и другія меньшія части: эти виды простирались и на Москву; сама Москва подвергалась попыткамъ ополяченія и латинизированія.

Отбрасывая темныя черты и частности, смотря на дѣло вообще и въ цѣломъ, можно ли не видѣть здѣсь самаго правильнаго и благороднаго проявленія цивилизаціи? Не говоримъ о средствахъ, которые были сообразны съ временемъ; не говоримъ о частныхъ цѣляхъ, которые могли быть нечисты и своекорыстны; говоримъ только объ общемъ явленіи, что Польша стремилась распространить на варварскія племена блага европейской цивилизаціи, старалась вывести ихъ изъ мрака на свѣтъ.

Положимъ однако же — все это ничего не значить. Положимъ намъ скажутъ: поляки отказываются отъ своей исторіи; они имѣютъ въ виду только настоящее положеніе дѣлъ и не заглядываютъ въ прошлое. Пусть такъ. Но еслибы они даже успѣли выполнить это тяжелое требованіе, намъ придется потребовать отъ нихъ еще больше; они должны отказаться не только отъ своей исторіи, но и отъ ея результатовъ, существующихъ въ настоящее время.

Въ самомъ дѣлѣ вѣдь историческія ихъ усилія принесли плоды. Въ однихъ мѣстахъ они были безуспѣшны, были отражены; но въ другихъ они имѣли успѣхъ наполовину, въ третьихъ были успѣшны вполне. Во всякомъ случаѣ поляки многое сдѣлали и въ настоящую минуту повидимому имѣютъ полное право какъ на плоды своихъ трудовъ, такъ и на надежды когда-нибудь ихъ довершить. И вотъ гдѣ правльный и въ ихъ мысляхъ вполне законный источникъ ихъ притязаній на тѣ русскія земли, которыя вѣкогда входили въ составъ Польши. Они составляли не одно вещественное ея достояніе; они или отчасти были, или рано или поздно должны были стать ея умственнымъ завоеваніемъ, поднасть побѣдъ ея культуры. Такимъ образомъ трудно упрекать поляковъ за эти притязанія. Отказаться отъ нихъ значило бы для поляка отказаться отъ значенія своей цивилизаціи. Какъ бы ни мало подвинулось въ какой-нибудь области дѣло колонизированія, все-таки оно началось, оно можетъ быть продолжаемо, и слѣдовательно странно было бы отъ него отказываться и не попробовать снова захватить его въ свои руки.

Все здѣсь зависитъ отъ того какъ смотритъ полякъ на свою цивилизацію и на тѣхъ людей, которыхъ хочетъ ей подчинить. Какой взглядъ естественно вытекаетъ изъ его положенія? Что онъ можетъ видѣть на примѣръ въ малороссахъ? Въ сравненіи съ его образованіемъ они неимѣютъ никакого образованія; въ сравненіи съ его развитымъ языкомъ, они говорятъ грубымъ мѣстнымъ нарѣчіемъ, не имѣющимъ литературы; въ сравненіи съ его святымъ католицизмомъ они исповѣдуютъ не вѣру, а расколъ, схизму. Этихъ людей нужно цивилизовать и почему же въ этомъ случаѣ ничтожная и неважная русская цивилизація должна получить преимущество передъ богатой польской?

Всякая цивилизація горда, всякое образованіе надмѣваетъ. Всегда въ большей или меньшей степени является антагонизмъ между людьми, развитыми культурою и растительною массою народа съ ея темными проявленіями. Если у насъ самихъ является ипогга взглядъ на народъ, какъ на простой матерьялъ для культуры, какъ на грубую глину, которой форма отъ нея самой не зависитъ, то по-

добный взгляд кажется пуга́ть и никогда не былъ до такой степени усиленъ самымъ ходомъ исторіи, какъ въ польскомъ вопросѣ. Здѣсь онъ составляетъ существенный узелъ и потому разросся и окрѣпъ до страшной силы.

Поляки горды своею цивилизаціею; они высоко цѣнятъ всѣ ея блага и крѣпко держатся за ея преимущества. Кто ихъ осудить за это? Кто можетъ найти здѣсь что-нибудь дурное?

Такимъ образомъ вопросъ усложняется до высочайшей степени. Въ него входитъ всюю своею тяжестью понятіе цивилизаціи; передъ этимъ понятіемъ отступаетъ на задній планъ идея самобытныхъ народностей. Поляки со всею искренностію могутъ считать себя представителями цивилизаціи, и въ своей вѣковой борьбѣ съ нами видѣть прямо борьбу европейскаго духа съ азіатскимъ варварствомъ.

Чтоже мы скажемъ противъ этого? До сихъ поръ мы старались сколько возможно явнѣе показать все что говоритъ въ пользу поляковъ; опуская все спорное и несущественное, мы выводили изъ самого ихъ положенія справедливость ихъ по всей вѣроятности безнадежныхъ притязаній. Чтоже мы скажемъ теперь въ свою пользу?

Слѣдуютъ краткіе выводы изъ прелыдущаго.

Высокомѣріе и притязанія поляковъ происходятъ отъ ихъ европейской культуры.

Такъ какъ высокомѣріе и эти притязанія не удовлетворены, то они составляютъ глубокое несчастье поляковъ.

Такъ какъ они могутъ быть удовлетворены только насчетъ насъ, то они составляютъ для насъ обиду.

Можетъ быть эта обида по своей глубинѣ равняется этому несчастью; но вотъ бѣда, которую мы терпимъ и которую должны вполне сознать: ихъ несчастье очень ясно и никому не ясна наша обида.

Въ самомъ дѣлѣ все вытекаетъ изъ того положенія, что мы варвары, а поляки народъ высоко цивилизованный. Слѣдовательно чтобы опровергнуть слѣдствія, которыя отсюда выходятъ, мы должны бы были доказать:

1) Или то, что мы не варвары, а народъ полный силъ цивилизація.

2) Или то, что цивилизація поляковъ есть цивилизація, *носящая смерть въ самомъ своемъ корнѣ.*

Легко согласится, что и то и другое доказывать очень трудно.

Очевидно наше дѣло было бы вполне оправдано, еслибы мы могли отвѣчать полякамъ такъ: «вы ошибаетесь въ своемъ высо-

комъ значеніи ; вы ослаблены своею польскою цивилизаціею и въ этомъ ослабленіи не хотѣте или не умѣете видѣть , что съ вами борется и соперничаетъ не азіатское варварство , а другая цивилизація , болѣе крѣпкая и твердая , наша русская цивилизація .»

Сказать это легко ; но спрашивается , чѣмъ мы можемъ доказать это ? Кромѣ насъ , русскихъ , никто не повѣритъ нашимъ притязаніямъ , потому что мы не можемъ ихъ ясно оправдать , не можемъ выставить никакихъ очевидныхъ и для всѣхъ убѣдительныхъ признаковъ , проявленій , результатовъ , которые заставили бы признать дѣйствительность нашей русской цивилизаціи . Все у насъ только въ зародышѣ , въ зачаткѣ ; все въ первичныхъ , неясныхъ формахъ ; все чревато будущимъ , но неопредѣленно и хаотично въ настоящемъ . вмѣсто фактовъ мы должны оправдываться предположеніями , вмѣсто результатовъ надеждами , вмѣсто того что есть , тѣмъ что будетъ или можетъ быть .

Если у насъ и есть нѣкоторыя указанія въ пользу нашего дѣла , то ими трудно удовлетвориться , такъ какъ всѣ они имѣютъ отрицательный , а не положительный характеръ . Они состоятъ въ томъ , что попытки колонизированія встрѣтили въ русскихъ областяхъ большія препятствія , что въ Малороссіи и въ Москвѣ они большею частью встрѣтили непреклонный , неодолимый отпоръ . Русскій элементъ оказалъ въ этомъ случаѣ необыкновенную упругость , и при томъ не вещественную , не упругость мускуловъ , а неподатливость и стойкость нравственную . Онъ отнесся съ сознательнымъ и глубокимъ упорствомъ къ этой цивилизаціи , которая старалась нравственно покорить его .

Изъ этого слѣдуетъ , что можетъ-быть мы и не варвары . Можетъ-быть въ насъ таится глубокой и плодотворный духъ , который хотя еще не проявился ясно и отчетливо , но уже ревниво охраняетъ свою самостоятельность и не даетъ надъ собою власти никакому чуждому духу , который настолько крѣпокъ , что способенъ отталкивать всякое вліяніе , мѣшающее его самобытному развитію .

Несмотря на-то , что Польша намъ родственна , что черезъ нее всего ближе могла дѣйствовать на насъ Европа , что мы были въ непрерывныхъ столкновеніяхъ съ поляками , мы никогда не находились подъ нравственнымъ вліяніемъ Польши , и когда вздумали подражать европейцамъ и перенимать ихъ развитіе , то пошли мимо поляковъ къ голландцамъ и французамъ . Мы упорно оттолкнули польское вліяніе , и все-таки шли впередъ въ своемъ развитіи , какъ бы медленнымъ и слабымъ ни казалось это развитіе .

Все это доказываетъ только одно — мы сберегли себя , мы го-

товы, мы имѣемъ полную возможность для самобытнаго развитія; но больше изъ этого вывести трудно.

Возьмемъ теперь другую сторону. Положимъ, вы стали бы находить недостатки въ польской цивилизаціи. Чтобы уничтожить ея вѣсь въ этомъ дѣлѣ, чтобы устранить ея притязанія и оправдать себя въ томъ что мы составляемъ для нея помѣху, мы могли бы указать въ ней существенные недостатки, подрывающіе все ея достоинство. Мы могли бы сказать: «сама исторія осуждаетъ вашу цивилизацію. Эта цивилизація не дала крѣпости вашему народу, не принесла ему здоровья и силы. Значитъ она не была нормальною цивилизаціею, а можетъ-быть даже была прямымъ зломъ, тѣмъ развѣщающимъ началомъ, которое своимъ влияніемъ испортило жизнь вашего народа. Развитіе Польши было болѣзненное и ея образованность не только не имѣла силы излечить эту болѣзненность, а была сама причиною ея извѣ.»

Положимъ мы такъ сказали бы. Но въ такомъ случаѣ — въ чемъ же мы могли бы полагать существенный недостатокъ польской культуры? Въ чемъ корень ея неправильности? Не въ томъ ли, что она была не народною, не славянскою? Что въ ней не было никакой самобытности и потому она не могла слиться въ крѣпкое цѣлое съ народнымъ духомъ? Если она не развила и не укрѣпила народной жизни, то это могло произойти только отъ одного — отъ того, что она не была въ гармоніи съ элементами этой жизни, не была ихъ правильнымъ проявленіемъ и слѣдовательно не могла имѣть той силы, которую должна имѣть всякая крѣпкая и правильная цивилизація.

Пусть мы будемъ разсуждать такимъ образомъ и успокаивать себя мыслью, что судьба Польши есть ея внутренняя неизбѣжная судьба. Не въ такихъ утѣшеніяхъ все дѣло. Мы будемъ непростительно легкомысленны, если при этомъ не обратимся на самихъ себя. Не забудемъ, что чѣмъ рѣзче будетъ наше осужденіе, тѣмъ большую отвѣтственность мы беремъ на себя. Въ этомъ столкновѣніи мы можемъ понижать значеніе польской культуры не иначе, какъ основываясь на уваженіи къ нашей собственной культурѣ. А кто вамъ ручается, могутъ возразить намъ, что ваша-то цивилизація лучше? Что она не носитъ въ себѣ также зачатковъ болѣзни, которыя нѣкогда разрушатъ громадное тѣло вашего государства? Что она согласна съ народными элементами? Что она принесетъ народу болѣе полную жизнь, а не уродливость и смерть?

Страшно подумать какой вѣсь, какое невыгодное для насъ значеніе могутъ имѣть такіе и подобные вопросы въ глазахъ иностранцевъ. Не посмѣются ли они при одной мысли о возможности

своеобразной русской цивилизаціи? А защищать ее, возлагать на нее надежды и предвидѣть для нея будущее — не чистыя ли это мечты, не пустыя ли предположенія въ глазахъ каждаго европейца?

Одни мы, русскіе, только и можемъ принять это дѣло серьезно. Одни мы не можемъ отказаться отъ вѣры въ свое будущее. Чтобы спасти нашу честь въ нашихъ собственныхъ глазахъ, мы должны признавать, что тотъ же народъ, который создалъ великое тѣло нашего государства, хранить въ себѣ и его душу; что его духовная жизнь крѣпка и здорова; что она современемъ разовьется и обнаружится столько же широко и ясно, какъ проявилась въ крѣпости и силѣ государства.

Существенно же здѣсь то, что мы должны положиться именно на народъ и на его самобытныя, своеобразныя начала. Въ европейской цивилизаціи, въ цивилизаціи *заселенной и внѣшней* мы уступаемъ полякамъ; но мы желали бы вѣрить, что въ цивилизаціи народной, коренной, здоровой мы превосходимъ ихъ или по крайней мѣрѣ можемъ имѣть притязаніе не уступать ни имъ, ни всякому другому народу.

Дѣло очевидное. Если мы станемъ себя мѣрить общею европейскою мѣркою, если будемъ полагать, что народы и государства различаются только большей или меньшей степенью образованности, поляки будутъ стоять много выше насъ. Если же за каждымъ народомъ мы признаемъ большую или меньшую самобытность, болѣе или менѣе крѣпкую своеобразность, то мы станемъ не ниже поляковъ а можетъ-быть выше.

Польша не имѣетъ никакого права на русскія области только въ томъ случаѣ, если у русской земли есть своя судьба, свое далекое и важное назначеніе. Защищая наши коренныя области, мы будемъ правы только тогда, если этимъ самымъ приобщаемъ ихъ къ тому великому развитію, въ которомъ однимъ онѣ могутъ достигнуть своего истиннаго блага.

Какой же окончательный выводъ изъ этого рокового дѣла? Въ чемъ можно искать для него правильнаго исхода и надежды на примиреніе?

Если читатели насъ поняли, то они должны видѣть, что мы вовсе не говоримъ здѣсь о внѣшней сторонѣ дѣла и никакимъ образомъ не думаемъ распредѣлять права или области между поляками и русскими. Мы имѣли въ виду только внутреннее настроеніе двухъ племенъ, старались какъ возможно глубже прослѣдить за источниками внутренней боли, которая отзывалась въ нихъ при взаимной борьбѣ. Поэтому и теперь мы спрашиваемъ только о томъ какъ дол-

жны измѣниться настроенія племенъ, чтобы можно было надѣяться на нравственное исцѣленіе.

Что касается до насъ, русскихъ, то мы очевидно должны съ болышю вѣрою и надеждою обратиться къ народнымъ началамъ. Мы тогда только будемъ правы въ своихъ собственныхъ глазахъ, когда повѣримъ въ будущасть еще хаотическихъ, еще несложившихся и невыяснившихся элементовъ духовной жизни русскаго народа. Но только вѣрить мало, и только тѣшить себя надеждами неизвинительно. На насъ лежитъ обязанность понять эти элементы, слѣдить за ихъ развитіемъ и способствовать ему всѣми мѣрами. Намъ можетъ быть сладка наша вѣра въ народъ и пріятны наши блестящія надежды. Но не забудемъ и горькаго; не забудемъ, что на насъ лежитъ тяжелый долгъ — оправдать нашу народную гордость и силу.

Что касается до поляковъ, то имъ предстантъ также трудная задача. Очевидно они должны отказаться отъ той доли своей гордости, которая опирается на ихъ высокую цивилизацію. Даже въ томъ случаѣ, когда бы Польша была независима, поляки должны положить въ себѣ то надмѣніе, которое имъ внушаетъ ихъ образованіе: иначе они никогда не будутъ въ силахъ заглушить въ себѣ то мучительное чувство, которое возбуждастъ въ нихъ большее могущество Россіи или выходъ областей изъ-подъ польскаго вліянія.

Только такимъ образомъ возможно примиреніе и разрѣшеніе этого внутренняго узла въ роковомъ вопросѣ. И обратно: если эти условія не будутъ выполнены, трудно представить, чтобы можно было избѣжать дальнѣйшихъ бѣдствій. Если Россія не содержитъ въ себѣ крѣпкихъ духовныхъ силъ, если она не проявитъ ихъ въ будущемъ въ ясныхъ и могучихъ формахъ, то ей грозятъ вѣчное колебаніе, вѣчныя опасности. Если Польша не откажется отъ гордости своею образованностью, то она неминуемо должна будетъ напрягать свои силы свѣнше мѣры, будетъ постоянно питать требованія, которыхъ удовлетвореніе чрезвычайно трудно или даже невозможно.

Какія задачи! Какая неизмѣримая тяжесть заключается въ этихъ словахъ, которыя такъ просто выговорить!

Русскія духовныя силы! Гдѣ онѣ? Кто кромѣ насъ имъ повѣритъ, пока онѣ не проявятся съ осязаемою очевидностію, съ непрекаемою властію? А ихъ развитіе и раскрытіе — оно требуетъ вѣковой борьбы, труда и времени, тяжелыхъ усилій, слезъ и крови.

Отказаться отъ гордости своею цивилизаціею! Развѣ это легко? Можетъ быть это даже вовсе невозможно! Вѣдь цивилизація входитъ въ плоть и кровь человѣка; вѣдь не даромъ она высокое бла-

го, честь и гордость историческихъ народовъ. Ничего нѣтъ страннаго, что за нее умираютъ какъ за святыню.

Пожелаемъ отъ всей души, чтобы при рѣшеніи этого рокового вопроса какъ можно меньше лилось крови двухъ родственныхъ племенъ; будемъ призывать всѣми нашими желаніями самый мирный, наименѣе губительный внѣшній исходъ для этого дѣла. Но чѣмъ глубже мы поймемъ его внутренніе источники, тѣмъ лучше; чѣмъ яснѣе мы создаемъ взаимныя отношенія, тѣмъ легче можетъ совершиться ихъ правильное разграниченіе. И потому не станемъ скрывать отъ себя всѣхъ трудностей внутренней задачи, лежащей въ вопросѣ. Польскій вопросъ дѣрзаетъ еще долго будетъ глубокимъ русскимъ вопросомъ; чѣмъ онъ труднѣе и важнѣе, тѣмъ нужнѣе для насъ созавать въ отношеніи къ нему свой долгъ.

РУССКІЙ

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

Высочайшій манифестъ о прощеніи возмущившихся поляковъ. — Проектъ положенія о народныхъ училищахъ. — Заграничныя рабочіе, привозимыя въ Россію. — Способы пользованія помѣщичьими землями. — Обращеніе г. Каткова на путь покровительственной системы народнаго хозяйства. — Акцизный откупъ на добываніе и продажу соли. — Значеніе налоговъ. — Измѣненія въ системѣ наказаній. — Всеподданнѣйшіе адреса различныхъ губерній и сословій. — Уясненіе отношеній между крестьянами и помѣщиками въ западныхъ губерніяхъ. — Присутствіе г. Костомарова къ дѣлу народнаго образованія въ южной Руси. — Южно-русская желѣзная дорога. — Мелочи нашихъ домашнихъ дѣлъ

Всякій русскій, не вмѣющій несчастія быть въ то же время космополитомъ, глубоко озабоченъ теперь вопросомъ, выйдутъ-ли польскія дѣла изъ круга нашихъ домашнихъ дѣлъ, или не выйдутъ? Иностранная политика раздуетъ ли польскія дѣла въ форму европейскаго вопроса? Возникнетъ ли война съ иностранными державами? Призывъ на дѣйствительную службу безсрочныхъ и долгосрочныхъ отпусковыхъ съ запрещеніемъ давать отпуска на продолжительные сроки составляетъ ли признакъ близкой войны? Или это есть только мѣра осторожности, и въ то же время демонстрація, съ цѣлью показать, что воинственныя фразы и крѣпкія слова, на которыя такъ щедры стали противъ Россіи западныя газеты, не встрѣтятъ у насъ рабской готовности исполнить все что требуется, безъ отговорокъ? Происходящія усиленныя работы въ Кронштадтѣ по вооруженію укрѣпленій и флота и совершающееся передвиженіе войскъ къ берегамъ Балтійскаго моря простыя ли только демонстраціи или уже грозные признаки готовой вспыхнуть войны? Мы уже знаемъ изъ обнародованнаго разговора, происходившаго между нашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и англійскимъ посланникомъ, что правительство наше смотритъ на польскій вопросъ какъ

на совершенно домашнее дѣло, опираясь именно на текстъ вѣнскаго договора, между тѣмъ какъ на основаніи того же договора запальныя державы желали бы самостоятельности Польши. Вѣнскимъ договоромъ постановлено, что національныя учрежденія, которыя будутъ даны различнымъ членамъ польской націи, будутъ соображены съ тѣмъ видомъ политическаго существованія, какой правительствами русскимъ, австрійскимъ и прусскимъ признается полезнымъ и приличнымъ. Въ силу этой статьи русское правительство остается полнымъ хозяиномъ формы представительства и національныхъ польскихъ учреждений.

Императоръ Александръ I, — сказалъ нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ англійскому посланнику, — пользуясь своимъ неоспоримымъ правомъ въ смыслѣ либеральномъ и даже восторженномъ, черезъ нѣсколько времени послѣ заключенія вѣнскаго договора, добровольно далъ царству польскому представительное устройство, которое на опытѣ оказалось не соответствующимъ миру и благосостоянію Польши и Россіи. Это устройство никогда не было сообщено иностраннымъ державамъ, какъ исполненіе какого-нибудь международнаго обязательства. Мы всѣ знаемъ при какихъ условіяхъ это устройство погибло. Что императоръ Александръ I сдѣлалъ въ полнотѣ своей власти, то могло быть въ силу той же власти его преемникомъ отиѣнено. Нынѣшній императоръ, всегда вѣрный началамъ, которыя прилагаются и къ Россіи, приложилъ тѣ же начала и къ Польшѣ, и можетъ быть въ большей мѣрѣ, нежели то было дано какой-либо другой части его владѣній...

Но чтобы тамъ изъ этого ни произошло, какъ ни печальны тѣ дипломатическія затрудненія, въ которыя поставлено наше правительство коллективными или одновременными потоми иностранныхъ державъ, какъ ни велики суммы общественныхъ денегъ, которыя тратятся на военныя приготовленія и на передвиженіе войскъ, какъ ни излишни всѣ эти затрудненія въ самую важную для Россіи минуту, когда на рукахъ пропасть домашнихъ дѣлъ, начатыхъ но еще не конченныхъ, — все это ровню ничего не значить въ виду того что мы теперь имѣемъ полное право ожидать.

31 марта подписаиъ манифестъ, обещающій совершенное прощеніе всѣмъ повстанцамъ царства польскаго, которые сложатъ оружіе и возвратятся къ долгу повинненія до 1 мая. «На насъ лежитъ священная обязанность, — сказано въ манифестѣ, — охранять край отъ возобновленія волненій и безпорядковъ и открыть новую эру въ политической его жизни, которая можетъ начаться только посредствомъ разумнаго устройства мѣстнаго самоуправленія, какъ основы всего общественнаго зданія.» Далѣе говорится о дарованныхъ царству польскому установленіяхъ, о томъ, что они сохраняются

во всей своей силѣ, а въ послѣдствіи приступлено будетъ къ дальнѣйшему ихъ развитію, соотвѣтственно нуждамъ времени и страны.»

Въ особомъ указѣ сенату отъ того же числа изъясняется полное и совершенное прощеніе тѣмъ изъ обывателей западныхъ губерній, которые теперь вовлечены въ безпорядки, но возвратятся къ долгу повиновенія тоже до 1 мая. «Мы пребываемъ въ надеждѣ, — сказано далѣе, — что сія монаршая милость будетъ справедливо оценена благомыслящими жителями края и что они съ своей стороны будутъ продолжать содѣйствовать къ охраненію въ немъ общественнаго спокойствія и порядка, въ твердомъ убѣжденіи, что отъ сего зависить дальнѣйшее исполненіе предначертаній нашихъ, съ самаго начала нашего царствованія направленныхъ къ расширенію общественныхъ правъ, дарованныхъ всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ, и къ постепенному распространенію круга дѣятельности, предоставленной разнымъ мѣстнымъ въ имперіи нашей учрежденіямъ.»

Не смотря на различіе выраженій манифеста и указа сенату, мы не имѣемъ никакого права предполагать, что и сущность новой эры въ политической жизни, сущность расширенія общественныхъ правъ будетъ различна для Россіи, для западныхъ губерній и для царства польскаго, и съ величайшимъ довѣріемъ будемъ ожидать новой эры въ политической нашей жизни. Первый шагъ сдѣланъ, и прѣнимая въ соображеніе великость дѣла, сдѣланъ весьма быстро. Двадцать миліоновъ свободныхъ гражданъ приобрѣтено въ какіе-нибудь два года; стало-быть не слишкомъ долго придется ожидать и другихъ, дальнѣйшихъ мѣръ къ расширенію общественныхъ правъ другихъ сословій. Западные публицисты съ пренебреженіемъ отзываются о Россіи, которая не слыхивала еще слова «свобода» въ то время, когда Польша пользовалась либеральнѣйшими учрежденіями. Но эти крикуны не имѣютъ никакого понятія о Россіи, которая имѣла демократическія республики въ ту пору, когда Европа лежала въ глубочайшемъ рабствѣ, когда тамъ процвѣтали и право «мертвой руки», и *ius primae noctis* и всѣ ужасы феодальнаго рыцарства. Не имѣя ни малѣйшаго понятія о Россіи, западные публицисты кричатъ изо всѣхъ силъ, что Польша несравненно образованнѣе Россіи и потому должна пользоваться болѣе свободными учрежденіями. Слова нѣтъ, польская цивилизація гораздо выше русской; Польша гораздо болѣе Европа, чѣмъ Россія; но ежели судьба избавила Россію отъ этой католической цивилизаціи, то и русскіе люди будутъ объ этомъ жалѣть. Олигархическія учрежденія съ пренебреженіемъ народа не только по обычаю, но и по закону, чькогда не могли бы прѣняться къ Россіи, и вовсе не нужно было

слишкомъ арымъ патриотомъ, чтобы рѣшить что ближе къ идеалу человѣческаго благоустроеннаго общества: наша ли сельская община, такъ какъ она существуетъ въ понятіяхъ народныхъ, или какая нибудь манчестерская бумагопрядильная фабрика. Точно такъ же не надо быть слишкомъ безусловнымъ патриотомъ чтобы замѣтить, что ни одинъ народъ на свѣтѣ не относится къ своимъ учрежденіямъ такъ просто и естественно, какъ нашъ народъ. Стоитъ только вспомнить весьма недавнія опасенія людей, мало знающихъ Россію, которые опасались волненій по случаю манифеста 19 февраля два года тому назадъ. Подобныя господа ждали чего то и въ нынѣшнемъ году 19 февраля, по случаю окончанія обязательныхъ отношеній дворовыхъ къ бывшимъ помѣщикамъ, вѣхомолку поговаривали, что могутъ произойти волненія. Но оказалось, что ничего подобнаго и не могло быть. Радикальная перемена въ бытѣ народномъ произошла такъ спокойно, какъ будто такъ оно и слѣдовало: народъ принялъ освобожденіе какъ что-то должное и усвоилъ его такъ глубоко, какъ будто никогда не терялъ свободы. Теперь бывший крѣпостной, болѣе свободный, чѣмъ крестьянинъ государственный, сталъ совершенно другой человѣкъ: безъ малѣйшей заносчивости онъ сознаетъ свои права, но нельзя даже замѣтить, что онъ особенно радъ признанію этихъ правъ другими. Такъ слѣдовало: онъ получилъ только должное, что будетъ слѣдовать — заплатить потовымъ трудомъ, и не волнуется, не трепещетъ отъ восторга, какъ французъ, сдѣлавшійся пропріетеромъ. Кто бывалъ прежде въ сношеніяхъ съ крестьянами, но два года не былъ въ деревнѣ, тотъ теперь едва узнаетъ своихъ прежнихъ знакомцевъ. Судебные слѣдователи находятъ, что теперь легче производить слѣдствія, удобнѣе открыть правду и на всевозможныхъ допросахъ крестьянинъ является съ сознаніемъ права, съ чувствомъ собственного достоинства, съ уваженіемъ къ правдѣ. Видно, что ему не нужно было привыкать къ этому: онъ дождался только признанія этихъ правъ другими.

Поэтому-то съ величайшимъ довѣріемъ къ будущности русскаго народа мы ожидаемъ «расширенія общественныхъ правъ» и «распространенія круга дѣятельности, предоставленной разнымъ мѣстамъ въ имперіи учрежденіямъ». Мы твердо убѣждены, что ни одна изъ обѣщаемыхъ правительствомъ либеральныхъ мѣръ не можетъ быть введена слишкомъ рано, хотя бы по одному тому, что люди, говорившіе будто рано предпринималось у насъ освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости — самымъ полнѣйшимъ образомъ ошиблись.

Но какія бы ни принимались правительствомъ мѣры для расширенія общественныхъ нашихъ правъ, первѣйшимъ и неизбѣжнымъ

условіемъ всякаго шага впередъ все-таки будетъ и останется образованность, и потому новый проектъ положенія о народныхъ училищахъ имѣеть неслучайную важность. Но такъ какъ пока имѣеть это только еще проектъ, не введенный еще въ дѣйствіе и окончателно не утвержденный, то нѣсколько словъ о немъ можетъ быть будутъ не лишними.

Нѣтъ никакой возможности согласиться съ первою фразою проекта, хотя она повидимому должна служить основаніемъ всего плана.

Вотъ эта первая фраза :

1) Народное образование имѣеть цѣлю утвердить въ народѣ *религіозныя и нравственныя* понятія, и сообщеніемъ ему необходимыхъ свѣдѣній довести его до той степени *умственного* развитія, которая необходима для успешнаго *отправленія общественныхъ и домашнихъ занятій и обязанностей.*» Вслѣдъ за тѣмъ опредѣляется начальство каждой народной школы, хотя потомъ во второй главѣ (п. V) опять говорится объ управленіи нормальными народными училищами; и въ третьей главѣ опредѣляются правила управленія начальными народными училищами. Эта тройная заботливость о постановленіи надлежащаго начальства происходитъ, вмѣстѣ съ остальными ошибками проекта, отъ ложныхъ основаній, отъ ошибки первой фразы.

Эта первая фраза постановляетъ народному образованію четыре цѣли: 1) религіозное развитіе учащихся; 2) нравственное развитіе; 3) умственное развитіе, и 4) практическое приложеніе знаній къ отправленію общественныхъ и домашнихъ занятій и обязанностей. Что и говорить — цѣли прекрасныя; религія, нравственность, знанія и практическое ихъ примѣненіе, все это весьма желательно, да дѣло въ томъ, что это пустыя фразы, не имѣющія никакого значенія въ проектѣ. А пока мы не откажемся отъ фразы, до тѣхъ поръ мы не будемъ ясно видѣть дѣла, и все будемъ воображать, что на школьной скамьѣ можно утвердить въ человѣкѣ религіозныя и нравственныя понятія. Знанія, одни только знанія могутъ быть удовлетворительно сообщены ученикамъ, а за тѣмъ какъ ни обучайте правилами нравственности, какъ ни твердо выучены будутъ законы морали, — жизнь возьметъ свое и докажетъ несомнѣнно, какъ дважды-два четыре, что нравственность преподается и прочно прививается только обществомъ, жизнью, тою средой, въ которой вырастается человѣкъ, и что одно только знаніе молитвъ и житія святыхъ не составляетъ религіозности, не даетъ истинной нравственности. Ежели образованіе дается школою, то воспитаніе дается жизнью; нравственность, чувство гражданскаго и семейнаго долга въ

школъ не приобретається ; это уже давно сказано и доказано, это педагогическая азбука, которая оказывается незнакомою проекту, который однако же имѣетъ претензію назначать испытаніе въ курсѣ педагогики священнослужителямъ, опредѣляемымъ въ народныхъ училища спархіальнымъ начальствомъ.

Научите человѣка читать, писать, считать, объясните ему явленія окружающаго его міра, сообщите ему вѣрныя понятія объ исторіи и географіи его отечества, — вотъ все что нужно для народной школы. Церковь, которая печется обо всѣхъ насъ, не оставитъ своимъ наставленіями и ученика народной школы, а жизнь дастъ ему ту нравственность, которая въ ней есть, что бы вы тамъ въ школъ для нравственности ни дѣлали. Если же вы хотите поднять нравственный уровень общества, то на это есть средства, только не школьныя, не ученическія, а житейскія, общественныя. Замѣчено давно, что нравственность приближается къ истинной только въ такомъ обществѣ, которое пользуется ясными правами самостоятельности, самоуправленія и сверхъ того достаточнымъ свѣтомъ образованности. Вотъ и все что нужно для воспитанія нравственнаго чувства. Воспитательная сила школы совершенно ничтожна; можно сказать даже, что она вовсе не существуетъ. Здравая педагогика должна это признавать несомнѣнною истинною, допуская лишь то благотворное вліяніе на нравственность, которое вносится знаніемъ, какъ свѣлой, совершенно независимо отъ всякихъ стараній со стороны педагога дѣйствовать на нравственность какъ-нибудь непосредственно.

Въ иной закрытой школъ достопочтенный педагогъ всякій день можетъ весьма краснорѣчиво распространяться о нравственныхъ обязанностяхъ человѣка, о честности высокой, о красотѣ правды, и т. д. Ученики весьма могутъ его слушать съ удовольствіемъ, но могутъ въ тоже время замѣчать, что у почтеннаго начальника, получающаго столько жалованья сколько надобно прожить, является великолѣпная мебель, поставленная казеннымъ столяромъ, является экипажъ и глѣ-пѣбудь скромненькая деревенька съ надлежащимъ количествомъ душъ. Теперь уже этого говорить не бываетъ, нравы перемѣнились, такъ какъ сдѣлалось невозможнымъ приобретать собственную душу. Даже еслибы школа не давала подобнаго противорѣчія, и слова воспитателей были бы всегда согласны съ ихъ поступками, еслибы воспитанники никогда не видали рабскаго переполоха и неприличныхъ поклоновъ по случаю приѣзда высшаго начальства, жизнь являлась бы съ своимъ неумолимымъ противорѣчіемъ и опрокинула бы все щаткое зданіе нравственности, построенное честнѣйшими педагогами. Хорошо это или худо, пусть

рѣшаютъ люди практическіе ; но дѣло въ томъ , что человѣкъ , которій вынесъ бы изъ школы въ практическую жизнь неколебимыя правила нравственности , безо всякой уступки , или сойдетъ съ ума , или попадетъ въ острогъ въ самомъ непродолжительномъ времени . Другой дороги ему нѣтъ . И это во всѣхъ безъ исключенія званіяхъ и состояніяхъ человѣческаго общества , во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности .

Является такого сорта напримѣръ Иванъ изъ школы на село . Хорошо ли , худо ли живетъ день , другой , третій и конечно начинается про него молва , будто онъ юродивый , божій человѣкъ . Вдругъ попадаетъ онъ въ понятые : зарѣзался сосѣдъ и становой дѣласть осмотрѣть .

— Ну , видите , ребята ? Зарѣзался . Такъ ли ?

— Вѣстимо такъ ; зарѣзался , кормилецъ , зарѣзался ! отвѣчаютъ понятые .

— Отчего же у него голова разбита ? спрашиваетъ Иванъ съ твердыми нравственными убѣжденіями .

Становой смотритъ на него съ удивленіемъ , потому что съ кѣмъ слѣдуетъ поговорилъ наединѣ и приобрѣлъ извѣстныя убѣжденія . Однако удостоиваетъ любопытнаго Ивана отвѣтомъ :

— А какъ же ! Зарѣзавшись упалъ и расшибся .

— Еслибы такъ , то разбить бы былъ затылокъ , какъ лежитъ ; а вотъ у него високъ разбитъ , лобъ разбитъ , на рукѣ смякъ .

— Чтоже это потвоему ? Не зарѣзался ? спрашиваетъ становой .

— Зарѣзанъ—то онъ , это видно ; только не можетъ быть чтобы самъ .

— Такъ ты дѣло это знаешь ? Взять его по прикосновенности , да заковать на всякій случай .

И сидитъ Иванъ лѣтъ шесть въ острогѣ , и допрашивается по прикосновенности , а понятые говорятъ :

— Не совѣлся бы куда не спрашиваютъ : плетью обуха не перешибешь .

Можетъ попасть подобный Иванъ изъ школы на службу гражданскую и явится съ докладомъ къ хорошему , честному начальнику .

— Передѣлайте эту бумагу , говоритъ ему начальникъ . — Надо отказать , непременно отказать .

— Но это будетъ несправедливо , возражаетъ Иванъ .

— Не о томъ рѣчь ! отвѣчаетъ начальникъ : — вы не знаете взгляда на это дѣло его пр—ства . Надо отказать .

— Но его пр—ство ошибается ; это вопіющая несправедливость . Я бумагу не могу передѣлать : это будетъ противъ совѣсти .

— Такъ служить нельзя! говорить ему добрый начальникъ: — намъ дѣлать какъ велать, или выходите въ отставку; только другой службы не ищите, потому что вездѣ такъ.

И если не послушается Иванъ, въ отставку не выйдетъ, то въ непродолжительномъ времени наткнется на такой казусъ, что выгнать, распорядится административнымъ порядкомъ, такъ что и жизни не радъ будешь.

Можетъ попасть подобный Иванъ въ торговлю. Но о всероссійской торговлѣ мы покаместъ говорить не будемъ.

Всякій согласится, что жизнь къ несчастію требуетъ уступочекъ и вырабатываетъ особенныя, независимыя отъ христіанства и отъ книжныхъ правилъ понятія о нравственности. Хорошій чиновникъ, хорошій кузнецъ, хорошій служака — это вовсе не то что хорошій человѣкъ. И если Пироговъ говорилъ, что школа должна готовить прежде всего человѣка, и ежели нашлась бы школа, которая могла бы подобный экземпляръ приготовить, то это былъ бы несчаствѣннѣйшій въ мірѣ человѣкъ, поставленный въ вѣчную, непримиримую оппозицію съ окружающею средою, человѣкъ стало-быть безпокойный, которому уготовано мѣсто въ тюрьмѣ. Но дѣло въ томъ, что школа въ воспитательномъ отношеніи безсильна; человѣка она воспитать не можетъ; субъекты воспитываются жизнью, обществомъ, а это общество, какъ организмъ, приспособляетъ себѣ свои органы сообразно съ своими потребностями.

Точно такъ же и наоборотъ, школа безсильна развратить человѣка. Еслибы нашолся такой странный педагогъ, который вздумалъ бы проповѣдовать на примѣръ, что воровство дѣло похвальное и что слѣдуетъ уважать только свою собственность, то это было бы точно такъ же бесполезно, какъ проповѣдывать уваженіе къ чужой собственности и презрѣніе къ кражѣ. Школа можетъ дать только начальныя основанія образованности, а нравственныя правила даются жизнью, обществомъ, семействомъ. Еслибы даже общество стало терпѣть проповѣдника кражи, еслибы даже ученики его повѣрили ему и убѣдились въ томъ, что воровство похвально, то съ перваго шага въ жизни они должны были бы разубѣдиться. Они увидали бы сразу, что общество уважаетъ чужую собственность, требуетъ этого уваженія отъ всѣхъ своихъ членовъ и караетъ кражу, и труды страннаго педагога пропали бы даромъ.

Дѣло въ томъ, что при очевидномъ безсиліи школы въ воспитательномъ отношеніи надо перестать обманывать себя; надо рѣшиться требовать отъ нея только силы образовательной, направленной только на сообщеніе знаній, на умственное развитіе учениковъ, возлагая всю надежду на то, что въ самомъ знаніи заключастся зна-

чительная воспитательная сила, которая безъ слѣда не остается. Нало въ этомъ согласиться; отъ этого основанія зависитъ весь планъ будущихъ народныхъ училищъ нашихъ.

Если это такъ, если отъ народныхъ школъ не слѣдуетъ, невозможно ожидать воспитательнаго вліянія, то онѣ не требуютъ никакого особеннаго надзора; не нужно слѣдить за направлениемъ преподаванія, нѣтъ надобности представлять министерству о лицахъ, которыя оказались бы неблагонадежными, не нуженъ уѣздный училищный совѣтъ.

А нѣтъ возможности съ этимъ не согласиться. Нужна грамотность, необходимы знанія, какъ хлѣбъ насущный, а мы тутъ разбираемъ еще кто печеть этотъ хлѣбъ, да въ какомъ направленіи. Покажѣсть голодъ насъ такъ жестоко мучить, можно бы объ этомъ не заботиться и требовать хлѣба, хлѣба и хлѣба. Пусть всякій кто хочетъ и можетъ даетъ намъ знаній какъ можно больше, всякихъ, какихъ угодно. Покажѣсть, съ голодухи, всякія годятся. Жизнь все это переварить, усвоить, все это окрѣпить и тогда можно будетъ позаботиться о болѣе деликатной пищѣ.

Вотъ какія постановлены въ проектѣ правила для начальныхъ народныхъ училищъ. Я вздумалъ открыть у себя въ деревнѣ училище. Чтобы имѣть на это право, я долженъ подать прошеніе въ уѣздный училищный совѣтъ, и вѣроятно получу на это разрѣшеніе, если кому-нибудь изъ членовъ училищнаго совѣта не вздумается усомниться въ моей благонамѣренности или въ моей нравственности. Извѣстно какія это эластическія понятія; можно доказывать, что человекъ, не довольно низко поклонившійся губернатору — неблагонамѣренный, а неприсяжій благословенія у встрѣчнаго на улицѣ священника — безнравственный.

Но положимъ, что я не подалъ повода сомнѣваться въ своихъ добродѣтеляхъ, и открытіе училища мнѣ разрѣшается. Тогда я добровольно приобретаю себѣ, по смыслу проекта, безконечное множество начальства. Вопервыхъ уѣздный инспекторъ училищъ можетъ во всякое время приѣзжать въ мою школу «наблюдать за направлениемъ учебной части, указывать мнѣ на лучшія методы ученія и на лучшія учебныя руководства.» Если же я буду имѣть несчастье не соглашаться съ мнѣніями уѣзднаго инспектора училищъ, то онъ представляетъ свои заключенія уѣздному училищному совѣту. Это вторая степень моего начальства. Совѣтъ имѣетъ право закрыть мою школу, основываясь на представленіи уѣзднаго инспектора. А кто же можетъ поручиться, что онъ не сочтетъ меня за человека неблагонамѣреннаго, если я не поставлю ему надлежащей закуски?

Третья степень начальства — попечитель учебнаго округа, къ которому, «въ надлежащихъ случаяхъ, по дѣламъ учебнымъ, училищный совѣтъ входитъ съ представленіями.»

Четвертая степень начальства министерство народнаго просвѣщенія, въ случаѣ если я заслуживаю пособія и поощренія, и министерство внутреннихъ дѣлъ, если я покажусь уѣздному инспектору училищъ «человѣкомъ неблагонадежнымъ, котораго нельзя терпѣть на педагогическомъ поприщѣ.» Само собою разумѣется, что въ виду такого множества начальства я десять разъ подумаю прежде чѣмъ заведу школу для деревенскихъ мальчиковъ, и подумавши хорошенько, буду обучать ихъ тайно, не испрашивая разрѣшенія и не подвергаясь начальственнымъ осмотрамъ. Тайныя школы — неизбежное слѣдствіе такой тѣсной регламентаціи народныхъ школъ. Другое слѣдствіе этой регламентаціи — меньшее количество школъ противъ того, что можно было бы ожидать, еслибы общество было ближайшимъ судьей всякой народной школы. И все это слѣдано изъ боязни какихъ-то неблагонадежныхъ, неблагонамѣренныхъ, безнравственныхъ людей, какъ-будто что-нибудь могутъ значить всѣ эти воображаемыя привидѣнія.

Безполезность подобной регламентаціи видна еще въ томъ, что ее всегда легко обойти, и что она лишаетъ общество права или снимаетъ съ него обязанность имѣть надъ школою контроль съ своей стороны, контроль во всякомъ случаѣ болѣе дѣйствительный, чѣмъ одинъ приѣздъ въ годъ инспектора училищъ.

Еслибы нашолся сумашедшій человѣкъ, который сталъ бы тратить время и деньги на преподаваніе какихъ-нибудь неблагонамѣренныхъ вещей, то это не такъ-то легко инспектору замѣтить въ одно посѣщеніе или не болѣе какъ въ два посѣщенія въ году. Злонамѣренный человѣкъ конечно будетъ весьма остороженъ. Если же инспекторъ на пятый или на десятый годъ откроетъ злонамѣренность преподаванія, то неблагонамѣренный человѣкъ не пожалѣетъ ничего, чтобы задарить инспектора и заставить его молчать, подтѣмъ предложомъ, что ничего *такого* не замѣтилъ. Общество въ этомъ случаѣ самый лучший и самый зоркій судья, но только въ такомъ случаѣ, если его оставить безъ опеки, чтобы оно не имѣло право сказать: что же это начальство не смотритъ какія вещи позволяютъ преподавать! Если преподаватель будетъ говорить противъ тѣхъ понятій, которыя установились въ обществѣ, то школа его скоро опустѣетъ и онъ будетъ читать свои лекціи стѣнамъ. Если же онъ не будетъ противорѣчить тому что принято всѣми, то въ чемъ же тутъ бѣда?

Потомъ курсъ частныхъ народныхъ школъ довольно ограни-

чень. Законъ божій, чтеніе гражданской и церковной печати, письмо и первыя четыре дѣйствія арифметики. Въ случаѣ желанія учредителя, онъ можетъ расширить курсъ до того что разрѣшено въ нормальныхъ народныхъ училищахъ. Непостижимо, для чего такое ограниченіе. По этому проекту дальше мильона считать было бы нельзя, безъ опасенія подвергнуться обвиненію въ неблагонадежности и неблагонамѣренности. Въ самомъ дѣлѣ, если постановленъ законъ, то онъ долженъ быть исполняемъ свято, и такъ какъ счисленіе разрѣшено только до мильона, то нельзя напримѣръ сказать сколько жителей въ петербургской и московской губерніяхъ. Полтора мильона будетъ уже цифра противозаконная. Въ первомъ классѣ позволяется считать «не далѣе тысячи.» Сказано самое слово не *далѣе*. Стало-быть напримѣръ 1863 годъ будетъ цифра тоже незаконная, преступленіе противъ шестнадцатаго пункта второй главы. Надо закрыть ту школу, въ которой ученикъ перваго класса сумѣетъ прочесть эту цифру.

Преподавайте что угодно, какъ угодно, только сообщайте какъ можно болѣе самыхъ точныхъ свѣдѣній; вотъ основное правило, которое должно бы принять, а неблагонамѣреннымъ и неблагонадежнымъ преподавателемъ признавать того, кто говорилъ бы, что Петербургъ стоитъ на рѣкѣ Волгѣ, а дважды-два шесть. Ничего больше не нужно; общество будетъ само судить кому можно доверить дѣтей и кому нельзя, т.-е. кто преподаетъ успѣшно, у кого дѣти выучиваются скоро и толково, или кто цѣлый годъ моритъ дѣтей на букварѣ.

Объщанное «расширеніе общественныхъ правъ» и «расиро-
шеніе круга дѣятельности, предоставленной разнымъ мѣстнымъ въ имперіи учрежденіямъ» окажетъ намъ между прочимъ ту услугу, что привлечетъ изъ за границы множество рабочихъ рукъ, въ которыхъ мы такъ нуждаемся. Характеръ существующихъ у насъ учреждений не манитъ къ себѣ переселенцевъ, которые тысячами, десятками тысячъ ѣдутъ изъ западной Европы за океанъ искать себѣ работы вмѣстѣ съ прекраснымъ политическимъ положеніемъ. Переселенцы составили силу сѣверной Америки, такъ какъ всякое увеличеніе народонаселенія имѣетъ слѣдствіемъ то, что люди живутъ ближе другъ къ другу, общины становятся многолюднѣе и стало-быть въ промышленномъ отношеніи сильнѣе. Мы пробовали выискивать рабочихъ изъ-заграницы, давали имъ на переѣздъ деньги, предварительно заключали контракты, съ величайшею точностью опредѣляли всѣ условія, и всякій разъ вслѣдъ за прибытіемъ рабочихъ начинались неудо-

волею. Помѣщики были недовольны, рабочіе роптали и въ большей части случаевъ контракты были съ обѣихъ сторонъ уничтожены съ величайшимъ удовольствіемъ. Можно указать лишь на самое незначительное количество имѣній, гдѣ заграничные рабочіе остались на основаніи первоначальныхъ контрактовъ. Теперь уже едва ли кто рискнетъ выписать себѣ работниковъ изъ-за границы, да едва ли найдется и агентъ, который взялъ бы на себя трудъ нанимать рабочихъ на мѣстѣ и заключать тамъ съ ними контракты. По крайней мѣрѣ главный агентъ по найму рабочихъ за границей, г. Фишперусъ, публично теперь рассказываетъ въ томъ что дѣлалъ и даетъ заклятіе, что никогда впредь не будетъ. Въ Германіи ввемъ рабочихъ въ Россію встрѣчаетъ сильную, озлобленную оппозицію со стороны печати и мелкихъ правительствъ. Баварское и виртембергское министерства внутреннихъ дѣлъ печатали объявленія, что русскіе агенты сманиваютъ рабочихъ, не исполняютъ контрактовъ, морятъ нѣмцевъ голодомъ, не даютъ имъ средствъ воротиться на родину и много еще рассказываютъ разнѣхъ ужасовъ. Несмотря на это, условія, предлагавшіяся русскими помѣщиками, были такъ выгодны, что очень легко было нанять въ Баваріи хоть тысячу человекъ въ одинъ день. Такъ какъ агенты требовали у нанимающихся законныхъ свидѣтельствъ въ благонадежности и хорошемъ поведеніи, то общины требовали отъ присутственныхъ мѣстъ хорошихъ рекомендацій людямъ самымъ послѣднимъ, отъ которыхъ имъ хотѣлось избавиться. Общины верѣдко вызывались даже сами заплатить за проездъ рабочихъ до мѣста, лишь бы только агенты согласились ихъ принять. Когда приходилось нанимать сто человекъ, то желающихъ являлось не меньше тысячи и каждый предпринималъ самыя невинныя хитрости, только чтобы понасть въ контрактъ. Такъ и рвались другъ передъ другомъ. Но вотъ наконецъ контрактъ подписанъ, а все народъ грамотный и руку приложить умѣетъ. Быстро собираются въ дорогу, ѣдутъ, но только что переключаются за русскую границу, какъ припоминаютъ всѣ нелѣпости, читанныя о Россіи въ своей сельской газетѣ. То имъ кажется, что вотъ сейчасъ нападутъ на нихъ стадо медвѣдей, то воображаютъ, что сейчасъ надѣвнутъ на нихъ кандалы и поведутъ продавать съ публичнаго торга. Оказывалось большею частью, что эти господа не читали своего контракта или не слушали его, когда онъ читался имъ въ присутствіи земскаго чиновника. Поэтому мажоритное недоумѣніе приводитъ все это стадо въ неописанное волненіе, которое можетъ быть усмирено, утишево только умѣлымъ человекомъ, близко знающимъ нравы, предразсудки и убѣжденія баварскихъ батраковъ. Но еслибы на бѣду въ самомъ дѣлѣ случилось

неисполненіе контракта или дурное кушанье или другая такого рода неисправность, то нѣмецкія газеты на цѣлый свѣтъ прокричали бы о мученичествѣ своихъ земляковъ и о томъ какъ не то люди, не то медвѣди съѣли ихъ живьемъ. Но къ счастью или къ несчастью мы не таковы: своего пожалуй еще обсудимъ, а нѣмецкаго человѣка пріютимъ, успокоимъ и даже готовы побаловать, такъ что нашу хлѣбъ-соль не помянутъ лихомъ.

Проѣздъ каждаго рабочаго до нашей границы обходился помѣщику кругомъ около тридцати двухъ рублей; сверхъ того комиссіонеру платилось пять рублей и принималось обязательство оставить рабочаго обратно по прошествіи срока найма. Отъ границы до мѣста найма кругомъ можно положить тринадцать рублей. Такимъ образомъ перемѣщеніе каждаго рабочаго обходилось рублей въ девяносто-пять или во сто. Контракты заключались обыкновенно на шесть лѣтъ, причемъ весь расходъ перемѣщенія падалъ на каждый годъ шестнадцатую рублемъ. Жалованья, кромѣ продовольствія, называлось по сорока-семи и по пятидесяти рублей въ годъ, что составляетъ съ путевыми издержками по шестидесяти-шести рублей въ годъ. Съ перваго дня прибытія рабочихъ въ нѣмніе оказывалось всякій разъ, что отъ нихъ нельзя получить всего ожидаемаго количества полезнаго труда. Каждому изъ нихъ приходилось привыкать къ орудіямъ, къ продовольствію, побѣдить тоску по родинѣ и т. д. На потерю времени такого рода надо положить рублей тридцать или еще по пяти рублей въ годъ. Вотъ уже семьдесятъ-одинъ рубль. Затѣмъ викакъ не менѣе четвертой части рабочихъ оказывалось совершенно негодными и это еще очень было счастливо. Эти бѣдняки, пролетаріи, даже на родинѣ своей уже никакъ не рѣже какъ черезъ годъ перемѣняли мѣста. А тутъ они заключали контрактъ, обезпечивающій имъ мѣсто съ продовольствіемъ и жалованьемъ на шесть лѣтъ. При этомъ такъ естественно, такъ въ натурѣ человека — полѣниться и постараться сработать какъ можно меньше, что слишкомъ винить заграничныхъ рабочихъ и нельзя. Да если еще принять въ соображеніе, что навимались сюда далеко не лучшіе люди, а такіе въ особенности, отъ которыхъ старались избавиться общества, то мы вовсе не преувеличимъ, опредѣливши убытокъ на этомъ еще въ двадцать-пять процентовъ. Да если прибавить сюда же не менѣе пяти процентовъ потери изъ нанятой суммы труда отъ болѣзни и смертности, то окажется, что каждый заграничный рабочій обходится помѣщику не менѣе девяноста или ста рублей въ годъ, кромѣ продовольствія, которое тоже значительно дороже того, какое покамѣстъ требуется русскимъ рабочимъ. Послѣ этого всякій согласится, что за такую цѣну и на такихъ харчахъ

можно легко нѣтъ отличнаго работника изъ русскихъ, который ничѣмъ не уступитъ самому крѣпкому и усердному нѣмецкому чело-
вѣку.

Это будетъ тѣмъ удобнѣе, что теперь, покамѣстъ и только пока-
мѣстъ, не предвидится особенной надобности въ большомъ числѣ
рабочихъ рукъ собственно для помѣщичьихъ хозяйствъ. Дѣло въ
томъ, что у насъ слишкомъ мало денегъ для найма рабочихъ и по-
камѣстъ обстоятельства и отношенія не установятся, пока мы не
осмотримся въ новомъ нашемъ положеніи, выгоднѣйшій способъ
пользованія помѣщичьею землею состоитъ покамѣстъ въ томъ,
чтобы отдавать ее окрестнымъ жителямъ изъ-полу. Отдавать ее въ
наемъ или нанимать рабочихъ для обработки земли на свой счетъ
помѣщикамъ (если не всѣмъ, то очень значительной ихъ части)
оказывается одинаково невыгоднымъ. Это только покамѣстъ, на
переходное время, а потомъ разумѣется обстоятельства потребуютъ
новыхъ комбинацій. О способахъ пользованія помѣщичьими зем-
лями недавно напечатана статья г. Скуратова въ «Сѣверной Почтѣ»,
того самаго г. Скуратова, который въ той же газетѣ, по поводу
спора гг. Шипова и Бунге, совѣтовалъ напечатать побольше аси-
гнацій (1). По всему видно, что г. Скуратовъ гораздо лучше пони-
маетъ сельское хозяйство, чѣмъ финансовыя вопросы, хотя сооб-
щая способъ отдачи земель крестьянамъ изъ половины урожая,

(1) Мѣсяцъ тому назадъ, въ статьѣ о нашихъ домашнихъ дѣлахъ, мы упоми-
нали объ этомъ спорѣ. Къ несчастію тогда проскользнула у насъ опечатка, по
поводу которой мы получили слѣдующее письмо:

М. Г., въ издаваемомъ вами журналѣ «Время», въ книжкѣ за мартъ, между
прочимъ сказано: «Въ этомъ спорѣ принялъ участіе г. Скарятинъ, въ другой
уже газетѣ, говоря, что не мѣшало бы напечатать побольше ассигнацій». Я по-
лагаю, что вы не въ состояніи указать ни газеты, ни статьи, въ которой я го-
ворилъ бы подобную вещь. Считаю такія дѣйствія ваши искаженіемъ факта, и
имѣю честь покорнѣйше просить васъ напечатать настоящее мое письмо въ бли-
жайшемъ номерѣ вашего журнала, а въ случаѣ отказа исполнить такое справед-
ливое и законное требованіе, меша объ этомъ уведомить. — Примите и пр.

В. Скарятинъ.»

Мы весьма сожалѣемъ объ опечаткѣ, о недосмотрѣ корректора, которому ко-
нечно болѣе знакомо имя г. Скарятинъ, чѣмъ г. Скуратова. Но читатель можетъ
легко замѣтить, что въ той статьѣ нашей имя г. Скуратова упоминается три
разъ, на стр. 79, 80 и 81, и только одинъ разъ, на стр. 85 оно замѣнено по
ошибкѣ именемъ г. Скарятинъ. Мы тѣмъ болѣе сожалѣемъ объ этой опечаткѣ,
вызвавшей справедливое негодованіе г. Скарятинъ, что онъ нисколько не раздѣ-
ляетъ финансовыхъ понятій г. Скуратова.

Ред.

онъ не открытъ ровно ничего новаго. Поэтому конечно была бы лучше, еслибы онъ ограничился хозяйственными соображеніями, не путая сюда догадокъ финансово-политическихъ, не страшая читателей незасѣянными полями, огромнымъ возвышеніемъ цѣвъ и такъ далѣе. Дѣло въ томъ, что пользование землею изъ половины или изъ опредѣленной доли урожая у насъ далеко не новость. Но въ примѣрѣ, приводимомъ г. Скуратовымъ, есть одна особенность, на которую стоить обратить вниманіе.

Въ двухъ имѣніяхъ г. Татищева, изъ которыхъ одно въ саранскомъ уѣздѣ пензенской губерніи, а другое въ крестецкомъ уѣздѣ новгородской, земля отдается не сельскому обществу въ полномъ его составѣ, не міру, а товариществу, состоящему изъ нѣсколькихъ избранныхъ «изъ благонадежныхъ, состоятельныхъ крестьянъ, семейныхъ, хорошаго поведенія и имѣющихъ хорошия лошадей для обработки». Прекрасно; для помѣщика въ нынѣшнемъ году это выгодно, можетъ-быть выгодно будетъ и въ слѣдующемъ году и еще нѣсколько лѣтъ, но потомъ невыгодность такого выбора выступитъ наружу со всею ясностью. Для міра это уже и теперь невыгодно. Подобнымъ выборомъ людей изъ сельской общины міръ дробится; его интересы теряютъ цѣлость, пропадаетъ солидарность, является зависть и различіе состояній увеличивается. Которыя имѣнія не принимаютъ въ товарищество половинщиковъ такихъ крестьянъ, у которыхъ лошаденки плоховаты, на томъ върадно основаніи, что плохая лошадь не возьметъ сохою достаточно глубокой борозды. Но развѣ въ хозяйствѣ только и дѣла, что пахать? и развѣ на отличной лошади недобросовѣстный рабочий не пройдетъ мелкой борозды? А потомъ, когда бѣдняку съ плохой лошадежкой по милости расчетливаго землевладѣльца некуда будетъ дѣвать свое время и онъ отъ этого обѣднѣетъ пуще прежняго, выгода ли будетъ сосѣдъ цѣпій? Да и наконецъ если община не отвергнетъ такого бѣднаго работника, то почему бы отвергать его землевладѣльцу, который не нынче такъ завтра будетъ членомъ той же общины? Интересы сельскаго міра могутъ дробиться внѣ общины; у каждаго члена общины могутъ быть свои собственные дѣла гдѣ угодно на сторонѣ, но какъ только дѣло касается земледѣльческаго круга, всякое дробленіе общины будетъ нарушеніемъ ея принципа и земледѣлецъ первый ощутитъ невыгоду отъ этого. Община, административная еѣ единица нашего будущаго самоуправленія, должна сохраняться во всей своей первобытной цѣлости, осмысли же для этого и понадобились со стороны помѣщика нѣкоторыя жертвы. А въ данномъ случаѣ и пожертвованія нѣтъ никакого. Залача въ томъ, чтобы обработать землю, посеять хозяйскіе сѣмена и убрать

хлѣбъ, раздѣляя урожай по уговору, столько-то хозяину, столько-то работникамъ. Такъ чтоже за дѣло хозяину кто будетъ на его землѣ работать и что можетъ ему быть за убытокъ, если община по какимъ-нибудь соображеніямъ приметъ въ свою среду хоть сотню лармоѣдовъ, которые только будутъ прогуливать по ее полямъ, вмѣсто того, чтобы работать? Вѣдь урожай дѣлится не по числу рабочихъ рукъ, а условленная половина поступаетъ хозяину, все равно, десять ли, двѣсти ли человекъ у него работаютъ. А если вы разрозните мѣстные интересы общины, то какже ожидать согласія впоследствии, когда община, конечно вмѣстѣ съ своимъ бывшимъ помѣщикомъ, будетъ призвана къ самоуправленію? Или нововведеніе г. Татищева неблаговолио или скорѣе г. Скуратовъ тутъ что-нибудь перенуталъ. Своими финансовыми флюратурами онъ доказалъ большую неясность своего пониманія.

Но что значать всѣ финансовыя варіанціи г. Скуратова въ сравненіи съ великими въ этомъ отношеніи подвигами г. Каткова? Вспомни, какъ читателями вѣроятно помнятъ, г. Катковъ вмѣстѣ съ своимъ знаменитѣйшимъ сотрудникомъ де-Мольшаръ, держался того знаменитаго ученія, которое проповѣдуетъ *laissez faire, laissez passer*. Самые хитрые діалектическіе приемы употреблялись на то, чтобы доказать эту выгодную для промышленныхъ странъ мысль, которой впрочемъ восторженно держались пражскы до тѣхъ поръ, пока существовало ихъ племя, потому что подавленное осуществленіемъ этой мысли. Они наслаждались молниѣйшею свободою привозной торговли, считали преступленіемъ противъ такъ-называемой «науки» развѣвать у себя какую бы то ни было промышленность, въ твердомъ убѣжденіи, что нѣтъ страна назначена природою для произведенія сырыхъ продуктовъ: бязновъ и бобровъ. Послѣдствія показали какъ выгодно было это ученіе для тѣхъ, кто привозилъ къ нимъ ружья, порохъ и шерстяныя оубала. Племя исчезло съ лица земли. Г. Катковъ относительно Россіи придерживается того же ученія. Да и можно ли было иначе, когда его милье англичане такъ говорили, когда для великой націи это было выгодно? Какъ же ему могло бы придти въ голову что-нибудь такое что въ Англіи не говорилось или на что въ Англіи смотрѣли неблагосклонно. Но вотъ англичане, не имѣющіе никакого понятія о существованіи «Русскаго Вѣстника», «Современной лѣтовиски» и «Московскихъ вѣдомостей» подъ новой редакціей, заговорили вдругъ о Россіи съ такимъ презрительнымъ пренебреженіемъ, такъ далеко запытали Рос-

сію въ сибирскія тундры и настолько стали ставить ее ниже Турціи въ гражданскомъ отношеніи, что г. Катковъ вдругъ открылъ Россію, точно такъ же, какъ г. Краевскій собирался открыть, но не открылъ Америку. вмѣстѣ съ этимъ счастливымъ открытіемъ произошла и значительная переиѣна въ воззрѣніяхъ г. Каткова на государственное наше хозяйство. Онъ нашолъ, что *laissez faire*, и *laissez passer* для государства, имѣющаго претензію на какую-нибудь будущность, имѣющаго какую-нибудь внутреннюю силу, есть величайшая нелѣпность. Онъ нашолъ, что заказывать пушки за границей для сильнаго государства точно такъ же не цѣлесообразно, какъ вставлять себѣ искусственные зубы вмѣсто того, чтобы выращивать свои. Онъ убѣдился, что свобода торговли заключается вовсе не въ томъ, чтобы стѣснять свое производство невыносимымъ, раздавливающимъ соперничествомъ странъ, въ которыхъ промышленность давно установилась на прочныхъ основаніяхъ, а въ томъ, чтобы свою-то промышленность и торговлю избавить ото всего что ихъ стѣсняетъ.

Надо признаться, что всего этого г. Катковъ не говорилъ, можетъ-быть потому, что подобная быстрая переиѣна можетъ показаться нѣкоторымъ изъ читателей не совсѣмъ благовидною, флюгероподобною. Но мы смѣло утверждаемъ, что вмѣстѣ съ открытіемъ Россіи въ немъ произошла именно эта переиѣна. Это мы заключаемъ несомнѣнно изъ его взгляда на самую промышленность нашу, когда онъ говоритъ, что отъ высокаго акциза на соль «промыселъ перейдетъ въ руки капиталистовъ, которые по необходимости разложатъ свои издержки на потребителей, а слѣдствіемъ того будетъ, что домашнее добываніе соли сократится и увеличится ввозъ соли изъ-за границы, уже и до сихъ поръ переходившій черезъ мѣру.»

Всѣ великіе Фритредеры міра сего имѣютъ полное право надѣть трауръ и посылать голову пенломъ. Г. Каткова уже вѣтъ съ вами, онъ къ нимъ уже не возвратится впродъ — до новаго поворота. Онъ сказалъ: «*вывозъ изъ-за границы уже и до сихъ поръ переходилъ черезъ мѣру.*» Онъ измѣнилъ, онъ перешолъ; онъ находитъ, что не мѣшаетъ чему-нибудь у насъ дѣлаться дома, что вывозъ изъ за-границы можетъ переходить черезъ мѣру. Фритредеры, посылавъ голову пенломъ, вознегодуютъ на непрочность человѣческихъ убѣжденій и скажутъ: «не вы ли, мистеръ Катковъ, постоянно ратовали за насъ, за наше ученіе? Не условились ли мы съ вами увѣрять легковѣрныхъ читателей, вѣрившихъ на-слово всякой за-граничной премудрости и приходившихъ въ умиленіе отъ одной за-граничной подписи сотрудника де-Молвина, что надо *laissez faire*,

laisser passer? Въль мы же уговорились, что ежели простяки этому повѣрять, то намъ великій барышъ, а крикунамъ — слава. Страна, производящая только сырой продуктъ, мы условились, есть страна весьма выгодная для продажи, что намъ только и нужно. Страна, не имѣющая средства заказать своимъ частнымъ заводчикамъ блондированныя суда, не дѣлающая сама своихъ пушекъ, — страна, которая намъ повѣрять и оставить безъ разработки цѣлую губервію, какъ напримѣръ олонецкая, лежащая на чистомъ желѣзѣ съ богатѣйшими пластами каменнаго угля, — страна, отпускающая цѣлые флоты льну и покупающая сотканное изъ него полотно за границей. такая страна, — мы условились, — съ большимъ удобствомъ во всякое время можетъ быть унижена, а въ торговлѣ прижата такъ, что будетъ вся въ нашихъ рукахъ. Зачѣмъ же вы намъ измѣняете и переходите на сторону другого журнала, который гораздо васъ моложе? Мы условились утверждать, что торговля сама найдетъ что ей нужно и гдѣ ей выгоды; сказано было, что пусть всякій везетъ за границу и изъ-за границы все что хочетъ, и что въ этомъ заключается благо народовъ, а вы теперь говорите будто вывозъ можетъ быть чрезмѣренъ. Почему бы напримѣръ соль не привозить постоянно изъ Ливерпуля для снабженія покрайней мѣрѣ тѣхъ губерній, которыя лежатъ близъ Балтійскаго моря? Еслибы вы къ этому хорошенъко привыкли, то въ случаѣ разрыва съ нами, нѣсколько мѣсяцевъ насидѣлись бы безъ соли, пока не привезли бы ее сюда изъ вашихъ неистощимыхъ соляныхъ озеръ, а намъ-то это и весело: вы платили бы по рублю за фунтъ соли, такъ какъ безъ этого продукта обойтись нельзя. Да еще не мѣшало бы вамъ посоветовать, чтобы ваши рассолы отправлялись къ намъ для выпариванья. Вамъ-то оно было бы спокойнѣе, да и не ново: давно уже вы дѣлаете это со льномъ. А мы стали бы вамъ выпаривать и доставляли бы соль перваго сорта. Мы стали бы брать самый ничтожный барышъ, такъ мало, какъ вы сами брать не можете, потому что у насъ шиблась бы въ виду такъ-сказать невещественная выгода: тотъ флотъ, который мы употребляли бы на перевозку соли, служилъ бы намъ разсалникомъ матросовъ для военнаго флота, который мы могли бы въ случаѣ нужды мигомъ пополнить. А вамъ флота не нужно, точно такъ же какъ не нужно фабрикъ, какъ безцелезна для васъ наука. Берите у насъ готовое, — все есть. Разочтите сами хоть по пальцамъ, что такъ-то будетъ дешевле гораздо.

Но г. Катковъ измѣнилъ, передался, и мы конечно далеки отъ того, чтобы ставить это ему въ упрекъ. Напротивъ мы его съ этимъ усердно поздравляемъ. Во всякомъ случаѣ это пріобрѣтеніе въ области здраваго смысла.

Однако собственно говоря, рѣчь идетъ не о г. Катковѣ, а о соляномъ акцизѣ. Этотъ вопросъ имѣетъ нѣсколько большую важность.

До сихъ поръ въ послѣднія восемь лѣтъ правительствомъ получалось отъ соляныхъ промысловъ среднимъ счетомъ 5,686,665 рублей чистаго дохода, и съ привозной соли 1,672,905 рублей, всего безъ малаго 7½ миллионѣвъ. Теперь предполагено прежнюю систему казенной разработки соли замѣнить вольнымъ промысломъ съ платою акцизной пошлины съ каждаго пуда по 30 копѣекъ. Это громаднѣйшій акцизъ на предметъ первой необходимости. Соль точно такъ же нужна какъ и хлѣбъ; чтобы быть послѣдовательнымъ, надо бы вложить акцизъ на хлѣбъ, и на мясо, и на рыбу. Слѣдуетъ припомнить, что у всѣхъ народовъ во всѣ времена налогъ на соль былъ самымъ обременительнымъ, самымъ ненавистнымъ изъ всѣхъ налоговъ. Здоровье народное требуетъ чтобы употребленіе соли было облегчено. Здоровье домашняго скота зависитъ также весьма много отъ соли, такъ что гораздо рациональнѣе было бы не брать пошлины за употребленіе этого лекарства, а выдавать преміи тѣмъ земледѣльцамъ, которые искормятъ своему скоту возможно большее количество соли. Огромнѣйшіе скотскіе падежи, разоряющіе и безъ того скудное земледѣліе наше, происходятъ значительною долею отъ того, что расчетливый сельскій хозяинъ не въ состояніи давать своимъ домашнимъ животнымъ столько соли, сколько необходимо для поддержанія ихъ здоровья. Тысячи имѣется причинъ, по которымъ слѣдуетъ желать, чтобы соль была какъ можно дешевле.

Но повидимому акцизъ въ 30 копѣекъ съ пуда весьма незначителенъ. На каждаго человека выходитъ въ годъ едва ли болѣе полупуда, стало-быть каждый будетъ платить такимъ образомъ косвеннаго налога по 15 коп. въ годъ. Съ 77,231,976 душъ обоего пола российской имперіи придется не болѣе 11,584,796 р. 40 к. въ годъ. Если прибавить къ этому 318,159 руб. пошлины за право добыванія соли, полагая по копѣикѣ съ пуда, то составитъ доходъ въ 11,902,955 рублей, даже цѣлыхъ 12 миллионѣвъ. Такъ какъ надо положить что-нибудь на домашнихъ животныхъ, то при обществ. благосостояніи цифра правительственнаго дохода должна возрасти еще весьма значительно.

Астраханскому соляному правленію заготовка соли стоила каждый годъ, смотря по величинѣ заготовки, отъ 8½ до 12 копѣекъ съ пуда, считая и провозъ до Астрахани. Въ нынѣшнемъ году въ этомъ городѣ соль продается изъ казенныхъ магазиновъ по 35 коп. пудъ. Понятное дѣло, что частный промышленникъ, при акцизѣ въ 30 копѣекъ, не въ состояніи будетъ продавать соль такъ дешево.

Частный промышленник заплатитъ акциза 30 копѣекъ, да за право добыванія соли 1 копейку съ пуда (хотя не понятна разниця между акцизомъ и правомъ добыванія), всего 31 копейку съ пуда впередъ, и при продажѣ выручить эти деньги съ процентами за все время, употребленное на операцію, стало-быть не менѣе 40 коп. Сверхъ того онъ будетъ платить за магазины, за карауль, за присмотръ гораздо дороже, чѣмъ все это обходится казнѣ, имѣющей свои собственные магазины на казенной землѣ и не вольнонаемныхъ досмотрщиковъ. Такимъ образомъ астраханскій рыбопромышленникъ заплатитъ за пудъ соли уже не 35 копѣекъ, какъ въ нынѣшнемъ году, а покрайней мѣрѣ 60 или 65 копѣекъ. Сообразно съ этимъ возвысится цѣна соли и въ остальныхъ губерніяхъ, и потребители заплатятъ не по 15 только копѣекъ съ души, а гораздо больше: излишекъ пойдетъ въ карманы соляныхъ промышленниковъ, которые конечно будутъ принадлежать къ числу крупныхъ капиталистовъ, имѣющихъ теперь свободныя деньги.

По случаю уничтоженія откуповъ теперь имѣется много свободныхъ крупныхъ капиталовъ, которые конечно ищутъ себѣ выгоднѣйшаго помѣщенія, и такъ какъ соль есть товаръ относительно все-таки очень дешовый, то нѣтъ особенной выгоды тратить время на заготовку его въ малыхъ количествахъ. Имѣя въ виду напримѣръ снабдить солью тульскую губернію, капиталистъ, по откупнымъ дѣламъ давно знакомый съ этимъ краемъ, можетъ рѣшиться на маленькую спекуляцію. Расчетъ простой и вѣрный. Жителей тамъ 1,172,249 душъ обоего пола, стало-быть въ годъ нужно 587,000 пудъ соли. Считая только по 25 копѣекъ чистаго барыша съ пуда, это уже составитъ 147,000 рублей въ годъ чистаго дохода. Хотя конечно тузу-откупщику изъ-за такой бездѣлицы хлопотать не стоитъ, но все-таки отъ нечего дѣлать, при огромной привычкѣ къ оборотамъ такого рода, попробовать можно, тѣмъ болѣе, что потомъ можно изловчиться еще, такъ или иначе изловчиться, воспользоваться случаемъ, опираясь за свою русскую сибѣтливость я глазомѣръ. Трудно предположить, чтобы подобный глазомѣрный мастеръ нашолся для одной только тульской губерніи: найдется другой и для яранской и для тамбовской; но между ними есть «состоятельные» господа, которые способны составить планъ дѣйствій на вѣсколько губерній разомъ. Являются они въ подлежащія мѣста съ своими заявленіями о количествѣ соли, которую на мѣрны вывезти, и со взносомъ акциза, и тамъ встрѣчаются. Теперь уже ни отъ кого не скрыты стачки, происходившія перелѣ сенатскими торгами на откупа; извѣстно, что торги происходили и утверждались накануне, частнымъ образомъ, а въ сенатѣ только

повторялась сцена, приготовленная заранее. Изъ уваженія къ сметливости этихъ господъ, никакъ нельзя предположить, чтобы они не воспользовались случаемъ и не приняли всѣхъ зависящихъ отъ нихъ мѣръ, чтобы извѣстныя напримѣръ озера, варницы или ломки не прибратъ въ свои руки окончательно. И тогда чтоже? Караулъ! Рѣжутъ!.. Конечно присутственныя мѣста не дадутъ имъ никакихъ исключительныхъ правъ; но развѣ они не сумѣютъ распорядиться такъ, чтобы неучаствующій въ ихъ стачкѣ промышленникъ лишонъ былъ возможности нанять на мѣстѣ рабочихъ для своей операціи? Развѣ они не сумѣютъ завалить нѣскольکو губерній своею солью, убить всякое соперничество и потомъ продавать соль почемъ имъ вздумается? Развѣ что-нибудь помѣшаетъ имъ продавать соль въ калужской губерніи по пяти рублей за пудъ? Еслибы какой-нибудь неловкій чудакъ соблазнился ихъ громадными барышами и вздумалъ съѣздить на заготовки, чтобы тоже запастись солью, то при громадности своихъ операцій они будутъ приобретать свою соль такъ дешево, что имъ ровно ничего не будетъ стоить зарѣзать его соперничество временнымъ удешевленіемъ своего товара, съ тѣмъ, чтобы потомъ распорядиться опять по-своему. И что тогда дѣлать бѣднымъ людямъ, которые кричатъ уже и теперь, платя по восьми гривенъ за пудъ, когда экзизные откупщики соли будутъ продавать ее понѣскольکو рублей? Тогда только окажется, что ни одна самая мелочная мѣра предусмотрительности противъ этой чумы не лишняя.

Въ соляномъ дѣлѣ опасаться откупа было бы нельзя, еслибы число мѣстъ, гдѣ соль добывается, было очень велико. Тогда свободная конкуренція легко отыскала бы мѣста, гдѣ откупщики не успѣли еще захватить дѣло въ свои руки. Но число соляныхъ озеръ, источниковъ и ломокъ слишкомъ ограничено, слишкомъ легко захватить ихъ всѣ, да и сметливость, «глазомѣръ» слишкомъ велики у этихъ господъ, и потому предполагаемая мѣра обложенія соли акцизомъ въ 31 копѣйку съ пуда безъ сомнѣнія поведетъ къ ужасающей дороговизнѣ соли, даже безъ возвышенія въ тоже время доходовъ казны, хотя и съ обогащеніемъ нѣсколькихъ богачей.

Еслибы правительство нашло средство еще удешевить соль противъ того что она стоитъ въ нынѣшнемъ году и удешевить по крайней-мѣрѣ вдвое или втрое, тогда это было бы истиннымъ благодѣяніемъ для страны и въ тоже время это было бы прямо выгодно для правительства. Дешевизна соли имѣетъ огромное вліяніе на благосостояніе народное, и если она спасетъ только половину всего скота, который вымираетъ у насъ отъ ежегодныхъ падежей, то это уже составитъ нѣскольکو миліоновъ народной экономіи, стало-быть

прямого приращенія богатства. Если для казначейства необходимы 12 миліоновъ, ожидаемые отъ соляного акциза, то несравненно полезнѣе было бы разложить ихъ поголовно на потребителей, тѣмъ-болѣе, что сборъ этихъ денегъ не будетъ сопряженъ съ расходомъ, который неизбеженъ и будетъ довольно высокъ при взиманіи акциза въ разныхъ пунктахъ добыванія соли. Если бы въ Астрахани соль продавалась не по 35, а по 15 коп. за пудъ, то всякій потребитель соленой рыбы, покупая этотъ продуктъ значительно дешевле прежняго, однимъ этимъ сбереженіемъ легко составить сумму, достаточную для уплаты въ казну своихъ 15 копѣекъ соляного налога. Слѣдуетъ однакоже надѣяться, что этотъ налогъ будетъ соединенъ съ другимъ, такъ чтобы о немъ отдѣльно не упоминалось, потому-что онъ, какъ налогъ на предметъ первой необходимости, имѣетъ печальную привилегію возбуждать негодованіе всѣхъ плательщиковъ. Акцизъ на соль, еслибы даже онъ счастливо прошолъ сквозь откупную лигу, есть прямой налогъ, только взимаемый въ видѣ косвеннаго. При акцизѣ на вино, на табакъ, на карты, платитъ только тотъ кто пьетъ, куритъ или играетъ, а неупотребляющій обложенныхъ акцизомъ предметовъ избавленъ отъ всякаго по нимъ платежа. Съ солью совершенно другое дѣло. Нѣтъ никакой возможности обойтись безъ этого продукта, такъ что всякому приходится за него платить, богатому и бѣдному, поголовно, и такъ какъ богатый и бѣдный потребляютъ одинаковое количество соли, то и будутъ они платить поровну, что очевидно несправедливо.

Налогъ на соль необходимъ для усиленія средствъ государственнаго казначейства, которое должно быть снабжено достаточными капиталами для удовлетворенія всѣхъ правительственныхъ нуждъ. Всѣ на свѣтѣ правительства требуютъ уплаты налоговъ въ томъ или въ другомъ видѣ, съ тѣмъ или другимъ наименованіемъ. Еслибы существовало такое правительство, которое не собирало-бы ни прямыхъ, ни косвенныхъ налоговъ, а всѣ свои издержки все содержащее своихъ разнообразнѣйшихъ агентовъ по различнымъ отраслямъ управленія покрывало-бы доходомъ съ какихъ-нибудь большихъ государственныхъ вѣществъ, или хотъ барышами отъ торговли, произвольной самимъ правительствомъ, это не измѣнило бы сущности дѣла. Правительства владѣютъ чѣмъ-нибудь или предпринимаютъ что-нибудь только на счетъ общины, и отдѣлять правительства отъ общества не слѣдуетъ даже мысленно, даже въ дѣлахъ фискальныхъ. Во всякомъ случаѣ правительство одной рукой беретъ,

а другою отдаеть. Собственно правительству самому ничего не нужно, такъ какъ оно существуетъ только общиной и для общины.

Правительство оказываеть услуги каждому изъ гражданъ, и допуская, что все дѣйствія правительства соотвѣтствуютъ его назначенію, каждый гражданинъ долженъ содѣйствовать содержанію правительства по мѣрѣ выгодъ, удобствъ и услугъ, гражданиномъ отъ правительства получасмымъ. Каждый правительству обязанъ за сохраненіе безопасности своей личности и своей собственности. Касательно собственности ясно, что взносы каждаго гражданина должны бы опредѣляться точно такъ же, какъ они вычисляются въ частномъ страховомъ обществѣ, пропорціонально цѣнѣ самой собственности. Если владѣющій рублемъ застраховываетъ эту собственность взносомъ копѣйка, то владѣющій тридцатью рублями долженъ бы вносить тридцать копѣекъ. Если же кто-нибудь платитъ пропорціонально дешевле, то это значитъ, что другой гражданинъ платитъ настолько дороже противъ того что ему платитъ по справедливости слѣдовало бы. Въ такомъ случаѣ имѣется явное зло, кража, и правительство, допускающее это, не исполняетъ главнѣйшаго своего назначенія. При существующемъ на свѣтѣ порядкѣ вещей, правительствамъ необходима вооруженная сила. Въ этомъ отношеніи каждый обязанъ служить своему государству лично или платитъ на содержаніе войска. Но еслибы по расчету бѣдному работнику, котораго трудъ необходимъ для поддержанія семейства, приходилось отдавать каждый годъ цѣлую недѣлю исполненію военныхъ обязанностей или откупаться отъ этой службы взносомъ такой же суммы, какую платилъ бы обладатель большаго богатства, то это было бы несправедливо, потому что было бы нарушеніемъ равенства. Военная сила оказываеть несравненно большее количество услугъ богатому чловѣку, чѣмъ бѣдному.

Нѣтъ никакой возможности опредѣлить, по ученію политической экономіи во сколько можно цѣнить покровительство, оказываемое правительствомъ лицу, оставля покамѣстъ въ сторонѣ собственность. Еслибы можно было спросить различныхъ людей, за какую цѣну согласились бы они купить обезпеченіе противъ всякой опасности, которая могла бы грозить ихъ жизни, ихъ здоровью и цѣлости всѣхъ ихъ членовъ, то вѣроятно богатые предложили бы страховую премію гораздо выше бѣдняковъ, даже непропорціонально выше, еслибы принять въ основаніе оцѣнку богатства. Большое число преступленій, соединенныхъ съ насиліемъ, происходитъ изъ предпріятій, направленныхъ противъ собственности. И потому цѣна личной безопасности была бы самымъ справедливымъ основаніемъ системы налоговъ. Можетъ-быть

бѣдняки платили бы уже слишкомъ мало за выгоды, которыми они пользовались бы точно такъ же, какъ богачи; но это была бы еще не большая бѣда: сбереженіе пособляло бы имъ сдѣлаться тоже богачами, и тогда они стали бы платить охотно и много.

Начало равенства людей передъ закономъ требуетъ, чтобы всѣ налоги въ пользу казначейства распредѣлялись и налагались прямо и лично, потому что это единственное средство обложить всякаго человѣка пропорціонально его средствамъ. Налогъ на потребление предметовъ первой необходимости заключаетъ въ себѣ огромное неудобство, состоящее въ томъ, что личные нужды людей вмѣстѣ съ ихъ матерьяльнымъ потребленіемъ различаются гораздо меньше, нежели ихъ капиталы или доходы. Если работникъ потребляетъ не совсѣмъ столько же хлѣба, говядины, соли, чаю, сахару, шерсти и проч. какъ миллионеръ, зато употребляетъ на покупку этихъ вещей большую часть своего дохода; съ своей стороны у капиталиста идетъ весьма незначительная часть доходовъ на приобретение даже большаго количества продуктовъ, которые угодно ему будетъ потребить. Но какія бы статьи потребленія ни облагались налогомъ, какъ ни распредѣлялось бы процентное отношеніе налоговъ къ имуществу, даже приблизительное уравненіе налоговъ между различными класами потребителей есть задача непреодолимой трудности. Надо отказаться отъ ея разрѣшенія и искать другихъ, болѣе справедливыхъ способовъ сбора денегъ на общественныя нужды.

Такимъ образомъ всѣ *непрямые* налоги никакъ не оправдываются справедливою пропорціональностью раскладки общихъ издержекъ на всѣхъ гражданъ. Непрямые налоги на предметы первой необходимости во всякомъ случаѣ несправедливы. Государственный доходъ нуженъ; но эта нужда не оправдываетъ несправедливаго распредѣленія. Но можетъ быть предложено другое основаніе налоговъ: приспособить ихъ такимъ образомъ, чтобы они уменьшали то зло, для отвращенія котораго необходимо правительство; тогда достигнута была бы по крайней мѣрѣ та цѣль, что уменьшилась бы впрелѣ необходимость въ налогахъ.

Еслибы наиримѣръ было несомнѣнно, что наклонность къ чтенію доводитъ до преступленій и такимъ образомъ увеличиваетъ расходы, необходимыя для раскрытія этихъ преступленій и ихъ преслѣденія, то конечно было бы справедливо обложить книги и журналы довольно тяжелымъ налогомъ. Этотъ налогъ долженъ бы быть такъ великъ, чтобы уменьшилось потребленіе книгъ и журналовъ и въ тоже время составилъ бы достаточный налогъ для покрытія издержекъ на преслѣдованіе преступленій, совершаемыхъ тѣми, кто станетъ читать невзирая на налогъ. Мы нарочно выбрали

примѣръ, предположеніе, прямо противоположное дѣйствительности; тутъ объясняется принципъ, не возбуждая вопроса о приложеніи. Налогъ на вино, который былъ бы приспособленъ къ уменьшенію потребленія этого продукта, совершенно достигалъ бы цѣли, еслибы доказано было, что употребленіе вина увеличиваетъ количество преступленій. Сущность дѣла въ томъ, что общество облагаетъ себя извѣстными платежами и сверхъ того въ видѣ косвеннаго налога требуетъ платежей еще съ тѣхъ, кто дѣйствуетъ противъ общаго интереса.

Въ этомъ смыслѣ большая пошлина напримѣръ съ льняныхъ тканей, правозимыхъ изъ-за границы, въ высшей степени справедлива. Для общества очень важно развить у себя льняную промышленность въ такихъ размѣрахъ, чтобы отправлять за границу не сырой продуктъ, что невыгодно, а готовый фабрикатъ. Это увеличить внутреннее производство, видоизмѣнивъ его. Для этой цѣли общество рѣшается на временную жертву: платить дороже за полотно, сдѣланное дома, чѣмъ за точно такое же полотно, сдѣланное за границей, чтобы дать своимъ рабочимъ средства получить навыкъ къ новой для нихъ работѣ. Иначе сказать, общество соглашается предпочитать свои продукты иностраннымъ, несмотря на разницу въ цѣнѣ, конечно имѣя въ виду вполнѣ такія же точно уменьшеніе и домашнихъ цѣнъ, когда рабочіе приобретутъ необходимый навыкъ и промышленность окрѣпнетъ на новой для нея почвѣ. Но если кто изъ членовъ общества не соглашается платить въ некоторое время за домашніе продукты дороже, то весьма справедливо брать съ него пошлину за покупаемое имъ иностранное издѣліе. Это есть тоже своего рода штрафъ съ того, кто дѣйствуетъ противъ общаго интереса не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ, не желая способствовать въ своемъ отечествѣ развитію промышленности, которая признается выгодною, и главное, естественною.

Такимъ образомъ налогъ на соль обществу выгодноѣ замѣнить другимъ, прямымъ или косвеннымъ налогомъ.

Съ величайшимъ счастьемъ заносимъ мы въ свою скромную лѣтопись высочайшій указъ 17 апрѣля о весьма важныхъ измѣненіяхъ въ существовавшей системѣ уголовныхъ и исправительныхъ наказаній. Отнынѣ положено, что всякій виновный въ извѣстномъ преступленіи, который подлежалъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы или на поселеніе, или отдачѣ въ аре-

етантскія роты или подлежалъ другому наказанію и сверхъ того наказанію тѣлесному, будетъ приговариваемъ къ слѣдующимъ по закону наказаніямъ, *кроме тѣлеснаго*. Къ наложенію клеймъ и штемпельныхъ знаковъ никто присужденъ не будетъ. Лица женскаго пола вовсе изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній. Сроки работъ въ арестантскихъ ротахъ сокращены. Заключение въ тюрьмѣ или въ смнрительномъ домѣ или кратковременный арестъ или обращеніе въ общественныя работы не будутъ замѣняться наказаніемъ тѣлеснымъ, *кроме тѣхъ случаевъ*, когда представится явная невозможность опредѣлять одну изъ вышеупомянутыхъ мѣръ. Ни въ какомъ случаѣ не подлежатъ тѣлесному наказанію, сверхъ лицъ, уже и нынѣ отъ нихъ по закону изъятыхъ, церковнослужители христіанскихъ исповѣданій и дѣти ихъ; всѣ духовныя лица нехристіанскихъ исповѣданій и дѣти ихъ; учителя народныхъ школъ; лица, получившія аттестаты въ успѣшномъ окончаніи ученія въ уѣздныхъ училищахъ, а также въ земледѣльческихъ или равныхъ съ ними и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и наконецъ лица крестьянскаго сословія, занимающія общественныя по выборамъ должности.

Въ войскахъ наказаніе шпидрutenами или сквозь строй отмѣнено вовсе, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. До приведенія въ исполненіе предположеній о военныхъ тюрьмахъ, замѣнъ впрогнанія сквозь строй военныя нижніе чины будутъ подвергаться наказанію розгами не болѣе 200 ударовъ. Всѣ безпорочно служившіе и вновь поступающіе нижніе чины освобождены отъ тѣлеснаго наказанія безъ судебнаго приговора до тѣхъ поръ, пока они по приговору суда не будутъ переведены въ разрядъ штрафованныхъ. За шестилѣтнюю безпорочную службу нижніе чины получаютъ нашивку, которая избавляетъ ихъ отъ тѣлеснаго наказанія даже и по суду. Во флотѣ существовавшее наказаніе кепками вовсе отмѣнено. *Вмѣсто него* остается наибольшее наказаніе 200 ударовъ розгами. Но виновные въ важномъ нарушеніи дисциплины или общественной безопасности будутъ подвергаться не только въ военное, но и въ мирное время, съ высочайшаго разрѣшенія, или по распоряженію главнокомандующихъ и другихъ высшихъ военныхъ начальниковъ, облеченныхъ равною властью, а также начальниковъ эскадръ и отрядовъ въ заграничномъ плаваніи, суду по полевымъ военнымъ законамъ, съ назначеніемъ положенныхъ для военнаго времени наказаній.

Всѣ эти мѣры, смягчившія наказаніе для военныхъ чиновъ, уничтожающія тѣлесное наказаніе для всѣхъ, прослужившихъ безпорочно шесть лѣтъ, безъ всякаго сомнѣнія возвысятъ нравственный духъ нашего войска. Въ особенности огромное значеніе будетъ

имѣть мѣра, освобождающая отъ тѣлеснаго наказанія безъ суда всѣхъ до сихъ поръ безпорочно служившихъ нижнихъ чиновъ и всѣхъ вновь поступающихъ на службу. Благодарственное вліаніе этой мѣры будетъ заключаться между прочимъ въ томъ, что лица податныхъ сословій, отправляющія рекрутскую повинность, будутъ идти въ военную службу еще охотнѣе, нежели шли въ нынѣшній наборъ, потому что военная служба избавляетъ ихъ отъ полицейскихъ и административныхъ тѣлесныхъ взысканій, которыя остаются во всей прежней силѣ, не въ войскахъ, а въ земствѣ для лицъ, неокончившихъ курса въ уѣздныхъ училищахъ и не занимающихъ общественныхъ по выборамъ должностей. Рекрутъ, поступающій теперь на службу, не подвергается тѣлесному наказанію безъ суда; сверхъ того онъ имѣетъ въ виду, что ежели прослужитъ безпорочно шесть лѣтъ, то избавляется отъ этого несчастія навсегда, даже и по суду. Весьма естественно, что подобное поощреніе, возвышая духъ солдата, заставитъ его употреблять всѣ мѣры, чтобы не попасться ни въ какой винѣ. Эти шесть лѣтъ даютъ точно такія же права, какъ успѣшное окончаніе курса въ уѣздномъ училищѣ, и безъ сомнѣнія военная служба теперь облагорожена настолько, сколько можно желать покамѣстъ, и конечно придетъ время, когда и остальные слѣды тѣлеснаго наказанія исчезнутъ.

Оставлены въ прежней силѣ только административныя и полицейскія тѣлесныя взысканія со всѣхъ лицъ, которыя ни прежними законами, ни послѣднимъ указомъ 17 апрѣля не избавлены отъ тѣлеснаго наказанія, такъ что крестьянинъ можетъ быть подвергнутъ ему безъ суда, административнымъ порядкомъ. Безъ сомнѣнія правительство имѣло надлежащія основанія, дѣлая подобное исключеніе для лицъ, неимѣющихъ никакихъ привилегій, чтобы избавиться отъ распоряженія станового или исправника. Но никто не имѣетъ права сомнѣваться въ томъ, что этотъ пробѣлъ современемъ выдвинется и конечно будутъ положены какія-нибудь границы административному произволу.

Въ послѣднее время получены и всякій день продолжаютъ получаться изъ разныхъ мѣстъ Россіи, отъ разныхъ сословій и обществъ выраженія чувствъ преданности государю и отечеству, по поводу вызваннаго нынѣшними польскими событіями вниманія иностранныхъ державъ въ наши домашнія дѣла. Во всѣхъ адресахъ и письмахъ выражается готовность на борьбу для поддержанія русскаго владычества въ губерніяхъ, называемыхъ западными. Въ самомъ дѣлѣ въ девяти западныхъ губерніяхъ нашихъ

9.849.281 человекъ жителей обоого пола. Изъ нихъ только девятая доля поляки, именно не болѣе 1.046.947 человекъ. Пять девятыхъ, именно 5.921.586 человекъ славяноруссы. Ежели послѣ этого западный край нашъ не русскій, то все-таки онъ скорѣе еврейскій, чѣмъ польскій, потому что тамъ евреевъ 1.139.633 человекъ, стало-быть больше, чѣмъ поляковъ. По вѣроисповѣданіямъ жители западнаго края дѣлятся нѣсколько иначе. Исповѣдующихъ православную вѣру тамъ 6.167.166 человекъ, то-есть почти двѣ трети всего населенія; католиковъ — 2.477.708, а въ этомъ числѣ собственно поляковъ 988.617, а остальные католики принадлежатъ къ литовскому племени (1.387.287), къ жителямъ русскаго происхожденія (93.690) и вѣмецкаго происхожденія (2,114). Это голая статистика, это цифры, противъ которыхъ безсильно ветольское повстаніе, но и всѣ возможныя силы вмѣстѣ взятыя. Замѣтить слѣдуетъ, что эти цифры сведены съ научною, а не съ политической цѣлью, напечатаны въ запискахъ географическаго общества 1861 года, стало-быть ихъ нельзя заподозрѣть въ искаженіи факта съ патріотическою цѣлью.

По количеству польскаго населенія, западныя губерніи можно расположить въ слѣдующемъ порядкѣ:

	поляковъ	всѣхъ жителей
въ подольской губерніи.	209.234	1.619.004
• гродненской	193.228	789.647
• вольнской	174.100	1.426.427
• виленской	154.386	838.074
• минской	116.789	1.016.986
• кievской	83.351	684.195
• могилевской	27.238	850.654
• ковенской	25.189	906.038

Но по относительному числу польскихъ жителей, губерніи эти располагаются въ нѣсколько иномъ порядкѣ. Самая польская изъ всѣхъ западныхъ губерній оказывается гродненская: тамъ на сто человекъ жителей приходится болѣе 24 поляковъ; затѣмъ слѣдуетъ виленская, гдѣ на сто жителей 18 поляковъ. Подольская занимаетъ третье мѣсто; тамъ на 100 человекъ менѣе 13 поляковъ и вольнская гдѣ болѣе 12-ти. Въ минской губерніи на 100 жителей приходится 11 поляковъ, а въ остальныхъ четырехъ, витебской, кievской, могилевской и ковенской по 9, 5, 3 и 2 человекъ польскаго племени изъ ста жителей.

Еще слѣдуетъ принять въ соображеніе, что русскіе жители въ западномъ краѣ составляютъ коренное племя, туземное населеніе,

а поляки — пришлецы, завоеватели; русскіе тамъ сидятъ на землѣ и составляютъ земство, а поляки — помѣщики, угнетающіе земство, посредствомъ своихъ арендаторовъ, экономовъ и другихъ администраторовъ, большею частью изъ евреевъ.

Поэтому стремленіе отдѣлить западный край отъ Россіи и поставить его въ зависимость отъ Польши оказывается предпріятіемъ слишкомъ аристократическимъ, которое поддерживать — не въ русской натурѣ, еслибы даже оно и не было прямо въ ущербъ цѣлости нашей государственной области. Поэтому русскія власти поставлены въ западныхъ губерніяхъ въ весьма щекотливое положеніе. Народъ, крестьяне, находятся въ самомъ напряженномъ состояніи, въ глубокомъ негодованіи противъ угнетающаго класса, враждебнаго и народу, и Россіи. Мы говоримъ, конечно, не обо всѣхъ. Между тѣмъ русскія власти, обязанныя поддерживать порядокъ, усмиряютъ справедливое, исторически накипавшее негодованіе, и такимъ образомъ какъ-будто становятся на сторону землевладельческаго племени. Власть въѣдоваго антагонизма, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ высшее сословіе — поляки, введеніе уставныхъ грамотъ замедлялось до такой степени, что когда во внутреннихъ русскихъ губерніяхъ уставныя грамоты были введены въ дѣйствіе для всѣхъ безъ исключенія помѣщичьихъ имѣній, тамъ были уѣзды, не представившіе на утвержденіе ни одной грамоты. А положеніе становилось все болѣе и болѣе натянутымъ.

Поэтому наше правительство, хотя нѣсколько поздно, распорядилось произвести обязательный выкупъ крестьянскихъ надѣловъ, съ тѣмъ, чтобы совершенно прекратить всякую прямую, непосредственную зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ по выкупной операціи. Теперь уже не требуется согласія обѣихъ сторонъ: и угоды разграничиваются и выкупъ производится правительствомъ, при чемъ съ 1 мая нынѣшняго года обязательныя отношенія прекращаются совершенно. Только для многихъ непонятна была та чрезмѣрная снисходительность правительства, въ силу которой все-таки былъ удаленъ до перваго числа столь желанный срокъ прекращенія обязательныхъ отношеній. Не совсѣмъ ясно понятое распоряженіе потребовало нѣкоторыхъ мѣръ для подавленія слишкомъ большой радости и естественнаго нетерпѣнія угнетеннаго племени. Положеніе было въ высшей степени неестественное, но съ 1 мая оно прекращается окончательно, и хитрая дѣятельность ксендзовъ будеть уже направлена на то, чтобы какъ-нибудь осложнить дальнѣйшія, уже свободныя отношенія крестьянъ землевладельцевъ къ ихъ бывшимъ помѣщикамъ. А это неизбежно будетъ. Отношенія вовсе прекратиться не могутъ; одиѣ прижимки посредствомъ мельницъ,

остающихся вездѣ во владѣніи помѣщиковъ, могутъ довести народъ до крайней степени разоренія. Вспомнимъ только что встарину во Франціи право помола на господской мельницѣ было обложено невыносимою данью; платились деньги или отдавалось зерно за проѣздъ на мельницу, за то что на мельницѣ лошадь дожидается пока зерно будетъ смолото, и т. д. Но нѣтъ возможности предвидѣть какъ осложнятся будущія свободныя отношенія. Патеръ Лойола не открывалъ своихъ секретовъ и плановъ непосвященнымъ.

Однако противъ всевозможныхъ такого рода пополюповеній могутъ быть приняты весьма дѣйствительныя мѣры. «Расширеніе общественныхъ правъ» и «распространеніе круга дѣятельности, предоставленной разнымъ мѣстнымъ въ имперіи учрежденіямъ», предупредятъ могущее возникнуть зло. Представители обѣихъ народностей, собираясь въ одно мѣсто, будутъ въ состояніи гласно заявлять свои нужды и публично уличать излишества, которыя одна сторона можетъ позволить себѣ на счетъ другой.

Въ западныхъ губерніяхъ есть у насъ еще три племена: литовцы, числомъ 1,043,093, жмудины — 425,600, и латыши — 145,967 человекъ. Всѣ они вмѣстѣ, 1,614,660 называются обыкновенно литовцами. Это особенное племя, по происхожденію ровно столько же чуждое русскимъ, какъ и полякамъ, такъ что ежели можетъ быть рѣчь объ отдѣленіи ихъ отъ Россіи, то развѣ на правахъ полной самостоятельности, а ужь никакъ не о подчиненіи Польшѣ. Но племя это очевидно слишкомъ малочисленно для самостоятельнаго государственнаго существованія, и сверхъ того — тутъ уже говорить и полнѣйшее имѣть право говорить государственной эгоизмъ, — Россія не можетъ отказаться отъ Литвы по стратегическимъ соображеніемъ. Самъ Мирославскій говорилъ, что Литва составляетъ стратегическій ключъ къ западнымъ провинціямъ Россіи. Какъ Англія не откажется отъ Гибралтара или Ирландіи, какъ Франція не откажется отъ Ниццы, такъ Россія не откажется отъ Литвы, хотя бы изъ чувства самосохраненія.

Чтоже касается собственно до царства польскаго, то это вопросъ въ значительной степени иной. Въ послѣднее время царство польское получило гораздо больше правъ, чѣмъ имѣетъ ихъ Россія. Тамъ officialная газета «Journal de St. Pétersbourg» едва насчитала восемь сколько-нибудь значительныхъ чиновниковъ изъ русскихъ; остальные, не говоря уже о мелкихъ чиновникахъ — кровные поляки. Польша имѣетъ такимъ образомъ своихъ чиновниковъ, свои финансы, свои отдѣльные законы, гласное судопроизводство, котораго Россія еще ожидаетъ, хотя уже и не въ очень далекомъ будущемъ. Польша имѣетъ свое представительство, и за

всѣмъ тѣмъ остается недовольною. Повстанцы повидимому имѣютъ твердую надежду на поддержку извнѣ; какъ кажется они не думаютъ воспользоваться предложенною имъ амнистіей. Несомнѣнно, что революціонный комитетъ, засѣдающій въ Варшавѣ, въ городѣ наполненномъ нашими войсками, пользуется покровительствомъ тѣхъ самыхъ поляковъ, которые дѣлаютъ видъ, будто служатъ русскому правительству; иначе не было бы никакой возможности объяснить существованіе комитета, на открытіе котораго конечно устремлена вся дѣятельность полиціи. Этотъ комитетъ издастъ приказы, разрѣшаетъ изданіе газеты, распоряжается совершенно самовластно, подписываетъ и исполняетъ смертные приговоры, собираетъ деньги и пользуется такимъ же повиновеніемъ, какъ и русскія власти, вооруженныя многими десятками тысячъ штыковъ. Ксендзы открыто проповѣдуютъ если не возстаніе, то сочувствіе къ нему; земледѣльцы всего царства не смѣютъ не принимать участія въ возстаніи, не смѣютъ указывать русскимъ отрядамъ направленій, принимаемыхъ шайками повстанцевъ, боясь смертной казни и вида этому частые примѣры: тамъ женщину, повѣшенную на телеграфномъ столбѣ, тамъ повѣшеннаго въ лѣсу на деревѣ, тамъ разстрѣленнаго. Шайки показываются въ разныхъ мѣстахъ, часто бывають разбиты русскими отрядами, разбѣгаются, скрываются въ лѣсахъ, снова собираются и снова беспокоятъ русскіе отряды. Наши солдаты дѣлаютъ чудеса самоотверженія, проходятъ по восьмидесяти верстѣ въ день, преслѣдуя повстанцевъ, съ великою легкостью разбиваютъ ихъ, теряя относительно весьма небольшое число людей, не знаютъ отдыха ни днемъ ни ночью, и все напрасно. Шайки появляются вновь, обираютъ земледѣльцевъ, вѣшаютъ непокорныхъ, снова преслѣдуются, разбиваются совершенно, теряють десятки, сотни убитыми и ранеными и опять являются на опушкахъ лѣсовъ для прежнихъ подвиговъ. Чтоже за польза для Россіи, что за польза для самой Польши, что у нея мѣстное самоуправленіе, отдѣльные финансы и свои національные чиновники. Пусть они всѣ очень честные и благородные люди, пусть они поступали на службу и присягали съ самымъ твердымъ намѣреніемъ вѣрно служить русскому правительству. Но чтобы выдерживать напоръ общественнаго мнѣнія, чтобы не поддаться вліянію мечты объ отдѣльномъ политическомъ существованіи отчизны нужно быть своего рода героемъ. А извѣстно, что на цѣломъ свѣтѣ герои рѣдкость. Отъ этого выходитъ только напрасное раздраженіе и конечно невѣрность присягъ не только въ частныхъ людяхъ, но и въ коронныхъ служащихъ. Не оттого ли, что въ Варшавѣ найдется не болѣе восьми человекъ русскихъ чиновниковъ, правительство не въ состояціи открыть ре-

волюціонный комитетъ, который и есть главный двигатель возстанія, основной рычагъ, которымъ все возстаніе держится?

Какъ бы то ни было, все это показываетъ, что не какіе-нибудь десять, не сто человекъ мутятъ только своихъ соплеменниковъ, и хотя нельзя отрицать большого значенія въ этомъ дѣлѣ иностраннаго вліянія, однако еслибы давно приготовляемое возстаніе не имѣло внутри себя силы, то вотъ уже слишкомъ три мѣсяца не получая дѣйствительной помощи людьми, оно давно бы должно было пасть подъ энергическими ударами русскаго оружія. Можетъ-быть императоръ Александръ I, вслѣдъ за вѣнскимъ конгрессомъ гораздо лучше бы сдѣлалъ, еслибы послушалъ совѣтовъ англійскаго правительства и присоединивъ Польшу къ Россіи безусловно, какъ было постановлено на вѣнскомъ конгрессѣ, какъ Пруссія и Австрія присоединили къ себѣ Познань и Галицію, на одинаковыхъ правахъ съ остальными провинціями государства. Англійское правительство въ своихъ тогдашнихъ представленіяхъ утверждало, что отъ образованія отдѣльнаго царства не выйдетъ ничего хорошаго, что это поведетъ къ непроходимымъ осложненіямъ. Но императоръ Александръ I слушался только своего великодушія и своему коренному народу не давъ никакихъ новыхъ правъ, вѣроятно по его незрѣлости, польскому народу далъ конституцію и совершенно отдѣльное политическое существованіе.

Предсказанія англійскихъ государственныхъ людей оправдались. Съ тѣхъ поръ сколько пролито въ Польшѣ русской крови, какіе несчетные миліоны пошли туда на содержаніе лишняго войска, которое было нужно вопервыхъ для поддержанія владычества нашего въ постоянно непріязненномъ краѣ, а вовторыхъ, чтобы имѣть значительную внутреннюю опору противъ ивоземныхъ вѣншателей, вызываемыхъ натянутымъ положеніемъ края. Если считать всѣ эти напрасно брошенные миліоны, то можетъ-быть составилась бы достаточная сумма для выкупа всѣхъ земель крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости; можетъ-быть финансы наши были бы теперь въ цвѣтущемъ положеніи; можетъ-быть даже мы дальше тепершняго ушли бы и въ наукѣ, потому что не было бы надобности закрывать виленскаго и варшавскаго университетовъ, и народныя права поляковъ и русскихъ шли бы рядомъ. А извѣстно всякому, что наука широко движется впередъ тамъ, гдѣ широки права народныя.

Есть одинъ взглядъ уже высказавшійся въ литературѣ, по которому можетъ-быть и теперь еще не поздно исполнить совѣтъ англійскихъ государственныхъ людей, сливъ царство польское съ имперіей россійской въ одно плотное, нераздѣльное цѣлое, причемъ къ

Россіи прибавилось бы пять новыхъ губерній съ 4,840,000 жителей и главное, безо всякаго различія правъ, безо всякихъ привилегій, оскорбительныхъ для той или для другой стороны. Никоторая изъ двухъ національностей не была бы угнетена, не было бы никакого повода завидовать другъ другу; каждый говорилъ бы и писалъ на томъ языкѣ, который ему больше нравится; можетъ-быть русскій языкъ пострадалъ бы отъ принятія многихъ полонизмовъ, польскій искажился бы отъ руссизмовъ, и мало-помалу произошло бы столь желаемое слитіе двухъ родственныхъ національностей, двухъ братьевъ, раздѣленныхъ только различіемъ религій. Но въ нынѣшнемъ вѣкѣ есть основанія надѣяться, что католическій прозелитизмъ немощно поспадетъ, когда и самый папа теряетъ свое папское значеніе даже въ Италіи. Тогда полуудовлетворенныя надежды не раздражали бы напрасно поляковъ; полудѣльное, полусоединенное положеніе не вызывало бы естественнаго стремленія опредѣлиться хорошенько, такъ какъ народы больше всего не терпятъ неопредѣленности положеній, чуть не инстинктивно боятся неясности, оставляющей слишкомъ много простора административному произволу. Тогда одна нація не была бы иривилегированною, не пользовалась бы такими широкими правами самоуправленія, какія другой, только повидимому господствующей націи представляются только въ видѣ желанной, хотя уже и ясно обѣщанной перспективы. Тогда наконецъ не возникали бы періодическія кровопролитія, которыя хотя и вовсе не касаются Европы, но даютъ ей сколько-нибудь благовидные поводы вмѣшиваться въ наши домашніе дѣла. Это вмѣшательство, хотя только словесное, дипломатическое, однако все-таки для насъ разорительное, потому что «желая мира, мы должны постоянно готовиться къ войнѣ», а извѣстно, что это наибольшая изъ нашихъ государственныхъ издержекъ.

Можетъ-быть точно также выгодно для Россіи было бы вовсе отказаться отъ владычества надъ Польшей, сохраняя всецѣло западныя губерніи наши, населенныя коренными русскими и только на короткое время когда-то завоеванныя поляками, которые тотчасъ по праву силы захватили себѣ громадныя земли, цѣлыми уѣздами и обратили русскихъ въ неволю. Совершенное и окончательное отдѣленіе Польши было бы намъ выгодно впервыхъ въ нравственномъ отношеніи, потому что для государства важнѣйшій элементъ силы есть однородность состава, однообразное во всѣхъ гражданахъ оживленіе, одушевленіе въ одномъ и томъ же направленіи, взаимное между членами довѣріе, какъ между родными, принадлежащими къ одной семьѣ. Ничто не составляетъ большей слабости народнои, какъ разъединеніе интересовъ различ-

ныхъ его гражданъ. И можетъ ли одинъ гражданинъ признать другого своимъ согражданиномъ, когда знаетъ, что тотъ смотритъ на него неприязненно и если не явно, то тайно или даже только въ душѣ, въ сокровеннѣйшихъ помыслахъ своихъ таветь въ другую сторону, держитъ чужую руку. Это уже не сограждане, это члены чуждаго организма, изнуряющаго нашъ почти однородный организмъ. Это болѣзненный наростъ, отъ котораго благоразуміе требуетъ избавиться какъ можно скорѣе, хотя бы даже посредствомъ операциіи. Только Россія не хочетъ, положительно не хочетъ, чтобы кто-нибудь другой насильственно слѣлалъ намъ эту операцію.

Исторія очевидно идетъ къ тому, чтобы національныя антагонизмы мало-помалу сглаживались; но это дѣлается тѣмъ легче, чѣмъ меньше для достиженія этой цѣли употребляется насилія. Мы видимъ, что турецкіе греки теперь только и думаютъ о томъ, чтобы соединиться съ своею независимою Греціей, которая управляется на основаніи учрежденій, относительно весьма либеральныхъ. Безо всякаго сомнѣнія тутъ важна настолько политическая самостоятельность народа, сколько возможность дышать и двигаться свободнѣе; не столько первая, сколько вторая составляетъ ту притягательную силу, которой народы противустоятъ не могутъ.

Россія теперь вступила на путь «расширенія общественныхъ правъ» и «распространенія круга дѣятельности, предоставленной разнымъ мѣстнымъ въ имперіи учрежденіямъ». Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что когда этотъ путь обозначится яснѣе и такъ-сказать осязательнѣе, всѣ славяне сами собою, безо всякихъ съ нашей стороны усилій и пожертвованій прильнуть къ Россіи всѣми своими сочувствіями, и тогда присоединеніе къ намъ Польши будетъ добровольное, можетъ-быть даже у насъ выпрошенное, и тогда Польша составитъ не слабость, а силу великаго славянскаго союза. Все дѣло только въ томъ, чтобы это совершилось само собою, естественнымъ путемъ и вполнѣ добровольно.

Если уже зашла рѣчь о народностяхъ, то нельзя не упомянуть о вынѣвшихъ усиліяхъ возрожденія южнорусской или малороссійской народности.

Въ № 94 газеты «Голось» г. Костомаровъ напечаталъ небольшую статью «о преподаваніи на народномъ языкѣ въ Южной Руси.» Г. Костомаровъ объясняетъ съ какими взглядами онъ «приступаетъ къ дѣлу народнаго образованія въ Южной Руси.» Прекрасныя намѣренія г. Костомарова заслуживаютъ полнѣйшаго и глубочай-

шаго сочувствія. Малороссійское нарѣчіе существуетъ, стало-быть имѣетъ право существовать, развиваться, совершенствоваться, процвѣтать, благоденствовать, чего мы отъ всей души ему и желаемъ. Г. Костомаровъ прекрасно дѣлаетъ, «приступая къ дѣлу народнаго образованія въ Южной Руси.» Проходитъ пора, когда мы ожидали всего отъ правительства. Оно само, предоставляя гражданамъ извѣстную долю дѣятельности въ самоуправленіи, слагаетъ съ себя часть заботъ и стало-быть часть отвѣтственности. Желая всевозможныхъ успѣховъ дѣлу народнаго образованія въ Южной Руси, которое принялъ на себя и Костомаровъ, мы, сѣверяне, позволяемъ себѣ однакоже сдѣлать нѣсколько скромныхъ замѣчаній.

Г. Костомаровъ увѣряетъ, что существуютъ у насъ два нарѣчія, одно *такъ-называемое* общерусское, другое — южнорусское. Выходитъ, что первое только такъ называется общерусскимъ, а такъ какъ ему прѣтвипологается южнорусское, то ближе стараясь войти въ желанія г. Костомарова, будемъ называть наше нарѣчіе сѣвернымъ, а другое — южнымъ, безъ прибавленія *русское*. Что то и другое русское, г. Костомаровъ не вполне согласенъ. Онъ говоритъ, что *другая половина* (это немножко много) русскаго народа говоритъ особымъ *славянскимъ* нарѣчіемъ. На раздѣленіе Россіи относительно языка на сѣверныя и южныя мы согласиться не можемъ. На южнорусскомъ нарѣчій, какъ говоритъ г. Костомаровъ, или какъ правильнѣе можно сказать — на малороссійскомъ нарѣчій, говорятъ далеко не всѣ жители южной половины Россіи. Чисто по малороссійски говорятъ жители черниговской, полтавской, харьковской и кievской губерній. Переходъ отъ этого нарѣчія къ общерусскому встрѣчается въ попольской, вольнской и уже довольно далеко отъ малороссійскаго нарѣчія тотъ языкъ, которымъ говорятъ въ курской, воронежской и екатеринославской губерніяхъ и въ землѣ войска донскаго. Это во первыхъ далеко не половина, а потомъ и далеко не вся южная часть Россіи.

Мы знаемъ впередъ, что это вызоветъ сильныя возраженія, что намъ станутъ говорить будто всѣ безъ исключенія жители южной Россіи говорятъ на одномъ и томъ же одинаково чистомъ малороссійскомъ нарѣчій. Это будутъ говорить энтузіасты малороссійскаго нарѣчія, которые разумѣется считаютъ себя единственными компетентными судьями; они не примутъ въ соображеніе напирѣтъ, что новороссійскій край населенъ выходцами не изъ одной Малороссіи, а также изъ собственно *такъ-называемой* Россіи и стало-быть внесли туда и *такъ-называемый* общерусскій языкъ, сильно попортившій чистоту малороссійскаго нарѣчія.

Но пусть даже и такъ; пусть всѣ жители всѣхъ нашихъ южныхъ

губерній говорятъ ии чистомъ малороссійскомъ нарѣчіи, а всѣ остальные на *такъ-называемомъ* общерусскомъ — только не нарѣчіи, а *языкъ*. Даже въ историческомъ смыслѣ это не вѣрно, потому что малороссійское населеніе составилось изъ выходцевъ изъ Россіи, принесшихъ туда свой языкъ, не такъ-называемый, а въ самомъ дѣлѣ, настоящій русскій языкъ, который потомъ искажился отъ разныхъ мѣстныхъ и историческихъ вліаній, между-прочимъ и во время польскаго владычества. Это уже достаточное основаніе называть одно нарѣчіе языкомъ, а другое нарѣчіемъ; это требуетъ даже не историческій, а просто логическій смыслъ, потому что нарѣчіе относится къ языку, какъ понятіе видовое къ родовому. Потомъ, кромѣ историческаго происхожденія малорусскаго нарѣчія, имѣется еще одна немаловажная причина, по которой русскій языкъ былъ, есть и останется господствующимъ языкомъ въ Малороссіи, при чемъ малорусское нарѣчіе останется, какъ и теперь, провинціализмомъ, нарѣчіемъ, видомъ относительно своего рода. Дѣло въ томъ, что какъ ни успѣшно приступаетъ г. Костомаровъ къ дѣлу народнаго образованія въ Малороссіи, какъ онъ ни заботится о возрожденіи малороссійскаго языка и народности, Малороссія, по его собственнымъ словамъ, навѣки неразрывно связана, слита съ Россіей въ политическомъ отношеніи; поэтому русскій языкъ останется всегда языкомъ правительства, и кромѣ того языкомъ высшаго научнаго образованія. Съ какою же цѣлью, если это такъ, начинать образованіе на провинціальномъ нарѣчіи, съ тѣмъ, чтобы потомъ прѣдложить его на общепринятомъ въ государствѣ языкѣ.

Съ этого впрочемъ г. Костомаровъ и начинаетъ свою статью:

• Никто, надѣюсь, не станетъ отрицать, что для ознакомленія народа вообще съ предметами просвѣщенія (?), для удобнѣйшаго и скорѣйшаго расширенія круга его понятій, желательно было бы, чтобы свѣдѣнія, служація для этой цѣли, были передаваемы въ наиболѣе простой, ясной, для всѣхъ доступной и удобовразумительной формѣ. Прежде всего это достигается тогда, когда будетъ принятъ тотъ самый складъ языка, то самое теченіе рѣчи, которыя присущи народу и ни въ какомъ случаѣ не могутъ показаться ему чуждыми. •

Допустимъ покажемъ, что это такъ; хотя мы имѣемъ противъ этого тоже возраженіе, которое сейчасъ и приведемъ. Но нѣсколько далѣе почтенный авторъ уже не ограничивается первоначальнымъ образованіемъ, а идетъ значительно далѣе.

• На южнорусскомъ (чит. вездѣ: малорусскомъ) языкѣ пишутъ и печатаютъ уже давно. Въ послѣдніе два года существовалъ даже журналъ, специально посвященный *возрожденію* (?) южнорусскаго языка и народности. Все это принесло чрезвычайную пользу, приготовивъ зна-

чительно языкъ для литературнаго образованія и притомъ не отрѣзавъ его нисколько отъ народнаго склада рѣчи. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ малорусская письменность представляетъ рѣдкое, счастливое явленіе, такъ что если взять великорусскую народную рѣчь, изолированную отъ всего что составляетъ исключительное достояніе общерусскаго общенациональнаго языка и непонятную сразу для простолюдина, то, въ сравненіи съ нею, южнорусское нарѣчіе развито безмѣрно выше, ибо на немъ теперь уже возможно, не отдаляясь отъ народнаго способа выраженія, излагать предметы науки для элементарнаго воспитанія (чит. образованія). Это счастливое положеніе даетъ надежду, что малорусскій народъ будетъ развиваться инымъ путемъ, чѣмъ до сихъ поръ развивались европейскіе народы. Языкъ его не въ высшемъ класѣ образуется, не будетъ притягивать въ сферу образованности личности изъ низшей массы, а станетъ подниматься и развиваться вмѣстѣ съ массою народа; степень развитія языка будетъ указывать уровень народнаго воспитанія (чит. образованія). Выгоды такого способа развитія языка несомнѣнны: онъ не впадетъ въ искусственность, въ школьную схоластику, а останется навсегда живою рѣчью, и наука, изложенная на немъ, не будетъ жертвою грудоу формальнаго знанія, а сольется съ жизнью и сольется для нея духомъ и свѣтомъ.

Прекрасно; до нѣкоторой степени пожалуй можно допустить и это. Но выходитъ, что Малороссія, по мнѣнію г. Костомарова, будетъ развиваться инымъ путемъ, чѣмъ начала развиваться Россія. Желаетъ ей всевозможныхъ успѣховъ; но особенной выгоды для общества, для общаго отечества не видимъ. Если наука на малороссійскомъ нарѣчій будетъ духомъ и свѣтомъ малороссійской жизни, тогда или малороссамъ все-таки придется учиться языку общаго отечества, чтобы участвовать въ общей жизни и удобно пользоваться общерусскими законами, или придется имъ жить вовсе отдѣльною жизнью и имѣть особые на мѣстномъ нарѣчій напечатанные законы, отличающіеся отъ законовъ русскихъ, — къ чему непремѣнно поведетъ *иной путь* развитія. Для блага общаго отечества, мы желаемъ Малороссіи самаго быстраго и самаго успѣшнаго развитія, только не инымъ путемъ, не особеннымъ путемъ для южанъ, вѣдь того пути, по которому будутъ развиваться сѣверяне. Такъ это важно для общаго отечества въ географическомъ отношеніи, что если ужъ малороссійскій языкъ лучше, если выгодыѣ развиваться помалороссійски, то сѣверяне готовы были бы разучиться своему языку и выучиться говорить на малорусскомъ нарѣчій, только бы не расхолились пути развитія великой и малой Россіи. Но къ счастью къ этой мѣрѣ прибѣгать не нужно будетъ. Сосчитавши голоса, окажется, что на сторонѣ общерусскаго языка большинство многихъ мильионовъ. Видъ уступитъ роду.

На это г. Костомаровъ можетъ возразить то, что сказано въ его статьѣ :

• Что будетъ, о томъ станутъ размышлять и судить наши потомки, а наше дѣло поступать сообразно тому что существуетъ предъ нашими глазами, а не сообразно нашимъ гаданіямъ и предположеніямъ. •

Слѣдуетъ замѣтить достопочтенному автору, что человѣкъ отличается отъ прочихъ животныхъ между прочимъ тѣмъ, что онъ и размышляетъ и судить о томъ что будетъ изъ того или другого поступка, соображаетъ, обдумываетъ, а не поступаетъ очертя голову сообразно тому что существуетъ передъ его глазами. Еслибы человѣкъ поступалъ такимъ образомъ, то онъ не кинулся бы въ воду спасать утопающаго или считалъ бы своимъ отечествомъ ту нору, въ которой родился. Впрочемъ надо замѣтить, что саксенъ-мейнингенъ-гильдбурггаузенская любовь къ отечеству на много выше этой слишкомъ узкой сферы.

Еще нѣсколько словъ касательно преподаванія на провинціальномъ нарѣчій. Нѣтъ сомнѣнія, что родное, материнское нарѣчіе ребенку понятнѣе всякаго другого и первыя научныя свѣдѣнія всего доступнѣе на этомъ нарѣчій. Но дѣло въ томъ, что грамота сама по себѣ, книжка, напечатанная на самомъ близкомъ и родномъ нарѣчій для начинающаго учиться есть уже нѣчто чужое, чуждое, представляющее весьма значительныя трудности. Это новый свѣтъ, для уразумѣнія котораго нужно научиться распознавать съ перваго взгляда слишкомъ тридцать фигурокъ и привыкнуть къ ихъ разнообразному сочетанію. Учащійся при этомъ узнаетъ совершенно новый для него способъ выраженія человѣческой мысли, при чемъ этотъ новый способъ вводитъ его въ новую сферу понятій. По этому весьма естественно, что новое слово покажется ему и дико, и странно. Съ перваго шага въ грамоту все для него ново и странно, начиная съ того, что предметъ неодушевленный, книга, можетъ говорить. Вступая въ новую сферу, учащійся приготовленъ къ разнымъ неожиданностямъ, къ словамъ непонятнымъ, по одному уже тому, что для него существуетъ еще множество понятій и предметовъ, вовсе незнакомыхъ. Новыя слова, не совсѣмъ употребительныя въ обиходномъ быту, можетъ-быть составляютъ для начинающаго что-то заманчиво таинственное, какіе-то новые звуки, «которые иной разъ чортъ знаетъ что и значать». Можетъ-быть страсть къ чтенію не совсѣмъ понятныхъ книгъ составляетъ самую человѣчную черту въ скотоподобномъ гоголевскомъ Петрушкѣ. Извѣстно, что крестьяне, которые только-что выучились читать, особенно

любить останавливаться на книгахъ, писанныхъ отборцемъ или самымъ сухо-книжнымъ словомъ. Поэтому новое русское слово не будетъ слишкомъ дико для начинающаго учиться малороса, тѣмъ еще болѣе, что новыхъ—то словъ будетъ уже не такое несмѣтное количество, чтобы онъ въ русской грамотѣ даже и безъ посторонняго руководства не могъ добраться смыслу. Нашъ коренной, основной языкъ, русскій, весьма немногимъ отличается отъ своей вѣтви, малороссійскаго. Да въ добавокъ еще слѣдуетъ замѣтить, что коренной языкъ вообще, у всѣхъ на свѣтѣ народовъ, гораздо легче понимается тѣми людьми, которые говорятъ на одномъ изъ его варѣчій, нежели варѣчіе понимается людьми, говорящими на языкѣ коренномъ. Стало-быть для малоросовъ русскій языкъ понятнѣе, нежели для русскихъ малорусское варѣчіе, хотя и въ пониманіи этого послѣдняго для насъ не встрѣчается особенной трудности.

Но все-таки мы не противъ развитія этого прелестнаго варѣчія, на которомъ Шевченко писалъ такіе дивные стихи, а г. Кулишъ такіе изъ-рукъ-вонъ плохіе рассказы. Мы отъ всей души желаемъ этому варѣчію всевозможнаго процвѣтанія и «возрожденія», насколько достанетъ у него своихъ собственныхъ, органическихъ силъ. Эта послѣдняя оговорка относится къ приступу г. Костомарова къ дѣлу народнаго образованія въ южной Руси или иначе сказать на югѣ Россіи. Прекрасно развитіе, когда оно органическое, т.-е. когда оно не искусственное, не насильственное, а идетъ изъ самого себя, изъ собственныхъ своихъ жизненныхъ силъ. Если для этого г. Костомаровъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ составленію посредствомъ добровольной подписки, концертовъ и чтеній капитала въ пользу изданія книгъ научнаго содержанія на малороссійскомъ языкѣ, то — дѣло плохо: значить органической, жизненной потребности въ такихъ книгахъ нѣтъ. Еслибы органическая потребность была, то первый книгопродавецъ напечаталъ бы цѣлый рядъ такихъ книгъ: эта спекуляція окупилась бы ему и принесла бы значительные барыши, какъ всѣ книги, на которыя есть запросъ, требованіе, потребность. Еслибы существовалъ какой-нибудь запросъ на подобныя книги, то г. Костомарову не было бы надобности прибѣгать къ подпискѣ, къ добровольнымъ приношеніямъ, къ малорусскому патриотизму. Конечно, можно искусственно раздуть запросъ на эти книги: напечатать ихъ на счетъ общественной благотворительности, раздавать даромъ, давать читающимъ ихъ преміи изъ суммъ, собранныхъ за концерты, поощрять, навязывать вѣскольکو десятковъ лѣтъ сряду, трубить погромче о возрожденіи народности, напечатать помалороссійски сводъ законовъ — такъ какъ гражданину подобаетъ знать законы, которымъ онъ повинуется,

вести потомъ дѣлопроизводство и университетское преподаваніе на мѣстномъ нарѣчій (такъ какъ «наука сольется съ жизнью и сдѣлается для нея духомъ и свѣтомъ») — тогда до чего-вибудь можно добиться. Да въ чемъ же тутъ будетъ состоять выгода общаго и частнаго отечества?

Кстати о южной части Россіи. 21 марта утвержденъ уставъ общества одесско-киевской желѣзной дороги, которая по справедливости будетъ называться южнорусскою желѣзною дорогой. Учредители общества графы Строгоновъ, Адлербергъ и Барановъ, князь Долгорукій, г. Толстой, г. Марченко, г. Кербедзь, помѣщики: графы Бранивкій, Ржевускій, Толстой, князь Кочубей; купцы Гитшовъ и Гизико. По этому уже видно, что это не иностранное общество, и всякій русскій будетъ этому вмѣстѣ съ нами радоваться.

Вся дорога будетъ въ 647 верстѣ, отъ Одессы черезъ Тирасполь, с. Канонлѣвку, съ вѣтвью въ 50 верстѣ до Днѣстра, и далѣе черезъ Базту до Кіева. Капиталъ общества опредѣленъ въ 55 миліоновъ рублей, по сту рублей за акцію. Первый выпускъ назначается въ 30 миліоновъ рублей. Обществу предоставлено право выпуска облигацій, цѣнность которыхъ можетъ доходить до суммы, внесенной по акціямъ. Правительство даруетъ обществу гарантію т.-е. ручательство пяти процентовъ чистаго годового дохода съ опредѣленнымъ процентомъ на погашеніе акцій, на капиталъ, исчисленный для устройства желѣзной дороги, считая капиталъ этотъ среднимъ числомъ по 85,000 руб. на версту.

Дѣйствительно, по 85,000 р. верста, за всѣ 647 верстѣ выйдетъ сумма въ 54.995,000 рублей, слѣдовательно столько, сколько будетъ внесено за акціи, такъ что облигаціи очевидно будутъ выпускаться въ видахъ еще большихъ доходовъ. Такимъ образомъ всѣхъ бумагъ общества вынущено будетъ на 110 миліоновъ; чистаго дохода, за всѣми расходами, ожидается 5½ миліоновъ рублей, потому что по облигаціямъ надо будетъ платить тоже не менѣе пяти процентовъ. Предполагая, что на этой дорогѣ расходъ будетъ точно такъ же, какъ на лучшихъ дорогахъ Европы, составлять не болѣе 48 процентовъ валоваго сбора, окажется, что южная желѣзная дорога должна дать не менѣе одиннадцати миліоновъ валоваго сбора. Николаевская желѣзная дорога, протяженіемъ въ 604 версты давала въ послѣднія шесть лѣтъ валоваго сбора среднимъ счетомъ по 8.300,000 рублей въ годъ; стало-быть предполагается, что движеніе пассажировъ и въ особенности товаровъ на южной дорогѣ будетъ

успѣшнѣе и производительнѣе чѣмъ на николаевской. Хорошо если такъ будетъ.

Какое именно вліяніе будетъ имѣть южная желѣзная дорога на развитіе промышленности того края, довольно мудрено теперь предвидѣть. Но николаевская дорога особенно замѣтнаго вліянія на производительность не имѣла. Впрочемъ она существуетъ еще весьма недавно, а для желѣзной дороги какіе-нибудь двѣнадцать лѣтъ — срокъ ничтожный. Однако теперь уже легко видѣть какіе именно товары будутъ перевозиться въ первое время и какое будетъ имѣть она значеніе въ жизни южнорусскаго края. На это не нужно особенной проницательности: стоитъ только справиться съ вѣдомостью отпускаемыхъ изъ нашихъ южныхъ портовъ товаровъ и точно также припомнить какіе товары туда привозятся.

Но тутъ надо прежде всего замѣтить, что цифры въ настоящемъ случаѣ играютъ не самую главную роль. Можно безъ колебанія допустить (хотя требовалось бы сначала доказать), что одесско-кіевская желѣзная дорога будетъ имѣть благопріятное вліяніе на вывозъ товаровъ изъ того края, по которому она будетъ проходить, а вслѣдствіе успѣшнаго отпуска товаровъ увеличится и ихъ привозъ. Благосостояніе края возвысится, и потому можно даже допустить, что увеличеніе привоза превзойдетъ увеличеніе отпуска, то-есть ежели отпущено будетъ изъ Одессы товаровъ вдвое больше прежняго, то привезено будетъ въ два съ половиною раза противъ количества прежняго привоза, причемъ (надо по крайней мѣрѣ надѣяться) привозъ все-таки не будетъ превышать отпуска.

Какова бы ни была сумма привоза и вывоза изъ одесскаго порта, надо знать, что отношенія привоза къ вывозу значительно колеблются.

Въ 1850 году вывозъ относился къ привозу, какъ	139	къ	74.
— 1851	102	»	65.
— 1852	193	»	71.
— 1853	276	»	78.

Мы взяли эти годы потому, что только послѣ 1849 года права Одессы были уравнены съ правами другихъ городовъ. Въ 1850 г. вывозъ былъ болѣе привоза почти вдвое, въ слѣдующемъ году едва только въ полтора раза, потомъ почти втрое, потомъ болѣе чѣмъ въ три съ половиною раза. Иначе сказать: на каждыя сто рублей привоза въ означенные годы была отпуска въ первый годъ на 188 рублей, во второй на 157, въ третій на 272, въ четвертый на 354, причемъ сумма привоза хотя и измѣнялась, но немного, такъ какъ средняя цифра привоза въ эти годы, 72, немного уда-

ляется отъ наибольшей и наименьшей. Отчего же, откуда же такая огромная неравномѣрность отношеній привоза къ вывозу, неравномѣрность конечно весьма невыгодная для торговли? Не безызвѣстно всякому, кто хоть сколько-нибудь выпкалъ въ торговля дѣла, что въ нихъ правильность оборотовъ занимаетъ первое мѣсто. Когда какой-нибудь торговый домъ Ралли въ Одессѣ покупаетъ въ обыкновенный годъ *полмилліона* четвертей пшеницы и львянаго сѣмени, для него происходитъ большой недочетъ, самая тягостная остановка въ дѣлахъ, когда можно отпустить только двѣсти тысячъ четвертей, а остальные держать до будущаго года. Не мѣшаетъ при этомъ вспомнить нравы южнорусской торговли. Тамъ торговецъ, подобный Ралли, покупаетъ не только на наличныя деньги, но еще выдаетъ или всѣ или большую часть денегъ за годъ или болѣе впередъ. Понятно, что ежели на рукахъ 300,000 четвертей, да приходится денегъ раздавать впередъ тысячъ на четыреста четвертей на годъ впередъ, то дѣла процвѣтать не могутъ или если процвѣтаютъ, то вовсе не на тѣхъ основаніяхъ, на какихъ плутъ дѣла въ правильной европейской торговлѣ.

Изъ Одессы отправляется за границу пшеница, рожь, львяное сѣмя, сало, шерсть, нѣсколько масла и солонины. Въ Одессу привозятся южные плоды, вино, желѣзо, ткани бумажныя, шерстяныя и львяныя, машины, мебель и монета. Желѣзная дорога изъ Кіева въ Одессу будетъ имѣть значительное вліяніе на вывозъ отъ насъ хлѣба и другихъ продуктовъ почвы. Хлѣбъ въ Одессѣ теперь дорогъ, всѣ жалуются на его дороговизну, которая препятствуетъ сбыту его за границу. Въ самомъ дѣлѣ доставка его по желѣзной дорогѣ будетъ обходиться дешевле перевозки чумаками, и потому хлѣбъ въ самой Одессѣ подешевѣетъ. Этого и нужно, этого и желаютъ всѣ, промышленяющіе покупкою хлѣба у производителей и отпускомъ его за границу. За то хлѣбъ возвысится въ цѣнѣ въ мѣстностяхъ, значительно удаленныхъ отъ Одессы. Скупщикъ хлѣба рассчитывалъ, что провозъ обойдется ему отъ мѣста покупки до Одессы положимъ въ два рубля за четверть. По желѣзной дорогѣ доставка будетъ уже стоить только рубль, такъ что остальной рубль почти весь можно будетъ отдать производителю. Возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ на внутреннихъ рынкахъ будетъ прекраснымъ поощреніемъ для производителей, и они конечно употребятъ всѣ усилія, чтобы увеличить производство и получать какъ можно больше доходовъ. Съ одной стороны это доставятъ на одесскій рынокъ еще большее количество хлѣба, отчего онъ еще подешевѣетъ, а съ другой приливъ денегъ въ руки производителей дастъ имъ возможность тратить больше на свои нужды и прихоти, что разу-

мѣется увеличить привозъ товаровъ изъ-за границы къ одесскому порту. Торговля несомнѣнно оживится, а въ этомъ смыслѣ цѣль, съ которою предпринимается одесско-киевская желѣзная дорога, будетъ достигнута вполне.

Но въ результатѣ ктоже тутъ будетъ въ выигрышѣ? Цѣна на хлѣбъ въ Одессѣ понизится, спросъ на заграничныя произведенія увеличится. Понятно, чья тутъ прямая выгода: тѣхъ, кто потребляетъ хлѣбъ и отдастъ въ обмѣнъ его мануфактурныя и другія заграничныя издѣлія. Для нихъ южная желѣзная дорога будетъ великимъ благодѣяніемъ. Она сдѣлаетъ то, что по линіи отъ Кіева до Одессы производство хлѣба увеличится; стало-быть ежели и могла начинаться какал-нибудь фабричная дѣятельность, какъ напримеръ свеклосахарное производство, то вслѣдствіе вздорожанія хлѣба работники бросятъ фабрики и займутся земледѣіемъ. Поэтому еще отдалится то время, когда фабрика станетъ рядомъ съ полемъ земледѣльца и ежели приобрѣтенъ какой-нибудь навывкъ къ фабричному дѣлу, онъ пропадетъ. Этого только и надо производителямъ мануфактурныхъ издѣлій: чтобы хлѣбъ былъ дешевле, да чтобы покупатель-земледѣлецъ былъ какъ можно болѣе надежнымъ покупателемъ. Поэтому сырые продукты потекутъ въ Европу въ величайшемъ изобиліи и если еще облегчится привозъ фабрикатовъ изъ-за границы, то пропадетъ всякое побужденіе къ развитію у насъ въ томъ краю мануфактуръ и обработанные продукты потекутъ въ южную Россію точно также изобильно.

Но что сказали бы мы о владѣльцѣ большого имѣнія, который сталъ бы вывозить всѣ до послѣдняго сырые свои продукты? Предположить надо такого безрасчетнаго господина, который сталъ бы сбывать и зерно, и солому, и сѣно, и навозъ, и плоды, и все что ни родится у него въ имѣніи. Понятное дѣло, что почва его должна наконецъ истощиться, и чѣмъ болѣе облегчается для него сбытъ продуктовъ, чѣмъ онъ болѣе будетъ усиливать свою земледѣльческую производительность, тѣмъ быстрѣе пойдетъ его разореніе. Извѣстно, что ваши южные черноземы выпахались, потому что самая богатѣйшая на свѣтѣ земля можетъ дать только то что въ ней заключается и что наконецъ приходитъ пора, когда въ ней слишкомъ мало частицъ, необходимыхъ для образованія зерна. Одесско-киевская дорога пособитъ выпахать тѣ мѣста окончательно, такъ что поневолѣ придется наконецъ или выселяться или вслѣдствіе упадка урожаяевъ принятыя за раціональное сельское хозяйство, которое невозможно безъ правильно и несомнѣнно обеспеченнаго сбыта рядомъ сидящему населенію, состоящему изъ фабричныхъ рабочихъ, не сѣющихъ хлѣба.

Новая дорога привлечетъ на одесскій рынокъ такое множество зерна, что торговцы вродѣ г. Ралли не будутъ имѣть надобности выдавать деньги за годъ впередъ. Поэтому землевладѣльцы не будутъ имѣть на свои обороты всегда готовыхъ въ его сундукахъ капиталовъ. А какъ же тутъ вести раціональное хозяйство, когда черезъ три года въ четвертый, по случаю особенно благоприятныхъ за границей урожаевъ, хлѣба потребуется туда вдвое или втрое меньше прежняго?

До крайности невыгодно сдѣлать зерновой хлѣбъ главнымъ предметомъ своей промышленности между прочимъ и потому, что всѣ употребляющіе хлѣбъ имѣютъ предѣлъ, дальше котораго ихъ потребленіе неидетъ. Это не то, что какая-нибудь ткань, или какое-нибудь издѣліе, сфабрикованное для удовлетворенія не самыхъ первыхъ потребностей человѣка. Тогда какъ хлѣба нельзя съѣсть больше того, что приметъ желудокъ, шолковыхъ тканей, ковровъ, экипажей и проч. можно потребить столько, сколько позволяетъ благосостояніе человѣка. Поэтому промышленяющій фабрикованными издѣліями желаетъ благополучія всѣмъ на свѣтѣ: отъ общаго благосостоянія зависитъ его собственное. Промышляющій хлѣбомъ, ежели хочетъ барышей, долженъ желать, чтобы кромѣ него нигдѣ не было достаточныхъ урожаевъ, потому что общій благодатный урожай можетъ быть для него истиннымъ бѣдствіемъ: извѣстно, что «переродъ хуже недорода». Эта несчастная, ужасающая поговорка показываетъ всю шаткость, всю ненадежность земледѣльческаго труда, не оживляемаго близкими фабриками, то-есть постоянными потребителями. Когда всѣ до одного желаютъ продать, а некому купить, то цѣны падаютъ неимоверно, и обильный урожай можетъ быть источникомъ разоренія для цѣлаго края. И тутъ опять мы кстатіи припомнимъ, что какихъ-нибудь хорошихъ вещей не можетъ быть въ данномъ мѣстѣ слишкомъ много, не могутъ онѣ быть лишними; а если онѣ слишкомъ дешевы, то это значитъ, что мало другихъ вещей, на которыхъ вымѣнивались бы эти кажущіяся лишними вещи. Тамъ, гдѣ есть фабрики возлѣ воздѣланныхъ полей, земледѣлецъ на лишній противъ обыкновеннаго хлѣбъ покупаетъ лишнее противъ прежняго количество одежды, обуви, книгъ; а тамъ, гдѣ фабрикъ возлѣ вѣтъ, съ «перероломъ» некуда дѣваться и земледѣлецъ только наплачется съ своимъ хлѣбомъ, котораго никому не надо.

♦

Въ странахъ фабричныхъ, въ странахъ образованныхъ земледѣліе при обезпеченномъ и выгодномъ сбытѣ своихъ произведеній дѣлаетъ быстрые успѣхи. Оно очевидно идетъ къ тому, чтобы въ первыхъ меньше и меньше бояться неурожаевъ (посредствомъ дре-

пажа, иригаціи, жидкихъ удобрѣній и т. д.); тамъ при благопріятной погодѣ въ прибавокъ къ своему хлѣбу будетъ попадобляться самое ничтожное количество привознаго. Страна можетъ довлѣть самой себѣ. Въ такомъ случаѣ страна чисто земледѣльческая не найдетъ чѣмъ заплатить за необходимыя для нея фабрики, и останется на тотъ годъ вовсе безъ внѣшней торговли, а дороги построенныя съ исключительно внѣшними цѣлями, останутся безъ работы, стало-быть безъ выручки, а ихъ акціонеры безъ дивиденда.

Какъ-то съ мѣсяцъ тому назадъ газета «Голось» увѣряла своихъ читателей, будто мы ошибаемся, предпочитая для нашихъ громадкихъ, неастилированныхъ промышленностью продуктовъ рѣки желѣзнымъ дорогамъ. Мы очень хорошо знаемъ, что желѣзная дорога лучше рѣки хотя бы уже потому, что на ней движеніе одинаково удобно какъ лѣтомъ, такъ и зимою. Но «Голось» взялъ немножко не въ ту силу. Мы утверждаемъ только, что 1) по одежкѣ слѣдуетъ протягивать ножки; 2) что желѣзныя дороги, назначаемыя преимущественно для *вывоза* сырыхъ продуктовъ, разорительны для страны, хотя и очень выгодны для иностранныхъ спекуляторовъ, которые дадутъ деньги для постройки дороги, и стало-быть будутъ пользоваться дивидендомъ, да сверхъ того еще будутъ пользоваться упадкомъ цѣнъ на сырые продукты въ портовыхъ городахъ; 3) что земледѣльческая промышленность безъ фабричной разорительна; 4) что есть страны на земномъ шарѣ, гдѣ рано еще приступать къ работамъ по улучшенію русла рѣкъ, что при увеличеніи населенія и производительности страны наступаетъ пора строить каналы, потомъ, при большемъ увеличеніи приходитъ время желѣзно-конныхъ дорогъ, потомъ нужны паровыя дороги.

Но вѣроятно мы еще не разъ будемъ имѣть случай возвратиться къ этимъ жизненнымъ для нашей промышленности вопросамъ.

Въ Петербургѣ образуется сельско-хозяйственный клубъ. Мы какъ-то уже говорили объ этомъ. Но теперь какой-то чудакъ совѣтуетъ этому клубу слиться съ вольнымъ экономическимъ обществомъ, какъ-будто новая заплатка на ветхой ризѣ не повредитъ этимъ и самой себѣ и ризѣ.

Московскій зоологическій садъ, который предполагено было устроить въ Нескучномъ, будетъ устроиваться теперь на Прѣсненскихъ прудахъ. Едвали это положеніе не выгоднѣе того, которое было выбрано прежде, потому что Прѣсненскіе пруды находятся въ

чертъ столицы, и потому всякому будетъ ближе пойти посмотрѣть тамошнихъ «звѣрей».

На петербургскихъ улицахъ, особенно на Невскомъ проспектѣ, продолжаютъ катанья на рысакахъ для сбиванія съ ногъ прохожихъ. Говорятъ даже, что облумываются мѣры для составленія комитета, который долженъ будетъ составить предположенія о средствахъ, какими можно было бы если не прекратить это зло, то по крайней-мѣрѣ сдѣлать его менѣе пагубнымъ.

Составленъ уставъ петербургскаго земскаго кредитнаго общества, которое еще задолго до своего основанія заранѣе беретъ подъ свое покровительство всѣ земскія кредитныя общества, которыя могутъ впоследствии образоваться въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

Говорятъ, что въ Крымъ обратно переселяются татары, которые такъ еще недавно рвались изъ Крыма въ Турцію и уѣзжали сотнями и тысячами семействъ. Должно-быть тамъ не понравилось.

Говорятъ, что скоро произойдутъ значительныя перемены въ паспортной системѣ нашей.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Общее положеніе. Мелкія дѣла, стоящія вѣдѣ вопроса о польскомъ возстаніи. — Сущность европейскаго участія въ дѣлахъ повстанцевъ. — Чего домогается каждая изъ принимающихъ участіе державъ. — Дешши къ князю Горчакову. — Отвѣты князя Горчакова. — Надежды.

Россія вмѣстѣ съ Польшей пользуются теперь незавидною привилегіей занимать общественное вниманіе Европы. Если съ одной стороны это и весьма дивно, то съ другой совершенно невыгодно, имѣя въ виду кровавую причину этого страстнаго вниманія. Но въ глазахъ Европы важно не то, чтобы оказать дѣйствительную помощь Польшѣ, чтобы избавить ее отъ ига, будто бы невыносимо тягостнаго. Важно то, чтобы вмѣшаться. Россія и Польша попались тутъ случайно. Главное стремленіе, главная забота, единственная цѣль — во что-нибудь у сосѣдей вмѣшаться и если при этомъ кстати можно будетъ ослабить Россію, то больше ничего и не нужно. Всѣ остальные современные вопросы можно отложить въ сторону: все положить, все далеко не представляетъ важности русско-польскаго вопроса, потому что ни изъ одного современнаго осложненія не ожидается близкой европейской войны. Само собою разумѣется, что всякій самамалѣйшій случай съ большимъ удобствомъ можетъ быть возведенъ или раздутъ въ вопросъ, въ осложненіе; но такого благопріятнаго, приличнаго случая давно не представлялось.

И чѣмъ же заниматься общественному мнѣнію напримѣръ во Франціи? Что императоръ собирается на нѣсколько часовъ поѣхать въ Шербуръ, присутствовать при состязаніи въ скорости двухъ новыхъ пароходовъ; что онъ на дняхъ дѣлалъ большой смотръ такихъ-то и такихъ-то частей войскъ и остался ими совершенно доволенъ, что императрица Евгенія приказала значительно убавить объемъ своего криволина. Но всѣ эти и подобные вопросы, несмотря на ихъ высокую важность, не грозятъ перейти въ кровопролитныя столкновенія. Правда, что въ Мексикѣ у французовъ теперь немаловажные интересы. Тамъ тратятся многіе миліоны и умираютъ многія тысячи людей. Ради чего все это дѣлается,

ни одному французу не извѣстно. Тѣсно чтоли во Франціи и надо выселяться куда-нибудь? Но въ такомъ случаѣ въ Алжирѣ мѣста столько, что дѣвать некуда; мѣста много въ Кохинхинѣ, только что завоеванной, въ Гвіанѣ, куда ссылаются политическіе преступники. Или просто народу слишкомъ много, такъ что надо его убавить посредствомъ убіенія мексиканскимъ климатомъ? Но вѣдь не хуже того климатъ и въ Гвіанѣ, а она есть, совсѣмъ готовая. Или мильоновъ дѣвать некуда? Но г. Фульдъ совершенно другого мнѣнія, а бѣдники, платящіе большую часть налоговъ, придерживаются мнѣнія противоположнаго. Зачѣмъ же мы пошли въ Мексику? Чтоже за цѣль? спрашиваютъ себя французы. Но чтобы они не предлагали себѣ такихъ нескромныхъ вопросовъ, надо было придумать имъ занятіе, говоръ, хлопоты о чужихъ дѣлахъ.

Впрочемъ есть на очереди и другое дѣло. Въ нынѣшнемъ году, даже можетъ-быть не дальше мая мѣсяца должны происходить выборы въ такъ-называемый законодательный корпусъ. Это довольно неприятная и до вѣкоторой степени сложная исторія. Французскіе министры, разные президенты и правительственные ораторы не разъ высказывали мысль, что законодательная палата конституціе 2 декабря устроена не для напрасныхъ споровъ, не для словопрерній и бесполезной оппозиціи, а для того, чтобы благоразумнымъ согласіемъ съ благими мѣрами, предлагаемымъ правительствомъ, показывать міру и Франціи трогательную картину согласія между нѣкоторыми избранными изъ народа съ одной стороны и установленнымъ правительствомъ съ другой. Нынѣ оканчивающая свой срокъ палата въ самомъ дѣлѣ была образцовая. Втеченіи десяти лѣтъ только одинъ разъ она рискнула несогласиться съ правительствомъ касательно назначенія громадной пенсіи генералу Паликаю и потомъ долго не могла опомниться отъ изумленія передъ своею дерзостью. За исключеніемъ этого ужаснаго случая, царствовало согласіе невозмутимое. Изрѣдка только пять какихъ-то членовъ палаты осмѣлжались возвышать голосъ противъ распоряженій или слишкомъ разорптельныхъ, или слишкомъ самовольныхъ. Теперь выборы должны возобновить покорную и послушную палату. Правительство желало бы не только покорной, но если можно покорнѣйшей палаты. Страна напротивъ имѣетъ множество поводовъ желать менѣе послушныхъ представителей интересовъ страны, такихъ по крайней мѣрѣ, которые умѣли бы хоть слово сказать въ защиту народа отъ слишкомъ неумѣренныхъ правительственныхъ требованій.

Но до той минуты, пока страна не выскажется окончательно посредствомъ выборовъ, нельзя ничего знать напередъ, нельзя де-

стовѣрно сказать какой характеръ будетъ имѣть слѣдующая палата. Конечно, все устроено и подстроено великолѣпно; избирательные округи разбиты и перетасованы до такой степени черезполосно, какъ не разбиты участки германскихъ владѣтельныхъ домовъ. Это сдѣлано для того, чтобы избиратели не слишкомъ усердствовали къ выборамъ и не осложняли этой тягостной операціи. Иному либеральному депутату теперь вдвое ближе ѣхать въ чужой избирательный округъ, нежели въ свой. Кромѣ того составлены избирательные списки по цѣлой Франціи такъ искусно, что многіе избиратели нечаянно вовсе пропущены. Нѣкоторые безпокойные адвокаты вздумали еще сдѣлать особыя справочныя конторы, въ которыхъ каждый избиратель можетъ во всякое время безденежно справиться о своихъ правахъ и о томъ, въ какомъ порядкѣ пропущенный въ спискахъ можетъ хлопотать о внесеніи своего имени. Сверхъ того правительство предлагаетъ въ каждомъ округѣ своего кандидата, извѣстнаго благонамѣренностью и преданностью существующему порядку, и конечно не опускаетъ ни одного изъ зависящихъ отъ него средствъ для поддержанія своего кандидата. При этомъ пускаются въ ходъ всевозможныя пружины. Деревенскій мэръ зазываетъ къ себѣ избирателей на рюмку полынной, и кому нужно только намекнуть, намекаетъ о томъ, что господину министру пріятно будетъ видѣть избраннымъ такого-то. Кому можно вмѣнить въ обязанность подавать голосъ за правительственнаго кандидата, — вмѣняютъ въ обязанность. На иного стараются дѣйствовать иначе, представляютъ, что какъ бы то ни было, конечно господинъ министръ не обратитъ вниманія кто подавалъ голоса за либеральнаго кандидата и не спроситъ объ этомъ. Ну а если? Тогда что? И вдругъ узнаетъ, что за либерала, за республиканца подавалъ голосъ мосье Кокардо. Прилично ли это человѣку въ зрѣлыхъ лѣтахъ, человѣку семейному, который въ слѣдующіе выборы и самъ можетъ попасть въ законодательную палату, если поддержитъ конечно правительственнаго кандидата. Нѣтъ г. Кокардо! вы не сдѣлаете такого ужаса, вы не доставите господину министру печальныхъ минутъ. И г. Кокардо подаетъ голосъ за правительственнаго кандидата, очень довольный тѣмъ, что можетъ избавить господина министра отъ печальной минуты. Иному можно представить съ ужасной стороны преступные замыслы членовъ оппозиціи, которые прямо хотятъ революціи, чтобы устроить республику и залѣзть избирателямъ въ карманы, съ тѣмъ, чтобы ихъ обобрать. Не даромъ господинъ министръ циркуляромъ далъ знать всѣмъ газетамъ, чтобы онѣ не смѣли называть кандидатовъ оппозиціи, республиканцевъ, кандидатами либеральными. Знаете ли вы что это значить? — толкуетъ почтенный мэръ. Вотъ, читайте,

если умѣете читать: *республиканскихъ* кандидатовъ не называть и не считать *либеральными*. Это значитъ, что французское правительство само либеральное, и никогда на свѣтѣ не бывало правительства болѣе либеральнаго. Поэтому какъ же въ самомъ дѣлѣ смѣютъ республиканцы смѣшивать себя съ правительствомъ. Развѣ въ этомъ либерализмъ, чтобы на каждомъ шагѣ ставить правительству вепрiатную оппозицію, тогда какъ правительство конечно лучше всѣхъ на свѣтѣ знаетъ что нужно странѣ, лучше самой страны. А эти господа — республиканцы. Это значитъ, что для нихъ все ни почемъ, что для нихъ ничего нѣтъ святаго, что они по вочамъ выкапываютъ трупы и вѣдятъ ихъ. И мало ли еще чего не наскажетъ опытный чиновникъ челоѡвѣку, способному вѣрить разному вздору?.. Однакоже всѣ глубокообдуманнныя мѣры, принятыя съ величайшею предусмотрительностью для обезпеченiя успѣха выборовъ въ смыслѣ, какой нуженъ правительству, — все же это тяжелое время. Можетъ пожалуй случиться, что страна въ самомъ дѣлѣ серьезно займется своими интересами и вздумаетъ не обратить подобающаго вниманiя на рекомендуемыхъ отъ правительства людей, а выберетъ тѣхъ, какіе по ея разумѣнiю лучше будутъ служить интересамъ страны. Всего выгоднѣе сдѣлать такъ, чтобы общественное вниманiе передъ выборами и вплоть до самыхъ выборовъ было занято чѣмъ-нибудь очень важнымъ, крупнымъ. Еслиже этого нельзя, то не худо было бы тоже ввести Францію на время выборовъ въ такія нѣвшнiя затрудненiя и complicacii, чтобы всякому гражданину было ясно до послѣдней очевидности какъ необходимо именно теперь предоставить судьбы Франціи въ руки сильнаго и предусмотрительнаго правительства, не стѣсняя произвольной дѣятельности его какими-нибудь оппозиціонными членами законодательнаго корпуса. Да наконецъ не худо тоже высказать громаднѣйшiй призывокъ либерализма, вступившись за какую-нибудь угнетенную національность. Да и вообще полезно, чтобы вопросъ о выборахъ затемнился или заслонился какимъ-нибудь громкимъ другимъ вопросомъ. И вотъ кстати поднимается на другомъ концѣ Европы заглохшiй но нерѣшонный польскiй вопросъ. Почему же не воспользоваться случаемъ и не раздуть его въ вопросъ общеевропейскiй, въ возможность войны за свободу другаго народа...

Это тѣмъ выгоднѣе, что прямой отсюда выводъ: стало-быть самм-то мы уже очень свободны, когда заботимся о чужой свободѣ!

Въ Англіи нѣтъ никакой надобности давать искусственную пищу общественному миѣнiю. Тамъ напротивъ настоятъ крайняя нужда слѣдовать потоку общественнаго миѣнiя, которое обратилось къ польскому вопросу, потомучто не было на очереди своихъ болѣе

важныхъ дѣлъ. Принцъ валлійскій женился; его невѣста, принцесса датская, была встрѣчена съ большимъ торжествомъ; ей поднесены были разные драгоценныя подарки; послѣ свадьбы устроены были торжественныя встрѣчи на улицахъ, въ коventгарденскомъ театрѣ, но наконецъ эта мирная агитація кончилась... Съ американскимъ правительствомъ вѣшла раздражительно-бранчивая переписка касательно захваченнаго парохода «Петергофъ», но счастливо кончилась, благодаря уступчивости вашингтонскаго министра... Американскій посланникъ въ Англію сталъ было утверждать, будто англійское правительство должно запретить своимъ частнымъ кораблестроителямъ вооружать пароходы за деньги, получаемыя отъ правительства отложившихся штатовъ. Раздражонныя газеты пророчили скорую войну. Но англійское министерство указало посланнику, что изъ Ирландіи отправляется еженедѣльно значительное число людей въ Нью-Йоркъ, съ явною цѣлью вступить въ ряды войска свободныхъ штатовъ, а правительство не запрещаетъ имъ оставлять отечество для службы гдѣ имъ угодно, точно такъ же какъ не имѣетъ въ виду запрещать частнымъ кораблестроителямъ строить что угодно хотя бы для короля лагемейскаго или для китайскаго богдыхана. Хлопчатобумажный кризисъ со всѣми тяжелыми послѣдствіями продолжается; но онъ уже сдѣлался хроническимъ, привычнымъ и не представляетъ никакого интереса новости. Поэтому не былъ лишнимъ болѣе или менѣе энергическій протестъ противъ польскихъ кровопролитій послѣ торжественнаго заявленія чѣ падатъ, что въ Англію не можетъ быть министерства, которое рѣшилось бы повредить интересамъ своей страны посредствомъ вооруженнаго вмѣшательства въ какіе бы ни было домашнія дѣла какой бы то ни было чужой страны.

Въ Италіи тоже не имѣлось въ виду никакихъ особенно важныхъ новостей. Король поѣхалъ осматривать свои владѣнія и своимъ присутствіемъ поддерживать энтузіазмъ патриотическихъ чувствъ итальянцевъ къ единству Италіи. Во Флоренціи онъ дѣлалъ смотръ національной гвардіи (которую однако слѣдуетъ гораздо правильнѣе называть гражданскою стражей) и былъ встрѣченъ единодушными кликами «ура», долго оглашавшими воздухъ, и благодарнымъ сердцевіеніемъ гражданъ, собравшихся взглянуть на своего обожаемаго государя... Король посѣтилъ бывшаго министра Ривазоли въ его великолѣпномъ замкѣ, и потому прошолъ слухъ о возможномъ вступленіи этого государственнаго чловѣка опять въ министерство... Папа слѣлалъ въ управленіи своею областью значительныя либеральныя преобразованія, угождая требованіямъ французскаго правительства. Но такъ-какъ сдѣланныя перемѣны

относится исключительно къ почтовому вѣдомству, что французское правительство объявило, что оно недоволено и ожидаетъ новыхъ преобразованій... Въ Римѣ составлена и напечатана книжка, до критичности любопытная, о чудесахъ, которыя творить могла одного панскаго зуава, убитаго въ какой-то стычкѣ съ итальянскимъ войскомъ, и потому носятся слухи, что папскій зуавъ скоро будетъ причисленъ къ лику святыхъ... О капрерскомъ раненомъ львѣ совсѣмъ нѣтъ слуховъ; газеты какъ-будто о немъ забыли. Иногда только появится очевидно только для пополненія номера статейка, въ которой говорится, будто рана Гарибальди совершенно зажила и онъ свободно ходитъ, а въ слѣдующемъ номерѣ — опроверженіе этого слуха: «Нашъ корреспондентъ, обыкновенно сообщающій самыя достовѣрныя извѣстія, на этотъ разъ былъ введенъ въ заблужденіе славкомъ пламенными друзьями итальянской свободы, которымъ хотѣлось бы теперь же видѣть во главѣ своихъ рядовъ знаменитаго аспромонтскаго героя. Нога его залечена еще несовсѣмъ; опухоль есть, рана еще несовсѣмъ закрылась и шѣшасть ему свободно ступать на большую ногу. Доблестный мученикъ свободы находится постоянно въ меланхолическомъ расположеніи духа...» И ничего этого нѣтъ. Воображаемые корреспонденты сидятъ въ редакціи газетъ и всѣми мѣрами стараются наполнить завтрашній номеръ. А читатели потомъ читаютъ да похваиваютъ.

Также и въ Австріи: «Изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ намъ сообщено, что на дняхъ долженъ появиться указъ объ открытіи трансильванскаго провинціального сейма. Императоръ, вникая потребностямъ и желаніямъ своихъ вѣроподданныхъ, вознамерился осчастливить и эту провинцію, предоставивъ ей право черезъ своихъ выборныхъ представителей заявлять свои нужды...» На другой день — другая пѣсня. «Созваніе трансильванскаго сейма, о которомъ извѣщали мы вчера изъ источниковъ, обыкновенно самыхъ достовѣрныхъ, — отложено; и надо признаться, что эта шѣра, принятая въ настоящую минуту, была бы несовсѣмъ своевременна. Потребности страны, которыя такъ хорошо понимаются правительствомъ...» И такъ далѣе, въ томъ же родѣ. А между-тѣмъ интересъ, стоящій на первомъ планѣ, не въ Трансильваніи, а въ Галиціи. На него-то и обращено теперь самое дѣятельное вниманіе правительства. Тамъ и въ Краковской области организуются польскія шайки, которыя вторгаются потомъ въ царство польское, наводя ужасъ на всѣхъ мирныхъ жителей, утомяя войска непрерывными переходами. А извѣстно, что народная, національная война, или та, которая имѣетъ видъ народной, до крайности развѣтвиста... А тутъ еще вдобавокъ Мадзини издастъ манифестъ, ко-

торымъ доказываетъ, что теперь-то именно настала минута освобожденія Венеціи, но что ключъ къ ней не въ лагунахъ прекраснаго города, а въ Венгріи, въ Галиціи. Итакъ къ оружію!..

Затѣмъ изъ великихъ державъ остается только Пруссія, которая осталась въ сторонѣ при демонстраціяхъ Европы въ пользу Польши. Но для Пруссіи, какъ сказалъ графъ Бисмаркъ, невозможно измѣнить направленіе политики, какой она держалась въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ; не переставая въ теченіе этого времени обращать вниманіе русскаго императора на неизбѣжныя послѣдствія снисходительности, оказываемой стремленіямъ поляковъ къ національности, Пруссія не можетъ теперь обращаться къ нему съ представленіями о дарованіи автономіи, требуемой поляками.

Изъ всѣхъ этихъ соображеній ясно, что тремъ великимъ державамъ приходилось вмѣшаться въ русско-польскія дѣла, но только — надо отдать имъ эту справедливость, — онѣ заставляли свои канцеляріи работать не совсѣмъ безкорыстно. Иначе это было бы преступленіемъ противъ интересовъ отечества.

Шумъ начался во Франціи. Принцъ Наполеонъ — открытый приверженецъ польскаго возстанія, точно такъ же, какъ онъ открытый сторонникъ единства Италіи. Весьма счастливо для него, онъ на этотъ разъ встрѣтился въ желаніяхъ съ императрицей Евгеніей. Императрица, какъ извѣстно, глубоко предана католичеству; все что ни отзывается во Франціи религіей, находитъ въ ея величествѣ покровительство и защиту. Говоря о епископахъ французскихъ она изволяетъ ихъ называть: мои епископы. Она горячо вѣруетъ въ непогрѣшимость папы и сочувствуетъ всѣмъ отправляющимся въ Римъ на поклоненіе къ нему. Поэтому въ польскомъ возстаніи она видитъ попытку освобожденія католичества изъ подъ вліянія православія, и разумѣется желаетъ возстанію всевозможныхъ усилій. Ея величеству кажется, будто торжество польскаго возстанія будетъ новымъ торжествомъ папской власти, новымъ свѣтомъ, который прольется на вселенную отъ увеличенія значенія папской власти. Въ этихъ видахъ ея величество пустила въ ходъ всѣ клерикальныя пружины Франціи, чтобы дать поддержку повстанцамъ, которые однакоже возстали вовсе не во имя своей религіи, а во имя основанія польскаго государства въ древнихъ его предѣлахъ. Со стороны принца Наполеона дѣйствуютъ другія причины. Съ той минуты, какъ онъ былъ выбранъ членомъ законодательной палаты (еще во время февральской республики) онъ всегда старался казаться какъ можно болѣе либеральнымъ и выдерживать свою роль до сихъ поръ, хотя въ ней вельзя не замѣтить довольно рѣзкихъ отступленій въ родѣ того, что онъ присоединился къ перевороту 2 де-

кабря. Прямая выгода его требуютъ тщательнаго исполненія этой роли. Императоръ хотя и пользуется прекраснымъ здоровьемъ, однакоже не вѣченъ. Довольно долго послѣ супружества своего онъ былъ бездѣтенъ. Мало ли что могло случиться, и на всякій случай слѣдуетъ отъявленнымъ либераломъ для принца было весьма удобно. Поэтому онъ возставалъ противъ римскаго занятія во время сенатскихъ преній, поэтому же онъ держитъ сторону повстанцевъ. Ктому же у Наполеоновъ есть историческая связь съ Польшей. Первый императоръ образовалъ герцогство варшавское изъ частей, оторванныхъ у Пруссіи и Австріи, и льстилъ поляковъ надеждами на восстановленіе ихъ независимости. Дѣло въ томъ, что онъ никогда не думалъ о независимости какого бы то ни было народа: ему нужно было только получать отъ поляковъ деньги; солдатъ и имѣть благонадежный передовой постъ противъ Россіи. Потомъ, когда былъ живъ еще герцогъ Рейхштадскій, сынъ императора Наполеона I, принцъ Людовикъ, нынѣшній Наполеонъ III, не считался въ глазахъ дипломатіи человѣкомъ опаснымъ. Въ 1830 году, когда принцы Наполеонъ и Людовикъ Бонапарты, разбитые австріяками во время римской революціи, съ большимъ трудомъ успѣли убѣжать и Наполеонъ умеръ, предводители польскаго возстанія 1830 года обратились къ нему съ приглашеніемъ принять надъ ними начальство. «Кому вамъ лучше довѣрить управленіе нашимъ предпріятіемъ, — писали ему генералъ Княжевичъ, графъ Платеръ и другіе, — какъ не племяннику величайшаго полководца всѣхъ вѣковъ?» Принцъ былъ уже согласенъ принять начальство надъ повстанцами, уже начались серьезные переговоры, которые были однако прерваны быстрыми успѣхами графа Паскевича и въ то же время весьма важнымъ извѣстіемъ о тяжелой, неизлечимой болѣзни герцога Рейхштадскаго. Принцъ Людовикъ и тогда уже высказывалъ необычайную по своимъ лѣтамъ предусмотрительность и непроницаемую скрытность характера. Онъ понялъ тогда, что со смертью герцога Рейхштадскаго онъ становится старшимъ наследникомъ притязаній наполеоновской династіи и нашолъ, что въ такомъ званіи вовсе неприлично ему пускаться въ чужія дѣла. Сверхъ того онъ зналъ, что европейская дипломатія будетъ впередъ обращать на него особенное прилежное вниманіе, и потому остался въ Швейцаріи и занялся науками. Имѣя въ виду посвятить себя Франціи, онъ 30 октября 1836 года слѣлалъ свою знаменитую страсбургскую попытку возмутить Францію противъ законной власти; потомъ въ 1840 году онъ попробовалъ произвести возстаніе въ Булони, и опять неудачно. Наконецъ 2 декабря 1851 года ему удалось опрокинуть существовавшій порядокъ. Тѣмъ не менѣе историческая связь съ поль-

сками заговорщиками осталась, и теперь Европа присутствуетъ при ея возобновленіи.

Глаза повстанцевъ съ надеждою обращены на Францію, которая и нашла удобнымъ взять ихъ сторону, хотя покаместъ только на словахъ, и побужить къ тому же другія великія и малыя державы. Повзятное дѣло, что это придаетъ повстанцамъ болдрости, поощряетъ ихъ надежды въ томъ смыслѣ, что они надѣются выиграть если не дѣло, то время. Сначала Англія не хотѣла пристать къ коллективной нотѣ, которую предполагалось послать Россіи. Но потомъ явилось довольно игривое соображеніе.

Франція съ большою охотой шла на столкновение съ Россіей. При этомъ еслибы дѣло дошло до серьезныхъ приготовленій, Франція истратила бы столько-то миліоновъ. Извѣстно, что Англіи пріятно, когда разоряется такой добрый сосѣдь, какъ Франція. Потомъ еще извѣстно, что для Англіи было бы прямо въ убытокъ возстановленіе самостоятельности Польши, особенно чрезъ французское дипломатическое вмѣшательство или французское оружіе, потому что это дало бы Франціи слишкомъ надежнаго и воинственнаго союзника. Такимъ образомъ оказывалось возможнымъ ввести Францію въ большіе убытки (а бумаги ея займовъ на лондонской биржѣ ходятъ прекрасно), да сверхъ того — въ рѣшительную минуту можно будетъ потребовать мирнаго прекращенія всѣхъ приготовленій. Это такое удовольствіе, въ которомъ не только виконтъ Пальмерстонъ, но и всякій другой болѣе смирный министръ не могъ бы себѣ отказать.

Со стороны Австріи всего важнѣе было показать величайшее довѣріе къ своимъ польскимъ подданнымъ, потому что съ этой стороны она въ самомъ дѣлѣ совершенно обезпечена. Рѣзкій, нескрываемый антагонизмъ двухъ сословій и двухъ національностей русской и польской въ Галиціи, антагонизмъ въ свое время проявившійся кровопролитіями, сдѣлалъ то, что ни которое словесіе не можетъ тронуться съ мѣста, не смѣетъ только задумать ничего противнаго австрійскимъ интересамъ, чтобы тотчасъ же это не было подмѣчено, прехвачено, куда слѣдуетъ донесено, а можетъ-быть и тутъ же на мѣстѣ подавлено собственными силами противной стороны. Тутъ же явилось и другое соображеніе: показать либеральность. Это всегда пріятно, особенно для правительства, которое постоянно обвиняется въ отсутствіи всякой малѣйшей тѣни либерализма.

Въ виду такого скопленія разнообразнѣйшихъ соображеній (къ которымъ нельзя однакоже не прибавить и нѣкоторыхъ отгѣнковъ обыкновеннаго челоуѣколюбія, которое возмущается пролитіемъ братской крови) не мудрено, что составилось соглашеніе объ об-

щентъ, одновременно представлеиіи русскому правительству желаній Европы видѣть прекращеніе польскихъ затрудненій. Чтобы не произвели однакоже слишкомъ непріятно-рѣзкаго впечатлѣнія, рѣшено было представить русскому правительству не одну коллективную ноту, а различныя, отдѣльныя ноты, однако въ одинъ и тотъ же день, что и произошло 5 нынѣшняго апрѣля.

Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ ссылается на вѣнскій трактатъ и говоря, что вѣчно возникающіе безпорядки между польскими подданными русскаго императора производятъ серьезную тревогу умовъ въ другихъ странахъ, «усерднѣйше проситъ обратить вниманіе на первую статью вѣнскаго трактата», въ которой царство польское связано съ россійскою имперіей «на условіяхъ обозначенныхъ въ этой статьѣ». Англійское правительство «надѣется, что польскому народу возвращенъ будетъ миръ и будетъ установленъ на прочныхъ основаніяхъ.»

На главнѣйшій основной пунктъ лондонской депеши князь Горчаковъ отвѣчалъ приведеніемъ самого текста вѣнскаго трактата: «Поляки, подданные Россіи, Австріи и Пруссіи, получаютъ представительство и національныя учрежденія, согласованныя съ тѣмъ образомъ политическаго существованія, какой каждое изъ этихъ трехъ правительствъ признаетъ полезнымъ и удобнымъ имъ даровать.» Эта статья предоставляетъ русскому правительству распорядиться своими польскими подданными по своему усмотрѣнію, и нѣтъ никакого повода отъ этого права отказываться. Императоръ Александръ I даровалъ Польшѣ конституцію 1815 года, которою она не умѣла воспользоваться сообразно съ видами русскаго правительства; императоръ Александръ II далъ ей другое устройство, точно также въ полномъ своей власти; но Польша не захотѣла имъ воспользоваться, потому что общеевропейская партія безпорядка устроила и давно подготовила возстаніе. По мнѣнію князя Горчакова, европейскіе кабинеты лучше всего могутъ способствовать возстановленію въ Польшѣ прочнаго мира, стараюсь укротить нравственный и матерьяльный безпорядокъ, который революціонная партія усиливается распространить въ Европѣ.

Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, не ссылаясь на трактаты, говоритъ только, что польскія волненія, повторяющіяся въ одной и той же формѣ въ каждомъ поколѣніи, никакъ немогутъ происходить отъ случайныхъ причинъ, и потому желательно видѣть окончательное освобожденіе отъ этой постоянно возстающей опасности.

Князь Горчаковъ отвѣчалъ, что русское правительство не менѣе желаетъ того же самаго, и что желательно было бы согласиться въ

выборѣ средствъ, которыя могли бы привести къ этому результату. Всѣ комбинаціи, доселѣ придуманныя для примиренія Польши съ положеніемъ, которое ей было дано, оказались безсильны, и потому не слѣдуетъ возобновлять попытокъ, которыя вѣроятно привели бы къ тѣмъ же результатамъ. Но главное, надо чтобы Европа принимала мѣры противъ элементовъ всеобщей революціи, которые разсѣяны по всѣмъ странамъ и стремятся къ мѣстамъ, представляющимъ наиболѣе шансовъ къ безпорядку и переворотамъ.

Австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ просто проситъ обратить вниманіе на предотвращеніе прискорбныхъ событій, происходящихъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ границами Галиціи.

Князь Горчаковъ отиѣчалъ, что русское правительство не менѣе австрійскаго желаетъ прекращенія волненій, но что главный источникъ всѣхъ волненій есть постоянный заговоръ, устроенный извѣстною партией всеобщей революціи.

Кромѣ того испанскій, шведскій и итальянскій министры иностранныхъ дѣлъ обратились къ русскому правительству въ еще болѣе дружественной формѣ съ представленіями въ пользу устройства польскихъ дѣлъ и получили не менѣе дружественные отвѣты съ увѣреніями, которымъ легко повѣрить, что русское правительство не менѣе всякаго другого желаетъ прекращенія польскихъ смутъ.

Но что же изъ всего этого слѣдуетъ? Достигнута ли цѣль, которую предположили себѣ державы, приславшія ноты? Добра или зла слѣдуетъ ожидать отъ этихъ нотъ? Пособили онѣ повстанцамъ, или только напрасно обнадеживъ ихъ, продлили кровопролитіе, увеличили число жертвъ съ обѣихъ сторонъ? Кажется, что именно послѣдній результатъ только и достигнуть. Множество молодежи, славной, великодушной, пылкой молодежи, увлеченной въ ряды повстанцевъ патріотическимъ энтузіазмомъ и надеждами на иностранную помощь, падаетъ ежедневно въ кровавыхъ, бесплодныхъ схваткахъ. И чѣмъ же должна кончиться эта ужасная рѣзня? Повстанцы не приняли предложеннаго имъ всепрощенія, и русское правительство конечно вынуждено будетъ принять теперь болѣе энергическія мѣры, и спокойствіе въ странѣ возстановится. Можетъ-быть потомъ совершится и внутреннее примиреніе обѣихъ національностей, когда онѣ вступятъ на путь мирнаго развитія, на основаніяхъ не отчужденности, не обособленія, а настоящаго политическаго единства, тождества. Или, если уже это невозможно, Россія совершенно избавится отъ Польши, на которую тратятся и лишніе миліоны, и многіе десятки тысячъ людей.

НАШЕ ГЛАВНЫЕ СПОРНЫЕ ПУНКТЫ

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Чѣмъ выше трудъ, тѣмъ болѣе должно
быть въ немъ личности.

Риль: «Нѣмецкій трудъ».

Писатель, изъ котораго мы привели нашъ эпиграфъ, между прочимъ говоритъ :

• Въ настоящее время, когда всѣ народы становятся самосознательнѣе, пробудилось и русское народное чувство, и москвичи сердятся, что даже столица русскаго царства не носитъ русскаго имени и что Pétersbourg порусски называется Петербургомъ. Но москвичи также сознаютъ, что Россія тогда только можетъ снова сдѣлаться русскою, когда будетъ восстановлено равновѣсіе народнаго труда, когда русское искусство, наука, промышленность и ремесла снова наполнятся русскимъ духомъ •.

Германскій писатель отчасти угадалъ свойство нынѣшняго движенія общественной нашей мысли въ пользу народности; но для него, какъ и для всякаго иностранца, стали ясны только поверхностныя явленія въ этомъ движеніи. Онъ придалъ напримѣръ неумѣстное значеніе тому, что москвичи (почему же москвичи?) сердятся на нѣмецкое названіе русской столицы, тогда какъ дѣло вовсе не въ названіи и вовсе не въ москвичахъ, а гораздо глубже.

Нынѣшнее движеніе общественной мысли есть положительный результатъ исторіи Россіи: оно логически вытекаетъ изъ прошедшаго и потому его нельзя ни обойти, ни задержать, ни свести въ микроскопическіе размѣры. Духъ жизни начинаетъ обхватывать то что до сихъ поръ было только матерьяломъ для организма.

Рѣчи о національности, народности и почвѣ ведутся теперь со всѣхъ сторонъ.

Къ сожалѣнію тутъ же, на первомъ планѣ мы должны замѣтить, что эти толки въ послѣднее время зацутали до такой сте-

пени, что посторонній наблюдатель нашей прессы пришолъ бы въ совершенное недоумѣніе насчетъ того: чего же мы хотимъ и о чемъ мы споримъ?

Словами: «почва», «народность», «національность» многіе и до сихъ поръ пользуются какъ игрушкой, надъ которой можно поточить остроуміе безъ содержанія или невѣжество безъ скромности, тогда какъ эти слова — лозунгъ эпохи.

Къ понятію «народности» у насъ относятся иногда очень оригинально; ее то смѣшиваютъ съ простонародностью, невѣжествомъ и предрасудками, то возводятъ въ стремленія, грозящія нарушить государственное единство, то видятъ въ ней ограниченіе духа прогресса и цивилизаціи, то наконецъ просто, махнувъ рукой, говорятъ, что все это вздоръ и что на свѣтѣ все дѣлается *само собою* и что рѣшительно не о чемъ тутъ и хлопотать.

Далѣе народность видятъ то въ языкѣ, то въ расѣ, то въ племени, то въ фивіоніи, то въ обычаяхъ и нравахъ, то въ началахъ семейнаго, родового, общиннаго и государственнаго быта, то въ исторической роли народа, то въ памятникахъ письменной литературы и искусствъ.

Когда заходитъ рѣчь о народности, слышатся слова: «сглаживать», «округлять», «искусственно смѣшивать», «жертвы въ пользу государственнаго единства», «отпоръ стремленіямъ къ сепаратизму» и тому подобныя выраженія, которыя всѣ показываютъ, что этотъ вопросъ ставятъ исключительно только не политическую, государственную почву, а забываютъ общечеловѣческую сторону, т. е. самый народъ, который собственно и есть народность, въ смыслѣ живого факта. Да и другія стороны идеи національности, воспитывающія, эстетическія, земскія, муниципальныя и нравственныя, выражающіяся въ стремленіи къ индивидуальной свободѣ, совсѣмъ забыты.

О народности говорятъ для того только, чтобы рѣшить вопросъ: что дѣлать съ народностью или, что одно и тоже, *что дѣлать съ народомъ?*

Въ отвѣтъ на такой истинно-бюрократическій вопросъ и являются уномянутыя слова: сглаживать, округлять, учить народъ, просвѣщать, благодѣтельствовать дарами чиновничей цивилизаціи, разрушать народныя предрасудки... словомъ толкать и толкать тотъ самый народъ, который давно уже доказалъ, что въ этомъ нѣтъ никакого проку ни для одной изъ сторонъ.

Да и въ самомъ дѣлѣ, будто такъ это и нужно непременно: сглаживать, уничтожать, округлять, обтачивать, разрушать, толкать и т. д.? Въѣ если рассудить хладнокровно, то всѣ эти намѣ-

ренія во чтобы то вышло — *дѣлать что-нибудь надъ народомъ*, произшедъ отъ излишняго усердія людей и писателей, которымъ дѣлать-то нечего. Публицисты стали въ тупикъ предъ непонятнымъ явленіемъ и начали метаться во всѣ стороны, вопрошая: что имъ дѣлать? Спрашивается, имѣетъ ли это какое-нибудь разумное отношеніе къ вопросу о народности и объясняетъ ли оно хоть въ чемъ-нибудь самую идею, общественную мысль и смыслъ современнаго движенія въ пользу народности? Нисколько. Главный носитель идей народности — народъ остается въ сторонѣ и молить только добрыхъ людей, чтобы ему дали нѣкоторую свободу и оставили въ покоѣ. Наступательное движеніе нѣкоторыхъ благодѣтелей и просвѣтителей народа очевидно въ тягость послѣднему. Отпустите возжи — вотъ о чемъ просятъ. Помогите когда нужно, дайте средства, гдѣ ихъ нѣтъ, облегчите тѣхъ кто нуждается, но боже васъ сохрани дѣйствовать принудительно или наступательно въ отношеніи къ народности и народу. Требуется *помощь и защита*, которыя бы вызвали наружу душу народа, а не прежнія, начальническія благодѣанія и взыскванія, забивавшія русскій духъ въ самыя сокровенныя глубины народнаго организма.

Итакъ мы находимъ, что въ толкахъ о народности у насъ господствуютъ большія недоразумѣнія, чему мы приведемъ далѣе и доказательства. Но въ тоже время мы замѣчаемъ, что несмотря на всѣ противорѣчія, съ какими встрѣчается постоянный читатель русскихъ журналовъ и газетъ, въ статьяхъ, касающихся этого вопроса, все-таки большинство высказанныхъ взглядовъ въ сущности тяготеетъ къ единству или пожалуй къ двумъ единствамъ. Взгляды эти можно сгруппировать и свести ихъ на одну ставку для окончательнаго разъясненія дѣла.

Итакъ цѣль наша — выставить на видъ различныя взгляды, преимущественно русскихъ писателей, на занимающій всѣхъ теперь вопросъ о народностяхъ или національностяхъ ихъ.

Выставляя на видъ взгляды преимущественно русскихъ писателей, мы руководствуемся мыслью по возможности свести ихъ къ *несколькимъ пунктамъ*, на которыхъ можно было бы сосредоточить серьезную полемику; отбросивъ въ сторону весь хламъ, который занесенъ сюда пустословіемъ или мелочною раздражительностью нашихъ призрачныхъ партій.

Къ этому насъ побуждаетъ полное сознаніе въ томъ, что вопросы о почвѣ, народности и національности составляютъ вопросы эпохи для Россіи (если ужъ не для всей Европы), которыя надо стараться уразумѣть по мѣрѣ силъ. Намъ, русскимъ, нельзя теперь обойти ихъ, потому что они выросли помимо воли нашей и стали

на пути нашемъ къ прогресу. Отъ способа разрѣшенія этихъ вопросовъ въ настоящемъ зависитъ отчасти и направленіе нашего будущаго.

Сообразно съ важною, которую мы приписываемъ настоящему движенію общественной мысли въ сторону народности, мы приняли такой планъ изложенія: избѣгая голословныхъ разсужденій, мы приводимъ все что говорится *за* и *противъ* народности устами самихъ писателей, укажемъ на недоразумѣнія и различными цитатами постараемся покрайней-мѣрѣ *поставить ясно нѣсколько вопросныхъ или спорныхъ пунктовъ*.

А ясная постановка спорныхъ пунктовъ въ дѣлѣ, затемненномъ недоразумѣніями и противорѣчіями, сама по себѣ уже выставитъ на видъ все жизненное значеніе настоящихъ толковъ о почвѣ и народности.

I

О народномъ началѣ у насъ до сихъ поръ господствуетъ путаница съ понятіями.

• Школа славянофильства выросла изъ тѣхъ *темныхъ* предчувствій народности и народнаго интереса, которыя стали овладѣвать нашимъ развитіемъ съ тридцатыхъ годовъ; но къ сожалѣнію она не могла и до сихъ поръ опредѣлить своей идеи такъ ясно, чтобы ей могли сочувствовать люди съ *прямыми и последовательными понятіями*. • («Совр.» № 1. 1863. • Внутр. обобр. •).

• Идея національности отставляется одними, какъ *краеугольный камень развитія и свободы*, отвергается другими во имя *космополитизма*, во имя солидарности всего человѣческаго рода; одни называютъ ее произведеніемъ народнаго чувства, другіе называютъ ее — *антинародною*. • («Спб. вѣд.» 1863. № 39).

• Національное начало, какъ чисто *политическое*, а не *народное* или общественное, не въ состояніи прямо помочь ни въ чемъ внутреннему европейскому вопросу, или принести что-либо для народа. • (Г. Жуковский • О народности въ политикѣ. • Совр. • 1863. № 1).

• Самостоятельность — вотъ наша проповѣдь, нашъ героизмъ, и самостоятельный человекъ — нашъ герой. Мы отъ всей души, отъ всего сердца и отъ всѣхъ помышлений желаемъ стоять на собственныхъ ногахъ. Мы безъ умолку болтаемъ о самостоятельности, но *мало* внимаемъ въ чемъ собственно должна заключаться самостоятельность. • «Но нужна была точка опоры. Самое дѣло показывало, что формы — дѣло преходящее, а главное и неизмѣнное то, что мы — *народъ*, и что самостоятельность наша — въ нашей *народности*. • (И Забѣлинъ • Современные взгляды и направленія въ русской исторіи. • Спб. вѣдом. • 1863 г. №№ 35, 36).

• Этотъ мистицизмъ народности имѣетъ множество отгѣнковъ, начиная отъ незамысловатаго късаснаго патриотизма и ношенія національной (кучерской) поддевки до туманной философіи Кирѣевскаго, до проповѣди о почвѣ и гибели западной цивилизаціи, до филиппикъ М. П. Погодина, до международныхъ понятій «Дія» и пожалуй до художественно-поэтическихъ обличеній вигилизма. Эта школа обыкновенно на второмъ словѣ говоритъ о народѣ, утверждаетъ, что русскій народъ не похожъ ни на какіе другіе народы, что въ немъ есть какія-то сверхъестественныя качества, пониманіе которыхъ доступно только для избранныхъ (т. е. для школы), что его развитіе должно идти совершенно особыми путями, что западная, обыкновенная наука для него не годится. Вслѣдствіе этого, все принятое отъ запада со временъ Петра — ложь, и проч., и мы должны обратиться вспять, къ народнымъ началамъ, изучать глубокія основы народнаго духа и т. д. • Графъ Л. Толстой (въ «Ясной Полянѣ») утверждаетъ, что европейское образованіе не ассимилируется (не усваивается тожъ), русскимъ организмомъ, и что онъ развивается по какимъ-то другимъ законамъ, и воспитывается въ какой-то другой пищѣ. Какіе это законы, и какая это пища, графъ Толстой конечно не объясняетъ, какъ это постоянно случается съ нашими натурофилософами. Мы думаемъ, что этихъ особенныхъ *законовъ* и не существуетъ, а существуютъ только извѣстныя *видоизмненія*, въ примѣненіи общаго закона правильнаго человѣческаго развитія, какъ оно совершается у народовъ европейскаго свойства и европейской культуры. • («Соврем.» 1863. № 1).

• Национальность въ исторіи являлась боевымъ началомъ, знаменемъ сопротивленія или гнета, и по мѣрѣ того какъ ослаблался этотъ гнетъ, національная *исключительность* терзала свою силу. • *Исключительное* начало національности не въ состояніи удовлетворить тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляетъ международное общезитіе. Признавая національность однимъ изъ существенныхъ элементовъ политической жизни, наука международного права никакъ не можетъ принять этотъ элементъ въ смыслѣ исходнаго пункта для своихъ построеній и для своей теоріи. *Племенная* національность не была основой стараго права, и не можетъ быть принята въ основу теоріи новаго права. И прежде, и теперь правительство и отдѣльныя лица обращаются къ національности, когда имъ нуженъ боевой кличъ, когда дѣло идетъ о борьбѣ, о возбужденіи силъ. • (М. Капустинъ. «Теорія національности въ международномъ правѣ». «Рус. Вѣст.» 1863. № 1).

Едва мы коснулись нашего вопроса, какъ вотъ уже является и рядъ недоразумѣній.

Национальность прямо смѣшана съ народностью, и одними принята только въ смыслѣ политическаго начала, другими въ стремленія къ самостоятельности, третьими — въ мистицизмъ восторженныхъ, но непонятныхъ и бездоказательныхъ воззрѣній на народъ. Национальное начало политики сѣчаютъ анти-народнымъ,

но они же видятъ его въ племенныхъ различіяхъ народовъ ; спрашивается , можетъ ли быть то противоположнымъ , что принадлежить и такъ-сказать составляетъ самый народъ. Вотъ мистицизмъ такъ мистицизмъ ! Национальное начало или народность ни въ чемъ не можетъ помочь развитію народа , потомучто оно служитъ въ рукахъ правительства или честолюбцевъ только боевымъ ключемъ , орудіемъ къ возбужденію силъ ; ergo , само по себѣ оно ничего не значить . Откуда же берется сила-то ? Неужели дѣло идетъ просто о мускулахъ?.. Опять мистицизмъ !

Сколько тутъ противорѣчій на первомъ же шагу !

Такъ какъ съ ними мы будемъ встрѣчаться и впрелъ , то считаемъ не лишнимъ объяснить теперь поповоду нѣкоторыхъ словъ .

Что такое человѣческія расы , это всѣмъ извѣстно . Они отличаются между собою цвѣтомъ кожи , лицевымъ угломъ , устройствомъ skulls , позвоночнаго хребта и таза , очертавіемъ глазъ , и т. д. Несмотря на ясныя фізіологическія различія , ученые однакожь расходятся въ опредѣленіи количества расъ на земномъ шарѣ , и принимаютъ ихъ то пять , то восемь , то десять , то болѣе .

Въ одной и той же расѣ мы отличаемъ различныя племена , напримеръ въ кавказской или индо-европейской расѣ (породѣ) мы различаемъ племена : германское , романское , славянское и т. п.

Основываемся ли мы здѣсь опять на фізіологическихъ признакахъ , или принимаемъ уже другіе признаки для отличія ? Конечно другіе , потомучто фізіологическія отличія между европейскими племенами весьма слабы .

Не надо также думать , что и типы расъ или породъ неизмѣняемы , вѣчны : они сохраняются въ чистотѣ , пока окружены тою природою , подъ вліяніемъ которой образовались . Но едва лишь перемѣняются эти условія , т. е. климатъ , почва , образъ жизни , и т. д. , какъ и самый типъ начинаетъ измѣняться . Мулаты , квартероны , метисы , креолы — все это переходныя степени одной расы въ другую ; отъ смѣшенія крови лицъ различныкъ расъ , происходятъ обоюдныя уступки ; вырабатывается средній , переходный типъ , который не переходитъ окончательно въ типъ одной какой-либо сильнѣйшей расы , потомучто не окруженъ всѣми тѣми природными (стихійными) и бытовыми условіями , которыя произвели этотъ типъ на своемъ мѣстѣ . Негръ , отъ примѣси крови европейца въ Америкѣ , мало-помалу превращается въ мулата , терцерона , квартерона , получаетъ наконецъ смугло-бѣлый цвѣтъ , теряетъ угловатость skulls , и въ результатѣ сохраняетъ только отдуглую толщину губъ , курчавость волосъ , и особенность въ бѣл-

какъ глазъ. Но и эти признаки иногда до того ступовываются, что для обыкновеннаго глаза кажутся только особенностью, случающеюся нерѣдко и съ бѣлолицыми.

Такъ въ театрѣ Гаванны (на о. Кубѣ), куда строго запрещенъ входъ черному и цвѣтному племени (помѣси), одинъ потомокъ мулата, образованный и богатый человекъ, много путешествовавшій по Европѣ, преспокойно сидѣлъ въ партерѣ, пока не былъ открытъ опытнымъ полицейскимъ глазомъ, и не выведенъ полиціей изъ театра. А между тѣмъ до этого скандала потомокъ мулата былъ принятъ въ лучшихъ кругахъ Гаванны и никто не задумывался о его негрятинскомъ происхожденіи.

Дѣло въ томъ, что вѣчны только законы природы. Солнце въ Африкѣ всегда будетъ печь и жарить какъ теперь, не будетъ никогда въ Сахарѣ горъ и рѣкъ, не сдвинутся съ мѣста хребты: Гималайскій, Уральскій и Кордильерскій; химическій процессъ окрашиванія кожи останется всегда одинъ и тотъ же, въ зависимости отъ степени теплоты, электричества и магнетизма; не измѣнятся растенія свойственныя тропикамъ и т. д. Поэтому негръ, оставаясь въ Африкѣ, и не смѣшиваясь съ бѣлымъ, обстется негромъ; перенесенный въ Америку, подъ вліяніемъ смѣшенія крови, новыхъ: климата, почвы и бытовыхъ условій, онъ превращается въ мулата, квартерона, почти бѣлаго, отличаемаго отъ бѣлыхъ только полиціей, но не обществомъ. Совершенно переброшенный въ Европу, напримѣръ въ Англію, Швецію или Россію, онъ можетъ быть совершенно превратился бы въ бѣлаго. Пушкинъ былъ же потомкомъ араба; а кто его отнесетъ къ черному племени, несмотря на его курчавость волосъ и толстыя губы? Только и можно сказать, что въ немъ осталось отчасти вліяніе африканской крови... а въ потомкахъ его вѣроятно и этого не останется.

Итакъ расы человѣческія не составляютъ абсолютныхъ, неизмѣняемыхъ типовъ. Они могутъ измѣняться и сливаться подъ совокупнымъ вліяніемъ стихій, природы и цивилизаціи. Но стихіи и законы природы не измѣняются, и потому въ Африкѣ всегда будетъ черное племя тамъ, гдѣ оно есть и теперь, въ Европѣ — бѣлое племя, въ Азій — желтое, въ Америкѣ — красное; они остаются въ своей чистотѣ и раздѣльности, пока остаются подъ тѣми неизмѣнными вліяніями, которыя ихъ произвели. Поэтому въ понятіи о расѣ входятъ и представленія о томъ, гдѣ она обитаетъ, подъ какими широтами и долготами, въ какомъ климатѣ, среди какой природы, въ степяхъ ли, возлѣ рѣкъ, на островахъ ли или среди горъ и т. д.

Раса неразлучна съ землею, мѣстомъ жительства. Сказать: мон-

голы, значитъ сказать люди, обитающія въ центральной Азіи; черная раса — значитъ люди, обитающіе въ средней и южной Африкѣ. Абсолютно же нѣтъ ни монголовъ, ни черной расы, потомучто они, переброшенные въ Европу, превратились бы въ совершенно иную расу.

Если для такихъ крупныхъ отличій человеческого рода нѣтъ непреодолимыхъ границъ къ размѣненію и смѣшенію, то тѣмъ болѣе это можно сказать о *племенахъ*.

Племена еще менѣе различаются между собою физиологически, и еще болѣе способны къ слиянію. Германецъ въ Соединенныхъ штатахъ Америки въ третьемъ поколѣніи дѣлается ужь настоящимъ американцемъ — янки; скажутъ, этому способствуетъ близкое родство англосаксонскаго племени съ германскимъ; но и другіе примѣры доказываютъ тоже самое. Нѣмецъ, проживающій въ Россіи, или русскій, проживающій въ Германіи, чрезъ нѣсколько поколѣній (при условіи смѣшенія крови) физиологически вышнимъ видомъ ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга. Да и теперь нерѣзкость сходство физиономій и вышняго вида, даже безъ смѣшенія крови — у лицъ различныхъ европейскихъ племенъ.

Итакъ крупныя различія въ природѣ и климатѣ земного шара произвели *расы*, менѣе крупныя — *племена* одной и той же расы. Повидимому такое различіе племенъ не есть фатальная необходимость, потомучто перемѣна мѣстожительства есть дѣло свободнаго выбора человѣка. А перемѣняя свое старое мѣстоительство на новое, человѣкъ такъ-сказать перемѣняетъ свою расу на новую.

Но тутъ-то и запятая. Въдѣ не могутъ же всѣ народы земного шара столпиться на примѣръ въ одной Европѣ, и оставить въ запустѣніи прочія части свѣта; такая несбыточная идея никому и въ голову не придетъ. Въ Азіи всегда будетъ свое населеніе, и въ Африкѣ тоже, и въ Европѣ тоже; отдѣльныя лица будутъ переѣзжать съ мѣста на мѣсто и перемѣнять свои особенности породы, но для массъ — различіе расъ, какъ и племенъ, обязательно. Азія никогда не сольется съ Европой, а потому и люди тамъ живущіе въ физиологическомъ отношеніи никогда не сольются съ европейцами. Когда въ Европѣ станетъ тѣсно, изъ нея будутъ можетъ-быть переѣзжать въ Азію, какъ теперь переѣзжаютъ въ Америку; тогда тамъ образуется новое племя и новыя національности, и не удержится можетъ-быть ни одна изъ старыхъ расъ, а явится какъ продуктъ смѣшенія, новая, переходная...

Во всякомъ случаѣ ясно какъ день, что существованіе на земномъ шарѣ различныхъ расъ и племенъ — есть проявленіе вѣчнаго закона природы. Тотъ же законъ природы мы усматриваемъ и въ

томъ что племена опять подраздѣляются на народы, особенности которыхъ выросли на почвѣ стихійныхъ и этнографическихъ вліяній; въ славянскомъ племени напримѣръ мы ужъ по одному виѣшнему виду различаемъ чеховъ, великоруссовъ, сербовъ, малоруссовъ, словаковъ и т. д. Дальнѣйшія фізіологическія особенности въ средѣ отдѣльныхъ народовъ одного и того же племени уже незамѣтны.

Итакъ, оставаясь только исключительно на почвѣ фізіологической, на почвѣ естественной исторіи, мы уже въ состояніи различить въ человѣческомъ родѣ расы, племена и отчасти народы. Если бы это были одни лишь *понятія*, то они легко смѣшались бы и слились между собою; но живые люди нуждаются въ точкѣ опоры, въ *землѣ*; а одинъ разъ ставши на землю, они ужъ невольно подпали подъ какую-нибудь категорію расы, племени и народа, потому что по неизмѣннымъ законамъ природы въ такомъ-то мѣстѣ земного шара должна быть такая-то раса и такое-то племя, а въ другомъ мѣстѣ — другія.

Оставимъ естественно фізіологическую почву и перейдемъ къ исторической.

Если природа своимъ рѣзцомъ дала рѣзкія *внѣшнія* отличія для расъ, менѣе рѣзкія для племенъ и еще менѣе рѣзкія для народовъ, то историческая жизнь человѣческаго рода помогла усилить и закрѣпить эти отличія *внутренними* особенностями. Въ началѣ исторической жизни напримѣръ народы одного и того же племени могли весьма мало отличаться другъ отъ друга виѣшними признаками, но исторія и цивилизація усилили ихъ внутреннее несходство, которое перешло затѣмъ и на виѣшнее; такъ точно всѣ дѣти при рожденіи очень схожи между собою, но жизненная дорога, опытъ и душевныя испытанія въ зрѣломъ возрастѣ создаютъ для каждаго изъ нихъ свою собственную фізіономію. И чѣмъ болѣе было прожито, тѣмъ выразительнѣе эта фізіономія; въ дѣтствѣ ни у кого изъ нихъ не было *своего* міросозерцанія, а въ зрѣломъ возрастѣ явилось. Каждый взрослый, образованный и мыслящій человѣкъ имѣетъ свой взглядъ на жизнь, на людей и на свѣтъ.

Фізіологическія отличія расъ, племенъ и народовъ, какъ мы сказали уже, въ сущности не обязательны; но для устрашенія ихъ потребовались бы постоянныя перемѣненія народовъ, а это противорѣчило бы стремленію къ осѣлости, составляющей первое условіе исторической жизни и первую ступень цивилизаціи.

Итакъ краеугольнымъ камнемъ цивилизаціи становится необходимость *расъ, племенъ и народовъ*, т. е. осѣлость людей въ различныхъ пунктахъ земного шара.

А лишь только народы осѣли по мѣстамъ, началась историческая жизнь человѣчества, съ нею и цивилизація. Явились *народности* и *національности*. Родъ человѣческой собрался въ извѣстныя группы, изъ которыхъ каждая избрала себѣ землю, и закрѣпила надъ нею свои права тѣмъ, что полила ее кровью, защищая отъ нападений, и въ извѣстной степени устроила и приспособила ее для осѣдой жизни. Трудъ, вложенный въ землю, и составилъ естественное право собственности каждой группы на занятую ею землю. Въ передвиженіяхъ же не могло образоваться никакой царственности и никакого земскаго права.

Естественно, что группы легче составлялись изъ однородныхъ элементовъ, чѣмъ изъ разнородныхъ, а потому въ основу народностей легли прежде всего отличія расы, потомъ отличія племенные; отличія же народныя, только слабо помѣченныя этнографическими вліяніями, обозначались яснѣе подъ вліяніемъ исторической жизни.

Каждая группа, начавъ осѣдлую жизнь, вступила уже во вторую бытовую форму — земледѣльческую; отъ первой же — пастушеской, кочующей или воюющей у нея успѣла образоваться мифологія. Въ мифологическихъ сказаніяхъ мы видимъ еще сродство народовъ: такъ европейскіе древнѣйшіе мифы родственны съ индѣйскими; санскритскій языкъ считается корнемъ большей части европейскихъ языковъ. Праздникъ Ивана Купала празднуется почти во всей Европѣ, по всей Россіи, и въ Индіи.

Все это относится къ исторіи дѣтства народовъ. Въ періодѣ сказочнаго эпоса у всѣхъ народовъ замѣтно еще родство, но замѣтно уже и обособленіе народной индивидуальности. Въ періодѣ историческаго эпоса заложены уже прочныя основы народной индивидуальности.

Для составленія группъ нуженъ былъ центръ тяжести и точка опоры; послѣднею — была земля; первымъ — общность племени (какъ готоваго ужъ матерьяла) въ духовныхъ проявленіяхъ. Группу связывали воедино: общія мифическія и эпическія сказанія, общность религиозныхъ вѣрованій, и общность смутно создаваемыхъ въ началѣ политическихъ интересовъ.

Когда группы стали приходить въ столкновеніе, тогда эти особенности стали рѣзче обозначаться: группы стали мужать и превращаться въ народности. У каждой народности образовались общіе интересы, духовные и матерьяльные, и общія выраженія ихъ внутренняго существа во внѣшнихъ формахъ, то-есть въ языкѣ, въ бытѣ, въ нравахъ, обычаяхъ и т. д. Съ теченіемъ времени народности стали группироваться въ политически-особенные орга-

низмы и развивать государственный начала рядомъ съ гражданственностью.

Национальностью мы называемъ ту народность, которая успѣла сложиться въ политическій организмъ, выработать свою цивилизацію, и стать обязательною личностью въ исторіи развитія человечества.

Образованный міръ *обязанъ* признать національность; народность онъ можетъ и не признать.

Если національность предъявила и защитила свои права (послѣ чего ее и признали), то значитъ она *сознала* ихъ. Поэтому главнымъ признакомъ національности служитъ опредѣлившееся чувство *самознанія*, которое еще дремлетъ у народности.

Въ чемъ состоятъ права національности, о которыхъ мы говорили? Въ правѣ на свою землю (территорію) и въ правѣ сохранять свои духовныя богатства, свой языкъ, свои обычаи, строй семейной и общественной жизни, словомъ все, чего никто не имѣетъ права отнять у нея силой, и отъ чего она и сама не властна отказаться *по прихоти*. Такъ отдѣльный человекъ не можетъ отказаться отъ своего прошедшаго, отъ своей физіономіи и отъ своего характера, хотя бы они и казались ему самому дурными. Настоящее — продуктъ прошедшаго, и этотъ законъ такой же деспотъ, какъ законъ всемірнаго тяготѣнія.

Итакъ мы представляемъ себѣ родъ человеческій въ формѣ такого организма, который составился изъ отдѣльныхъ группъ, разбивающихся опять на меньшія, а эти еще на меньшія, и т. д. Тутъ повторяется такъ-сказать, исторія ячеекъ. Самая первая ячейка — человекъ, вторая — семья, третья — община, четвертая — народъ, пятая — нація, шестая — человечество.

У каждой ячейки есть свой центръ тяготѣнія, который образовался, какъ среднее изъ центровъ меньшихъ ячеекъ; у самой же первой ячейки центръ тяготѣнія — чувство личности, которое лишь расширяется съ каждой большей ячейкой.

Итакъ, національность мы считаемъ въ преимуществу явленіемъ нравственнаго міра, продуктомъ развитія творческаго духа народовъ. Национальность есть цивилизація націй, проявляющаяся въ произведеніяхъ науки, искусства, промышленности и въ формахъ общественной и политической жизни.

Но въ какомъ отношеніи поставимъ мы ее къ политическому началу?

Въ тѣсной во все-таки случайной связи. Центръ тяжести національности можетъ сходиться и не сходиться съ центромъ тяжести политическаго тѣла. Государство можетъ составиться изъ

одной, двухъ, трехъ и т. д. національностей, такъ же точно, какъ одна національность можетъ войти въ составъ одного, двухъ, трехъ и т. д. государствъ: это зависитъ отъ способа и условій образованія государствъ, и такъ какъ самый обыкновенный изъ нихъ — былъ путь завоеваній и насилій, то о естественномъ отношеніи національнаго начала къ политическому и говорить не приходится. Англо-саксонская національность забралась въ Англію и въ сѣверо-американскіе штаты. Но въ ту же Англію вошла кельтская національность (ирландцы), которая частью вошла и во Францію (въ Бретани). Въ Турціи, Австріи и Россіи, собрались также различныя національности въ одно политическое тѣло. Славяне оказываются и въ Россіи, и въ Австріи, и въ Турціи; малоруссы въ Австріи (Галиціи, Русины) и Россіи и т. д.

Чтожь это: хорошо или дурно? должно ли такъ быть, или нѣтъ?

Ни то, ни другое. Національностямъ хорошо, когда они пользуются законной свободой въ своемъ развитіи; государствамъ хорошо, когда они умѣютъ свободой учрежденій связать національности въ одномъ общемъ интересѣ — сохранить ту политическую форму, подъ защитой которой они развиваются.

А желать передѣлывать исторію или бранить прошедшее — тоже, что толочь воду.

Такимъ образомъ центромъ, возлѣ котораго группируется государство, становится — обоюдность интересовъ самохраненія народовъ; ядромъ государства является какая-нибудь одна національность, успѣвшая волею историческихъ судебъ стать твердо на ноги. Но національности и ихъ развитіе нисколько не лежатъ на пути государственности. Началомъ, связующимъ народы въ государства, является девизъ: пожертвовать частью для спасенія остального. Чѣмъ меньше эти жертвы, тѣмъ сильнѣе государственное единство. Очертаніе государства опредѣляются этнографіей и исторіей; общность бассейновъ рѣкъ, удобства торговаго обмѣна, общихъ путей сообщенія, рынковъ, портовъ, минеральныхъ богатствъ, и т. п. усиливаютъ государственную связь. Еще болѣе усиливаетъ ее общность вѣры, языка, нравовъ, преданій, литературы, т. е. тотъ случай когда государство составилось изъ одной національности. Но если этого не случилось (да и нигдѣ въ цѣломъ свѣтѣ этого не случилось), то государство поступитъ себѣ во вредъ, начавши искусственную и спѣшную амальгамацию составившихъ его народностей. Это поставитъ только возбужденное чувство самохраненія народности въ разрѣзъ съ государственными интересами. Всякій принудительный образъ дѣйствій будетъ здѣсь противорѣчить идеѣ политическаго

единства, потому что тогда часть силъ, вмѣсто приращенія государственной крѣпости, пойдетъ въ обратную сторону, на защиту народности. Гораздо выгоднѣе — свободная конкуренція національностей, причемъ сильнѣйшая цивилизація возьметъ верхъ, и дѣло прогресса совершится свободно, безъ всякаго ослабленія политическаго единства. Исторія показываетъ намъ, что политическое единство скрѣплялось тамъ, гдѣ въ немъ находили защиту отъ чьего-нибудь насилія. Города и общины среднихъ вѣковъ, избѣгая утѣсненій феодаловъ, вступали въ союзъ съ монархическою властью и скрѣпляли государство; Малороссія, избѣгая религіозныхъ соціальныхъ и національныхъ преслѣдованій отъ Польши, присоединилась къ московскому государству, и усилила политической организмъ Россіи; русины въ 1848 году охотнѣе расположились къ Австріи, чѣмъ къ Польшѣ, потому что увидѣли въ австрійской конституціи больше гарантій для сохраненія своей народности: поляки же прямо выражали свое намѣреніе ополячить ихъ.

Пока государства основывались завоеваніями, о разумномъ прочномъ единствѣ не могло быть и рѣчи; связующимъ началомъ являлась грубая сила съ одной стороны, усилившая собраться въ ядро, и слабость съ другой стороны, усиленная разбросанностью населенія и невѣжествомъ. Христіанство доставило первое прочное связующее начало — церковь; феодализмъ породилъ и усилилъ монархію; эта привела въ дѣйствіе династическіе интересы, которыми долго прикрывались политическія комбинаціи. Существованіе нѣсколько вѣковъ тому назадъ испанской монархіи, заключавшей въ себѣ Испанію, Австрію, Голандію и часть Италіи, показываетъ, что еще три вѣка тому назадъ не задумывались надъ тѣмъ что можетъ служить прочнымъ связующимъ началомъ государства. Религіозныя вѣрованія политически перестроили въ XVII вѣкѣ Европу; въ эту же эпоху и Малороссія потянула къ Московіи, ради религіозныхъ раздоровъ съ Польшею; XVIII вѣкъ представилъ Европѣ плоды ненормально развитыхъ политическихъ организмовъ: войны слѣдовали за войнами, и двигателемъ ихъ являлось честолюбіе правителей. Философія XVIII вѣка подкопала старое зданіе, и на рубежѣ XIX вѣка явилась революція. Рядъ толчковъ, данныхъ ею Европѣ, въ лицѣ первой имперіи, вѣнскаго конгресса, парижскаго трактата, реставраціи, іюльской революціи 1848 года, второй имперіи и восточной войны привелъ наконецъ къ вопросу о національностяхъ.

О нихъ заговорили *теперь* только, а между тѣмъ національности существовали и въ древніе, и въ средніе, и въ новые вѣка.

Всѣ прежнія политическія орудія теперь поистерлись: стало ис-

ловко прикрывать завоевательные инстинкты ни религіей, ни династическими потребностями, ни устарѣлыми понятіями о достоинствѣ, чести и интересѣ государства, ни ложными идеями объ усиленіи и округленіи государственныхъ границъ; взялись за новое, и дѣлу національности придали политическое значеніе; съ помощью національнаго начала задумали перестраивать Европу, какъ въ XVII вѣкѣ перестраивали ее съ помощью религіознаго начала.

Мы не входимъ здѣсь въ разсужденія: хорошо ли это, или дурно, но заявляемъ только, что національность — сама по себѣ, а политика — сама по себѣ. *Національное, какъ и религіозное начало, мы относимъ къ области нравственныхъ явленій*; но политика можетъ пользоваться ими какъ орудіемъ для достиженія своихъ политическихъ цѣлей. Мы говоримъ: *можетъ* не въ томъ смыслѣ, чтобы это было хорошо или дурно, а въ томъ, что это *возможно на практикѣ*.

Итакъ:

a) Этнографія и доисторическая жизнь народовъ дала намъ расы и племена, какъ матерьялъ для исторіи.

b) Исторія произвела народности и національности.

c) Національное начало есть стремленіе къ свободному развитію, и къ приобрѣтенію ресурсовъ для самохраненія.

d) Это стремленіе составляетъ силу, которою политика можетъ пользоваться въ дѣлѣ устройства государствъ и международныхъ отношеній.

e) Она можетъ воспользоваться этой силой ко благу или ко вреду общаго прогресса цивилизаціи, смотря по руководящимъ ее цѣлямъ.

f) Но національное начало не совпадаетъ непремѣнно съ политическимъ, стремящимся къ созданію государственнаго единства; это единство создается только свободой учрежденій, допускающихъ свободное развитіе отдѣльныхъ лицъ, общинъ, провинцій, народностей и т. д., которыя всѣ находятъ необходимымъ и выгоднымъ, для защиты этой свободы, прочно и крѣпко держаться одной государственности.

Дальнѣйшія объясненія впередъ.

II

Что разуметь подѣ народностью и въ чемъ можно видѣть нашу народность?

Въ отвѣтъ на это отвѣчаютъ наши публицисты:

• **Национальность** выходитъ терминомъ совершенно противоположнымъ народности, развитіе которой (народности или національности?) всегда служило интересомъ извѣстныхъ классовъ, и никогда народу. • Подъ народностью слѣдуетъ разумѣть не итальянцевъ, не французовъ, не турокъ, а *пониженіе процента*. • (г. Жуковскій. • О народности въ политикѣ •).

Кто же будетъ понижать процентъ? Какая сила? Вѣдь не банкиры же, и не правительство, и не писатели-экономисты; вы скажете — общественное мнѣніе, народъ. Но вѣдь общественное мнѣніе не можетъ же построить желѣзной дороги, не можетъ оно создать капиталовъ, путей сообщенія, урожаевъ и т. д. Да и къ чему хитрить? Вѣдь процента нельзя понизить ни по чьему приказу, ни по чудьему велѣнію, ни по вашему хотѣнію. Что такое процентъ? Страховая премія на трудъ, олицетворяемый въ капиталъ; гдѣ гарантія труда, личности и промышленной свободы не очень надежны, тамъ и премія высока. Есть страны, гдѣ она доходитъ, въ частныхъ сдѣлкахъ, до 15 и 20%; а вотъ въ Англіи и 2% считаются достаточной преміей; да и вообще тамъ проценты низкіе... Итакъ весь вопросъ опять-таки, не въ пониженіи процента, а въ разумной свободѣ учрежденій, дающихъ широкій просторъ личности и труду. Они-то и понизятъ процентъ. Зачѣмъ вы приплели сюда народность?

Что же касается до первой фразы, то мы повторимъ ее въ такомъ видѣ: «народъ выходитъ терминомъ совершенно противоположнымъ народу, развитіе котораго всегда служило интересамъ извѣстныхъ классовъ и никогда ему самому.» Чтобы отвѣчать на это, придадимъ фразѣ самое разумное, по нашему мнѣнію, толкованіе. Первый народъ или національность, пусть будетъ образованное общество какого-нибудь государства, положимъ Россіи; второй народъ или народность, наше простонародье; пусть развитіе перваго совершается во вредъ второму; простой народъ несетъ на себѣ бремя удовлетворять не въ мѣру развивавшимся потребностямъ высшаго общества къ государству, къ роскоши, наслажденію и т. п.

Но что же въ такомъ случаѣ дѣлать? Опять-таки тотъ же самый отвѣтъ: нужна извѣстная свобода учрежденій, для того чтобы народъ (или народность) развился, понялъ истину и нашолъ средства защитить себя. Если онъ самъ себя не защититъ, кто же его защититъ? Что же значать послѣ этого слова: «развитіе котораго служило ему во вредъ?» Если «котораго» относится къ образованному обществу, то вредъ для народа не отъ его развитія (отъ этого скорѣе можно пользы ждать), а отъ того, что въ тоже время не да-

вали развиваться и просвѣщаться нисшему класу; при другомъ же смыслѣ «котораго» въ фразѣ заключается очевидное противорѣчіе съ общественными фактами.

• Народность, какъ цѣльное органическое совокупленіе (?) извѣстныхъ жизненныхъ началъ (?), и ихъ формъ, никакъ нельзя дѣлить на части съ тѣмъ, чтобы отбросить инныя, какъ ветхій хламъ, а инныя по выбору взять себѣ въ пользованіе. Народность — живое цѣлое (еще бы! народъ-то!) и механически дѣлить ее невозможно... (глубокая истина!). Берите все, въ чемъ заключается ея жизненная самобытность и оригинальность, тогда вы и будете народнымъ (вотъ такъ-таки возьмите, сейчасъ и сдѣлаетесь народнымъ: процесса тутъ никакого не нужно, кромѣ: «берите»), самобытнымъ, вполне русскимъ, если вы еще въ самомъ дѣлѣ убѣждены, что вы не русскіе. » (Забѣлинъ. («Спб. вѣд.», № 38. 1863 г.).

А мы посоветуемъ лучше: не берите ничего и не дѣлите, и не отбрасывайте ничего... вѣдь народность — самъ народъ... какъ же его брать, дѣлить и отбрасывать? Ужь лучше оставьте его въ покоѣ. Забудьте чиновничій кошмаръ: что дѣлать съ народомъ? Право, этого не нужно; ничего не дѣлайте, это всего лучше.

• Идея народности въ своей сущности есть великая и *добротная* идея, которая во всякомъ случаѣ принесетъ въ своемъ развитіи и распространеніи неисчислимую пользу, ибо въ ней лежитъ общечеловѣческая основа и естественное, неизмѣнное требованіе жить согласно законамъ собственнаго природнаго развитія, т. е. вообще жить *свободно и независимо* отъ чуждыхъ человѣческой, а слѣдовательно и народной природѣ стѣсненій. *Идея народности есть собственно идея естественности развитія, идея свободы и независимости* отъ всего искусственнаго, отъ всякаго искаженія (Забѣлинъ «Спб. Вѣд.» №№ 35 и 36). »

А вотъ г. Жуковскій увѣряетъ, что развитіе народности (или національности?) никогда не приносило пользы народу, или иначе развитіе начала свободы не вело ни къ чему, кромѣ новыхъ привилегій для высшаго класа. Чтожъ это такое?..

Положимъ однакожъ, что это отвлеченности. Подойдемъ ближе къ дѣлу. Въ чемъ видятъ особенности русской народности? «День» видитъ наиримѣръ въ *нищенствѣ* на Руси черту народности, добrotу русскую. На это публицистъ «Современника» (№ 1, 1863 г. внут. об. стр. 286) замѣчаетъ, что и въ Германіи въ XVIII вѣкѣ было такое же развитіе нищенства, и приводитъ въ доказательство описаніе Кельна въ 1794 г. сдѣланное однимъ путешественникомъ. Толпы нищихъ толпились у папертей церквей, и протягивали руки за милостынею; многіе изъ нихъ сидѣли на стульяхъ, которые пе-

реходили изъ рода въ родъ, и считались наследственной собственностью; до полудня они толпились у церкви, а послѣ того разсыпались по городу за милостыней. Нищія эти составляли огромный цехъ въ шесть-семь тысячъ человекъ. Далѣе, видятъ народную особенность нашу въ общинѣ и общинномъ землевладѣніи, въ привязанности къ вѣрѣ, въ патріархальности нравовъ, выражающейся въ любви и братствѣ между простымъ народомъ. На это публицистъ «Современника» возражаетъ, что община была и въ Европѣ, и что это необходимая форма первоначальной жизни всѣхъ народовъ, а патріархальные нравы наши сходны съ нравами Германіи за столѣтъ тому назадъ, въ доказательство чего и приведено любопытное описаніе этихъ нравовъ, сдѣланное однимъ германскимъ писателемъ. Жизнь тогдашнихъ германцевъ очень напоминаетъ теперешнюю жизнь нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ (Но вѣдь въ нихъ пріютъ бюрократіи, а не народа, который является въ городахъ лишь временно для заработковъ; слѣдовало приискать лучшее сравненіе).

Ученіе славянофиловъ выражается объ этомъ слѣдующимъ образомъ: Россія страна не завоеванная, потому въ основу государства нашего легло патріархальное отношеніе народа къ власти; отсутствіе католицизма и разсудочной римской цивилизаціи помогло нашему народу сохранить непосредственность чувства, такъ-сказать нераздвоенность души. Итакъ отсутствіе преданій древне-классическаго міра, отсутствіе неестественныхъ, на насиліи основанныхъ отношеній феодализма, отсутствіе завоевателей-варваровъ, помпы и властолюбія католичества рѣзко отличаютъ судьбы востока Европы отъ запада. Основавшись на развалинахъ древней цивилизаціи жизнь запада выразилась втеченіи исторіи рядомъ явленій (феодалный порядокъ, панство, священная римская имперія, рыцарство, крестовые походы, протестантизмъ, революція), которыя наложили неизгладимую печать на общественный строй жизни европейца, на его понятія и міросозерцаніе. Какъ ни разнообразны народы Европы, они все-таки представляются русскому, впервые посѣщающему западъ, родственными по многимъ понятіямъ, обычаямъ и предрасудкамъ; русскій чувствуетъ, что надъ ними всѣми прошолъ какой-то духъ, который точно помазалъ ихъ однимъ миромъ, и слѣлалъ ихъ европейцами въ противоположность народамъ, обитавшимъ на востокъ Европы. Въ основу славянскаго государства развившагося здѣсь, легла: православіе, согласіе власти съ народомъ и одноплеменность. Такъ или иначе, а только явленія исторіи запада и востока Европы между собою очень различны, вслѣдствіе чего и образовались особенности міросозерцанія въ рус-

скомъ народѣ. У русскаго челоуѣка, говорятъ славянофилы, нѣтъ позына къ власти, и нѣтъ къ ней вражды, недоуѣрія; онъ самъ призвалъ власть, и не требуетъ отъ нея никакихъ гарантій, потому что это нарушило бы ихъ искренній союзъ; въ дѣлахъ общественныхъ, онъ любитъ рѣшать дѣла по единогласію, а не по большинству голосовъ (какъ на западѣ), потому что въ большинствѣ все еще видятъ насиліе надъ меньшинствомъ, идеалъ хотя и трудный для достиженія, но нравственно-высокій... Если единогласія не добивались, то лучше предпочитали вступать въ борьбу (?) и подвергаться смерти, чѣмъ дѣлать дѣло, въ правотѣ котораго не всѣ чистосердечно убѣждены.

Вообще въ началѣ пробужденія толковъ о русской народности старались прежде всего пріискать отличія ея отъ народностей запада, и такъ—сказать противопоставить востокъ Европы западу. Въ этомъ впрочемъ и не представляло особыхъ затрудненій: стоило только положить рядомъ исторію того и другого, и дѣло почти кончалось на первыхъ же порахъ. Дѣйствительно, событія востока и запада очень несходны. Но ктоже творецъ этихъ событій?

Г. Забѣлинь видитъ отличіе славянофильства или руссофильства отъ западничества въ томъ, что первое смотритъ въ «даль прошлаго», призывая на спасеніе современности угасшіе древніе образы, а второе въ «даль будущаго», и считаетъ каждый новый шагъ развитія болѣе близкимъ къ цѣли, т. е. вѣруетъ въ прогрессъ, какъ въ живую силу исторической жизни народа; отъ того для первыхъ Петръ — чудовище, разгромившее старую Русь, для вторыхъ представитель высшаго сознанія чисто русскихъ историческихъ началъ развитія. Виѣсть съ тѣмъ почтенный историкъ сѣуетъ на то, что въ замѣнъ разумной обработки юридическаго и экономическаго быта древней Руси предлагаются *утопіи* о круговой поруцѣ, о стародавней полноправности крестьянъ, объ общинномъ или вѣчевомъ устройствѣ, объ общинномъ владѣніи, о самостоятельной федерации земель и т. д., которыя всѣ являются, чтобы доказать только, что Москва и ея централизація парализировали общественныя народныя силы. Далѣе, говоря объ обязанностяхъ нашей народности, многіе указываютъ на склонность русскаго народа вообще къ выборному началу и самоуправленію; на то, что у славянъ былъ гораздо раньше чѣмъ въ западной Европѣ судъ присяжныхъ; что у насъ бывали земскіе соборы, какихъ не бывало въ Европѣ; что наше древнее искусство — иконопись, а не живопись; что наше народное чтеніе — часословъ и псалтырь, а не научныя книги; что коренная основа нашей народности въ отношеніи образованія есть церковная книжность и приобрѣтеніе грамотности по церковнымъ книгамъ;

что русскій народъ не любитъ штрафовъ по пословицѣ: «не бей дубиной, а бей полтвонной», по поводу которой А. Фетъ замѣчаетъ «что въ настоящее время понятіе о дѣйствительности штрафовъ народно, а только самая мѣра не народна»; что народъ уважаетъ лишь внутреннюю правду, законъ совѣсти, отказывая въ уваженіи вѣншей правдѣ, юридическому закону, вслѣдствіе чего становится иногда безъ всякаго дурного умысла въ разрѣзъ съ такъ-называемою законностью (продуктомъ европейскихъ понятій); что въ дѣлахъ общественныхъ народъ не терпитъ формализма; что у него есть естественное чувство ассоціаціи, и даже кое-какія инстинкты коммунизма; что въ религіозномъ отношеніи онъ искреннѣе европейца, терпимѣе, и вовсе не зараженъ духомъ фанатизма къ пропагандѣ; что онъ сохранялъ въ себѣ цѣлѣность существа въ отношеніи къ вѣрѣ, и постоянно проводитъ ее въ самой жизни, въ дѣлахъ благотворительности и гуманности въ отношеніи къ ближнему, часто изумляющихъ разсулочный эгоизмъ европейца, и т. д.

Вообще, каждый принимавшій сторону русской народности, прежде всего старался противопоставить ее съ какою-то народностью запада. Графъ А. Толстой, уже въ новѣйшее время принявшійся за народность, не избѣгнулъ также старой колесъ; въ своей «Ясной Полянѣ» онъ говоритъ:

«Весь востокъ образовался и образовывается совершенно иными путями, чѣмъ европейское (?) человечество. Организмъ русскаго народа не ассимилируетъ европейскаго образованія, для него должна быть другая пища, поддерживающая его организмъ, потому что онъ живетъ. Эта пища кажется намъ не пищей, какъ трава для хищнаго животнаго, а между тѣмъ исторически-физиологическій процессъ совершается, и эта непризнаваемая нами пища ассимилируется (усваивается) организмомъ народа, и огромное животное крѣпнетъ и вырастаетъ.»

Въ такихъ противопоставленіяхъ востока западу партизаны народности поневолѣ увлекались роковою судьбою къ восхваленію старины, къ пророчествамъ о блестящей будущности славянъ (или русскаго народа), къ защитѣ того что выросло подъ дурными вліяніями, и оправдывается только исторически гнетомъ вѣншихъ событій, грубой силы, а никакъ не абсолютно. Возникли большія недоразумѣнія: часть писателей, сравнивая западъ Европы съ востокомъ (Россією) видѣли на одной сторонѣ блестящую цивилизацію, развитую гражданственность, либеральныя (для насъ по крайней мѣрѣ) учрежденія, накопленныя вѣками сокровища литературы, искусства, гевія, промышленности и торговли, цвѣтущіе города сотсями, привлекательный комфортъ жизни, утонченныя наслажденія, облагороженныя формы общежитія, и т. д.; на другой — только сла-

бые зачатки всего этого, полу-азиатскія формы гражданственности, скудость цивилизаціи, капиталовъ, памятниковъ искусства, отсутствіе свободы въ развитіи, отсутствіе комфорта и эстетическихъ наслажденій. Паралель выходила очень невыгодною, и часть нашихъ мыслителей рѣшила, что западъ далеко впереди насъ, что надо пользоваться его уроками, подражать ему, догонять его, и что лучше отказаться отъ тѣхъ основъ государственности и народности, которыя привели къ настоящему строю жизни европейскаго востока. Другая часть мыслителей, чтобы поддержать народность, смыслъ которой она еще не ясно сознавала, о чемъ будетъ разъясненіе ниже, невольно принуждена была на первое время лишь отражать нападенія противниковъ, вмѣсто того чтобы заняться самимъ дѣломъ. И такъ явилась печальная необходимость искать въ европейской цивилизаціи *черныхъ пятенъ*, для того только, чтобы защитить отъ обвиненій въ ничтожествѣ русскія основы жизни. Этими черными пятнами оказались: непомѣрное развитіе личности и эгоизма, разсудочность раздвоившая существо европейца, и какъ слѣдствіе ея постоянное недовольство, неугомонность, борьба внутри и извнѣ, легкость нравовъ; далѣе пролетаріатъ, раздѣляющій самыя блестящія и богатыя на видъ державы, монополія и раздробленіе поземельной собственности, постоянная вражда населеній съ властью, деспотизмъ капитала, постоянная опасность переворотовъ, пристрастіе къ формальной внѣшней правдѣ, разсудочная философія ставшая въ разрѣзъ съ религіею (?), порабощеніе массъ, прикрытое лишь лоскомъ экономическихъ теорій, и т. д. Въ сравненіи съ этими пятнами, русскія основы жизни, выведенныя пока изъ головы въ тиши кабинета, представлены какъ истинно христіанскія начала достойныя всякаго уваженія и всевозможной поддержки. Вопросъ: какія именно эти начала? засталъ наше общество въ расплохъ. На первый разъ ограничивались миролюбіемъ и добротою русскаго народа, православіемъ, религіозностью, единогласіемъ, отсутствіемъ вражды и позыва къ власти, любовью къ земскому и выборному началу, и т. д. Исторія и этнографія народа въ то время были очень мало разработаны, такъ что на новый вопросъ западниковъ: къ чему же привели эти начала? руссофиламъ пришлось обращаться то къ прошедшему, то къ будущему. Прошедшее принуждены были представить въ розовомъ свѣтѣ, и вслѣдствіе того разгромить реформу Петра; на счетъ будущаго наговорили много восторженнаго, и предсказали славянству (Россія тожь) самую блестящую будущность въ судьбахъ міра. Прошедшаго не вернешь, а о будущемъ наю судить по настоящему, сказали западники, и отвернулись... Вотъ какъ было дѣло по фактамъ. Однимъ словомъ

ни одинъ не хотѣлъ, а можетъ-быть и не умѣлъ понять другъ друга. Надобно впрочемъ отдать справедливость: славянофилы все-таки глядѣли шире и несравненно глубже западниковъ, хотя борются уже по самой сущности дѣла имъ было несравненно труднѣе, чѣмъ западникамъ.

Затѣмъ, по вопросу о народности, пошли только препирательства и глумленія съ одной стороны, вздыханія и предсказанія съ другой. Противники перестали даже ясно понимать другъ друга, когда въ полемику вмѣшались съ обѣихъ сторонъ ихъ пріатели, не понимавшіе въ чемъ собственно дѣло. Выраженія гнилой западъ, татарщина, византизмъ, презрѣвіе къ народу, *tabula rasa*, кабалястика, и проч. болѣе и болѣе зашутывали вопросъ о народности, такъ что теперь онъ кажется для многихъ такою же таинственною загадкою эпохи, какою былъ «философскій камень» для среднихъ вѣковъ.

III

Недоразумѣнія по вопросу о нашей народности образовали у насъ кажущіяся, призрачныя партіи.

Итакъ, вопроса о народности у насъ далеко еще не уяснили, а между тѣмъ ей произнесены ужъ разнообразныя приговоры, и опредѣлено: что дѣлать съ народностью, какіе люди и съ какими цѣлями ею занимаются, какія въ ней задержки для цивилизаціи, государственности, прогреса, и проч. Раздались кличи: космополитизмъ, обскурантизмъ, мистицизмъ, сепаратизмъ, исключительность, провинциализмъ, жаргонъ, съуженіе полета мысли, ограниченіе духа, и прочіе въ этомъ родѣ.

Люди, заботящіеся о народности, причисляются къ «школѣ національнаго и народнаго мистицизма, которая приобрѣтаетъ такъ много новыхъ послѣдователей между людьми *перетрусившаго прогреса*, и которая прежде называлась просто славянофильствомъ.» («Совр.» № 1. Толки о народномъ воспитаніи).

Мы полагаемъ, что если русскій народъ и не имѣлъ такихъ *выгодныхъ условий*, или не обладалъ такою *сосредоточенностью нравственныхъ силъ* какъ другіе, то во всякомъ случаѣ черты его физическаго и нравственнаго организма тѣже самыя, что вслѣдствіе того онъ способенъ къ тому же культурному развитію, какое выпало на долю его индоевропейскихъ собратій. (Тамъ же стр. 45).

А кто же говоритъ, что онъ не способенъ къ культурному развитію, или что онъ отличается особымъ физиологическимъ устройствомъ отъ европейцевъ?

Поставьте воду въ холодъ, она замерзнетъ, поставьте въ жаръ — она испарится. Явленія-то не одинаковыя, но развѣ та вода, которая испарилась, не таже самая, которая замерзла? Всѣ люди — люди, да не объ этомъ вѣдь рѣчь; и люди выходятъ разные отъ вліянія неодинаковыхъ *условій* историческихъ и этнографическихъ, а какъ эти условія неодинаковы для Россіи и для Европы, то вѣроятно, что и въ культурѣ окажется между ними различіе. Вы утверждаете однакоже, что она будетъ въ Россіи такая какъ и въ Европѣ; но вѣдь это ни болѣе ни менѣе какъ пророчество ваше, кабалястика воображенія... зачѣмъ же вы глумитесь, милостивый государь, надъ пророчествами славянофловъ? Это не логично и не послѣдовательно.

Но вѣдь съ воображаемымъ врагомъ очень легко, и даже пріятно бороться.

• Есть предубѣжденіе, сильно вкоренившееся въ значительной части нашего литературнаго міра, а вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти и въ нашемъ образованномъ обществѣ, что мы среди другихъ народовъ составляемъ *по устройству самой природы*, какой-то (?) особенный народъ, что для цивилизованія своего мы обязаны добыть какія-то особенныя средства, что повтореніе того что сдѣлала Европа даже хорошаго, убьетъ нашу оригинальную природу. Въ примѣръ *особеннаго устройства* нашего указываютъ обыкновенно на общину (да развѣ община — устройство природы?), и т. д. («Совр.» № 1, вн. об. стр. 276).

И самъ же публицистъ-кабалистъ, вложившій въ уста своего противника подобную дребедень, торжественно разбиваетъ ее своимъ краснорѣчіемъ.

• У насъ вѣтъ, говоритъ онъ, никакого особеннаго отъ природы устройства, въ сравненіи съ другими европейскими народами: мы кажемся отъ нихъ слишкомъ различны только потому, что отстали отъ нихъ лѣтъ на сто или болѣе въ нашемъ развитіи, и что по этой отсталости можемъ избѣгнуть ихъ промаховъ. А важнѣйшій изъ сдѣланныхъ ими промаховъ есть разрушеніе общины, какъ основы общества, и вслѣдствіе того, обезземеленіе народа, развитіе пролетаріата и разращеніе массъ народныхъ бюрократической и канцелярской постройкой общества. Итакъ, мы стоимъ за *привитіе* къ народу русскому европейской цивилизаціи во всей ея широтѣ, съ сохраненіемъ нашего кореннаго общиннаго устройства, и съ *устрашеніемъ тѣхъ ошибокъ Европы, которыя сдѣлала она, имѣя въ виду не благо цѣлаго народа, а благо искусственно созданныхъ, привилегированныхъ кастъ.*»

Господа, о чемъ же споръ? Вѣдь объ стороны толкуютъ объ устраненіи ошибокъ. Весь вопросъ въ томъ: какія именно ошибки и какъ ихъ устранять? Одна сторона говоритъ: дайте народу свободно развиваться и онъ самъ выберетъ, что ему нужно и любо, и

легче всего избѣгнуть ошибокъ, а другая — надо прививать, не входя въ такія щепетильности, какъ желаніе народа, свобода развитія и проч. Что такое народъ? *Tabula rasa*, онъ самъ не получаетъ своей пользы. Надо прививать, вотъ и все. Ну, прививайте. Мы знаемъ, что и Петръ прививалъ огнемъ и мечомъ что вы хотите прививать, да народъ-то ничего этого не принялъ. Г. Бусидеевъ былъ совершенно правъ, говоря: «подчиненіе русской національности нравственнымъ и матерьяльнымъ силамъ запада со временъ Петра, въ сущности для сознанія народныхъ массъ есть ничто иное, какъ только перенесеніе Золотой Орды временемъ татарщины куда-то за море и доселѣ русский народъ не перестаетъ себѣ чадить суда и порядка». Опять не забывайте, что всякая *прививка* по необходимости начинается съ *формъ*, потому что содержанія жизни нельзя переносить съ мѣста на мѣсто. Ну и пойдутъ опять подъ новыми названіями коллегія, гофраты, регламенты, артикулы, комиссія, фельдфебелли, асамблеи, кафтаны, бритые бороды, камзолы, бюро и прочія прелести. Этого вы хотите?

• На долю народа исторія вездѣ оставляла чисто-хозяйственный взглядъ и въ этомъ взглядѣ заключалось все его міросозерцаніе. Тутъ не было мѣста раздѣленіямъ; взглядъ былъ общечеловѣчскій, народъ былъ космополитомъ. Все остальное затѣмъ, что вносило исключительность, начиная отъ національнаго развитія (?) и кончая историческими особенностями гражданскаго быта, вносилось не народомъ и было продуктомъ для него чуждымъ. Все это показываетъ какъ мало начало національной особенности можетъ само по себѣ руководить бытовыми улучшеніями, замѣнять въ дѣлахъ общества инициативу здраваго смысла. (Ю. Жуковский, «о народности въ политикѣ». «Соврем.» № 1).

Да неужели же въ самомъ дѣлѣ народъ вездѣ былъ неодушевленной плоскостью, на которую съ неба падали и исключительность, и національное развитіе, и историческіе особенности и все что угодно; да откуда же это все брадось? отъ меньшинства привилегированныхъ классовъ, скажете вы. Положимъ и такъ. Простой народъ весь платилъ, платилъ дань многую этому меньшинству, ставилъ рекрута, строилъ города, выправлялъ дороги, защищалъ и воздѣлывалъ землю. Неужели вы думаете, что тутъ дѣтъ мѣста никакому душевному процессу и что ставя наиримѣрь рекрута, родной отецъ не задумывался никогда палъ судьбою своего сына и ближнихъ. Дѣтъ, какъ хотите, а простой народъ въ моменты наименьшей политической жизни (то-есть наибольшихъ угнетеній) невольно долженъ былъ переживать кое-какіе нравственные процессы. Онъ неизбежно жилъ человѣчскою, если не политическою жизнью. Для насъ эти процессы не существуютъ, потому что они на

занесены въ исторію; для васъ народъ — глина или плоскость, потому что онъ не жилъ политически, а доставлялъ только матеріалъ для войнъ, битвъ и процесій; но вы забываете три вещи. Воисервыихъ до сихъ поръ исторіи народовъ еще нѣтъ, а есть только политическая исторія; вовторыхъ политика и войны еще не исчерпываютъ содержанія человѣческой жизни, а втретьихъ успѣхъ — еще не оправданіе, побѣжденный — не всегда глупецъ. Въ исторіи, какъ и въ жизни, существуютъ неудачи, несчастія, которыя вовсе не пригодны для обвиненій побѣжденнаго. И повѣрьте, что если народъ вырабатывалъ свои особенности, то вовсе не тѣ, которыхъ желало бы меньшинство, а совершенно противныя; эти-то особенности онъ и находилъ нужнымъ скрывать, пока не могъ ихъ открыто заявлять, и оттого-то о народныхъ особенностяхъ мы, люди меньшинства, и знаемъ такъ мало, что открытіе каждой перепорачиваетъ наши теоріи и мы принуждены изучать ихъ, какъ Шамполіонъ египетскіе іероглифы, когда хотимъ добросовѣстно послужить благу народа.

Вы говорите, этого труда не надо; здраваго смысла достаточно для произведенія бытовыхъ улучшеній въ народѣ; вотъ этотъ-то здравый смыслъ при первомъ столкновеніи вашемъ съ народомъ и покажетъ вамъ, что онъ не нуждается ни въ вашей инициативѣ, ни въ вашемъ руководствѣ. Ему *возжи бы отпустили*.

Да и притомъ здравый смыслъ можетъ именно и состоятъ въ томъ, чтобъ не совать свой носъ куда его не спрашиваютъ. Вамъ для чего вѣдь надо *«здравымъ-то смысломъ вашимъ»* передѣлывать народъ и судьбу его? Чтобъ вамъ самимъ было хорошо (ужь конечно такъ, иначе бы въ васъ не было здраваго смысла). Ну-съ, а народу можетъ и дѣла-то нѣтъ до того, хорошо ли вамъ или нѣтъ? Можетъ-быть ему только и надо, чтобъ ему самому было хорошо. Ну-съ, а хорошо бываетъ, человѣку ли, народу ли, только тогда, когда онъ самъ въ своей судьбѣ господинъ, когда онъ не ваше хорошее, а хоть свое дурное дѣлаетъ, да только самъ себѣ господинъ. Не безпокойтесь: съ дурного доберется и до хорошаго; вы все будете браниться, да языкъ ему выставлять (потому что ужь очень умные вы люди) а онъ между тѣмъ и построитъ себѣ что-нибудь пригозное, не глядя на васъ. Да и что значить вашъ *«здравый-то смыслъ»*? На чемъ онъ опирается? Почему вы знаете, что ваши кабалистическія мечтанія о будущей его судьбѣ умны? Потому что такъ вамъ кажется? Да вѣдь это не доказательство. Въ чемъ же, въ чемъ же наконецъ чистый-то разумъ заключается? Гдѣ гарантія, что европейская цивилизація, да еще проповѣдуемая штыкомъ и огнемъ, для насъ хороша? Вѣдь вамъ это только кажется. Напротивъ была даже проба,

да вѣдь очень плохо удалась. А между тѣмъ вы непремѣнно стоите за хомутъ и палку. Стало-быть вы и есть кабалисты. *Отпустите-ка себѣся и стойте за это*, такъ можетъ и народъ вамъ простить старое, за то что теперь за него постояли и посмотрите какъ покаяться. Да можетъ ужъ и тронулись, можетъ и вѣдемъ, да вы-то не видите. Ну и оставайтесь дома одни.

Послушайте, насчетъ космополитизма народа и говорить нечего. Если онъ потому только космополитъ, что «всякъ себѣ добра желаетъ», то говорить это — все равно что воду толочь. Если предполагать, что самъ по себѣ народъ, безъ честолюбія правителей, всегда жилъ бы въ мирѣ и любви съ сосѣдями, то это значить считать его за массу восковыхъ куколъ безъ страстей и жить въ аркадіи. Да вѣдь и теперь иногда цѣлыя селенія выходятъ другъ на друга изъ-за выгодной рыбной ловли, изъ-за клочка рѣки, лѣса и т. п. Политическое или государственное начало и явилось для ихъ примиренія: но надо же отличать начало отъ злоупотребленія имъ; въ послѣднемъ вноваты ужъ люди, а не идея. Отъ человѣка изъ народа до космополита такая же дистанція, какъ отъ сѣвернаго до южнаго полюса, какъ отъ инстинктовъ первобытной жизни до идеаловъ высшей цивилизаціи. «Спб. Вѣдомости» (1863. № 39) по этому поводу замѣчаютъ :

• Космополитизмъ — черта болѣе свойственная высшимъ образованнымъ класамъ общества, чѣмъ народу. Такъ къ Іосифу Бонапарту, воцарившемуся въ Испаніи, соглашались примкнуть ко двору многие испанскіе вельможи, тогда какъ народъ рѣзаясь съ французами на каждомъ шагу. •

Но это плохая услуга космополитизму; вѣдь народъ-то показалъ себя правѣе и честнѣе, чѣмъ вельможи, заботившіеся только о сохраненіи своихъ личныхъ интересовъ. Ужъ какъ хотите, а патриотизмъ народа въ этомъ случаѣ далеко выше космополитизма вельможъ; впрочемъ объ этомъ послѣ. Мы лучше приведемъ понятія о народности извѣстнаго германскаго мыслителя Рихля (Riehl, die deutsche Arbeit).

• Каждый народъ — говоритъ онъ — работаетъ посвоему. Приемы, съ которыми онъ приступаетъ къ труду, взглядъ его на сущность труда, мѣра, которою онъ оцѣниваетъ прилежаніе, талантъ и усиліяхъ, во всемъ этомъ обнаруживаются глубочайшія черты его характера.

• Въ идеѣ труда, а также въ приложеніи ея проявляется духъ народа (то-есть его народность, національность).

• Чѣмъ выше трудъ, тѣмъ болѣе должно быть въ немъ личности. Чѣмъ самостоятельнѣе развивается народъ, тѣмъ болѣе правъ ищетъ онъ на почетный титулъ народной личности. Но и ее характеризуютъ не-

родъ *протема* уже зародился ея. (Не *tabula, mola, tassa*). Проникновеніе, языкъ, нравы и мѣстожителство — вотъ четыре великія стороны, составляющія народъ. Национальный трудъ образуетъ и устанавливаетъ народную личность, точно также какъ всякій трудъ всякаго человѣка дѣлаетъ все болѣе личнымъ. Въ каждомъ народѣ дремлетъ сознание, что онъ долженъ въ средѣ народовъ проявить свою личность посредствомъ самостоятельныхъ, исключительно ему принадлежащихъ формъ произведеній труда (т. е. нѣчто въ родѣ даже инстинкта, закона природы). Личный трудъ содѣйствуетъ возрастающему раздѣленію труда. Часто мы слышимъ, что трудъ сливается и уравниваетъ національности, т. е. что трудъ дѣлаетъ народы безличными (идеалы нашихъ космополитовъ). Но каждая страница новой исторіи противорѣчитъ этому нелогическому положенію, которое въ сущности означаетъ, что образованіе уничтожаетъ личность. Чѣмъ выше развивается трудъ, тѣмъ основательнѣе дѣлается раздѣленіе труда. Это справедливо не только для отдѣльныхъ личностей, но и для народовъ. Только образованные люди видятъ и сознаютъ трудъ народа, самъ же народъ видитъ только близлежащія части. Можно сказать даже, что человѣкъ изъ народа не видитъ народа, что только самые образованные видятъ народъ и понимаютъ свой трудъ, какъ часть народнаго труда.

Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ *Рилля*. По нимъ легко усмотрѣть, что въ вопросахъ о народѣ и народности можно и серьезнѣе и логичнѣе разсуждать, чѣмъ разсуждаютъ наши политики.

Тѣмъ неменѣе дѣлу народности у насъ явилось много враговъ, какъ вольныхъ, такъ и невольныхъ, которые всѣ сходны между собою только въ томъ, что они *призрачные* враги.

Одни относятся къ народности съ полунасмѣшливыми вопросами, другіе съ неизвинительнымъ непониманіемъ, третья съ кажимся недоброжелательствомъ.

Во всѣхъ случаяхъ антагонисты прибѣгаютъ къ одинаковымъ приѣмамъ: приписываютъ защитникамъ народности какую-нибудь странность или нелѣпность, и потомъ разбиваютъ ее въ прахъ, или прикидываются непонимающими, юродливыми и вѣсто дѣла, бросаются въ сторону: тутъ выходитъ ужъ какая-нибудь исторія.

а) Простаки прямо начинаютъ съ укоровъ. Вотъ вы же стойте за народность, а сами небось не согласны бросить комфортъ, который доставила вамъ реформа Петра; да и отъ сигаръ гаванскихъ не откажетесь, отъ фрака, шляпы, чина. Вы надѣли на зиму національную бобровую шапку; да вѣдь шапка-то боярская, не народная. Вотъ вы не согласитесь разстаться и съ итальянской оперой, и съ газовымъ освѣщеніемъ, надѣть простую сермягу, лапти, полярковую шляпу, да переместиться въ московскую Русь XVI вѣка; а еслибы и согласились,

то ужь ковчево примкнули бы къ боярамъ, а не къ поставщикамъ мірскихъ тягостей и рекрутъ.

б) Другіе замѣчаютъ что-нибудь въ такомъ родѣ: черта нашей (иросто) народности — ученіе грамотѣ по псалтырю и часослову. Народъ вѣритъ въ церковную книжность. Такъ при образованіи народа и уважить это? Есть поклонники такого пошиба, которые въ возстановленіи древней иконописи и часослова полагаютъ возрожденіе народности. Такъ и уважить этотъ пошибъ? Помилуйте, да это былъ бы обскурантизмъ.

с) Третьи не понимаютъ иначе защитника почвы или народности какъ въ формѣ отъявленнаго врага европейской цивилизаціи. Въ одной повѣсти «Русскаго Вѣстника» (кажется Ольги Н.) мы встрѣтили героя народности, славянофила Грамонина, который въ азартѣ раздираетъ на двое романы Жоржъ Занда, гдѣ-бъ ихъ ни встрѣчалъ, и влюбился въ одну даму за то, что она разрисовывала молитвы красками. Онъ хотѣлъ даже жениться на ней, но оказалось, что славянофильскій идеалъ смиренной, кроткой, покорной, нѣмой и многострадальной русской женщины не припомся по вкусу молодой дамѣ-вдовѣ. И неужели до-сихъ-поръ нужно привѣшивать подобные ярлыки къ людямъ, сучувствующимъ идеѣ народности?

д) Не мало также охотниковъ у насъ видѣть народность въ предрасудкахъ. Расскажутъ наприимѣръ какъ «одна мать, считая за смертный грѣхъ постомъ кормить ребенка молокомъ, уморила его голодомъ, несмотря на разрѣшеніе попа кормить грудью... Мать-то любила ребенка: ужь она ему пачкала въ ротъ и мякны, и отрубей, и квасу, и все что попадалось подъ руку; ребенокъ не принималъ; съ тѣмъ и умеръ. Такъ вотъ-шолъ ваша народность. Посудите сами: стоитъ ли ее поддерживать? Вотъ недавно Еремѣ знахарь въжжегъ глазъ: такъ и ослѣпъ совсѣмъ на этотъ глазъ... хорошо ли это?.. А вспомните: какое недовѣріе у этого народа къ намъ, барамъ-господамъ; вѣдь добраго слова отъ него не лобьешься; правды никогда не скажетъ, и даже не считаетъ за грѣхъ сказать намъ всякую ложь, провести и обмануть, рубить наши лѣса, травить наши поля, потому только, что мы — бары. Такъ это и поддерживать?.. Помилуйте, да у него весь міръ насеменъ какими-то духами, а со всѣми ними онъ старается ладить, исключая насъ, образованныхъ людей... Вотъ недавно хорошилъ я ребенка; такъ могильщикъ поставилъ гробикъ въ землю, попросилъ копѣечку мѣдную. — «Зачѣмъ?» спрашиваю. «А какъ же-съ? у cadaго мѣста есть свой хозяинъ, говоритъ, надо его ублаготворить, то-есть...» и бросилъ копѣечку въ могилу. Ублаготворяетъ онъ лѣшаго, водяного, домового, могильнаго, ужа, и живетъ съ ними въ ладу. А вотъ начните, для его же пользы, учить

народъ и разрушать эти суевѣрія, — вѣдь не повѣрятъ вамъ ни въ чемъ, да еще обидится, озлится... Знахарю повѣрятъ, а вамъ — вѣтъ; съ лѣшнимъ пріятель, а съ вами недругъ... Вотъ вамъ ваша народность. Такъ ее и поддерживать повашему? Да вѣдь это будетъ тоже самое, что поддерживать наприимѣръ вѣру въ трехъ витовъ, на которыхъ свѣтъ стоитъ, или вѣру въ чудесное свойство алатыря-камня... Вотъ что выдумали! Да во имя-то просвѣщенія надо разрушать вашу народность. Вы, народники и есть, *обскуранты*, враги народа; но васъ бы, такъ вѣчно коснѣть ему въ невѣжествѣ и суевѣрія, знаться съ лѣшными да знахарями, а невѣжество тоже — рабство...» И пойдетъ здѣсь нашъ ораторъ хлестать направо и лѣво, благо вышелъ на столбовую дорогу: просвѣщеніе, развитіе, свобода, и проч. И постороннему свидѣтелю такихъ споровъ становится страшнымъ, что противники ожесточенно спорятъ въ то время, когда они оба хотятъ одного и того же — развитія и свободы народу. А вотъ именно о томъ, въ чемъ у нихъ точно есть различіе, вовсе не говорятъ.

IV

Национальное начало вовсе не служитъ источникомъ антагонизма между націями, пока злоупотребленія политики не вызываютъ его наружу.

Теперь у насъ мода на высшія политическія соображенія, в потому вопросъ народности волей-неволей перепесенъ и у насъ въ политику; въ Европѣ-де теперь національности принимаются въ основу построения политическихъ тѣлъ; однородность національности считается краеугольнымъ камнемъ государственности. Пошли и у насъ толки...

а) Народы, говорятъ, раздѣляются національнымъ началомъ, которое служитъ лишь орудіемъ честолюбцевъ для возбужденія антагонизма между націями.

На это отвѣчаютъ «Сиб. Вѣд.» (1863, № 39):

• Антагонизмъ, возникавшій и возникающій между націями, объясняется не столько противоположностью интересовъ, сколько ложно понятыми идеями о благосостояніи государства, о національной чести, предразсудками общества, эгоистическими расчетами правительства. Мы готовы согласиться съ тѣмъ, что идея національности составлена на половину изъ предразсудковъ; но предразсудки эти глубоко вкоренились въ народѣ, — и не звать ихъ было бы также неблагоприятно, какъ и поощрять ихъ.

Итакъ, надо знать, во не надо поощрять; стало-быть остается

что-либо изъ двухъ: или *преслѣдовать* ту часть идеи національности, которая составлена изъ предразсудковъ, или *оставить ее въ покое*. Такъ какъ пока еще самая идея національности не опредѣлена хорошенько, то явились люди, которые стали ею пользоваться какъ орудіемъ для своихъ цѣлей, и при этомъ опираться то на доводы въ пользу ея поощренія, то на доводы въ пользу преслѣдованія, то на доводы въ пользу оставленія въ покоѣ. Смотря по цѣлямъ ораторовъ, политиковъ и правителей національность стала являться то *прогрессивнымъ*, то *ретрограднымъ*, то *консервативнымъ* началомъ. Выставлять различныя стороны ея въ желаемомъ свѣтѣ тѣмъ легче, что сами носители національности, а равно и народности остаются до-сихъ-поръ не спрошенными и лишонными всякаго участія въ политическомъ мірѣ: они или не имѣютъ путей для заявленія своего голоса, или въ случаѣ заявленія, призываются за нарушителей порядка.

Посему національнымъ (и народнымъ) началомъ стали играть въ политикѣ безъ контроля.

— *Идея народности до-сихъ-поръ не явила (у насъ) ничего положительнаго и служить повсюду только протестомъ противъ государственности, или вообще противъ опеки.* (Забѣлинъ. Спб. Вѣд. • 1863, №№ 35, 36).

— *Национальное начало — чисто политическое, а не народное, или общественное.* (Жуковский. Совр. О народ. въ политикѣ).

Вотъ такъ-сказать встрѣча двухъ полюсовъ; если согласиться съ обѣими, то надо признать народное начало діаметрально противнымъ національному; если же не согласиться, то доводы обихъ авторовъ уничтожаютъ другъ друга.

Говорятъ, въ рукахъ Наполеона III національное начало составляетъ источникъ внѣшнихъ войнъ и внутреннихъ видовъ. Въ Италіи оны сражались за національное начало, въ Мексикѣ — противъ; Англія, покровительствуя этому началу въ Италіи, всячески противодействуетъ ему въ Турціи и у себя дома (Ирландія, Индія). Черногорцы тщетно во имя національнаго начала обращались къ покровительству Европы; сербы получили слабое удовлетвореніе оскорбленному національному чувству, несмотря на явную правоту свою. Польское возстаніе отозвалось сочувствіемъ въ Европѣ. Прудоу, въ своемъ имперіально-напыщенномъ патріотизмѣ, рѣшилъ раздробить Италію (опасный молъ сосѣдъ), и для этого призналъ развитіе національнаго начала для единой Италіи будущимъ источникомъ всякихъ золъ. Французская имперія, ведя войны въ Мексикѣ, Кохинчинѣ и Китаѣ, обращается къ національному чувству Франціи, и ищетъ въ немъ поддержки. Национальная честь не позволитъ Испа-

ни продать Кубу Соединеннымъ-штатамъ Америки. Словомъ, куда вы ни обратитесь, вездѣ національнымъ началомъ играютъ какъ орудіемъ во имя личныхъ интересовъ то въ одну, то въ другую сторону. Источникъ злыхъ — въ непослѣдовательности и недобросовѣстности, и не въ національномъ началѣ, которое, какъ всякое стремленіе или право, представляетъ естественную силу, равно способную на добро и на зло. Такъ точно силой пара двигается торговля и вся ширная гражданственность: ею же двигается и война со всѣми своими ужасами.

Не начало виновато, а корыстное пользованіе имъ подъ видомъ содѣйствія его видаютъ.

Господа, провозглашающіе національное начало боевымъ кличемъ къ борьбѣ, должны также точно отнестись и къ началу свободы. Когда Американскіе Штаты возстали противъ Англій, когда возмутилась Индія, къ чему они обратились? къ свободѣ.

Стремленіе къ свободѣ, обозначавшееся національнымъ развитіемъ, и произвело все что есть высокаго въ искусствѣхъ, наукѣ и цивилизаціи новаго міра; имъ проникнуты творенія классическаго міра, имъ прожужжаны и всѣ движенія мыслей и событій въ христіанской Европѣ.

Национальное начало являлось повсюду, какъ нравственная связь, духовное знамя, собиравшее вокругъ себя человечество въ группы. Разрушая эти группы во имя космополитизма, вы ставите такую дилемму: или человечество, приведенное въ первобытную форму историческаго матерьяла, или деспотизмъ одной какой-нибудь уцѣлѣвшей группы, которая вступитъ во всѣ права деспота, но праву сильнаго...

«Греки, говорятъ одинъ писатель, оставались свободными народомъ, пока существовала между ними національная связь; каждое государство имѣло свой центръ патриотизма, но всѣ они готовы были соединиться противъ общаго врага. Потеря этого чувства общей связи и общихъ обязанностей совпадаетъ съ покореніемъ грековъ римлянами; они разсѣялись по Европѣ, когда сдѣлались по преимуществу космополитами древняго міра».

Нечего и говорить о томъ, что національному началу и въ дѣлѣ замиренія народовъ нельзя придать особаго значенія. Едва ли не самыя кровавыя и жестокія войны были между единоплеменниками, для чего достаточно вспомнить войны грековъ между собою, войны германцевъ, борьбу поляковъ съ малороссами и москвитянами, неслыханную ожесточенную борьбу сѣвера съ югомъ въ Америкѣ, и т. д. Одно только несомнѣнно: гдѣ замѣщено національное начало, тамъ борьба *народна*, а потому застанъ национальность въ зародышѣ,

неизбѣжно развѣваться и укрѣплять ее; такъ войны съ Польшею развили и обособили украинскую національность, войны Англій съ Франціей обособили обѣ національности, которыя въ началѣ имѣли почти общій языкъ и нравы; теперь междуусобіе американскаго союза уже начинаетъ выдвигать на сцену отдѣльную національность юга, и онъ отличенъ отъ сѣвера.

Но чувство, соединяющее націю въ одно, сейчасъ же возбуждается въ прежней силѣ, когда является общій врагъ враждующимъ сторонамъ; это опять доказываетъ исторія на каждомъ шагѣ. Греки соединились и забывали вражду въ виду нашествія персовъ; Украина соединилась съ Польшею для отпора мусульманамъ (туркамъ и татарамъ); у разрозненныхъ германцевъ явилось чувство національнаго патріотизма подъ штыками Наполеона I. Американцы сѣвера и юга высказывали готовность соединиться для отпора въ случаѣ иностраннаго нашествія, нисколько не забывая своей вражды.

Словоиъ, изъ національнаго начала нельзя выжать ничего прочнаго для политики; оно соединяетъ общества до известной степени, даетъ имъ внутреннюю устойчивость но не шьшаетъ и ихъ разрыву вълѣдствіе разъединяющихъ причинъ. Въ международномъ вопросѣ оно является то примиряющимъ, то разъединяющимъ элементомъ, смотря по направленію идей эпохи, по ходу событій, и по характеру руководящихъ ими лицъ. Во внутреннемъ быту государства національное начало не есть вѣрная гарантія мира, и въ международныхъ отношеніяхъ оно не составляетъ непревѣннаго повела къ войнѣ и антагонизму. Национальное начало можетъ обнаруживать свою силу поимно политическихъ границъ государствъ, и можетъ терять свою силу въ предѣлахъ одного государства.

Национальность, какъ начало нравственное, какъ всестороннее проявленіе духовной жизни народа, мы ставимъ выше политическаго, и желаемъ раздѣлить ихъ кругъ дѣйствія и значенія. Г. Капустинъ въ своей статьѣ «Теорія національности въ международномъ правѣ» такъ очерчиваетъ роль національнаго начала въ исторіи (перелаемъ содержаніе только). Въ началѣ это былъ боевой кличъ, лозунгъ господства или гнета; въ Греціи одна національность была вверху, другая внизу, въ рабствѣ; Римъ во имя своей національности слѣлся властелиномъ міра (NB. Но онъ начиналъ уже признавать провинціи, и допустилъ представителей ея въ сенатъ при Юліѣ Цезарѣ); въ Германіи въ древніе и средніе вѣка національность также была знаменемъ господства; въ VII-мъ вѣкѣ мы видимъ такъ-сказать двѣ національности въ Европѣ, имѣвшія своимъ центромъ Парижъ и Римъ. Все высшее образованное общество Европы тянуло къ двору французскихъ королей, силалось подражать ихъ нравамъ и обы-

челвкъ, явно тяготѣло къ придворной парижской цивилизаціи; духовенство большей части Европы также точно тянуло въ Римъ, во двору папы, какъ къ центру своей цивилизаціи. Французская революція отнеслась враждебно къ національному началу во имя отвлеченной идеи единства и равенства народовъ въ формулѣ космополитизма. Въ Германіи впервые выступило чувство народности и патриотизма въ XIX вѣкѣ, когда оно слѣлалось знаменемъ освобожденія отъ анти-народнаго шага французовъ Наполеона I. Фихте, доказывавшій прежде, что достойно только стремиться къ общечеловѣческой свободѣ, и видѣвшій въ національности ограниченіе челоувѣческаго духа, въ своихъ рѣчахъ къ «нѣмецкому народу» искалъ надежды ко спасенію только въ разнвнн національности. Появилась боевая кличка, и имъ послужила національность. (Несправедливо: повадобилась ома, дремавшая дотоуѣ, и къ ней обратились...). Тотъ же авторъ говоритъ: «въ своемъ прошедшемъ народъ черпаетъ силы, собирающія его полъ однимъ знаменемъ; национальность — влоровый консерватизмъ, съ уваженіемъ и любовью относящійся къ прожитому во имя того что предстоитъ пережить».

Человѣкъ, любящій свою родную мать, и считающій ее выше всѣхъ женщннъ на свѣтѣ, конечно правъ; можетъ-быть есть женщины и красивѣе, и умнѣе, и добрѣе, но для *меня*, для сына, родная мать все-таки выше всѣхъ; въ точно такихъ же отношеніяхъ народъ находится къ своему національному началу или знамени, въ какихъ бы формахъ они ни проявлялись; каждый челоувѣкъ ищетъ духовную мать свою въ лицѣ той національной цивилизаціи, чрезъ которую онъ вошелъ въ общеніе со всѣмъ остальнымъ челоувѣчествомъ. Связующая ихъ сила — любовь.

И наирасно мы будемъ обвинять эту силу, собирающую людей въ группы, въ томъ, что она возбуждаетъ антагонизмъ націй и служитъ въ рукахъ честолюбцевъ орудіемъ порабоженія и ненароднаго управленія. Развѣ сила виновата? Неужели уничтоженіемъ ея (что конечно невозможно) можно хотъ въ чемъ-нибудь улучшить международный вопросъ? Нисколько. Тутъ одинъ только исходъ: слѣлать силу разумною для того чтобы она перестала быть орудіемъ въ чужихъ рукахъ и сама бы дѣйствовала съ сознаніемъ.

V

Уваженіе національнаго начала отнынѣ считается лучшимъ средствомъ къ устроивнію внутренняго государственнаго вопроса.

Судьба назначила нашему государству составиться на огромннхъ протяженіи изъ различныхъ народностей и различныхъ краевъ.

Пока все у насъ дремало, дремалъ и вопросъ о своеобразностяхъ, которыми полна Россія. Но лишь только повѣло дыханіе жизни, какъ этотъ вопросъ выступилъ на сцену...

Обрѣсвалось «государство» и «земство», политическое и народное начало. Земская, мѣстная жизнь заявила кое-какія свои желанія и централизаторы сейчасъ же наупустили на нее свои стрѣлы. Развѣтіе мѣстной жизни, признаніе правъ ея на самоуправленіе, на образованіе, на свободное употребленіе своего мѣстнаго языка и мѣстнаго капитала, — говорить — убьетъ государственное единство.

«Всякій благонамѣренный (?) сынъ отечества долженъ стараться — говорить «Вѣстникъ югозападной и западной Россіи» г. Говорскаго — *сглаживать и округлять* областныя угловатости и шероховатости, мѣшающія тѣсному сближенію частей, составляющихъ одно цѣлое.»

Сглаживать и округлять! Если не ошибаемся, дѣло идетъ о процессѣ, начинающемся съ «подстречь, побрить, усъ направить, моделью поставить», и кончающемся фигурами на циркулярныхъ выгнѣскахъ, которыя до гнущести всѣ похожи другъ на друга. Нечего и говорить о томъ, что подъ областною угловатостью и шероховатостью подразумѣваются... языкъ народа, его нравы, бытъ и мѣстныя стремленія.

Напримѣръ загляните хоть въ «Библиотечку для чтенія» (№ 12 и № 1, 1863 г.) гдѣ упражняется вѣято г. Щегловъ въ невѣроятныхъ попыткахъ доказать, что украинское нарѣчіе, языкъ всей южной Россіи, есть жаргонъ, который бы всего лучше уничтожить (Зачѣмъ непременно: *уничтожить*? К чему непременно уничтоженіе, насиліе? Что за страшные мы деспоты на каждомъ шагу!). Напрасно филологи трудились доказывать, что украинское нарѣчіе есть такое же самостоятельное славянское нарѣчіе, какъ и великорусское, польское, сербское, чешское и т. д. Господа, обязанные ежемѣсячно поставлять въ журналъ всякую всячину, конечно не имѣютъ досуга справиться съ рѣшеніями специалистовъ. Сей же самый г. Щегловъ принялъ горячо къ сердцу государственное единство, точно оно въ самомъ дѣлѣ сирота беззащитная, и ради него напускается на всякую живую струю мѣстной жизни... «Наше государственное единство — говорить онъ («Биб. д. Чт.» 1863, № 1) — есть дѣйствительно великое и почти единственное благо, приобретенное нами въ 1000 лѣтъ исторіи, переволненной бѣдствіями и страданіями народа.»

М. г., да какъ же вы того не разсудили, что сами себя путаете. Вѣрнѣе, если это почти *единственное* благо, то пора же напо-

нѣтъ подумать и о другихъ, чтобы оно не было единственныиъ; восторжѣвъ, благо вто, гонорите вы, приобрѣтено мѣною бѣдствій и страданій народа; пора наконецъ подумать и объ уменьшеніи этихъ бѣдствій, а для него нѣтъ другого средства какъ развитіе мѣстной жизни, до сихъ поръ заглушаемой государственною.

Да и какой это жаргонъ, которымъ говорятъ до 14 мил. людей, за который два вѣка сряду велись кровавыя войны, на которомъ выросъ цѣлый духовный міръ пѣсенъ, преданій, сказокъ, думокъ, легендъ, въ которомъ воплотились особенности характера, быта и чувства цѣлаго народа, успѣвшаго сохранить свою національность брела ударомъ католицизма и муульмачества, то-есть среди дѣлхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. На этомъ жаргонѣ образовалась цѣлая литература съ именами Шевченки, Квитки (Олеонашенки), Котляревскаго, Гулака-Артамовскаго, Іеремія Галки, Марко Вовчка, на немъ издавался журналъ «Основа», имъ говорятъ почти весь югъ и югозападъ Россіи...

Все это излоръ, говорятъ. Даже столь почтенный органъ, какъ «День», до того фантастически предался идее государственнаго единства, что попытка развитія мѣстной жизни на Украйнѣ считаетъ прелечкою сепаратизма... О, центрующіе!

Отчего мѣстное самоуправленіе Финляндіи, у остзейскихъ губерній не колетъ имъ глаза? Отчего развитіе національнаго чувства у чеховъ, сербовъ, словаковъ, русиновъ считаютъ оди благопріятнымъ дѣлу славянъ; а у себя дома — проповѣдуютъ благоцѣною бѣдствій и страданій народа?

Неужели этимъ бѣдствіямъ суждено быть вѣчными въ глазахъ нашихъ испугавшихся государственниковъ? Вѣдь дѣло идетъ пока только объ обученіи народа на его мѣстномъ нарѣчій, которое онъ лучше понимаетъ нежели всякое другое. На этомъ основаніи на примѣръ архіепископъ черниговскій Филаретъ целанко сдѣлалъ распоряженіе по епархіи объ обученіи народа въ школахъ, солержавныхъ духовенствомъ, на мѣстномъ (малорусскомъ) нарѣчій, которое народу понятнѣе чѣмъ великорусское. Доволь самый прстой и законный въ глазахъ тѣхъ, которые дѣйствительно, не да словахъ только, желаютъ просвѣщенія народа. Даже само правительство давно признавало разумность этого довода, и бажется въ настоящее время намѣрено придать ему практическое значеніе. По крайней мѣрѣ вотъ что гоноритъ объ этомъ коммиссія, занимающаяся составленіемъ провита устава о народныхъ училищахъ;

«Представляется естественнымъ требованіе (?) чтобы всѣ жители имперіи знали господствующій языкъ русскій; на такое требованіе едвали можно настаивать въ отношеніи ко войнъ и народцамъ...»

щизнъ въ мѣстностяхъ, гдѣ русскій языкъ вовсе не употребляется. Поэтому въ настоящее время во всѣхъ народныхъ училищахъ острзейскаго края русскій языкъ вовсе не преподается. Но есть мѣстности, гдѣ господствующее нарѣчіе подходитъ къ русскому, т. е. великороссійскому языку, какъ напримѣръ Малоруссія и Бѣлоруссія, гдѣ кому же и вѣра общая съ населеніемъ остальной имперіи. Въ такихъ мѣстностяхъ кажется *весьма важно начинать ученье въ народныхъ училищахъ на мѣстномъ нарѣчій и затѣмъ уже переходить постепенно къ собственно русскому языку.* Иначе первое ученіе составитъ изъ механическаго заучиванія малоизвѣстныхъ словъ, притупляющаго и отвращающаго отъ школы дѣтей, что было бы очень вредно по причинамъ политическимъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ народная школа является и представляетъ русскаго элемента и средствомъ русскаго вліянія. *Въ уставѣ 1804 г. весьма благоразумно въ уездныхъ училищахъ полагалось преподаваніе, кромя русской грамматики и грамматики мѣстнаго языка.*

Такъ выражается объ этомъ комисія; а вотъ нѣкоторые наши газеты не могутъ дойти даже до этого уровня и въ дѣлѣ признанія народныхъ правъ желали бы повернуть его на болѣе ретроградный путь; ихъ ужасаетъ даже либерализмъ правительства. По поводу напечатанной въ № 296 «Сѣв. Пчелы» (1862 г.) замѣтки о проектѣ редактора «Польской газеты», г. Крашевскаго касательно учрежденія при главной школѣ въ Варшавѣ особой кафедры для литовскаго языка, газета «Русскій вѣстникъ» вводитъ къ слѣдующимъ соображеніямъ:

«Должно ли разьединеніе племенъ составлять цѣль стремленій людей просвѣщенныхъ, желающихъ добра всему человѣчеству? (вотъ куда метнули — всему человѣчеству!) Это такой вопросъ, надъ которымъ нечего и задумываться. Къ такой ли цѣли стремились и нынѣ еще стремятся народы, которые въ настоящее время называются просвѣщенными? Такому ли стремленію обязаны своею плотностью Франція и Великобританія? Этими ли путемъ идутъ къ снитію въ единое могущественное цѣлое разстрепанные на клочки Германія и Италія? Съ какой же стати въ русскомъ государствѣ хлопотать о созданіи новыхъ литературъ вродѣ литовской? *Не проще ли гораздо литвинамъ оставаться при литературѣ польской, а если она не по вкусу (!) большинству населенія Литвы (что за варварскія понятія!), то сохранивъ для домашняго обихода своего литовскій языкъ и грамотность, продолжать (?) дальнѣйшее свое научное развитіе рука объ руку съ литературою русскою, подобно тому, какъ Провансъ, Гасконъ, или Бретань и Альбасъ, не отказываясь отъ мѣстныхъ нарѣчій въ провинціальной сельской сферѣ народной жизни, усвоили себѣ книжный французскій языкъ, общій всѣмъ департаментамъ французскаго государства? Вопросъ этотъ столь серьезень, что о немъ не мѣшало бы по-*

думать (успокойтесь: уже думали)... Политико-экономисты хлопчуть о единствѣ мѣръ, вѣсовъ и монетъ на всемъ земномъ шарѣ; математики и химики давно уже согласились въ единообразіи условныхъ знаковъ въ своихъ научныхъ выкладкахъ; инженеры признали выгоду одинаковаго разстоянія между рельсами на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ, дипломаты приняли одинъ общій французскій языкъ для международныхъ сношеній, а *дрые журналы* (?) провозятъ мысль о размноженіи литературныхъ языковъ, вѣроятно забывъ глубокую науку, заключающуюся въ мифѣ о вавилонскомъ столпотвореніи.

Милостивый государь, поборникъ и ревнитель блага *всего* человечества, вы забываете въ вашихъ многотрудныхъ заботахъ, что мѣры, вѣсы, монеты, знаки, рельсы, и т. п. — вещи и притомъ неодушевленные, съ которыми можете обращаться весьма свободно, а языкъ, люди, характеры, фizioноміи — не вещи, которыя можно прикомандировывать къ какой-нибудь ротѣ, или *если это имъ не по вкусу*, — какъ это мило! — то приказать имъ продолжать свое шествіе съ полкомъ. Что же касается до вашихъ тревогъ насчетъ разъединенія племенъ, то и объ этомъ ужъ давно думали люди, ве меньше вашего расположенные къ человечеству, но только болѣе васъ разсудительные... Не языки, сударь мой, раздѣляютъ племена, а *взаимныя стѣсненія въ развитіи, недоброжелательныя виды честолюбцевъ, и разныя другія причины.*

• *Национальности примиряются свободою и самоуправленіемъ; онѣ становятся во враждебныя отношенія вслѣдствіе гнета, преслѣдованій, униженія. Опытъ доказалъ, что свободныя учрежденія страны, политическая равноправность народностей всегда вѣрно ведутъ къ ихъ сближенію. Въ Англии скоро исчезло различіе между саксами и норманами; шотландцы не отличаютъ себя отъ англичанъ; между швейцарскими національностями нѣтъ антагонизма. Предоставляя времени и вліянію государственныхъ учреждений сплотить различныя народности въ одно цѣлое, правительство лучше всего достигаетъ цѣли, если не вызываетъ борьбы и не подновляетъ рѣзкихъ граней народности. Другая политика ведетъ и къ противоположнымъ послѣдствіямъ.* (Теорія нап. въ межд. правѣ. М. Капустинъ.)

Нашихъ нивеллаторовъ вѣроятно соблазняетъ фраза Дж. С. Милля: «все что дѣйствительно ведетъ къ сѣтшенію національностей и къ соединенію ихъ особенностей въ одно цѣлое, составляетъ благо для человечества (J. S. Mill. on repres. gov. 1861). Но они должны помнить, что къ такому результату ведетъ только развитіе мѣстной свободы, и что Милль не говоритъ объ уничтоженіи, а объ *соединеніи* національныхъ особенностей въ одно цѣлое. Англійскій писатель до того уважаетъ свободу мнѣній и вѣрованій (а стало-быть и народныхъ своеобразностей), что признаетъ напиримѣръ за

мормонамъ право политической независимости даже на чужой территории (J. S. Mill. on liberty. 1859).

Будете стѣснять и сближать насиліемъ, — будутъ васъ ненавидѣть и смотрѣть отъ васъ въ сторону. Чѣмъ больше стѣсненія тѣмъ больше будетъ и ненависти. И до того раздуется ненависть, что даже въ безсильномъ родится сила, чтобъ выждать удобный случай, дать вамъ отпоръ. Совсѣмъ другое если вы будете дѣйствовать не стѣсненіемъ и насиліемъ, а уважая обычаи, особенности другого языка и другого племени, гарантируя ихъ вашей силой отъ враждебныхъ вліяній и дѣйствуя благодѣтельно, защитительно, гуманно, съ любовью. Тогда увидятъ, что съ вами, подъ вашимъ покровительствомъ, хорошо жить и плотно прикнутъ къ вамъ. Любовь, привязанность создаются свободно, а не насиліемъ. Это гораздо прочнѣе, а то искусственнѣе и опаснѣе. «Насильно милъ не будешь.» Взгляните на Австрію. Любя васъ и подражать будутъ вамъ. Даже примутъ и усвоить мало-помалу вашъ взглядъ, ваше міросозерцаніе, а затѣмъ пожалуй и вашъ языкъ, хоть отчасти затѣмъ и ваши обычаи, и кто знаетъ, можетъ впоследствии и сольются съ вами свободно въ одно цѣлое, во всемъ въ чемъ только можно слиться, и сольются отъ глубокаго къ вамъ уваженія. Вы нравственно непримѣтно ихъ захватите. Даже непремѣнно такъ будетъ. Но слитіе это будетъ свободное, а слѣдственно если только совершится оно, то будетъ новымъ, прогрессивнымъ фазисомъ развитія отдѣльнаго отъ васъ племени... А насиліемъ пичего не сдѣлаешь. Только враговъ навянешь. И не было враговъ, такъ создашь и породивъ ихъ.

Приведемъ еще мнѣнія Ривля насчетъ значенія національностей въ международной жизни; не забудемъ только, что германскій мыслитель беретъ національность со стороны проявленій ея въ умственныхъ трудахъ.

• Умственный трудъ, въ которомъ особенно ясно проявляется связь между народнымъ духомъ и производствомъ, который такъ могущественно дѣйствуетъ на пробужденіе народнаго сознанія, служить въ одно и то же время элементомъ, соединяющимъ и раздѣляющимъ народы. • Въ духовномъ трудѣ не только *раздѣленіе* народовъ является во всей ясности, но и *единеніе* народовъ образованныхъ. • Посредствомъ произведеній духовнаго труда, возрастающихъ до всемірно-историческаго значенія, народъ проявляетъ себя какъ великую державу цивилизаціи между народами; эти произведенія, этотъ трудъ, рѣзче всего раздѣляя народные характеры, въ то же время крѣпче всего связываютъ образованный міръ въ одно цѣлое. •

И такъ національное начало, проявляясь въ трудѣ, создаетъ

личности, которыми *нѣбогѣ и раздѣляется и соединяется ширѣ*. Публицисты à la Собакевичъ, которымъ «но шнѣ барана, — такъ шего барана левая на столѣ», не играютъ такая двуличная роль; они говорятъ: «что такое?.. по шнѣ раздѣлять — такъ раздѣлять, соединять — такъ соединять, что-нибудь одно, а не то и другое шнѣсть... гдѣ намъ до этихъ нѣмецкихъ тонкостей?» А между тѣмъ дѣло очень просто.

Образованіе напрымѣръ играетъ такую же двуличную роль: оно обозначаетъ личности, и выдѣляетъ, обособляетъ ихъ изъ толпы; человекъ, сознавшій свою личность, уже тѣмъ навсегда и созналъ себя отдѣльной во всемъ отъ другихъ единицей; это чувство личности раздѣляетъ образованныхъ людей въ томъ смыслѣ, что каждый изъ нихъ отдѣльный организмъ съ своими правами и законами, и смѣшать ихъ или слить воедино *никакъ нельзя*, какъ нельзя смѣшать въ одно или слить двухъ растений: ромашку и крапиву. Все что вы, публицисты à la Собакевичъ, можете сдѣлать, это — изрѣзать, высушить, истолочь эти растения, и потомъ смѣшать ихъ. Но развитое чувство личности вовсе не дѣлаетъ людей врагами; напротивъ оно соединяетъ ихъ на множествѣ пунктовъ, приводитъ къ взаимному пониманію и признанію правъ, и допускаетъ тотъ разумный союзъ, при которомъ люди могутъ дѣйствовать во имя идей всего человечества и становиться космополитами, не переставая быть личностями (индивидуальными, или національными).

Толпа (сумма безличностей) не можетъ даже дѣйствовать, какъ только за себя и за свои предразсудки: у нея нѣтъ ключа для разумѣнія другой толпы и ея предразсудковъ, а стало-быть нѣтъ и пунктовъ примиренія.

Если мы припомнимъ теперь все что дало намъ національное начало, поставленное на почву политики (или государственности), то выходитъ только одно вѣрнѣе, именно: что оно представляетъ силу, связующую массу народа въ группу съ общими знаменами. Знамя это — общее прошлое, общие труды, общая воля и общія проявленія народного характера въ производимыхъ трудахъ, въ законахъ, въ нравностяхъ и бытовомъ устройствѣ. Сила эта не есть величина данная отъ вѣка, или готовая: она сама развивается подъ вліяніемъ чувства самохраненія народовъ; то-есть отъ историческаго счета и насилія, и играетъ въ ихъ жизни такую же роль, какъ развитіе чувства личности въ жизни отдѣльнаго человека. Подъ вліяніемъ этой силы стали обособляться въ человечествѣ отдѣльныя группы или народныя личности, — національности. Хорошо ли это или дурно — о томъ странно было бы рассуждать; это

необходимый процесс развитія всякаго организма, начинающійся съ ячейки и переставляя ячеекъ въ какую-нибудь форму. Человѣчество разбилось на большія и малыя семьи, изъ которыхъ у каждой своя земля в своей центрѣ тяжести; не будь этихъ меньшихъ центровъ, не было бы и большихъ. Каждая семья — въ своемъ родѣ клѣточка (ячейка) съ своимъ организмомъ и своею жизнью; связь ихъ — общіе для всѣхъ законы природы, съ помощью которыхъ масса клѣточекъ составила полный организмъ; уничтожая клѣточки, мы уничтожаемъ и организмъ.

Такимъ образомъ связь между національностями — общее чувство справедливости, взаимное признаніе правъ и обоюдное уваженіе; раздѣляющимъ началомъ является нарушеніе правъ съ чьей-либо стороны, выражающееся въ нападеніи и защитѣ. Пока національности не обозначались, трудно рѣшить въ подобной борьбѣ кто правъ, кто виноватъ; но когда они обрисовываются или уже обрисовались, тогда предъ нами начинается происходить борьба идей (ибо національность безъ идеи, хотя бы и не сознанный, немьслима), и мы въ состояніи уже распредѣлить наши сочувствія, а стало-быть находить праваго и виновнаго. Но въ исторіи до сихъ поръ не было ни правыхъ, ни виноватыхъ: одинъ фактъ былъ правъ, или что то же — всѣ были правы, и нападающіе и защищающіеся. Подъ вліяніемъ войнъ между народами, обозначались, развивались и умиралли національности древняго міра, каковы: греческая, египетская, персидская, ассирійская, карфагенская и т. д. Но они умирали, уступая преимуществу социальныхъ идей, и оставляя за собой духовное наследіе, которое воспринимали въ себя послѣдующія національности. Преимущество это было не отвлеченное, а историческое, преимущество результата предъ причиною; центры цивилизаціи постоянно мѣнялись и переходили съ мѣста на мѣсто, каждый разъ во имя новаго социального начала; нравственные же и духовные результаты прошлой жизни не исчезали безслѣдно, а входили въ число элементовъ новой цивилизаціи. Развитіе историческихъ событій было расширеніемъ театра войны, или расширеніемъ добытыхъ уже вачалъ цивилизаціи на большее число народовъ. Начало личной и гражданской свободы наиримѣрь извѣстно было и въ древнемъ мірѣ: ею пользовались и египетскіе жрецы, и греческіе граждане и римскіе патриціи, но этимъ началомъ пользовались по праву рожденія и касты, и дѣлали изъ него монополію привилегированныхъ классовъ. Если монополія была законна, то и рабство было законно. Эти идеи разбило христіанство, провозгласившее равенство людей предъ вѣчнымъ закономъ; но оно сдѣлалось дѣствіемъ нравственнаго міра, и еще не извѣстило ощути-

тельно хода социальной задачи, хотя и приготовили для нея широкия основы въ будущемъ. Политическая исторія продолжала состоять въ раздробленіи монополій между большимъ числомъ рукъ въ то самое время какъ религія являлась связующимъ звѣномъ для нихъ. Монополія господства Рима разбилась между народами Германіи и Галліи; въ самой средѣ народовъ монополію господства раздѣляли между собою князья и вассалы. Избѣгая утѣшеній послѣднихъ, города и общины со своей стороны добивались мѣстныхъ монополій. Среди такихъ домогательствъ и столкновения выросла монархическая власть, гражданственность и политическія формы государствъ. Идеями христіанства также воспользовались для созданія разныхъ видовъ монополій. Словомъ, исторія представляетъ намъ постоянное раздробленіе монополій между большимъ числомъ рукъ; но такъ какъ въ политической исторіи всегда дѣйствовали группы, то эти частицы монополій доставались отнюдь не на группы, и стало-быть попадали лишь въ руки представителей власти группъ, а не всего народа, и внутренній вопросъ не улучшался, а развивался только международный вопросъ. Такъ точно и христіанство до сихъ поръ мало помогло внутреннему европейскому вопросу, а помогло только отбиться Европѣ отъ Азіи, то-есть отъ мусульманства, выросшаго на азіатской почвѣ. Католичество спасло западъ Европы отъ аравитянъ, православіе спасло востокъ Европы отъ монголовъ и татаръ. Одряхлѣвшая Византія представила туркамъ брешу, чрезъ которую они ворвались въ Европу, и заняли лучшій ея уголокъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ христіанство помогло не въ качествѣ нравственнаго, а политическаго начала, успѣшнаго привести воображеніе и страсти европейскихъ народовъ къ одному знаменателю. Вѣдѣль освобожденія гроба господня въ Иерусалимѣ отъ мусульманъ всѣ европейцы были *одного мнѣнія*, именно: что это — святое дѣло. Вотъ и начались крестовые походы, этотъ *международный вопросъ*. Рыцари, вассалы и народы погибли въ пустыняхъ Палестины сотнями тысячъ; гроба господня не освободили, — а въ Европѣ, результатомъ всего, усилилась монархическая власть, т. е. выступила на сцену европейскій политическій, *международственный вопросъ*. Союзъ католичества съ монархіей довелъ народы до невысшаго состоянія, и вызвалъ протестъ: лютеранство и тридцатилѣтнюю войну. Вотъ пока политическая роль христіанства въ международномъ вопросѣ Европы. До сихъ поръ оно мало принимало участія въ внутреннемъ устройствѣ политическихъ обществъ, и являлось лишь связующимъ, а не устрояющимъ, болѣе политическимъ, нежели нравственнымъ началомъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что придетъ

время, когда идеи христіанства начнутъ устранять и внутренній бытъ общества, до сихъ поръ однакожь этого не было.

Въ настоящее время чувство сознанія начало наконецъ пробуждаться и въ массахъ, которыя стали чувствовать себя національ-вестями: для этого достаточно уже поработала политика, цивилизація и разныя гнеты. Пренія пружины поистерлись: международныя отношенія теперь желаютъ устроивать на основаніи національнаго начала. Для этого кстати и созрѣли уже многія національности въ Европѣ. Итальянскій публицистъ Манчини, впервые положившій національность въ основу международного права, не ограничиваетъ ее однакожь естественными и историческими условіями, общностью территоріи, происхожденія и языка. «Эти элементы», говоритъ онъ, составляютъ бездушное тѣло, способное къ жизни, но еще безъ ея духа. Въ чемъ же можетъ состоять этотъ живой духъ, это божественное завершеніе народнаго бытія, это начало видимаго существованія націй? Его составляетъ — *сознаніе національности*, чувство, которое она имѣетъ о самой себѣ, и которое дѣлаетъ ее способною сложиться внутри и проявить себя извнѣ».

Такое сознаніе дѣлаетъ національность обязательною для международного права: человѣчество обязано признать ее, если не желаетъ совершать акта грубаго насилія.

Но откуда же берутся эти національности: создаются ли онѣ государственностью, политикою, международнымъ правомъ, теоріями публицистовъ? Нисколько. Онѣ имѣли свою исторію и росли среди треволневій исторіи, мало замѣчаемыя государственными людьми. Дѣло въ томъ, что еслибъ мы въ самомъ дѣлѣ, а не офіціально только, захотѣли имѣть исторію развитія человѣчества, то намъ нужно было бы прослѣдить исторію каждаго элемента и каждой стороны жизни отдѣльно. Мы получили бы тогда религіозную исторію каждаго элемента и каждой стороны жизни отдѣльно. Мы получили бы тогда религіозную исторію, церковную исторію, международную исторію, исторію развитія государствъ, исторію развитія власти, исторію народовъ (внутреннюю), исторію искусствъ, исторію умственной цивилизаціи, исторію развитія правъ гражданскихъ, исторію развитія идей личности, и т. д. Словомъ столько отдѣльныхъ исторій, сколько есть началъ цивилизаціи и прогресса. А до сихъ поръ мы знали только исторіи владѣтелей, войнъ и перетасовки пограничныхъ шлагбаумовъ на картѣ Европѣ...

Итакъ политическая исторія учитъ насъ, что національностямъ нужно (или выгодно), въ видахъ самохраненія національной свободы и признанія правъ своихъ, стремиться къ самосознанію, т. е.

развиваться, трудиться, выработать свою личность, и нравственные права въ ея защиту. Тогда международное право и политика признаютъ національность за державу, и дѣло обойдется безъ войнъ, безъ катастрофъ и насилій, хотя бы дѣло шло о національности и не большой по объему, а потому и слабой фвзически... *Дайте нравственные гарантіи сознанія національности, и всея уважатъ отнынѣ на всѣхъ политики, какъ бы вы ни были слабы физически, или величикою занимаемой вами территоріи.*

Вотъ главнѣйшій результатъ изъ всего того что мы говорили по поводу національнаго начала съ политической точки зрѣнія. Нѣтъ сомнѣнія, что съ нимъ вмѣстѣ мы приобретаемъ надежды на большую противъ прежняго устойчивость государствъ, ихъ границъ и интересовъ; болѣе естественныя отношенія, проникнутыя сознаніемъ, уваженіемъ и стремленіемъ къ международному миру, установятся тогда между государствами, ибо каждое изъ нихъ будетъ построено на *такомъ началѣ, которое заключаетъ уже въ себѣ прежнія начала, создавшія государства, и окончательно признано естими за законное и прогрессивное.* Въ самомъ дѣлѣ, въ національное начало входятъ уже какъ элементы и религиозное, и политическое, и нравственное, и социальное, и умственное, и этнографическое. Подъ вліяніемъ вождь этихъ началъ, занимавшихъ поочередно исторію, и образовались наконецъ ясно на континентѣ Европы многія національности. Дипломатія, принявшая къ руководству національное начало, уже должна будетъ равно признавать и гарантировать международную свободу всякой національности, великой и малой.

Итакъ вотъ въ чемъ отнынѣ прогрессъ: внутренняя національная работа, приобретение самосознанія и представленіе гарантій. Международный вопросъ ждетъ улучшенія только отъ развитія внутреннего вопроса каждой національности; въ ожиданія этого развитія будутъ прибѣгать еще и къ старымъ орудіямъ политики, гдѣ нельзя прибѣгнуть къ новымъ.

Стало быть чѣмъ скорѣе совершится это развитіе, тѣмъ лучше для всеобщаго мира и прогресса.

Вотъ въ этомъ—то внутреннемъ развитіи, въ стремленіи къ національному сознанію заключается теперь и наша русская работа, повелительно предписываемая эпохой.

Потому-то и идутъ кругомъ толки о нечвѣ, о народности, о національности и самопознаніи.

И. СОКАЛЬСКІЙ

СОДЕРЖАНІЕ

АПРѢЛЬ. № 4

Захолустье. (Повѣсть). К. Бавикова.	5
Въ лѣсной глуши. (Народныя сцены). Н. Полятава.	82
Отъ Петербурга до Екатеринослава. — III. Столкновение съ откупомъ. — Заготовленіе хлѣба — Берега Днѣпра. — Каневъ. — Пугало сепаратизма. — Деревни и села — Черкасы. — Кременчугъ. — Камня. — Екатеринославъ. — Общественная жизнь, общественные интересы, общественное мнѣніе. — Ярманка, театр, скачки. — Литературный вечеръ. — Окрестности Екатеринослава. — Степь. — Саранча. — Колоніи. — Инспекторскіе смотры въ нашей арміи. — Опросъ претензій. — Готовящіяся преобразованія по этой части — Днѣпровскіе пороги. — Лощана. — Старый казачій ходъ. — Новый ходъ каналами. — Камни. — Ненасытець. П. А. Бибилова	98
Руфь. Романъ мистриссъ Гескель (автора романа «Мери Бартоузъ») (съ англійскаго). Часть первая	142
Хуанъ (изъ драматическихъ сценъ Барри Корволя). Мих. Плещкаго	249
Цыганкѣ. Стих. В. В. Крестовскаго	262
Бѣдныя жильцы (физиологическій очеркъ). — Высокая любовь (повѣсть). Петра Горскаго	263
Слезы. Стих. В. В. Крестовскаго	295
Сквозь натаръ свѣча урюмо блестятъ... Стих. Людора Пальмина.	296

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Еще статья о новой книгѣ. (Сѣверно-русскія народоправства во времена удѣльно-вѣчеваго уклада, соч. Николая Костомарова. Спб. 1863. Два тома). Статья — Ми 1

Територіальная военная система. Статья вторая. П. А. Бибикова.	46
Нѣкоторыя черты изъ исторіи послѣпетровскаго времени по поводу книги г. Пекарскаго «Маркизь де-ла-Шетарди въ Россіи». Спб. 1862. Статья М. Родевича	63
Наши будущіе присяжные. Статья П. Ткачева	103
Иностранная литература. Преступленія и наказанія (эскизы изъ исторіи уголовного права). Les crimes et les peines dans l'antiquité et dans les temps modernes, étude historique par M. Jules Loiseleur. Paris 1863. — English convicts. The Westminster Review 1863. January. — Causes célèbres. — Système. Pénitentiaire par Gustave de Beaumont et A. de Tocqueville. — Dei delitti et delle pene, per Beccaria. Статья вторая. В. Погова	121
Роковой вопросъ. (Замѣтка по поводу польскаго вопроса) Русскаго	152
НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА (современныя замятки). Высочайшій манифестъ о прощеніи возмущившихся поляковъ. — Проектъ положенія о народныхъ училищахъ. — Заграничныя рабочіе, привозимыя въ Россію. — Способы пользованія помѣщичьими землями. — Обращеніе г. Каткова на путь докровительственной системы народнаго хозяйства. — Акцизный откупъ на добываніе и продажу соли. — Значеніе налоговъ. — Измѣненіе въ системѣ наказаній. — Всеподданнѣйшіе адреса различныхъ губерній и сословій. — Уясненіе отношеній между крестьянами и помѣщиками въ западныхъ губерніяхъ. — Пріступъ г. Костомарова къ дѣлу народнаго образованія въ южной Руси. — Южно-русская желѣзная дорога. — Мелочи нашихъ домашнихъ дѣлъ	164
ПОЛИТИКА. Общее положеніе. Мелкія дѣла, стоящія виѣ вопроса о польскомъ возстаніи. — Сущность европейскаго участія въ дѣлахъ повстанцевъ — Чего домогается каждая изъ принимающихъ участіе державъ. — Депеши къ князю Горчакову. — Отвѣты князя Горчакова. — Надежды.	210
Наши главные спорные пункты (статья первая). П. П. Сокольскаго	221

057

V957

1863

apr.

0111735775
COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES
BUTLER STACKS
* 0111735775 *

